

**ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ДРУЖБЫ НАРОДОВ.
СЕРИЯ: ТЕОРИЯ ЯЗЫКА.
СЕМИОТИКА. СЕМАНТИКА
2024 Том 15 № 3**

DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-3

<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantic>

**Научный журнал
Издается с 2010 г.**

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС. 77-61215 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

Главный редактор

Денисенко Владимир

Никифорович, доктор филологических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

E-mail: denisenko-vn@rudn.ru

Заместитель главного редактора

Новоспасская Наталья

Викторовна, кандидат филологических наук, доцент, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

E-mail: novospasskaya-nv@rudn.ru

Ответственный секретарь

Лазарева Олеся Викторовна,

кандидат филологических наук, доцент, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

E-mail: lazareva-ov@rudn.ru

Члены редакционной коллегии

Беднарова-Гибова Клаудиа, доктор филологических наук, доцент, Институт британских и американских исследований Университета г. Прешов, Прешов, Словакия

Болдырев Николай Николаевич, доктор филологических наук, профессор, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, Тамбов, Российская Федерация

Владимирова Татьяна Евгеньевна, доктор филологических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Джусупов Маханбет, доктор филологических наук, профессор, заслуженный профессор, Узбекский государственный университет мировых языков, Ташкент, Республика Узбекистан

Евграфова Юлия Александровна, доктор филологических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «МЭИ», Москва, Российская Федерация

Иванов Евгений Евгеньевич, доктор филологических наук, доцент, МГУ им. А.А. Кулешова, Могилев, Республика Беларусь

Карасик Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор, ГИРЯ им. А.С. Пушкина, Москва, Российская Федерация

Маслова Валентина Авраамовна, доктор филологических наук, профессор, Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, Витебск, Республика Беларусь

Монфорте Дюпре Роберто, доктор филологических наук, доцент, Университет Страны Басков, Витория-Гастейс, Испания

Новикова Марина Львовна, доктор филологических наук, доцент, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Поплавская Татьяна Викторовна, доктор филологических наук, профессор, Минский государственный лингвистический университет, Минск, Республика Беларусь

Синякин Владимир Павлович, доктор филологических наук, доцент, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Темиргазина Зифа Какбаевна, доктор филологических наук, профессор, Павлодарский государственный педагогический институт, Павлодар, Республика Казахстан

Цзюй Юнь Шэн, доктор филологических наук, доцент, Хэйлунцзянский университет, Харбин, Китайская Народная Республика

**Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: ТЕОРИЯ ЯЗЫКА. СЕМИОТИКА. СЕМАНТИКА**

ISSN 2313-2299 (Print); ISSN 2411-1236 (Online)

4 выпуска в год (ежеквартально).

<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantic>

Языки: русский, английский.

Индексируется в РИНЦ Научной электронной библиотеки, Scopus, DOAJ, Google Scholar, WorldCat.

Включен в каталог периодических изданий (Ulrich's Periodicals Directory:

<http://www.ulrichsweb.com>).

Материалы журнала размещаются на платформе Electronic Journals Library Cyberleninka.

Цели и тематика

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика» издается с 2010 г. и является периодическим рецензируемым научным изданием, входит в Перечень рецензируемых журналов ВАК РФ по специальности 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки). Журнал ориентирован на широкую международную аудиторию.

Журнал углубляет и разрабатывает вопросы общей теории языка; теории речевой деятельности; семиотических характеристик знаковых систем, единиц языка разных уровней и текста; семиотики и поэтики художественных текстов; функциональной семантики лексических и грамматических единиц. Журнал предлагает вниманию комплексное и сопоставительное исследование категорий и единиц языка. Общие цели и задачи издания включают интегральную характеристику символической и коммуникативной парадигм филологического и гуманитарного знания. В прикладном аспекте разрабатываются методология и комплексные методики теоретических исследований языка и социума, системной лингвистики; осуществляется языковое моделирование. В журнале также есть разделы «Рецензии», «Научные обзоры», «Научная хроника». Издание адресовано филологам и другим представителям гуманитарного знания. Его авторы — доктора и кандидаты филологических наук, аспиранты, докторанты России, ближнего и дальнего зарубежья.

Правила оформления статей и другая информация о журнале размещена на сайте: <http://journals.rudn.ru/semiotics-semantic/about>

Каждая статья рецензируется анонимно двумя экспертами. Редакционная коллегия принимает решение о публикации с учетом мнения рецензентов.

Электронный адрес: semioticj@rudn.ru

Литературный редактор К.В. Зенкин
Редактор англоязычных текстов О.Н. Колышева
Компьютерная верстка: И.А. Чернова

Адрес редакции:

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2
Тел.: +7 (495) 434-20-12; e-mail: semioticj@rudn.ru

Подписано в печать 15.09.2024. Выход в свет 30.09.2024. Формат 70×108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 26,60. Тираж 500 экз. Заказ № 1071. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» (РУДН)
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-08-61; e-mail: publishing@rudn.ru

RUDN JOURNAL OF LANGUAGE STUDIES, SEMIOTICS AND SEMANTICS

2024 VOLUME 15 No. 3

DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-3
<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics>

Founded in 2010

Founder: Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

EDITOR-IN-CHIEF

Vladimir N. Denisenko

RUDN University,

Moscow, Russian Federation

E-mail: denisenko-vn@rudn.ru

DEPUTY-EDITOR-IN-CHIEF

Natalia V. Novospasskaya

RUDN University,

Moscow, Russian Federation

E-mail: novospasskaya-nv@rudn.ru

EXECUTIVE SECRETARY

Olesya V. Lazareva

RUDN University,

Moscow, Russian Federation

E-mail: lazareva-ov@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

Kludia Bednárová-Gibová, University of Prešov, Prešov, Slovak Republic

Nikolay N. Boldyrev, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation

Tatyana E. Vladimirova, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Makhanbet Dzhusupov, Uzbek State World Languages University, Tashkent, Republic of Uzbekistan

Yulia A. Evgrafova, Moscow Power Engineering Institute, Moscow, Russian Federation

Evgeny E. Ivanov, Mogilev State A. Kuleshov University, Mogilev, Republic of Belarus

Vladimir I. Karasik, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russian Federation

Valentina A. Maslova, Vitebsk State University n.a. P.M. Masherov, Vitebsk, Republic of Belarus

Roberto V. Monforte Dupret, University of Basque Country, Vitoria-Gasteiz, Spain

Marina L. Novikova, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Tatiana V. Poplavskaya, Minsk State Linguistic University, Minsk, Republic of Belarus

Vladimir P. Sinyachkin, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Zifa K. Temirgazina, Pavlodar State Pedagogical University, Pavlodar, Republic of Kazakhstan

Ju Yunsheng, Heilongjiang University, Harbin, People's Republic of China

**RUDN JOURNAL OF LANGUAGE STUDIES,
SEMIOTICS AND SEMANTICS**
**Published by Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba (RUDN University),
Moscow, Russian Federation**

ISSN 2313-2299 (Print); ISSN 2411-1236 (Online)

Publication frequency: quarterly.

<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics>

Languages: Russian, English.

Indexing: Russian Index of Science Citation, Scopus, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory.

Electronic Journals Library CyberLeninka.

Aim and Scope

Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics deepens and develops aspects of general theory of language; theories of speech activity; semiotic characteristics of sign systems, language units of different levels and text; semiotics and poetics of literary texts; functional semantics of lexical and grammatical units. The journal draws a reader's attention to a comprehensive and comparative study of the language categories and units. The general goals and objectives of the journal include an integral characteristic of symbolic and communicative paradigms of philological and humanitarian knowledge. The articles cover methodology and complex methods of theoretical studies of language and society, develop system linguistics and carry out language modeling. The journal introduces sections Reviews and Events. The journal is addressed to philologists and other representatives of the humanities. Our author are Russian and international scientists and postgraduate students.

Submission requirements and stylesheet guidelines are available online: <http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics/about>

Each article is being reviewed anonymously (peer-reviewing) by two experts. The editorial board makes up a final decision on publication referring to the opinion of the reviewers.

Access to full-text files of issues and articles on the journal website is open to all users.

E-mail: semioticj@rudn.ru

Review Editor *K.V. Zenkin*

English Text Editor *O.N. Kolysheva*

Computer Design: *I.A. Chernova*

Address of the Editorial Board:

3 Ordzhonikidze St, Moscow, 117198, Russian Federation

Ph.: +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

Postal Address of the Editorial Board:

10 Miklukho-Maklaya St, bldg 2, Moscow, 117198, Russian Federation

Ph.: +7 (495) 434-20-12; e-mail: semioticj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University),

6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House:

3 Ordzhonikidze St, Moscow, 117198, Russian Federation

Ph.: +7 (495) 955-08-61; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ДИСКУРСИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА

- Гапутина В.А., Мамонтов А.С. (Москва, Российская Федерация).** Экологический курс в социальной сети «Telegram»: методы и средства речевого воздействия 631
- Денисова Г.Л. (Тольятти, Российская Федерация).** Репрезентация метафоры «БУДУЩИЕ СОБЫТИЯ – ВПЕРЕДИ» в немецкой политической карикатуре..... 646
- Ovagimian N.A., Kiose M.I. (Moscow, Russian Federation).** Event Construal through Spatial Relations in Science Documentaries: Language and Image (Конструирование событий через призму пространственных отношений в научно-популярном кино: язык и изображение) 664
- Hieronimus Canggung Darong (Bandung, Indonesia).** Illocutionary Acts in EFL Teaching: Balancing Authority and Engagement (Иллокутивные акты в обучении EFL: взаимодействие обучающего и обучающегося) 684
- Бочкарев А.И. (Новосибирск, Российская Федерация).** Актуализация социально ориентированного антиценностного концепта GREED в комическом дискурсе англоязычной лингвокультуры 701
- Алексеев А.Б., Сорокина Э.А. (Москва, Российская Федерация).** Стратегии власти в политическом дискурсе: анализ ситуации общения равноправных коммуникантов 715
- Прокофьева Н.А., Щеглова Е.А. (Санкт-Петербург, Российская Федерация).** Резистентность к возражению в научно-популярном дискурсе: продвигающий и новостной текст..... 735
- Kosichenko E.F. (Moscow, Russian Federation).** Proper Names in English Humorous Discourse: at the Crossroads of Fundamental Theories and Entertainment (Имя собственное в англоязычном юмористическом дискурсе: на пересечении фундаментальных теорий и развлечений) 755

СЕМИОТИКА И СЕМАНТИКА

- Селиверстова Е.И. (Санкт-Петербург, Российская Федерация).** Единицы культурного кода как выразитель авторского взгляда на мир в романе М. Степновой «Хирург» 771
- Вольская Ю.А. (Казань, Российская Федерация).** Ассоциативный эксперимент на материале рейтингов абстрактности/конкретности: сопоставительный аспект 786
- Эбзеева Ю.Н., Дугалич Н.М. (Москва, Российская Федерация).** Семиотика медицинского дискурса 802
- Pathan H. (Sohar, Oman), Alvi U.F. (Lahore, Pakistan), Aleksandrova O.I. (Moscow, Russian Federation), Sultana N. (Lahore, Pakistan).** Exploring Cultural Layers: Code-Mixing in Bepsi Sidhwa's "Ice-Candy-Man" (В поисках культурных слоев: смешение кодов в романе Бапси Сидхвы «Человек-леденец») 821

Чжан Кэ (Чанчунь, Китай), Денисенко В.Н. (Москва, Российская Федерация). Выражение, мышление и познание: истоки различий русского и китайского языка..... 841

Hamdan J.M., Riziq D.K. (Amman, Jordan). A Pragma-Semiotic Analysis of Headlight Flashing Used by Drivers in the Jordanian Context (Прагма-семиотический анализ сигналов фарами, используемых водителями Иордании) 856

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СЕМАНТИКА, ГРАММАТИКА И СТИЛИСТИКА

Solnyshkina M.I., Shoeva G.N. (Kazan, Russian Federation), Kosova K.O. (Moscow, Russian Federation). Towards a Taxonomy of Textbooks as a Genre: the Case of Russian Textbooks (На пути к систематике учебников как жанра: на примере российских учебников) 872

Джусупов М., Сапарова Н. (Ташкент, Республика Узбекистан). Сингармоническая фоностилика в сопоставлении с несингармонической на материале казахского и русского языков..... 895

Чеснокова О.С., Мартыненко И.А. (Москва, Российская Федерация). Языковые параметры национальной идентичности перуанцев через призму топонимии Перу 914

Маршевская В.В. (Гродно, Республика Беларусь). Особенности грамматического (видового) значения глагольных фразеологизмов белорусского языка 935

Кривошлыкова Л.В., Лебедев Л.В. (Москва, Российская Федерация). Репрезентация фотизмов в английских переводах романов В. Набокова «Дар» и «Камера обскура»..... 947

Базанова А.Е., Хамид Муса М.А. (Москва, Российская Федерация). Языковая игра в рекламе и ее влияние на потребителей..... 963

Лесников С.В. (Санкт-Петербург, Российская Федерация). Парадигматические отношения метаязыка металингвистики 974

Величенкова О.А. (Москва, Казань, Российская Федерация). Расстройства развития школьных навыков и фонологический дефицит: вопросы коморбидности..... 1000

Ларионова М.В., Мосина С.К. (Москва, Российская Федерация). Семиотика визуальной метафоры в мексиканском электоральном дискурсе: на примере президентской избирательной кампании 2024 г. 1021

CONTENTS

DISCURSIVE LINGUISTICS

- Gaputina V.A., Mamontov A.S. (Moscow, Russian Federation).** Environmental Discourse in the “Telegram” Social Network: Methods and Means of Speech Influence..... 631
- Denisova G.L. (Togliatti, Russian Federation).** Representation of Metaphor ‘FUTURE EVENTS ARE AHEAD’ in German Political Cartoons..... 646
- Ovagimian N.A., Kiose M.I. (Moscow, Russian Federation).** Event Construal through Spatial Relations in Science Documentaries: Language and Image 664
- Hieronimus Canggung Darong (Bandung, Indonesia).** Illocutionary Acts in EFL Teaching: Balancing Authority and Engagement 684
- Bochkarev A.I. (Novosibirsk, Russian Federation).** Actualization of the Socially Oriented Anti-Value Concept of GREED in Humorous Discourse of the English Linguistic Culture..... 701
- Alexeyev A.B. (Moscow, Russian Federation), Sorokina Ye.A. (Mytishchi, Russian Federation).** Strategies of Power in Political Discourse: Analysis of the Communicative Situation Between Equal Communicators 715
- Prokofeva N.A., Shcheglova E.A. (Saint Petersburg, Russian Federation).** Resistance to Objection in Nonfiction Discourse: Promotive and News Text..... 735
- Kosichenko E.F. (Moscow, Russian Federation).** Proper Names in English Humorous Discourse: at the Crossroads of Fundamental Theories and Entertainment 755

SEMIOTICS AND SEMANTICS

- Seliverstova E.I. (Saint Petersburg, Russian Federation).** Units of Cultural Code as an Exponent of the Author’s View of the World in M. Stepnova’s Novel “Surgeon”..... 771
- Volskaya Y.A. (Kazan, Russian Federation).** Associative Experiment on the Material of Abstractness / Concreteness Ratings: a Comparative Aspect..... 786
- Ebzeeva Yu.N., Dugalich N.M. (Moscow, Russian Federation).** Semiotics of Medical Discourse..... 802
- Pathan H. (Sohar, Oman), Alvi U.F. (Lahore, Pakistan), Aleksandrova O.I. (Moscow, Russian Federation), Sultana N. (Lahore, Pakistan).** Exploring Cultural Layers: Code-Mixing in Bepsi Sidhwa’s “Ice-Candy-Man” 821
- Zhang Ke (Changchun, China), Denisenko V.N. (Moscow, Russian Federation).** Expression, Thinking, and Cognition: Origins of Differences between the Russian and Chinese Languages 841
- Hamdan J.M., Riziq D.K. (Amman, Jordan).** A Pragma-semiotic Analysis of Headlight Flashing Used by Drivers in the Jordanian Context 856

FUNCTIONAL SEMANTICS, GRAMMAR AND STYLISTICS

Solnyshkina M.I., Shoeva G.N. (Kazan, Russian Federation), Kosova K.O. (Moscow, Russian Federation). Towards a Taxonomy of Textbooks as a Genre: the Case of Russian Textbooks.....	872
Dzhusupov M., Saparova N. (Tashkent, Republic of Uzbekistan). Synharmonic Phonostylistics in Comparison with Nonsynharmonic: on the Material of the Kazakh and Russian Languages.....	895
Chesnokova O.S., Martynenko I.A. (Moscow, Russian Federation). Linguistic Parameters of the National Identity of Peruvians through the Prism of Toponymy of Peru.....	914
Marsheuskaya V.V. (Grodno, Republic of Belarus). Features of the Grammatical (Aspectual) Meaning of Verbal Phraseological Units	935
Krivoshlykova L.V., Lebedev L.V. (Moscow, Russian Federation). Representation of Photisms in the English Translations of V. Nabokov’s Novels “The Gift” and “Laughter in the Dark”.....	947
Bazanova A.E., Mohamed Alsadig Hamid Musa (Moscow, Russian Federation). Language Game in Advertising and Its Impact on Consumers	963
Lesnikov S.V. (Saint Petersburg, Russian Federation). Paradigmatic Relations of the Metalanguage of Metalinguistics.....	974
Velichenkova O.A. (Kazan, Russian Federation). Specific Developmental Disorders of School Skills and Phonological Deficit: the Problems of Comorbidity	1000
Larionova M.V., Mosina S.K. (Moscow, Russian Federation). Semiotics of Visual Metaphor in Mexican Electoral Discourse: Case-Study of the 2024 Presidential Election Campaign.....	1021

ДИСКУРСИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА DISCURSIVE LINGUISTICS

DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-3-631-645

EDN: HSNCSN

УДК 811.161.1'42:502/504

Научная статья / Research article

Экологический дискурс в социальной сети «Telegram»: методы и средства речевого воздействия

В.А. Гапутина , А.С. Мамонтов Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, Москва,
Российская Федерация wwwgaputina@gmail.com

Аннотация. Тексты, освещающие проблемы экологии, выступают трансляторами социально значимой информации, конструирующей систему ценностных координат, и требуют всестороннего научного осмысления. Рассматриваются параметры экологического дискурса в социальной сети «Telegram». Актуальность исследования обусловлена необходимостью комплексного анализа корпуса новейших текстов, объединяющим тематическим компонентом которых является природа и охрана окружающей среды. Цель исследования — изучение экологического дискурса, репрезентируемого в аккаунтах эко-блогеров в русскоязычном сегменте социальной сети «Telegram», в аспекте реализации в нем приемов речевого воздействия на реципиента. Функциональная и содержательная сложность текстов, анализируемых в исследуемом дискурсивном пространстве, предопределила разнообразие используемых исследовательских методов: от непосредственного наблюдения, метода сплошной и случайной выборки, контент-анализа до лингвопрагматического и структурно-лингвистического анализа текстов экоблогов. Исследование экоблогов позволило выявить их специфику, а также спектр методов и средств речевого воздействия на уровнях композиции и содержания, используемых экоблогерами для того, чтобы оказать максимальное воздействие на мировоззрение и поведение адресата и побудить его к совершению активных действий в пользу сохранения чистоты окружающего мира.

Ключевые слова: блогинг, инфлюенс-маркетинг, экоблог, семиотика, контент-анализ, экоблогер, дискурсивное пространство

Заявление о конфликте интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: Вклад авторов равнозначен на всех этапах исследования.

© Гапутина В.А., Мамонтов А.С., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

История статьи:

Дата поступления: 01.06.2024

Дата приема в печать: 15.06.2024

Для цитирования:

Гапутина В.А., Мамонтов А.С. Экологический дискурс в социальной сети «Telegram»: методы и средства речевого воздействия // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 3. С. 631–645. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-3-631-645>

Environmental Discourse in the “Telegram” Social Network: Methods and Means of Speech Influence

Violetta A. Gaputina , Alexander S. Mamontov

State Institute of Russian Language named after A.S. Pushkin, *Moscow, Russian Federation*

 wwwgaputina@gmail.com

Abstract. Texts covering environmental problems act as translators of socially significant information that constructs a system of value coordinates and require comprehensive scientific understanding. The parameters of environmental discourse are considered in the «Telegram» social network. The relevance of the study is due to the need for a comprehensive study of the corpus of the latest texts, the unifying thematic component of which is nature and environmental protection. The purpose of the paper is to study the environmental discourse represented in the accounts of eco-bloggers in the Russian-language segment of the «Telegram» social network, in terms of the implementation in it of techniques of speech influence on the recipient. The functional and content complexity of the texts updated in the discursive space under study predetermined the variety of research methods used: from direct observation, continuous and random sampling, content analysis to linguopragmatic and structural-linguistic analysis of eco-blog texts. The study of eco-blogs made it possible to identify their specifics, as well as the range of methods and means of speech influence at the levels of composition and content, used by eco-bloggers in order to have a maximum impact on the worldview and behavior of the addressee and encourage him to take active actions in favor of preserving the cleanliness of the environment peace.

Keywords: blogging, infotainment-marketing, eco-blog, semiotics, ecological discourse, content analysis, eco-blogger, discursive space

Conflicts of interest: The authors declare no conflicts of interest.

Authors' contribution: The authors contributed equally to this article.

Article history:

Received: 01.06.2024

Accepted: 15.06.2024

For citation:

Gaputina, V.A. & Mamontov, A.S. (2024). Environmental Discourse in the “Telegram” Social Network: Methods and Means of Speech Influence. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 15(3), 631–645. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-3-631-645>

Введение

На сегодняшний день «Telegram» занимает четвертую позицию в рейтинге самых популярных интернет-ресурсов по объему дневной аудитории: 47 % населения старше 12 лет заходят в «Telegram» в средний день, 68 % — хотя бы раз в месяц¹. Изначально задуманный как мессенджер, «Telegram» превратился в полноценную социальную платформу, предоставив своим пользователям широкий спектр возможностей не только для общения, но и для самопрезентации, тиражирования контента, продвижения и продажи товаров и услуг, формирования лояльной аудитории. Ограничения в функционировании на территории РФ социальной сети-конкурента в марте 2022 г. явились поворотным моментом в увеличении охватов, приросте контента и пользователей «Telegram». Большинство блогеров стали использовать эту площадку в качестве альтернативной, за счет чего на ней появились нишевые (тематические) каналы о политике, здоровье, красоте, моде, путешествиях, спорте и мн. др. Среди множества подобных в последние годы стали набирать популярность такие их авторы, как *экоблогеры*, пропагандирующие экологичный образ жизни. Представляется необходимым исследование спектра лингвистических средств и приемов, которые используют экоблогеры для оказания воздействия на адресата, стимулирования к совершению активных действий в пользу сохранения чистоты окружающего мира.

Постановка проблемы

Проблемы экологии в наше время занимают одну из самых важных позиций. На протяжении последних десяти лет в РФ проводится большое количество экологических форумов и конференций. Самый популярный — Международный форум «Экология», впервые проведенный в 2010 г. в Санкт-Петербурге под эгидой Всероссийской политической партии «Единая Россия». В 2011 г. по инициативе государства была создана технологическая платформа «Технологии экологического развития»² [2], объединившая ведущие организации со стороны бизнеса, науки и образования в области рационального природопользования и экологической безопасности. 2017 г. был объявлен годом экологии в РФ, что обусловило появление большого объема текстов, объединяющим тематическим компонентом которых является природа и охрана окружающей среды. Основной средой их широкого распространения стала медиасфера и такие ее акторы, как политики, журналисты, бизнесмены, специалисты в области здравоохранения. К ним примыкает объединение экологов-инфлюенсеров, пропагандирующих идею защиты окружающей среды в блогах и социальных сетях.

¹ Аудитория Telegram. Отчет по данным Mediascope. Январь 2024. Режим доступа: <https://mediascope.net/news/1776850/> (дата обращения: 29.03.2024).

² Технологии экологического развития. Режим доступа: <http://techno-eco.ru> (дата обращения: 29.03.2024).

Представляя собой социально-культурную ценность, а также относительно новый для лингвистического исследования объект, интернет-тексты, освещающие проблемы экологии, требуют востороннего научного осмысления. В задачи авторов настоящей статьи входит исследование таких текстов, актуализируемых на платформе социальной сети «Telegram», сквозь призму используемых в них лингвистических средств и приемов, которые обладают речевоздейственным потенциалом.

Методологическая база исследования

Всестороннее изучение коммуникации в социальных сетях на сегодняшний день является одним из самых популярных направлений в медиалингвистике. Предметом исследования ученых выступают жанровые характеристики сетевого дискурса [1; 2], функциональная природа хэштега как операционального инструмента социальных сетей [3; 4], языковые особенности коммуникации в социальных сетях [5; 6], модели речевого поведения языковой личности [7; 18], стратегии и тактики SMM-продвижения [9; 10]. Кроме того, лингвисты исследуют дискурсы различной тематической направленности, актуализируемые в пространстве социальных сетей: политический [11], медицинский [12; 13], спортивный [14], косметологический [15], феминистский [16], дискурс моды [17] и др.

Экологический дискурс, инкорпорируемый в коммуникацию на платформе социальных сетей, еще не становился объектом детального лингвистического исследования, что предопределяет необходимость его изучения. Определяя экологический дискурс как «совокупность устных и письменных высказываний различных стилей и жанров в социально значимых ситуациях общения на экологические темы» [18. С. 8], в данном исследовании мы рассматриваем его как часть медийного (интернет) экологического дискурса, имеющего ярко выраженную экологическую целеустановку [19], заключающуюся в стремлении агентов дискурса (экоблогеров) создавать, сообщать и продвигать экологические знания для сохранения природы на планете и улучшения жизни людей [20. С. 90].

Цель и материал исследования

Цель настоящего исследования заключается в изучении экологического дискурса, репрезентируемого в аккаунтах экоблогеров социальной сети «Telegram». Материалом для исследования послужили специализированные телеграм-каналы (ТГК): *Эколог Жора Каваносян* (<https://t.me/ecozhora>), *Экология* (<https://t.me/ecomisli>), *Ведро с газеткой* (<https://t.me/imorganicblog>), *Дьявол носит тамблер* (t.me/thedevilcarriescups), *Noplasticfantastic* (https://t.me/zerowaste_russia), *Зеленый драйвер* (<https://t.me/greendriver>), *Экология жизни* (t.me/ecolife), *Pokolenie Zero* (https://t.me/pokolenie_zero), *ШЭР / Шеринг*.

Экология. Рациональность (t.me/etosher). Анализу подвергнуто более 300 постов, содержащих вербальный контент.

Основное внимание уделяется средствам и методам речевого воздействия, которые используются экоблогерами для оказания влияния на целевую аудиторию. Под речевым воздействием понимается «влияние, оказываемое субъектом на реципиента с помощью лингвистических, паралингвистических и нелингвистических символических средств в процессе речевого общения, отличающееся особыми предметными целями говорящего, которые включают изменение личностного смысла того или иного объекта для реципиента, перестройку категориальных структур его сознания, изменение поведения, психического состояния либо психофизиологических процессов» [21. С. 39]. При анализе методов и средств речевого воздействия мы будем опираться на классификацию, разработанную Э.И. Глинчевским [22].

Методы исследования

Функциональная и содержательная сложность текстов, актуализируемых в исследуемом дискурсивном пространстве социальной сети «Telegram», предопределили разнообразие используемых исследовательских стратегий и методов: от непосредственного наблюдения, метода случайной и сплошной выборки, контент-анализа до лингвопрагматического и структурно-лингвистического анализа поликодовых текстов исследуемых ТГК.

Дизайн и контент эко-блогов в «Telegram»

Оформление ТГК включает в себя «шапку» профиля (био) и публикации в ленте, содержащие множество мультимедийных элементов (фотографии, картинки, голосовые сообщения, видео в формате «shorts», гиперссылки, эмодзи и др.) и предполагающие наличие обратной связи с аудиторией (комментарии, реакции, голосования). В описании ТГК, как правило, указано имя (реальное или вымышленное) его автора/ авторов, род деятельности, содержится описание контента («*Блогер и журналистка Настя Приказчикова. Практикую минимализм и zero waste, улучшаю жизнь через экопривычки*»; «*Ваш Telegram-проводник в мир экологии. Публикую интересные новости на тему сохранения природы. Пугаю экологическими катастрофами из-за природных и техногенных катаклизмов, даю советы, как не задохнуться от мусора в городах*»), размещены ссылки на смежные аккаунты и интернет-сайты («*Тот, кто расследовал катастрофы на Камчатке и в Норильске. Мой youtube: <https://youtube.com/@sortirovochnaya>. Запросы СМИ и по остальным вопросам: @time11 george@kavanosyan.ru. Реклама на канале: @Ann_Law*»). Таким образом, позиционирование авторов ТГК можно охарактеризовать как профессиональную самопрезентацию.

Публикации в исследуемых ТГК в основном построены по принципу журналистской статьи и характеризуются наличием заголовка, разбиением

на абзацы или маркированные списки, однако встречаются и лаконичные посты, состоящие из одного предложения (как правило, это комментарий к визуальному компоненту — фото, видео, мему) либо совсем не содержащие вербальной части.

Жанрово-тематическая палитра постов достаточно разнообразна; в них содержатся:

1. фрагменты постсобытийного дискурса как отклик на произошедшее в экосфере («*От разлива азотистых удобрений в штате Айова (США) погибло почти 80 тыс. рыб*»);
2. новостные сообщения о достижениях в области науки и цифровых технологий («*Швейцарские ученые вдохновились науками и придумали робота-авокадо для мониторинга окружающей среды*»);
3. анонсы реализуемых экопроектов и проводимых благотворительных акций («*Бесплатные многоразовые стаканы для кофе раздают в Екатеринбурге: в городе действует уникальный для России проект капишеринга «Верни стакан»; «В Петербурге проходит акция «Елки, палки и щепка» по сбору новогодних елок*»);
4. инструктивные сообщения, в которых указывается алгоритм «экологических» действий («*Читайте составы. В органической косметике не будет парабенов, синтетических отдушек, синтезированных красителей и ароматизаторов, продуктов переработки нефти, агрессивных очищающих компонентов (SLS). Вместо них — природные консерванты, натуральные ароматизаторы и красители, растительные и эфирные масла. Обращайте внимание на активные компоненты, которые и дают необходимый эффект, на их концентрацию и на критичные компоненты — их в составе быть не должно*»);
5. подборки и обзоры различных артефактов, связанных с экологической тематикой («*Папе, брату, другу, любимому — что точно понравится мужчине из экологических товаров?*»);
6. личный опыт экоблогера («*Глаза боятся, а руки делают — с этой мыслью взялась за пристройство остатков после ремонта. План такой: продать, отдать, сдать на переработку*»; «*Наткнулась на такие губки для уборки. Написано, что эко-шмеко, углеродно-нейтральное производство*»; «*Я тут тестирую российский бренд экологичной косметики Somelove*»);
7. реклама сопутствующих товаров и услуг, в том числе реклама смежных аккаунтов и ТГК схожей тематики («*Вдруг вам пригодится. У 4fresh сейчас скидки (<https://4fresh.ru/catalog/offers/sale-of-the-week?r=FBF298>) на zero waste товары, я себе заказала шелковую зубную нить с запасными катушками в многоразовой упаковке*»; «*Сегодня рекомендуем бережный и добрый телеграм-канал Петербурга от экобатарейки Лиды Пиви. База теплых локаций*»).

Несмотря на многообразие затрагиваемых тем и проблем (сортировка отходов, подготовка и сдача сырья на переработку, утилизация старой техники и просроченных лекарств, присутствие микропластика в окружающей среде, увеличение площади мусорных свалок, использование экологичной косметики), все анализируемые ТГК концептуально объединены идеями устойчивого развития (sustainable development), предполагающими не только заботу об окружающей среде, но и внедрение экологических принципов в экономику и социальное устройство. Философия жизни экоблогеров во многом основывается на концепции «zero waste» (ноль отходов), которая подразумевает сведение к минимуму количества производимого человеком мусора путем многократного использования различных предметов.

Базовые методы речевого воздействия

Качественная интерпретация событий. Отличительной чертой анализируемых ТГК является их ярко выраженный аксиологический характер. Несмотря на то, что в постах экоблогеров встречаются информирующие тексты, большинство из них содержит качественную интерпретацию изображаемых событий адресантом. Авторское отношение выражается с помощью лексем с мелиоративной и пейоративной оценочной семантикой («*Больше всего меня бесят многочисленные пластиковые коллекционные штучки*»; «*Мягкая часть сделана из остатков производства (реюз одобряю), но это всё равно синтетическая часть, которую потом только на сжигание (не одобряю)*», «*Покорила меня, конечно же, упаковка. Помимо милейшего дизайна, на коробочках и баночках везде полностью прописан состав и его особенности*»); частотное использование вводных конструкций, указывающих на отношение блогера к тому, о чем он сообщает («*Сейчас, к сожалению, общественные инспекторы значительно ограничены в правах и вряд ли готовы на такие активные действия*», «*К счастью, сейчас такие лезвия можно сдать на переработку*», «*На мой взгляд, отличная инициатива, которая поможет вовлечь большое количество людей в ресайклинг*»). Эксплицитные оценочные характеристики позволяют блогерам открыто заявить о своей позиции и сформировать у адресата определенные представления о моделях взаимодействия с окружающим миром.

Аргументированный комментарий событий. Убедительная аргументация является одним из важнейших приемов речевого воздействия в исследуемых текстах. Для того чтобы принять точку зрения автора, читателю необходим четкий аргументированный комментарий сообщаемых вводных, при его отсутствии доводы автора будут казаться необоснованными. В рассматриваемых текстах можно найти яркие примеры убедительных доказательств, в которых содержатся как рациональные аргументы, построенные на введении цифр, чисел, процентных соотношений, статистических данных («*И одна такая термкружка экономит 1 “бумажный” стаканчик, а именно:*

1 л воды, 1/1000 дерева, 100 гр выбросов CO₂ или километр езды на автомобиле»; «Один чайный пакетик выбрасывает в чашку около 11,6 миллиарда частиц микропластика и 3,1 миллиарда более мелких частиц нанопластика — полиэтиленфталата и нейлона (данные опубликованы в журнале Environmental Science & Technology). Они, в свою очередь, попадают в пищеварительную систему пьющего»; «Загрязнение воздуха ежегодно убивает 7 миллионов людей всем мире — это больше, чем СПИД и малярия вместе взятые»), так и эмоциональные, апеллирующие к чувственному восприятию, базовым потребностям («...вашим внукам придется жить в том мире, который оставите Вы», «Так что не сдаёмся, планета у нас одна»).

Выдвижение отдельных фрагментов композиции текста и ее выгрышное построение. В текстах анализируемых ТГК наиболее часто выдвигаются такие элементы, как заголовки и лиды. Заголовки не являются ригидной частью постов, однако экоблогеры предпочитают маркировать ими свои публикации («5 вещей, которые вы не знали про ПЭТ-бутылки и вторсырьё из них»; «Что такое микропластик и с чем его едят»; «Почему я не крашу ногти»; «Какие животные находятся на грани исчезновения в России»). Лиды также популярны в постах ТГК («И сейчас речь пойдет не о сборе вишни, а о явлении *cherry picking* в информационной среде. *Cherry picking* в науке называют выборку информации из общих данных, которая удобна или подходит вашим взглядам»; «Поэтому решила посвятить ответу целый пост, и объяснить, наконец, почему не брать, даже если их кто-то где-то уже произвёл»). Заголовки и лиды, структурно отделенные от основной части текста, позволяют удержать внимание читателя и подтолкнуть к прочтению всего поста. Этой же цели служит использование в них элокутивных средств.

Что касается основной части текстового блока, то ее элементы, как правило, отделяются друг от друга абзацными отступами и/или эмотиконами-разделителями или цифрами («1. Эгоист VS Экологист: кем быть выгоднее? 2. Самые важные экопривычки 3. Достижение Целей Устойчивого развития через ежедневные экопривычки 4. Zero Waste: жизнь без мусора 5. Раздельный сбор: виды отходов, как организовать дома, куда сдавать»; «◇ ИИ может предотвратить неэффективное энергопотребление. ◇ ИИ может прогнозировать загрязнение воздуха и создавать предупредительные стратегии. ◇ ИИ может оптимизировать обработку и переработку отходов»). Такие тексты, напоминающие листиклы, более удобны для восприятия, нежели сплошные и пользуются большей популярностью у читателей.

Концовка постов ТГК традиционно содержит вопрос или каскад вопросов, предполагающих ответную реакцию аудитории (*А как у вас в компании вовлекают персонал в экоповестку? А где вы обычно покупаете чай и какой? Какие сорта предпочитаете?*). Также в заключительной части нередко помещается призыв к читательской аудитории («Помогайте себе, помогайте

близким, а по возможности помогайте проверенным фондам, но всегда помните, что помощь — это подвиг, а даже у героев иногда нет на них сил», «Мы не критикуем ... а призываем помогать осознанно и по-настоящему, экологично и устойчиво»), мобилизующий на активные действия в пользу сохранения чистоты окружающего мира.

Вспомогательные методы речевого воздействия

Метод речевого воздействия на графическом уровне. На графическом уровне реализации прагматической цели служит модификация шрифта. Так, в исследуемых текстах встречаются слова, полностью набранные при помощи прописных букв («Вот так я и поняла, КАК же много я пью чай»; «... бутылки с мусоросортировочных заводов ЗАКУПАЮТСЯ...»). Также используется выделение жирным шрифтом («Экологичная косметика может быть **натуральной и органической**»). Капитализация и шрифтовыведение позволяют сделать акцент на определенном слове или фрагменте текста, обратить внимание читателя на его важность.

Социальные сети предоставляют пользователям широкие возможности для выражения эмоций посредством специальных символов — эмодзи. Их можно дифференцировать на эмодзи, изображающие непосредственно эмоции, например, страх («Животные принимают обрывки шариков за еду и запутываются в лентах 😱»), разочарование («Всё равно ведь попадут в мусор 🗑️♀️»), печаль («Тогда мои ногти уродские 😞»), радость («...мне и без лака здорово и красиво 😊»), и эмодзи, «рисующие» образ предмета («...я всегда беру горячий напиток с собой ☕️»; «Он вкладывает свои миллионы в развитие и совершенствование экотехнологий 🌱»; «...призывают ... посадить деревья 🌳»). Эмодзи наглядно показывают авторскую модальность, ориентированы на клиповое восприятие и, кроме того, могут служить буллитными для структурирования информации.

Метод речевого воздействия на лексико-грамматическом уровне. Заметной чертой исследуемых ТГК является употребление лексем со словообразовательным элементом *эко-* (*экоинтенсив, экоповестка, экопривычка, экоигротека, экоквиз, экопланерка, экомарафон, эколекция, экомонетизация, экотренер, экопросветитель, экотехнологии, экогид, экоателье, экоурок* и др.). Они не только организуют смысловую и содержательную целостность текстов, но и формируют «экологичное» сознание адресата в качестве ценностной картины мира.

Характерной особенностью текстов экоблогеров является контаминация элементов обиходно-бытовой коммуникации с элементами «интеллектуальной стилистики». Первая группа представлена широким спектром разговорно маркированной лексики («В **кафешках** просят 100–150 Р...», «Больше всего меня **бесят** многочисленные пластиковые коллекционные штучки...»),

«...а куда **девать** флакончики от лака», «Написано, что эко-шмеко, углеродно-нейтральное производство»). К ней примыкают жаргонизмы («...за горячую воду с **дешманским** пакетиком», «Мне жаль россиян, которые **жрут** эту пропагандистскую **блевотину** ложками») и профессиональные сленгизмы («Наливаю чай и кофе в свой тамблер», «...отдельно **органику** не собирают»). Разговорные слова делают тексты, освещающие серьезные экологические проблемы, более легкими для восприятия, сокращают дистанцию между адресантом и адресатом.

Вторую группу репрезентирует лексика научного стиля: общенаучные и узкоспециальные термины и профессионализмы («...выполнен из традиционного **полимера**, в который внедрены добавки, ускоряющие **окисление** и распад материала на фрагменты под воздействием **ультрафиолета** и/или тепла и кислорода», «...разлагается в условиях компостирования на **диоксид углерода**, воду, **неорганические соединения** и **биомассу** и не приводит к образованию токсичных отходов», «**Микропластиком** называют маленькие частички пластика менее 5.0 мм в диаметре»; «...ищите бумагу из **вторичной целлюлозы**», «В экологии есть такое понятие **биомагнификация**», «Вот ряд причин **эвтрофикации**...»). Введение научной терминологии в интернет-тексты не только позволяет передать научные знания и популяризовать их, повышая интеллектуально-образовательный уровень читателя, но и повысить степень доверия к сообщаемым фактам, вызвать желание следовать принципам экологичного образа жизни, эффективность которых научно обоснована.

К элементам интеллектуальной стилистики относятся элокутивные средства. Среди них наиболее частотны такие тропы, как метафора («Только мой внутренний шопоголик успокаивается под натиском осознанности, как обязательно на глаза попадетя что-то эдакое»), гипербола («...каждая третья бутылка на полке магазина вышла с этого завода» «...синтетические ... пленки с рождения тоннами летят в мусорный бак...»), «Казалось, они вечно будут парить в стратосфере...»), олицетворение («Пластиковый пакет тоже не идеальный товарищ», «...никогда не разрушите эту порочную мусорную цепочку»), эпитет («...уже никого нельзя удивить даже супер-брендированным пакетом LV...»), сравнение *«Загрязнение воздуха ежегодно убивает 7 миллионов людей всем мире — это больше, чем СПИД и малярия вместе взятые»), антитеза («Есть мнение, что некоторые эко-привычки причиняют дискомфорт. Но на мой взгляд, они могут наоборот сильно улучшить привычный образ жизни»; «Заботится об „экологии“ не потому что „заняться нечем“ или „с жиру бесится“, а потому что хочет жить в чистом городе, дышать свежим воздухом, питаться безопасной едой»). Тропы позволяют привлечь внимание адресата к проблемам экологии, делают их более масштабными, показывают значимость их незамедлительного решения. Будучи средствами художественной выразительности, тропы призваны создать яркий образ в сознании читателя, часто неожиданный

и потому запоминающийся, что впоследствии может побудить его на изменение поведенческих моделей.

Рассматривая грамматические средства, обладающие прагматическим потенциалом, стоит отметить императив глагола («**Читайте** состав...», «**Обращайте** внимание на активные компоненты, которые и дают необходимый эффект, на их концентрацию и на критичные компоненты...»), а также сочетание модальных слов с глагольным инфинитивом («**В Сочи** разрастается опасный ядовитый гриб. **Трогать** его ни в коем случае **нельзя!**», **К счастью, сейчас** такие лезвия можно сдать на переработку. **А чтобы** их «копить», **необязательно делать** прорезь в стене, достаточно плотно-го контейнера); «**Важно помнить:** текстиль — это ценное вторсырье, его **можно и нужно перерабатывать** и ни в коем случае не выбрасывать, если какая-то одежда пришла в негодность»). Они организуют инструктивно-пучительные жанры постов исследуемых ТГК, актуализируя в сознании читателя четкий алгоритм «экологичных» действий.

Синтаксическое построение текстов эcobлогеров характеризуется многообразием используемых конструкций. Активно употребляются ряды однородных членов, подчеркивающих широту диапазона экологических проблем и повсеместность пользы от их решения («**Это** прионная болезнь: **прионы** вызывают изменения в мозге животных, **делая их вялыми, истощенными, пускающими слюни**», «**И одна такая** термокружка экономит **1 “бумажный” стаканчик, а именно: 1 л воды, 1/1000 дерева, 100 гр выбросов CO2 или километр езды на автомобиле**»). Эффективным коммуникативным воздействием обладают парцеллированные текстемы («**Так, например, в интернете можно найти единомышленников и организовать настоящий субботник по уборке ближайшей природной территории. Или открыть свой собственный экоклуб. Или получить грант на какую-нибудь полезную инициативу**»), прием анадиплосиса («**Где-то там есть и ваш вклад, чем можно по праву гордиться. Гордиться этой цифрой могут москвичи, управляющие компании, региональный оператор АО «Экотехпром» и Департамент ЖКХ**»), синтаксического параллелизма («**Помогайте себе, помогайте близким, а по возможности помогайте проверенным фондам...**»), дубитации («**Сколько продуктов выкидывает ежедневно среднестатистическая семья? А сколько кофе, ресторан, овощной рынок? Этот фильм посвящен одному из возможных решений проблемы — фудшерингу**»). Они придают текстам экспрессивность и атрактивность, усиливая влияние на адресата.

Заключение

Проведенное нами исследование показало, что экологические блоги являются самостоятельным медиасегментом, транслирующим широкой общественности идеи о необходимости осознанного отношения к ресурсам

окружающей среды. В задачи эcobлогеров входит не только презентация собственного образа жизни, направленного на поддержание здоровой экологии, но и оказание влияния на читателей, формирование новой ценностной парадигмы. Таким образом ригидной характеристикой текстов на экологические темы оказывается их речевоздейственная сила. Выявление и классификация методов и средств речевого воздействия, моделирующих текст эcobлога как акт речевого воздействия, позволили нам составить более детальное представление о специфике функционирования экологического дискурса в ТГК, в частности в лингвопрагматическом аспекте.

Полученные данные дают возможность описать перспективы дальнейшего развития исследования. Так, проведенное исследование дает стимул к дальнейшему изучению эcobлогов, например, в аспекте используемых блогерами стратегий и тактик, стимулирующих адресата на активные действия в пользу сохранения окружающей среды. Представляется перспективным составление индивидуального и обобщенного речевого портрета эcobлогера. Кроме того, предложенный подход к классификации и описанию спектра приемов речевого воздействия применим при анализе (а также и создании) не только текстов на экологическую тематику, но и, возможно, других идейно и тематически сфокусированных медиатекстов, например, рекламных, главной целью которых является оказание воздействия на реципиента. Безусловно, он может быть скорректирован при анализе корпуса текстов более обширной тематики, что в дальнейшем позволило бы выявить различия в арсенале языковых и неязыковых средств, используемых в текстах разной тематической принадлежности и коммуникативной специфики и установить причины таких различий.

Библиографический список

1. *Щурина Ю.В.* Жанровое своеобразие социальной сети Instagram^{*3} // *Жанры речи*. 2016. № 1(13). С. 156–158. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2016-1-13-156-168>
2. *Карасик В.И.* Жанры сетевого дискурса // *Жанры речи*. 2019. № 1(21). С. 49–55. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-1-21-49-55>
3. *Наволока Ю.С.* Хэштег-текст как новый формат текста в интернет-пространстве (на примере социальной сети «Инстаграм*») // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2018. № 12–3(90). С. 568–573.
4. *Патрушева Л.С.* Хештегирование как новый коммуникативный процесс // *Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология*. 2018. Т. 28. Вып. 3. С. 471–475.
5. *Крылова М.Н.* Язык современного интернет-общения (на материале интеллектуального контента социальной сети «ВКонтакте») // *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2019. № 1. С. 128–137. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2019-1-128-137>

³ Здесь и далее знаком * отмечены социальные сети, являющиеся частью корпорации Meta, деятельность которой признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации с марта 2022 г.

6. Калугина Ю.В., Мустафина А.Р., Эделева И.В. Функциональный потенциал и лингвистические особенности современного гипертекста (на материале Live Journal, Twitter и Instagram*) // Преподаватель XXI век. 2020. № 2. С. 393–403. <https://doi.org/10.31862/2073-9613-2020-2-393-403>
7. Гришанина А.Н. Личность в координатах социальных сетей: конструктивизм и деструктивизм речевого поведения // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12. № 2. С. 109–115. <https://doi.org/10/21209/1996-7853-2017-12-2109-115>
8. Курьянович А.В. Девиантное речевое поведение пользователей сетевой переписки: факторы дискурсивной обусловленности и формы проявления // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2017. № 7 (184). С. 78–84. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2017-7-78-86>
9. Зырянов Б.В. Стратегии продвижения персонального аккаунта в Instagram* // Вопросы теории и практики журналистики. 2018. Т. 7. № 3. С. 539–556. [https://doi.org/10.17150/2308-6203.2018.7\(3\).539-556](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2018.7(3).539-556)
10. Терских М.В. Инструменты рекламного продвижения в сети Instagram*: жанровые и языковые особенности // Научный диалог. 2020. № 6. С. 178–189. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-6-178-189>
11. Блинова О.А. Мульти-modalность в сетевом политическом дискурсе: интернет-мемы о независимости Шотландии // Научный диалог. 2019. № 10. С. 79–93. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2019-10-79-93>
12. Маджаева С.И., Гагарина Е.Ю. Медицинский интернет-форум и социальная сеть: определение и функции // Вестник Челябинского государственного университета. 2019. № 6(428). С. 101–106. <https://doi.org/10.24411/1994-2796-2019-10613>
13. Dugalich N.M., Ebzeeva Yu.N. French medical memes: Themes, language, functions // Training, Language and Culture. 2024. Vol. 8. № 2. P. 20–30. <https://doi.org/10.22363/2521-442X-2024-8-2-20-30>
14. Терских М.В. Жанровая специфика аккаунтов спортивных брендов в аспекте социальной ориентированности бизнеса (на примере социальной сети Facebook*) // Научный диалог. 2019. № 3. С. 132–146. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2019-3-132-146>
15. Собянина В.А. О некоторых лексических особенностях немецкого косметологического дискурса в сети интернет // Вестник МПГУ: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2019. № 3(35). С. 33–41. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2019.35.3.04>
16. Боженкова Н.А., Негушина А.А. Интерперсональные характеристики русскоязычного феминистского медиадискурса (на примере Telegram-канала «Дочь разбойника») // Культура и текст. 2021. № 4(47). С. 240–252.
17. Гапутина В.А. Дискурс моды в социальной сети Instagram* // Мир науки, культуры и образования. 2018. № 2(69). С. 526–530.
18. Калёнова О.Г., Дубровская Т.В. К проблеме определения экологического дискурса и его жанров // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2015. № 2(16). С. 6–12.
19. Зайцева А.В. Разнообразие виртуальных жанров экологического дискурса ФРГ (на примере интернет-коммуникации на экологические темы) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. № 15(8). С. 2573–2579.
20. Павлова Е.Б. Лингвопрагматическая организация англоязычного экологического интернет-дискурса // Научный диалог. 2019. № 1. С. 88–100. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2019-1-88-100>
21. Шелестюк Е.В. Речевое воздействие: онтология и методология исследования: монография. 2-е изд., испр. и доп. М.: ФЛИНТА: Наука, 2014.
22. Глинчевский Э.И. Средства речевого воздействия в языке СМИ // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2005. № 4. С. 18–27.

References

1. Shechurina, Yu.V. (2016). Genre originality of the social network Instagram*⁴. *Speech Genres*, 1(13), 156–158. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2016-1-13-156-168> (In Russ.).
2. Karasik, V.I. (2019). Genres of network discourse. *Speech Genres*, 1(21), 49–55. <https://doi.org/https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-1-21-49-55> (In Russ.).
3. Navoloka, Yu.S. (2018). Hashtag text as a new text format in the Internet space (using the example of the social network Instagram*). *Philology. Theory & Practice*, 12–3(90), 568–573. (In Russ.).
4. Patrusheva, L.S. (2018). Hashtagging as a new communication process. *Bulletin of Udmurt University. Series History and Philology*, 28(3), 471–475. (In Russ.).
5. Krylova, M.N. (2019). The language of modern Internet communication (based on the intellectual content of the social network “VKontakte”). *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*, 1, 128–137. <https://doi.org/10.29025/2079–6021-2019-1-128-137> (In Russ.).
6. Kalugina, Yu.V., Mustafina, A.R. & Edeleva, I.V. (2020). Functional potential and linguistic features of modern hypertext (based on Live Journal, Twitter and Instagram*). *Prepodavatel XXI vek*, 2, 393–403. <https://doi.org/10.31862/2073-9613-2020-2-393-403> (In Russ.).
7. Grishanina, A.N. (2017). Personality in the coordinates of social networks: constructivism and destructivism of speech behavior. *Humanitarian Vector*, 12(2), 109–115. <https://doi.org/10/21209/1996-7853-2017-12-2109-115> (In Russ.).
8. Kuryanovich, A.V. (2017). Deviant speech behavior of users of network correspondence: factors of discursive conditioning and forms of manifestation. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 7(184), 78–84. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2017-7-78-86> (In Russ.).
9. Zyryanov, B.V. (2018). Strategies for promoting a personal account on Instagram*. *Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 7(3), 539–556. [https://doi.org/10.17150/2308-6203.2018.7\(3\).539-556](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2018.7(3).539-556) (In Russ.).
10. Terskikh, M.V. (2020). Tools for advertising promotion on the Instagram* network: genre and language features. *Nauchnyi dialog*, 6, 178–189. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-6-178-189> (In Russ.).
11. Blinova, O.A. (2019). Multimodality in network political discourse: Internet memes about Scottish independence. *Nauchnyi dialog*, 10, 79–93. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2019-10-79-93> (In Russ.).
12. Madzhaeva, S.I. & Gagarina, E.Yu. (2019). Medical Internet forum and social network: definition and functions. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 6(428), 101–106. <https://doi.org/10.24411/1994-2796-2019-10613> (In Russ.).
13. Dugalich, N.M. & Ebzeeva, Yu.N. (2024). French medical memes: Themes, language, functions. *Training, Language and Culture*, 8(2), 20–30. <https://doi.org/10.22363/2521-442X-2024-8-2-20-30>.
14. Terskikh, M.V. (2019). Genre specificity of sports brand accounts in the aspect of socially oriented business (using the example of the social network Facebook*). *Nauchnyi dialog*, 3, 132–146. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2019-3-132-146> (In Russ.).
15. Sobyana, V.A. (2019). About some lexical features of German cosmetology discourse on the Internet. *MCU journal of philology. theory of linguistics. linguistic education*, 3(35), 33–41. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2019.35.3.04> (In Russ.).
16. Bozhenkova, N.A. & Negushina, A.A. (2021). Interpersonal characteristics of Russian-language feminist media discourse (using the example of the Telegram channel “The Rober’s Daughter”). *Kul’tura i tekst*, 4(47), 240–252. (In Russ.).

⁴ Here and further, the * sign marks social networks that are part of the Meta Corporation, whose activities have been recognized as extremist and banned in the territory of the Russian Federation since March 2022.

17. Gaputina, V.A. (2018). Fashion discourse in the social network Instagram*. *Mir Nauki, Kul'tury, Obrazovaniya*, 2(69), 526–530. (In Russ.).
18. Kalenova, O.G. & Dubrovskaya, T.V. (2015). On the problem of determining environmental discourse and its genres. *Actual issues of modern philology and journalism*, 2(16), 6–12. (In Russ.).
19. Zaitseva, A.V. (2022). Diversity of virtual genres of environmental discourse in Germany (using the example of Internet communication on environmental topics). *Philology. Theory & Practice*, 15(8), 2573–2579. (In Russ.).
20. Pavlova, E.B. (2019). Linguistic and pragmatic organization of English-language environmental Internet discourse. *Nauchnyi dialog*, 1, 88–100. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2019-1-88-100> (In Russ.).
21. Shelestyuk, E.V. (2014). *Speech influence: ontology and research methodology: monograph*. Moscow: FLINTA: Nauka. (In Russ.).
22. Glinchevsky, E.I. (2005). Means of speech influence in the language of the media. *Moscow university bulletin. series 19: linguistics and intercultural communication*, 4, 18–27. (In Russ.).

Сведения об авторах:

Гапутина Виолетта Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации филологического факультета, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина (117485, Российская Федерация, г. Москва, ул. Академика Волгина, 6); *сфера научных интересов*: медиалингвистика, дискурсология, новые медиа, трансмедийное повествование, блоггинг, инфлюенс-маркетинг, стилистика; *e-mail*: wwwgaputina@gmail.com
ORCID: 0000-0002-7885-9611; SPIN-код: 7813-8287.

Мамонтов Александр Степанович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации филологического факультета, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина (117485, Российская Федерация, г. Москва, ул. Академика Волгина, 6); *сфера научных интересов*: лингвокультурология, лингвострановедение, этнопсихоллингвистика, межкультурная коммуникация, методика преподавания РКИ, культурология; *e-mail*: as-mamontov2@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-6703-637X; SPIN-код: 2815-4443; AuthorID: 736064.

Information about the authors:

Violetta A. Gaputina, PhD in Philology, Associate Professor, Associate Professor of Department of Russian Literature and Intercultural Communication, Faculty of Philology, State Institute of Russian Language named after. A.S. Pushkin (6, Academician Volgina Str., Moscow, Russian Federation, 117485); *Research interests*: media linguistics, discursicology, new media, transmedia storytelling, blogging, information marketing, stylistics; *e-mail*: wwwgaputina@gmail.com
ORCID: 0000-0002-7885-9611; SPIN-code: 7813-8287.

Alexander S. Mamontov, Dr. Sc. (Philology), Professor, Professor of Department of Russian Literature and Intercultural Communication, Faculty of Philology, State Institute of Russian Language named after. A.S. Pushkin (6, Academician Volgina Str., Moscow, Russian Federation, 117485); *Research interests*: linguistics, ethno-psycholinguistics, intercultural communication, teaching methodology of RCT, culturology; *e-mail*: as-mamontov2@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-6703-637X; SPIN-code: 2815-4443; AuthorID: 736064.

DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-3-646-663

EDN: HLWLMZ

УДК 811.112.2'373.612.2'42:741.5:32

Научная статья / Research article

Репрезентация метафоры «БУДУЩИЕ СОБЫТИЯ — ВПЕРЕДИ» в немецкой политической карикатуре

Г.Л. Денисова

Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Российская Федерация

g.denisova@tltsu.ru

Аннотация. Автором ставится задача наблюдения актуализации метафоры «БУДУЩИЕ СОБЫТИЯ — ВПЕРЕДИ» в немецкой политической карикатуре как поликодовом тексте. Выясняется, что изображаемые ситуации и образы, которые используются с целью актуализации метафоры, тяготеют к трем центрам ассоциативного поля концепта WEG: перемещение по земле, воде и воздуху. Актуализация метафоры осуществляется меной таксономического класса участника ситуации перемещения в пространстве — субъекта движения, конечной точки / маршрута и каузатора движения. В результате мены осуществляется транспозиция изображаемой ситуации из области пространственных в область темпоральных отношений. Анализ карикатур выявил признаки транспозиции, которые позволяют адресату карикатуры верно декодировать сообщение. Признаками транспозиции являются (1) мена субъекта движения: изображение социального целого как одного лица; представление абстрактного понятия как живого существа; представление социального целого в образе транспортного средства; (2) мена конечной точки или маршрута движения: определение события как цели движения; определение маршрута движения именем политического лидера; (3) спецификация или мена каузатора движения: изображение политического лидера за штурвалом самолета или корабля; наложение на изображение транспортного средства или маяка образа политического лидера. В статье отмечается, что рассматриваемая метафора образует основу темпоральной структуры сообщения и принимает участие в формировании модальности сообщения через детализацию используемого образа.

Ключевые слова: поликодовый текст, карикатура, ориентационная метафора, адресат, немецкая языковая личность

Заявление о конфликте интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Дата поступления: 1.06.2024

Дата приема в печать: 15.06.2024

© Денисова Г.Л., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования:

Денисова Г.Л. Репрезентация метафоры «БУДУЩИЕ СОБЫТИЯ — ВПЕРЕДИ» в немецкой политической карикатуре // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 3. С. 646–663. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-3-646-663>

Representation of Metaphor ‘FUTURE EVENTS ARE AHEAD’ in German Political Cartoons

Galina L. Denisova

Togliatti State University, Togliatti, Russian Federation

✉ g.denisova@tltsu.ru

Abstract. The paper studies the actualization of the metaphor ‘FUTURE EVENTS ARE AHEAD’ in the German political cartoon as a polycode text. The author of the article finds out that images and situations, which the cartoonist uses for the purpose of its actualization, gravitate towards centers in the associative field of the concept WAY: movement by land, by water and in the air. Its actualization is realized through the taxonomical class exchange of participants in the translocation situation, which are an agent, destination or direction and initiator. As a result, the transposition in the area of temporal relations takes place. The analysis of cartoons allows the author discover transposition indications, which direct the addressee to correct decoding of caricaturist’s message. Transposition indications are (1) the taxonomical class exchange of the agent, namely: depicting the social wholeness as a character; incarnating an Abstract notion as a creature; representing the social wholeness as a transport facility; (2) the taxonomical class exchange of the destination or direction, exactly: indicating the event as an aim of movement; naming the direction with the name of a political leader; (3) the taxonomical class exchange or specification of the initiator, such as: depicting a political leader at the control stick of an airplane or at the helm of a ship; superposition of both images: a political leader and a transport facility. The paper notes that the metaphor under research forms the temporal structure of the message and takes place in the forming of its modality by means of detailing the picture.

Keywords: polycode text, political cartoon, orientation metaphor, metaphor ‘FUTURE EVENTS ARE AHEAD’, addressee, German language personality

Conflicts of interest: The author declares no conflicts of interest.

Article history:

Received: 01.06.2024

Accepted: 15.06.2024

For citation:

Denisova, G.L. (2024). Representation of Metaphor ‘FUTURE EVENTS ARE AHEAD’ in German Political Cartoons. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 15(3), 646–663. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-3-646-663>

Введение

В пространстве немецкой политической карикатуры часто используются образы, соотносимые с представлением о пути. Частотность обращения к данным образам дает основание предполагать, что карикатурист вкладывает

в них определенный смысл, которым, с нашей точки зрения, является представление о локализации будущих событий впереди. Целью статьи является подтверждение данного предположения и наблюдение механизма актуализации метафоры «БУДУЩИЕ СОБЫТИЯ — ВПЕРЕДИ» в сообщении в форме политической карикатуры.

Исследование осуществляется на материале работ Вальтера Ханеля, одного из признанных мастеров политической карикатуры. Выборка его работ была сделана из собрания карикатур на сайте *Stiftung Haus der Geschichte der Bundesrepublik Deutschland*¹. Теоретические основания проведенного в ходе исследования анализа образуют (1) определение карикатуры как поликодового текста [1], (2) положение об обращенности карикатуры к языковой личности [2] и (3) представление о структуре языковой личности, которое было дано в работах Ю.Н. Караулова [3].

Определение карикатуры как поликодового текста акцентирует внимание на том, что в передаче смысла, который закладывает карикатурист в сообщение в форме политической карикатуры, задействованы как вербальные, так и иконические средства. Положение об обращенности политической карикатуры к языковой личности делает очевидным обусловленность значения, которое несет изображение, характеристиками языковой личности (в нашем случае немецкой языковой личности), которые соотносятся с ее уровневой структурой. В структуре языковой личности Ю.Н. Караулов выявляет вербально-семантический (лексикон), лингво-когнитивный (тезаурус, «в котором запечатлен «образ мира», или система знаний о мире», а значит и система концептов) и мотивационный (прагматикон) уровни [4. С. 241] и обращает внимание на их взаимопроникновение: «При попытках интерпретировать полученную в результате ассоциативных экспериментов вербально-семантическую сеть, т.е. проанализировать ее состав и связи единиц, мы обнаруживаем в ней причудливое переплетение собственно языковых, содержательно-строевых элементов (лексико-семантических, лексико-грамматических данных) одновременно и со знаниями о мире, и с единицами высшего уровня — прагматикона личности» [3. С. 238–239]. Ассоциативная взаимосвязь единиц разных уровней позволяет в том числе рассматривать отношение между единицами лексикона и тезауруса как проекцию единиц одного уровня на единицы другого уровня, что объясняет как возможность замены словесного обозначения объекта его изображением, так и соотнесение изображения со значениями, которые ассоциируются в сознании языковой личности со словесными обозначениями. В нашем представлении ассоциативной взаимосвязью единиц

¹ Режим доступа: <https://www.hdg.de/haus-der-geschichte/sammlung/karikatur> (дата обращения 03.07.2020). Для просмотра изображения карикатуры, упомянутой в статье, надо зайти на сайт по указанному адресу, нажать на ссылку «Karikaturen in der Objektdatenbank», выбрать закладку «Neue Suche», скопировать в строку «Suchbegriffe» номер карикатуры и нажать на кнопку «Suche starten».

разных уровней языковой личности объясняется и «принцип наглядности в языке». Как отмечает Н.К. Рябцева, данный принцип проявляется во фразеологическом кодировании опыта и практических знаний через метафоризацию, метонимизацию и символизацию смысла, который таким образом «опредмечивается» и представляется в наглядном виде языковыми средствами [5. С. 125–126].

Результаты исследования

Метафора «БУДУЩИЕ СОБЫТИЯ — ВПЕРЕДИ» в немецком языке

Исследователь ориентационных метафор У. Наги выявил в английском языке примеры, подтверждающие существование в сознании носителя английского языка метафорического концепта «БУДУЩИЕ СОБЫТИЯ — ВПЕРЕДИ» [6]. Дж. Лакофф и М. Джонсон, выдвинули предположение, что подобные метафорические концепты могут возникать на основе нашего физического и культурного опыта [7. С. 35]. Они находят физическую основу метафорического концепта «БУДУЩИЕ СОБЫТИЯ — ВПЕРЕДИ» в том, что «обычно мы смотрим туда, куда движемся (вперед, вдаль)» [7. С. 39].

Анализ сочетаемости лексемы *Zukunft* ‘будущее’ свидетельствует о существовании данного метафорического концепта с такой же физической основой и в сознании носителей немецкого языка:

- (1) существительное *Zukunft* занимает позицию дополнения при глаголах, обозначающих направление взгляда: *wir können beruhigt der Zukunft entgegensehen* ‘мы можем спокойно смотреть в будущее’ [8. С. 804], *der Zukunft zuversichtlich entgegensehen* ‘с уверенностью смотреть в будущее’, *optimistisch in die Zukunft blicken* ‘смотреть в будущее с оптимизмом’ [9. Т. 6. С. 4487], *ruhig in die Zukunft blicken* ‘уверенно смотреть в будущее’ [8. С. 804];
- (2) оно называет направление в сочетании с глаголами действия, сопряженного с направлением взгляда: *in der Zukunft lesen* ‘предугадывать будущее’ [10. С. 645];
- (3) и определяет направление в сочетании с глаголами перемещения в пространстве: *einer gesicherten, frohen, glücklichen Zukunft entgegengehen* ‘нас ждет обеспеченное, счастливое будущее’ [8. С. 804], *dieses Ziel wird erst in ferner Zukunft zu erreichen sein* ‘эта цель достижима только в далеком будущем’ [9. Т. 6. С. 4487].

Подтверждение существования метафорического концепта «БУДУЩИЕ СОБЫТИЯ — ВПЕРЕДИ» в немецком языке находим, анализируя признаки, которые легли в основу наименований *entgegensehen* ‘смотреть навстречу’ и *entgegengehen* ‘идти навстречу’, которые образуют сочетания с лексемой *Zukunft*. По наблюдениям составителей словаря «Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache» [9], общая непосредственно-составляющая (далее НС)

вышеназванных глаголов обозначает движение в направлении чего-либо ‘bezeichnet eine Bewegung auf etwas zu’ [9. Т. 2. С. 1049].

В дефиниции глагола *entgegensehen* эксплицитно выражено направление в будущее ‘etwas Zukünftiges betrachten’ [9. Т. 2. С. 1050], а использование в определении глагола *betrachten* ‘etwas, jemanden längere Zeit genau und prüfend ansehen’ / ‘что-либо или кого-либо продолжительно и изучающее рассматривать’ [11. Т. 1. С. 173] глагола *ansehen* со значением ‘jemandem ins Gesicht sehen’ / ‘смотреть кому-либо в лицо’ [11. Т. 1. С. 61] предполагает направление взгляда вперед.

Подтверждение существования метафорического концепта «БУДУЩИЕ СОБЫТИЯ — ВПЕРЕДИ» находим также, рассматривая глагол *bevorstehen* ‘предстоять’ и причастие *bevorstehend* ‘предстоящий’. Причастие *bevorstehend* образует синонимический ряд с прилагательными *zukünftig* и *künftig* со значением ‘in der Zukunft eintretend oder vorhanden, kommend’ / ‘наступающее или имеющее место в будущем’ [9. Т. 6. С. 4488; Т. 3. С. 2261]. В словарной дефиниции словосочетания *etwas steht bevor* ‘etwas ist in naher **Zukunft** zu erwarten’ / ‘наступление чего-либо ожидается в ближайшем будущем’ [11. Т. 1. С. 178] эксплицитно выражена его ассоциативная связь с обозначением будущих событий.

Анализ сочетаемости лексем, которые актуализируют метафору «БУДУЩИЕ СОБЫТИЯ — ВПЕРЕДИ», обнаруживает, что они образуют многочисленные сочетания с абстрактными существительными, которые можно объединить в группу *Ereignis* ‘событие’: *jemand sieht einem Ereignis mit großer Ungeduld entgegen* ‘кто-либо ожидает события с большим нетерпением’; *jemandem steht etwas Unangenehmes, nichts Gutes bevor* ‘кому-то предстоит нечто неприятное, кого-то не ждет ничего хорошего’; *er weiß, was ihm bevorsteht* ‘он знает, что ему предстоит’; *eine Reise steht uns bevor* ‘нам предстоит путешествие’; *die bevorstehenden Wahlen* ‘предстоящие выборы’.

Как отмечают составители словаря «Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache», глагол *entgegengehen* многозначный [9]. Он может выражать значение ‘zu jemandem, der sich nähert, gehen’ / ‘идти навстречу приближающемуся человеку’ и значение ‘sich auf etwas zu begeben’ [9. Т. 2. С. 1049], в котором акцентируется сближение с предстоящим. Отметим, что в обоих своих значениях глагол относится к глаголам движения. Но позиция предложного дополнения в окружении глагола в первом значении замещается одушевленным существительным, а во втором он образует словосочетания с абстрактными существительными: *guten Zeiten, großen Ereignissen, der Verwirklichung aller Hoffnungen entgegengehen* ‘предстоят хорошие времена, большие события, осуществление всех надежд’.

Е.В. Падучева, рассматривая изменение значения глагольных лексем, отмечает, что глагольная лексема в высказывании описывает определенную ситуацию, «концептуализирует определённый фрагмент внеязыковой действительности, сопоставляя ему нечто, что можно назвать

«концепт ситуации», и этот концепт включает определённый набор участников» [12. С. 52]. Участникам кроме роли и синтаксической позиции соответствуют таксономические классы (далее Т-класс), такие как *лицо*, *предмет*. В самом общем виде ситуация изменения местоположения в пространстве на примере глагола *entgegengehen* включает следующих участников: (1) субъект движения (Т-класс *человек*), (2) конечная точка (Т-класс *человек*) и (3) каузатор, в данном случае он не уточняется.

Принимая во внимание исследования Е.В. Падучевой, второе значение глагола *entgegengehen* рассматриваем как пример семантической деривации, в основе которой — мена Т-класса участника [12. С. 158]: конечной точкой для второго значения глагола является *событие*. В результате мены Т-класса участника глагол обозначает не изменение местоположения субъекта движения, а его приближение во времени к некоторому событию. Забегая вперед, отметим, актуальность выявленного и описанного Е.В. Падучевой механизма семантической деривации для исследования метафоры «БУДУЩИЕ СОБЫТИЯ — ВПЕРЕДИ» в сообщениях в форме политической карикатуры.

По нашему мнению, такие словосочетания с глаголом *entgegengehen*, как *guten Zeiten*, *großen Ereignissen*, *der Verwirklichung aller Hoffnungen entgegengehen* отражают представление о движении к будущему событию как пути к достижению некоторой цели, а их использование в речи актуализирует на лингво-когнитивном уровне немецкой языковой личности ассоциативную цепочку в направлении концепта WEG (путь), наименование которого (лексема *Weg*), по замечанию М.М. Маковского, соотносится с индоевропейским **uegh-* ‘двигаться’ [13. С. 565].

Анализ толкований лексико-семантических вариантов лексемы *Weg* свидетельствует о многообразии образов, группирующихся в пространстве концепта: (1) дорога, трасса, автобан, тропа, тропинка ‘*natürliche, durch Festtreten entstandene oder künstlich angelegte, nicht oder nur wenig dauerhaft befestigte, relativ schmale Bahn, bes. für Fußgänger*’; (2) отрезок пути, расстояние, путешествие, поездка ‘*Strecke, die zurückgelegt werden muss, um an ein bestimmtes Ziel zu gelangen*’; (3) направление ‘*Gang oder Fahrt in einer bestimmten Richtung*’ [9. Т. 6. С. 4280–4281]. Следует отметить наложение второго и третьего значений слова *Weg* и значений лексемы *Kurs* ‘курс’ (‘*Richtung des zurückzulegenden Weges, Verlauf der Fahr-, Flugstrecke*’ [9. Т. 3. С. 2272]), которая часто используется для обозначения направленного движения по воде или по воздуху. У последней лексемы сформировалось также переносное значение ‘*nach bestimmten Prinzipien festgelegte Richtung, Generallinie*’ / ‘генеральная линия; направление, определенное согласно определенным принципам’ [9. Т. 3. С. 2273].

Следует отметить, что представление о движении к будущему событию как пути к достижению некоторой цели поддерживается в немецком языке

многочисленными фразеологизмами с лексемами *Weg* и *Kurs*: *bis zu etwas ist noch ein weiter Weg* ‘что-либо дело далёкого будущего’, *seinen Weg machen* ‘добиться своего’, *auf dem Weg sein* ‘быть готовым (сделать что-либо)’, *auf dem besten Wege sein etwas zu erreichen* ‘в ближайшем будущем достичь какой-либо цели’ [10. С. 610–614]; *Kurs auf etwas nehmen* ‘взять курс на что-либо’, *einen Kurs einschlagen / Kurs auf etwas halten* ‘держать курс на что-либо’, *einen neuen Kurs steuern* ‘проводить новый курс’.

Вышеупомянутые языковые факты свидетельствуют о том, что в немецком языке имеет место метафорический концепт «БУДУЩИЕ СОБЫТИЯ — ВПЕРЕДИ»: приближение к грядущим событиям представляется как движение вперёд в их направлении. Языковой материал показал, что условием обозначения приближения во времени к некоторому событию глаголами, которые обозначают изменение местоположения субъекта движения, является мена Т-класса участника.

Представление о движении в направлении предстоящих событий поддерживается в сознании немецкой языковой личности фразеологизмами с лексемами *Weg* и *Kurs*, которые в силу своей прозрачности сохраняют ассоциативные связи с предметными представлениями и образами, группирующимися в ассоциативном поле концепта WEG. По нашим наблюдениям, данные образы используются в карикатурах с целью актуализации метафоры «БУДУЩИЕ СОБЫТИЯ — ВПЕРЕДИ».

Образы, актуализирующие метафору «БУДУЩИЕ СОБЫТИЯ — ВПЕРЕДИ» в немецкой политической карикатуре

Перемещение по земле

В заголовок рисунка 1993 г. «*Berufsleben — Blick in die Zukunft*» ‘Жизнь в профессии — взгляд в будущее’² вынесено существительное *Blick*, обозначающее направление взгляда, которое уточняется лексемой *Zukunft*. Рассматриваемое словосочетание обозначает направление движения (*In die Zukunft*), и представляет собой реализацию метафоры «БУДУЩИЕ СОБЫТИЯ — ВПЕРЕДИ» языковыми средствами. На рисунке изображены вышедшие из дверей *alma mater* выпускники университета, под ногами которых разверзлась бездонная пропасть. Изображение отвесного обрыва у их ног проецируется на немецкий фразеологизм *jemandem den Weg abschneiden* ‘поставить кого-либо в безвыходное положение’ [10. С. 610].

Вторая НС композита *Berufsleben* в заголовке карикатуры восходит к существительному *Leben* ‘жизнь’ и входит в качестве первой НС в состав сложного слова *Lebensweg* ‘жизненный путь’, во внутренней форме которого

² EB-Nummer 2011/09/0086.0001

находит выражение ассоциативная связь представления о движении человека по временной оси в течение всей его жизни и о дороге как преодолеваемом им пути из настоящего в будущее. Подобные случаи «опредмечивания» не-предметных сущностей Н.К. Рябцева определяет как результат действия универсального механизма, ставшего когнитивным достижением здравого смысла в освоении не-предметных сущностей, который она называет «принципом наглядности в языке» [5. С. 125].

Таким образом, ориентиром для верного декодирования рассматриваемой карикатуры является реализация метафоры «БУДУЩИЕ СОБЫТИЯ — ВПЕРЕДИ» в вербальной части сообщения, которая подкрепляется в его изобразительной части обращением к образу обрыва как непреодолимого препятствия на пути: речь идет об отсутствии возможности реализации выпускников университетов в профессии на фоне рецессии 1993 года.

Согласно статистическим данным, которые были получены А.Н. Таджибовой и Л.В. Быковой в ходе исследования интернет-публикаций на немецкоязычных сайтах, самыми частотными метафорами, которые используются в текстах политической направленности, являются номинации со сферой-источником «дорога» [14. С. 240]. Наши наблюдения подтверждают сложившееся у них мнение. В пространстве политической карикатуры изображение дороги используется для визуализации представления о движении в направлении предстоящих событий, как, к примеру, на рисунке 1989 г. «Verfolgungsjagd» ‘Преследование’³, который посвящен решению проблем в жилищном строительстве. На карикатуре изображена дорога, по которой движется огромная толпа людей. В том же направлении, далеко отставая от устремившихся вперед людей, ползет улитка, на спине которой расположен домик с надписью *Wohnungsbau* ‘жилищное строительство’. Изображение улитки (Т-класс — *живое существо*) является персонификацией абстрактного понятия и субъектом движения, который приближается во времени к решению проблем в данной отрасли экономики ФРГ.

На крыше домика улитки сидят члены федерального правительства во главе с Г. Колем, вооруженные хлыстами. Они безуспешно пытаются придать улитке ускорение и догнать огромную толпу людей, которая ушла от них далеко вперед. Заложенная в карикатуру авторская оценка эффективности действий правительства раскрывается за счет проекции изображения в лексикон немецкой языковой личности на фразеологизмы *kriechen wie eine Schnecke* ‘ползти как улитка’, *im Schnecken tempo* ‘черепашьим шагом’ [10. С. 493].

Направление к будущему событию на рисунке 1989 г. «Ohne Titel (Deutsch-deutsches Tandem auf dem Weg zur Einheit)» ‘Немецко-немецкий тандем на пути к единству’⁴, который посвящен процессу объединения Германии,

³ EB-Nummer 1995/01/0001.0028

⁴ EB-Nummer 1995/01/0001.0199

задается надписью на придорожном указателе «zur Einheit» ‘к объединению’. По дороге на двухместном велосипеде мчатся вперед два немецких Михеля [15], за ними ползет улитка, на спине которой восседают представители стран-победительниц во Второй мировой войне. Художник обращается к сравнению, как средству конкретизации темпорального признака — ‘растянутое во времени’ движение к решению проблемы о необходимости воссоединения Германии. Обозначенный темпоральный признак визуализируется опутывающей улитку паутиной, которая в пространстве карикатуры используется для оформления ретроспективной ссылки, является признаком отсутствия движения в течение продолжительного времени [16. С. 59].

Следует обратить внимание на условия транспозиции из сферы пространственных отношений в область темпоральных (временных) отношений. К маркерам такой транспозиции относятся: (1) надпись на придорожном указателе, на котором называется *событие* (Т-класс) вместо обозначения *места* (Т-класс), что свидетельствует о том, что речь идет не об изменении местоположения субъекта движения, а о его приближении во времени к объединению Германии; (2) использование образов двух Михелей (Т-класс *лицо*), обозначающих *социальные целостности* (Т-класс) ФРГ и ГДР, т.е. мена Т-класса субъекта движения.

Р.Д. Керимов отмечает, что метафора дороги получила в последние два тысячелетия широкое распространение, указывая в разных контекстах на возможные «пути» развития [17. С. 143]. Подтверждение его словам находим на рисунке 1994 г. «Alles beim Alten»⁵ ‘Всё по-старому’: Михелю предоставляется выбор из двух возможных вариантов дальнейшего развития событий на выборах в Бундестаг 16.10.1994. Выбор визуализируется развилкой дорог и маркируется указателями направления «*Rot-Grün*» и «*CDU/CSU/FDP*». Заголовок карикатуры и выбранное Михелем направление свидетельствует о сохранении прежнего курса развития Германии. Изображение электората ФРГ (Т-класс *социальная целостность*) в образе Михеля (Т-класс *лицо*) маркирует транспозицию ситуации в область временных отношений.

В немецком политическом дискурсе отмечается широкое распространение метафоры железной дороги. В политических речах она представлена номинациями *der Zug* ‘железнодорожный состав / поезд’, *der Wagen / der Waggon* ‘вагон’, *die Lokomotive* ‘локомотив’ [17. С. 140]. Образы, соответствующие данным номинациям, используются в немецкой политической карикатуре. Изображение локомотива с лицом Ф.Й. Штрауса обнаруживаем на рисунке 1980 г. «*Die Wahlkampflokomotive*»⁶. Согласно системе типов семантических отношений В. Фляйшера первая часть

⁵ EB-Nummer 2011/09/0086.0465

⁶ EB-Nummer 1990/6/573

(определитель) композита в заголовке карикатуры выражает отношение предназначения ‘пригодный / предназначенный для участия в выборах’ [18. С. 121]. Определитель композита дает ссылку на *событие* (Т-класс), к которому стремится Штраус: участие в выборах на замещение должности федерального канцлера в качестве кандидата от Христианско-социального союза (ХСС). Эта часть сложного слова, которая указывает на событие как конечную точку движения, служит для адресата сообщения маркером транспозиции в область временных отношений. Вторая НС (основное слово *Lokomotive*), проиллюстрированная рисунком, с одной стороны, проецируется в область концепта WEG, формируя ассоциативную связь с представлением о пути Штрауса, с другой стороны, дает высокую оценку его бойцовским качествам. Однако карикатурист сомневается в том, что Штраус сможет составить конкуренцию Г. Шмидту: на рисунке персонаж, представляющий ХСС, приподнимает локомотив Штрауса и обнаруживает под ним его уменьшенную копию.

Связь изображения железной дороги с представлением о жизненном пути, о жизни как путешествии реализуется в карикатуре 1991 г. «Ohne Titel»⁷ (Jelzin-Express / Экспресс Ельцина), посвященной последствиям Августовского путча 1991 г. На рисунке экспресс, маршрут которого определяется надписью «Jelzin-Express», отправляется, а М. Горбачёв остается на платформе: следующий отрезок пути в истории России будет определяться линией Б. Ельцина. О смысле, вкладываемом художником в изображение поезда, свидетельствует реплика Ельцина, в состав которой входит лексема *Leben* ‘жизнь’: «Wer zu spät kommt, den bestraft das Leben...» ‘Опоздавшего наказывает жизнь’. Изображение Горбачёва проецируется в лексикон немецкой языковой личности на фразеологизм *Der Zug ist weg / fort* ‘возможность упущена’ [10. С. 643].

Интересна табличка о направлении поезда «Reform-Express» ‘Экспресс на реформы’ на рисунке 1989 г. «Einsteigen bitte — der Zug fährt ab!»⁸ ‘Пожалуйста, войдите в вагон, — поезд отправляется!’. На такой табличке в системе пространственных отношений обычно указывается конечная точка путешествия, но карикатурист осуществляет мену Т-класса конечной точки (в надписи указывается *событие*), что позволяет сформировать у адресата сообщения ассоциацию на движение во времени в направлении будущих событий.

Обобщая наблюдение актуализации метафоры «БУДУЩИЕ СОБЫТИЯ — ВПЕРЕДИ» через обращение к образу дороги, который может быть представлен дорожным указателем, тропинкой, проторенной дорогой, автобаном или железной дорогой, отмечаем основные возможности детализации

⁷ EB-Nummer 1995/01/ 0001.0337

⁸ EB-Nummer 2011/09/0086.0053

сообщения, которые можно определить как обстоятельства, определяющие продвижение вперед. Введение в изображение нескольких персонажей, которые используют разные способы передвижения и разные транспортные средства, позволяет художнику акцентировать внимание на скорости их продвижения, т.е. дать характеристику эффективности их действий.

Голубыми дорогами

Практический опыт хозяйственной деятельности закрепил в сознании населения Германии представление о реке как водном пути. Представление о реке как пути, ведущем к цели, находит отражение в немецкой пословице *Alle Flüsse laufen ins Meer*. Составители словаря «*Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache*» интерпретируют ее содержание следующим образом: «*Es führt alles einmal zum Ziel*» ‘всё приводит когда-то к цели’ [9. Т. 2. С. 1333].

В пространстве политической карикатуры обращение к образу реки позволяет акцентировать внешние обстоятельства, в том числе возникновение опасных ситуаций в будущем. Например, на рисунке 1991 г. «*Ohne Titel*» (*Jugoslawien steht vor dem Abgrund / Югославия на краю обрыва*)⁹ изображен речной поток, который несет лодку «*Jugoslawien*» с дерущимися людьми в сторону обрыва, где вода низвергается на камни. Изображение камней в водном потоке проецируется в лексикон немецкой языковой личности на слово *Klippe* ‘утёс / риф’, которое, по наблюдениям исследователей немецкого политического дискурса, стало в переносном смысле выражать препятствия (ср., например: *eine Klippe überwinden* ‘преодолеть препятствие’, *jemanden durch die Klippen führen* ‘помогать кому-либо обходить подводные камни’) [17. С. 140]. В пространстве анализируемой карикатуры дополнительный смысл — ‘неотвратимость движения’ к печальному концу — основывается на фоновых знаниях адресата сообщения о необратимости течения реки. Другой дополнительный смысл определен выбором лодки как используемого транспортного средства. Изображая персонажей в одной лодке, художник создает проекцию в лексикон немецкой языковой личности на фразеологизм *in einem Boot sitzen* ‘сидеть в одной лодке’ [10. С. 100], подчеркивая, что враждующие стороны находятся в одинаковых условиях, у них один путь, одна судьба.

Древним и широко известным образом является «государственный корабль» (*das Staatsschiff*), который может пониматься так же, как коллективное жизненное плавание какого-либо социального целого [19. С. 259–292; 20. С. 68]. Визуализацию данного представления находим на рисунке 1994 г. «*Ohne Titel*» (*US-Soldaten betreten das Problemschiff Haiti / Солдаты США поднимаются на борт проблемного судна «Гаити»*)¹⁰. На карикатуре изображен парусник «Гаити». Его груз, помеченный как *Probleme* ‘проблемы’, пиратский

⁹ EB-Nummer 1995/01/0001.0368

¹⁰ EB-Nummer 2011/09/0086.0066

флаг с «Весёлым Роджером» на флагштоке и окровавленные трупы на борту корабля отражают сложившееся положение в стране. Со стороны кормы спускается в лодку Р. Цедрас (он возглавил государственный переворот на Гаити в 1991 г. и находился во главе страны с 1991 по 1994 г.), в то время как со стороны бака на борт парусника поднимаются солдаты США. В нашем представлении такая локализация действующих лиц относительно корпуса корабля неслучайна: события, связанные с Цедрасом, уходят в прошлое Гаити, в будущем страны — события, определяемые присутствием солдат США на ее территории.

В обоих вышерассмотренных случаях маркером транспозиции из области пространственных в область темпоральных отношений служит имя транспортного средства, которое фиксирует меню Т-класса субъекта движения: изображаются лодка и парусник (Т-класс *транспортное средство*), но речь идет о гражданах Югославии и населении Гаити (Т-класс *социальная целостность*).

Кризисная ситуация, которая сложилась в коалиции СДПГ (Социал-демократическая партия Германии) и СвДП (Свободная демократическая партия) в 1982 г., отражается в карикатуре «Der Lotse bleibt an Bord»¹¹ ‘Лоцман остаётся на борту’. В образе полуразрушенного корабля под названием «SPD / F.D.P. Koalition» представлена коалиция СДПГ и СвДП как субъект действия в поступательном движении в будущее. За штурвалом судна — федеральный канцлер Г. Шмидт. Судно прочно село на мель: очевидна проекция изображения в лексикон немецкой языковой личности на фразеологизмы *der Mann am Ruder* ‘кормчий / руководитель’, *das Ruder führen* ‘править’, *am Ruder bleiben* ‘оставаться у власти’ и *auf dem Trockenen sitzen (sein)* со значением ‘застрять, стоять на месте, не двигаться ни назад ни вперед’ [10. С. 576]. Выбранный образ позволяет художнику акцентировать обстоятельства, препятствующие движению «государственного корабля» вперед.

В сознании немецкой языковой личности сложилось понимание жизни как морского путешествия *Lebensreise* ‘жизненный [морской] путь’, в котором можно ‘потерпеть крушение’ *Schiffbruch erleiden*, ‘очутиться за бортом’ или ‘погибнуть’ *über Bord gehen*, ‘потопить судно’ *ein Schiff in den Grund bohren*. Последний фразеологизм образует основание, к примеру, для карикатуры 1983 года «Ohne Titel» (Sinkendes Schiff “Genf” / Тонущее судно «Женева»)¹², темой которой стали женеvские переговоры между США и СССР, посвященные ликвидации ракет средней и меньшей дальности в Европе.

Изображая корабль как средство перемещения персонажей в пространстве карикатуры, художник создает проекции и на другие области в лексиконе немецкой языковой личности, активизирует другие ассоциативные

¹¹ EB-Nummer 1995/01/0001.0534

¹² EB-Nummer 1995/01/0001.0276

связи. Проекция на устойчивые словосочетания со словами *Ruder* и *Steuer* выдвигает значение лидера, определяющего направление движения (каузатора движения): *das Ruder (Steuer) des Staates ergreifen* ‘брать в свои руки управление’, *das Ruder (Steuer) in der Hand haben* ‘держат в руках бразды правления’, *am Ruder (Steuer) sein* ‘быть у власти’, *jemanden ans Ruder bringen* ‘привести к власти кого-либо’, *ans Ruder kommen* ‘прийти к власти’, *das Steuer herumwerfen* ‘резко изменить курс’ [10. С. 467, 540]. Р.Д. Керимов относит метафоризацию данных выражений к XVII—XIX вв., когда роль парусного флота была чрезвычайно высока [17. С. 142]. Иллюстрацией проекции изображения на вышеперечисленные словосочетания служит карикатура 1982 года «Volle Kraft voraus!» ‘Полный вперед!’¹³, на которой за штурвалом корабля под флагом ФРГ изображён федеральный канцлер Г. Шмидт (спецификация Т-класса каузатора: *рулевой* → *политический лидер*). Роль лидера акцентируется и в том случае, когда изображение персонажа венчает маяк (мена Т-класса: *техническое сооружение* на *политический лидер*), что используется в рисунке 1996 года «Ohne Titel» (Willy Brandt Leuchtturm für die SPD¹⁴ / Вилли Брандт — маяк для Социал-демократической партии Германии).

Изображение политического лидера может занимать место гальюнной фигуры, как на карикатуре 1994 г. «Ohne Titel» (Klaus Kinkel als Galionsfigur einer Arche¹⁵ / Клаус Кинкель как гальюнная фигура ковчега). На рисунке нос корабля украшает голова Кинкеля, который был министром иностранных дел (1992–1998) и вице-канцлером Германии (1993–1998). Специфика изображения судна Кинкеля как Ноева ковчега, который ассоциируется со спасением, оформляет модальность сообщения, привносит в него положительную оценку деятельности политика.

Таким образом, возможность визуализации движения в будущее с использованием изображений лодки и корабля имеет своим основанием сложившееся метафорическое представление о жизни как путешествии. Дополнительные смыслы, которые несут изображения лодки и корабля в пространстве карикатуры, определяются ассоциациями, которые активируются с помощью данных изображений на лингво-когнитивном уровне немецкой языковой личности. Как правило, изображения иллюстрируют образную составляющую фразеологизмов, которые вследствие переосмысления приобрели определенные переносные значения. Обращение к образам средств передвижения по воде при реализации метафоры «БУДУЩИЕ СОБЫТИЯ — ВПЕРЕДИ» позволяет художнику акцентировать роль лидера, который определяет курс судна или выполняет функцию маяка.

¹³ EB-Nummer 1995/01/0001.0175

¹⁴ EB-Nummer 2011/09/0086.0234

¹⁵ EB-Nummer 2011/09/0086.0063

Воздушным курсом

Существование в словарном составе немецкого языка сложных слов со второй НС — *schiff* (*Luftschiff*, *Flugschiff*) для обозначения воздушных транспортных средств свидетельствует о том, что перемещение в воздушной среде в период становления лексики в сфере авиасообщения, осознается немецкой языковой личностью как некоторое подобие перемещению по воде. Атмосфера, окружающая землю, интерпретируется как воздушный океан (*Luftmeer*), а используемые в данной стихии транспортные средства как воздушные корабли, которые перемещаются по воздушным дорогам (*Luftweg*).

В политической карикатуре указанное обстоятельство образует основание для расширения сферы применения метафоры «государственный корабль», о которой мы упоминали ранее, на воздушные транспортные средства. Пример реализации метафоры «государственный корабль» изображением воздушного транспортного средства находим на карикатуре 1989 года «Ohne Titel» (DDR als Ballonkorb / ГДР как аэростат с корзиной)¹⁶. На рисунке изображен аэростат (Т-класс **транспортное средство**) с государственным гербом Германской Демократической Республики (Т-класс **социальная целостность**), последний является маркером транспозиции изображения в сферу временных отношений. Аббревиатура *SED* на корзине обозначает каузатора движения — Социалистическую единую партию Германии, правящую партию ГДР. Модальность сообщения формируется изобразительными средствами: сложившееся к 1989 году положение дел в стране отражается плачевным состоянием аэростата: на его поверхности многочисленные разрывы, он не в состоянии удерживать высоту и волочит прикрепленную к нему корзину по земле.

Следует отметить существующие в немецком языке параллели в употреблении устойчивых словосочетаний и лексем, которые применимы как в судоходстве, так и в авиасообщении. В ряде случаев языковые единицы, которые начинают использоваться в сфере авиасообщения, кроме прямого уже имеют переносное значение. К примеру, в карикатуре 1993 г. «Wenn Ihr *den Kurs* nicht sofort ändert, springe ich...!»¹⁷ ‘Если Вы сейчас не измените курс, я прыгну из самолёта...!’ художник играет с прямым и переносным значениями существительного *Kurs*. Изображение отсылает к прямому значению слова ‘направление движения транспортного средства’. Идентификация персонажей в кабине пилотов (федеральный канцлер Г. Коль, председатель ХСС Т. Вайгель, председатель СвДП О. Ламбсдорф) отсылает к переносному значению лексемы (‘генеральная линия; направление, определенное согласно определенным принципам’) и теме сообщения — разногласиям в правящей

¹⁶ EB-Nummer 1995/01/0001.0032

¹⁷ EB-Nummer 2011/09/0086.0447

коалиции: предстояло решить вопрос об участии немецких солдат в операции НАТО на территории Боснии (Т-класс *событие*) с использованием самолетов НАТО, оснащенных авиационными комплексами радиобнаружения и наведения (авакс). Аббревиатура *AWACS* по борту самолета — прозрачный намек на данное событие и на транспозицию изображаемого из области пространственных в сферу временных отношений.

Как в карикатурах с изображениями водных транспортных средств, в карикатурах с использованием образа самолета может быть подчеркнута роль политического лидера (каузатора движения), который определяет направление движения к будущим событиям. Иллюстрацией выделения руководящей роли федерального канцлера Г. Коля является карикатура 1996 г. «Nun fang mir du nicht auch noch an zu stottern...»¹⁸ ‘Не начинай ещё ты мне барахлить...’: на ней изображен самолет с лицом Коля.

Примеры с изображением воздушных транспортных средств на карикатурах малочисленны, но позволяют проследить их подобие примерам реализации метафоры «БУДУЩИЕ СОБЫТИЯ — ВПЕРЕДИ» с использованием образов водных транспортных средств.

Заключение

Обобщая вышесказанное, отметим, что в немецком языке имеет место метафорический концепт «БУДУЩИЕ СОБЫТИЯ — ВПЕРЕДИ»: приближение к грядущим событиям представляется как движение вперед в их направлении. Представление о движении в направлении предстоящих событий поддерживается в сознании немецкой языковой личности фразеологизмами с лексемами *Weg* и *Kurs*, которые в силу своей прозрачности сохраняют ассоциативные связи с предметными представлениями и образами, группирующимися в ассоциативно-семантическом поле концепта *WEG* ‘путь’. Изображаемые ситуации и образы, которые используются в карикатурах с целью актуализации метафоры «БУДУЩИЕ СОБЫТИЯ — ВПЕРЕДИ», тяготеют к трем центрам: перемещение по земле, воде и воздуху.

Актуализация метафоры осуществляется меной Т-класса участника. В ситуации перемещения в пространстве есть следующие участники: (1) субъект движения (Т-класс *живое существо, транспортное средство*), (2) конечная точка / маршрут (Т-класс *место*), (3) каузатор. Если меняется Т-класс первого участника, и в качестве субъекта движения определяется, к примеру, отрасль промышленности, или меняется Т-класс второго участника, и в качестве конечной точки определяется событие, изображаемая ситуация подразумевает движение субъекта во времени.

Реализуя метафору «БУДУЩИЕ СОБЫТИЯ — ВПЕРЕДИ» с опорой на изображение изменения положения в пространстве, карикатурист

¹⁸ EB-Nummer 2011/09/0086.0281

расставляет в своем сообщении в форме карикатуры вехи, которые маркируют для адресата транспозицию ситуации из области пространственных в область временных отношений. Признаками транспозиции являются:

- мена Т-класса субъекта движения: (1) обращение к традиционным персонификациям (например, немецкий Михель) социального целого при изображении субъекта движения; (2) изображение абстрактного понятия как живого существа (улитка «Wohnungsbau»); (3) представление социального целого в образе транспортного средства (аэростат «ГДР»)
- мена Т-класса конечной точки / маршрута: (1) обозначение событий как цели (zur Einheit); (2) определение маршрута движения именем политического лидера (Jelzin-Express);
- мена или спецификация Т-класса каузатора движения: (1) наложение на изображение транспортного средства или маяка изображения политического лидера; (2) изображение политического лидера за штурвалом самолета или корабля.

Метафора «БУДУЩИЕ СОБЫТИЯ — ВПЕРЕДИ» образует основу темпоральной структуры сообщения в форме политической карикатуры, но может принимать участие в формировании модальности сообщения через детализацию используемого образа.

Реализуя метафору «БУДУЩИЕ СОБЫТИЯ — ВПЕРЕДИ», образы, тяготеющие к разным центрам ассоциативного поля концепта WEG, обладают разными потенциями для детализации сообщения. Изображение развилки дороги подчеркивает проблему выбора курса дальнейшего развития. Преодолеваемые трудности на пути к поставленной цели визуализируются препятствиями на дороге и сложностью преодолеваемого пути. Оценка эффективности действий персонажей дается через сравнение скорости используемых ими транспортных средств, движущихся в одном направлении. Общность судьбы персонажей акцентируется их изображением в одной лодке. Роль лидера в определении курса позволяет подчеркнуть изображение морского судна, самолета или маяка.

Библиографический список

1. *Novospasskaya N.V., Zou Huajing.* The Formation of Polycode Text Theory // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 2. С. 501–513. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-2-501-513>
2. *Денисова Г.Л.* Обращённость карикатур периода Великой Отечественной войны к русской языковой личности // Вопросы когнитивной лингвистики. 2020. № 1. С. 78–86. <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2020-1-78-86>
3. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М. : Изд-во ЛКИ, 2010.
4. *Уфимцева Н.В., Балясникова О.В.* Национальное самосознание и ассоциативно-вербальная сеть: об одной гипотезе Ю.Н. Караулова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 2. С. 238–254. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-2-238-254>
5. *Рябцева Н.К.* Язык и естественный интеллект. М.: Academia, 2005.

6. Nagy W. *Figurative Patterns and Redundancy in the Lexicon* [dissertation]. San Diego: University of California, 1974.
7. Лакофф Дж., Джонсон М. *Метафоры, которыми мы живём*. М.: Едиториал УРСС, 2004.
8. Agricola E. *Wörter und Wendungen*. Leipzig: Bibliograph. Institut, 1979.
9. Klappenbach R., Steinitz W. *Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache*: in 6 Bänden. Berlin: Akademie, 1981–1985.
10. Binowitsch L.T., Grischin N.N. *Deutsch-russisches phraseologisches Wörterbuch*. Moskau: Russische Sprache, 1975.
11. Kempcke G. *Handwörterbuch der deutschen Gegenwartssprache*: in zwei Bänden. Berlin: Akademie, 1984.
12. Падучева Е.В. *Динамические модели в семантике лексики*. М.: Языки славянской культуры, 2004.
13. Маковский М.М. *Этимологический словарь современного немецкого языка*. М.: Азбуковник, 2004.
14. Таджибова А.Н., Быкова Л.В. Дорога как сфера-источник метафорической экспансии при освещении политических событий в прессе Германии // *Litera*. 2018. № 3. С. 238–248. <https://doi.org/10.25136/2409-8698.2018.3.26676>
15. Медяков А.С. От крестьянина до архангела: образ немецкого Михеля в годы Первой мировой войны // *Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории*. 2018. № 63. С. 146–166.
16. Денисова Г.Л. Категория времени в политической карикатуре // *Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал*. 2018. № 3(53). С. 51–69. <https://doi.org/0421200038/XXXX>
17. Керимов Р.Д. *Метафорический антропоморфизм в социально-политической коммуникации*. Кемерово: Кемеровский гос. ун-т., 2015.
18. Степанова М.Д., Фляйшер В. *Теоретические основы словообразования в немецком языке*. М.: Высшая школа, 1984.
19. Schäfer E. *Das Staatsschiff: Zur Präzision eines Topos* // *Toposforschung: Eine Dokumentation*. Frankfurt am Main: Athenäum, 1972. P. 259–292.
20. Müller K. *Lexikon der Redensarten*. München: Lexikographisches Institut; Gütersloch: Bettelsmann Lexikon Verlag, 1994.

References

1. Novospasskaya, N.V. & Zou, Huajing. (2021). The Formation of Polycode Text Theory. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(2), 501–513. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-2-501-513>
2. Denisova, G.L. (2020). Appeal of the Great Patriotic War cartoons to the Russian language personality. *Issues of Cognitive Linguistics* 1, 78–86. <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2020-1-78-86> (In Russ.).
3. Karaulov, Yu.N. (2010). *The Russian Language and Language Personality*. Moscow: LKI Publ. (In Russ.).
4. Ufimtseva, N.V. & Balyasnikova, O.V. (2021) National Identity and the Associative-Verbal Network: on a Hypothesis of Yu.N. Karaulov. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(2), 238–254. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-2-238-254> (In Russ.).
5. Ryabtseva, N.K. (2005). *Language and natural intelligence*. Moscow: Academia. (In Russ.).
6. Nagy, W. (1974). *Figurative Patterns and Redundancy in the Lexicon* [dissertation]. San Diego: University of California.
7. Lakoff, G. & Mark, J. (2004). *Metaphors We Live By*. Moscow: Editorial URSS. (In Russ.).
8. Agricola, E. (1979). *Wörter und Wendungen*. Leipzig: Bibliograph. Institut. (In Germ.).
9. Klappenbach, R. & Steinitz, W. (1981–1985). *Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache: in 6 Bänden*. Berlin: Akademie. (In Germ.).

10. Binowitsch, L.T. & Grischin, N.N. (1975). *Deutsch-russisches phraseologisches Wörterbuch*. Moskau: Russische Sprache. (In Germ.).
11. Kempcke, G. (1984). *Handwörterbuch der deutschen Gegenwartssprache: in zwei Bänden*. Berlin: Akademie. (In Germ.).
12. Paducheva, E.V. (2004). *Dynamic Models in Lexical Semantics*. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury. (In Russ.).
13. Makovskii, M.M. (2004). *Etymological Dictionary of Modern German*. Moscow: Azbukovnik.
14. Tadzhibova, A.N. & Bykova, L.V. (2018). The Road as a Sphere-source of Metaphorical Expansion in the Coverage of Political Events in the German Press. *Litera*, 3, 238–248. <https://doi.org/10.25136/2409-8698.2018.3.26676> (In Russ.).
15. Medyakov, A.S. (2018). From peasant to archangel: The image of the German Michael during the First World War. *Dialogue with Time. Intellectual History Review*, 63, 146–166. (In Russ.).
16. Denisova, G.L. (2018). The Time Category in a Political Cartoon. *World of Linguistics and Communication: electronic scientific journal*, 3(53), 51–69. <https://doi.org/0421200038/XXXX> (In Russ.).
17. Kerimov, R.D. (2015). *Metaphorical anthropomorphism in social-political communication*. Kemerovo: Kemerovskii gosudarstvennyi universitet. (In Russ.).
18. Stepanova, M.D. & Fleischer, W. (1984) *Theoretical foundations of word formation in German*. Moscow: Vysshaya shkola. (In Russ.).
19. Schäfer, E. (1972). Das Staatsschiff: Zur Präzision eines Topos. In: *Toposforschung: Eine Dokumentation*. Frankfurt am Main: Athenäum. pp. 259–292. (In Germ.)
20. Müller K. (1994). *Lexikon der Redensarten*. München: Lexikographisches Institut; Gütersloch: Bettelsmann Lexikon Verlag. (In Germ.).

Сведения об авторе:

Денисова Галина Леонидовна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории и методики преподавания иностранных языков и культур, Тольяттинский государственный институт (445020, Российская Федерация, Тольятти, ул. Белорусская, 14); *научные интересы*: медиалингвистика, политическая лингвистика, когнитивная лингвистика, теория текста; *e-mail*: g.denisova@tltsu.ru
ORCID: 0000-0002-4238-7587; SPIN-код: 9732-9593.

Information about the author:

Galina L. Denisova, Dr. Sc. (Philology), Associate Professor, Professor of Chair of Theory and Methods of Teaching of Foreign Languages and Cultures, Togliatti State University (14, Belorusskaya str., Togliatti, Russian Federation, 445020); *Research interests*: media linguistics, political linguistics, cognitive linguistics, text theory; *e-mail*: g.denisova@tltsu.ru
ORCID: 0000-0002-4238-7587; SPIN-code: 9732-9593.

DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-3-664-683

EDN: HLEXET

UDC 81'22:791.43.05

Research article / Научная статья

Event Construal through Spatial Relations in Science Documentaries: Language and Image

Nare A. Ovagimian¹ , Maria I. Kiose^{1,2} ¹Moscow State Linguistic University, *Moscow, Russian Federation*²Institute of Linguistics RAS, *Moscow, Russian Federation* maria_kiose@mail.ru

Abstract. Information construal in cinematic discourse employs different semiotic modes; meanwhile, their variance is yet to be explored. The study is aimed at exploring spatial event construal in the language and image modes of science documentaries. We hypothesise that three major event types — environmental events, human-environment interaction events and interpersonal interaction events — employ different spatial construal patterns in language and image, which results from mode allowances and constraints. To verify the hypothesis, we use spatial image schema topology while identifying the image schemas in the lexical and grammatical structure of language and in the layout of the objects, the manner of their movement and interaction in image. The research data include 353 events in single clauses and in shots extracted from two English-language science documentaries. The results show the prevalence of the source-path-goal schema in both semiotic modes, which consequently prevents it from differentiating between event types both within and across the modes. The schemas scale, straight, and near-far display a tendency to differentiate between events; however, no significant distinctions were observed, presumably due to the ontological nature of events as well as the semiotic characteristics of the modes. Additionally, the study reveals that spatial construal of events can follow parallel alignment, commonly with the schemas source-path-goal, contact, near-far, and complementary alignment with the schemas centre-periphery, scale, up-down, front-back, straight, left-right, which reflects a complex nature of inter-semiotic relations in cinematic discourse. The findings of the article contribute to the understanding of event construal in the multimodal discourse of science documentaries.

Keywords: multimodality, semiotic mode, image schema, spatial relations construal, popular science cinematic discourse, event, documentary film

Conflicts of interest: The authors declare no conflicts of interest.

Authors' contribution: The authors contributed equally to this article.

Article history:

Received: 01.06.2024

Accepted: 15.06.2024

© Ovagimian N.A., Kiose M.I., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

For citation:

Ovagian, N.A. & Kiose, M.I. (2024). Event Construal through Spatial Relations in Science Documentaries: Language and Image. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 15(3), 664–683. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-3-664-683>

Конструирование событий через призму пространственных отношений в научно-популярном кино: язык и изображение

Н.А. Овагимян¹ , М.И. Киосе^{1,2}

¹Московский государственный лингвистический университет, Москва,
Российская Федерация

²Институт языкознания РАН, Москва, Российская Федерация

 maria_kiose@mail.ru

Аннотация. Конструирование информации в кинодискурсе происходит с участием разных семиотических модальностей, при этом особенности их варьирования изучены слабо. Исследование направлено на изучение особенностей представления событий в терминах пространства в языковой и визуальной модальностях научно-популярных документальных фильмов. Гипотеза исследования заключается в том, что три основных типа события — окружающей среды, взаимодействия человека и окружающей среды, взаимодействия людей между собой — задействуют разные возможности конструирования пространства в языке и изображении, что обусловлено возможностями и ограничениями модальностей. Для проверки гипотезы используется метод анализа образ-схем пространственных отношений, которые определяются в лексической и грамматической семантике языка и в расположении, движении и взаимодействии объектов в изображении. Материалом анализа являются 353 события, соотнесенные с клаузами в языке и с кадрами в изображении в двух англоязычных научно-популярных фильмах. Было установлено, что образ-схема ИСТОЧНИК-ПУТЬ-ЦЕЛЬ превалирует в обоих модусах, что не дает ей возможности значимо различать типы событий внутри и между модусами. Схемы ШКАЛА, ПРЯМО, БЛИЖЕ-ДАЛЬШЕ демонстрируют некоторые тенденции в разграничении типов событий, однако значимые различия не были обнаружены, что определено обусловлено онтологической природой интерпретируемых событий, как и семиотическими характеристиками самих модусов. Также выявлено, что конструирование пространственных отношений в событиях языка и изображения может происходить параллельно (с использованием образ-схем ИСТОЧНИК-ПУТЬ-ЦЕЛЬ, КОНТАКТ, БЛИЖЕ-ДАЛЬШЕ) и комплементарно (с использованием образ-схем ЦЕНТР-ПЕРИФЕРИЯ, ШКАЛА, ВЕРХ-НИЗ, СПЕРЕДИ-ПОЗАДИ, ПРЯМО, СЛЕВА-СПРАВА), что отражает сложную природу межсемиотических связей в кинодискурсе. Выводы статьи способствуют более глубокому пониманию конструирования событий в мультимодальном дискурсе научно-документальных фильмов.

Ключевые слова: мультимодальность, семиотическая модальность, язык, изображение, образ-схема, конструирование пространственных отношений, научно-популярный кинокурс, документальный фильм

Заявление о конфликте интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: Вклад авторов равнозначен на всех этапах исследования.

История статьи:

Дата поступления: 01.06.2024

Дата приема в печать: 15.06.2024

Для цитирования:

Ovagimian N.A., Kiose M.I. Event Construal through Spatial Relations in Science Documentaries: Language and Image // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 3. С. 664–683. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-3-664-683>

Introduction

Multimodal studies of cinematic discourse which commonly address the functional structure of semiotic modes [1–3] have lately incorporated the methods of cognitive and discursive paradigms, which have allowed linguists explore the cognitive organisation of cinematic discourse [4–6]. One of the key directions in the cognitive studies is event construal analysis aimed at revealing the cognitive network of referents, their actions and states within the semiotic mode framework in cinematic discourse [7–9]. As shown in [4; 6; 10; 11], event construal is predominantly affected by the spatial relations of referents, which modulate mode alignment, or the synchronised use of semiotic modes. Meanwhile, we expect that spatial relations in cinematic discourse and their manifestations in the semiotic modes of language and image are maintained by different event types in cinematic discourse. Therefore, in this study, we address spatial relations in multimodal popular science documentaries displaying a complex event structure integrating several event types: 1) environmental events (Event Type 1); 2) human-environment interaction events (Event Type 2); and 3) interpersonal interaction events (Event Type 3). Presumably, these three event types display significant differences in presenting the spatial relations of referents, their actions and states in popular science documentaries. Additionally, we expect that their distribution in the semiotic modes of language and image will also be modulated by the event type. Methodologically, the research is grounded in image schema theories, which help explore the event construal process as a series of mental models displaying different degrees of embodiment [12; 13], and also in the discursive theories of spatial relations construal in different semiotic modes of cinematic discourse [4; 6].

The research data are taken from two scientific documentaries in English. The research questions which the paper advances, are primarily the following: 1) What spatial relations schemas are able to differentiate between different event types across both language and image modes? 2) How are spatial relations schemas in both modes related to each other? Following the studies which claim that semiotic modes display different discourse construal potential [14; 11], we hypothesise that i) there are significant differences between the image schemas of spatial relations in construing three types of events in (a) the language mode and (b) the image mode; ii) the language and image modes are related through both parallelism and complementation of image schemas of spatial relations.

The paper is structured as follows: First, we present the Theoretical Framework focusing on the background of analysing spatial relations applying to image schemas

as well as the studies treating inter-semiotic relations in multimodal discourse. Second, we introduce the Methods and Procedure of a multimodal analysis of spatial relations in cinematic discourse. Next, the Results and Discussion are presented, which specify 1) the most common image schemas of spatial relations construing the events in both modes, 2) the patterns and trends in the way image schemas differentiate between the three event types, and 3) the type (s) of relations between the two modes in the way they construe events with image schemas. In the Concluding Remarks section, we identify the research output and the prognostic prospects of its results.

Theoretical Framework

1. Image schemas of spatial relations

Since image schemas are seen as arising from our sensorimotor experience with the world, they are not restricted to any one perceptual mode, being “at once visual, auditory, kinesthetic, and tactile” [12. P. 349]. Image schemas may be viewed as generalisations over perceived similarities [13. P. 526]. Diachronic lexical-semantic changes of a word could be explained by the underlying image schemas [15, P. 107; 16; 12; 17], which direct the lexical-semantic development into extended meanings through metaphorical projections while simultaneously restricting it [17]. This tendency affects not only lexical units but also, importantly, grammatical features [18; 19. P. 325] whereby, for example, in the heart of any preposition lies a highly abstract conceptual structure [20; 21] which in many cases is based on spatial relations [10; 22].

Image schemas are commonly defined through their spatial characteristics and “consist of dynamic spatial patterns that underlie the spatial relations and movement found in actual concrete images.” [12. P. 356]. Mandler and Cánovas [13] differentiate between three types of cognitive structure: spatial primitives, image schemas, and schematic integrations, where image schemas are “simple spatial stories” built from spatial primitives as conceptual building blocks and both are used to create concepts with non-spatial elements in schematic integrations [13. P. 510–511]. Image schemas are encoded by spatial representations which have a “geometric (or even quasi-topological)” character [23. P. 9], are not propositional and not limited to a certain point of view. This leads to their inherently relational character. It has been observed that most space schemas establish relations between figure and ground, thus creating such oppositions as near-far or up-down [24–26].

Talmy [26] speaks about material entities revealing three types of spatial properties both in themselves and in relation to other material entities: a) spatial properties of a single object or mass of material in itself; b) spatial properties of one material entity in relation to another; c) spatial properties within a set of material entities as an ensemble [26. P. 436–438]. The first set of properties could be expressed by image schemas of a basic kind, such as object, whereas the third

group of properties is closely associated with image schemas belonging to the group of unity-multiplicity, e.g. part-whole or count-mass. The second type of spatial properties is the one that comes closest to describing the relations construed by the image schemas of spatial relations. Clausner and Croft [27] list the following space image schemas: up-down, front-back, left-right, near-far, centre-periphery, and contact, while the schema path belongs to the group of scalarity [27. P. 15]. Among other schemas, Evans [29] includes straight [28] and verticality, while source-path-goal, in his view, belongs to the group of locomotion [29. P. 108]. Hurtienne and Blessing [30] take Clausner and Croft's list but introduce the schema path into it, as well as the schema scale.

Therefore, for the analysis in this paper, we consider the following most frequently addressed image schemas of spatial relations: source-path-goal, centre-periphery, contact, scale, near-far, up-down, front-back, straight, and left-right.

2.1 Image schemas in different semiotic modes

The multimodal character of image schemas allows for research into their characteristics within and across semiotic modes in a given multimodal discourse. Image schemas have been discussed in relation to visual [e.g. 7; 8], audiovisual discourses [e.g. 31; 32; 33; 5] with particular focus on spatial relations in [6; 4; 10]. The relations between language and image have been studied in terms of logico-semantic relations borrowed from Systemic Functional Grammar [34; 11]. Studying a multimodal discourse (language and static image) through the ideational, interpersonal and textual meta-functions, Royce [14] concludes that the relationship between the two modes is that of inter-semiotic complementarity, which is synergistic in nature [14. P. 27].

Particularly important for this paper is the analysis of multimodal scientific texts by Lemke in [1], where he relates the three meta-functions to the semiotic functions: presentation of a state of affairs (ideational meta-function), construction of an orientational stance towards a state of affairs (interpersonal meta-function), and construction of a system of organisational relations (textual meta-function) [ibid.]. The meanings derived from different semiotic modes in a scientific text may not only be multiplied but are essentially made by the “joint co-deployment” of these modes [ibid. P. 110]. These are partly shaped by the affordances of each semiotic mode, where image represents events in a way that manifests their topological and dynamic character, including their suitability to represent spatial relations, while speech is more appropriate when representing “sequential relations and the making of categorical distinctions.” [11. P. 153]. Liu and O'Halloran [3] state that language and images complement each other across the expression, content and context planes. At the same time, the authors introduce two more cohesive mechanisms in a multimodal discourse: inter-semiotic parallelism and inter-semiotic polysemy, where the former “interconnects both language and images when the two semiotic components

share a similar form,” and the latter “refers to the cohesive relation between verbal and visual components which share multiple related meanings in multi-semiotic texts.” [ibid. P. 372]

The grammar-based approach to the study of image-language relations derives from the extrapolation of the relations between clauses in language to inter-semiotic relations, whereby their relative status may be equal or unequal [35]. In the case of equal status, language and image may be independent, where “there are no signs of one modifying the other,” and complementary, where “an image and a text <...> modify one another.” [ibid. P. 343] If language and image are unequal, one of them is dependent on the other, resulting in “image subordinate to text” and “text subordinate to image” relations [ibid.]. The discourse-based approach [3] discusses the inter-semiotic relations of comparison, addition, consequence (including consequence and contingency), and time. Martinec and Salway [35] also suggest employing the logico-semantic relations proposed in [34], including expansion (elaboration, extension, enhancement) and projection. Analysing different studies of semiotic characteristics of multimodal texts, Kiose [36. P. 70–71] distinguishes between the following types of alignment patterns between semiotic modes: (a) complementary alignment, where the two systems present different information; (b) parallel alignment, where both systems convey the same information; and/or (c) mutually reinforcing, where the characteristics of one mode increase the activity of the other. Since all the aforementioned studies refer to two distinct mode alignment patterns, parallelism and complementation, in this study we will adhere to this generalised view to explore the inter-semiotic relations between the language and image modes.

Multimodal study of spatial relations in film: Methods and procedure

To identify the distribution of image schemas of spatial relations in the construal of three types of events, we followed a series of steps. The research data were extracted from exposition scenes in two science documentaries, “Pop! The Science of Bubbles” (2013) and “Secrets of the Super Elements” (2017), comprising 194 clauses (286 autosemantic words, each of them tagged) manifesting 194 events, and 274 synchronised shots manifesting 159 events.

In Step 1, we identified the types of events in language and image based on the nature of entities and their interaction. Environmental events (Event Type 1) involve objects of the world, their relation and interaction as detached from an observer; 2) human-environment interaction events (Event Type 2) describe interactions between man as a cogniser and the environment as a cognised entity; and 3) interpersonal interaction events (Event Type 3) deal with events occurring in communicative situations between people. To identify the event type, we considered the components of each clause and each shot.

In Step 2, we explored event construal in the language mode, including an etymological analysis of each autosemantic word within a clause, which allowed us to identify the diachronically traced meanings of their composite parts (root and affixes). This approach is based on the assumption that the overall meaning is motivated by the sum of the meanings of the constituent parts as well as the emergent meaning. Step 3 involved an analysis of the relevant definitions from modern dictionaries as well as the contextual meanings of words, which allowed us to specify the image schemas.

In Step 4, we determined the image schemas of spatial relations in the image mode, where the main focus was placed on the layout of the object(s) on the screen, including the manner of their movement and interaction with each other.

In Step 5, the synchronised units from language and image (with the identified schemas) were put together to conduct statistical analyses, which allowed us to determine the tendencies in event construal and patterns of alignment between the two modes. The initial results were processed using the HETEROSTAT software [37] to provide quantitative data for further analysis. It should be pointed out that the quantitative data were subjected to analyses in both total co-occurrences (reflecting the overall number of instances) and in pairwise co-occurrences (marking only the presence/absence of a given image schema in a clause or shot) using Chi-square tests.

Below is an example of the procedure.

Step 1. The clause *‘These little things are full of secrets and surprises’* (Pop! The Science of Bubbles, 2017) presents an environmental event and a human-environment interaction event in language, accompanied in image by a depiction of the presenter/scientist alternately looking at the object of her research (bubbles) and at the camera, thus exemplifying all three types of events: an environmental event (bubbles moving up in a liquid), an interpersonal interaction event (a scientist looking at the object of their research), and a human-environment interaction event (a presenter/scientist looking at the camera, thus addressing the viewer).

Steps 2 and 3. The events are construed through the following image schemas in the language mode:

1. The adjective *little*, meaning ‘not big; small; smaller than others’, has its origins in OE *lȳtel*, related to *lȳt* ‘little or few’ from Proto-Germanic **lūti*; the word is ultimately related to IE **leud* ‘to depress, reduce’ thus making apparent the meaning of scalarity (image schema scale)^{1, 2}.
2. The noun *thing* is defined as ‘an object whose name you do not use because you do not need to or want to, or because you do not know it; an object that is not alive in the way that people and plants are’³. In the definition

¹ Onions, C.T., Friedrichsen, G.W.S. & Burchfield, R.W. (Eds.). (1966). *The Oxford dictionary of English etymology*. Vol. 178. Oxford: Clarendon Press. P. 532.

² Barnhart, R.K. (Ed.). (1988). *Barnhart Dictionary of Etymology*: H.W. Wilson Co., 1988. P. 603.

³ Oxford Learners’ Dictionaries. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/thing?q=thing> (accessed: 28.03.2024).

of the Cambridge Dictionary, the meaning of approximation is emphasised, as in ‘used to refer in an approximate way to an object or to avoid naming it’ or ‘used to refer in an approximate way to an idea, subject, event, action, etc.’⁴ Etymological entries for the word *thing* trace its roots to OE *þing* meaning ‘meeting, assembly’ (now obsolete), which developed through conceptual metonymy into ‘entity, being, matter’ (‘subject of deliberation an assembly’), as well as ‘act, deed, event’^{5, 6, 7}. There have also been suggestions that the word may have meant ‘day of assembly’, from a base meaning ‘stretch or extent of time’, related to IE **tenk* ‘to draw out, or draw together’^{8, 9}. The image schemas evoked by the word *thing* are contact, centre-periphery, and source-path-goal.

3. OALD provides the following relevant definitions for the adjective *full*: ‘containing or holding as much or as many as possible; having no empty space; having or containing a large number or amount of something/somebody; to the highest level or greatest amount possible’¹⁰. Etymologically, the word derives from OE *full*, ultimately related to IE **p̥l̥nós* from IE **pol-*, **pel-*, **pl-* in words expressing fulness or abundance^{11, 12, 13}. The image schemas to be distinguished here are centre-periphery and scale.
4. The Oxford Dictionary of English Etymology gives the following definitions of the preposition *of*: “expressing removal, separation, derivation, origin, source, spring of action, point of departure in time, cause, agent, instrument, material.”¹⁴ The preposition comes from OE *of*, from CGerm adverb and preposition **ab* (*a*) deriving from IE **ap*, **apo* meaning ‘away from, down from’¹⁵. In modern English, the first meaning attributed to this preposition

⁴ Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/thing> (accessed: 28.03.2024).

⁵ Onions, C.T., Friedrichsen, G.W.S. & Burchfield, R.W. (Eds.). (1966). The Oxford dictionary of English etymology. Vol. 178. Oxford: Clarendon Press. P. 917.

⁶ Barnhart, R.K. (Ed.). (1988). Barnhart Dictionary of Etymology: H.W. Wilson Co.P. 1134.

⁷ Online Etymology Dictionary. URL: <https://www.etymonline.com/search?q=thing> (accessed: 28.03.2024).

⁸ Barnhart, R.K. (Ed.). (1988). Barnhart Dictionary of Etymology: H.W. Wilson Co.P. 1134.

⁹ Online Etymology Dictionary. URL: <https://www.etymonline.com/search?q=thing> (accessed: 28.03.2024).

¹⁰ Oxford Learners’ Dictionaries. URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/full_1?q=full (accessed: 28.03.2024).

¹¹ Onions, C.T., Friedrichsen, G.W.S., & Burchfield, R.W. (Eds.). (1966). The Oxford dictionary of English etymology. Vol. 178. Oxford: Clarendon Press. P. 380.

¹² Barnhart, R.K. (Ed.). (1988). Barnhart Dictionary of Etymology: H.W. Wilson Co.P. 413.

¹³ Online Etymology Dictionary. URL: <https://www.etymonline.com/search?q=full> (accessed: 28.03.2024).?

¹⁴ Onions, C.T., Friedrichsen, G.W.S., & Burchfield, R.W. (Eds.). (1966). The Oxford dictionary of English etymology. Vol. 178. Oxford: Clarendon Press. P. 624.

¹⁵ *ibid*.

is that of possession, belonging, or origin^{16, 17}. Another meaning based on space relations is the following: “used to show the position of something/somebody in space or time”¹⁸; “used in expressions showing position”¹⁹. Here we identified the image schemas source-path-goal, centre-periphery, near-far.

5. The noun *secret* defined as ‘known about by only a few people; kept hidden from others; used to describe actions and behaviour that you do not tell other people about’²⁰ comes from (O)F *secret*, further related to L. *sēcrētus* from *sē* ‘without, apart’ and *cernere* ‘to separate’, together meaning ‘to separate, distinguish, secrete’, ‘set apart, hidden’^{21, 22}. The word expresses the following space image schemas: source-path-goal, centre-periphery, near-far.
6. OALD gives the following relevant definition for the word *surprise* as a noun: ‘an event, a piece of news, etc. that is unexpected or that happens suddenly’²³. The word is derived from the noun use of the past participle of OF *surprendre* meaning ‘to overtake’ (from *sur* ‘over’ + *prendre* ‘to take’) from L. *super* (‘over’) + *prændere* contracted from *prehendere* ‘to grasp, seize’ from *prae-* ‘before’ + *-hendere* from PIE root **ghend-* ‘to seize, take’^{24, 25, 26}. The schemas source-path-goal, centre-periphery, contact, and up-down lie at the base of the meaning of the word *surprise*.

Step 4. The clause is synchronised in the image mode with the images of the presenter/scientist, evoking the schemas source-path-goal (movement of the presenter/scientist in the foreground and the bubbles in the background), up-down (the bubbles moving up), front-back (the presenter/scientist looking back and forth), and straight (the straight path of the bubbles moving; the straight look of the presenter/scientist at the camera) (Fig. 1).

¹⁶ Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/of> (accessed: 28.03.2024).

¹⁷ Oxford Learners’ Dictionaries. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/of?q=of> (accessed: 28.03.2024).

¹⁸ *ibid.*

¹⁹ Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/of> (accessed: 28.03.2024).

²⁰ Oxford Learners’ Dictionaries. URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/secret_1?q=secret (accessed: 28.03.2024).

²¹ Onions, C.T., Friedrichsen, G.W.S., & Burchfield, R.W. (Eds.). (1966). *The Oxford dictionary of English etymology*. Vol. 178. Oxford: Clarendon Press. P. 805.

²² Barnhart, R.K. (Ed.). (1988). *Barnhart Dictionary of Etymology*, H.W. Wilson Co.P. 977.

²³ Oxford Learners’ Dictionaries. URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/surprise_1?q=surprise (accessed: 28.03.2024).

²⁴ Onions, C.T., Friedrichsen, G.W.S. & Burchfield, R.W. (Eds.). (1966). *The Oxford dictionary of English etymology*. Vol. 178. Oxford: Clarendon Press. P. 890.

²⁵ Barnhart, R.K. (Ed.). (1988). *Barnhart Dictionary of Etymology*: H.W. Wilson Co.P. 1096.

²⁶ Online Etymology Dictionary. URL: <https://www.etymonline.com/search?q=surprise> (accessed: 28.03.2024). Почему здесь эти сноски? Почему не в списке литературы?

Fig. 1. Fragment 1

Source: photos from the archive of Nare A. Ovagimian & Maria I. Kiose. Prior to filming the participants signed the consent form.

Step 5. This example demonstrates how parallel relations are established with the use of the image schemas source-path-goal and up-down while the rest of the schemas lead us to attest the complementarity of image schemas in the two modes.

Results and Discussion

Results

The analysed multimodal corpus comprised 353 events which included 194 events presented in clauses in the language mode, each synchronising with events in one or more shots in the image mode with unique shorts numbering 159. The clauses and shots are established as units expressing one event at a time, i.e. if a clause presented two types of events at the same time, it was repeated twice for each event.

The distribution of spatial relations in three event types

Language

In Fig. 2, we present the data on the distribution of spatial relations in the language mode.

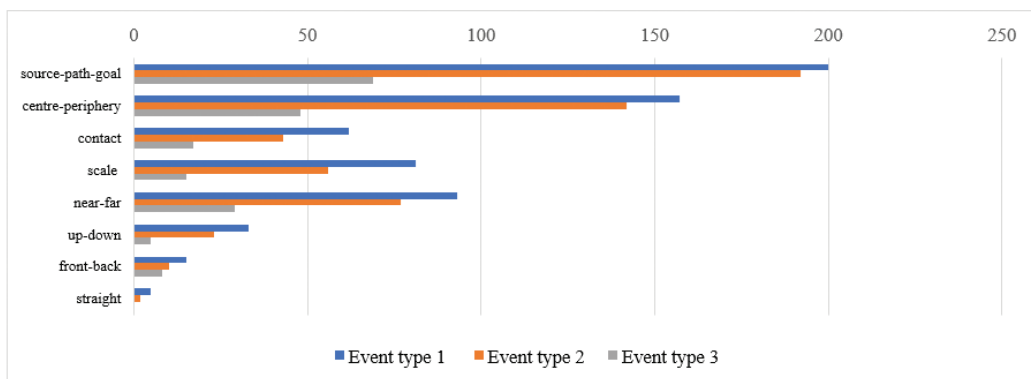

Fig. 2. Distribution of Event Types among Image Schemas in Language

Source: compiled by Nare A. Ovagimian & Maria I. Kiose.

As is shown in Fig. 2, across all the schemas of spatial relations, the most commonly construed type of event in the language mode is Event Type 1, with Event Type 2 coming next, while Event Type 3 is considerably less frequently construed with the given schemas. Another notable feature is that several schemas (e.g. source-path-goal, centre-periphery, etc.) are noticeably more commonly used than others (e.g. front-back, straight, etc.). Interestingly, no component of the analysed verbal material is used to express the schema left-right. In the following clauses, the two most commonly used schemas, i.e. source-path-goal and centre-periphery are simultaneously instantiated in the words *breaking*, *drag*, *times*, *of*, *welcome*: a) ... *as breaking ways drag air under water*. (Event Type 1); b) *There's 300 times more gold in a kilo of smartphones than a kilo of gold ore*. (Event Type 1); c) *Welcome to my world...* (Event Type 3).

Image

In Fig. 3, we display the data on the distribution of spatial relations in the image mode.

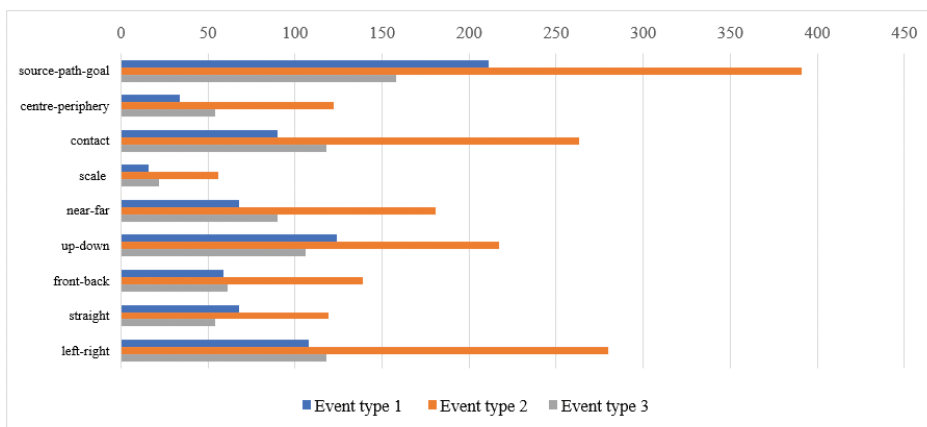

Fig. 3. Distribution of Event Types between Image Schemas in Image
Source: compiled by Nare A. Ovagimian & Maria I. Kiose.

In the image mode, the most commonly construed type of event is Event Type 2, while Event Type 1 comes second in the schemas source-path-goal, up-down, and straight, and Event Type 3 — in the rest of the schemas (Fig. 3). For instance, in Fragment 2 (Fig. 4) of an event pertaining to two event types, namely Event Type 2 and Event Type 3, the presenter/scientist interacts with a metal ball by holding (contact) and revolving (source-path-goal, left-right) it in his hands, then raising it (source-path-goal, up-down).

The construal of the three event types in language does not show any significant differences, i.e. no one image schema is more capable of significantly differentiating between event types than another. However, a certain tendency

to such distinction²⁷ can be observed in the image schema scale when differentiating between Event Type 1 and Event Type 3 ($\chi^2= 3.187, p=.075$) and the image schema front-back when differentiating between Event Type 2 and Event Type 3 ($\chi^2=3.284, p=.070$).

Fig. 4. Fragment 2

Source: photos from the archive of Nare A. Ovagimian & Maria I. Kiose. Prior to filming the participants signed the consent form.

Image schemas of spatial relations differentiating between event types

Total co-occurrences

A contrasting feature is observed in the image mode where the schemas source-path-goal, centre-periphery, contact have demonstrated their capability to differentiate between Event Type 1 and Event Type 2 as well as Event Type 1 and Event Type 3. The two illustrations in Fig. 5 show an instance of Event Type 2: a woman is holding a smartphone in one hand while she taps on it with the fingers of the other hand (source-path-goal, contact, near-far; Fig. 5, *a*), then moves her hand closer to herself (source-path-goal, centre-periphery, near-far, front-back; Fig. 5, *b*). In the layout of the shot, the movement traces the trajectory from left to right (left-right).

Fig. 5. Fragment 3

Source: photos from the archive of Nare A. Ovagimian & Maria I. Kiose. Prior to filming the participants signed the consent form.

²⁷ With p-values not indicating the presence of significant differences but being sufficiently close to the threshold of significance equal to .05.

The other schemas either do not show any difference (scale, near-far, front-back, straight, left-right) or display it only in contrasting two event types (e.g. the image schema up-down in Event Type 1 and Event Type 2). Two schemas, straight and near-far, reveal a tendency towards differentiating between Event Type 1 and Event Type 2 (straight, $\chi^2=3.206$, $p=.074$) and between Event Type 1 and Event Type 3 (near-far, $\chi^2= 3.315$, $p=.069$). Interestingly, no schema has been found to be able to differentiate between Event Type 2 and Event Type 3.

Pairwise co-occurrences

When examining the occurrence of schemas only once per clause, we analysed how more likely a schema is to be used to construe one event rather than another. As in the previous analysis, no image schema has been found capable of differentiating between Event Type 1 and Event Type 2. The schema front-back does not show any difference between any of the pairs of events, although there is a trend towards it in Event Type 1 vs. Event Type 3 ($\chi^2=3.270$, $p=.071$). Another tendency has been found in the image schema contact differentiating between Event Type 1 and Event Type 2 ($\chi^2=3.307$, $p=.070$). However, all image schemas differ significantly in how they differentiate between Event Type 1 and Event Type 3. In another opposition, Event Type 2 and Event Type 3 are differentiated in all but two schemas (front-back and straight).

In the next three clauses exemplifying Event Type 1 in (a) and Event Type 3 in (b) and (c), we may see an overlap of image schemas: a) $\frac{3}{4}$ of (source-path-goal, centre-periphery, near-far) *the earth is covered* (source-path-goal, contact, up-down) *in* (source-path-goal, centre-periphery) *water* (Event Type 1); b) *Let* (source-path-goal) *me start* (source-path-goal, up-down) *with* (source-path-goal, centre-periphery, contact, near-far) *a simple question* (source-path-goal) (Event Type 3); c) *So, what are these superelements* (scale, up-down)? (Event Type 3). Interestingly, the construal of the event in the third clause does not include such a prevalent image schema as source-path-goal.

Multimodal alignment: Modes and image schemas of spatial relations

The analysis of the alignment of the two semiotic modes by means of image schemas of spatial relations with the primary focus on the language mode shows a similar pattern for most schemas, as shown in Fig. 6.

In every image schema in the language mode, the most commonly co-occurring schema in the image mode is source-path-goal (varying from 23 to 38% with the mode and median being 25%) followed by up-down and left-right (12–20%) as well as contact (mode and median: 14%). Taking into account the fact that image schemas very rarely occur alone, especially in the image mode, the following alignment models were identified: (a) the image schema source-path-goal is used simultaneously in both modes in 25% of co-occurrences; (b) a certain tendency towards expressing the same conceptual information is demonstrated by the schemas contact (14%) and

up-down (14%). In general, the main model of alignment between the two modes is that of complementation, with the range of 75–98% (median 91%, mode 86%). In other words, complementary relations between the language and image modes are more common than relations of parallelism. Three image schemas more commonly occur simultaneously in the analysed data: source-path-goal (86%), contact (78%), and near-far (75%), while scale and straight are used to construe events at the same time in 29 and 11% of cases respectively.

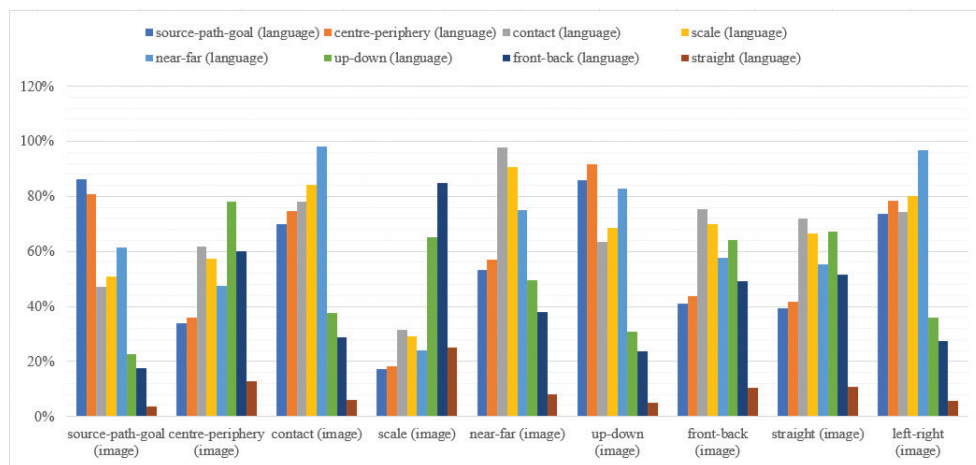

Fig. 6. Co-occurrence of image schemas of spatial relations in language and image, %
 Source: compiled by Nare A. Ovagimian & Maria I. Kiose.

The clause below presents an example of Event Type 2 which is construed with the help of the following image schemas of spatial relations: *You can* (source-path-goal) *even* (scale) /pause/ *film* (source-path-goal) *a whole* (centre-periphery, scale) *BBC documentary on* (source-path-goal, contact, near-far) *them*. The clause is synchronised in the image mode with an instance of Event Type 3 (Fig. 7), where the presenter/scientist gets closer to the camera (source-path-goal, near-far) and moves it to his left to show the filming crew (source-path-goal, contact, left-right), which incidentally involves the camera shifting upwards (up-down).

Fig. 7. Fragment 4

Source: photos from the archive of Nare A. Ovagimian & Maria I. Kiose. Prior to filming the participants signed the consent form.

All in all, in a quarter of co-occurrences between the schemas in language and image, they are used in more than 75% of clauses, whereas in another quarter of cases, they occur together in fewer than 30% of clauses. On the other hand, the image schema straight is extremely rare in the analysed data, with only 7 instances in 194 clauses, while it is used 189 times in image. Still, the image schema scale is more commonly associated with the language mode, helping convey the idea of comparison, growth, etc., while in the image mode it is mainly used when zooming in or out or between the shots.

Discussion

In the language mode, across all the schemas of spatial relations, we can discern a hierarchy of frequency of construed event types, where the subject matter of a film (Event Type 1) takes centre stage while the interaction between a cogniser and the environment (Event Type 2) occupies the medium position between Event Type 1 and Event Type 3, which iconically represents the transitory character of the distinction between the three event types. The absence of the schema left-right in the language mode may be explained by the affordances of this semiotic mode, while in the image mode the left-right distinction could be considered part of its epistemological commitment [2].

A slightly different hierarchy found in the image mode with every schema more commonly construing Event Type 2 rather than the other event types, on the one hand, reflects the structural properties of the image mode, where the nature of the medium presenting a dynamic picture necessitates the change of position of an object on the screen, allowing for at least three schemas: source-path-goal, left-right, and up-down. On the other hand, the pervasive presence in the image mode of specialists, scientists as well as scientific tools and their interaction accounts for the frequency of Event Type 2 and it being construed by the schemas of spatial relations, especially contact and near-far.

In the language mode, the inability of any schemas to differentiate between the events' types (in total co-occurrences) could be accounted for by the fact that the order of preference/frequency for each schema to represent an event type is the same: environmental event → human-environment interaction event → interpersonal interaction event. The absence of any significant distinction between Event Type 2 and Event Type 3 construed by all schemas of spatial relations in image may be due to the fact that many events instantiating these two types are actually realised in the same shot, e.g. the presenter/scientist manipulating an object and at the same time directing his view at the viewer, which results in the events being construed in the same way. These results specify the role of the language and image modes [4; 6; 10] as contingent on event types.

The pairwise co-occurrences in the language mode showing that no schema is capable of differentiating between Event Type 1 and Event Type 2 prove that the environmental event and the human-environment interaction event are more closely

associated with each other than with the interpersonal interaction event, which could explain their frequent co-occurrence. The relations of parallelism between the two semiotic modes are most commonly established in the way they employ the schemas source-path-goal, contact, and near-far, which, incidentally, are realised 44 times in the language mode and 58 times in image. These findings confirm the significance of these schemas in event construal outlined in [24–27; 30]. In the predominant number of cases of language-image co-occurrences, the synchronised units construe events with different schemas, which is in accordance with the idea of inter-semiotic complementarity [1; 14].

These patterns suggest parallel and complementary alignment models [35; 36] between the two modes: they are parallel in the schemas naturally evoked by the subject matter of the films, where the main focus is on the interaction between objects, whether they both be in the realm of environmental events or in the realm of the other two types of events, thus necessitating conceptualisation through a certain trajectory and contact between the object(s) and the subject(s). The complementary relations between language and image reflect the way information is presented in the initial excerpts of popular science documentaries: most commonly, the type of objects and their interaction depicted in image are only vaguely related to the information evoked in the language mode. Usually, linguistically, the film addresses general questions it promises to cover (e.g. *What is a bubble?, Why do we need them (superelements) so badly?*), it gives observations about our daily lives (e.g. *We're learning that bubbles influence our world in all sorts of unexpected ways.*) referring to problems we (might) face (e.g. *We are reaching the limits of what our planet can provide.*). This unspecific, generic information cannot be presented in the image mode, which, owing to its epistemological commitment, is necessarily more concrete and specific: it predominantly shows a particular bubble, person, or lump of metal. This difference in presenting various types of referents is reflected in the way they are construed with image schemas of spatial relations, which results in the complementary relations between the two semiotic modes.

Concluding remarks

The research presents an analysis of image schemas of spatial relations as forming the basis of a multimodal construal of events belonging to three ontological types: environmental events, human-environment interaction events, and interpersonal interaction events. The study of popular scientific documentary films in English has enabled us to observe how schemas are realised in the language and image modes, including their ability to differentiate between the event types and determine inter-semiotic relations between the two modes. The schemas of spatial relations are necessarily invoked in image since a depicted object is always placed within the spatial constraints of the screen and

in the constraints imposed by other objects. In language, the schemas of spatial relations are at the core of the lexical-semantic development of many linguistic units (diachronic aspect) and may be evoked through the analysis of their definitions and contextual meanings (synchronic aspect). The study of inter-semiotic relations helped to determine how the conceptual structures of event construal in language and image were related to each other, with the main opposition being parallelism vs. complementarity. To answer these questions, a five-step procedure was developed, which included the identification of the event types and the schemas of spatial relations in both modes.

The results show that in scientific documentaries, the image schema source-path-goal is more pervasive than the others, whose (in) ability to differentiate between event types is determined by the mode and its affordances as well as by the types of events themselves. The most commonly used schemas (source-path-goal, contact, near-far) frequently co-occur, thus resulting in the relations of parallelism between the language and image modes, while the others (centre-periphery, scale, up-down, front-back, straight, left-right) do not appear in language and image at the same time as often, which suggests inter-semiotic complementarity. The results allow us to specify the way people construe information about different types of events, especially in such a complex type of discourse as that of popular science documentaries. Hopefully, the suggested procedure may be applicable in determining the characteristics of event construal with the means of different semiotic modes in other types of discourse.

References / Библиографический список

1. Lemke, J. (1998). Multiplying meaning: Visual and verbal semiotics in scientific text. In: Martin J.R., Veal R. (Eds.), *Reading science: Critical and functional perspectives on discourses of science*. London: Routledge. pp. 87–114.
2. Bezemer, J. & Kress, G. (2008). Writing in multimodal texts: A social semiotic account of designs for learning. *Written Communication*, 25(2), 166–195. <https://doi.org/10.1177/0741088307313177>
3. Liu, Y. & O'Halloran, K.L. (2009). Intersemiotic texture: Analyzing cohesive devices between language and images. *Social Semiotics*, 19(4), 367–388. <https://doi.org/10.1080/10350330903361059>
4. Forceville, C. & Jeulink, M. (2011). The flesh and blood of embodied understanding: The source-path-goal schema in animation film. *Pragmatics & Cognition*, 19(1), 37–59. <https://doi.org/10.1075/pc.19.1.02for>
5. Forceville, C.J. (2017). From image schema to metaphor in discourse: The force schemas in animation films. In: Hampe B. (Ed.) *Metaphor: Embodied Cognition and Discourse*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 239–256. <https://doi.org/10.1017/9781108182324.014>
6. Coëgnaerts, M. & Kravanja, P. (2012). The visual and multimodal representation of time in film, or: How time is metaphorically shaped in space. *Image and narrative online magazine of the visual narrative*, 13(3), 85–100.
7. Lou, A. (2017). Viewpoint and image schemas in multimodal political discourse. *Journal of Pragmatics*, 122, 77–90. <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2017.07.002>

8. Khan, S. & Siddiqui, B. (2023). Space Image Schema in multimodal representation of Afghan migrants living in Pakistan: a cognitive linguistics approach to multimodal discourse analysis. *Journal of Positive School Psychology*, 7(4), 1920–1948.
9. Kiose, M.I. (2023). Image schemas as an instrument of multimodal research. *Germanistika-2022: nove et nova. Materials of the V International Scientific Conference, Moscow, 07–09 December 2022*, A.A. Klinovskaya (Ed.) [et al.]. Moscow: Moscow State Linguistic University. pp. 136–140. (In Russ.).
Kiose M.I. Теории образ-схем как инструмент полимодальных исследований // Германистика-2022: nove et nova: материалы V Международной научной конференции, Москва, 07–09 декабря 2022 года / редколл.: А.А. Клиновская [и др.]. М.: Московский государственный лингвистический университет, 2023. С. 136–140.
10. Deane, P.D. (2005). Multimodal spatial representation: On the semantic unity of over. *From perception to meaning: Image schemas in cognitive linguistics*, 29, 235–282. <https://doi.org/10.1515/9783110197532.3.235>
11. Unsworth, L. & Cléirigh, C. (2014). *Multimodality and reading: The construction of meaning through image-text interaction*. London: Routledge.
12. Gibbs, R. & Colston, H. (1995). The cognitive psychological reality of image schemas and their transformations. *Cognitive Linguistics*, 6(4), 347–378. <https://doi.org/10.1515/cogl.1995.6.4.347>
13. Mandler, J.M. & Cánovas, C.P. (2014). On defining image schemas. *Language and Cognition*, 6(4), 510–532. <https://doi.org/10.1017/langcog.2014.14>
14. Royce, T. (1998). Synergy on the page: Exploring intersemiotic complementarity in page-based multimodal text. *JASFL Occasional papers*, 1(1), 25–49.
15. Johnson, M. (1987). *The body in the mind: The bodily basis of meaning, imagination, and reason*. Chicago: University of Chicago Press. <https://doi.org/10.7208/chicago/9780226177847.001.0001>
16. Sweetser, E. (1990). *From etymology to pragmatics: metaphorical and cultural aspects of semantic structure*. New York: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/cbo9780511620904>
17. Ioannou, G. (2020). Image schemas as prototypes in the diachronic evolution of kámnō and eutheíázō in Greek: A behavioural-profile analysis. *Lingua*, 245(4), 102938. <https://doi.org/10.1016/j.lingua.2020.102938>
18. Langacker, R. (1987). *Foundations of cognitive grammar: Volume I: Theoretical prerequisites*. Stanford: Stanford University Press.
19. Langacker, R. (1991). *Concept, Image, and Symbol: The Cognitive Basis of Grammar*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter.
20. Brugman, C. & Lakoff, G. (1988). Cognitive Topology and Lexical Networks. *Lexical Ambiguity Resolution*, 477–508. <https://doi.org/10.1016/b978-0-08-051013-2.50022-7>
21. Vandeloise, C. (1991). *Spatial prepositions: A case study from French*. Chicago: University of Chicago Press.
22. Talmy, L. (2005). The fundamental system of spatial schemas in language. *From perception to meaning: Image schemas in cognitive linguistics*, 29, 199–234. <https://doi.org/10.1515/9783110197532.3.199>
23. Jackendoff, R. (1996). The architecture of the linguistic-spatial interface. In: P. Bloom, M.A. Peterson, L. Nadel & M.F. Garrett (Eds.), *Language and Space*. Mass.: The MIT Press. pp. 1–30. <https://doi.org/10.7551/mitpress/4107.003.0003>
24. Levinson, S.C. (1996). Frames of References and Molyneux’s Question: Crosslinguistic Evidence. In: P. Bloom, M.A. Peterson, L. Nadel & M.F. Garrett (Eds.), *Language and Space*. Mass.: The MIT Press. pp. 109–170. <https://doi.org/10.7551/mitpress/4107.003.0006>
25. Cienki, A. (1997). Some properties and groupings of image schemas. *Lexical and syntactical constructions and the construction of meaning*, 3–15. <https://doi.org/10.1075/cilt.150.04cie>

26. Talmy, L. (2000). *Toward a cognitive semantics. Vol. II: Typology and process in concept structuring*. Mass.: The MIT Press.
27. Clausner, T.C. & Croft, W. (1999). Domains and image schemas. *Cognitive Linguistics*, 10(1), 1–31. <https://doi.org/10.1515/cogl.1999.001>
28. Cienki, A. (1998). STRAIGHT: An image schema and its metaphorical extensions. *Cognitive Linguistics*, 9(2), 107–150. <https://doi.org/10.1515/cogl.1998.9.2.107>
29. Evans, V. (2007). *Glossary of cognitive linguistics*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
30. Hurtienne, J. & Blessing, L. (2007). Design for Intuitive Use-Testing image schema theory for user interface design. In: *Proceedings of ICED 2007, the 16th International Conference on Engineering Design, Paris, France, 28–31.07. 2007*. Paris. pp. 829–830.
31. Zykova, I.V. (Ed.). (2021). *Linguistic creativity in different discourse types: Limitations and allowances*. Moscow: R. Valent.
Зыкова И.В. (ред.) Лингвокреативность в дискурсах разных типов: Пределы и возможности. М.: Р-Валент, 2021.
32. Kiose, M.I. (2022). Event Construal in Text and Image. Gaze Behavior and Discourse Interpretations. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13(2), 396–415. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-2-396-415>
33. Maksimenko, O.I. & Podlegaeva, E.P. (2023). *Animated videoverbal text: problems of translation and interpretation*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
Максименко О.И., Подлегаева Е.П. Анимационный видеовербальный текст: проблемы перевода и интерпретации. М.: Наука, 2023.
34. Halliday, M. & Matthiessen, C. (2004). *An Introduction to Functional Grammar* (3rd ed.). London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203783771>
35. Martinec, R. & Salway, A. (2005). A system for image–text relations in new (and old) media. *Visual communication*, 4(3), 337–371. <https://doi.org/10.1177/1470357205055928>
36. Kiose, M.I. (2021). *Secrets of interpretation of text and image. Construal and oculographic experiment*. Moscow: R.Valent. (In Russ.).
Кюсе М.И. Секреты интерпретации текста и изображения. Конструирование и окулографический эксперимент. М.: Р-Валент, 2021.
37. Kiose, M.I. & Efremov, A.A. (2020). HETEROSTAT. *Software for Comprehensive Parametrical Discourse Analysis*. Registration Date: 21.09.2020. Registration Number: 2020661240. 2020.

Information about the authors:

Nare A. Ovagimian, Senior Lecturer at the Department of English, Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University (38, Ostozhenka str., Moscow, Russian Federation, 119034); *Research interests*: cognitive semantics, cognitive grammar, scientific documentary discourse, multimodal studies, English grammar; *e-mail*: n.ovagimian@yandex.ru
ORCID: 0009-0004-1981-0051; SPIN-code: 2035-7040; AuthorID: 926428.

Maria I. Kiose, Dr.Sc. (Philology) (Advanced Doctorate), Associate Professor, Chief Researcher of the Centre for Socio-Cognitive Studies of Moscow State Linguistic University (38, Ostozhenka str., Moscow, Russian Federation, 119034); Leading Researcher; Laboratory for multichannel communication, Institute of Linguistics, RAS (1, B. Kislovsky ln., Moscow, Russian Federation, 125009); *Research interests*: cognitive semantics, indirect naming in text, referential semantics, oculographic and corpus-based research of text inference and generation process; *e-mail*: maria_kiose@mail.ru
ORCID: 0000-0001-7215-0604; Scopus AuthorID: 56642747500; ResearcherID AAB-7989-2019; SPIN-code: 4419-0090; AuthorID: 341964.

Сведения об авторах:

Овагимян Наре Армени, старший преподаватель кафедры английского языка переводческого факультета, Московский государственный лингвистический университет (119034, Россия, г. Москва, ул. Остоженка, 38); *сфера научных интересов*: когнитивная семантика, когнитивная грамматика, научно-популярный кинодискурс, полимодальные исследования, грамматика английского языка; *e-mail*: n.ovagimian@yandex.ru
ORCID: 0009-0004-1981-0051; SPIN-код: 2035-7040; AuthorID: 926428.

Киосе Мария Ивановна, доктор филологических наук, доцент, главный научный сотрудник Центра Социокогнитивных исследований дискурса Московского государственного лингвистического университета (119034, Российская Федерация, г. Москва, ул. Остоженка, 38); ведущий научный сотрудник Лаборатории мультимедийной коммуникации Института языкознания РАН (125009, Российская Федерация, г. Москва, Б. Кисловский переулок, 1); *сфера научных интересов*: когнитивная семантика, непрямое наименование в тексте, референциальная семантика, окулографические и корпусные методы анализа восприятия и порождения текста; *e-mail*: maria_kiose@mail.ru
ORCID: 0000-0001-7215-0604; Scopus Author ID: 56642747500; ResearcherID AAB-7989-2019; SPIN-код: 4419-0090; AuthorID: 341964.

DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-3-684-700

EDN: HKIFEB

UDC 811.111'243:37.091.3

Research article / Научная статья

Illocutionary Acts in EFL Teaching: Balancing Authority and Engagement

Hieronimus Canggung Darong

Universitas Katolik Indonesia Santu Paulus, *Ruteng, Indonesia*

✉ hieronimusdarong@gmail.com

Abstract. This study investigates illocutionary acts in the context of English as a Foreign Language (EFL) education, focusing on their types and functions. The research centers on an EFL teacher as the subject and employs conversation analysis as the methodological approach. The primary aim is to explore how teachers utilize illocutionary acts to influence language learning experiences. The findings underscore the inherent authority of teachers in shaping classroom discourse and instructional interactions. Specifically, the study reveals that teachers predominantly exert influence through assertive acts, utilizing these to convey information effectively and provide instructional guidance. However, in an ideal classroom environment, there exists a harmonious balance of authority where teachers maintain instructional leadership while also empowering students to actively participate in their learning process. This balance fosters a collaborative atmosphere conducive to effective communication, mutual respect, and meaningful engagement in educational activities.

Keywords: CA, interaction, power, types, function

Conflicts of interest: The author declares no conflicts of interest.

Article history:

Received: 01.06.2024

Accepted: 15.06.2024

For citation:

Hieronimus Canggung, Darong. (2024). Illocutionary Acts in EFL Teaching: Balancing Authority and Engagement. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 15(3), 684–700. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-3-684-700>

© Hieronimus Canggung Darong, 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Иллокутивные акты в обучении EFL: баланс власти и вовлеченности

Иероним Кангун Даронг

Католический университет Индонезии Санту Паулюс, Рутенг, Индонезия

✉ hieronimusdarong@gmail.com

Аннотация. Рассматриваются иллокутивные акты в контексте обучения английскому языку как иностранному (EFL), с акцентом на их типы и функции. Исследование сосредоточено на учителе EFL как объекте и анализирует беседы с учителем с точки зрения методологического подхода. Основная цель заключается в изучении того, как учителя используют иллокутивные акты для влияния на процесс изучения языка. Результаты подчеркивают присущую учителям власть в формировании дискурса в классе и учебных взаимодействий. В частности, исследование показывает, что учителя в основном оказывают влияние через ассертивные акты, используя их для эффективной передачи информации и предоставления учебных рекомендаций. Однако в идеальной учебной среде существует баланс власти, при котором учителя сохраняют учебное руководство, а также наделяют студентов полномочиями активно участвовать в процессе обучения. Этот баланс способствует созданию атмосферы, благоприятной для эффективного общения, взаимного уважения и значимого участия в учебных занятиях.

Ключевые слова: взаимодействие, типы, функции

Заявление о конфликте интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Дата поступления: 01.06.2024

Дата приема в печать: 15.06.2024

Для цитирования:

Hieronimus Canggung Darong. Illocutionary Acts in EFL Teaching: Balancing Authority and Engagement // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 3. С. 684–700. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-3-684-700>

Introduction

Understanding the types and functions of illocutionary acts in English as a Foreign Language (EFL) classroom interactions carries substantial pedagogical consequences for language instruction. Through the identification the types and functions, teachers can create more impactful instructional approaches that improve students' language skills. This understanding enables teachers to develop focused exercises that assist students in comprehending and employing language in socially acceptable manners, so enhancing their total communicative proficiency [1].

The illocutionary acts is contingent upon multiple aspects, such as the contextual circumstances, the interpersonal relation between the speaker and listener, and the mutual comprehension of linguistic norms. In order for an illocutionary act to be successful, the recipient must accurately perceive and comprehend the speaker's

intended meaning [2; 3]. Mutual recognition is essential for facilitating seamless and efficient communication. Communication breakdowns frequently arise from a failure to accurately grasp the intended meaning behind a speech, known as the illocutionary force. Thus, illocutionary acts are of utmost importance in influencing social interactions and relationships. The acts not only have interpersonal meaning, but also exert a wider cultural influence. They have the ability to either support or question established societal norms and practices.

Comprehending illocutionary acts improves our understanding of human communication and its intricacies. By discerning the underlying motives behind spoken words, we can more fully comprehend the subtleties of interpersonal exchanges and prevent any misinterpretations. This level of consciousness is especially beneficial in situations that involve multiple cultures and languages, as varying customs and anticipated outcomes can complicate the process of exchanging and evaluate information [4]. Furthermore, the examination of illocutionary activities provides valuable understanding of the wider consequences of language usage, including interpersonal connections and societal frameworks.

Typically, research on speech acts in the field of linguistics and communication involves conducting interventional and observational investigations [5]. Interventional studies are conducted to deliberately test the effectiveness of various speech acts in accomplishing communicative goals. These studies examine the effectiveness of targeted training in teaching or improving certain speech acts, and evaluate the effectiveness of the methods, approaches, and strategies used. For example, in educational environments, interventional research may concentrate on instructing students in the more proficient use of speech acts such as apologies, requests, or compliments through organized exercises and constructive feedback. The classroom functions as a controlled setting where students can develop new communication skills through carefully planned teaching methods that aim to enhance their ability to use language effectively in real-life situations [1; 6–8].

Observational studies, in contrast, examine speech acts as they naturally occur in real-world contexts. Researchers monitor and evaluate the utilization of speech acts by humans in genuine interactions, with the goal of characterizing the qualities and circumstances that impact their usage. For instance, in a typical classroom environment, researchers may study the utilization of different speech acts by teachers and students to effectively handle the class, communicate information, and establish a positive relationship. The main objective of observational research is to offer a comprehensive depiction of how speech actions are utilized in everyday communication and to detect any patterns or discrepancies that may impact their efficacy. These studies enhance our comprehension of the pragmatic elements of language acquisition and usage by examining how speech acts are naturally employed [9–11].

Extensive research has been conducted on illocutionary acts, investigating their types and functions within different settings. However, there is a scarcity of research explicitly dedicated to studying illocutionary acts in interactions inside English as a Foreign Language (EFL) classrooms. This is especially true when it comes to examining the many forms of illocutionary acts and their roles within this particular context. This study seeks to expand upon prior research on speech acts by investigating the utilization and purposes of illocutionary acts in interactions within English as a Foreign Language (EFL) classrooms. By doing so, it hopes to enhance our comprehension of how these communicative behaviors promote language learning and instruction in an EFL setting.

Speech Act: Illocutionary Act

Speech acts are essential components of human communication, comprising a broad spectrum of verbal actions that we engage in when we talk. Essentially, a speech act is a spoken statement that has a specific purpose in communication. These functions encompass the act of making declarations, posing inquiries, issuing commands, making commitments, or conveying sentiments [12]. The notion was initially suggested by philosopher [13] in his influential publication “How to Do Things with Words,” and subsequently expanded upon by his disciple, John Searle. Furthermore, the speech act consists of three main components namely locutionary act, illocutionary act, and perlocutionary acts. The locutionary act encompasses the explicit act of verbalizing something, comprising both the spoken words and their apparent significance. The illocutionary act pertains to the intentional purpose of the statement, such as conveying information, giving commands, issuing warnings, or posing inquiries. Finally, the perlocutionary act refers to the impact that the statement has on the listener, such as inducing a sensation of coldness or motivating them to take action. Thus, Speech acts are essential in our utilization of language to express significance and achieve diverse communication objectives.

In contrast, Bach & Harnish [14], as cited in Azhari, Priono, and Nuriadi [15], categorized speech acts into constative, directive, commissive, and acknowledgments. The constative type comprises various functions, including assertive, predictive, retrodictive, descriptive, ascriptive, instructive, confirmative, concessive, retractive, assentive, dissentive, disputive, responsive, suggestive, and supportive. These functions encompass a broad spectrum of communicative actions, ranging from stating factual information to expressing agreement or disagreement. Directive speech acts have six main functions: making requests, asking questions, giving orders, prohibiting actions, giving permission, and providing advice. These functions encompass the speaker’s efforts to persuade the listener to take action, which can include making requests, asking questions, providing advice, or establishing regulations.

Commissive speech acts encompass two primary functions: making a promise and extending an offer (either volunteering or bidding). These acts involve the speaker making a commitment to a certain future course of action, either by making a promise or committing to do something. Acknowledgements speech acts encompass a range of purposes, including apologizing, condoling, congratulating, welcoming, thanking, bidding farewell, accepting, and rejecting. These acts are crucial for preserving social relations and recognizing different social circumstances and interactions.

Within the realm of education, Edmonson-House introduced a distinct form of speech act known as the didactic speech act. This type of speech act serves instructional purposes that are advantageous to both teacher and students in the process of teaching and learning. As quoted by [16] Sumedi and Dery Rovino identified three didactic roles: control and organizational functions, motivational functions, and evaluative functions. Control and organizing functions are essential for effectively managing classroom activities and establishing a well-structured learning environment. Motivational functions serve the purpose of inspiring and involving pupils, fostering a favorable environment for learning. Evaluative functions encompass the act of evaluating students' work and delivering feedback, which is essential for their academic progress and advancement. Gaining a comprehensive understanding of these types and functions of speech acts, especially in an English as a Foreign Language (EFL) educational setting, can yield substantial pedagogical consequences. It can assist teachers in developing more efficient communication strategies and teaching techniques that focus on the practical aspects of language usage [17]. Students acquire not only the grammatical structures but also comprehend how to employ them effectively in many social situations, thereby improving their entire ability to communicate.

Going deeper, an illocutionary act refers to the underlying communicative intention that motivates a speaker's utterances [18]. Contrary to locutionary acts, which center on the literal interpretation of words, illocutionary acts pertain to the speaker's intended purpose in uttering anything. As such, Searle categorized illocutionary acts into five main types namely assertives, directions, commissives, expressives, and declarations. Assertives are declarative statements that communicate factual information or characterize the current status of the world. Directives are verbal instructions given by the speaker to prompt the listener to take a certain action. Commissives are speech acts that obligate the speaker to undertake a specific action in the future, typically demonstrated by promises and threats. Expressives are linguistic expressions that communicate the emotional condition of the speaker. Declarations have the power to effect a transformation in the external circumstances just via the act of speaking.

The types and functions of illocutionary acts in classroom interactions are intricately connected to discourse shifts that encompass both preceding and succeeding utterances. These acts are not independent incidents, but

rather essential components of continuing dialogues where each verbal action is influenced by previous statements and adds to the subsequent course of the encounter. For example, when a teacher gives a student a direction, such as a question or a request, it sets the framework for how the student will react. The subsequent interaction, encompassing the student's response and the teacher's input, continues to enhance and shape the progression of the conversation. The interconnectedness of illocutionary acts in classroom discussion highlights the significance of comprehending their role in both responding to and shaping future communicative interactions. Through the examination of these discourse moves, teachers acquire valuable understanding on how to efficiently promote learning and communication in educational environments [19].

By acknowledging the distinct type and function of speech acts and the significance of the surrounding contexts, speakers can customize their utterances to match the specific scenario and guarantee the accurate transmission of their intended message. This comprehension also facilitates the analysis of others' verbal expressions, enabling more significant and collaborative interactions. Thus, speech acts are fundamental units of human communication that influence the manner in which we convey our thoughts and interact with our surroundings.

Conversation Analysis

Conversation Analysis (CA) has become a helpful methodological approach for examining language usage in many contexts, such as the teaching of English as a Foreign Language (EFL). Centered in the field of sociology, conversation analysis (CA) focuses on the methodical examination of naturally happening spoken exchanges in order to reveal the underlying principles and patterns that govern speech. Within the field of English as a Foreign Language (EFL) education, Conversation Analysis (CA) is crucial for improving our comprehension of how students participate in live communication and how teachers can maximize teaching methods to promote successful language learning [20].

CA focuses on the thorough analysis of interactional dynamics in conversations. This encompasses the examination of turn-taking processes, the sequential arrangement of speech acts, and the process of negotiating meaning among participants [21]. Through a thorough analysis of these factors, teachers and students acquire valuable knowledge on how students handle difficulties in language, control the flow of conversation, and successfully accomplish their communication objectives in the English language. Furthermore, CA places a strong emphasis on the development of interactional competence as one of its fundamental concepts. Learners' communicative competence include their proficiency in utilizing language proficiently in social exchanges, extending beyond basic grammatical correctness. Studies in EFL classrooms focus on the

development of students' strategies for starting conversations, keeping the discussion going, resolving misconceptions, and responding appropriately to the people they are talking to. These insights are essential for creating classroom activities that mimic real-life communication contexts and develop students' practical abilities.

One of the main advantages of CA is its dependence on naturalistic data [5; 22; 23]. Contrary to experimental research that modify factors in controlled contexts, CA examines genuine recordings of classroom interactions. This methodology captures the impromptu and intricate nature of language utilization, offering an authentic depiction of how students employ language abilities within a given situation. Adopting a naturalistic perspective enables teachers to pinpoint particular obstacles encountered by students, such as struggles with taking turns or variations in speaking behavior due to cultural differences.

Furthermore, the use of corrective feedback in English as a Foreign Language (EFL) instruction aids in the development of students' ability to effectively communicate. Through the process of analyzing patterns of interaction and recognizing areas that require enhancement, teachers can customize instructional strategies to successfully meet the requirements of students such as speaking activities that promote collaborative discourse, role-playing scenarios that mimic real-life encounters, or feedback systems that focus on the practical elements of language usage.

From a practical standpoint, CA provides educational advantages that go beyond only language skills. It facilitates the growth of students' understanding of social and cultural matters, as they acquire the skills to effectively use language in various communication settings. Teachers can utilize cross-cultural analysis findings to enhance students' intercultural competence, encouraging empathy and comprehension through meaningful English interactions.

Conclusively, Conversation Analysis serves as a potent instrument for examining and enhancing procedures in teaching English as a Foreign Language (EFL). The value of this approach lies in its systematic analysis of conversational dynamics, focus on interactional skill, use of naturalistic data, and promotion of communicative competence. These factors contribute to the creation of effective language learning environments. By incorporating principles of conversation analysis into teaching methods, educators can enable students to communicate with confidence and proficiency in the English language, equipping them for success in a globalized society where efficient communication is of utmost importance.

Method

The methodology used to study illocutionary acts in the EFL contexts employs a systematic approach aimed at capturing and analyzing authentic interactions between students' language and their teachers. The research design is around the

observation and documentation of real-time interactions, with a specific focus on an English as a Foreign Language (EFL) teachers in their classroom interactions. Before starting the study, ethical approval is requested from the appropriate educational board to ensure conformity with institutional guidelines and ethical standards.

Data collection methods encompass observation, note-taking, and audio-video recording of classroom interactions. These techniques enable the researcher to capture the subtleties of spoken language that contribute to comprehending the development of illocutionary acts being used. Afterwards, meticulous transcriptions of the recorded interactions are generated, maintaining the order and substance of speech acts as they happen in their respective contexts.

The analysis phase follows the principles of Conversation Analysis (CA), a methodological framework that methodically investigates the structure and organization of talks. In this context, the researcher classifies speech acts based on the categorization put forward by Edmonson-House. This categorization aids in the identification of several types of illocutionary acts, including instructions, assertives, commissives, and acknowledgments, each fulfilling certain communicative functions.

Triangulation is used to enhance reliability and reduce the influence of researcher bias. This entails corroborating findings by utilizing various data sources or methodologies. Detailed records were carefully made throughout observation sessions, documenting the subtleties of spoken conversations, non-verbal signals, and the overall dynamics of interactions between teachers and students. The comprehensive notes included qualitative observations on the context and dynamics of communication in the EFL classroom, emphasizing the spontaneous character of language usage and the complexities of illocutionary acts as they occurred in real-time.

In addition, audio and video records were used to enhance the observational data. The recordings caught both the aural and visual aspects of classroom activities, providing a comprehensive dataset for detailed study. The audio recordings captured the precise utterances employed by teachers and students, while the video recordings provide visual context, encompassing the dynamics moves of the classroom interactions. These several data sources allowed the researcher to analyze not only the content of what is said, but also how it was expressed. This enhanced the comprehension of how illocutionary acts were carried out and understood in the classroom interactions.

The researcher employed a comprehensive method of data collecting by integrating field notes with audio and video recordings, thus capturing many aspects of classroom discourse. The meticulous adherence to methodological principles not only enhanced the accuracy and consistency of the results, but also enabled a detailed examination of the intricacies associated with communication and language acquisition in the English as a Foreign Language (EFL) setting.

In conclusion, the diverse data sources and approaches used in this study offered a thorough foundation for examining how illocutionary acts contribute to the development of communication skills and interactional abilities in English as a Foreign Language (EFL) students. As such, triangulation improves the dependability and accuracy of the study's findings, providing a more thorough comprehension of how illocutionary acts are performed and understood in the EFL classroom setting.

Results and Discussion

The data on illocutionary acts (Table 1) performed by students and teachers reveals distinct patterns in their communicative roles within the classroom setting. Teachers demonstrate a predominant role in several categories, notably in stating assertions, asking questions, and giving commands. In this respect, teachers state assertions significantly more frequently than students, asserting their role as providers of information and facilitators of classroom discourse. This dominance extends to asking questions, where teachers initiate dialogue and guide discussions through queries directed at students. Additionally, teachers frequently issue commands, instructing students on actions or behaviors within the learning environment.

Conversely, students engage more actively in certain speech acts, such as answering questions posed by teachers and occasionally describing or suggesting ideas within discussions. This active participation in responding to queries indicates students' responsiveness to instructional prompts and their involvement in shaping conversational exchanges initiated by teachers. Moreover, students demonstrate expressions of gratitude through thanking and acknowledge social conventions through greetings, although less frequently than teachers.

These findings underscore the dynamic interplay of interactional roles in the classroom, with teachers assuming directive and instructional functions to guide learning experiences, while students actively engage in responsive and participatory speech acts. Understanding these patterns not only informs the distribution of communicative tasks but also enhances strategies for fostering balanced participation and developing students' communicative competence in English as a Foreign Language contexts.

The data (Table 2) illustrates how both teachers and students employ various speech acts to facilitate classroom interactions and achieve instructional objectives. Teachers predominantly use assertive and directive acts to maintain control, provide guidance, and motivate student learning. These acts are instrumental in organizing classroom activities, evaluating student progress, and promoting a positive learning environment. Students, on the other hand, primarily respond to teacher prompts and engage in requestive acts to seek clarification or assistance, demonstrating their active participation in the learning process and contributing to the organizational dynamics of classroom discourse.

Table 1

Illocutionary act Types

Illocutionary acts	Performers	
	Students	Teachers
Constatives		
Object/Protest	–	–
Praise	–	32
Answer/Reply	68	4
Deny	–	–
Describe	6	34
Inform/tell	4	9
State	15	111
Directives		
Insist	–	–
ask	7	121
Summon/call	–	9
urge	–	3
warn	–	5
advise	–	3
forbid	–	–
suggest	–	9
Command/instruct	–	38
Commissives		
promise	–	–
Volunteer/bid	4	–
Acknowledgements		
thank	7	–
greet	–	2
Didactives		
correct	–	7
Evaluate/repeat	3	17

Source: compiled by Hieronimus Canggung Darong.

Understanding these patterns of speech acts informs teachers about the communicative roles and interactions within the interactions [24]. It underscores the importance of balanced participation, effective communication strategies, and supportive learning environments to enhance students’ linguistic proficiency and overall educational experience in the EFL context.

Table 2

Illocutionary act Functions

Speech Acts	Types	function	
		General	Instructional
Teacher’s	Constatives	Assertive descriptive	Control and organizational Evaluative
	Directives	Requirements Prohibitive	Motivational organizational
	Commissure	Promises Offers	Organizational Motivational
	Acknowledgements	Greet Thank accept	Organizational Motivational Evaluative
	Didactics	Disputives Descriptives informatives	motivational evaluative organizational
Students’	Constatives	Responsive	Organizational
	Directives	Requestive	Organizational
	Commissive	Promise	Motivational
	Acknowledgements	Greet and Thank	Organizational
	Didactics	Confirmative	Evaluative

Source: compiled by Hieronimus Canggung Darong.

When analyzing illocutionary acts in the context of English as a Foreign Language (EFL) classroom interactions, one can observe intricate dynamics that play a vital role in facilitating efficient communication and language acquisition. In these contexts, where individuals are acquiring English as a second or additional language, the specific forms and purposes of illocutionary acts carried out by both teachers and students have a crucial impact on molding the learning process and promoting language proficiency [25].

In EFL classrooms, teachers frequently use aggressive actions to offer explicit explanations, communicate factual information, and establish their control over instructional content. Not only does this aid in organizing courses efficiently, but it also guarantees that students receive precise and logical linguistic input,

which is crucial for language acquisition. Descriptive acts moreover bolster learning by expanding on ideas, delineating procedures, and augmenting students' understanding through meticulous elucidations.

Directives, such as regulations and statements that forbid certain actions, play a crucial role in providing guidance to students and establishing clear expectations for their language use. Within an English as a Foreign Language (EFL) setting, where students may encounter cultural and linguistic disparities, directions play a crucial role in setting communication standards and fostering a nurturing atmosphere for language acquisition. Teachers promote active engagement and enhance language proficiency in authentic situations by giving instructions, directives, and restrictions. Meanwhile, acts of commitment, such as making pledges and offers, have a particularly strong motivational effect in English as a Foreign Language (EFL) courses. When teachers make a commitment to help students or pledge to provide future support, it cultivates trust and confidence among students, motivating them to actively participate in the language and be more willing to take chances when using English. These acts not only inspire children but also showcase the teacher's dedication to their academic and language progress.

Students, however, engage actively in classroom interactions by aggressively responding to questions and verifying their understanding. These actions showcase their understanding of the educational material and their capacity to participate in meaningful discussions with their classmates and instructors. Requestive activities, which involve students seeking clarification or further information, demonstrate their proactive attitude towards learning and their eagerness to actively seek language input. In the meantime, acts of acknowledgment, such as greetings, expressions of gratitude, and acceptance, are essential for fostering rapport and social cohesiveness in the English as a Foreign Language (EFL) classroom. Students employ these behaviors to demonstrate civility, convey gratitude for comments or aid, and conform to societal expectations of communication. These acts not only enhance the ease of communication but also establish a favorable classroom ambiance that promotes learning and collaboration.

Comprehending the subtle functions of illocutionary acts in English as a Foreign Language (EFL) classroom interactions provides teachers with valuable insights into efficient teaching methods. Teachers can enhance class planning and instructional activities by incorporating these speech acts, resulting in the creation of genuine learning experiences that replicate real-life communication situations. This methodology not only improves the ability of students to communicate effectively, but also equips them with the skills to confidently manage language difficulties and engage in interactions in English-speaking situations beyond the confines of the classroom.

To date, the examination of illocutionary acts in English as a Foreign Language (EFL) classroom interactions highlights their importance in facilitating successful communication, encouraging language acquisition, and cultivating intercultural

proficiency among students. By adopting these understandings and utilizing speech acts strategically, teachers empower students to become skilled communicators who can use English fluently and appropriately in various social and academic situations.

Despite the fruitful findings, an examination of power dynamics between teachers and students, using data on illocutionary acts in EFL classes, uncovers a hierarchical arrangement in which teachers primarily exercise authority and exert control over instructional interactions. This is apparent in the regular utilization of aggressive actions to communicate information and instructions to direct student conduct. Assertive actions enable teachers to confidently state facts, offer explanations, and ensure clear instruction, establishing themselves as the dominant authority on knowledge in the classroom.

Directives, such as mandatory rules and statements that forbid certain actions, serve to strengthen this hierarchical relationship by establishing clear expectations and limits on student behavior. These actions not only organize classroom activity but also influence student reactions and exchanges, highlighting the importance of following teacher instructions. On the other hand, students mostly participate in response actions, such as providing answers and verifying their understanding. These actions demonstrate their participation in reacting to the teacher's explanations and showing that they comprehend the instructional material.

The power imbalance is also evident in commissive behaviors, whereby teachers make commitments or proposals that encourage student engagement and strengthen teacher dominance. Students' gestures of appreciation, such as expressing gratitude and offering greetings, play a significant role in social interaction. However, these acts often serve to strengthen the hierarchical relationship, as students recognize and defer to the authoritative positions of the teacher. Comprehending these power relations is crucial for teachers in molding inclusive and efficient teaching methods. Teacher authority plays a vital role in preserving order and guiding learning objectives. However, it is as necessary to encourage student autonomy and involvement. Implementing pedagogical strategies that promote collaborative learning, student-led conversations, and chances for critical inquiry can effectively reduce power imbalances and enable students to actively engage in their own learning process. Ultimately, it is crucial to acknowledge and navigate power dynamics that arise from the use of speech acts in English as a Foreign Language (EFL) classrooms in order to establish inclusive and fair learning environments. By cultivating a harmonious blend of teacher direction and student autonomy, teachers can facilitate significant learning activities that bolster students' language proficiency, analytical reasoning abilities, and self-assurance in utilizing English as a second language [26].

In the field of English as a Foreign Language (EFL) instruction, the power dynamics between teachers and students have a substantial impact on the learning environment and outcomes. An optimal power dynamic in EFL contexts aims to achieve a careful equilibrium between authoritative instruction provided

by teachers and active involvement and autonomy demonstrated by students. As such, teachers play a crucial role as facilitators of language acquisition. They possess competence, organization, and teaching methodologies that are crucial for helping students through the intricacies of adopting a new language. Assertive acts, such as when teachers communicate information and offer explanations, contribute to the establishment of clarity and fundamental understanding. Furthermore, instructions such as appeals, orders, and restrictions establish anticipations and guarantee efficient control of the classroom, establishing the foundation for fruitful educational encounters [27].

Nevertheless, in cultivating an optimal power dynamic, it is imperative for teachers to not only guide but also enable students in their educational voyage. This empowerment entails providing students with opportunity to articulate their thoughts, pose inquiries, and actively analyze course material. Teachers can cultivate a classroom atmosphere that appreciates student contributions and fosters active learning by promoting student engagement through interactive activities, group discussions, and collaborative projects. In addition, valuing students' ethnic origins, unique learning styles, and linguistic ability is essential for sustaining a healthy power dynamic. Teachers ought to acknowledge and consider the variety of backgrounds and perspectives present in the classroom, so cultivating an atmosphere of inclusiveness and a feeling of belonging among pupils. This inclusivity also encompasses the promotion of a multilingual and culturally sensitive approach to language acquisition, which encourages students to utilize their original languages as a valuable tool for learning English.

Moreover, the promotion of student agency entails offering chances for making decisions and engaging in self-assessment. It is important to motivate students to establish language learning objectives, evaluate their advancement, and assume responsibility for their learning achievements. This technique not only boosts motivation but also fosters lifelong abilities in self-directed learning and independent thinking. Besides, establishing a friendly and nurturing learning environment involves providing students with positive criticism, encouragement, and mentorship. Teachers have a crucial responsibility in offering personalized guidance and assistance to meet the specific needs of each student, which helps to cultivate an atmosphere of trust and mutual respect in the classroom.

Ultimately, the optimal power dynamic in EFL encounters is marked by a harmonious combination of teacher supervision and student empowerment. The key is in establishing a classroom atmosphere in which students feel esteemed, motivated, and empowered to actively engage in their language acquisition process. By embracing diversity [28], promoting student agency, and cultivating a supportive learning environment, teachers can create meaningful language learning experiences that empower students with the ability and self-assurance to effectively communicate

in English and navigate global situations with cultural sensitivity and linguistic proficiency. These are achieved through the proper employment of illocutionary acts containing within speech acts uttered during the classroom interactions.

Conclusions

Gaining knowledge about the many categories and purposes of illocutionary acts in the English as a Foreign Language (EFL) setting offers valuable understanding of the complex dynamics of power dynamics between teachers and students. Teachers possess intrinsic authority in influencing language learning experiences, especially through aggressive acts in which they convey information and offer instructional advice. Directives serve to strengthen this authority by establishing expectations and organizing classroom interactions, guaranteeing clarity and discipline in educational environments. Nevertheless, the optimal power dynamic in EFL classrooms goes beyond simple authoritative positions. The objective is to foster a cooperative and empowering atmosphere where students are actively involved in their learning experience. Teachers accomplish this by implementing a well-rounded strategy that integrates instructional leadership with chances for student engagement, independence, and analytical thinking. This method promotes active student participation by encouraging them to share their viewpoints, inquire about concepts, and independently investigate language principles. As a result, it cultivates a more profound comprehension and sense of responsibility towards their educational progress.

One constraint of examining illocutionary acts in the EFL setting is the possibility of diverse interpretations and uses among individuals from various cultural and language backgrounds. The comprehension and implementation of speech acts can vary considerably across students with different language backgrounds, thereby impacting the applicability of research findings. Suggested avenues for future research may include performing comparative analyses across diverse cultural contexts to investigate how cultural norms impact the perception and implementation of illocutionary acts in English as a Foreign Language (EFL) classes. Furthermore, longitudinal studies might examine the development of these acts over time as students advance in their language skills and cultural understanding. This would provide valuable information on successful teaching methods that take into consideration cultural differences.

References / Библиографический список

1. Darong, H.C. & Neldis, N. (2023). Investigating Illocutionary Acts in Video Podcasts and Its Pedagogical Implication in EFL Teaching. *Interdisciplinary Journal of Education Research*, 5 (June), 48–60. <https://doi.org/10.38140/ijer-2023.vol5.05>
2. Oktaviani, A.D. & Alam, O.S.N. (2022). Illocutionary Speech Acts and Types of Hate Speech in Comments on @ Indraakenz's Twitter Account. *The Second International Conference on Communication, Language, Literature and Culture*, 6(1), 91–99. <https://doi.org/10.20961/ijsascs.v6i1.69943>

3. Putra, I.P.W.A. & Sedeng, I.N. (2022). Directive Illocutionary Acts Found in the Movies 21 and 22 Jump Street. *Humanis: Journal of Arts and Humanities*, 26(2), 180–187. <https://doi.org/DOI:https://doi.org/10.24843/JH.20.22.v26.i.02.p03>
4. Alhaded, H.H., Glushchenko, T.N. & Alhadid, H.H. (2022). Evaluative Language in Arabic Academic Discourse. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13(1), 68–79. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-1-68-79>
5. Cancino, M. (2015). Assessing Learning Opportunities in EFL Classroom Interaction : What Can Conversation Analysis Tell Us ? *RELC Journal*, 46(2), 115–129. <https://doi.org/10.1177/0033688214568109>
6. Bardovi-harlig, K., Mossman, S. & Su, Y. (2017). The effect of corpus-based instruction on pragmatic routines. *Language Learning & Technology*, 21(3), 76–103.
7. Taguchi, N., Xiao, F. & Li, S. (2016). Effects of Intercultural Competence and Social Contact on Speech Act Production in a Chinese Study Abroad Context. *The Modern Language Journal*, 100(4), 1–22. <https://doi.org/10.1111/modl.12349>
8. Ziashahabi, S., Jabbari, A.A. & Razmi, M.H. (2020). The Effect of Interventionist Instructions of English Conversational Implicatures on Iranian EFL Intermediate Level Learners' Pragmatic Competence Development. *Cogent Education*, 7(1), 1–20. <https://doi.org/10.1080/2331186X.2020.1840008>
9. Darong, H.C. & Guna, S. (2023). Corrective feedback : Pragmatic exposures in EFL classroom interactions. *International Journal of Education and Learning*, 5(1), 14–22. <https://doi.org/https://doi.org/10.31763/ijele.v5i1.820>
10. Bahing, Emzir & Raffli, Z. (2018). English Speech Acts of Illocutionary Force in Class Interaction. *Advances in Language and Literary Studies*, 9(3), 113–119. <https://doi.org/https://doi.org/10.7575/aiall.v9n3p.113>
11. Tanduk, R. (2023). Pragmatic Aspects of Speech Acts: a Cross-Linguistic Perspective. *English Review: Journal of English Education*, 11(3), 881–890. <https://doi.org/10.25134/erjee.v11i3.8762>
12. Zulkiana, K., Iskandar & Abdullah. (2023). Illocutionary Acts in F. Scott Fitzgerald 's Short Stories. *Eliterate: Journal of English Linguistics and Literature Studies*, 3(2), 14–26. <https://ojs.unm.ac.id/Eliterate/article/view/46381>
13. Austin, J.L. (1962). *How to Do Things with Words*, Oxford, Oxford University Press.
14. Bach, K. & Harnish, R. (1979). *Linguistic Communication and Speech Acts*. Cambridge: MIT Press.
15. Azhari, A.S. & Priono, Nuriadi (2018). Speech Acts of Classroom Interaction. *International Journal of Linguistics, Literature and Culture*, 4(2), 24–45. URL: <https://sloap.org/journals/index.php/ijllc/> (accessed: 15.08.2022).
16. Sumedi, S.H. & Rovino, D. (2020). Speech Act Analysis of English Teacher Talk at SMP Negeri 1 Rangkasbitung. *Journal of English Language and Culture*, 10(2), 121–131. <http://dx.doi.org/10.30813/jelc.v10i2.2142>
17. Denisenko, V.N., Yergazy, N. & Rybakov, M. (2023). Language Means of Expressing Politeness in the Context of Russian Business Communication. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(3), 575–594. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-3-575-594>
18. Brown, E., Smith, R., & Johnson, K. (2022). The role of genre and topic in illocutionary acts in video podcasts. *Journal of Discourse Analysis*, 40(4), 567–582.
19. Babaii, E., Parsazadeh, A. & Moradi, H. (2018). The question of power in language classes from a critical discourse analysis perspective Once a student, always a student ? *Pragmatics and Society*, 8(4), 542–570. <https://doi.org/10.1075/ps.8.4.04bab>
20. Cantone, K.F. (2022). Language exposure in early bilingual and trilingual acquisition. *International Journal of Multilingualism*, 19(3), 402–417. <https://doi.org/10.1080/14790718.2019.1703995>
21. Darong, H.C. (2022). Form and Function of Teacher's Questioning Technique in English Foreign Language Classroom Interactions. *Interdisciplinary Journal of Education Research*, 4(2015), 87–95. <https://doi.org/10.38140/ijer-2022.vol4.07>

22. Solem, M.S. (2016). Negotiating knowledge claims : Students' assertions in classroom interactions. *Discourse Studies*, 18(6), 737–757. <https://doi.org/10.1177/1461445616668072>
23. Whayuni, M., Arifin, M.B., & Lubis, I.S. (2019). An analysis of flouting maxims in La La Land movie. *Literary Criticism Journal*, 3(3), 384–392. <https://doi.org/http://dx.doi.org/10.30872/jbssb.v3i3.2212>
24. Iliadi, P.L. & Larina, T.A. (2017) Refusal Strategies in English and Russian. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(3), 531–542. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-531-542.
25. Darong, H.C., Kadarisman, A.E. & Basthomi, Y. (2020). Teachers' Politeness Markers in Request in Classroom Interactions. *NOBEL: Journal of Literature and Language Teaching*, 11(2), 217–233. <https://doi.org/10.15642/nobel.2020.11.2.217-233>
26. Strelchuk, E.N. & Lepkova, A.S. (2024). Conceptualization of the Notion of Freedom in the Worldview of Foreign Students of Journalism. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 15(1), 92–106. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-1-92-106>
27. Klimova, I.I. & Kozlovitseva, N.A. (2023). Language as an Instrument of Social Control and People Management. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(2), 402–417. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-2-402-417>
28. Bakhtikireeva, U.M. & Valikova, O.A. (2022). “Language Keys”: Foreign Cultural Lexicon in the Translingual (Russophonetic) Literary Text. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13(1), 184–200. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-1-184-200>

Information about the author:

Hieronimus Canggung Darong, Associate Professor at Universitas Katolik Indonesia Santu Paulus (10, Jln. Ahmad Yani, Ruteng, Manggarai, Flores, Indonesia, 86518); *Research interests*: applied linguistics, language learning, culture, and language assessment; *e-mail*: hieronimusdarong@gmail.com
ORCID: 0000-0003-0050-0040; Scopus Author ID: 57214988933.

Сведения об авторе:

Иероним Кангун Даронг, доцент Католического университета Индонезии Санту Паулюс (86518, Индонезия, Рутенг, Флорес, Мангарай, ул. Ахмад Яни, д. 10); *сфера научных интересов*: прикладная лингвистика, изучение языка, лингвокультурология; *e-mail*: hieronimusdarong@gmail.com
ORCID: 0000-0003-0050-0040; Scopus Author ID: 57214988933.

DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-3-701-714

EDN: HJMBСР

УДК 811.111'42:179.8

Научная статья / Research article

Актуализация социально ориентированного антиценностного концепта GREED в комическом дискурсе англоязычной лингвокультуры

А.И. Бочкарев

Новосибирский государственный технический университет, *Новосибирск,*
Российская Федерация✉ arsentiy_87@mail.ru

Аннотация. Особенности комической объективации концепта 'greed' устанавливаются при помощи аксиологического подхода. Новизна исследования предопределена тем, что впервые проведен комплексный анализ комических характеристик жадности в англоязычной лингвокультуре. Материал анализа составили записи и скрипты 500 эпизодов различных ситкомов и более 70 выпусков стендап концертов британских и американских авторов. Выявлено, что актуализация анализируемого концепта, реализуется смехом и периодически сопровождается неодобрительными возгласами. Кроме того, проявление жадности оценивается отрицательно либо автором произведения, либо его персонажами. В комическом дискурсе рассматриваемый концепт актуализируется как через стремление обладать благами, так и через стремление сохранить их. Стремление обладать благами выражается преимущественно через готовность совершить порицаемые поступки ради достижения благ и через их кражу. В свою очередь, стремление сохранить блага реализуется либо через нежелание их отдавать, либо через приоритет материальных благ над различными этическими ценностями. К основным социокультурным характеристикам, которые высмеиваются в современном комическом дискурсе при помощи актуализации концепта GREED, относятся характеристики социальной успешности (богатые люди), профессиональные характеристики (политики, финансисты и т.д.), этнические характеристики (американцы) и гендерные характеристики (женщины, стремящиеся заполучить богатство мужчин). К основным языковым средствам выражения концепта GREED в комическом дискурсе относятся антитеза и гипербола. Кроме того, высмеивание жадности осуществляется через актуализацию адресантом комического таких концептов, как 'intelligence', 'cynicism', 'anger'.

Ключевые слова: аксиологическая лингвистика, концептосфера комического, ценности, антиценности, жадность, социокультурные характеристики

Заявление о конфликте интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Бочкарев А.И., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

История статьи:

Дата поступления: 01.06.2024

Дата приема в печать: 15.06.2024

Для цитирования:

Бочкарев А.И. Актуализация социально ориентированного антиценностного концепта GREED в комическом дискурсе англоязычной лингвокультуры // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 3. С. 701–714. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-3-701-714>

Actualization of the Socially Oriented Anti-Value Concept of GREED in Humorous Discourse of the English Linguistic Culture

Arsentiy I. Bochkarev

Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russian Federation

✉ arsentiy_87@mail.ru

Abstract. The peculiarities of the comic objectification of the socially oriented anti-value concept GREED are determined by applying an axiological approach consisting of five stages. The article considers the features of comic objectification of the anti-value concept of GREED. The research proves relevant as humorous characteristics of greed have been analyzed in detail. The corpus of the study comprises recordings and scripts of 500 episodes of various sitcoms and more than 70 stand-up specials by American and British writers. Disapproving exclamations accompany laughter periodically while actualizing GREED. In addition, the manifestation of greed is evaluated negatively either by the authors of the sitcoms or by its characters. In humorous discourse the concept is emphasized both manifesting the desire to be wealthy and the desire to save wealth. While the desire of being wealthy is expressed through committing immoral acts in order to achieve wealth and through thieving goods the desire to save wealth is realized either by the unwillingness to share goods with other people or by the priority of wealth over other values. The main sociocultural characteristics that are comically exposed in modern humorous discourse while specifying greed include characteristics of success (rich people), professional characteristics (politicians, bankers, etc.), ethical characteristics (Americans) and gender characteristics (women seeking to get the wealth of the men). The main language means of expressing the analyzed concept in humorous discourse are antithesis and hyperbole. In addition, GREED is mocked through actualizing such concepts as ‘intelligence’, ‘cynicism’, ‘anger’ by a comic addresser.

Keywords: axiological linguistics, conceptual framework of humor, values, anti-values, sociocultural characteristics

Conflicts of interest: The author declares no conflicts of interest.

Article history:

Received: 01.06.2024

Accepted: 15.06.2024

For citation:

Bochkarev, A.I. (2024). Actualization of the Socially Oriented Anti-Value Concept of GREED in Humorous Discourse of the English Linguistic Culture. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 15(3), 701–714. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-3-701-714>

Введение

Данное исследование выполнено с точки зрения аксиологического подхода к языку, который направлен на «изучение языкового воплощения ценностей», определяющих «выбор и закрепление смыслов в содержании языковых единиц и коммуникативных моделей поведения» [1. С. 4]. В рамках аксиологической лингвистики пристальное внимание уделяется исследованию культурного, этнического и социального аспектов ценностей [2. С. 938]. Среди ее главных задач выделяют: разработку общей теории аксиосферы; описание фундаментальных категорий ценности и оценочности; анализ амбивалентности оценки и поливалентности ценностных репрезентаций; определение семантического и семиологического статуса ценности [3]. К основным сферам бытования ценностей относят области: истины, прекрасного, этики, удовольствия, практической пользы [4. С. 29]. Современные исследования по изучению антиценностей посвящены прежде всего этическим антиценностям, которые соответствуют семи смертным грехам, а именно: похоть, обжорство, гнев, зависть, жадность, лень и гордыня [5. Р. 560]. Кроме того, пристальное освещение получила такая эстетическая антиценность, как уродство [6]. В комическом дискурсе наиболее изучена актуализация таких антиценностей, как глупость, похоть [7] и негативный эскапизм [8]. Также следует отметить, что в комическом дискурсе на первый план выходят разнообразные экранные жанры, при этом в американской лингвокультуре возрастает роль анимационных сериалов как источника сатиры [9].

В представленной статье проводится подробный анализ особенностей комической объективации концепта GREED. Актуальность исследования обусловлена тем, что в отличие от остальных основных этических антиценностей англоязычной культуры изучению жадности посвящено относительно небольшое количество научных работ, при этом различные аспекты жадности подробно отображены в различных формах искусства. Это объясняет тот факт, что при изучении жадности многие исследователи (например, Ф. Тикл) преимущественно опираются на произведения художественной литературы и изобразительное искусство. Кроме того, в американской лингвокультуре жадность признается основным «национальным заболеванием» общества [10. Р. 18].

Теоретические основания

В толковых словарях английского языка даются следующие определения слова *greed*: ‘1) a strong desire for more wealth, possessions, power, etc. than a person needs; 2) a strong desire for more food or drink when you are no longer hungry or thirsty’¹; ‘the desire to have more of something, such as food or money, than is necessary or fair’ (CED).

¹ Oxford Advanced Learner’s Dictionary. Режим доступа: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/> (дата обращения: 13.01.2023).

Согласно данным определениям суть жадности заключается в желании иметь что-либо сверх потребности. Основной целью жадности является приобретение богатства, имущества и власти. Во втором своем значении жадность соотносится с обжорством. В своей работе мы рассматриваем обжорство как отдельную антиценность [11]. Данное разграничение, в частности, проводится в рамках этической системы ценностей. В этом плане интересно рассмотреть определение жадности в наиболее авторитетном издании Оксфордского словаря, которое состоит из 20 томов. Основным словом для выражения жадности является слово *greediness*, которое имеет следующие значения: ‘excessive longing for food or drink, or avidity in the consumption of it; excessive eagerness or longing for wealth or gain; excessive longing or desire in general’². Для составления этой словарной статьи использовался практический материал, охватывающий временной период с XII по XIX век. Согласно данному определению жадности, основным желаемым благом является еда и напитки. На наш взгляд, это объясняется тяжелым финансовым положением большинства людей в англоязычном обществе вплоть до недавнего времени. Соответственно, предел желаний в обществе ограничивался невыполнением базовых потребностей.

Выделяют два основных типа жадности: стремление обладать благами (приобретение/приумножение) и стремление их сохранить [12. С. 9]. Следует отметить, что само определение слова *greed* не содержит значение «сохранение благ». Данное значение реализуется в одном из его синонимов — *stinginess*: ‘the fact of not being willing to give something or enough of something’³. Тем не менее, нежелание делиться своими благами с другими людьми выделяют в качестве одной из определяющих характеристик жадности [13. С. 333]. К ее концептуальным признакам относятся: желание приобретать материальные блага (в основном нечестным путем) в ущерб интересам других людей; стремление приумножить имеющиеся блага с минимальными затратами; сохранение имеющихся благ; обречение себя на одиночество; желание узнать как можно больше нового [12. С. 11]. Последний концептуальный признак можно отнести к ценностному состоянию.

Жадность находится в тесной связи с такими антиценностными явлениями, как обжорство, лицемерие, эгоизм, страх, недоверчивость [12. С. 12]. Наиболее тесно она связана с богатством. В большинстве тех случаев, когда богатство получает отрицательную оценку, этому способствует актуализация концепта *GREED*, при этом жадность может приводить как к приобретению, так и к потере богатства [14]. Кроме того, зачастую жадность приводит к воровству [15]. Среди основных благ, которые являются предметом жадности,

² The Oxford English Dictionary. Vol. VI. Oxford: Clarendon Press, 1989. P. 806.

³ Oxford Advanced Learner’s Dictionary. Режим доступа: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/> (дата обращения: 13.01.2023).

выделяют: деньги, бытовые вещи, славу, еду, знания, власть [12. С. 14], при этом именно деньги выступают в качестве основного предмета жадности, так как они позволяют приобрести любые другие блага [14]. На наш взгляд, суть жадности заключается в «стратегии недостижимого богатства», т.е. при достижении определенного состояния жадный человек ставит перед собой новый ориентир, в то время как имеющиеся материальные блага кажутся ему недостаточными.

Отмечается изменение оценочной интерпретации такого явления, как жадность. Традиционно жадность относится к однозначным этическим антиценностям [10], при этом в современном англоязычном обществе жадность может восприниматься положительно, как «показатель успеха в коммерческой сфере» [12. С. 16]. В исследованиях по комическому дискурсу в определенной степени изучена скупость, которая связана с сохранением материальных благ. В случае актуализации скупости в комическом дискурсе объект комического обычно совершает странные, нерациональные и даже невозможные поступки для сохранения определенного блага [7. Р. 189], при этом скупость в основном реализуется через отказ от незначительных трат и готовность понести любые потери, кроме материальных [7. Р. 189–190]. Более того, как отмечает В.И. Карасик, «в основном высмеивается скупость, доходящая до абсурда» [16. С. 159].

Относительно высмеивания социокультурных характеристик человека отмечается, что жадность является одним из основных пороков различных социальных структур англоязычного общества, например, политической системы [17. Р. 54]. Среди других профессий также выделяются адвокаты, жадность которых в комическом дискурсе реализуется в основном через желание получить как можно большее количество денег любым способом [18. Р. 446], при этом количество шуток о жадности адвокатов возрастает, начиная с 1980-х [19. Р. 370]. Среди других социокультурных характеристик, которые подлежат осмеянию при помощи актуализации концепта GREED, выделяются этнические характеристики человека. В англоязычной лингвокультуре в целом предметом комического становится жадность евреев, при этом в еврейском юморе жадность евреев обычно доходит до абсурда [7. Р. 210–212].

Следует также отметить, что в современных комических текстах роль концепта GREED уменьшается. Если, по некоторым данным, в англоязычных анекдотах (один из наиболее популярных комических жанров XX века) концепт GREED актуализировался в 18 % случаев [20. С. 19], то в стендап комедиях и ситкоммах (одни из наиболее популярных комических жанров в настоящее время), по нашим данным, жадность становится предметом комического примерно в 5 % случаев от общего количества шуток, в то же время при высмеивании определенных социальных групп процент подобных шуток может значительно возрастать. Кроме того, в американском юморе жадность осмеивается чаще (примерно 7 % случаев), чем в британском юморе (примерно 3 % случаев).

Методы и материал

Для анализа комически значимых характеристик концепта GREED в современной англоязычной лингвокультуре был применен аксиологический подход, который складывается из: установления реакций аудитории на комические высказывания; выявления когнитивных признаков концепта на основе анализа словарных дефиниций, теоретической литературы и практического материала; исследования языковых средств выражения концепта GREED; изучения оценочных высказываний относительно проявления жадности объектом комического; анализа особенностей актуализации рассматриваемого концепта при высмеивании социокультурных характеристик человека. Искомые характеристики выделяются на основе изучения соответствующей теоретической литературы и практического материала.

Материалом для работы послужили записи и скрипты стендап комедий и ситкомов. В общей сложности нами было проанализировано более 70 выпусков стендап комедий и 500 эпизодов различных ситкомов британских и американских авторов. Выбор этих жанров в качестве практического материала обусловлен наличием аудиально фиксируемой реакции на комическое (смех зрителей или закадровый смех). Полужирным курсивом выделены высказывания, в которых актуализируется антиценностный концепт GREED.

Основные комические характеристики концепта GREED

Двумя основными состояниями жадности являются стремление обладать благами и стремление сохранить блага. В комическом дискурсе стремление к обладанию благами актуализируется в основном через готовность совершить порицаемые поступки ради достижения благ и через кражу благ. Готовность совершить порицаемые поступки ради достижения благ может сопровождаться актуализацией самых разнообразных антиценностей. Наиболее распространенным является сюжет, в котором объект комического сначала отказывается от совершения определенного действия, характеризуя его как неприемлемое в рамках его системы ценностей, затем объект комического отказывается от своих принципов и совершает действие ради получения блага:

(1) Charlie: What? What's wrong? Alan: *I had sex with Norma*. Charlie: What? Alan: I gave in. I folded. *I let her have her way with me...* Charlie: Is that a Rolex? Alan: Yeah. *Platinum*. Charlie: Nice. And you get a building in Beverly Hills. *Not bad for a night's work* (Two and a Half Man, Madame and Her Special Friend, 2005).

Первое из анализируемых высказываний (*I had sex with Norma*) помимо смеха сопровождается неодобрительными возгласами. Остальным анализируемым высказываниям сопутствует смех. В приведенном текстовом

фрагменте объект комического соглашается на интимные отношения с женщиной, не испытывая к ней симпатии, что противоречит его убеждениям. Комический эффект основан на антитезе (в предыдущей части серии герой был склонен отказаться от интимных отношений ради получения материальных благ — в данной части выясняется, что герой согласился на интимные отношения). Первоначально подобное проявление жадности оценивается отрицательно как самим объектом комического (And you're considering it? — No. No, of course not), так и его братом (We've established that you're a manwhore). После совершения порицаемого поступка он начинает оцениваться положительно братом главного героя, что создает комический эффект (Not bad for a night's work), при этом данный поступок оценивается отрицательно окружающими (You have no idea how judgmental those people are).

Кража благ обычно связана с присвоением незначительного блага, при этом данное благо может восприниматься объектом комического как значительное, в то время как для адресата комического оно является незначительным:

(2) Leonard: It's in a FedEx box on its way back to where it came from. Raj: The fires of Mount Doom? Leonard: Peter Jackson's office in New Zealand. It wasn't ours. Howard: You quit the game! You had no right to take it. Leonard: I came in here, you guys were all sleeping. The ring was on the floor. No one was touching it. Raj: Well, so then we start the game over until there's a winner. Leonard: There wasn't ever going to be a winner. There was going to be a selfish, petty person with a ring and three people who used to be his friend. Is that really what you guys want? 'Cause if it is, fine, I don't want anything to do with you. And I don't know what happened in that bathroom, but I am not cleaning it up! (Goes to his bedroom. Takes a box from under his bed. *Takes out the ring.*) *My precious* (The Big Bang Theory, The Precious Fragmentation, 2010).

Анализируемый текстовый фрагмент сопровождается исключительно смехом. Концепт GREED актуализируется при помощи концепта 'insincerity' (ради получения кольца главный герой обманывает своих друзей и говорит, что уже отправил кольцо его владельцу). Комический эффект основан на антитезе (в ходе повествования честность и благородство главного героя преобразуются в воровство и лицемерие) и аллюзии (Высказывание 'My precious' является одной из наиболее известных цитат романа «Властелин колец»). Воровство и связанные с ним события оцениваются отрицательно девушкой главного героя (gotta go back to dating dumb guys from the gym).

В комическом дискурсе стремление к сохранению благ актуализируется через нежелание отдавать блага и приоритет материальных благ перед другими ценностями.

Нежелание отдавать блага может актуализироваться как через отказ от их траты, так и через их незначительную трату. В обоих случаях у объекта комического есть возможность потратить необходимое количество благ без ущерба для его финансового положения.

Отказ от траты благ обычно сопровождается наличием большого количества денег у объекта комического:

(3) Alan: Wait, wait, w-wait! I just remembered. I lost a big roll of bills that looked a lot like that one. Charlie: Really? It's yours? I had no idea. Alan: An honest mistake. *Gimme*. Charlie: You can understand my confusion. I mean, a guy has got this kind of cash laying around, *you'd think he'd be able to pay for his own freakin' bagel dog* (Two and a Half Man, Corey's Been Dead for an Hour, 2006).

Анализируемый текстовый фрагмент сопровождается исключительно смехом. В данной серии ситкома один из героев старается не тратить даже минимального количества денег, за него это делает брат. Затем оказывается, что герой хранит в шкафчике более пяти тысяч долларов. Комический эффект основан на антитезе (переход из спокойного состояние в возбужденное) и гиперболизации жадности (нежелание расставаться с небольшим количеством денег при наличии внушительной суммы). В приведенном текстовом фрагменте реакцией на жадность объекта комического является гнев его брата, который выражается через смену громкости голоса и использование пейоративной лексики (слово *freaking* является цензурным эквивалентом слова *fucking*). Подобное проявление жадности оценивается отрицательно (*be able to pay for his own freakin' bagel dog*; *Alan sponges off of Dumb Charlie*; *You have a serious problem*; *You need help*).

Случай незначительной траты благ является более распространенным в современном комическом дискурсе, чем отказ от траты благ:

(4) A charity worker came to my front door and they were collecting for a homeless shelter. So *I gave him a cardboard box*. Beggars can't be choosers (Carr, *Being Funny*, 2011).

Анализируемое высказывание помимо смеха сопровождается неодобрительными возгласами, которые являются свидетельством отрицательной оценки подобного проявления жадности объектом комического. Жадность актуализируется при помощи концепта *'cunning'*. Объект комического жертвует бездомным картонную коробку, т.е. формально адресант вносит свой вклад в благотворительность. Следует отметить, что обычно концепт *'cunning'*, направленный на сохранение или преумножение богатства, воспринимается позитивно. Но использование хитрости для сохранения незначительного количества денег (т.е. когда проявляется концепт *GREED*) воспринимается негативно. Комический эффект основан на гиперболизации жадности.

В случае готовности понести любые потери, кроме материальных, комический эффект тем сильнее, чем значимее ценность, которой готов пожертвовать объект комического:

(5) Charlie: Alan didn't steal it. I did. I put it in his pocket. Evelyn: You framed your baby brother? How could you? Charlie: I know, I know. It was a rotten thing to do. Evelyn: Rotten? It's unspeakable. Do you have any idea what you put me through? Charlie: You? Evelyn: First the embarrassment... ..of people thinking that I'd spawned a petty thief. Then all the trouble I went to trying to figure out clever ways... ..*to hide my jewelry from his sticky little fingers* (Two and a Half Man, The Price of Healthy Gums Is Eternal Vigilance, 2004).

Анализируемый текстовый фрагмент сопровождается исключительно смехом. Комический эффект основан на гиперболизации жадности. Так, боязнь потери материальных благ сильнее предполагаемой материнской любви. Комический эффект усиливается за счет использования пейоративной лексики (*sticky fingers*) по отношению к собственному сыну. В рассматриваемом эпизоде ситкома отрицательную оценку получает совокупность поступков объекта комического (*despite all the lousy stuff you did to him*).

Актуализация концепта GREED при высмеивании социокультурных характеристик объекта комического

В комических текстах жадность по большей части привязывается к определенной социальной группе людей. Таким образом, концепт GREED можно отнести к социально ориентированным комическим антиценностным концептам. Наиболее высмеиваемыми социокультурными характеристиками при актуализации концепта GREED являются характеристики социальной успешности (прежде всего богатство). Также основными высмеиваемыми социокультурными характеристиками объекта комического при помощи актуализации концепта GREED становятся профессиональные, этнические и гендерные характеристики. К основным антиценностями, которые приписываются богатым людям, относятся жадность и глупость. Крайняя степень проявления жадности богатых людей выражается через приоритет денег над такой ценностью, как жизнь.

(6) If Bill Gates woke up tomorrow with Oprah's money *he'd jump out a fucking window. He'd slit his throat on the way down* (Rock, Never Scared, 2004).

Анализируемое высказывание помимо смеха сопровождается аплодисментами, которые вызваны потенциальной смертью объекта комического из-за его жадности. Комический эффект основан на гиперболизации жадности объекта комического и усиливается за счет использования обсценной лексики (*fucking*). В рассматриваемом стендап концерте отрицательно оценивается крайняя степень богатства (*rich motherfuckers, rich bastards*).

В современном комическом дискурсе самыми высмеиваемыми профессиями являются политики и финансисты. Если в стендап комедиях 80-х—90-х годов адвокаты наряду с политиками высмеивались за жадность значительно чаще, чем представители других профессий, то, начиная с 00-х годов финансисты постепенно начали занимать место адвокатов. В целом жадность политиков является одной из главных высмеиваемых характеристик политической системы, при этом зачастую жадность актуализируется через коррумпированность, т.е. ради достижения блага политические деятели, пользуясь своим статусом, совершают определенные порицаемые поступки:

(7) If you want to know how your congressman and senators are gonna vote, we should actually— maybe they should be like NASCAR drivers. *They should actually have to have jackets with the names of all the people who are sponsoring them* (Williams, Weapons of Self Destruction, 2009).

Анализируемое высказывание помимо смеха сопровождается аплодисментами, которые вызваны проявлением ума адресантом комического через нахождение неожиданного сравнения. Комический эффект основан на нахождении неожиданного сравнения, а именно: перенос традиции, распространенной в спортивных гонках (NASCAR), в политику.

Жадность финансистов обычно актуализируется через прямое или косвенное воровство денег у клиентов:

(8) It wasn't till last year I found out you could go into your bank and say, "Can I withdraw my cash?" And they could go, "No." "What?" (Weaselly voice) "No, we ain't got it." "I've got £50,000 saved." (Laughs) "*You ain't*. You ain't." "Where is it?" "*Lost it*" (Gervais, Out Of England 2, 2010).

Анализируемый текстовый фрагмент сопровождается исключительно смехом. Комический эффект основан на проявлении цинизма, который актуализируется через отсутствие извинений и объяснений относительно потери денег клиента банка. Так, сотрудник банка использует максимально короткие реплики (No; You ain't; Lost it). В рамках гендерного дискурса жадность приписывается преимущественно женщинам, которые имитируют любовь к определенным мужчинам для достижения соответствующих благ:

(9) Raj: My parents are making me choose between money and you. I choose you. (She signs) No, I think we'll have to return the car. (Again) And that necklace, yeah, that, too. But none of those things matter, because we have something better. We have love. (*She has a sad face*) Scene: Penny's apartment. *Raj looks sad* (The Big Bang Theory, The Wiggly Finger Catalyst, 2011).

Анализируемые фрагменты помимо смеха сопровождаются неодобрительными возгласами. Комический эффект основан на антитезе любовь (герой влюблен в героиню) и расчет (героиня находится в отношениях с героем только из-за наличия у него благ, как только блага заканчиваются, героиня расстается с героем).

Как было отмечено выше, жадность считается национальным заболеванием американского общества, поэтому носителями жадности в большинстве контекстов американского юмора становятся сами американцы. В подобных случаях желание быть богатым может реализовываться через превращение денег в религию, т.е. деньги становятся доминирующей ценностью:

(10) But let me tell you right now, *the number one reason people hate America*, the number one reason, is because of our religion. Americans worship money. And we all go to the same church — *the church of ATM* (Rock, Never Scared, 2004).

Анализируемый текстовый фрагмент сопровождается исключительно смехом. Комический эффект основан на проявлении ума адресантом комического через создание новой метафоры (*the church of ATM*). Подобное проявление жадности получает отрицательную оценку (*the number one reason people hate America*).

Заключение

Жадность относится к одному из основных пороков современного общества. При этом в американской лингвокультуре, в отличие от британской лингвокультуры, данная антиценность считается «национальным заболеванием», что подтверждает и анализ практического материала, согласно которому жадность становится предметом комического чаще (примерно 7 % случаев), чем в британском юморе (примерно 3 % случаев) и зачастую приписывается непосредственно американцам. К основным комически значимым характеристикам жадности в современной англоязычной лингвокультуре относятся стремление обладать благами (готовность совершить порицаемые поступки ради достижения благ и их кража) и стремление сохранить блага (нежелание их отдавать и приоритет материальных благ перед другими ценностями).

Актуализация концепта GREED, помимо смеха, может сопровождаться как неодобрительными возгласами, так и аплодисментами, при этом неодобрительные возгласы возникают чаще. В то время как неодобрительные возгласы относятся к проявлению жадности, аплодисменты обычно возникают при проявлении ума адресантом комического через создание новых метафор, сравнений и т.д. Более того, проявление жадности объектом комического обычно получает отрицательную оценку в высказываниях автора или героев произведения. Таким образом, жадность относится к антиценностным

концептам комического дискурса. При актуализации концепта GREED в комическом дискурсе основными предметами осмеяния становятся характеристики социальной успешности (богатые люди), профессиональные характеристики (политики, финансисты и т.д.), этнические характеристики (американцы) и гендерные характеристики (женщины, стремящиеся заполучить богатство мужчин).

К основным языковым средствам выражения жадности в комическом дискурсе относятся антитеза и гипербола. Также следует отметить, что рассматриваемый концепт может сопровождаться актуализацией адресантом комического таких концептов, как INTELLIGENCE ‘ум’, CYNICISM ‘цинизм’ и ANGER ‘гнев’.

Библиографический список

1. *Карасик В.И.* Языковая спираль: ценности, знаки, мотивы. М.: Гнозис, 2019.
2. *Бутакова Л.О.* Слова с ценностной семантикой в языковом сознании представителей поколения Y // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 4. С. 937–955. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-4-937-955>
3. *Семенов Н.Н.* Аксиология паремий в фокусе проблемы когнитивно-дискурсивного моделирования семантики русских пословиц // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. № 2. С. 213–232. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-213-232>
4. *Серебренникова Е.Ф.* Ключевые понятия аксиологического анализа // Лингвистика и аксиология: этносемиотика ценностных смыслов. М.: ТЕЗАУРУС, 2011. С. 27–40.
5. *Davis D.* Communication and humor // *The Primer of Humor Research*. New York: De Gruyter Mouton, 2008. P. 543–568.
6. *Mudrovskaya A.M., Temirgazina Z.K., Aselderova R.O.* Ugliness as a Prototype Category: Cognitive-and-Semantic Analysis // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 1. С. 78–91. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-1-78-91>
7. *Raskin V.* Semantic Mechanisms of Humor. Boston: D. Reidel Publ., 1985.
8. *Бочкарев А.И.* Лингвокогнитивные характеристики антиценностного концепта «negative escapism» в комическом дискурсе // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. 2022. Т. 8(74). № 2. С. 98–109.
9. *Демина О.В.* Лингвистические и стилистические средства создания сатиры в современных анимационных сериалах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 4. С. 1124–1146. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-4-1124-1146>
10. *Tickle P.A.* Greed: The Seven Deadly Sins. New York: Oxford University Press, 2004.
11. *Бочкарев А.И.* Основные высмеиваемые характеристики антиценностного концепта ‘Gluttony’ (на материале англоязычных стендап-комедий и ситуационных комедий) // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2021. Т. 163. № 4–5. С. 109–118. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2021.4-5.109-118>
12. *Клевцова В.М.* Репрезентация концепта «greed» в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2009.
13. *Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература, 1990.
14. *Goldberg M.H.* The Complete Book of Greed: The Strange and Amazing History of Human Excess. New York: William Morrow & Co, 1994.

15. Freedman D.N. *The Nine Commandments*. New York: Doubleday, 2000.
16. Карасик В.И. *Языковой круг: личность, концепты, дискурс: монография*. Волгоград: Перемена, 2002.
17. Benton G. *The Origins of Political Joke // Humor in Society. Resistance and Control*. London: Palgrave Macmillan, 1988. P. 33–55.
18. Meder T. *Tales of tricks and greed and big surprises: Laymen's views of the law in Dutch oral narrative // Humor*. 2008. Vol. 21. № 4. P. 435–454.
19. Davies Ch. *American jokes about lawyers // Humor*. 2008. Vol. 21. № 4. P. 369–386.
20. Абдразакова Е.Н. *Сопоставительный когнитивный и лингвокультурологический анализ русских, болгарских и английских анекдотов: автореф. дисс. ... канд. филол. наук*. Тюмень, 2007.

References

1. Karasik, V.I. (2019). *Language Spiral: Values, Signs, Motives*. Moscow: Gnosis. (In Russ.).
2. Butakova, L.O. (2022). Words with Value Semantics in the Language Consciousness of Generation «Y» Representatives. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13(4), 937–955. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-4-937-955> (In Russ.).
3. Semenenko, N.N. (2020). Axiology Proverbs in the Focus of the Problem of Cognitive-Discursive Modeling of the Semantics of Russian Proverbs. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 11(2), 213–232. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-213-232> (In Russ.).
4. Serebrennikova, E.F. (2011). Key Concepts of Axiological Analysis. In: *Lingvistika i aksiologiya: etnosemiometriya tsennostnyh smyslov*, E.F. Serebrennikova (Ed.). Moscow: TEZaurus. pp. 27–40. (In Russ.).
5. Davis, D. (2008). Communication and humor. In: *The Primer of Humor Research*, V. Raskin (Ed.). New York: De Gruyter Mouton. pp. 543–568.
6. Mudrovskaya, A.M., Temirgazina, Z.K. & Aselderova, R.O. (2024). Ugliness as a Prototype Category: Cognitive-and-Semantic Analysis. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 15(1), 78–91. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-1-78-91>
7. Raskin, V. (1985). *Semantic Mechanisms of Humor*. Boston: D. Reidel Publ.
8. Bochkarev, A.I. (2022). Linguistic and Cognitive Characteristics of the Anti-value Concept “Negative Escapism” in Humorous Discourse. *Uchenye zapiski Krymskogo gosudarstvennogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*, 8(74), 2, 98–109. (In Russ.).
9. Demina, O.V. (2021). Linguistic and Stylistic Means of Satire Construction in the Animated Series. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(4), 1124–1146. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-4-1124-1146> (In Russ.).
10. Tickle, P.A. (2004). *Greed: The Seven Deadly Sins*. New York: Oxford University Press.
11. Bochkarev, A.I. (2021). The main humorous characteristics of the anti-value concept of gluttony (based on English-language stand-up and situation comedies). *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 163 (4–5), 109–118. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2021.4-5.109-118> (In Russ.).
12. Klevtsova, V.M. (2009). *Representation of the Concept of Greed in Modern English* [dissertation]. Belgorod: BSU. (In Russ.).
13. Bakhtin, M.M. (1990). *Creativity of Francois Rabelais and folk culture of the Middle Ages and the Renaissance*. Moscow: Hudozhestvennaja literatura. (In Russ.).
14. Goldberg, M.H. (1994). *The Complete Book of Greed: The Strange and Amazing History of Human Excess*. New York: William Morrow & Co.
15. Freedman, D.N. (2000). *The Nine Commandments*. New York: Doubleday.
16. Karasik, V.I. (2002). *Language Circle: Personality, Concepts, Discourse*. Volgograd: Peremena. (In Russ.).

17. Benton, G. (1988). The Origins of Political Joke. In: *Humor in Society. Resistance and control*, C. Powell, G. Paton (Eds.). London: Palgrave Macmillan. pp. 33–55.
18. Meder, T. (2008). Tales of tricks and greed and big surprises: Laymen's views of the law in Dutch oral narrative. *Humor*, 21(4), 435–454.
19. Davies, Ch. (2008). American jokes about lawyers. *Humor*, 21(4), 369–386.
20. Abdrazakova, E.N. (2007). *Comparative-cognitive and Linguoculturological Analysis of Russian, Bulgarian and English Anecdotes* [dissertation]. Tyumen: UTMN. (In Russ.).

Сведения об авторе:

Бочкарев Арсентий Игоревич, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков технических факультетов, Новосибирский государственный технический университет (630073, Российская Федерация, г. Новосибирск, пр. К. Маркса, 20); *сфера научных интересов*: аксиологическая лингвистика, когнитивная лингвистика, анализ дискурса, прагмалингвистика; *e-mail*: arsentiy_87@mail.ru
ORCID: 0000-0003-3869-2797; SPIN-код: 2794-8198; AuthorID: 716662.

Information about the author:

Arsentiy I. Bochkarev, PhD in Philology, Associate Professor, Chair at the Department of Foreign Languages of the Technical Faculties, Novosibirsk State Technical University (20, K. Marx Ave., Novosibirsk, Russian Federation, 630073); *Research interests*: embrace axiological linguistics, cognitive linguistics, discourse analysis, pragmatics; *e-mail*: arsentiy_87@mail.ru
ORCID: 0000-0003-3869-2797; SPIN-code: 2794-8198; AuthorID: 716662.

DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-3-715-734

EDN: NEOGQW

УДК 811.111'42:32:342.5(73)

Научная статья / Research article

Стратегии власти в политическом дискурсе: анализ ситуации общения равноправных коммуникантов

А.Б. Алексеев¹ , Э.А. Сорокина²

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы, Москва,
Российская Федерация

²Государственный университет просвещения, Мытищи, Российская Федерация
 neuausstatten@mail.ru

Аннотация. Понятие «власть» — одно из наиболее важных для гуманитарных наук. Целью статьи является выявление стратегий власти в политическом дискурсе, в частности, в ситуации общения равноправных коммуникантов. Задачи исследования включают: экспликацию терминов «власть», «стратегия власти», «невежливость», «манипуляция», «языковая игра»; критический дискурс-анализ политического дискурса, учитывающий социальные характеристики говорящих, не являющихся неизменными данностями, но постоянно воспроизводимых / заново конструируемых, обнаружение тех фрагментов дискурса, в которых так или иначе демонстрируются властные отношения и их интерпретация в соответствии с актуальными лингвополитологическими теориями; подведение итогов и определение дальнейших перспектив и векторов изучения власти в русле междисциплинарного подхода. Методология исследования основывается прежде всего на принципах критического дискурс-анализа и кратологического анализа, предполагающего, что любое общение — отнюдь не только политическое — может разворачиваться в рамках симметричного / асимметричного обладания коммуникантами властью. Материалом исследования послужили тексты дебатов и выступлений на митингах, созданные в рамках американского политического дискурса 2015–2016 гг. и транслируемые на видеоплатформе YouTube: рассматриваются 13 текстов, общее время просмотра составляет более 10 ч. В ходе исследования выяснено, что политики, используя различные виды невежливости, например нападение на лицо соперника, могут отказываться признавать его высокий социальный статус, ставить под сомнение достижения и заслуги, выдвигать категорические требования перемен. Говорящий, стремящийся предстать перед аудиторией властным человеком, может нарушать максимы этического речезыкового поведения, не считаясь с мнением собеседника.

Ключевые слова: власть, манипуляция, невежливость

Заявление о конфликте интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: Вклад авторов равнозначен на всех этапах исследования.

© Алексеев А.Б., Сорокина Э.А., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

История статьи:

Дата поступления: 01.06.2024

Дата приема в печать: 15.06.2024

Для цитирования:

Алексеев А.Б., Сорокина Э.А. Стратегии власти в политическом дискурсе: анализ ситуации общения равноправных коммуникантов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 3. С. 715–734. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-3-715-734>

Strategies of Power in Political Discourse: Analysis of the Communicative Situation Between Equal Communicators

Alexander B. Alexeyev¹ , Yelvira A. Sorokina²

¹The Russian Academy of Economics and State Service, *Moscow, Russian Federation*

²Federal State University of Education, *Mytishchi, Russian Federation*

 neuausstatten@mail.ru

Abstract. The notion of ‘power’ is one of the most important for humanities. The article’s objective is to discover strategies of power in particular in the situation of communication between equal interlocutors. The goals of the study include: explication of terms ‘power’, ‘strategy of power’, ‘impoliteness’, ‘manipulation’, ‘language game’, critical discourse analysis taking into account social characteristics of speakers, which are not unchangeable social phenomena but are always constructed / reconstructed in discourse, finding those fragments of discourse that in this or that way demonstrate power relations and interpretation of them in accordance with linguopolitical theories, conclusions and assessing further prospects and vectors of study of power within an interdisciplinary framework. The methodology of the study is primarily based on the critical discourse analysis and kratological analysis presupposing that any communication — not just the political one — can unfold in the situation of symmetric / asymmetric power relations between communicators. The material of the research encompasses the texts of debates and rally speeches created in the American political discourse of the years of 2015–2016 and broadcast on the video platform of YouTube: 13 texts are considered, with the overall watching time exceeding 10 hours. During the research it has been found out that politicians using different types of impoliteness, for example the attack on the opponent’s face, can refuse to recognize his high social status, question his achievements and merits, come up with categorical demands. The speaker trying to present himself before the audience as a powerful man can break maxims of ethical speech behavior, not considering the interlocutor’s opinion. Following the foreign scholars, it is suggested to interpret such cases of the use of language power games in accordance with the term ‘strategy of power’.

Keywords: power, manipulation, impoliteness

Conflicts of interest: The authors declare no conflicts of interest.

Authors’ contribution: The authors contributed equally to this article.

Article history:

Received: 01.06.2024

Accepted: 15.06.2024

For citation:

Alexeyev, A.B. & Sorokina, Ye.A. (2024). Strategies of Power in Political Discourse: Analysis of the Communicative Situation Between Equal Communicators. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 15(3), 715–734. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-3-715-734>

Введение

Тезис, что политическая коммуникация представляет собой прежде всего общение, вращающееся вокруг борьбы за власть с целью либо ее удержания, либо, напротив, оспаривания сложившихся потестарных (от лат. *potestas*, итал. *potestà* — политическая власть, господство) отношений, казалось бы, не должен вызывать возражения в силу конвенциональности такой трактовки в науке, ее логичности и — не менее важно — соотнесенности с жизненным опытом людей, их обыденным языковым сознанием, ведь, на самом деле, научная и обыденная языковые картины мира приходят друг с другом во взаимодействии, игнорировать которое ученому невозможно, тем более, когда речь идет о консубстанциональных терминах, таких как «власть» [1. Р. 1].

При рассмотрении темы, вынесенной в заглавие статьи, на пересечении лингвистики и политологии с привлечением теоретических положений и методологического инструментария иных социально-гуманитарных дисциплин, необходимо обратиться к ключевому для предпринимаемого исследования понятию «власть», тем более что во многих работах языковедческого характера — даже если речь идет об изысканиях в политической лингвистике — оно часто остается неосвещенным.

Несмотря на это, следует отметить, что интерес к данной теме — прямо или косвенно — среди лингвистов растет. Так, Ж.Н. Жунусова и ее соавторы, изучая особенности функционирования фразеологизмов в рамках политической коммуникации, совершенно верно отмечают трансформирующийся характер отношений между обществом и властью, хотя и понимаемой в узком смысле слова, тем не менее связываемой прежде всего с возможностью оказывать воздействие, в том числе манипулятивного характера, на адресата. В работе отмечается, что фразеологические единицы, неся оценочный компонент, обладают суггестивным потенциалом и способны формировать оппозиции *хороший — плохой // свой — чужой* [2. С. 232–234], которые, по нашему мнению, являясь в том числе этическими категориями, несомненно, делимитируют социальное пространство, устанавливая границы одобряемого и дозволенного, в чем, собственно, и демонстрируется власть дискурса как транслятора значимых смыслов.

В филологии и, в частности, в теории перевода употребляют термин «сильный текст», подразумевая под ним произведение, выступающее объектом междисциплинарного изучения, обладающее ценными эстетическими свойствами, образующее ядро мировой литературы [3. С. 264]. С точки зрения лингвопрагматики и политической лингвистики данное понятие может быть интерпретировано несколько иначе: сильный текст — текст, произведенный

влиятельным лицом, направленный на трансляцию властного начала, поддержание или изменение социальных отношений.

Отметим также ряд лингвистических исследований, непосредственно занимающихся рассмотрением власти. Помимо трудов зарубежных авторов, на которые мы опираемся [1; 4], эта тема на материале англоязычного армейского дискурса отражена О.А. Никишиной [5]. Вопрос распределения власти в педагогическом дискурсе поднят нами в статье ‘Bernard Shaw’s Play “Pygmalion” As Pedagogical Discourse’ [6]. Власть языка подчеркнута Л.А. Халиловой [7], а концепт «власть» находит отражение, например, в работе Н.Н. Шукурова [8]. «Власть» в том или ином ее аспекте обсуждается в лингвополитологических изысканиях И.А. Панчук, обращающегося к проблеме так называемой риторики ненависти [9], Л.С. Чикилевой и Е.Ю. Алешиной, исследующих феномен конфликтного общения [10], И.В. Селивановой, рассматривающей стратегии удержания власти [11], и др.

Понятие «власть» как объект изучения лингвистики

Предвосхищая дискуссию о множественности возможных толкований термина «власть», находим вполне уместным привести точку зрения известного советского ученого А.Ф. Лосева, посвятившего свое научное творчество сложным философским проблемам, согласно которой именно те понятия, которые на первый взгляд не требуют никакого объяснения, поскольку доступны для «всех», наиболее трудны для использования (цит. по: [12. С. 102]). Действительно, как пишет американский политолог Дж. Най — автор влиятельной концепции мягкой силы (англ. *soft power*), — «Власть как погода. Существование каждого [человека] зависит от нее, но мало кто понимает, что она есть ... Власть как любовь: легче испытать ее воздействие, чем дать ей определение или измерить ее, но от этого она не менее реальна» [13. Р. 1].

Несмотря на то, что, по свидетельству О.Р. Михайловой, ученые имеют тенденцию избегать употребления терминов, не поддающихся линейной операционализации или квантитативному анализу [14. С. 29], следует согласиться с мнением английского математика, логика, мыслителя Б. Рассела, считавшего: «Фундаментальный концепт социальной науки — Власть, равно как Энергия — фундаментальный концепт физики» [15. Р. 1].

Необходимо констатировать: до последнего времени тема «власть» была периферийной для лингвистов, ограничивавшихся упоминанием о борьбе за власть как основной лингвопрагматической установке, регулирующей политическое общение, но не представлявших сколько-нибудь подробный обзор того, каким образом властные отношения конструируются / поддерживаются / оспариваются в процессе коммуникации. В дальнейшем условимся исходить из следующего основополагающего для настоящего исследования принципа: применение языка в любой ситуации

взаимодействия людей неизбежно сопряжено с большей или меньшей демонстрацией, а чаще и созданием структур власти, охватывающих и детерминирующих широкий спектр социальных интеракций между личностями, регулирующих их коммуникативные поступки. Подчеркнем: предлагаемая трактовка подразумевает, что «власть» перестает быть исключительно (лингво) политологическим термином, превращаясь в ключевое понятие лингвистики в целом.

Итак, не стремясь дать какого-либо универсального определения «власти», сделаем акцент на актуальности ее широкой, а не узкой, как это традиционно было принято в политической лингвистике, интерпретации — в качестве магистральной дискурсивной категории, несводимой только к *potestas*, т.е. политическому влиянию, но представляющей собой, по существу, игры во власть, можно также сказать, языковые игры (англ. *language games*¹) в их витгенштейновской интерпретации в качестве форм [общественной] жизни [16. С. 12], или модусов существования человека в социуме и политике, поскольку следует согласиться с точкой зрения Н.Н. Равочкина, что едва ли есть сфера жизни «более зависим [ая] от языка, чем та, что непосредственно связана с обладанием политической властью» [17. С. 48].

По мнению Р. Ратмайр, единицы любого уровня языка — за исключением разве что фонем и морфем — способны транслировать власть, но особенно она заметна при выборе говорящим лексики, паравербальных сигналов, например интонации высказывания, громкости голоса, и речевых актов. Автор закономерно полагает: приказы, угрозы, несмягченные отказы, решительные возражения и т.п. являются эксплицитными индикаторами степени власти, которой наделен коммуникант [4. С. 257–258].

Однако важно также отдавать себе отчет в том, что хотя в большинстве случаев нижестоящий на социальной лестнице индивид и не может позволить себе грубость по отношению к высокопоставленному человеку, ибо это поведение неадекватно и в лучшем случае будет квалифицировано хамством, всегда обнаруживаются исключения из данного правила, опосредованные самим феноменом языковой игры, являющейся, в конце концов, не просто лингвокреативной деятельностью, но такой, в которую допускается вносить большие или меньшие изменения, что неизбежно ведет к пересмотру социальных иерархий. Как точно выразился Ж.-Ф. Лиотар, «самый обездоленный никогда не бывает лишен власти над сообщениями, которые проходят через него и его позиционируют...» [18. С. 45].

¹ В английском языке термин «языковая игра» имеет и другие возможные варианты перевода, например, *language play* или *word play*. Однако было бы неверным считать их абсолютными синонимами. Дело в том, что только выражение *language game* указывает на языковую игру как социокультурный феномен, не сводимый к использованию эпитетов, метафор, каламбуров и других лингвостилистических средств.

К осмыслению понятия «стратегия власти»

Термин «стратегия власти» употребляет австрийская исследовательница Р. Ратмайр, различающая *стиль большой власти* и *стиль низкой власти*. Избрание коммуникантом первого стиля сопряжено с применением речевой агрессии, развязностью / непринужденностью / невыдержанностью в общении, порой нарушением языковых и этических норм, например, максим П. Грайса, частым перебиванием другого человека, предпочтением лексики возвышенного регистра, иногда маскирующей реальный смысл высказывания (ср. слова «увольнение» и «высвобождение»), и речевых актов, прямо свидетельствующих о высоком социальном статусе говорящего, его обладании обширными знаниями, компетенциями, социальными связями. На паравербальном уровне дискурсивная категория «власть» проявляется в громком произнесении и соответствующей — категорической, повелительной — интонации фразы. Более того, стремясь расширить свое влияние, языковая личность, наделенная авторитетом или желающая представить себя в таком свете, может полностью контролировать тематическое содержание разговора, задавая повестку дня, не замечая реплики нижестоящих коллег [4. С. 257–258].

Стиль низкой власти характеризуется пассивностью, колебанием, тенденцией отказываться от коммуникативной инициативы, готовностью согласиться с главенствующим коммуникантом, какой бы ни была его точка зрения (конформно-кооперативный тип языковой личности в терминологии К.Ф. Седова), и вообще избеганием речевых актов, способных спровоцировать конфликт по причине того, что они представляют угрозу для лица адресата. Человек, наделенный низким социальным статусом, как правило, старается следовать установленным принципам интеракции в определенной ситуации, даже если недостаточно хорошо ими владеет. Поэтому он склонен запинаться, невнятно произносить слова, а то и вовсе настоятельно молчать, хотя в некоторых контекстах молчание, напротив, следует квалифицировать сигналом власти — к примеру, демонстративным нежеланием нисходить до ведения разговора с неравным себе или удержанием релевантной информации. Так, в рамках педагогического дискурса в большинстве случаев учитель как коммуникант, наделенный определенной степенью власти, не обязан отвечать на все вопросы ученика и может проигнорировать их, допустим, под предлогом того, что учащийся уже должен знать обсуждаемую тему или изучить ее самостоятельно. Однако если школьник не отвечает на вопрос преподавателя, это может иметь негативные последствия для него, сказавшись на оценке за занятие. При неправильном ответе же для ученика существует дополнительный риск — быть осмеянным в классе.

Сказанное не предполагает, однако, что учащийся совсем не обладает никакой властью — вступая в интеракцию с учителем, он неизбежно принимает участие в языковой игре, и несмотря на то, что, казалось бы, в ней социальные роли заранее распределены, иногда ситуативные факторы коммуникации,

а также психологические характеристики говорящих, их лингвопрагматические установки и т.д. меняют — пусть чаще всего и на время — привычный ход событий. Как считает С. Милз, «Власть представляет собой ... форму [коммуникативного] действия или отношений между людьми, которые не фиксированы и стабильны, но в каждом акте интеракции подвержены пересмотру» [1. Р. 34]. Исследовательница приводит примеры, как секретари-женщины в разговоре с начальниками-мужчинами в состоянии манипулировать дискурсивной властью — контролировать общение, становиться влиятельными языковыми личностями:

BOSS: *I wonder... if ...er... could you possibly ...you know, this report thing here... could that be sort of sent out // this afternoon.*

SECRETARY: *// Well. I've got a lot of work on // but I suppose...*

BOSS: *I'd really appreciate it thanks (... indicates pause, // indicates simultaneous speech).*

Начальник вежливо просит секретаря отправить отчет во второй половине дня. То, что избираемый речевой жанр не приказ, а просьба, подтверждает избрание говорящим сослагательного наклонения (*could you*) и употребление им наречия 'possibly', несущего модальное значение. Обратим внимание и на пассивный залог, использованный во второй части анализируемой реплики, а также на фразу 'sort of sent out', указывающую на неопределенность формулировки того, что надо сделать. Коммуникант, произнося реплику, несколько раз останавливается, словно ища слова, что, несомненно, несвойственно властным людям. Секретарь, в свою очередь, не дослушав работодателя до конца, перебивает его и, ссылаясь на занятость, по всей видимости, хочет договориться о возможности выполнить задание, может быть, в другой день. Еще не получив согласие со стороны подчиненной выполнить адресованное ей поручение, тем более в положенный срок, начальник благодарит ее, снова применяя сослагательное наклонение (*I'd really appreciate it*) [1. Р. 36–37].

Р. Ратмайр различает *прямые* и *косвенные стратегии власти*. К первым автор относит прежде всего употребление невежливости, предполагающее актуализацию ликоугрожающих актов (англ. *face-threatening acts*), главным образом представленных директивными речевыми актами — угрозами, приказами, поучениями, настаиваниями² [4. С. 262] — часто подразумеваемыми перевод [общения] на личности [20. С. 177].

Косвенные стратегии власти — это прежде всего приемы менеджмента информации. О власти коммуниканта свидетельствует возможность много и беспрепятственно говорить, задавать вопросы (автор приводит пример

² Анализируя дискурс переговоров, автор использует термин «стратегия настаивания» [18. С. 272].

ситуации разговора между продавцом и покупателем, в котором покупатель, запрашивая информацию, определяет течение коммуникации), выдавать или удерживать некоторые сведения [19. С. 265]. Властный человек имеет право ставить деликатные и контрольные вопросы, принимающие форму более эксплицитно выраженных, т.е. прямых стратегий власти. В дискурсе переговоров дипломаты используют (косвенные) стратегии власти как *нивелирующие* и *пробивные стратегии*, связанные со смягчением высказываний и стремлением расставить приоритеты в свою пользу, соответственно. Владение искусством инструментальной агрессии — важный навык для человека, вступающего в дебаты [19. С. 267].

Таким образом, приходим к выводу, что коммуникация протекает в симметричных / ассиметричных отношениях власти, которые, с одной стороны, конечно же, предзаданы, регламентированы, но с другой, постоянно воспроизводятся и пересматриваются в ходе общения, в связи с чем предложим следующее определение термину «стратегия власти»: лингвопрагматическая установка на повышение или искусственное понижение своего социального статуса, что имеет место при стратегии маргинализации [21. С. 102], т.е. другими словами, открытая / завуалированная манипуляция властью, понимаемой не столько в качестве объекта социального мира, сколько феномена, конструируемого в рамках дискурса, отчасти фикционального. Актуальным представляется рассмотреть, как стратегии власти в таком их понимании манифестируются в различных типах институционального и неинституционального дискурса — политическом, масс-медийном, педагогическом, медицинском, юридическом, бытовом и т.д.³

К вопросу о социальном статусе участников (предвыборного) политического дискурса

Значительная часть институционального политического дискурса разворачивается между его агентами — представителями политических институтов и самими институтами. В то время как одни политические группы находятся во власти — в ее узком понимании, — другие борются за получение и расширение политического влияния, и в этом смысле ситуация взаимодействия с точки зрения кратологического (от др-греч. *κράτος* — власть) дискурсивного анализа, казалось бы, в большинстве случаев должна быть признана ассиметричной. Тем не менее в рамках предвыборной кампании в свободной, демократической стране оппозиция получает примерно одинаковые права с правящей элитой, а потому далее будем исходить из того, что электоральное общение в парадигме «политик — политик» является *равноправным*.

³ Вопреки классическому пониманию термина «институциональный дискурс», считаем: даже дискурсы как политический, юридический, медицинский могут иметь неинституциональные разновидности, например, разворачиваясь в Интернете [21. С. 98–100].

Конечно, на самом деле, исключений из этого правила можно найти предостаточно, уже не говоря о том, что идеальных демократий в мире нет, а в авторитарных и тоталитарных обществах — оппозиция низведена в лучшем случае до статуса второстепенной политической силы, в худшем — «врагов народа», «иноагентов», «пятой колонны Запада», «террористов», «экстремистов» — определения варьируются от режима к режиму, но их суть не меняется.

В США политический курс традиционно детерминируют две основные партии — Демократическая партия и Республиканская партия. Учитывая устойчиво сильное влияние обеих партий на политическую жизнь страны и периодическую сменяемость власти в ней, в недемократических государствах цивилизованным путем редко достижимую, стоит отметить относительный *паритет социального статуса* претендентов от названных партий на Белый Дом — все они, как правило, люди богатые, известные — (бывшие) сенаторы, мэры, губернаторы — а то и вовсе занимавшие самые ответственные политические позиции — (экс-) госсекретари, вице-президенты, президенты.

Между тем в последнее время в ряде стран, включая США, наметилась такая интересная тенденция: свою кандидатуру на должность президента или любой иной важной государственной пост все чаще выставляют граждане, формально не имеющие опыта работы ни в политических, ни в военных, ни в силовых институтах — бизнесмены, врачи, генеральные директоры и т.д., а то и вовсе работники шоу-индустрии (актеры, модели, певцы, профессиональные спортсмены, включая боксеров) или космонавты. Но неправильно было бы питать какие-либо иллюзии насчет того, насколько реально для простого человека принять участие в политической борьбе: не только все перечисленные профессии индицируют сравнительно устойчивое положение конкурентов в элитарных слоях населения, их финансовое благополучие и, как минимум относительную известность, но и в подавляющем большинстве случаев (само) выдвиженцы имеют обширные связи, в том числе в структурах власти — с точки зрения истории положение в области политики отнюдь не новое: известно немало примеров, когда установив эти связи, во главе величайших цивилизаций вставали личности скромного происхождения, занимавшие в общественной иерархии положение маргиналов, а иногда — на определенном этапе своей жизни — бывшие фактически люмпенами.

Так, исследователь эпохи нацизма У. Ширер прямо указывает: не добившись поддержки *мощных* (англ. powerful) социальных институтов, политик — даже при условии, что его поддерживает народ — имеет незначительные шансы на победу. Злой гений А. Гитлера проявился как раз в том, что фюрер не только был наделен талантом оратора, но и эффективно использовал социальные лифты, в достатке предоставляемые ему неокрепшей Веймарской демократией, в начале 1930-х гг. пострадавшей к тому

же от мирового финансового кризиса, который назовут Великой депрессией, осознав: только объединившись с церковью, военными, кабинетом министров, нацисты, на пике популярности завоевавшие симпатию не более трети немецкого электората, чей одиозный лидер потерпел чувствительное поражение от П. фон Гинденбурга на выборах весной 1932 г., имели возможность править Германией [22].

При анализе политического дискурса вполне уместно руководствоваться следующим принципом: кандидаты, борющиеся за (высокую) государственную должность, за редчайшим исключением являются представителями элит, как правило, уже имеющих отношения или, как минимум, стремящихся завязать взаимовыгодные связи с существующими структурами (политической) власти, но не гнушающихся в целях обретения симпатий народа подчеркнуть свой «низкий» статус в политических / социальных институтах, что, на наш взгляд, должно трактоваться в качестве *игры во власть*, а точнее, одной из *стратегий власти* — *стратегии маргинализации*, или даже *самомаргинализации* [21. С. 102].

Материал и методология исследования

Материалом исследования служат прежде всего тексты дебатов и выступлений политиков на митингах, созданные в рамках избирательной кампании в США в 2015–2016 гг. В общей сложности анализируются 13 текстов, транслируемых на видеоплатформе YouTube. Время просмотра составляет более 10 ч.

На данном этапе изучения власти нами не берется в расчет речевой жанровый аспект (дебаты vs. выступления на митингах), и в качестве основных понятий исследования избираются «политический дискурс» и «ситуация общения равноправных коммуникантов», что во многом предопределяет его методологию, включающую как общенаучные, так и собственно лингвистические, в частности лингвополитологические, методы. К первым отнесем интерпретацию, описание, сравнение. Вторые представлены контекстуальным анализом, критическим дискурс-анализом и кратологическим анализом.

Контекстуальный анализ предполагает, как уже свидетельствует само название метода, рассмотрение языковых единиц в контексте их использования с учетом коннотативных значений и лингвостилистических особенностей. Критический дискурс-анализ, разработанный научной школой Т. ван Дейка, определяет ангажированный подход исследования, пристальное внимание к наиболее острым проблемам современности, в том числе распределению власти в социуме. Кратологический анализ позволяет ответить на вопросы, каким образом, через какие механизмы власть демонстрируется / заново конструируется в ходе общения, а также — кто обладает властью.

Стратегии власти в американском политическом дискурсе 2015–2016 гг.

О стратегии маргинализации и языковой личности политика-маргинала мы уже достаточно подробно писали [21]. Поэтому здесь мы сознательно не будем фокусироваться на этой теме и постараемся рассмотреть другие техники ведения языковых игр во власть в ситуации общения равноправных коммуникантов.

Как констатирует Р. Ратмайр, одной из привилегий человека, наделенного высокой степенью (дискурсивной) власти, является возможность безнаказанно использовать невежливость [9. С. 262] — с точки зрения лингвистики объемного ситуативно обусловленного феномена, в конечном счете воспринимаемого коммуникантом субъективно, а потому неподдающегося строгой дефиниции, но связываемого Дж. Калпепером прежде всего с идеей нападения на лицо противника. Исследователь различает нападения на лицо персональных качеств (англ. *quality face*), на лицо социальной идентичности (англ. *social identity face*) и на лицо отношений (англ. *relational face*). В первом случае невежливая языковая личность ставит под сомнение позитивные характеристики, которыми другой человек, по его мнению, обладает — внешнюю привлекательность, ум и т.д. Во втором — оскорбление / дискредитация осуществляется компрометацией всей социальной группы, к которой принадлежит собеседник. В третьем — оспариваются отношения, сформированные индивидом в определенном коллективе [22. Р. 28–31]. Приведем примеры:

O'MALLEY: *The fact of the matter is — and let's say it in our debate, because you'll never hear this from that **immigration-bashing carnival barker, Donald Trump**, the truth of the matter is...*⁴ (нападение на лицо качеств, отрицание ораторских способностей Д. Трампа, выставление его в виде комической фигуры, принимающей участие в карнавале, кричащей слоганы против мигрантов).

SANDERS: *And somebody like **a Trump** comes along and says...*⁵.

SANDERS: *And where we are right now is we have got to stand up to the **Trumps of the world** who are trying to divide us up*⁶ (атака на лицо социальной идентичности Д. Трампа, превращение его имени в нарицательное существительное с помощью добавления к нему неопределенного артикля и использования во множественном числе, так что, говоря о своем идеологическом противнике, сенатор имеет в виду всех сверхбогатых людей, по его мнению, доведших Америку до политико-экономического кризиса).

TRUMP: *...Without media and all of the other corrupt entities that have helped her along the way, **she would be nothing, she would be doing so badly***⁷.

⁴Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=ti2Nokoq1J4> (дата обращения: 23.12.2023).

⁵Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=JDqZlGcSYtl> (дата обращения: 23.12.2023).

⁶Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=F5RPn5vstHc> (дата обращения: 23.12.2023).

⁷Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=fV8RJxy2xfQ> (дата обращения: 23.12.2023).

TRUMP: *Without the media Hillary Clinton could not be elected a dog-catcher*⁸ (атака на лицо отношений Х. Клинтон, непризнание ее рейтинга, политических заслуг, высокого положения в политической иерархии — кандидат была и первой леди, и сенатором, и госсекретарем, а Д. Трамп утверждает, что ее не следовало бы избирать даже на самую незначительную должность).

Иногда нападение на лицо собеседника осуществляется в имплицитной форме:

CLINTON: *We're going to do it by having the wealthy pay their fair share and close the corporate loopholes*⁹.

Понять данное выражение можно, только обратившись к широкому контексту дискурса: в 2015–2016 гг. демократы сделали особый акцент на том, что миллиардер Д. Трамп не платит налоги и использует различные лазейки, которые они и предлагали называть соответственно — ‘Trump loopholes’. Республиканец (имплицитно) дискредитируется на основании того, что он принадлежит нечестным сверхбогатым людям, избегающим любых расходов в пользу государства. По нашему мнению, имплицитные формы нападения на лицо соперника надо тоже квалифицировать в качестве стратегий власти, но, согласно терминологии Р. Ратмайр, их следует причислять, наверное, к косвенным, а не к прямым ее проявлениям.

Порой провести четкую грань между различными видами невежливости достаточно проблематично:

TRUMP: *Secretary Clinton and others, politicians, should have been doing this for years, not right now, because of the fact that we've created a movement. They should have been doing this for years*¹⁰.

Речевой жанр реплики — упрек, в данном случае выраженный перфектной продолженной конструкцией с модальным глаголом ‘should’ (should have been doing), повторенной дважды. В то время как употребление данного речевого жанра со стороны Д. Трампа индицирует наличие у коммуниканта определенной степени дискурсивной власти, являясь одновременно и попыткой расширить свое влияние, поставив противника в ситуацию, в которой ей необходимо защищаться, адресатом упрека является и Х. Клинтон (атака на лицо качеств), и политики в целом (экс-госсекретарь дискредитируется на основании ее принадлежности

⁸ Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=Pkt7EqFWii4> (дата обращения: 23.12. 2023).

⁹ Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=5e-Pq9Qks88> (дата обращения: 23.12. 2023).

¹⁰ Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=855Am6ovK7s> (дата обращения: 23.12. 2023).

некомпетентным правящим элитам — нападение на лицо социальной идентичности).

Невежливость не сводится к идее атаки на лицо противника. Как указывает Х. Спенсер-Оати, невежливость может возникнуть вследствие невыполнения *sociality rights* — понятия, предполагающего, что коммуниканты руководствуются принципами справедливости (англ. equity) и внимательного отношения друг к другу (англ. association) [23. Р. 16].

Рассмотрим следующий речевой фрагмент:

BUSH: *You said on September 30th that ISIS was not a factor.*

TRUMP: *Am I talking or are you talking, Jeb?*

BUSH: *I'm talking right now. I'm talking.*

TRUMP: *You can go back. You're not talking. You interrupted me.*

BUSH: *September 30th you said...*

TRUMP: *Are you going to apologize, Jeb? No. Am I allowed to finish?*

BLITZER: *Just one at a time, go ahead...*

TRUMP: *Excuse me, am I allowed to finish?*

BLITZER: *Go ahead, Mr. Trump.*

TRUMP: *So...*

BUSH: *A little of your own medicine there, Donald.*

TRUMP: *... again...*¹¹.

Очевидно, что говорящие, постоянно перебивая друг друга, не только не соблюдают этические принципы общения, но и борются за право говорить. Стратегии власти, которые применяет Д. Трамп, если следовать терминологии Р. Ратмайр, сопряжены с вопросами, хотя, на наш взгляд, здесь было бы уместнее вести речь о коммуникативных ходах, нацеленных, с одной стороны, на захват коммуникативной инициативы, а с другой, нивелирование попыток конкурента представить себя более влиятельным дискурсивным игроком. То, что в речи Джеба Буша тоже прослеживаются претензии на дискурсивную власть, подтверждается достаточно категоричными ответами (*I'm talking right now. I'm talking.*) и употреблением дискредитации: *'A little of your own medicine there, Donald'*.

Д. Трампу как человеку достаточно властному свойственно задавать своим противникам вопросы:

TRUMP: *And, Hillary, I'd just ask you this. You've been doing this for 30 years. **Why are you just thinking about these solutions right now?** For 30 years, you've been doing it, and now you're just starting to think of solutions*¹².

¹¹ Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=YHYk0K7iszo> (дата обращения: 23.12. 2023).

¹² Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=855Am6ovK7s> (дата обращения: 23.12. 2023).

Иногда один и тот же вопрос повторяется говорящим несколько раз, тем самым коммуникант стремится получить ответ на него, что, как правило, позволяют себе люди, обладающие высоким социальным статусом:

TRUMP: *So is it President Obama's fault?* [Interruption]

CLINTON: ... *before you even announced.*

TRUMP: *Is it President Obama's fault?* [Interruption]

CLINTON: *Look, there are differences...*

TRUMP: *Secretary, is it President Obama's fault?* [Interruption]

CLINTON: *There are....*

Власть может проявляться в речевом жанре колкости:

CLINTON: *Well, actually, I have thought about this quite a bit.*

TRUMP: *Yeah, for 30 years.*

Или:

Jeb BUSH: *I am sick and tired of him going after my family. ... He had the gall to go after my mother. My mom is the strongest person I know.*

TRUMP: *She should be running*¹³.

Стратегия власти в последнем диалоге демонстрируется непризнанием лица отношений — кандидат отказывается считать семью Бушей, как известно, давшей США двух президентов, в качестве элиты американского общества.

Задействуя ресурсы дискурсивной власти, политик может представлять себя в образе государственного обвинителя, перед которым стоит важная задача — привлечь к (уголовной) ответственности своего оппонента:

CHRISTIE: ...*So let's do something fun tonight. Tonight as a former federal prosecutor I welcome the opportunity to hold Hillary Rodham Clinton accountable for her performance and her character. (Chants: 'Lock her up')*¹⁴.

Хотя К. Кристи и указывает, что в прошлом он был прокурором, никакой реальной властью, позволявшей бы ему расследовать «дело Х. Клинтон», он не наделен. Республиканец и сам косвенно признает это, в начале своей тирады ведя речь о веселье (fun), «вплетая в ткань текста- [обвинения] элементы сценарности» [24. С. 96], рассчитывая на лудический эффект. Тем не менее, инкриминируя лидеру демократов серьезные преступления, кандидат создает для себя имидж 'powerful guy'.

¹³ Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=Un3OhYs-tCE> (дата обращения: 23.12. 2023).

¹⁴ Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=HluRpyDpMqI> (дата обращения: 23.12. 2023).

Последний образ иногда пересекается с имиджем ‘bad guy’, актуальным, поскольку в современную эпоху размывания морально-нравственных границ, как свидетельствуют В.Н. Нигматулина и Е.Н. Галичкина, даже люди, нарушающие закон, идеализируются, если они обладают властью [25. С. 94].

Стремление создать для себя имидж властного человека и проецировать дискурсивную власть может побуждать говорящего сравнивать политику с боксом:

TRUMP: *I have to say our system was rigged too except for one thing: if you win by massive landslides every week, it's no longer. **It's like the boxers***¹⁵.

Или:

CHRISTIE: *Put me in the **ring** with Putin*¹⁶.

Позволим себе привести также два примера из российского оппозиционного политического дискурса:

ПЛАТОШКИН: *У них ничего не получилось, и теперь наша очередь **отправить** 19 сентября **их в нокаут***¹⁷.

МАЛЬЦЕВ: *Мы хотим **спасти** России **от революции**! Да, и я призываю к нормальной и законной революции, которую можно свершить лишь путем **импичмента**. Нужно отстранить от власти **главный тормоз**, который мешает нашей экономике*¹⁸.

Реплика В. Мальцева представляется особенно интересной, поскольку не только построена на вольной трактовке слова «революция», но и хорошо отражает суть манипуляций с дискурсивной властью: член партии «ПАРНАС», обладая минимальной поддержкой со стороны населения (около 1 %), тем не менее выдвигает требование импичмента В. Путину, для достижения которого потребовалось бы 2/3 голосов «за» обеих палат российского парламента. Оппозиционный деятель фактически оскорбляет главу государства, используя многозначное слово «тормоз», которое в молодежном жаргоне интерпретируется как «очень медлительный человек». Таким образом, происходит одновременное нападение на лицо качеств и отношений, по сути, речь идет об отказе считать президента президентом. При этом, конечно, в анализируемой ситуации ни о каком равноправии коммуникантов не может

¹⁵ Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=sLZIEDF_bUk (дата обращения: 23.12. 2023).

¹⁶ Режим доступа: https://www.nj.com/opinion/2015/10/chirs_christie_boxing_vladimir_putin_knock_yoursel.html. (дата обращения: 23.12. 2023).

¹⁷ Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=EOwygS_hQrM (дата обращения: 23.12. 2023).

¹⁸ Режим доступа: <https://www.svoboda.org/a/27938494.html> (дата обращения: 23.12. 2023).

быть и речи — более того, В. Путин редко нисходит до ответа на предъявляемые ему обвинения со стороны маргинализированных политиков, не пользующихся поддержкой электората, а часто вовсе не имеющих шанса принять участие в выборах, в чем тоже проявляется стратегия власти. Как мы отмечали, молчание, игнорирование, отказ называть имя конкурента могут быть стратегиями самопрезентации коммуниканта, ведь язык — это форма социокультурного / символического капитала (по П. Бурдьё), пересекающегося с другими видами капитала, в том числе материальным, и от того, насколько искусно люди владеют языком, зависит их финансовое благополучие.

Власть в политическом дискурсе проявляется в несмягченных комплиментах в свой адрес, отвержении максимы скромности — приемах, весьма характерных для языковой личности Д. Трампа:

TRUMP: *Even Putin, you know Putin, they want me to disavow Putin, Putin of Russia, he said Trump is a genius, he'll be the next leader*¹⁹.

TRUMP: *That makes me smart*²⁰.

Максима скромности тем не менее полностью не устраняется из дискурса:

TRUMP: *I have a great company. I have a tremendous income. And the reason I say that is not in a bragadocios way. It's because it's about time that this country had somebody running it that has an idea about money.*

Заключение

Тема, поднятая в рамках настоящей статьи, безусловно обширна и, можно утверждать, недостаточно изучена. В данной работе мы не претендовали дать исчерпывающее описание всех стратегий власти, используемых в политическом общении, или тем более предложить классификацию им, с точки зрения системного подхода к изучаемым явлениям необходимую для лучшего их понимания. Более важным на данном этапе исследования нам представляется широкое обоснование понятия «власть», включение его в орбиту лингвистики и отнюдь не только политической: если исходить из постулата, что общение сопряжено с демонстрацией и конструированием властных отношений в различных видах коммуникации — масс-медийной, медицинской²¹, педа-

¹⁹ Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=WdkwXsUBhoQ> (дата обращения: 23.12. 2023).

²⁰ Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=855Am6ovK7s> (дата обращения: 23.12. 2023).

²¹ На это указывал и М. Фуко, стоящий у истоков кротологического дискурс-анализа, посвятивший свое творчество изучению главным образом отношениям власти там, где их долгое время не замечали.

гогической, политической, юридической и даже бытовой, — то становится очевидной невозможность для ученых-гуманитариев обходить своим вниманием эти аспекты использования языка.

Проведенное исследование позволяет сделать ряд выводов:

- в политическом дискурсе реализация стратегий власти часто имеет отношение к актуализации *невежливости*, в связи с чем именно последнее понятие должно быть отражено в лингвистических исследованиях — не только с точки зрения осуждения невежливости (лингвоэкологический подход), но и изучения функций, выполняемых невежливостью в общении (лингвопрагматический подход), в том числе имеющих непосредственное отношение к понятию дискурсивной власти;
- дискурсивная власть представляет собой, по всей видимости, континуум, социальную данность, распределенную и одновременно распределяемую между коммуникантами в ходе взаимодействия между ними;
- борьба за обладание *дискурсивной* — отнюдь не только политической — властью является ведущей лингвопрагматической установкой в политическом дискурсе, реализуемой через использование стратегий власти.

Дальнейших векторов рассмотрения власти с точки зрения политической лингвистики много: следует подробно проанализировать не только ситуацию интеракции равноправных коммуникантов в парадигме «политик — политик», но и обратиться к взаимодействию, как минимум в формальном отношении, ассиметричных позиций власти, например, в рамках общения *политика — политического института* или *политика — избирателя*. Причем уже сейчас можно предполагать, что упрощенное видение агентов политического дискурса, находящихся во главе государства («во власти» — в узком ее понимании), в качестве всесильных сущностей, а клиентов — лишенных прав, обезличенных объектов манипуляции — не соответствует действительности. Между тем именно это заблуждение — одна из причин аполитичности населения, ставшего, к сожалению, символом нашего времени. Однозначно, что для уточнения и прояснения многих актуальных моментов функционирования дискурсивной категории «власть» требуются дополнительные исследования.

Библиографический список

1. Mills S. Discourse. London: Routledge, 2004.
2. Жунусова Ж.Н., Нугуманова А.Н., Волкова Я.А. Фразеологизмы со оценочным компонентом в публичной речи современных политиков // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 1. С. 232–247. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-1-232-247>
3. Разумовская В.А. «Сверхтекст» как форма существования «сильного» художественного текста // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 1. С. 262–275. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-1-262-275>
4. Ратмайр Р. Русская речь и рынок: традиции и инновации в деловом и повседневном общении. М.: Языки славянской культуры, 2013.

5. *Nikishina O.A.* The specific features of the language of power and the language of resistance realized in the army English-language discourse // *The Humanities and Education*. 2020. Vol. 11. № 4(44). P. 160–165.
6. *Alexeyev A., Driai H.* Bernard Shaw’s play “Pygmalion” as pedagogical discourse // *I chkalat Journal. Linguistic, Literary, Critical Studies*. 2024. № 13(2). P. 333–354.
7. *Халилова Л.А.* Власть языка и язык власти // *Вестник РГГУ. Серия: Психология. Педагогика. Образование*. 2020. № 3. С. 95–105. <https://doi.org/10.28995/2073-6398-2020-3-96-105>
8. *Шукуров Н.Н.* Концепт «власть» на английском и разносистемных языках // *Вопросы науки и образования*. 2020. № 39(123). С. 39–45.
9. *Panchuk I.A.* Hate speech as a feature of modern communications // *Гуманитарные науки глазами молодежи*. 2024. С. 108–111.
10. *Чикилева Л.С., Алешина Е.Ю.* Прагмалингвистические особенности современной англоязычной риторики политического конфликта // *Российский гуманитарный журнал*. 2023. Т. 12. № 1. С. 46–56. <https://doi.org/10.15643/libartrus-2023.1.4>
11. *Селиванова И.В.* Стратегии удержания власти в публичном дискурсе испанской монархии // *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2023. Т. 21. № 3. С. 45–57. <https://doi.org/10.25205/1818-7935-2023-21-3-45-57>
12. *Общая психолингвистика: хрестоматия* / сост. К.Ф. Седов. М.: Лабиринт, 2004.
13. *Nye J.* *Soft Power. The means to success in world politics*. New York: Public Affairs, 2004.
14. *Михайлова О.Р.* Возможности применения эго-сетевого анализа для изучения распространения моральной паники на межиндивидуальном уровне // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2021. № 2. С. 28–47. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1818>
15. *Locher M.* *Power and politeness in action. Disagreements in oral communication*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2004.
16. *Витгенштейн Л.* *Культура и ценность. О достоверности*. М.: Астрель, 2010.
17. *Равочкин Н.Н.* Языковые игры в сфере политики и права: аналитические философы vs постмодернисты // *Вестник МГПУ. Сер.: Философские науки*. 2020. № 2(34). С. 46–53. <https://doi.org/10.23683/2227-8656.2018.1.7>
18. *Лиотар Ж.-Ф.* *Состояние постмодерна*. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998.
19. *Эрлих С.Е.* *Война мифов. Память о декабристах на рубеже тысячелетий*. СПб.: Нестор-История, 2016.
20. *Алексеев А.Б.* Коммуникативная стратегия маргинализации как манипулятивная стратегия власти в политическом дискурсе // *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2022. Т. 20. № 1. С. 96–111. <https://doi.org/10.25205/1818-7935-2022-20-1-96-111>
21. *Shirer W.L.* *The rise and fall of the Third Reich* // *BookVooks*. Режим доступа: <https://booksvooks.com/nonscrolablepdf/the-rise-and-fall-of-the-third-reich-a-history-of-nazi-germany-pdf.html?page=5> (дата обращения: 23.12. 2016).
22. *Culpeper J.* *Impoliteness. Using language to cause offence*. Cambridge: Cambridge Press, 2011.
23. *Spencer-Oatey H.* *Culturally Speaking. Culture, Communication and Politeness Theory*. New-York: Continuum International Publishing Group, 2008.
24. *Стырина Е.В., Мартиросян А.А.* Элементы фикциональности в медиатекстах: столкновение реального и вымышленного // *Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2021. Т. 19. № 1. С. 92–105. <https://doi.org/10.25205/1818-7935-2021-19-1-92-105>
25. *Нигматулина В.Н., Галичкина Е.Н.* Образные характеристики концепта «киберпреступность» (на материале русскоязычных и англоязычных онлайн СМИ) // *Креативная лингвистика*. Астрахань: Астраханский государственный университет, 2020. С. 90–95.

References

1. Mills, S. (2004). *Discourse*. London: Routledge.
2. Zhunusova, Zh.N., Nugumanova, A.N. & Volkova, Ya.A. (2023). Phraseological units with an evaluative component in public speech of modern politicians. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(1), 232–247. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-1-232-247> (In Russ.).
3. Razumovskaya, V.A. (2023). “Supertext” as a form of a “strong” text existence *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(1), 262–275. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-1-262-275> (In Russ.).
4. Ratmair, R. (2013). *The Russian speech and the market: traditions and innovations in everyday business communication*. Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury. (In Russ.).
5. Nikishina, O.A. (2020). The specific features of the language of power and the language of resistance realized in the army English-language discourse. *The Humanities and Education*, 11, 4(44), 160–165.
6. Alexeyev, A. & Driai, H. (2024). Bernard Shaw’s play “Pygmalion” as pedagogical discourse. *I chkalat Journal. Linguistic, Literary, Critical Studies*, 13(2), 333–354.
7. Khalilova, L.A. (2020). The power of language and the language of power. *RGGU Bulletin. Psychology. Pedagogics. Education*, 3, 95–105. <https://doi.org/10.28995/2073-6398-2020-3-96-105> (In Russ.).
8. Shukurov, N.N. (2020). Concept ‘power’ in English and different-system languages. *Issues of science and education*, 39(123), 39–45. (In Russ.).
9. Panchuk, I.A. (2024). Hate speech as a feature of modern communications. *Humanities with the eyes of the youth*, 108–111.
10. Chikileva, L.S. & Aleshina, E.Yu. (2023). Pragmalinguistic features of contemporary English-language rhetoric of political conflict. *Liberal Arts in Russia*, 12(1), 46–56. <https://doi.org/10.15643/libartus-2023.1.4> (In Russ.).
11. Selivanova, I.V. (2023). Verbal strategies for maintaining power in public discourse of the Spanish monarchy. *NSU Vestnik Journal, Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 3, 45–57. <https://doi.org/10.25205/1818-7935-2023-21-3-45-57> (In Russ.).
12. General psycholinguistics: anthology (2004). K.F. Sedov (Ed.). Moscow: Labirint. (In Russ.).
13. Nye, J. (2004). *Soft Power. The means to success in world politics*. New York: Public Affairs.
14. Mihajlova, O.R. (2021). The Perspective of Ego-Network Analysis in The Maral Panic Propagation Studies on the Interpersonal Level. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2, 28–47. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1818> (In Russ.).
15. Locher, M. (2004). *Power and politeness in action. Disagreements in oral communication*. Berlin: Mouton de Gruyter.
16. Wittgenstein, L. (2010). *Culture and Value. On truth*. Moscow: Astrel’. (In Russ.).
17. Ravochkin, N.N. (2020). Language games in the domain of politics and law: analytic philosophers vs. postmodernists. *Vestnik MGPU. Ser: Philosophical sciences*, 2(34), 46–53. <https://doi.org/10.23683/2227-8656.2018.1.7> (In Russ.).
18. Liotar, Zh.-F. (1998). *The postmodern condition*. Moscow: Institute of experimental sociology. Saint Petersburg: Aleteyya. (In Russ.).
19. Yerlikh, S.E. (2016). *The war of myths. The memory about Decembrists on the millennium frontier*. Saint Petersburg: Nestor-Istoria. (In Russ.).
20. Alekseev, A.B. (2022). The political marginalization as a communicative strategy of power domination in political discourse. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 20(1), 96–111. <https://doi.org/10.25205/1818-7935-2022-20-1-96-111> (In Russ.).
21. Shirer, W.L. The rise and fall of the Third Reich. *BookVooks*. URL: <https://bookvooks.com/nonscrolablepdf/the-rise-and-fall-of-the-third-reich-a-history-of-nazi-germany-pdf.html?page=5> (accessed: 23.12. 2016).

22. Culpeper, J. (2011). *Impoliteness. Using language to cause offence*. Cambridge: Cambridge Press.
23. Spencer-Oatey, H. (2008). *Culturally Speaking. Culture, Communication and Politeness Theory*. New-York: Continuum International Publ.
24. Styrina, E.V. & Martirosjan, A.A. (2021). Elements of Fictionality in Media Texts: Facts vs Fiction. *NSU Vestnik. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 19(1), 92–105. <https://doi.org/10.25205/1818-7935-2021-19-1-92-105> (In Russ.).
25. Nigmatulina, V.N. & Galichkina, E.N. (2020) Figurative characteristics of the concept 'cybercrime' (on the material of Russian and English-language online mass-media). In: *Creative linguistics*. Astrakhan: Astrakhan State University Publ. pp. 90–95. (In Russ.).

Сведения об авторах:

Алексеев Александр Борисович, кандидат филологических наук, доцент кафедры профессиональной языковой подготовки, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (119571, Российская Федерация, г. Москва, проспект Вернадского, 82); *сфера научных интересов*: критическая лингвистика, лингвопрагматика, лингвоперсонология, политическая лингвистика, политология; *e-mail*: neuausstatten@mail.ru

ORCID: 0000-0003-2740-4649; SPIN-код: 2354–9963; Author ID: 932287.

Сорокина Эльвира Анатольевна, доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии факультета романо-германских языков, Государственный университет просвещения (141014, Российская Федерация, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, 24); *сфера научных интересов*: антропологическая лингвистика, лексикология, лингвоперсонология, семиотика, терминоведение; *e-mail*: ellasor@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4965-078X; SPIN-код: 2569–3236; Author ID: 764946.

Information about the authors:

Alexander B. Alexeyev, PhD in Philology, Associate Professor at the Department of Professional Language Preparation, the Institute of Social Sciences, the Russian Academy of Economy and Public Administration (82, Vernadsky Prospekt, Moscow, Russian Federation, 119571). *Research interests*: embrace critical linguistics, linguopragmatics, linguopersonology, political linguistics, political studies; *e-mail*: neuausstatten@mail.ru

ORCID: 0000-0003-2740-4649; SPIN-code: 2354-9963; Author ID: 932287.

Yelvira A. Sorokina., Dr.Sc. (Philology), Professor at the Department of English Philology, the Romano-Germanic languages faculty, Federal State University of Education (24, Very Voloshinoy str., city of Mytishi, Moscow Region, Russian Federation, 141014). *Research interests*: embrace anthropolinguistics, lexicology, linguopersonology, semiotics, terminology; *e-mail*: ellasor@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4965-078X; SPIN-code: 2569-3236; Author ID: 764946.

DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-3-735-754

EDN: HDPLCE

УДК 811.161.1:070

Научная статья / Research article

Резистентность к возражению в научно-популярном дискурсе: продвигающий и новостной текст

Н.А. Прокофьева , Е.А. Щеглова

Санкт-Петербургский государственный университет, *Санкт-Петербург,*
Российская Федерация
 n.prokofieva@spbu.ru

Аннотация. Актуальность исследования журналистского дискурса в аспекте реализации коммуникативного действия возражения связана с существенными изменениями, произошедшими как в восприятии науки широкой общественностью, так и в журналистском представлении этой сферы деятельности. Научная сфера становится более прозрачна, что требует дополнительных усилий в трансляции научного знания и репрезентации достижений и открытий в области науки широкому читателю. Этим объясняется необходимость повышения резистентности медиатекста о науке к возражению и отрицанию со стороны целевой аудитории. Целью статьи является анализ механизмов повышения резистентности медиатекста к возражению. Эмпирическую базу составил гипермедиатекст о научных разработках Росатома в борьбе с раком. В условиях развития новых медиа невозможно игнорировать новые способы сообщения информации конечному потребителю, поэтому база анализа составлена из разнородных по характеру взаимодействия с аудиторией источников: телеграм-канал «Страна Росатом», одноименное корпоративное издание, неспециализированные медиа. Выбранные источники анализировались с точки зрения выражения аспектов смысловой позиции субъекта речи — модусности, денотатности, коммуникативности. В каждом из источников доминирует один из смысловых аспектов, таким образом обеспечивается резистентность к возражению на каждом из этапов освещения инфоповода. В современном медиа новостной дискурс является продолжением продвигающего дискурса, механизмы повышения резистентности текста к возражению, разработанные на этапе продвигающего дискурса, впоследствии реализуются в новостном. В результате анализа выяснено, что доминантным аспектом смысловой позиции субъекта речи на телеграм-канале, поскольку это первое по времени появления и самое легкое для восприятия сообщение, является модусность как генерализированное заявление о значимости открытия. В корпоративном издании, которое включается в дискуссию вслед за телеграм-каналом, на первый план выходит коммуникативность, здесь происходит отработка механизмов сопротивления возражению, разрабатывается основная система образов, метафор, репрезентирующих роль открытия для общества; впоследствии отработанные здесь приемы применяются в неспециализированных медиа — собственно журналистских публикациях. На последнем

© Прокофьева Н.А., Щеглова Е.А., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

этапе в гипермедиа́текст включаются традиционные СМИ, в них на первый план выходит денотатность как сообщение о результативности, возможности обеспечить широкое распространение и применение новых технологий.

Ключевые слова: возражение, гипермедиа́текст, аспекты смысловой позиции субъекта, диалогичность

Финансирование. Благодарности:

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ в рамках научного проекта «Речевые практики возражения и пути их преодоления в научно-популярной медиакommunikации» (Соглашение с РФФИ № 22-18-00184).

Заявление о конфликте интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: Прокофьева Н.А. — сбор и обработка эмпирического материала, разделы «Анализ материала» и «Заключение», Щеглова Е.А. — разделы «Введение», «Результаты исследования», «Методология исследования», формирование и оформление списка литературы.

История статьи:

Дата поступления: 1.06.2024

Дата приема в печать: 15.06.2024

Для цитирования:

Прокофьева Н.А., Щеглова Е.А. Резистентность к возражению в научно-популярном дискурсе: продвигающий и новостной текст // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 3. С. 735–754. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-3-735-754>

Resistance to Objection in Nonfiction Discourse: Promotive and News Text

Natalia A. Prokofeva , Ekaterina A. Shcheglova

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

 n.prokofieva@spbu.ru

Abstract. The topicality of the study of nonfiction journalistic discourse concerning the communicative action of objection is connected with the existing changes which happened in the perception of science by the public and the journalistic interpretation of this sphere of activity. The scientific sphere becomes more transparent which demands extra efforts in the broadcasting of scientific knowledge and representation of achievements and discoveries in the field of science to the public reader. This explains the necessity to increase the resistance of mediatext about the science to the objection and denial by the target audience. The purpose of the article is the analysis of mechanisms for increasing the resistance of mediatext to objection. The empiric base includes hypermediatext about scientific discoveries of Rosatom in struggling against cancer. Under the development of new media it is impossible to ignore the new methods of information broadcasting to the final consumer, therefore the base for analysis includes sources which interact differently with the audience: TG-channel “Country Rosatom”, cognominal house publication, non-special media. The selected sources were analyzed from the viewpoint of meaning positions of speech subjects — modality, denotation, communicativeness. It is interesting that in each source there dominates one of meaning aspects, thus, providing the resistance to objection on each stage of information cause presentation. In contemporary media the news discourse is the continuation of promotive discourse, the mechanisms of increasing the text resistance to objection, developed

on the stage of promotive discourse, are later performed in the news one. After the analysis it was revealed that the dominant aspect of meaning position of speech subject on TG-channel is modality as a generalized announcement about the significance of the discovery, because it is the first appearance and the easiest for perception. In house publication which follows the TG-channel in the discussion the communicativeness goes forward, here happens the approval of mechanisms for resistance to objection, develops the main system of images, metaphors, representing the role of the discovery for the society, later the approved methods are applied in non-special media — namely journalistic publications. On the last stage in hypermediatext we see the traditional mass media, here denotation as the message about the effectiveness and the opportunity to ensure wide spread and appliance of new technologies goes forward.

Keywords: objection, hypermediatext, promotive discourse, aspect of subject meaning position, dialogueness

Financing. Acknowledgements:

The study was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation grant within the framework of the scientific project “Speech practices of objection and ways to overcome them in popular science media communication” (Agreement with the Russian Science Foundation No. 22-18-00184).

Conflicts of interest: The authors declare no conflicts of interest.

Authors’ contribution: Prokofeva N.A. — collection and processing of empirical material, sections “Analysis of material” and “Conclusion”, Shcheglova E.A. — sections “Introduction”, “Research results”, “Research methodology”, formation and design of the list of references.

Article history:

Received: 01.06.2024

Accepted: 15.06.2024

For citation:

Prokofeva, N.A. & Shcheglova, E.A. (2024). Resistance to Objection in Nonfiction Discourse: Promotive and News Text. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 15(3), 735–754. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-3-735-754>

Введение

Если рассматривать медиадискурс максимально обобщенно, можно отметить закономерности обращения журналистов к тем или иным способам вовлечения читательской аудитории в обсуждение, толкования предмета речи в журналистском тексте, превентивной защиты от неприятия по отношению к материалу и проч. Во всех названных случаях универсальным решением стоящего перед журналистом вопроса становится возражение. Оно экстраполирует свое влияние с отдельных фрагментов текста, где действительно востребована вербально выраженная интенция возражения, на механизм речепорождения целого журналистского произведения.

Такое явление наблюдается во всех сферах медиадискурса, оно становится продолжением принципа диалогичности, заложенного в основу создания журналистского текста, и особенно яркое воплощение возражение как онтологическое свойство текста получает в дискурсе о науке.

В современном мире условия существования научной коммуникации претерпели значительные изменения. Об этом говорит уже расширение самого представления о границах научной коммуникации [1]. В настоящее время всё больше говорят о разнонаправленном процессе, в который вовлечены медиа [2]. Исследования в области медиа показывают, что наука перестала быть чем-то элитарным, недоступным профанам: для описания этого процесса М.В. Загидуллина использует показательную метафору ставших прозрачными стен лаборатории [3]. Медиатизация и цифровизация науки привели к тому, что успешность в продвижении того или иного научного проекта зависит не только и не столько от глубины проработки научной проблемы, эффективности решения или инновационности подхода, сколько от когнитивных и ценностных установок аудитории [4]. Субъект популяризации в этих условиях вынужден искать те формы представления научного знания, которые будут отвечать запросам аудитории. И прежде всего он должен учитывать, возможность возражения как к содержательной части, так и к самой форме представления.

Следует учесть при этом, что без возражения приращение нового знания в принципе невозможно: только через отрицание, коррекцию или уточнение старого, устоявшегося, концептуально сложившего происходит развитие научной мысли. Это многократно подчеркивалось как в трудах по философии науки [5], так и по лингвистике — в аспекте логики языка: «именно возражения, критические замечания, исправления, уточнения и критические оценки истинности суждений стимулируют развитие и углубление научных концепций» [6. С. 5]. Следовательно, возражение как познавательно-коммуникативное действие [7. С. 98] определяет движение научной коммуникации в целом.

Однако в условиях медиа в научно-популярной коммуникации многократно возрастает количество диалогических связей, развитие диалогических циклов происходит не линейно, а в многомерном дискурсивном пространстве, соответствующим образом увеличивается и число акторов с разным уровнем знания, а следовательно, с разными возможностями восприятия научного знания, растет диалогическая напряженность дискурса [8; 9]; о категории связности диалогического текста в условиях интернет-коммуникации [10]). В этих условиях автор вынужден изначально адаптировать свой текст к восприятию аудитории — возрастает его коммуникативная резистентность к потенциальному возражению. Последнее понимается обычно как «умения / способности адресата противостоять определенным типам коммуникативного воздействия, оказываемого на него адресантом» [11. С. 9]. В случае научно-популярной коммуникации резистентность нужно понимать шире [12]: это устойчивость текста к потенциальному возражению адресата, достигаемая системой речевых средств, являющихся по сути ответом на это потенциальное возражение. В связи с этим, с нашей точки зрения, необходимо сравнить средства

оппозитивности в разных траекториях продвижения научного знания в научно-популярной коммуникации. В рамках этой работы мы предполагаем сопоставить собственно продвигающий и новостной дискурсы.

Цель исследования

Определить инструменты возражения в продвигающем и новостном научно-популярном дискурсе, проанализировать существующие в них механизмы создания резистентности к возражению.

Результаты исследования

Центральным понятием нашего исследования является возражение. Несмотря на его внешнюю семантическую прозрачность, его трактовка в научном поле неоднозначна. Если мы обратимся к толковым и семантическим словарям русского языка, то дефиниция будет проста: ‘1. высказанное несогласие, изложение противоположного довода, мнения; 2. мнение, довод против чего-н.’¹. Можно увидеть, что в общеупотребительном понимании лексемы происходит ее синонимизация со словом *несогласие*. В научном восприятии понятия *возражение* и *несогласие* также часто смешиваются или используются в качестве синонимов. В этом случае в поле зрения исследователей оказывается категория отрицания, или негация, рассматриваемая в русле логико-структурного подхода к изучению языка (см. [13–16] и др.). Такое понимание дает, безусловно, объемное представление об отрицании как грамматической категории, однако существенно сужает рамки исследования при обращении к коммуникативной практике.

При этом во всех исследованиях отмечается роль отрицания в движении мысли [17], а соответственно, и диалога (ср. с понятием антитезиса в философии). Последнее особенно важно при обращении к изучению многомерной диалогичности медиапространства. Закономерно, что именно в дискурсивных исследованиях возражение рассматривается как речевое или коммуникативное действие, проводятся попытки разграничения возражения и несогласия [18; 19].

Очевидно, что в этих условиях сам термин *возражение* нуждается в уточнении и проработке. В рамках нашего исследования научно-популярного медийного дискурса важно учитывать место возражения в развертывании коммуникативных сценариев в ходе взаимодействия различных акторов, а следовательно, целесообразен широкий подход к пониманию возражения как комплексного коммуникативного действия, имеющего различные разновидности (сомнение, ироническое возражение [20], троллинг и пр.) и обладающего собственной речевой системностью. Последнее означает наличие целого комплекса речевых единиц, маркирующих возражение и оформляющих

¹ Русский семантический словарь / под общ. ред. Н.Ю. Шведовой. Т. II. М.: Азбуковник, 2000.

его в речевой архитектуре дискурса. В ядре поля возражения находятся те самые средства негации [21], которыми обычно и ограничивается логический и формально-грамматический подходы к выражению в языке несогласия.

Существование разнообразных вариантов возражения делает логичным предположения об их корреляции с различными направлениями популяризации внутри научно-популярного дискурса — траекториями продвижения научного знания. Л.Р. Дускаева выделяет траектории популяризации, опираясь на такие критерии, как направление речевой деятельности, предмет, на который она направлена, характер взаимодействия адресата и адресанта [8; 9]. Так было обнаружено пять траекторий: новостное информирование, объяснение научного знания, рассказ об истории науки, продвижение нового научного знания, развлечение.

Материал и методология исследования

Выбор эмпирической базы исследования обусловлен поставленной целью. Для выявления особенностей возражения в двух выбранных для сопоставления траекториях был взят гипермедиа-текст, который был сформирован темой научных разработок Росатома в борьбе с раком. В состав гипермедиа-текста вошли как публикации корпоративных медиаресурсов самого Росатома (продвигающий дискурс), так и материалы неспециализированных СМИ (новостной дискурс). Таким образом, выборка текстов, содержащих возражение, была составлена на основании непрерывного отслеживания публикаций: 1) Telegram-канала «Страна Росатом»; 2) газеты «Страна Росатом»; 3) в новостных лентах неспециализированных изданий («Аргументы и факты», «Комсомольская правда», РЕН ТВ, ТАСС и др.). Отбор материала производился методом сплошной выборки с мая 2020 по декабрь 2023 гг.

Telegram-канал — это способ оперативного реагирования корпорации на собственные разработки, инструмент их динамического, непрерывного, развертывающегося в режиме актуального времени продвижения; в течение дня может быть представлено от двух до десяти публикаций, в которых представлена информация о деятельности корпорации в самых разных сферах, отличительной чертой telegram-канала является допустимость субъективных суждений и оценок. Газета — более традиционный способ репрезентации достижений компании, который позволяет дать адресату более полное и детализированное представление об их содержании [21]; периодичность ее выхода — раз в месяц, информация о содержании очередного выпуска поддерживается через дайджесты, рассылаемые два раза в неделю, публикации тематически коррелируют с контентом telegram-канала, но отличаются объективностью и сдержанностью в оценках. Тексты ТГ-канала, дайджеста и газеты связаны друг с другом гиперссылками. Неспециализированные издания направлены на реагирование на состоявшийся инфоповод, репрезентация разработок получает отражение в новостной ленте в момент получения

значимых результатов, то есть здесь мы имеем дело с эпизодически появляющимися материалами в противовес непрерывности представления в корпоративных источниках.

Выбранная для анализа тема обладает несомненной значимостью на фоне сложной политической повестки дня:

- первые тексты появляются в период пандемии коронавирусной инфекции, что само по себе актуализирует медицинскую тематику;
- онкологию метафорически называют эпидемией XXI века, дискуссии относительно возможности медикаментозного лечения очень активны и не отличаются снижением интенсивности;
- в свете санкций, вводимых против России, в том числе в области медикаментозного снабжения, на первый план выходит проблема импортозамещения лекарств от различных болезней;
- немаловажным также является вопрос лидерства России в области ядерных разработок, и Росатом, как основная корпорация, объединившая научно-исследовательские предприятия ядерной сферы, несет за это ответственность.

Все названные предпосылки определяют повышенный интерес к изучаемой сфере и особое внимание к речевой репрезентации вопроса. Таким образом стратегия представления нового научного знания широкой аудитории такова:

- фиксация открытия/новых разработок в соответствующей области как обозначение первенства (преимущественно ориентировано на внутреннюю общественность, специалистов);
- затем популяризация соответствующего контента через толкование, объяснение действующего механизма разработки как обозначения преимущества отечественных технологий (адаптация знания для внешней ответственности, привлечение внимания возможных партнеров);
- наконец доведение итогов разработки со статистикой экспериментальной апробации до широкой общественности (выведение научного эксперимента в поле практического применения, переход к реализации потенциальных возможностей научного открытия в реализации, массовом обращении).

Вообще при настроенном отношении к науке как области деятельности эти шаги важны как грамотный ход популяризации научного знания и толкования самого предмета деятельности ученых в разных предметных областях.

Методологический инструментарий исследования основан на разработках Санкт-Петербургской медиалингвистической школы в области выражения в научно-популярной коммуникации в медиа. Для детализированного рассмотрения ресурсов и способов манифестации возражения, а также средств борьбы с потенциальным возражением мы обратились к анализу возражения, обращенного к несовпадению смысловых позиций в трех аспектах: денотатном, модусном и коммуникативном [22].

Анализ материала

Продвигающий дискурс — telegram-канал «Страна РОСАТОМ»

Первым в линию продвижения научного знания в описанной стратегии представления новых научных разработок включается telegram-канал «Страна РОСАТОМ». Это ресурс продвигающего дискурса, в котором закладываются основания положительного оценивания проводимых научных разработок.

Первичная репрезентация предмета речи заключается в анонсировании его преимуществ по сравнению с аналогами. В текстах telegram-канала обозначаются основные дискуссионные узлы, потенциально способные провоцировать положительную оценку со стороны общественности. Рассмотрим первую публикацию ряда, опубликованную 29 мая 2020 года *Томские ученые разработали препарат для сверхточной диагностики рака*.

Предмет речи представлен средствами научной терминологии, что позволяет аудитории приблизительно понять принцип действия новой разработки: *препарат для сверхточной диагностики рака, изотоп технеций-99m позволяет выявлять опухоли и метастатические узлы рака, связка технеция и каркасного белка в основе препарата*. Отметим, что толкования терминологии в тексте поста, ориентированного на внутреннюю общественность, нет. Автор отдает предпочтение констатирующей тональности. Таким образом, денотатность представлена конструкциями с преобладающей фактообразующей семантикой, цель обращения к которой — формирование интереса к новой разработке, создание впечатления ее научной обоснованности.

Однако в силу специфики канала (мессенджер Telegram помимо оперативности информирования аудитории всегда ориентирован на существенную долю развлекательного контента) на первый план в постах выходит фактор модусности. И в этом отношении важно создать положительный образ предмета, с тем чтобы его обсуждение в дальнейшем заинтересовало журналистов. В первую очередь подчеркивается новизна препарата, которая предопределяет восприятие препарата как новаторского, первого в своем роде: *новый радиофармпрепарат*. Далее запущенный ассоциативный ряд получает подкрепление в метафоре *прорыв в медицине*, который однозначно воспринимается как положительнооценочный компонент текста. Во многом такая громкая метафора позволяет целевой аудитории почувствовать себя частью коллектива, который создает этот прорыв в науке, что востребовано в корпоративном telegram-канале как способ формирования сугубо положительного образа корпорации для внутренней общественности. Завершающим в этом ряду становится замечание о том, что *подобных препаратов на рынке нет*, то есть выражение модуса ориентировано на демонстрацию уникальности работы коллектива.

Коммуникативность постов в telegram-канале нацелена на предупреждение возражения, и здесь авторы идут по заранее разработанному плану — определению и описанию уязвимых мест прежних методик выявления и лечения онкологических заболеваний, на фоне которых выгодно выделяются преимущества новой системы лечения. Коммуникативная задача решается через средства возражения, предвосхищающие представление аудитории о недостатках и преимуществах нового лекарства, поэтому рассуждение включает в себя указание на уязвимости старых и преимущества новых разработок: *одна из главных проблем в онкологии — поздняя и сложная диагностика* выступает как исходная точка рассуждения, которая позволяет выявить преимущества нового препарата. Также на противопоставлении строится дальнейшая часть: поврежденные клетки *не видно с помощью КТ и МРТ*, тогда как новая технология позволяет решить этот вопрос; и завершающим аккордом становится сообщение о том, что разработка *проходит клинические испытания*, то есть готовится к запуску в производство. Коммуникативные задачи решаются на уровне отдельных замечаний, которые, скорее, провоцируют рефлексию со стороны аудитории и располагают к дальнейшему диалоговому взаимодействию, но основная часть коммуникативных задач решается уже в другом формате — в форме полнотекстовой статьи в рамках корпоративного издания.

Выстроенная в первом тексте рассматриваемого гипермедиатекста система средств резистентности получает свою репликацию и развитие в последующих. Предъявление предмета происходит на той же фактологической основе, дополняясь новыми деталями, соответствующими этапам разработки новых технологий. Прямо выраженное возражение появляется в тех случаях, когда необходимо опровержение превосходства результатов зарубежных ученых. Например, в период пандемии коронавируса одной из побочных разработок стало изучение влияния радиации на вирус, в одной из публикаций канал реагирует на новости о превосходстве результатов американских ученых: *Мы тут недавно писали, что ученые изучают губительное воздействие радиации на коронавирус. Пока наш научный редактор подробно разбирается в теме, в СМИ появляются новости, что дескать американцы уже экспериментально лечат коронавирус радиацией. Это не совсем так* (18.01.2021). Разговорная частица *дескать*, соответствующая слуховому модусу, создает необходимую модальную рамку для восприятия информации как недостоверной. Возражение выражено с помощью генерализованного обобщения, характерного для научного дискурса: *Это не совсем так*, что делает очевидной коммуникативную цель автора — развеять слухи, не имеющие фактологической основы. Последнее подтверждается количественными данными: *В эксперименте участвовали 13 человек*. Очевидно, что масштаб эксперимента не соответствует заявленным достижениям американских ученых.

Модусные смыслы, встраивающиеся в оппозицию “свой” (российский, отечественный) и “чужой” (западный, мировой), становятся одним из смысловых узлов дискурса (ср.: о потенциальной агрессивности дискурса, построенной на оппозиции “свой — чужой” [23]). Авторы публикаций telegram-канала подчеркивают уникальность научных разработок Росатома: *Радий-223 — единственный действенный препарат против кастрационно-резистентного метастатического рака предстательной железы* (21.10.2020); *Уникальные радиотерапевтические изделия — наноструктурированные микросферы диаметром 25 микрон из иттрий-алюмосиликатного стекла, производит компания «Бебиг»* (9.07.2021); *В ФЭИ разработана оригинальная технология изготовления капсул и равномерного нанесения изотопа йод-125 на серебряную подложку микроисточника* (27.05.2022) и т.д. Интеллектуальная оценка используется как средство предъявления научного продукта аудитории.

На уровне модусных смыслов происходит и борьба со стереотипными представлениями об отставании российских технологий от западных: *НИИТФА (входит в «Русатом Хэлскеа») разрабатывает комплекс тороидальной дистанционной лучевой терапии (ТКДЛТ) «Торус» для удаления опухолей методом дистанционной лучевой терапии. Он станет аналогом зарубежной Halcyon Varian* (1.11.2022); *Росатом построит первый в России радиофармзавод, соответствующий мировым стандартам GMP, на площадке НИФХИ* (20.01.2023) и т.д. Оппозиция “свой–чужой” проявляет себя на уровне сопоставления технологий, результатом такого сопоставления выступает знак равенства, выраженный через такие оценочные средства, как *аналог, аналогичный, соответствующий мировым стандартам* и пр. Это позволяет появиться в дискурсе еще одной актуальной ключевой положительнооценочной характеристике — *импортозамещающий, импортонезависимый*: *Радиевый институт и Российский научный центр радиологии и хирургических технологий им. Гранова создают производство пилотной партии импортозамещающего препарата на основе радия-223* (14.04.2022). Важно отметить, что сами по себе указанные лексические единицы не являются оценочными, но приобретают соответствующие коннотации в концептуальном единстве гипермедиа текста как средство имплицитного предъявления ключевой оппозиции. Утилитарная и телеологическая оценочность выступает как вспомогательное средство утверждения российских разработок в тех случаях, когда они превосходят западные: *ФЭИ создал полностью импортонезависимое производство микроисточников йода-125, которые используются для лечения рака предстательной железы. При этом продукция ничем не отличается от иностранных аналогов по качеству и стоит в два раза дешевле* (27.05.2022).

Коммуникативность текстов выстраивается вокруг основной цели — сделать сложное знание понятным адресату. Для этого используется метафора как один из ключевых инструментов познания: *После облучения происходит*

ядерная реакция, сопровождающаяся выделением большого количества энергии, и пораженные клетки практически взрываются (29.06.2021). Интересно, что в ходе развертывания гипермедиа текста нужная метафора появляется не сразу и изначально описание механизмов действия радиоактивных элементов на опухоль выглядит несколько иначе, а профилактика возражения проходит скорее по денотатной и модусной линиям. Однако как только удачная метафора найдена, она становится устойчивой и повторяется в дальнейших публикациях: БНЗТ — одна из разновидностей лучевой терапии, при которой введенный в организм изотоп бор-10 в большом количестве накапливается в опухоли, которую затем облучают потоком нейтронов. После облучения происходит ядерная реакция, сопровождающаяся выделением большого количества энергии, и пораженные клетки практически взрываются (29.08.2022); После облучения происходит ядерная реакция, сопровождающаяся выделением большого количества энергии, и пораженные клетки практически взрываются (10.10.2022).

Таким образом, можно говорить о том, что на telegram-канале, который является наиболее мобильным средством сообщения новой информации, ярко проявляется модусность — положительная оценка как фактор продвижения изобретения.

Продвигающий дискурс — корпоративное издание «Страна РОСАТОМ»

Вторым по очереди обращения к информационному поводу подключает корпоративное издание, чаще всего в жанре проблемной статьи или обзора, но иногда и экспертного интервью. Задачи, которые решаются в рамках этого издания, принципиально иные: в этом издании авторы переключают внимание с оценки методик и препаратов на репрезентацию сущности внедряемых методов и предотвращение возможных сомнений в эффективности или даже возражении против внедрения новых технологий.

Все это вызывает к жизни целую систему приемов, рассчитанных на снятие возражения фактически до его возникновения. Это обеспечивает тексту повышенную резистентность к возражению и определяет возможность использования его в дальнейшем для предоставления журналистам как первичного текста, источника информации с целью дальнейшей переработки для нужд массовой коммуникации.

Сами тексты строятся приблизительно в одном композиционном ключе: на первый план выносятся рассуждения о недостатках старых методов лечения: *Проблема химиотерапии — относительная неспецифичность препаратов: низкомолекулярные соединения, антибиотики или другие вещества вызывают гибель раковых клеток, но также воздействуют на здоровые. Среди серьезных побочных эффектов — поражение печени, почек, селезенки (16.10.2023); Но реактор в больнице не поставишь, а операция прямо в зале реактора — это сложно и опасно. Кроме того, оказалось, что физические*

характеристики пучка реакторных нейтронов не очень подходят для БНЗТ. Нужны пучки гораздо меньшей энергии и намного более узкого спектра (21.06.2021); В основном лечение традиционное — хирургия или химиотерапия. Лучевую терапию как технически сложный и дорогой метод применяют значительно реже (2.11.2020). Как видим, к основным недостаткам старых методов относят дороговизну, невозможность проведения операций внутри залов с атомными реактором или же неизбежность действия препарата. Такая почва должна подготовить лояльное отношение к новому лекарству и на контрасте продемонстрировать его преимущества:

- механизм действия: *Созданный томскими учеными радиофармпрепарат состоит из изотопа технеций-99m, каркасного белка и специальных связующих соединений. Белок связывается с определенными участками раковых клеток и доставляет к ним радионуклид. Изотоп, в свою очередь, подсвечивает злокачественное образование, вырисовывая его контуры* (25.05.2020) — особый акцент делается на российском происхождении препарата, формируя концепт “наш/свой”, терминологическая точность создает дополнительное ощущение убедительности; **Передний край ядерной медицины — таргетная терапия, когда радиоактивный изотоп наносит прицельный удар по раковой клетке** (19.10.2020) — подчеркивая современность технологий, авторы зачастую прибегают к метафорам, преимущественно военным, как репрезентации агональности, соревновательного аспекта в создании радиопрепаратов российской и нероссийской наукой;
- пользу: *С его помощью обследовали 46 пациентов ... Нескольким пациентам серьезно скорректировали лечение, поскольку благодаря препарату доктора получили новую информацию* (25.05.2020) — применимость препарата и примеры успешности его внедрения в клиническую практику позволяют предупредить возражение в отношении эффективности новых методик; *Препараты радия дают результат в лечении широкого спектра онкологических заболеваний, в том числе метастатических форм рака, которые слабо реагируют на другие методы терапии* (19.10.2020) — авторы стремятся обратить внимание аудитории на преимущества;
- надежность: *Больше года новый диагностический радиофармпрепарат проходит клинические испытания в томском НИИ онкологии* (25.05.2020) — поскольку одним из факторов доверия к препарату является его апробация, на ней делается особый акцент, это особенно актуально в свете недавних событий пандемии и создания препарата вакцины, соответственно, в публикациях подчеркивается факт применения препарата на практике в качестве превентивной защиты от возражения; *Лекарство прошло доклинические испытания в двух научных центрах, безопасность и функциональная пригодность подтверждены* (19.10.2020) — дополнительным аргументом в пользу представленного препарата является указание на множественность испытаний.

Ну и, конечно, особое место занимает прямая речь исследователей, которые прямо рассказывают о преимуществах разрабатываемых методов. Прямая речь ученых обеспечивает повышение степени доверия по отношению к информации. Здесь акцент делается на постоянном процессе совершенствования технологий: *Я до сих пор дорабатываю и видоизменяю катушку, поэтому периодически мне нужны волонтеры с разной величиной нагрузки* (20.11.2023); механизмах работы: *«Соединение стоит недорого и уже давно применяется в стандартных процедурах молекулярной биологии, когда надо окрасить какие-либо вещества, — говорит Виктория Шипунова. — Однако почему-то оно никогда не рассматривалось как удобный диагностический инструмент»* (16.10.2023); перспективах исследования: *«Идея в том, чтобы нарабатывать изотоп не в реакторе, когда нейтрон бомбардирует ядро, а с помощью ускорителя, гамма-квантами. Мы сможем в разы нарастить выпуск актиния-225»*, — объясняет начальник научно-производственного комплекса изотопов и радиофармпрепаратов ФЭИ Максим Самсонов (09.03.2023). Все это также рассчитано на создание резистентности текста к потенциальным реакциям возражения.

Новостной дискурс — новости в неспециализированных медиа

В неспециализированный новостной поток сообщение об открытии, нововведении попадает в тот момент, когда основные этапы апробации уже пройдены, обществу можно представить результаты. В связи с этим основной фокус в таких публикациях делается именно на репрезентации предмета и его основных преимуществах, на первенстве и эффективности научных разработок. В текстах традиционных СМИ аккумулируется опыт публикаций продвигающего дискурса, подчеркиваются те же самые особенности и преимущества новых препаратов.

Резистентность к возражению определяется репрезентацией следующих тематических полей: ‘новое’, ‘доступность’, ‘целенаправленность действия’, ‘новаторство’, ‘уникальность’, ‘полностью отечественное производство’. Сама структура текстов повторяется и соответствует следующему принципу представления фактологической информации: сенсационное открытие отечественных ученых — преимущества новых технологий по сравнению с прежними — новаторство принципа воздействия на больные клетки. Главный акцент делается на доступности новых технологий для широкого потребителя.

Надо сказать, что именно при выходе темы в информационное поле традиционных средств массовой информации заостряется прагматический подход к репрезентации темы. Задача журналиста — определить общественную пользу научного открытия, в связи с чем возникает жесткая связка между научно-исследовательским процессом и болевыми точками общественной жизни. Именно в этих узловых моментах сосредоточиваются усилия журналиста в повышении резистентности текста к возражению.

Начиная с заголовков происходит акцентуация вышперечисленных аспектов: *Борьба с раком по-новому. Разработку атомщиков внедряют в медпрактику* (АиФ, 08.06.2022); *“Росатом” запустил новое производство ядерного “препарата будущего” против рака* (РИА Новости, 21.12.2023); *Новейший российский аппарат “Брахииум”, созданный “Росатомом”, запущен в серийное производство* (Itv, 27.12.2022) т.д. Сема новизны в медицине исключительно актуальна: быстрая адаптация заболевания к лекарственным формам вызывает к жизни гонку лекарственных препаратов, которые должны опережать развитие заболеваний, их резистентность к медикаментозному воздействию. Собственно, поэтому слова, родственные или синонимичные слову *новый*, востребованы в заголовочном комплексе — в сильной позиции текста.

Способом предупреждения возражения в сфере новых атомных разработок является сообщение о доступности препарата и возможности для широких кругов населения использовать его. А-ргіогі все, что связано с атомными разработками представляется дорогостоящим и недоступным: *Таким образом, в результате совместной работы Госкорпорации «Росатом» и РНЦРР не только решена проблема доступа пациентов к жизненно важному лечению, но и созданы условия для стабильного потребления радиофармацевтической продукции, выпускаемой на отечественных предприятиях* (АиФ, 08.06.2022). Как видно в приведенном примере, к достоинствам препарата с помощью традиционного усиления конструкции *не только... но и* выделяются наиболее значимые для широкой аудитории факторы доступности и стабильности. Главным источником возражения в отношении новых научных разработок, как правило, являются именно применимость в повседневной жизни конечного потребителя, поэтому именно они становятся первым предметом освещения в массовых СМИ. Чтобы усилить воздействующий потенциал подобного сообщения происходит обращение к фактуальной информации — числовым данным: *В одном только тульском онкоцентре такое лечение за год пройдут полтысячи пациентов* (Первый канал, 27.12.2022). Сама форма представления числовых данных максимально приближена к разговорной речи, чтобы информация легче воспринималась потенциальным адресатом. Неслучайно ее расположение в сильной позиции текста, что также способствует запоминанию и реализации воздействующего эффекта.

Следующим фактором повышения резистентности текста к возражению является предупреждение вопроса о вреде нового препарата. Здесь предупреждается главный аспект, вызывающий возражение: как правило, лечение онкологии довольно агрессивно и приводит к ухудшению показателей здоровья пациента в других областях. Соответственно, фактор воздействия на опухоль является важным предметом освещения в текстах традиционных СМИ: *альфа-частицы, которые позволяют адресно убивать исключительно опухолевые клетки, не повреждая здоровые ткани* (РИА Новости, 21.12.2023);

новый препарат хорошо переносится пациентами и не имеет серьезных побочных эффектов (КП, 21.12.2023); Источник гамма-излучения на короткое время подводится непосредственно в область опухоли и производит облучение с очень высокой точностью, сохраняя при этом практически незатронутыми окружающие здоровые ткани (РИА Новости, 27.12.2023). Этот фактор представлен в разных текстах как метафорически (адресно убивать), так и привычными медицинскими формулировками (не имеет побочных эффектов) или при помощи толкования, изъяснения (оставляет незатронутыми здоровые ткани).

Значимо также подчеркивание преимуществ нового препарата по сравнению со старыми технологиями и лекарствами. С одной стороны, это просто сообщение о том, что вводятся передовые технологии: *Специалисты Научно-исследовательского института атомных реакторов (НИИАР, Димитровград Ульяновской области) ввели в эксплуатацию новую площадку для производства радиоактивного изотопа актиния-225, на основе которого создаются передовые средства для борьбы со злокачественными опухолями и от которых специалисты ждут революции в ядерной медицине (РИА Новости, 21.12.2023); Российские специалисты запустили новую площадку для производства радиоактивного изотопа актиния-225, на основе которого создаются передовые средства против злокачественных новообразований (Профиль, 21.12.2023).*

С другой, дается описание механизма действия, которое подтверждает новаторство препарата или технологии по сравнению с тем, что было: *Актиний-225 (Ac-225) относится к так называемым альфа-эмиттерам — радиоактивным изотопам, при своем распаде испускающим альфа-частицы, которые позволяют адресно убивать исключительно опухолевые клетки, не повреждая здоровые ткани... демонстрирует эффективность и высокий потенциал в лечении неоперабельных метастатических форм рака (РИА Новости, 21.12.2023); в России фактически доступны все виды терапии против рака и уровень смертности от онкологии снизился за год на 4,5 % благодаря возможности ранней диагностики и появления новых вариантов лечения и препаратов (КП, 21.12.2023); Спасать тяжелобольных пациентов в Туле помогает новый отечественный аппарат лучевой терапии «Брахимум». Он эффективно и практически безболезненно разрушает раковые клетки (Первый канал, 27.12.2022).*

В этом сегменте публикаций широко представлена положительнооценочная лексика, предупреждающая сомнение или отрицательные отзывы, причем используются как прямо выражающие положительную оценку слова (*эффективно*), так и косвенно воспринимающиеся как положительные (*безболезненно*).

В свете актуальной политической ситуации особую значимость приобретает происхождение препарата, его разработка, доступность компонентов,

поэтому важным фактором повышения резистентности текста к возражению является концепт “отечественный”. Это становится косвенно положительно оценочным словом: *Лечение онкологических больных с помощью нового импортозамещающего гамма-терапевтического комплекса «Брахимум», созданного специалистами атомной отрасли, началось в России, первым его применил Тульский областной клинический онкологический диспансер* (РИА Новости, 27.12.2023); *прибор на 80 % процентов состоит из российских запчастей, а значит его производство в ближайшее время станет масштабным* (РЕНТВ, 29.12.2022). Часто на первый план выходит указание на первенство российских ученых в разработке нового препарата, подчеркивается его конкурентоспособность: *гамма-терапевтический комплекс «Брахимум» не уступает зарубежным аналогам, но на 15–20 % дешевле них* (РИА Новости, 27.12.2023). Множество текстов строится на антитезе (*отечественное — импортное*), при этом последовательно подчеркиваются преимущества отечественной разработки: *Она надежнее и дешевле иностранных аналогов. Онкологию можно победить всего за пару недолгих сеансов* (Первый канал, 27.12.2022). Возникает свойственная журналистским текстам категоричность суждения: разработки ученых возводятся в разряд панацеи. Такие смелые утверждения, к сожалению, могут привести к искажению сущности открытия, хотя в моменте, безусловно, способствуют резистентности текста к возражению.

И в завершение отметим общую метафоричность текстов, что повышает воздействующий потенциал публикаций и выполняет контактоустанавливающую функцию, что способствует запоминанию текста общей положительной оценке его содержания: *Следующая амбициозная задача, стоящая перед учеными, — подключение импланта к системе кровообращения* (ТАСС, 14.02.2024); *И тут ядерная физика начинает служить медицине* (Первый канал, 21.12.2021).

Заключение

Подводя итоги, отметим, что изначально научное знание заявляется в повестке дня продвигающего дискурса и лишь потом оно попадает в новостной дискурс, будучи полностью сформированным в части метафорических образов, представления о сильных сторонах и преимуществах нового продукта. В продвигающем дискурсе выявляются сильные стороны изобретения, формируется представление внутренней общественности о причастности к изобретению, возникает метафорический ряд, связанный с прорывом, преодолением, достижением новых вершин.

Преимущественно убедительность обеспечивается обращением к фактуальной стороне представления материала, апелляцией к проведенным опытам, подтверждающим успешность и эффективность технологии, часто дискуссия уходит в сугубо профессиональное русло с обращением к узкоспециальной терминологии и обсуждением деталей.

В проведенном исследовании в рамках продвигающего дискурса были рассмотрены телеграм-канал и корпоративная газета атомной сферы «Страна Росатом».

Обращает на себя внимание, что в разных источниках по-разному проявляются такие аспекты смысловой позиции субъекта речи, как модусность, коммуникативность и денотатность.

В Телеграм-канале, как самом оперативном источнике информации, в постах основное значение придается модусности: это первое заявление о значимости и перспективности открытия. Главная задача — заявить о перспективе внедрения новых технологий.

В корпоративной газете в объеме статьи или интервью поле для обсуждения предмета существенно шире, что выводит на первый план коммуникативность как предупреждение возможного возражения, неприятия открытия. Здесь уже подробно объясняется место открытия в современной системе научного знания, предупреждается гипотетическое возражение через объяснение технологии изобретения, механизма его действия, источника компонентов, личности изобретателя.

Наименьшее внимание возражению уделяется в новостном дискурсе: там основной акцент делается на сообщении об открытии — денотатности. Широкая общественность информируется об открытии, обеспечивается знакомство с новым знанием или расширение представлений о старом. Главная задача новостного дискурса — сообщить о результативности, возможности обеспечить широкое распространение и применение новых технологий.

Таким образом, новостной дискурс вторичен по отношению к продвигающему, это понятно как по датам публикации, так и по реплицируемости метафорических образов, переходящих в новостной дискурс из продвигающего; механизмы возражения совпадают в части денотата и коммуникативности: предмет репрезентации один и тот же, что позволяет повторять основные аспекты репрезентации предмета освещения; различия же наблюдаются в части модуса: если в продвигающем дискурсе основная задача субъекта речи — генерализованно заявить о значимости научного открытия, то в новостном на первый план выдвигается утилитарная оценка, определение перспективы применения научного знания для широкой общественности.

Библиографический список

1. Булавинова М.П. Научная коммуникация: факторы развития // Наука и общество: современные зарубежные исследования. 2018. № 2018. С. 51–62.
2. Burns T.W., O'Conner D.J., Stocklmayer S.M. Science communication: A contemporary definition // Public understanding of science. 2003. Vol. 12. № 2. P. 183–202. <https://doi.org/10.1177/09636625030122004>
3. Загидуллина М.В. Коммуникативные практики научного сообщества в аспекте медиатизации науки // Журналистика — медиалогия — наставничество. Минск: Белорусский государственный университет, 2021. С. 294–295.

4. Рысакова П.И. Стратегии научной популяризации в цифровой медиасреде // Медиалингвистика. 2022. № 9(4). С. 309–329. <https://doi.org/10.21638/spbu22.2022.402>
5. Бряник Н.В., Томюк О.Н., Стародубцева Е.П., Ламберов Л.Д. История и философия науки. Екатеринбург: Изд. Урал. ун-та, 2014.
6. Арутюнова Н.Д. Коммуникативная реакция на истинностное значение высказывания другого // Логический анализ языка: ассерция и негация. М.: Индрик, 2009. С. 5–10.
7. Дускаева Л.Р. Речевые практики возражения в текстообразовании научно-популярной медиакommunikации // Диалог-спор в научно-популярной коммуникации (Серия «Язык в координатах массмедиа»). СПб.: Медиапайр, 2022. С. 94–108.
8. Дускаева Л.Р. Направления популяризации науки в массмедиа // Медиалингвистика. Материалы докладов участников VII Международной конференции. СПб.: Медиапайр, 2023. С. 219–223.
9. Дускаева Л.Р. Речевая организация метатекста телеграм-поста // Вестник Московского государственного университета. Серия 10: Журналистика. 2023. № 1. С. 30–65. <https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.1.2023.3065>
10. Шаклеин В.М. Русская блогосфера: прагматическая и лингвокультурная специфика реализации категории связности. М.: Флинта, 2023.
11. Задворная Е.Г. О феномене коммуникативной резистентности // Лингвистика, лингводидактика, лингвокультурология: актуальные вопросы и перспективы развития. Минск: БГУ, 2020. С. 8–12.
12. Иванова Л.Ю. Речевое действие возражения в научно-популярной коммуникации как репрезентация коммуникативной резистентности // Предъявление научного знания в диалоге медиа: контексты, технологии и языковые технологии (Серия «Язык в координатах массмедиа»). СПб.: Медиапайр, 2023. С. 142–154.
13. Бахарев А.И. Отрицание в логике и грамматике. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1980.
14. Бондаренко В.Н. Отрицание как логико-грамматическая категория. М.: Наука, 1983.
15. Логический анализ языка: ассерция и негация. М.: Индрик, 2009.
16. Штернина Е.С. Категория отрицания: логико-лингвистический аспект // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 9(51): в 2-х частях. Ч. II. С. 211–214.
17. Красухин К.Г. Отрицание и неопределенность в языке и логике // Вопросы психолингвистики. 2020. № 1(43). С. 132–138. <https://doi.org/10.30982/2077-5911-2020-43-1-132-138>
18. Кунаева Н.В. Дискурсивный анализ высказываний в ситуации возражения: на материале английского языка: дисс. ... к. филол. н. Воронеж, 2009.
19. Лужная М.М. Ироническое несогласие и возражение в повседневной коммуникации // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. 2022. Т. 11. № 2. С. 30–39. <https://doi.org/10.12737/2587-9103-2022-11-2-30-39>
20. Лебединская Е.Ю. Разновидности ироничного возражения в научно-популярном сетевом медиатексте // Медиалингвистика. 2024. № 11(1). С. 76–102. <https://doi.org/10.21638/spbu22.2024.105>
21. Щеглова Е.А. Формы возражения в медийном диалоге о новых лексикографических проектах // Диалог-спор в научно-популярной коммуникации (Серия «Язык в координатах массмедиа»). СПб.: Медиапайр, 2022. С. 161–172.
22. Прокофьева Н.А. Возражение в новостном освещении достижений науки и техники страны // Предъявление научного знания в диалоге медиа: контексты, технологии и языковые технологии (Серия «Язык в координатах массмедиа»). СПб.: Медиапайр, 2023. С. 85–92.
23. Дускаева Л.Р. Диалогическая природа газетных речевых жанров: дисс. ... д. филол. н. Пермь, 2004.
24. Лаптева М.Л., Фирсова М.А. Лингвокультурные основы вербальной агрессии в русском языке // Русистика. 2023. Т. 21. N 4. С. 424–439. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2023-21-4-424-439>

References

1. Bulavinova, M.P. (2018). Scientific communication: development factors. *Science and society: modern foreign research*, 2018, 51–62. (In Russ.).
2. Burns, T.W., O’Conner, D.J. & Stocklmayer, S.M. (2003). Science communication: A contemporary definition. *Public understanding of science*, 12(2), 183–202. <https://doi.org/10.1177/09636625030122004>
3. Zagidullina M.V. (2021). Communicative practices of the scientific community in the aspect of mediatization of science. In: *Journalism — medialogy — mentoring*. Minsk: Belarussian State University publ. pp. 294–295. (In Russ.).
4. Rysakova, P.I. (2022). Strategies for scientific popularization in the digital media environment. *Media linguistics*, 9(4), 309–329. <https://doi.org/10.21638/spbu22.2022.402> (In Russ.).
5. Bryanik, N.V., Tomyuk, O.N., Starodubtseva, E.P. & Lamberov L.D. (2014). *History and philosophy of science*. Yekaterinburg: Ed. Ural. University. (In Russ.).
6. Arutyunova, N.D. (2009). Communicative reaction to the truth value of the statement of another. In: *Logical analysis of the language: assertion and negation*. Moscow: Indrik. pp. 5–10. (In Russ.).
7. Duskaeva, L.R. (2022). Speech practices of objection in text formation of popular science media communication. In: *Dialogue-dispute in popular science communication (Series “Language in mass media coordinates”)*. St. Petersburg: Mediapapir. (pp. 94–108). (In Russ.).
8. Duskaeva, L.R. (2023). Directions for the popularization of science in mass media. In: *Media linguistics. Proceedings of the VII International Conference*. St. Petersburg: Mediapapir. pp. 219–223. (In Russ.).
9. Duskaeva, L.R. (2023). Speech organization of the metatext telegram post. *Bulletin of Moscow State University. Series 10: Journalism*, 1, 30–65. <https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.1.2023.3065> (In Russ.).
10. Shaklein, V.M. (2023). *Russian blogosphere: pragmatic and linguocultural specifics of the implementation of the category of connectivity*. Moscow: Flint. (In Russ.).
11. Zadornaya, E.G. (2020). On the phenomenon of communicative resistance. In: *Linguistics, linguodidactics, linguoculturology: current issues and development prospects*. Minsk: BSU publ. pp. 8–12. (In Russ.).
12. Ivanova, L.Yu. (2023). Speech effect of objection in popular science communication as a representation of communicative resistance. In: *Presentation of scientific knowledge in media dialogue: contexts, technologies and language technologies (Series “Language in mass media coordinates”)*. St. Petersburg: Mediapapir. pp. 142–154. (In Russ.).
13. Bakharev, A.I. (1980). *Denial in logic and grammar*. Saratov: Saratov University publ. (In Russ.).
14. Bondarenko, V.N. (1983). *Denial as a logical-grammatical category*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
15. Arutyunova, N.D. (Ed.) (2009). *Logical analysis of language: assertion and negation*. Moscow: Indrik. (In Russ.).
16. Sternina, E.S. (2015). Category of denial: logical-linguistic aspect. *Philological sciences. Questions of theory and practice*, 9(51), II, 211–214. (In Russ.).
17. Krasukhin, K.G. (2020). Denial and uncertainty in language and logic. *Questions of psycholinguistics*, 1(43), 132–138. <https://doi.org/10.30982/2077-5911-2020-43-1-132-138> (In Russ.).
18. Kunaeva, N.V. (2009). *Discursive analysis of statements in a situation of objection: on the material of the English language* [dissertation]. Voronezh. (In Russ.).
19. Luzhnaya, M.M. (2022). Ironic disagreement and objection in everyday communication. *Research and development. Modern communicative studies*, 11(2), 30–39. <https://doi.org/10.12737/2587-9103-2022-11-2-30-39> (In Russ.).
20. Lebedinskaya, E.Yu. (2024). Varieties of ironic objection in popular science network media text. *Media linguistics*, 11(1), 76–102. <https://doi.org/10.21638/spbu22.2024.105> (In Russ.).

21. Shcheglova, E.A. (2022). Forms of objection in the media dialogue about new lexicographic projects. In *Dialogue-dispute in popular science communication (Series "Language in mass media coordinates")*. St. Petersburg: Mediapapir. pp. 161–172. (In Russ.).
22. Prokofeva, N.A. (2023). Objection in news coverage of the achievements of science and technology of the country. In *Presentation of scientific knowledge in the media dialogue: contexts, technologies and language technologies (Series "Language in mass media coordinates")*. St. Petersburg: Mediapapir. pp. 85–92. (In Russ.).
23. Duskaeva, L.R. (2004). *The dialogical nature of newspaper speech genres*. Perm. (In Russ.).
24. Lapteva, M.L. & Firsova, M.A. (2023). Linguistic and cultural foundations of verbal aggression in the Russian language. *Russian Language Studies*, 21(4), 429–439. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2023-21-4-424-439> (In Russ.).

Сведения об авторах:

Прокофьева Наталья Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры медиалингвистики, научный сотрудник, Санкт-Петербургский государственный университет (199034, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9); *сфера научных интересов*: медиалингвистика, жанрология, стилистика; *e-mail*: n.prokofieva@spbu.ru
ORCID: 0000-0003-3105-4530; SPIN-код: 5119-4290; ResearcherID: F-9622-2015; SCOPUS ID: 56993661200.

Щеглова Екатерина Александровна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры медиалингвистики, ведущий научный сотрудник, Санкт-Петербургский государственный университет (199034, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9); *сфера научных интересов*: медиалингвистика, лексикология, лексикография, риторика; *e-mail*: e.scheglova@spbu.ru
ORCID: 0000-0003-1778-20210; SPIN-код: 6634-0177, ResearcherID: F-7846-2015; SCOPUS ID: 57222810880.

Information about the authors:

Natalia A. Prokofeva, PhD in Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Media Linguistics, Research Fellow, Saint Petersburg State University (7–9, Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg, Russian Federation, 199034); *Research interests*: media linguistics, genre studies, stylistics; *e-mail*: n.prokofieva@spbu.ru
ORCID: 0000-0003-3105-4530; SPIN-code: 5119-4290, ResearcherID: F-9622-2015; SCOPUS ID: 56993661200.

Ekaterina A. Shcheglova, PhD in Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Media Linguistics, Leading Researcher, Saint Petersburg State University (7–9, Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg, Russian Federation, 199034); *Research interests*: media linguistics, lexicology, lexicography, rhetoric; *e-mail*: e.scheglova@spbu.ru
ORCID: 0000-0003-1778-20210; SPIN-code: 6634-0177, ResearcherID: F-7846-2015; SCOPUS ID: 57222810880.

DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-3-755-770

EDN: GUOFXO

UDC 811.111'367.622.12'42:7.049.2

Research article / Научная статья

Proper Names in English Humorous Discourse: at the Crossroads of Fundamental Theories and Entertainment

Elena F. Kosichenko

National Research University «Moscow Power Engineering Institute», *Moscow,*
Russian Federation

✉ KosichenkoYF@mpei.ru

Abstract. The aim is to reveal the role of personal names in creating comic effect in different types of humorous discourse. A special focus is placed on J.S. Mill's, A. Gardiner's, B. Russel's theories of proper names. Emphasis is also laid on the contribution of H. Spencer, Ch. Darwin, B. Jonson and W. Shakespeare to the development of the general theory of humour. The basic research methods are semiotic, linguo-stylistic and etymological analysis, data interpretation, website traffic analysis. Theoretical works by British philosophers, scientists and writers can be used as a methodological foundation for studying personal names in humorous discourse. Analysis of English onomastic jokes, puzzles, articles from British magazines and internet-memes proves the pervasive nature of onomastic humour in English. The author hypothesizes that the interest of the most outstanding British thinkers taken in personal names and humour are hardly accidental and can be explained by the uniqueness of British culture and national identity.

Keywords: British onomastics, English humour, onomastic jokes

Conflicts of interest: The author declares no conflicts of interest.

Article history:

Received: 01.06.2024

Accepted: 15.06.2024

For citation:

Kosichenko, E.F. (2024). Proper Names in English Humorous Discourse: at the Crossroads of Fundamental Theories and Entertainment. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 15(3), 755–770. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-3-755-770>

© Kosichenko E.F., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Имя собственное в англоязычном юмористическом дискурсе: на пересечении фундаментальных теорий и развлечений

Е.Ф. Косиченко

Национальный исследовательский университет «МЭИ», Москва, Российская Федерация

✉ KosichenkoYF@mpei.ru

Аннотация. Автор исследует роль имен собственных как средства создания комического эффекта в различных типах юмористического дискурса. Отмечается, что исторически ключевая роль в изучении как имен собственных, так и юмора принадлежит именно британским философам, ученым и писателям, подчеркивается роль ономастических теорий Дж.С. Милля, А. Гардинера и Б. Рассела, а также акцентируется вклад Т. Гоббса, Г. Спенсера, Ч. Дарвина, Б. Джонсона и У. Шекспира в создание и развитие общей теории юмора. В качестве основных исследовательских методов использовались методы семиотического, лингвостилистического и этимологического анализа, метод интерпретации полученных данных и анализ активности подписчиков и гостей сайтов. Фундаментальные труды британских исследователей в области ономастики и юмора могут составить основу междисциплинарных исследований имен собственных в юмористическом дискурсе. Анализ ономастических шуток, загадок, статей из британских журналов, видеосюжетов, интернет-мемов доказывает, что имена собственные являются важной частью британской культуры и неизбежным элементом юмористического дискурса. Выдвигается предположение, что интерес со стороны выдающихся умов Британии к проблемам имен собственных и юмора обусловлен особенностями британской культуры и британской национальной идентичности.

Ключевые слова: британская ономастика, имена собственные, английский юмор, ономастическая шутка

Заявление о конфликте интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Дата поступления: 1.06.2024

Дата приема в печать: 15.06.2024

Для цитирования:

Kosichenko E.F. Proper Names in English Humorous Discourse: at the Crossroads of Fundamental Theories and Entertainment // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 3. С. 755–770. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-3-755-770>

Introduction

The idea to consider different aspects of proper names in context of humorous discourse originated from the fact that both names and humour have been areas of philosophic interest and scientific discussions since Antiquity. Plato is known to be the first philosopher who differentiated between *correct/natural* names (related to reality and reflecting certain properties of things) and *conventional* names (those that do not tell the truth about things, are not reliable tools for achieving knowledge) [1], and thus laid the basis for long-term research in the field of nomination and cognition. The opportunity for people to be cognizant of things

through their names was further discussed by ancient and medieval scholars, and took a new turn in Peter Abelard's theory of conceptualism, which created the foundation for H. Joseph's theory of names and naming. In the 20th century, when onomastics developed into a science, there emerged two different approaches to the study of proper names, which are the logical one (grounded on the ideas of J.S. Mill who believed proper names to have no semantic content), and the religious one, rooted in works by Russian theologians (A.F. Losev, P. Florensky, S.N. Bulgakov) who regarded names as spiritual entities able to reflect people's nature and determine their fates. Today, onomastic research is rather empirical than philosophic with two main philological traditions, which are, the linguistic one, dealing with investigations into the history of names, the study of their etymology, and the literary one, looking into the role of proper names as text structural elements. However, the philosophical perspective of onomastic research is still a relevant issue.

The earliest philosophical research on humour is known to have been done by Aristotle who viewed comedy as something pleasant but useless, pointing out that people generally praise the company of those who can make a good joke. Besides sharing his observations on the positive effect of humour and laughter, Aristotle also considered the two main mechanisms that trigger good jokes, namely paradox (incongruity) and play on words (puns). Differentiating between irony and buffoonery, Aristotle considered irony to be a far more noble way of expressing oneself, he stressed that a nobleman jokes to amuse himself and the buffoon to amuse others [2]. Unlike Aristotle who believed that comedy might be inconsistent with a person's high status, the Roman statesman Cicero, emphasized the rhetorical power of humour and pointed out that wit was not only a supportive element of public speaking and the greatest glory of eloquence but one of man's greatest talents that came before good education [3]. The ancient historian Plutarch identified different kinds of humour, like ridicule which is usually directed against human vices, friendly jokes and self-irony which he regarded the least offensive form of humour. Stressing the importance of the aesthetic side of humor Plutarch wrote that anyone who wanted to be accepted by others should be careful while making jokes, otherwise it was worth refraining from ridicule [4].

During Enlightenment and Late Modern period in philosophy the problem of humour was addressed by many prominent scholars, mostly British and German. Addressing laughter, I. Kant defined it as something meaningless, an affect triggered by a sudden transformation of intense expectation into nothing, and therefore totally useless for the mind, but good for the body and soul, and even compared the effect a person received from laughter with the benefits of music. Interestingly, in his works I. Kant brought up quite a number of jokes and anecdotes that were popular with his contemporaries [5]. However, I. Kant's theory received certain criticism. For example, in the chapter "On the Theory of the Ridiculous" from his book "The World as Will and Representation" A. Schopenhauer disapproved of I. Kant's idea of laughter being transformation from intense expectation into nothing calling it inconsistent, as, to his

mind, there were always positive emotions caused by logical incompatibility. Willing to grasp the essence of humour, A. Schopenhauer argues that the source of the funny lies in the paradoxical and unexpected correlation of some particular object or phenomenon with a concept that is heterogeneous with it in other respects. Just like I. Kant, A. Schopenhauer brings up many examples of different kinds of humour in order to show the difference between foolish actions that happen accidentally and jokes that are always intentional and verbal. An important part of A. Schopenhauer's theory is his idea that being the opposite of light-heartedness, seriousness is based on awareness of complete consistency between a notion and reality, a serious person thinks he views things the way they are [6].

Summing up, it is worth saying that with all the contribution of German philosophers into humour research, it was British scholars who founded a general theory of humour and elaborated on it. Likewise, it was the British logician John Stuart Mill (1806–1873) who started the western tradition in onomastics, with German and American scholars to follow. Thus, in the next part of this paper we'll go on to describe the role of British philosophers and scientists in studying proper names and humorous discourse.

Theoretical framework

Great British onomasticians

Despite all the disputes about J.S. Mill's theory of proper names, hardly any onomastic research is done without reference to it. According to J.S. Mill, unlike general and collective names (common nouns), which are connotative, proper names only denote individuals and may awaken in our mind thoughts about them without indicating or implying any attributes as belonging to those individuals. Individuals' names are, thus, unmeaning marks that give us an opportunity to think about a person every time we see him/her or hear his/her name. Making this assumption J.S. Mill specifies that no matter how many people bear the name *John*, they do not show any common qualities [7]. Interestingly, in his understanding of what a name actually is J.S. Mill follows the ideas of Thomas Hobbes (1588–1679) who defined a name as a word that serves for a mark 'which may raise in our mind a thought like to some thought we had before, and which being pronounced to others, may be to them a sign of what thought the speaker had' [7. P. 29]. The striking point is that, being highly regarded for his political philosophy, T. Hobbes contributed a lot to the development of many sciences and was in fact the founder of the superiority theory of humour, which will be given due consideration in the next part of this paper.

Another great British philosopher known for his investigations in the field of names is Bertrand Russel (1872–1970) whose theory of descriptions is regarded as a breakthrough in the philosophy of language. Being a logician and a mathematician, B. Russel developed a logical approach to names and naming. It's important to mention that both his personal life and scientific career were influenced

by J.S. Mill, who was Russel's parents' friend. In his essay *Descriptions* B. Russel argued that names (simple symbols¹) are different from descriptions — words that acquire their meanings in speech and that are generally called names by people. Considering the example of *Walter Scott* as the author of *Waverly*, B. Russel wrote, 'We have here a name, "Scott," and a description, "the author of Waverley," which are asserted to apply to the same person <...> Scott is a simple symbol, because, though it has parts (namely, separate letters), these parts are not symbols. On the other hand, "the author of Waverley" is not a simple symbol, because the separate words that compose the phrase are parts which are symbols' [8. P. 176]. All in all, according to B. Russel, proper names exist in our mind in form of knowledge about a person, this knowledge is actualized whenever a symbol is used in speech.

Another outstanding British philosopher, H.W.B. Joseph (1867–1943), studied proper names from the standpoint of the medieval disputes between nominalists and realists and with regard to P. Abelar's reconciling ideas of conceptualism which he actually shared. Believing J.S. Mill's views to have evolved from nominalism, H.W.B. Joseph following the ideas of conceptualism according to which individuals cannot be the same by their nature, however some concepts may be shared by a number of individuals, thus making them similar in a way. H. Joseph wrote '<...> men and horses are instances of their kinds; and individual men or horses are so much more obviously different from one another <...> that we cannot overlook in them the distinction between the manifold individuals and the one common nature' [9. P. 31–32]. Thus, in H.W.B. Joseph's philosophy names communicate general ideas as in most cases we recognize by the way they sound what objects they apply to. In fact, in different languages names can provide information about gender, nationality and even social status or age.

Reflecting on the influence of J.S. Mill's onomastic views it is highly important to contemplate the theory of proper names developed by Alan Gardiner (1879–1963) whose widely known writing *The Theory of Proper Names: a Controversial Essay* reveals, as the title suggests, how dubious the nature of these linguistic units is. It needs to be stressed that, although A. Gardiner relies on J.S. Mill's views, his theory is rather linguistic than philosophical as he takes into account the etymological aspect of proper names as well as the grammatical meanings of singularity/plurality and (in) definiteness they acquire when functioning as common names or homonyms. The core of A. Gardiner's theory of names is their division into 'embodied' and 'disembodied' with elements of the first class referring to concrete individuals and those of the second class having no particular referent (approaching common names), or having many different referents (being homonyms).

In his essay A. Gardiner writes that there have been literally thousands of persons called *Mary* or *John*, and even place-names display a certain amount of repetition.

¹ Proper names without any connection with concrete people.

He writes, ‘The multitude of persons and places for which proper names have to be found is so great that the same names must inevitably occur again and again’, and stresses ‘when the etymologist focuses attention on the name *Mary*, it is evident that this name is completely disembodied; *Mary* is, as it were, the essence extracted from a vast assemblage of embodied *Marys*’. Considering another example A. Gardiner explains ‘<...> my *John* is tall, dark, and differs markedly in character and ability, not to speak of age, from my neighbour’s small and fair-haired *John*. The two names *John* have, accordingly, a different sense, but the same sound’ [10]. Thus, the example of the name *Mary* proves that in terms of etymology this name is purely disembodied whereas each concrete *Mary* bears an embodied name. The example of the name *John* shows that, without reference to a concrete person the name is disembodied, and the words that mark all people with the same names are homonyms.

To sum up, it is worth indicating that proper names were a matter of deep interest to British philosophers and scientists of the 19th and the early 20th centuries. Philosophical ideas of J.S. Mill started a logical approach in onomastics with B. Russel, H.W.B. Joseph, A. Gardener to develop it. In the 20th century the views of British philosophers were developed by American, German and Dutch scientists S. Kripke, R. Carnap, L. Wittgenstein, O. Jespersen, etc.

Great British humour researchers

As mentioned above, the founder of the general theory of humour was the English philosopher Thomas Hobbes (1588–1679), whose scientific and philosophical ideas were further developed by other great British philosophers. Long-term observations allowed T. Hobbes to come to the conclusion that what distinguishes people from other living creatures is a passionate love for something that causes certain typical reactions, like facial changes (distortion of the countenance), body movements and sounds, accompanied by a feeling of joy and triumph. From T. Hobbes’ point of view, wit and jokes are not the only reasons for people to laugh, since people can also laugh at failures of others (mischances) or indecencies that are neither funny nor witty. He notes that laughter is sometimes caused by other people’s shortcomings or absurd behavior, as well as by their own actions, although, from his experience people rarely laugh when they themselves or their friends are mocked at. Pointing out that people hardly ever laugh at stale jokes, T. Hobbes stresses that what moves laughter has to be new and unexpected, and give a person the opportunity feel glory over others. Thus, T. Hobbes’ key idea is that the desire to laugh appears from sudden realization of one’s superiority over someone or over one’s earlier foolishness, unless the latter is associated with shame. T. Hobbes writes, ‘<...> the passion of laughter is nothing else but a sudden glory arising from some sudden conception of some eminency in ourselves, by comparison with the infirmity of others, or with our own formerly: for men laugh at the follies of themselves past, when they come suddenly to remembrance, except they bring with them any present dishonor’ [11]. To add to this, T. Hobbes distinguishes two types of wit, namely natural and acquired wit,

and opposes natural wit to what he calls dullness (slow imagination or fault of the mind). His point is that natural wit comes from personal experience and, unlike acquired wit (the result of learning how to use language correctly) does not need any method, culture or instruction.

About two hundred years later, different aspects of humour occupied the mind of the English philosopher and sociologist Herbert Spencer (1820–1903) who created a comprehensive Incongruity theory of laughter. According to H. Spencer people laugh as a result of unusual sensations (physiological aspect) and pleasure (psychological aspect) they experience when someone finds themselves in a disadvantageous position. H. Spencer pays special attention to the physiology of humor, emphasizing the beneficial effects of muscular movements, such as clapping, rubbing hands, hitting the knees, and so on. In his essay *On the Psychology of Laughter* the philosopher wonders why we smile when a child puts on a man's hat, or laugh at the corpulent Gibbon who was unable to rise from his knees after making a proposal. Answering these questions, H. Spencer suggests that what causes laughter is our understanding of the absurdity of both situations and the feeling of pleasure or vivacity that results from perception of incongruity. Considering T. Hobbes' ideas, H. Spencer doubts the part of the Superiority theory that claims that laughter is caused by a feeling of pleasure arising from a growing self-respect at the sight of other people's humiliation, and argues that 'there are various humiliations to others which produce in us anything but laughter' [12. P. 395]. As an argument H. Spencer gives an example of a good pun, laughter over which is in no way connected with self-esteem, but is the result of a person's ability to comprehend the contrast, the inconsistency of a situation with reality. Emphasis on the absurdity factor that causes laughter explains why H. Spencer's theory of humour is known as the Incongruity theory. In addition to the fact that H. Spencer thoroughly explores the psychological and intellectual sides of humour, he also comments on the physiology of laughter. He argues that involuntary muscular motions appear whenever special nerves raised to the state of tension discharge themselves on special muscles. Comparing the reflex reactions that accompany laughter with nervous excitation of other nature, like a feeling of cold or taste sensations, H. Spencer suggests that reactions to some comic story are more complex as they occur as a result of intellectual and emotional activity. On the other hand, laughter is akin to tears or manifestations of anger as they also provide an emotional outlet [12]. Summing up, it seems important to stress that both T. Hobbes' Superiority theory and H. Spencer's Incongruity theory have contributed a lot to the creation of the general theory of humour.

H. Spencer's interest in the physiology of laughter is by no means accidental as one of his greatest contemporaries was Charles Darwin (1809–1882) who also gave due consideration to different aspects of laughter and humour and offered a scientific explanation of laughter as a form of relaxation and an emotional outlet. Ch. Darwin defines laughter as a way of manifestation happiness and joy that is accompanied by various purposeless movements, like dancing about, clapping hands or stamping.

To illustrate that laughter is an inborn human ability Ch. Darwin brings up examples of people who couldn't due to their blindness or deafness, have acquired any expression through imitation, yet when a letter from a beloved friend was commented to one deaf and blind woman, she 'laughed and clapped her hands, and the colour mounted to her cheeks'. Ch. Darwin also argues that reasons for laughter vary due to different conditions, like age or mental health, which is why adults and children, healthy and not healthy people laugh in different ways. The important point is that laughter is always connected with something unexpected that causes glory and fortune, however, this should be some kind of momentary happiness, as no poor man would laugh or smile on suddenly hearing that a large fortune has been bequeathed to him. Interestingly, Ch. Darwin also considers the cultural aspect of laughter. Although he admits that people's ability to laugh is universal and all people express good spirit in a recognizable way, he also describes numerous cultural differences in laughing people's behaviour, evidence of which he received from his, so-called informants. Thus, savages sometimes express their satisfaction not only by smiling, but by gestures derived from the pleasure of eating, namely, by rubbing their bellies and Greenlanders, suck down air with a certain sound [13. P. 801–819].

Talking about the role of British thinkers in the development of the general theory of humour, it is necessary to refer to Benjamin Johnson (1572–1637) and William Shakespear (1564–1616), both known as theorists of humour. According to different research it was B. Johnson who developed the theory of four humours, which are related to four tempers, and founded the genre of city comedy, also known as citizen comedy, which is 'characterized by its contemporary urban subject-matter and its portrayal, often satirical, of middle-class life and manners'. Plots of B. Johnson's comedies are based on his personal observations on Englishmen's habit and the joy they get from everything unusual, queer, weird and odd [14]. W. Shakespeare's humour is rather stylistic, and comes from a lot of subtle jokes and witticisms based on puns, which makes him the master of maxims².

A survey of historically most important theoretical investigations into onomastics and humour undertaken by British philosophers, scientists and writers proves that they can create a methodological foundation for further analysis of personal names in humorous discourse.

Data analysis and findings

Onomastic puzzles and jokes in everyday discourse

Like onomasticons of other languages, British onomasticon is quite heterogeneous and consists of names of different types: first (personal / given) names, surnames (family names), second (Christian) names, nicknames, etc.

²Shakespear's Humour. <http://www.w-shakespeare.ru/library/moy-shekspir-gumanisticheskie-temi-v-tvorchestve-shekspira5.html> (accessed: 23.08.2023). (In Russ.).

Personal names came historically first and were all derived from common names (appellatives), thus, etymologically they are all linked to positively connotated words and are used to ascribe certain virtues to their bearers. Old English names, also known as Anglo-Saxon names, were quite a many, however most of them disappeared giving way to French and Biblical names. Among Germanic names that survive to the present days are *Alfred, Edgar, Edmund, Ethelbert, Hilda*; some Old English first names remain as elements of surnames, like *Go (o) dwin, Irwin, Baldwin Oswald, Osmond, Osgood, Bobb, Dodd, Hudd*³. As a result of the Norman Conquest French names (*Hugo, Ralf, Richard, Robert, Roger, William*) and biblical names (*Adam, Eve, Benjamin, Joseph, Jacob, David, Rebecca, Ruth*) became popular. The rest of the British onomasticon consists of names that arrived from literature and pop art (*Rosalind, Olivia, Portia, Juliet, Cordelia Pamela, Clarissa, Leila*), names of precious stones flowers and positive emotions (*Beryl, Ruby, Benifacio, Daisy, Flora, Iris, Lilac, Lily, Pansy, Poppy, Rose, Jasmine, Joy*). Some female names were derived from male names (*Joan, Jane, Janet, Petra, Paula, Georgina*). In the 11th century, due to population registration a tradition of giving surnames was started. Most English surnames were derived from the names of locations, professions, first names, nicknames or were borrowed from other languages [15–17].

Today, people's first and family names are their most important identities, which is why in all societies there are numerous naming rituals, traditions and practices that vary between sacred and entertaining. British English is known for a large number of onomastic puzzles and jokes⁴, like the ones given below where each personal name is homonymous to some word it is in no way connected with etymologically. This play on words produces an amusing effect and makes jokes of this kind popular with children. The examples below show that people tend to associate names with some unrelated common nouns, whereas in fact they were historically derived from different appellatives⁵.

What was the name of the Mexican that lost his car? Carlos. (*Carlos* from Old High German *Karl* 'manly'; sounds like *car loss*).

What do you call a woman who works with cats? Kitty. (*Kitty* from Latin *Catharina* 'pure'; sounds like *kitty* — the diminutive form of *cat*).

What do you call a man with a legal document on his head? Will. (*Will* — diminutive from Old High German *William* 'will power'; sounds like *will* 'a legal document').

What do you call a boy with his hair cut at shoulder length? Bob. (Bob from Old High German *Robert* 'glory and bright'; sounds like *bob* 'a special hairstyle')

³ The New Encyclopedia Britannica in 32 vol., 1994. Vol. 24. P. 736.

⁴ 'Top 129 Funny Baby Names for Girls & Boys' URL: <https://www.boredpanda.com/name-jokes/> (accessed 18.03.2024).

⁵ Etymological meanings [15].

What do you call a guy who loves exercising? — Jim. (Jim — diminutive from *James*, comes from Hebrew *Jacob* ‘the follower’; sounds like *gym* ‘a place to exercise’).

What do you call a man stuffed in a mailbox? — Bill. (*Bill* — diminutive from Old High German *William* ‘will power’; sounds like *bill* ‘a financial document’).

It is important to emphasize that historically none of these first names are related to the words they are associated with by native speakers, the humorous effect in these jokes and other examples of this kind results from a play on words which causes the effect of incongruity.

In British English there are also quite a number of surnames that due to associations with some common names produce the effect of absurdity and may sound funny. Among the names that seem ridiculous to the British are *Nutter* and *Smellie*⁶. *Originating from Yorkshire and Lancashire the family name Nutter* used to have the forms *Notere* (with the meaning ‘the one who makes notes’) and *Nothard* (with the meaning ‘shepherd’), thus in both cases the family name is connected with an occupation. The Scottish family name *Smellie* comes from the word *smile*. With the etymology being generally unknown to common native speakers the two names are associated with the words *nutter* (‘a crazy man’) and *smelly* (‘the one who smells bad’), respectively.

British first and family names so often become themes for jokes that the national news tabloid *The Daily Mail* frequently refers to the topic⁷ Among the surnames often laughed at are *Drunkard*, *Swetinbedde*, *Crakpot*, *Bottom*, *Jelly*, *Pigg*, *Cock* and many others whose etymology is long forgotten and the newly established associations create humorous effect. The, so-called, unfortunate surnames often appear in wedding announcements with the funniest part of it being that the surnames of groom and bride mismatch and sound hilarious when put together. On the list are such combinations as⁸ *Bush–Shaver* (sounds like the one who shaves bushes), *Burn–Butts* (sounds like burning female backside), *MacDonald–Berger* (sound like a burger from McDonalds), *Wang–Holder* (sounds like the one who holds penis), *Crapp–Beer* (sounds like terrible beer), *Cockman–Dickman* (both cock and dick are colloquial for penis), *Stolen–*

⁶ URL: <https://greatbritishmag.co.uk/uk-culture/seven-funniest-surnames-uk-that-exist/> (accessed: 15.12.2023).

⁷ URL: <https://www.dailymail.co.uk/fe-mail:/article-2401710/New-book-reveals-UKs-bizarre-surnames.html> (accessed: 15.12.2023); URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-402920/Smellies-Bottoms-named-surname-list-shame.html> (accessed: 15.12.2023); URL: <https://www.dailymail.co.uk/fe-mail:/article-4040794/Are-worst-couple-names-Shaver-Nicely-Long-Wiwi-unions-guaranteed-make-criinge.html> (accessed: 15.12.2023); URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-2150705/Jaeger-Meister-Rather-Grim-Partee-Moore-Hilarious-wedding-announcements-couples-unfortunate-surnames.html> (accessed: 15.12.2023).

⁸The comments in brackets make the humorous part more explicit.

Ford (sound like a stolen car), *House–Reckker* (sound like the one who wrecks houses), etc.

Before going over to another kind of discourse let us emphasize that onomastic jokes and puzzles are made by the British on a daily basis, which is proved by references to different resources, like children's websites and tabloids.

Funny naming trends in journalistic discourse

When reviewing different hilarious names and naming traditions it seems worthwhile to emphasize the role of journalistic discourse in creating and promoting naming trends. This part of research contains a survey of a number of news articles on the constantly changing fashions in naming and most surprising naming trends of the current century.

British news websites that publish information about the recent and the incoming trends are numerous. In 2023 the variety of unusual first names turned out to be great, with the most popular being maximalist names that are long and have grand meanings (*Ceridwen* 'poetry', *Eulalia* 'well spoken', *Beauregard* 'a beautiful view', *ALDEMAR* 'noble or nobleman') and vintage names and their diminutives (*Howard/Howie*, *Christopher/Kit*, *Samantha/Sam*, *Samuel/Sam*, *Winifred/Winne*). According to one BBC article⁹ the main reason for the number of maximalist names to be gradually rising is the willingness of parents all across the world to give their child a unique name that will charge the offspring for success. In the Net there are also recommendations on how not to name a baby so that the name was original. Interestingly, parents are warned against consulting A-Z baby name books, as well as choosing fast fashion names, like *Jax*, *Harper*, *Summer*, *Hunter*, or traditional names with different spellings, like *Wynter* or *Emileig*¹⁰.

British news websites also provide information about bans on names. For example, the BBC video programme¹¹ *What can't you name your baby?* gives a brief coverage of naming restrictions in a number of countries, claiming that Great Britain is a more flexible country in terms of baby-naming rules than many others as in Britain parents are only forbidden from using offensive words and numerals for baby names but are absolutely free to give their children names like *Royalty*, *Fox*, *Diesel*, *Flourish*, *Mars*¹². *The video appeared in 2017 and within one year received 33 thousand views and 163 comments from subscribers, some of whom insist that parents should be allowed to choose for their babies any*

⁹ URL: <https://politicallybrewed.com/why-uncommon-baby-names-are-surging-bbc/> (accessed: 15.12.2023).

¹⁰ URL: <https://www.thesun.co.uk/fabulous/20682650/baby-names-set-to-be-huge-for-2023/> (accessed: 15.12.2023).

¹¹ URL: https://www.youtube.com/watch?v=FG_9L375DqM (accessed: 15.12.2023).

¹² More information on the issue is given in this article from The Sun URL: <https://www.thesun.co.uk/fabulous/4840969/illegal-baby-names-uk-banned/> (accessed: 15.12.2023).

*names they like, with others expressing the opposite opinion. There are also some examples of weird names from the viewers*¹³.

I'd move the kid elsewhere if I am restricted to name it what I want, silly world, a name is a name.

Tbh, don't name your kids weird names, they're the one who's going to suffer the humiliation throughout their lives.

My grandfather knew a boy whose name was Egavas Savage. Egavas. You know, the old trick of just spelling the surname backwards. Works a charm.

I met a woman named Stuff. And another named YaHighness.

Some kid got laughed at by being named "Abcede"

Many articles on the subject of uncommon names focus on the negative impact names may have on people's lives. For instance, the article *Name and Shame*¹⁴ from *The Sun* contains a list of most unusual names that careless parents chose for their children causing them a lot of embarrassment during their lives. Another article contains information about words people think would make good baby names if only they had different meanings. The list includes names, like *Malaria, Calorie, Insomnia, Violence*¹⁵. *The article is accompanied by a video whose presenter laughs her head off while reading these names and subscribers' comments. Britain's most popular newspaper Metro* came up with an article¹⁶ that contains information about 19 people whose 'inappropriate' names affected their lives in a predictable way.

All in all, British top news publishers choose the topic of funny names and onomastic trends which gives reason to hypothesize that this topic is attractive for readers.

Names in humorous cultural discourse

Cultural discourse is here defined as a system of communication practices, acts, events and styles which are composed of specific symbols, symbolic forms, norms and their meanings [18]. Following the goal of the undertaken study, in this part we intend to consider British outstanding names *Queen Elizabeth II, James Bond* and *Harry Potter* in context of humorous discourse and with regard to typically British concepts *royalty, style* and *humour*.

¹³ All comments are quoted the way they are, without any corrections.

¹⁴ URL: <https://www.thesun.co.uk/news/9719282/hilarious-names-real-people-dick-braine-ukip/> (accessed: 15.12.2023).

¹⁵ URL: Name Games <https://www.thesun.co.uk/news/9719282/hilarious-names-real-people-dick-braine-ukip/>

¹⁶ URL: <https://metro.co.uk/2014/12/09/19-people-with-inappropriately-hilarious-names-4980288/> (accessed: 15.12.2023).

The British Royal family is world-renowned for their good sense of humour with the late Queen Elizabeth II having been praised a lot for her positive outlook and sparkling jokes. General appreciation of the Queen's wittiness is proved by the 1.6 million views, 18 thousand likes and 1300 comments that the programme "Queen Elizabeth II's Funniest Moments"¹⁷ received after the Monarch's death. One of the funniest jokes the Queen ever played was the part of James Bond girl she performed at the opening of the 2012 Olympic games (see figure 1). Later the Queen confessed that she had kept her plans to participate in the skit with Daniel Craig secret from everyone, including her family¹⁸.

When I. Fleming's first novel about 007 Agent was published in 1953, James Bond almost immediately became a national hero and a recognizable symbol of the UK. Apart from 27 movies about J. Bond, there are a great number of advertisements, popular quotes and internet-memes that replicate the idea of a superhero and British style in a humorous way. Bond's image is easily identifiable due to some distinguishing features, like black shoes and perfect fitting suits, a gun and a poker face; despite a number of disagreeable habits (he is a drinker, a smoker and a lady-killer) he is an excellent example of Britishness (see figure 2).

Another symbol of the UK is Harry Potter and other characters of J.K. Rowling's series of books where a world of wizards and witches is described with regard to typically British realities, like public schools, sports, family values and relations. The book characters so much fascinated the British that on growing up and becoming parents Harry Potter's admirers started giving corresponding names to their children. In 2023 The daily Mirror published an article¹⁹ that contains a story of a girl whose parents named her after a character from J. Rowling's books. There are also websites with stories of children whose parents gave them the names *Albus*, *Hermione*, *Ariana*, *Draco*, etc.²⁰

The images of Harry Potter and other characters are widely replicated and serve the basis for various internet-memes, including some with the members of the royal family. The first two pictures below depict Prince Harry. Being ginger and troublesome. Prince Harry reminds Harry Potter's best friends, the Weasley brothers, and often becomes a character of internet memes (see figures 3). Not only the prince's looks and behaviour but also his name invites a lot of humorous variations, like the one in the meme with Lord Voldemort, the main villain of the book (see figure 4). Ironically, King Charles III (Prince Charles) and the rest of the

¹⁷ URL: (2) Queen Elizabeth II's Funniest Moments (accessed: 15.12.2023).

¹⁸ URL: <https://www.independent.co.uk/arts-entertainment/tv/news/queen-daniel-craig-james-bond-olympics-b2170155.html> (accessed: 15.12.2023).

¹⁹ URL: <https://www.mirror.co.uk/news/us-news/my-mum-named-after-harry-29689144> (accessed: 15.12.2023).

²⁰ URL: <https://www.wsj.com/articles/harry-potter-baby-names-11640742136> (accessed: 15.12.2023); URL: <https://www.wsj.com/story/meet-the-children-named-after-harry-potter-characters-03f1d57f> (accessed: 15.12.2023)..

royal family are also often portrayed as Harry Potter characters or are compared with them (see figure 5). There is also a popular internet meme depicting the British actress Imelda Staunton in the part of Queen Elizabeth II (the film *The Crown*) and the part of Dolores Umbridge (the film *Harry Potter and the Deathly Hallows*), the similarity between the two images is striking (see figure 6).

The fact that the Internet is full of memes that present Britain's cultural values, like *royalty* and *style*, and Britain's cultural symbols, like the *names* of the Royal family members or most beloved fictitious characters in a comical and even ironical way, proves that British cultural discourse is essentially humorous with *a sense of humour* being another cultural value.

Fig. 1. James Bond girl

Fig. 4. Royal names are also replicated

Fig. 2. An example of Britishness

Fig. 5. King Charles and Dobby, a male house-elf

Fig. 3. Prince Harry as a Weasley brother

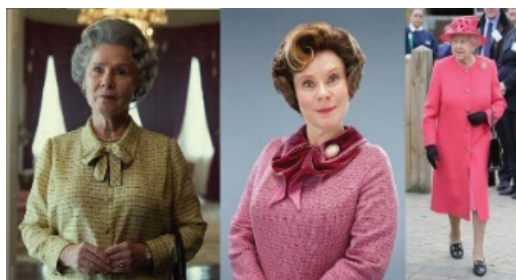

Fig. 6. Imelda Staunton: between the late Queen and a Harry Potter character

Results and final remarks

The undertaken research into the British humorous discourse has proved that people's names are its important part, as Brits laugh both at common (personal and family names) and symbolic names. The ability to laugh at embarrassing, clumsy and awkward situations makes the British different from the rest of the world. Supposedly, it is the specific world-perception that explains the fact that British philosophers contributed greatly to the creation of the general theory of humour. Today, the British praise themselves a lot on their sense of humour believing that it runs in their veins and prevents them from taking the world around seriously.

The fact that British scholars took deep interest in onomastic issues and founded a logical paradigm in the philosophy of name is hardly accidental as not only natural, but also exact and social sciences prospered in Britain between the 17th and the 20th centuries creating favourable conditions for studying the principles of nomination. Besides, etymologically, the British onomasticon is quite heterogeneous and consists of names that came from different languages, which is another reason for names to seem an issue of scientific and human interest. Besides, being attracted by everything weird and eccentric the British appreciate experiments, including those with names which is another reason for them to be concerned with trends in the naming sphere. In conclusion, it has to be pointed out that the subject of names in humorous discourse is by no means exhausted as there are a whole number of issues that have not been considered in this research, like personal and cultural names in British political discourse and narrative discourse, both of which are basically ironical.

References / Библиографический список

1. Plato. (1999). *Cratylus*. <https://www.gutenberg.org/files/1616/1616-h/1616-h.htm> (accessed: 18.03.2024).
2. Aristotle. (2004). *Rhetoric*. Transl. by W. Rhys Roberts. Courier Corporation. URL: <https://classics.mit.edu/Aristotle/rhetoric.mb.txt> (accessed: 18.03.2024).
3. Cicero, M.T. (2001). *On the ideal Orator (de Oratore)*. London: Oxford University press.
4. Plutarch. (1990). *Table Conversations*. Leningrad: Nauka. (In Russ.).
Плутарх. Застольные беседы. Ленинград: Наука, 1990.
5. Kant, I. (1987). *Critique of judgment*. Indianapolis; Cambridge: Hackett Publishing Company.
6. Schopenhauer, A. (1992). The World as Will. In: *A collection of works*. Vol. 1. URL: http://az.lib.ru/s/shopenhauer_a/text_0040.shtml (accessed: 18.03.2024).
7. Mill, J.S. (1882). *A system of Logic, Ratiocinative and Inductive: Being a Connected View of the Principles of Evidence, and the Methods of Scientific Investigation*. London: Cambridge University Press.
8. Russell, B. (1920). *Descriptions. Introduction to Mathematical Philosophy*. Ch. XVI. URL: https://www.fitelson.org/proseminar/russell_descriptions.pdf (accessed: 18.03.2024).
9. Joseph, H.W.B. (1916). *An Introduction to Logic*. Oxford: At the Clarendon Press.
10. Gardiner, A.H. (1954). *The Theory of Proper Names. A Controversial Essay*. Oxford: Oxford University Press.
11. Hobbes, T. (1650). On Laughter, Wit and Power. *On Human Nature*. URL: <https://cuny.manifoldapp.org/read/untitled-71c25fb1-d3a9-4b0f-bcfb-a7041d5aad1b/section/052b69cf-cf6f-4350-a328-ea40ac8b2608> (accessed: 18.03.2024).

12. Spencer, H. (1860). The physiology of laughter. *Macmillan's Magazine*, 395–402. <https://wellcomecollection.org/works/agb23fva> (accessed: 23.08.2023).
13. Darwin, Ch. 1899. *The expression of emotions in man and animals*. New York: D. Appleton and Company. <https://www.gutenberg.org/files/1227/1227-h/1227-h.htm#link2HCH0008> (accessed 18.03.2024).
14. Jonson, B. (2008). *Every Man in his Humour*. URL: <https://biblioteca.org.ar/libros/167070.pdf> (accessed: 18.03.2024).
15. Hanks, P., Hardcastle, K.A. & Hodges, F. (2006.) *A Dictionary of First Names*. Oxford: Oxford University Press. URL: <http://www.oxfordreference.com/view/10.1093/acref/9780198610601.001.0001/acref-9780198610601> (accessed 18.03.2024).
16. Wilkinson, H.E. (2010). *Some Common English Surnames Especially those Derived from Personal Names*. URL: <http://www6.ocn.ne.jp/~wil/scn.pdf.pdf> (accessed 23.08.2023).
17. Wilson, S. (1998). *The Means of Naming: A Social and Cultural History of personal Naming*. London: Routledge.
18. Carbaug, D. (2007). Cultural Discourse Analysis: Communication Practices and Intercultural Encounters. *Journal of Intercultural Communication Research*, 36(3), 167–182.

Information about the author:

Elena F. Kosichenko, Dr.Sc. (Philology), Associate Professor, Department of Advertising, Public Relations and Linguistics, National Research University «Moscow Power Engineering Institute» (14, b.1, Krasnokazarmennaya str., Moscow, Russian Federation, 111250); *Research interests*: onomastics, linguo-semiotics, fiction, speech genres, media text, humorous discourse, theory and methods of teaching foreign languages; *e-mail*: ekosichenko@gmail.com KosichenkoYF@mpei.ru

ORCID: 0000-0001-7613-9744; Author ID 589959; SPIN-code: 6010-5223; ResearcherID: HKW-0823-2023.

Сведения об авторе:

Косиченко Елена Федоровна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры рекламы, связей с общественностью и лингвистики гуманитарно-прикладного института, Национальный исследовательский университет «Московский энергетический институт» (111250, Российская Федерация, г. Москва, ул. Красноказарменная, д. 14, стр. 1); *сфера научных интересов*: ономастика, лингвосемиотика, художественный текст, речевые жанры, медийный текст, юмористический дискурс, теория и методика преподавания иностранных языков; *e-mail*: ekosichenko@gmail.com KosichenkoYF@mpei.ru

ORCID: 0000-0001-7613-9744; Author ID 589959; SPIN-код: 6010-5223; ResearcherID: HKW-0823-2023.

СЕМИОТИКА И СЕМАНТИКА SEMiotics AND SEMANTICS

DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-3-771-785

EDN: GUNENS

УДК 811.161.1'23:316.722:821.161.1-31

Научная статья / Research article

Единицы культурного кода как выразитель авторского взгляда на мир в романе М. Степновой «Хирург»

Е.И. Селиверстова Санкт-Петербургский государственный университет, *Санкт-Петербург,*
Российская Федерация✉ e.seliverstova@spbu.ru

Аннотация. Одной из актуальных сегодня тем, касающихся особенностей авторского дискурса, являются коды культуры, общие для носителей одного языка, но обретающие своеобразие в художественном тексте. В отборе единиц языка, их очевидной тематической близости и концентрации, в их содержании, преломляемом писательским видением, проявляется своеобразие мастера слова. Роман «Хирург» М. Степновой — одного из видных писателей современности — с точки зрения особенностей осмысления жизненно важной предметной области до сих пор не рассматривался. Проведенный анализ произведения направлен на определение функций, выполняемых в тексте единицами гастрономического кода, такими как названия блюд, напитков, продуктов и их разнообразных характеристик. Это позволило увидеть, что использование номинаций съедобного составляет одну из ярких черт стиля писателя. Трапеза, как показывает автор, занимает существенное место в системе ценностей представителей старшего поколения Хрипуновых, а ее особенности самым непосредственным образом отразились на формировании личности и судьбы их сына — главного героя повествования. Тема еды проходит через весь роман: участвует в показе образа жизни и состоятельности персонажей, ментальности и социального положения, характера и мотивации поступков, отношений между людьми, а встреча членов семьи за общим столом становится мерилom благополучия семейного очага. Удивительное умение автора проявляется в показе как аппетитной еды, так и пищевого кошмара — жирного или сладкого; эти два вектора в развертывании гастрономической темы являются в романе основными, и на выбор главным героем жизненного пути повлияла именно гастрономия. Наиболее широко представлен в романе мотив сладкого, он участвует в представлении событий, причинно-следственных связей и сюжетных поворотов — показной заботы родителей о любимом сыне, медовоестественной манеры поведения и речи персонажей, неприятия

© Селиверстова Е.И., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

женщины из-за ее принципиально иных вкусовых пристрастий и т.д. Единицы пищевого кода выступают как в прямых значениях — при показе «не концептуальной» еды, так и принимают на себя в тексте романа идейную, образную и сюжетообразующую нагрузку.

Ключевые слова: гастрономический код, лингвкультурный код, контекстуальный смысл

Заявление о конфликте интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Дата поступления: 01.06.2024

Дата приема в печать: 15.06.2024

Для цитирования:

Селиверстова Е.И. Единицы культурного кода как выразитель авторского взгляда на мир в романе М. Степновой «Хирург» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 3. С. 771–785. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-3-771-785>

Units of Cultural Code as an Exponent of the Author's View of the World in M. Stepnova's Novel "Surgeon"

Elena I. Seliverstova

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

✉ e.seliverstova@spbu.ru

Abstract. One of the topics relevant today regarding the peculiarities of the author's discourse is the codes of culture, common to native speakers of the same language, but gaining originality in the artistic text. In the selection of units of language, their obvious thematic proximity and concentration, in their content, refracted by the writer's vision, the originality of the word master is manifested. The novel «Surgeon» by M. Stepnova, one of the prominent writers of our time, has not yet been considered from the point of view of the peculiarities of understanding the vital subject area. The analysis of the novel is aimed at determining the functions performed in the text by units of gastronomic code, such as the names of dishes, drinks, products and their various characteristics. This allowed us to see that the use of edible nominations is one of the striking features of the writer's style. The meal, as the author shows, occupies a significant place in the value system of the representatives of the older generation of the Khripunovs, and its features were most directly reflected in the formation of the personality and fate of their son — the main character of the story. The theme of food runs through the whole novel: it participates in showing the lifestyle and welfare of the characters, mentality and social position, the nature and motivation of actions, relationships between people, and meeting family members at a common table becomes a measure of the well-being of the family hearth. The author's amazing skill manifests itself in showing both mouth-watering food and a food nightmare - fatty or sweet; these two vectors in the development of the gastronomic theme are the main ones in the novel, and it was gastronomy that influenced the choice of the main character of the life path. The sweet motif is most widely represented in the novel; it participates in the presentation of events, causal relationships and plot twists - the ostentatious concern of parents for their unloved son, the honey-unnatural manner of behavior and speech of the characters, the rejection of a woman because of her fundamentally different taste preferences, etc. Food code units are used both in direct meanings — when showing «non-conceptual» food, and take on an ideological, figurative and plot-forming function in the text of the novel.

Keywords: linguacultural codes, gastronomic code, contextual meaning

Conflicts of interest: The author declares no conflicts of interest.

Article history:

Received: 01.06.2024

Accepted: 15.06.2024

For citation:

Seliverstova, E.I. (2024). Units of Cultural Code as an Exponent of the Author's View of the World in M. Stepnova's Novel "Surgeon". *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 15(3), 771–785. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-3-771-785>

Введение

Изучение личностных художественных стилей, как отмечал акад. В.В. Виноградов, позволяет раскрыть «принципы эволюции языка художественной литературы в связи с эволюцией самой литературы» и иллюстрировать их действие [1. С. 97]. В этом смысле язык произведений нашей современницы Марины Степновой привлекает не только своим богатством — стилистическим разнообразием лексики, сочетанием выразительных приемов, неожиданностью словоупотреблений и их осмысления и т.д. Удивителен по силе своего проявления представленный в ее произведениях гастрономический культурный код — как в блестящем романе «Женщины Лазаря», так и в необычном романе «Хирург», ассоциируемом, по мысли Ю. Панибратовой, с «Пигмалионом» — идеей конструирования мужчиной «новой феминной архетипики» [2. С. 141] и превращения женщины в дьявола, несущего смерть.

Писатели, объективируя видимое и переживаемое через использование содержательных единиц языка, используют лингвокультурные коды как способы формирования и формулирования мысли, показа внешнего мира и характеристики внутреннего мира персонажей [3. С. 894]. Читатель, прочитывая текст, в том числе — отстоящий от него во времени достаточно далеко, во многом опирается при его интерпретации на знание культурных кодов [4. С. 710].

История вопроса

Лингвокультурный код понимается нами, вслед за В.И. Карасиком, как «система взаимосвязанных значений, отражающих специфическое, присущее определенному языковому сообществу исторически обусловленное понимание» [5. С. 4]. Через лингвокультурные коды происходит «осознание культуры», восприятие информации, закодированной в определенной форме и позволяющей культуру идентифицировать [6. С. 191]. Н.Н. Изотова видит в культурном коде ценностную матрицу, «входящую в структуру ментальности любой этнокультуры», инструмент соотнесения информации с определенными знаками (символами) [7. С. 8].

Лингвокультурные коды отмечены значительным разнообразием — среди них различают соматический, зооморфный, милитаристский, природно-ландшафтный, вещный и др. [8]. Знаки отдельных кодов культуры рассматриваются учеными как носители значимого содержания, «когнитивно релевантные сознанию современного носителя языка». Исходя из этой мысли, М.Л. Ковшова осуществляет детальный анализ пословиц, содержащих единицы костюмного кода — в том числе названия предметов обуви и головных уборов [9. С. 366].

В области изучения языка писателей исследователи обращаются к индивидуальным и частным схемам осмысления и языковой вербализации определенных предметных областей. Неслучайно в рассуждениях Е.В. Падучевой о структуре нарратива и экспансии лингвистики на области, «дотолеей не подвластные», звучит мысль о перспективности «сопоставления интерпретаций одних и тех же элементов в естественном языке и в нарративе», что позволяет уточнить значения определенных элементов [10. С. 47].

Культурные коды принимают на себя прагматическую функцию, определяя в целом — через совокупность знаков материального и духовного свойства — «национальную картину мира и мировоззрение конкретного сообщества». В этом смысле важны авторские смыслы в художественном произведении, их воздействие на читателя [11. С. 235].

В.М. Савицкий, определяя лингвокультурный код как образную систему культуры, которая «получила воплощение в естественной языковой субстанции», подчеркивает, что «в области духовного производства (выделено нами — Е.С.), транспонируясь из материальной формы бытия в идеальную, получая образную природу, в функции культурного кода может использоваться практически любая сенсорно воспринимаемая сфера реальности: космические объекты, природные феномены, животные, растения, человеческий организм, хозяйственная утварь <...> и др. [12. С. 119].

Проблема кодирования и декодирования культурных смыслов в художественных произведениях становится все более актуальной. К ней обращаются для выявления способов использования авторами языковых единиц, вербализующих культурные коды и позволяющих эксплицировать различные смысловые значения в произведениях российских и зарубежных писателей [13–18] и др.

Значительное место среди иных кодов культуры занимает пищевой (гастрономический, кулинарный) код. Подтверждением его важности является разработка его в нескольких направлениях. Так, Е.В. Капелюшник описывает особенности фрагмента языковой картины мира, связанного с выражением представлений о мире «путем ассоциативно-образного уподобления продуктам питания, кулинарным блюдам, процессам приготовления и поглощения пищи», и выявляет сценарную структуру концептуальной сферы «Еда» [19]. Особую значимость приобретают процессы питания в контексте

платоновского художественного мира. Они переплетаются «с насыщением духовным» и пересекаются с важными для романа «Чевенгур» оппозициями: природное — культурное, абстрактное — конкретное, духовное — материальное, жизнь — смерть и др. [20. С. 42].

Использование пищевого кода в художественной ткани романа М. Степновой «Женщины Лазаря» представляется особенно ощутимым и значимым: он перекликается с рядом иных культурных кодов — растительным, природным, мифологическим и др., что отражает особенности его функционирования в сфере художественного текста (см. подробнее в [21]).

Целью работы является выявление в тексте романа спектра функций, выполняемых единицами, вербализующими пищевой (гастрономический) код.

Материал и методы

Материал составляет текст романа М. Степновой «Хирург». При анализе материала используются общелингвистические методы наблюдения и описания, концептуального и дискурсивного анализа, прием интерпретации идейного и образного содержания текста.

Результаты исследования

В романе «Хирург» совокупности единиц, участвующих в реализации «словесной темы» (термин В.М. Жирмунского) — темы еды, питания, пищи, создают почти тактильно-вкусовую ощутимость. Если одной стороной в использовании слов, номинирующих продукты питания и относящихся к области вкусового и зрительно-вкусового восприятия, становится указание на содержание рациона и блюда меню персонажей как явления бытовой жизни персонажей, то вторым — куда более важным — является вовлечение автором подобной лексики в орбиту формирования образов героев и выражения отношения к ним, вербализации причин конфликтов между ними и различий в их ценностных системах.

Цель использования единиц гастрономического кода весьма далека в романе М. Степновой от чисто орнаментальной. Они не только включаются автором в описание процессов повседневного приема пищи, присутствующих так или иначе в жизни героев повествования, будь то гурманов или пренебрегающих разносолами и изысками. Эти единицы служат показателем материальной обеспеченности героев и их семей, занимаемого в социальной иерархии места, образа жизни и черт характера и т.д. Это весьма востребованный ход в художественном тексте — на ум с готовностью приходят строки В. Маяковского «ешь, ананасы, рябчиков жуй», булгаковские «судачки а-ля натюрель», «Стразбурга пирог нетленный» и «трюфли, роскошь юных лет, французской кухни лучший цвет» из романа «Евгений Онегин», «уха из разгневанного налима» в «Заячьем ремизе» Н.С. Лескова и многие другие описания трапез и застолий. Описания обедов и процессов приготовления еды

встречаются у А.С. Пушкина, Н.А. Некрасова, И.А. Крылова, Н.В. Гоголя, М.Е. Салтыкова-Щедрина, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого и др., но, как пишут Е.В. Лыхина и Е.А. Селина, «в описании еды мало кто может сравниться с А.П. Чеховым», иронично и насмешливо показывавшим обывателей, у которых еда составляла образ жизни [22. С. 171].

В романе «Хирург» М. Степновой еда в различных ее проявлениях наделена целым спектром функций — от простых и ожидаемых до весьма сложных.

Во-первых, единицы гастрономического кода, представленные наименованиями продуктов и готовых блюд, участвуют в романе в *описании повседневной жизни героев*. Чай с рафинадом и загорелыми баранками — незатейливый «бизнес-ланч» акушерок роддома, где родился главный герой романа Аркадий Хрипунов. Традиционной у мусульман *жирной бараниной и горячим чаем* угощает мальчишку Хасана один из его наставников Наджим, советуя ему никогда не запивать баранину ледяной водой, от которой «скручивает кишки». В романе в целом много еды¹ — примитивно-простой и изысканной, повседневной и праздничной. Это и *пустые пролетарские щи* в заводской столовой, и *свежий влажный сыр*, «который до созревания натуго, как младенца, пеленали в соленое полотно» — ужин деревенских жителей горных районов, и завтрак в семье работяги в виде «вчерашних макарон по-флотски, вываленных в чугунную сковородку и *сверх всякой меры залитых яйцами*», и *черный грузинский чай* у бабки Хорьковой, охраняющей больничный парк, — в литровой эмалированной кружке, сопровождаемый «газетным фунтиком с *окаменелыми сахарными подушечками*».

Во-вторых, еда, а именно принятый в определенном социуме набор продуктов и ассортимент блюд, выступает в романе в функции *характеристики материального состояния* (*желудевые пышки* в голодном военном детстве) и *социальной принадлежности персонажа и его семьи*. В семье Хрипуновых «насыщались просто — без скатертей и излиятий. Причем Хрипунов-старший по преимуществу не насыщался, а элементарно жрал — шумно и мерно двигая тяжелыми челюстями. <...> Вообще ели невозможную, тяжелую, неудобоваримую дрянь — какие-то *мясные* обрезки, *плавающие в желтом жидком жиру*, *раскисшую от сала жареную картошку*, *залитые топленным маслом макароны* — отъедались разом и за военное детство, и за великую голодуху сорок шестого года». С самими продуктами, как видим, коррелирует и способ их приготовления, намеренно подчеркиваемый автором как малопривлекательный (слишком много жирного), если говорить о рационе обычного человека.

¹ Много яств, различных простых и сложных блюд, изысканной и самой простой еды и в другом романе М. Степновой — «Женщины Лазаря». Представленный там продуктовый ассортимент «весьма широк и способен охарактеризовать и эпоху изобилия и доступности еды, и голодный 1918 год, и времена эвакуации во время Отечественной войны» [21].

В-третьих, семейные трапезы, вызывающие у маленького Хрипунова чувство мистического ужаса, становятся в романе *сюжетообразующим средством* — они включаются в круг ситуаций, усиливающих отчуждение родителей — в первую очередь отца — и сына. Во-первых, различным является отношение к еде и поведению за столом у Хрипуновых — старшего и младшего. «За несанкционированные звуки (когда я ем — я глух и нем!) Хрипунову полагался звучный лещ. <...> За *раскрошенный* (испоганенный) *хлеб или* тайно выловленные *из молока пенки* можно было схлопотать от верховного жреца и полноценную порку» — подобные детали указывают на то, что «противостояние» за столом участвует, как и многое другое, в увеличении дистанции в отношениях между отцом и сыном. Как мы узнаем, Хрипунов сыном «почему-то откровенно и неприкрыто брезговал, как брезгуют мышами или, скажем, тараканами», не говоря уже ни о какой любви. И мы узнаем позже, что ставший взрослым Хрипунов «никогда не хамил и никогда не напивался, хотя бы потому, что был сыном хама и алкоголика».

Однако если «церемониальные условности» семейного ужина Хрипуновых можно было вынести и даже «преодолеть, заглотить, зажмурившись и не жуя, — и *вареный лук, и пенки, и куриную пупырчатую кожу*», то десерт был для ребенка «неминуемым и чудовищным, как конец света». Каждый раз он содрогался, предчувствуя приближение, по словам матери, «сладкого баловства», а на самом деле — кошмарного белого эмалированного тазика, чуть не до краев наполненного «*полураздавленными эклерами, обломками бисквитов, наполеонов, трубочек, корзиночек* и прочих кулинарных шедевров». Даже на фоне феремовских однообразия и скудости ассортимента сладостей — там «сроду не видели в продаже ни одного живого *пирожного*, питая небогатые мозги и небалованные души исключительно *соевыми батончиками да развесными леденцами*» — это изобилие было для мальчика мýкой, поскольку «сверху весь этот *пирожный лом* был украшен массивными котяхами *крема — масляного, белкового, заварного*, всякого — и посыпан *шоколадной крошкой*».

Каждодневная вынужденная борьба за опустошение малоэстетичного жирного тазика навсегда отвратила Хрипунова-младшего от способности когда-либо в будущем есть сладкое, отказ от которого стал для него проявлением свободы. Да и в целом его рацион благополучного и преуспевающего хирурга стал принципиально иным — к примеру, «*легкий салатик* (пара *зеленых листьев, лимонный сок, ни грамма масла*) и *кусочек клетчатой от гриля золотистой рыбы*». Еда детства становится, по сути, одним из тех кошмаров, которые западают в память героя навсегда и, пусть неосознанно, определяют манеру поведения, привычки и самооценку, характер отношения к людям, видение своего назначения в жизни.

На этом фоне отрадным для ребенка было посещение булочной, где стоял «*сдобный, толстый, розовый дух* — такой плотный, что хоть мажь его

сливочным маслом и ешь на завтрак, как калорийную булочку за девять копеек». И простой батон за тринадцать копеек, противопоставленный даровому кондитерскому «изобилию» семьи Хрипуновых, воспринимается совсем иначе — это «самая большая радость», он почти одушевлен и одухотворен: «согревающий ребра, теплый, доверчивый и толстый, как сонный щенок». Его «соблазнительно-беззащитный хлебный бок» ассоциируется с «сюми-нутным хрустом смуглой корочки, которая с коротким горячим вздохом открывала нежное батонное нутро — белоснежное, пористое, слипающееся во рту в ароматный, липкий, кисловатый комок».

Образы еды — блюд и продуктов — участвуют в показе типичного образа жизни и *сферы занятости людей*. Так, не желая «солить огурцы и продавать косточковые», молодая хохлушка из анекдотичной Жмеринки, где обычно «жасминовыми вечерами к поездам дальнего следования выносят газетные кульки с вареной молодой картошкой и малосольными огурчиками, а раннюю черешню продают нанизанной на аккуратные веточки», закончив школу, «рванула в столицу нашей родины» и весьма преуспела, избегнув пугающей ее участи, — вышла замуж за видного осетинского профессора.

Отдельные виды продуктов, блюд и напитков достаточно часто появляются в зарисовках, показывающих жизнь хирурга Хрипунова и Анны — с лицом, сотворенным его руками, и улыбкой «сокрушительной убойной силы», производящей «невыносимый» эффект. Так, продававшая фрукты на набережной итальянка, которая, теряя сознание от увиденного [улыбки] и падая, «все продолжала сыпать Анне под ноги свою невероятную, чуть ли не с кулак, бело-розовую, всю в мелких родинках, безвкусную клубнику». Этот эпизод становится для Хрипунова предупреждением о возможной реакции людей на улыбающуюся Анну и тяжелых для них последствиях.

Ничего не понимая и не связывая мимолетную улыбку Анны с происходящим, расталкивает (!) пассажиров растерянная стюардесса с подносом, «сплошь уставленным стаканами с минералкой, соками и медленно умирающим шампанским».

Пережить чувство «непереносимого счастья» не под силу и пепельно-бледному официанту, молчавшему, «будто получил по лбу бетонной стеной», и даже не пытавшемся исправить ситуацию с вываленным им на голову посетительнице-канадке сложным десертом из разноцветных шариков мороженого с «вафельными трубочками, блямбами взбитых сливок, свежей малиной, шоколадом».

В меньшей степени, но, тем не менее, единицы гастрономического кода участвуют и в показе жизни в крепости Аламут Хасана ибн Саббаха и его окружения. При этом ощущается чуткое внимание автора к этнографическим особенностям их жизни. Например, охранники иранской неприступной горной крепости Аламут вынуждены были спускаться изредка в долину за едой — «за пахучим, полупрозрачным, вяленным мясом, жестким, словно

шея советского прапорщика, двадцать лет оттрубившего службу в солнечном Туркменистане, за тонкими пресными лепешками, созревшим сыром и кислым молоком, которое хранили в прохладных бурдюках».

Напитки — а их в романе довольно много (*водка, чай, «общепитовский бурый кофе», «скверный капучино», минералка, сок, «медленно умирающее шампанское»* и т.д.) — также служат яркими показателями привычек и вкусов героев, уровня жизни и финансовых возможностей. Здесь и *портвешок* злой дворовой хулиганской «урлы» в Феремове, довольно рано привитой приводами в милицию и чуть позже — «первыми ходками по малолетке», *водка*, которую в Феремове работяги-взрослые «жрут со страшной силой». Но если Хрипунов-старший употреблял водку, «беленькую», выпивая в обед на работе «поллитру», что не мешало ему ворочать ящики до конца смены, то герои более позднего времени и иного общественного положения располагают уже иными возможностями: «Арсен мог выставить из папиных ядерных погребов и невиданный джин, и заморский *Smirnoff* — кристальной, ангельской очистки, и даже *кьянти* в прохладных плетеных бутылках»). А вот хирург, потомок алкоголика Хрипунова, умершего от цирроза, тяги в спиртному вообще не испытывал — и это является знаковым. Скорее наоборот: его нет ни в меню ресторанных ужинов, ни в домашнем употреблении, разве что он отпаивал коньяком потрясенного Медоева.

На различающемся отношении к еде, системе образов, связанных с питанием, представленных продуктами, блюдами, напитками, основаны во многом *конфликт между младшим Хрипуновым и его родителями*, несоответствие мальчика Аркаши настроению и привычкам дворовой шпаны, да и, пожалуй, Феремова в целом.

Еда, а точнее и важнее в данном случае — сама трапеза, включающая те или иные блюда, — становится неким *концептуальным фоном*, на котором высвечивается в определенном ракурсе важная для автора ценность: семья и семейные отношения. Это, вероятно, в целом типично для Марины Степновой: еще в романе «Женщины Лазаря» трапезы за общим столом в добром и любящем доме Питоврановых и Чалдоновых показаны как символ завидного благополучия, приязни, понимания и взаимной любви членов семьи, в то время как скупленный Линдтом для молодой беременной жены — чуть не целиком — рынок благополучных советских времен (тепличные огурцы, яблоки, угреватые, пористые лимоны, мед, «торжественный, неторопливый, превративший банальную липкую литровую банку в мерцающую изнутри дворцовую светильню») не сделало более теплым холодное и брезгливое отношение Гали к своему нелюбимому супругу².

В романе «Хирург» нет места благополучной семье — и это тоже показано с использованием номинаций продуктов и блюд. Простой, но уютный

² См. подробнее: [21].

семейный очаг, когда все хорошо и покойно в доме, где из кухни «пахнет пирогом с капустой и картошкой-пюре (на молоке и на сливочном масле)», а мама читает книжку прикорнувшему рядом сонному детенышу, не сложился у хрипуновской мамы. У нее не случилось «наплыва животной любви к новорожденному детенышу» — вместо этого только неприязнь, немного любопытства и непонимание. Восприятие матерью своего ребенка показано с удивительной натуралистичностью. Она рассматривает сверток с младенцем с подозрительностью покупателя, имеющего уже опыт приобретения «подтухшего, бракованного» товара — «как будто стоя перед прилавком и выгадывая, хватит ли *шмата желто-красной говядины*, которую ловко вертит в руках равнодушный мясник, и на *котлеты*, и на *щи*, и не окажется ли приглядный *шмат* дома ловко сложенным *куском старого жира и натруженных воловьих жил*». Да и настоящее сближение с мужем происходит, лишь когда возникает угроза жизни единственному, пусть и нелюбимому, сыну.

В более чем обеспеченной семье Медоевых, где, казалось бы, ничто не мешало добрым отношениям орденоносного отца и сына, семейного очага также нет. Ставшего чужим отца, шестнадцатилетний сын Арсен, выросший без него, спокойно и тщательно стерев со щеки «умильное отцовское лобзание», озадачил неожиданной и непростой просьбой — помочь ему поступить в МГИМО. Причем сделал это так буднично, «как будто просил передать ему солонку за семейным обедом, когда воскресенье и в мамину честь подают *украинский борщ, расплавленный, раскаленный, несусветный*, но все равно сваренный не мамой, и потому — не настоящий». Видимость семейного обеда очевидна: мамы давно нет в живых (она умерла при родах), а еду в осетинской семье важного профессора готовят скорее всего некие «ласковые, молчаливые женщины в темных низких платках», обитающие, по осетинской традиции, в дальних комнатах.

Нельзя не отметить особо определения, которыми автор щедро «сдабривает» упоминаемые блюда и продукты (*пирожные — жирные, давленные, отвратительные; свежий, влажный сыр; мутный низкооктановый самогон; чай с хрупкими пожилыми баранками; сколько угодно баранины, обжигающей, перченой, пахучей*) и т.д.), сравнительные обороты и метафоры — яркие и многогранные (*соевые батончики да развесные леденцы, похожие на битое стекло, завернутое в блеклые бумажки; ягодные кисели — мутные, тепловатые, розовые, как сопля из разбитого носа*), и т.д.).

Они нередко сопровождают использование единиц пищевого кода в **портретных характеристиках** героев: Хрипунова-старшего, у которого после нескольких дней бесконечного празднования рождения ребенка — пусть даже и не известного ему пока пола — «неузнаваемо толстое, глянцево-лицо, словно наполненное изнутри *жидким желтым жиром* и белесые, остановившиеся глаза человека, видевшего ад, но так и не поверившего в бога». Это и «сладкие, как *пьяные вишни, глазки*» будущей мадам Хрипуновой — «миловидной

дурочки с игривыми ямками на *сдобных* плечах». Ее описание в целом вызывает аллюзии к образам съедобного: «Супруга образовалась практически сразу — подошла в перерыве сама, пухленькая, *вкусно* выпирающая из модного крепдешинового платья». И при первом знакомстве ее будущий муж обнаружил, что под платьем она «вся *нежная, жирная, вздыхающая и живая, как округлый комок доспевшего дрожжевого теста*, присыпанного сверху россыпью крошечных родинок — как будто *тоненько молотой свежей корицей*».

И приведенные выше цитаты, и многие иные выдержки иллюстрируют отмеченную нами удивительную широту спектра единиц пищевого кода, относящихся к мучным изделиям: это *хлеб, лепешки, батон, рогалики* — с «*нежными, податливыми, аппетитными*» сдобными витками. Автору и *люди видятся сквозь призму съедобного*. Всем этим толпам (включая старших Хрипуновых), не знающим иного смысла жизни, кроме поиска хлеба насущного, людям с нечеткими и, вероятно, похожими лицами, «наспех вылепленными из хлебного мякиша, и крошечным зародышем души, едва пульсирующим в области желудочно-кишечного тракта» — им не до любви и чувств отцовства и материнства: «что им было в этих абсолютно не эргономичных и утомительных исканиях и порывах?».

За счет использования близких образов проявляются не очевидные на первый взгляд, но постепенно проступающие связи — в частности, между матерью и сыном. У матери были очень странные глаза — «Не такие глаза должны быть у женщины, за спиной которой молчаливо толпились сотни поколений скучных тихих землепашцев, на скорую руку *сляпанных из кислого теста* и безнадежной золы». И мало в чем похожий на нее сын, лежа в больнице, часами смотрел «прямо перед собой, приоткрыв рот и отдыхая, так что даже лицо обмякало на больничной подушке — *желтоватое, мягкое, как непропеченный блин из кислого теста*. Выглядел он при этом настоящим клиническим идиотом и по-прежнему упорно ничего не говорил». Получается, что мама Хрипунова и он сам, фигурально говоря, «слеплены из одного теста» (вспомним и образ *доспевшего дрожжевого теста*, вызываемый появлением в романе матери Хрипунова).

Рассуждения о лицах совсем не случайны, ведь Хирург рвется к сотворению совершенного лица, виденного им во сне, он ТВОРЕЦ! «Хрипунов хотел стать Богом. Он вообще не имел права любить» — любовь в земном смысле, как показывает нам автор, совсем не для него. Это подтверждается и тем, как хирургом воспринимались плотские удовольствия — как-то физиологично, «вроде того, что получаешь от *здоровенного куса белого теплого хлеба с толстой докторской колбасой*. Первые пару минут приятно, нет слов, но доедаешь уже с определенным усилием» — никакой «лирической дрожи», даже здесь мы встречаем исключительно гастрономические ассоциации. Весь этот «шелковый ночной трепет для Хрипунова сводился к двум словам — *мясная*

возня. Неприятны Хрипунову и поцелуи, вызывавшие в памяти «мамин белый тазик с пирожными. Царство давленных углеводов, *податливое тесто*, размазывающийся по языку *скользящий приторный крем*, бесконечные, длинные, рвотные содрогания».

Интересно, что и на путь будущего творца человеческих лиц, в салон к которому рвется пол-Москвы, он невольно сворачивает с пути обычного феромовского шпаненка, исторгнув на пустыре жирные «макарены по-флотски» с маминой сковороды — это было последнее из прозвучавших в тексте романа блюд семейного меню, оставивших по себе жуткую память во взрослом Хрипунове. Тем самым заканчивается гастрономический кошмар его детской жизни — далее продукты и блюда в жизни самого Хрипунова уже не содержат ни жирного (масло, сало, крем и т.д.), ни сладкого (сахар, пирожные).

Этим, в частности, определяется непонимание вкуса (в прямом и переносном смысле) Анны и Медоева, приверженных сладкому. Его ужасает комбинация из шариков мороженого и вафельных трубочек — сложного десерта, заказанного по просьбе Анны, однако именно он сделал ее счастливой. Запретное сладкое, таким образом, позволило миру вокруг наполниться для Хрипунова «абсолютной, божественной, переливчатой гармонией» — тем, к чему он стремился.

Образ одного из персонажей романа — Медоева — акцентированно вербализуется за счет единиц «сладкого» кода. На создание приторно-сладкого образа направлено все: и его фамилия, и «*сладчайший* парфюм», и характеристика его сомнительного в пору студенчества бизнеса — он предоставлял девочек людям «на непоколебимых вершинах и высотах», и они лакомились «*медовыми* прелестями *медовых* медоевских красоток». От тошнотворности медоевского «*липкого рахат-лукумного* мира» у Хрипунова, вынужденного с ним общаться, начинали ныть зубы, как от сладостей, а людям нервным и непривычным становилось гадко, вплоть до рвотных спазмов — как «*от плохо переваренной халвы* и не считанных *шоколадных конфет*».

Конечно, в романе много и «не концептуальной» еды: тарелки с *манной кашей*; «*варенье из райских яблочек, солнечных и прозрачных* насквозь, как шары на рождественской елке»; размазываемое по небу *сливовое повидло*, с которым ассоциируется произнесение имени «Алина Анатольевна»; *мед, молоко и вино* в источниках мифического райского сада и т.д.). Образ какой-то похожей на гору *застывшей каши* преследует Хрипунова в повторяющемся кошмарном сне, в котором он видит Лицо, ставшее его наваждением на всю жизнь.

Пищевые ассоциации вплетаются и в «непищевой» контекст, участвуя, например, в формировании ценностной компоненты в трактовке показанного предмета: «*Туфли — светло-коричневые. Нет, не светло-коричневые — цвета старого односолодового виски, в который добавили одну, всего одну каплю горячего молока. Замечательные туфли*».

Интересны гастрономические ассоциации при описании внешности героев: водитель мебельного фургона — «немолодой мужик с простым *картофельным* лицом» — лицом, напоминающим картофелину, или же примитивным и распространенным, как картошка в качестве еды.

Выводы

Итак, подчеркнем еще раз удивительную широту и разнообразие в романе М. Степновой единиц пищевого кода. Они привлекаются автором в разных целях — передают вкусовые, колоративные, ольфакторные (обонятельные) ассоциации. Однако более важными они представляются как участвующие в развертывании и поддержании в тексте определенных мотивов, формировании актуальных смысловых полей. Как минимум два из них, названные нами как «жирное» и «сладкое», представлены значительным количеством вербальных проявлений и задают практически с начала повествования некий лексический и смысловой камертон. Жирный и сладкий мир детства отзывается в Хрипунове и его судьбе неоднократно, в том числе он определил самое важное — выбор профессии и самой важной для него роли Творца.

Таким образом, отношение героя на разных этапах его жизни к еде и восприятие окружающих его людей сквозь призму их гастрономических пристрастий, соотносимых с его собственными предпочтениями, становится своеобразным средством формирования его образа. Сквозь гастрономическую призму показаны как герои повествования, так и многие детали сюжета, место семьи и трапезы в системе ценностей отдельных персонажей и т.д.

Библиографический список

1. Виноградов В.В. О языке художественной литературы // Избранные труды. М., 1980.
2. Панибратова Ю. Сюжет творения в современной женской литературе (на материале романов М. Степновой «Хирург» и О. Славниковой «2017») // Филология и культура. 2022. № 3. С. 141–145. <https://doi.org/10.26907/2074-0239-2022-69-3-141-145>
3. Дурцева Е.Ю. Культурные коды в вербальном тексте // Молодой ученый. 2016. № 2. С. 894–897.
4. Мякишева О.В. Лингвистический анализ художественного текста как ключ к его осмыслению: когнитивно-дискурсивный аспект // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 3. С. 704–718. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-3-704-718>
5. Карасик В.И. Концепт как единица лингвокультурного кода // Известия ВГПУ. 2009. Вып. 10. Т. 44. С. 4–11.
6. Ефименко Т.Н. Взаимодействие лингвокультурных кодов в процессе межкультурной коммуникации // Известия высших учебных заведений. Серия «Гуманитарные науки». 2012. № 3(3). С. 188–191.
7. Изотова Н.Н. К вопросу о прочтении «культурного кода» в лингвокультурологии // Культура и цивилизация. 2020. Т. 10. № 4А. С. 5–11. <https://doi.org/10.34670/AR.2020.42.95.001>
8. Гудков Д.Б., Ковшова М.Л. Телесный код русской культуры: материалы к словарю. М.: Гнозис, 2007.

9. Ковшова М.Л. Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок: Антропонимический код культуры. М.: ЛЕНАНД, 2019.
10. Падучева Е.В. В.В. Виноградов и наука о языке художественной прозы // Известия РАН. Серия литературы и языка. 1995. Т. 54. № 3. С. 39–48
11. Кузнецова А.В. Прагматика культурных кодов в художественном тексте // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2021. № 3. С. 233–242. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2021-3-233-242>
12. Савицкий В.М. Культурные и лингвокультурные коды // Флагман науки. 2023. № 3(3). С. 117–124. <https://doi.org/10.37539/2949-1991.2023.3.3.023>
13. Велилаева Л.Р., Абдулжемилева Ф.И. Культурный код в художественной литературе // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 6(91). С. 527–529.
14. Дуктова Л.Г. Репрезентация культурных смыслов при использовании национальных культурных кодов в художественной литературе // Litera. 2023. № 12. С. 361–371. <https://doi.org/10.25136/2409-8698.2023.12.43969>
15. Кузнецова А.В. Культурный код в динамике художественного образа // Мир русского слова. 2022. № 4. С. 44–52. <https://doi.org/10.24412/1811-1629-2022-4-44-52>
16. Озерова Е.Г. Культурные коды лирикопрозаического текста. М.: Эдитус, 2016.
17. Худолей Н.В. Культурный литературный код современного российского читателя // Вестник КемГУКИ. 2014. № 29. С. 155–164.
18. Горбунова Н.В., Ушакова О.М. Специфика пищевых кодов в викторианском и модернистском романе (Дж. Элиот, Д.Г. Лоуренс) // Вестник Пермского университета. 2015. № 4(32). С. 98–109.
19. Капелюшник Е.В. Кулинарный код культуры в семантике образных средств языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2012.
20. Рудаковская Э. «Сытость души»... Тема «пищи» в романе А. Платонова «Чевенгур» // Структура текста и семантика языковых единиц: Сб. науч. тр. / Отв. ред. Н.Г. Бабенко. Калининград: Изд-во КГУ, 2001. С. 42–57.
21. Селиверстова Е.И. Молоко и мед: Жизнь и судьба героев Марины Степновой сквозь призму съедобного // Язык, культура, этнос. Сб. статей: к 65-летию юбилею проф. З.К. Дербисевой. Сер. «Концептуальный и лингвальный миры». Т. 12. СПб., 2017. С. 344–344.
22. Лыхина Е.В., Селина Е.А. Русская кухня в литературно-поэтическом фонде (XVIII–XIX вв.) // Мировая литература в контексте культуры. 2015. № 4(10). С. 166–177.

References

1. Vinogradov, V.V. (1980). On the language of fiction. In: *Selected works*. Moscow. (In Russ.).
2. Panibratova, Yu. (2022). The plot of creation in modern women's literature (based on the novels by M. Stepnova «Surgeon» and O. Slavnikova «2017»). *Philology and Culture*, 3, 141–145. <https://doi.org/10.26907/2074-0239-2022-69-3-141-145> (In Russ.).
3. Durtseva, E.Yu. (2022). Cultural codes in the verbal text. *Young scientist*, 2, 894–897. (In Russ.).
4. Myaksheva, O.V. (2023). Linguistic analysis of an artistic text as a key to its comprehension: cognitive-discursive aspect. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(3), 704–718. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-3-704-718> (In Russ.).
5. Karasik, V.I. (2009). Concept as a unit of linguistic and cultural code. *The Science Journal of Volgograd State University*, 10(44), 4–11. (In Russ.).
6. Efimenko, T.N. (2012). Interaction of linguistic and cultural codes in the process of intercultural communication. *News of Higher Schools. Series "Humanities"*, 3(3), 188–191. (In Russ.).
7. Izotova, N.N. (2020). On the issue of reading the "cultural code" in linguoculturology. *Journal "Culture and Civilization"*, 10 (4A), 5–11. <https://doi.org/10.34670/AR.2020.42.95.001> (In Russ.).
8. Gudkov, D.B. & Kovshova, M.L. (2007). *Body code of Russian culture: materials for the dictionary*. Moscow: Gnosis. (In Russ.).

9. Kovshova, M.L. (2019). *Linguoculturological analysis of idioms, riddles, proverbs and sayings: Anthroponymic code of culture*. Moscow: LENAND. (In Russ.).
10. Paducheva, E.V. (1995). V.V. Vinogradov and the science of the language of fiction. *The Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language*, 54(3), 39–48. (In Russ.).
11. Kuznetsova, A.V. (2021). Pragmatics of cultural codes in an artistic text. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*, 3, 233–242. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2021-3-233-242> (In Russ.).
12. Savitsky, V.M. (2023). Cultural and linguocultural codes. *Flagship of science*, 3(3), 117–124. <https://doi.org/10.37539/2949-1991.2023.3.3.023> (In Russ.).
13. Velilaeva, L.R. & Abdulzhemileva, F.I. (2021). Cultural code in fiction. *The world of science, culture and education*, 6(91), 527–529. (In Russ.).
14. Duktova, L.G. (2023). Representation of cultural meanings when using national cultural codes in fiction. *Litera*, 12, 361–371. <https://doi.org/10.25136/2409-8698.2023.12.43969>. (In Russ.).
15. Kuznetsova, A.V. (2022). Cultural code in the dynamics of the artistic image. *World of the Russian Word*, 4, 44–52. <https://doi.org/10.24412/1811-1629-2022-4-44-52>. (In Russ.).
16. Ozerova, E.G. (2016). *Cultural codes of lyricoprosaic text*. Moscow: Editus. (In Russ.).
17. Khudoley, N.V. (2014). Cultural literary code of the modern Russian reader. *Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts*, 29, 155–164. (In Russ.).
18. Gorbunova, N.V. & Ushakova, O.M. (2015). Food codes in victorian and modernist novels (George Eliot, D.H. Lawrence). *Perm University Herald. History*, 4(32), 98–109. (In Russ.).
19. Kapelyushnik, E.V. (2012). *Culinary code of culture in the semantics of figurative means of language* [dissertation]. Tomsk. (In Russ.).
20. Rudakovskaya, E. (2001). “Satiety of the soul...” The theme of “food” in A. Platonov’s novel “Chevengur “. In: *Text structure and semantics of language units*, N.G. Babenko (Ed.). Kaliningrad: Publishing House of KSU. pp. 42–57. (In Russ.).
21. Seliverstova, E.I. (2017). Milk and honey: The life and fate of Marina Stepnova’s heroes through the prism of edible. In: *Language, culture, ethnos. Sat. articles: on the 65th anniversary of prof. Z.K. Derbysheva. Ser. “Conceptual and Linguistic Worlds,”* 12. St. Petersburg. pp. 344–344. (In Russ.).
22. Lykhina, E.V. & Selina, E.A. (2015). Russian cuisine in the literary and poetic fund (XVIII-XIX centuries). *World Literature in the Context of Culture*, 4(10), 166–177. (In Russ.).

Сведения об авторе:

Селиверстова Елена Ивановна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка для гуманитарных и естественных факультетов, Санкт-Петербургский государственный университет (199034, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9); сфера научных интересов: русистика, славистика, фразеология, лингвистическая семантика, язык СМИ и художественной литературы; e-mail: e.seliverstova@spbu.ru

ORCID: 0000-0003-2020-0061; SPIN-код: 2032-2115; AuthorID: 703459.

Information about the author:

Elena I. Seliverstova, Dr. Sc. (Philology), Professor, Professor of the Russian Language Department for the Humanitarian and Natural Sciences Faculties; St. Petersburg State University (7–9, Universitetskaya emb., Saint Petersburg, Russian Federation, 199034); Research interests: Russian studies, Slavic studies, phraseology, linguistic semantics, the language of media and fiction; e-mail: e.seliverstova@spbu.ru

ORCID: 0000-0003-2020-0061; SPIN-code: 2032-2115; AuthorID: 703459.

DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-3-786-801

EDN: HYKRRS

УДК 811.161.1'23'367.623.1/2

Научная статья / Research article

Ассоциативный эксперимент на материале рейтингов абстрактности/конкретности: сопоставительный аспект

Ю.А. Вольская

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Российская Федерация

✉ kovaleva95julia@mail.ru

Аннотация. Важным параметром в исследованиях ассоциативных полей является характеристика слов по признаку конкретности и абстрактности. В предыдущих исследованиях нами был произведен анализ ассоциаций к 100 абстрактным и конкретным стимулам. Ассоциации были отобраны из Русского ассоциативного словаря Ю.Н. Караулова (далее — РАС), который создавался в период с 1988 года по 1990 год. Отметим, что на данный момент словарь Ю.Н. Караулова является единственным нергиональным ассоциативным тезаурусом русского языка с объемным словником стимулов. Возникает вопрос, изменились ли характер и структура ассоциативных полей более чем за 30 лет? В данной статье сравниваются ассоциации из РАС с ассоциациями, которые были получены в ходе нового эксперимента. В список стимулов вошли те же 100 абстрактных и конкретных слов, на основе которых производился анализ ассоциаций в работе. Описанный эксперимент в настоящей работе позволит выявить, есть ли какие-либо системные изменения в ассоциациях, а также, поскольку в качестве стимулов выступают абстрактные и конкретные субстантивы, проанализировать возможные изменения особенностей восприятия существительных двух лексико-грамматических разрядов. В работе анализируются количественные показатели ассоциаций на основе статистических методов и рассматриваются особенности ассоциаций с точки зрения их семантического наполнения и типа связи со словом-стимулом. Для детального анализа все ассоциации классифицируются на группы, сравнение полученных данных в ходе эксперимента с данными словаря Ю.Н. Караулова осуществляется с опорой на созданную классификацию. Проведенный в работе анализ позволяет выявить ряд важных изменений в структуре ассоциативных рядов, которые указывают не только на развитие новой языковой картины, но и на некоторые трансформации в системе ментального лексикона носителей языка. Также в статье доказывается тенденция к сохранению разницы между ассоциациями к абстрактным и конкретным существительным, что подтверждает теорию доступности контекста в динамике.

Ключевые слова: ассоциации, абстрактные существительные, конкретные существительные

© Вольская Ю.А., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Финансирование. Благодарности:

Работа выполнена за счет средств субсидии, выделенной в рамках государственной поддержки Казанского (Приволжского) федерального университета в целях повышения его конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров.

Заявление о конфликте интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Дата поступления: 01.06.2024

Дата приема в печать: 15.06.2024

Для цитирования:

Вольская Ю.А. Ассоциативный эксперимент на материале рейтингов абстрактности/конкретности: сопоставительный аспект // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 3. С. 786–801. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-3-786-801>

Associative Experiment on the Material of Abstractness / Concreteness Ratings: a Comparative Aspect

Yuliya A. Volskaya

Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russian Federation

✉ kovaleva95julia@mail.ru

Abstract. An important parameter in the studies of associative fields is the characterization of words by concreteness and Abstractness. In a recently published article we analyzed associations to 100 Abstract and concrete stimuli. The associations were selected from the Russian associative dictionary of Yu.N. Karaulov (hereinafter referred to as RAS), which was created during the period from 1988 to 1990. It should be noted that, at the moment, Yu.N. Karaulov's dictionary is the only non-regional associative thesaurus of the Russian language with a voluminous vocabulary of stimuli. There is a question: has the nature and structure of associative fields changed over more than 30 years? This article compares associations from the Russian Associative Dictionary with associations that were obtained in the new experiment. The list of stimuli included the same 100 Abstract and concrete words on the basis of which association analysis was performed in the work. The experiment described in this work makes it possible determine whether there are any systemic changes in associations, and, since the stimuli are Abstract and concrete substantives, to analyze possible changes in the perception features of nouns which refer to two lexico-grammatical groups. The paper analyzes quantitative indicators of associations on the basis of statistical methods and considers the peculiarities of associations in terms of their semantic content and the type of connection with the word stimulus. For a detailed analysis all associations are classified into groups, the comparison of the data obtained in the experiment with the data of Yu.N. Karaulov's dictionary is carried out on the basis of the created classification. The analysis reveals a number of important changes in the structure of associative series, which indicate not only the development of new linguistic world image, but also some transformations in the system of mental lexicon of native speakers. The article also proves the tendency to preservation of the difference between associations to Abstract and concrete nouns, which confirms the theory of context accessibility in dynamics.

Keywords: association, abstract nouns, concrete nouns

Financing. Acknowledgements:

The work is performed according to the Russian Government Pro-gram of Competitive Growth of Kazan Federal University.

Conflicts of interest: The author declares no conflicts of interest.

Article history:

Received: 01.06.2024

Accepted: 15.06.2024

For citation:

Volskaya, Y.A. (2024). Associative Experiment on the Material of Abstractness / Concreteness Ratings: a Comparative Aspect. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 15(3), 786–801. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-3-786-801>

Введение

Ассоциативный эксперимент является одним из эффективных методов психолингвистического исследования. Данный метод используется как с целью всестороннего изучения особенностей языкового сознания, ментального лексикона [1–4], так и с целью изучения лексических и синтаксических особенностей слова [5–7]. Реакции, выявленные в ходе эксперимента, позволяют говорить о том, какой признак анализируемого слова-стимула является наиболее актуальным, а также какой признак является основанием для включения этого слова-стимула в ту или иную систему связей со словом-реакцией [8. С. 10].

В недавно опубликованной статье [1] нами была показана важность абстрактности/конкретности в связи с формированием ассоциативных полей [9; 10]. На основе анализа ассоциативных реакций, отобранных из Русского ассоциативного словаря Ю.Н. Караулова (далее — РАС) [11], к абстрактным и конкретным стимулам из базы данных рейтингов [12] удалось выявить ряд важных особенностей репрезентации абстрактных и конкретных единиц, которые коррелируют с некоторыми положениями теории двойного кодирования [13] и теории доступности контекста [14], а также были описаны и систематизированы семантические особенности существительных указанных лексико-грамматических разрядов.

Отметим, что ассоциации составителями РАС были получены в ходе проведения опросов среди респондентов в возрасте от 17 до 25 лет. Такой возрастной состав испытуемых неслучаен, как указывают авторы словаря: «анализируя социальные, этические, историко-культурные, прочие оценочные реакции испытуемых в эксперименте 1988–1990 гг., исследователь может прогнозировать некоторые характеристики состояния массового сознания в российском обществе на ближайшие 20–30 лет, т.е. на период, когда нынешние наши испытуемые будут составлять активное ядро общества» [11. С. 19]. Таким образом, ассоциации, приведенные в РАС, в некоторый степени актуальны и на данный период, но только для определенной возрастной категории людей. Для уточнения данных мы провели дополнительный эксперимент, который полностью повторяет опросы, проведенные при составлении РАС.

В настоящей работе анализируются результаты ассоциативного эксперимента, цель которого состояла в сравнении ассоциативных полей, полученных в ходе опросов среди студентов в 1988–1990 гг. при создании РАС, с ассоциациями, которые были получены в ходе опросов среди студентов в 2022 году. В список стимулов вошли 100 абстрактных и конкретных слов, на основе которых производился анализ ассоциаций в статье [1]. Выбор именно абстрактных и конкретных слов обусловлен важностью изучения данного пласта лексики, использованием их в многочисленных когнитивных, психолингвистических, нейрофизиологических исследованиях [15]. В статье [1] был выявлен ряд отличий между ассоциативными полями к существительным указанных лексико-грамматических разрядов. В связи с этим в настоящей статье сравнение проводится в аспекте сопоставления ассоциаций к абстрактным и конкретным стимулам. Однако в дальнейшем планируется как увеличить количество стимулов, так и расширить пласт лексики, которая войдет в перечень стимулов.

Отметим, что с момента издания словаря-тезауруса ассоциаций Ю.Н. Караулова прошло более четверти века, сменилось целое поколение, существенно изменились социальные условия, идеологические и культурные установки. Таким образом, проведенный нами эксперимент позволит выявить, есть ли какие-либо системные изменения в ассоциациях, а также проанализировать, изменились ли особенности восприятия абстрактных и конкретных слов с момента создания РАС.

Обзор литературы

Термин «ассоциативные нормы» стал широко известным после публикации материалов свободного ассоциативного эксперимента в 1910 году [16]. Исследования ассоциаций в связи с особенностями вербального поведения и познавательных процессов стали проводиться после публикации Миннесотских ассоциативных норм [17]. С начала 1970-х гг. к ассоциативным экспериментам начинают прибегать при исследовании лексической сочетаемости слов, для анализа семантической структуры слова, для межкультурных сопоставлений, для выявления особенностей лексикона [8. С.11]. Как правило, для таких исследований создаются обширные базы данных ассоциаций к словам [18] или же словари ассоциаций, которые составляются на основе массовых экспериментов.

Важным событием в области исследования ассоциативных полей стало создание в 1972 году первого ассоциативного тезауруса на материале английского языка с целью изучения структуры внутреннего лексикона и представления его структуры в виде ассоциативно-вербального графа [19]. В словник стимулов вошло 8400 единиц.

Одним из первых словарей ассоциаций для русского языка стал «Словарь ассоциативных норм русского языка» А.А. Леонтьева [20], который состоял

из 196 слов-стимулов. В период с 1988 года по 1990 год был создан «Русский ассоциативный словарь» под редакцией Ю.Н. Караулова [11]. В этом словаре наиболее полно представлена лексика русского языка, словник состоит из 6624 стимулов, число различных ассоциативных реакций составляет более ста тысяч. С точки зрения объема словника словарь принято относить к словарям-тезаурусам. Также в период с 1998–1999 гг. был создан «Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский», который содержит 112 слов-стимулов [21]. Создаются региональные ассоциативные словари [22] и учебные ассоциативные словари [23].

Отметим, что на данный момент словарь Ю.Н. Караулова является единственным нерегиональным ассоциативным тезаурусом русского языка с объемным списком стимулов. Однако появление последующих ассоциативных словарей даже с меньшим списком входных единиц позволяет изучать динамику ассоциаций у носителей русского языка, но на материале ограниченного количества лексики.

Материалы и методы исследования

С целью исследования возможных изменений в ассоциативных полях из РАС нами был проведен ассоциативный эксперимент среди студентов в возрасте 17–25 лет, обучающихся на разных специальностях в Казанском федеральном университете. Методика опроса максимально точно воспроизводила методику опроса, который проводился при создании РАС. Для каждого слова получены ответы не менее 100 респондентов. В опросе участвовали студенты, проживающие на территории Республики Татарстан, а также студенты, которые приехали из других областей Приволжского федерального округа. В эксперименте принимали участие только те студенты, для которых русский язык является родным, первым языком.

Для формирования списка стимулов мы отобрали 100 слов из ранее созданного словаря с рейтингами конкретности/абстрактности [12]. В данную выборку вошли 50 наиболее абстрактных слов и 50 наиболее конкретных. Ассоциации из РАС к этим же единицам анализировались в статье [1]. Отметим, что в РАС именно к этим стимулам также приводилось около 100 реакций.

Опрос проходил в электронной форме, респонденты получили списки из 100 стимулов, расположенных в алфавитном порядке. В опросе предлагалось в течение 10 минут указать к каждой входной единице первое пришедшее на ум слово или словосочетание, т.е. первую ассоциацию.

В ходе анализа полученные реакции сопоставлялись с реакциями из РАС. Всего было отобрано приблизительно 20–25 ассоциаций из каждого источника. Анализ осуществлялся в двух аспектах: во-первых, ассоциации анализировались в целом, рассматривалась разница количественных данных и качественных различий; во-вторых, подробно исследовалась именно разница

между ассоциациями к абстрактным (далее — АС) и конкретным существительным (далее — КС) по данным РАС и по данным проведенного эксперимента. Для детального анализа было отобрано 10 самых частотных ассоциаций из РАС и проведенного опроса. Ассоциации были классифицированы и проанализированы. Мы выделили ассоциации, которые составляют со словом-стимулом синтагматические, парадигматические и тематические связи, также в отдельные группы были выделены слова с эпидигматической связью и фонетически сходные слова. В группу ассоциаций, которые образуют парадигматические отношения со стимулом, вошли следующие подгруппы: 1. Ассоциации-синонимы/контекстные синонимы; 2. Ассоциации-антонимы/контекстные антонимы; 3. Ассоциации-гипонимы/гиперонимы. В группе ассоциаций, которые образуют синтагматические отношения со стимулом, выделены следующие подгруппы: 1. Ассоциации-прилагательные (причастия); 2. Ассоциации-части словосочетаний/устойчивых выражений; 3. Ассоциации-потенциальные части словосочетаний/устойчивых выражений; 4. Вторичные ассоциации потенциального словосочетания; 5. Ассоциации-имена собственные; 6. Ассоциации-оценочные суждения. Эти группы были выделены в ходе анализа ассоциаций из РАС, классификация подробно описана в статье [1. С. 155]. Также в рамках нового эксперимента была обнаружена новая группа — ассоциации-символы и метафорические образы.

Результаты исследования и их обсуждение

В ходе анализа выявляются количественные и качественные различия между ассоциативными полями, которые приводятся в РАС и в рамках проведенного эксперимента, к абстрактным и конкретным словам. В первую очередь, сравнивается общее количество ассоциаций, количество сильных, т.е. частотных, одиночных и разнообразных ассоциаций.

Среднее число ассоциаций на слово в проведенном эксперименте равно 61,4, а в опросе Ю.Н. Караулова — 54,5. При рассмотрении наиболее сильных ассоциатов на каждое слово-стимул было выявлено, что наиболее сильная ассоциация в новом эксперименте стала появляться чаще — 15,0 раз против 12,9 по данным РАС.

При сравнении разнообразных, одиночных и сильных ассоциаций из РАС к абстрактным и конкретным существительным применялся двухвыборочный критерий Стьюдента, поскольку данные имели нормальное распределение. В результате была выявлена статистически значимая разница в количестве ассоциаций указанных типов к АС и КС. Получены следующие данные [1]: во-первых, одиночные и разнообразные ассоциации приводились чаще к абстрактным стимулам [24]; во-вторых, в ассоциативном поле к конкретным стимулам обнаруживаются более сильные ассоциации.

Аналогичные результаты получены и при анализе данных проведенного эксперимента. Одиночные и разнообразные ассоциации также чаще

приводились к абстрактным субстантивам. Поскольку данные по ассоциациям этих групп имеют нормальное распределение, что было проверено на квантильных графиках (рис. 1), для оценки разницы рассматриваемых показателей также был использован двухвыборочный критерий Стьюдента, для разнообразных ассоциаций получаем p -значение $5,92e-10$, для одиночных — p -значение $2,906e-11$.

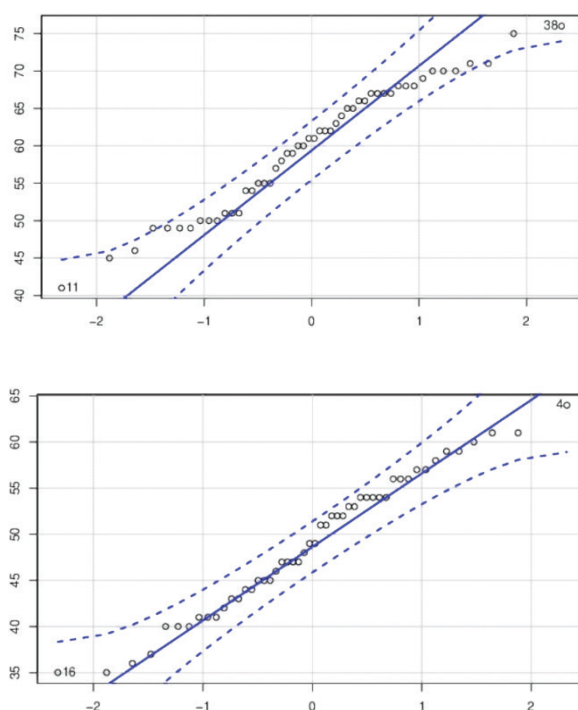

Рис. 1. Квантильные графики количества разнообразных ассоциаций для абстрактных (слева) и конкретных слов (справа)

Источник: составлено Ю.А. Вольской.

Fig. 1. Quantile plots of the numbers of associations for Abstract (left) and concrete (right) words

Source: compiled by the Yuliya A. Volskaya.

Более сильные ассоциации также чаще приводились к конкретным существительным. Однако при анализе на основе двухвыборочного критерия Стьюдента были получены данные, указывающие на статистически незначимую разницу между количеством сильных ассоциаций к АС и КС. Учитывая, что большая часть ассоциаций в обоих опросах относится к одиночным, детально анализировались только по 10 наиболее частотных ассоциаций для каждого слова-стимула. Далее мы будем приводить данные отдельно для абстрактных и конкретных существительных.

Отметим, что при анализе ассоциатов из проведенного опроса была выявлена новая группа — «Ассоциации-символы и метафорические образы». Такие ассоциации приводились к абстрактным единицам в количестве

18, что составляет 3,6% от общего количества реакций к АС, к конкретным лексемам подобные ассоциации приводились только один раз. Приведем несколько примеров. *Удача*: клевер (16); *любовь*: сердце (19); *любопытство*: луна (2); *больница*: красный крест (2). Появление таких ассоциаций интересно рассмотреть в контексте теории концептуальных метафор, в соответствии с которой абстрактные единицы могут определяться по отношению к более конкретным словам с помощью метафор [25; 26].

Рассмотрим самые значительные изменения в ассоциативных полях, которые были зафиксированы в результате проведенного эксперимента (Таблица 1).

Таблица 1 / Table 1

Ассоциации по данным проведенного эксперимента и по данным РАС
Associations according to the experiment and according to RAD data

	Ассоциации- прилагательные / Association adjectives	Ассоциации-части словосочетаний / Associations — parts of phrases	Ассоциации- синонимы / Synonymous associations	Ассоциации- потенциальные части словосочетаний / Associations — potential parts of phrases	Ассоциации- части фрейма, тематической группы / Associations are parts of a frame, a thematic group
Данные нового эксперимента / New experiment data					
Абстрактные стимулы / Abstract stimulus	9,3%	10,3%	17,3%	13,7%	38%
Конкретные стимулы / Concrete stimulus	17,2%	8,8%	2,8%	3%	56,6%
Данные РАС / RAD data					
Абстрактные стимулы / Abstract stimulus	23,9%	39,2%	8,3%	6,2%	16,5%
Конкретные стимулы / Concrete stimulus	40,4%	20,2%	2%	1,6%	24,8%

Источник: составлено Ю.А. Вольской / Source: compiled by Yuliya A. Volskaya.

Итак, прежде всего, в поле к АС и КС уменьшилось число ассоциаций в форме прилагательных и число ассоциаций-частей словосочетаний. Для АС увеличилось число ассоциаций-синонимов, для КС доля синонимов практически не изменилась. Для АС и КС увеличилось число ассоциаций-потенциальных частей словосочетаний. Следующее серьезное изменение касается ассоциаций-частей фрейма, тематических групп. Количество подобных ассоциаций к АС и КС в новом опросе возросло более, чем в два раза.

В целом, реакции на АС изменились в большей степени, чем на КС. Данное положение обусловлено тем, что абстрактное имя в меньшей степени

отображает инвариантное для носителей русского языка содержание, при этом в большей степени транслирует его вариативную часть [27. С. 271], что в содержании и восприятии данной лексики индивидуальное преобладает над коллективным [28].

Итак, наблюдается следующая картина: количество ассоциаций, которые составляют со стимулом, выраженным как абстрактным, так и конкретным существительным, отношения синтагматического типа, значительно уменьшилось; в то же время количество ассоциаций-частей фрейма и тематически сходных групп, т.е. ассоциаций, которые составляют со словом-стимулом прагматические отношения, как к АС, так к КС возросло в два раза. Увеличилось количество ассоциаций, которые составляют со стимулом-абстрактным существительным парадигматические отношения.

Для того чтобы выявить, не перешла ли большая часть ассоциаций из ядра, по данным РАС, в ряды единичных ассоциаций по данным проведенного опроса, мы взяли полный ассоциативный ряд к рассматриваемым в этом исследовании словам-стимулам из РАС и из проведенного опроса, далее извлекли ассоциации различных типов. Данную часть исследования продемонстрируем на примере анализа ассоциаций-прилагательных. Количество единичных и сильных ассоциаций к АС и КС по данным РАС и по данным проведенного эксперимента зафиксированы в (табл. 2).

Таблица 2 / Table 2

Количественная характеристика всех ассоциаций-прилагательных из РАС и из нового эксперимента / Quantitative characteristics of all association-adjectives from the RAD and from the new experiment

	Абстрактные существительные / Abstract nouns		Конкретные существительные / Concrete nouns	
	РАС / RAD	новый эксперимент / new experiment	РАС / RAD	новый эксперимент / new experiment
Всего ассоциаций-прилагательных / Total number of adjective associations	551	234	603	329
Сильные ассоциации-прилагательные / Strong associations-adjectives	16	0	29	3
Единичные ассоциации-прилагательные / Singular association adjectives	432	232	403	226

Источник: составлено Ю.А. Вольской / Source: compiled by Yuliya A. Volskaya.

По данным проведенного опроса, ассоциации-прилагательные к абстрактным существительным почти в 100 % случаев оказались единичными реакциями, по данным РАС, единичные ассоциации-прилагательные составляют 78 % от общего количества всех ассоциаций-прилагательных к АС. Соотношение единичных ассоциаций-прилагательных к КС в РАС и в нашем эксперименте остается примерно одинаковым: по данным РАС, такие ассоциации составляют 67 %; по данным опроса — 69 %. Соотношение между количеством всех ассоциаций-прилагательных и единичных к АС и КС по данным нашего эксперимента не отличается от соотношения по данным РАС.

Если сравнивать именно характер отличий между ассоциациями к АС и КС по данным РАС с ассоциациями к АС и КС по данным нашего опроса, то выявляется аналогичная тенденция. Так, ассоциации-прилагательные почти в два раза чаще приводятся к конкретным существительным и в РАС, и в проведенном эксперименте. Сохраняется соотношение и между ассоциациями-частями фрейма, тематической группы, ассоциациями-антонимами, синонимами, гипонимами/гиперонимами и потенциальными частями словосочетаний: ассоциации-части тематической группы, фрейма и ассоциации-гипонимы/гиперонимы чаще встречаются в ассоциативном поле к КС; ассоциации-синонимы и антонимы, потенциальные части словосочетаний, напротив, чаще приводятся к АС. Вторичные ассоциации к частям словосочетаний встречаются в одинаковом количестве к АС и КС и в нашем эксперименте, и в РАС.

Теперь отметим основные отличия. Во-первых, ассоциации-части словосочетаний и устойчивых выражений в словаре Ю.Н. Караулова приводятся чаще к АС, к КС — приблизительно в два раза реже. В проведенном эксперименте ассоциаты данной группы почти в равном количестве приводятся и к АС и к КС: к АС — 10 % от общего количества всех ассоциаций, к КС — 9 %. Во-вторых, ассоциации-оценочные суждения в РАС чаще приводились к АС, в нашем эксперименте ассоциации из этой группы вовсе не приводились к АС. В-третьих, реакции-фонетически схожие слова в РАС приводились только к КС, в нашем эксперименте только к АС.

Далее рассмотрим ассоциации, которые были выявлены в ходе нашего эксперимента и зафиксированы в РАС. Данные единицы составляют устойчивые ассоциативные поля, которые не поменялись за последние 30 лет. Повторяющиеся ассоциаты были обнаружены в ассоциативных рядах к 47 стимулам-абстрактным существительным. Приведем несколько примеров. К стимулу *фантазия* выявлены следующие повторяющиеся реакции: *мечта, воображение, мечты, космос*. **Религия:** *вера, христианство, бог, опиум, церковь*. **Время:** *часы, деньги*. **Отчаяние:** *безысходность, грусть, безвыходность, разочарование, страх*. **Любовь:** *счастье, и голуби*. К единицам *гордость, счастье и мечта* не было обнаружено ни одной повторяющейся ассоциации.

Всего обнаружено 149 повторяющихся ассоциатов, из них 8 относятся к сильным реакциям: ассоциация *мечта* к стимулу *фантазия*; ассоциация *слова* к стимулу *свобода*; ассоциация *интерес* к стимулу *любопытство*; ассоциация *старость* к стимулу *молодость*, ассоциация *жизни* к стимулу *образ*; ассоциация *вера* к стимулу *религия*; ассоциация *надежда* к стимулу *вера*; ассоциация *будущее* к стимулу *перспектива*.

Большая часть повторяющихся ассоциаций — это ассоциации, которые в рамках настоящего эксперимента входят в ассоциативное ядро, при этом, как правило, эти реакции в РАС были чаще всего частью периферии, т.е. мы наблюдаем определенные изменения внутри языковой картины носителя русского языка, причем эти изменения происходят достаточно плавно. Примечательно, что в ядро ассоциативного поля вошли именно те единицы, которые уже стали появляться в сознании некоторых носителей русского языка в конце 1980-х годов. Почти все повторы реакций входят в первую десятку слов из ассоциативного поля в новом эксперименте.

Из повторяющихся ассоциаций 43 относится к ассоциациям-частям тематической группы; 42 реакции являются синонимами к словам-стимулам; 27 ассоциаций относится к группе ассоциаций-словосочетаний, устойчивых словосочетаний; 23 ассоциации являются потенциальными частями словосочетаний; 8 реакций выражены именем прилагательным; 4 ассоциации являются антонимами к словам-стимулам; 2 ассоциации имеют со словом стимулом родо-видовую связь. Таким образом, прагматическая связь и парадигматическая связь, выраженная синонимичными отношениями, остаются самыми устойчивыми.

Далее рассмотрим повторяющиеся реакции на стимулы-конкретные существительные. Такие ассоциации были обнаружены в поле ко всем конкретным субстантивам. Всего выявлено 216 повторяющихся реакций, из них 8 реакций являются сильными ассоциациями: ассоциация *дорога* к стимулу *шоссе*; ассоциация *белая* к стимулу *рубашка*; ассоциация *молоко* к стимулу *корова*; ассоциация *машина* к стимулу *руль*; ассоциация *дом* к стимулу *квартира*; ассоциация *вода* к стимулу *бассейн*; ассоциация *самолет* к стимулу *вертолет*; ассоциация *жареная* к стимулу *картошка*. Как и ассоциации к АС, ассоциации к КС из периферии по данным РАС переходят в ассоциативное ядро по данным нового эксперимента. Приведем некоторые примеры. **Чашка:** чай, чая, кофе, блюдце, фарфоровая, разбилась. **Изба:** бабы яги, деревня, на курьих ножках, дом, деревянная, печь, дерево. **Медведь:** белый, бурый, берлога, косолапый, зверь, большой. **Меч:** острый, кладенец, щит, длинный. **Гриб:** мухомор, лес, подосиновик, белый, поганка.

Самые часто встречающиеся повторные реакции к КС — это ассоциации из группы «Тематически сходные слова», части фрейма (91 ассоциация), при этом преобладают именно лексемы, составляющие со словом-стимулом фреймовую ситуацию. Также было выявлено 60 ассоциаций-прилагательных,

28 ассоциаций, входящих со словом стимулом в родо-видовые отношения; 26 ассоциаций-частей словосочетаний, устойчивых выражений; 9 ассоциаций-синонимов к стимулу, 2 ассоциации, которые являются антонимами к слову-стимулу.

Как и у абстрактных существительных, прагматическая связь ассоциаций с конкретными существительными остается самой устойчивой. Однако, в отличие от абстрактных единиц, более устойчивой является синтагматическая связь, а не парадигматическая.

Полученные данные в ходе анализа повторяющихся ассоциаций иллюстрируют, что восприятие конкретных субстантивов связано в большей степени с актуализацией визуальных характеристик. Это обусловлено тем, что наиболее устойчивыми ассоциациями на конкретные стимулы оказались ассоциации-прилагательные и ассоциации-части фрейма. Восприятие абстрактных слов, как правило, связано с актуализацией лингвистических и контекстуальных ресурсов, именно поэтому устойчивыми оказались ассоциации из схожей тематической группы со словом-стимулом, а также ассоциации-синонимы. К подобным выводам об особенностях восприятия абстрактных слов пришли и в исследованиях, методология которых строилась на основе нейровизуализации [29; 30].

Примечательно, что при общем уменьшении в новом эксперименте количества реакций, выраженных прилагательными, именно данный тип ассоциаций возникает часто в сознании носителя языка при восприятии конкретных существительных-стимулов, при этом подобные реакции остаются актуальными на протяжении примерно 30 лет. Это свидетельствует о том, что конкретные лексемы вызывают устойчивые образы. Данные выводы коррелируют с положением теории двойного кодирования о том, что конкретные слова имеют прямую связь с реальными референтами [13].

Заключение

Проведенный ассоциативный эксперимент демонстрирует, что, во-первых, изменились сами реакции (это являлось вполне ожидаемым, поскольку с конца 1980-х годов серьезно изменились социальные и культурные установки в обществе). Во-вторых, изменилось не только семантическое наполнение ассоциаций, изменился сам тип ассоциаций, т.е. трансформировался характер связи между ассоциатом и словом-стимулом. Уменьшилось количество ассоциаций, которые связаны со стимулами синтагматической связью, возросло количество ассоциаций, которые составляют со стимулом-абстрактным существительным парадигматическую связь, а также возросло количество ассоциаций с прагматической связью как по отношению к абстрактным, так и по отношению к конкретным единицам. Эти данные указывают не только на произошедшие внешние изменения в социуме, которые могли повлиять на развитие новой языковой картины, что, в свою очередь,

привело к возникновению ассоциаций с иным семантическим наполнением, но и на структурные трансформации, которые могли произойти в системе ментального лексикона носителей русского языка.

При том, что в ходе анализа были выявлены значительные расхождения между характером ассоциаций в двух экспериментах, мы можем наблюдать сохранность общей тенденции в разнице между ассоциациями к абстрактным и конкретным существительным, что также подтверждает теорию доступности контекста и указывает на то, что особенности восприятия абстрактных и конкретных субстантивов остаются устойчивыми и неизменными. Однако факт того, что в ассоциативном поле, которое было выявлено в ходе проведенного эксперимента, наблюдаются как семантические, так и структурные изменения, говорит о важности создания нового нерегионального ассоциативного тезауруса русского языка.

Библиографический список

1. *Solovyev V.D., Vol'skaya Y.A., Akhtiamov R.B.* Range of associations to Russian Abstract and concrete nouns // *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*. 2023. № 9(1). P. 153–173. <http://doi.org/10.18413/2313-8912-2023-9-1-1-0>
2. *Chen S.X., Benet-Martínez V., Ng, J. C.K.* Does language affect personality perception? A functional approach to testing the Whorfian hypothesis // *Journal of Personality*. 2014. № 82(2). P. 130–143. <http://doi.org/10.1111/jopy.12040>
3. *Lupyan G., Abdel Rahman R., Boroditsky L., Clark A.* Effects of language on visual perception // *Trends in Cognitive Sciences*. 2020. № 24(11). P. 930–944. <http://doi.org/10.1016/j.tics.2020.08.005>
4. *Planchuelo C., Buades-Sitjar F., Hinojo J.A., Duñabeitia J.A.* The nature of word associations in sentence contexts // *Experimental Psychology*. 2022. № 69(2). P. 104–110. <http://doi.org/10.1027/1618-3169/a00054>
5. *Залевская А.А.* Ментальный лексикон: конструкт, метафора или миф? // *GISAP: Philological Sciences*. 2015. № 8. С. 42–44. <http://doi.org/10.18007/gisap:ps.v0i7.919>
6. *Потанина Ю.Д., Подлеская В.И., Федорова О.В.* Вербальная рабочая память и лексико-грамматические сигналы речевых затруднений: данные русского мультимодального корпуса // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международной конференции Диалог-2016*. М., 2016. С. 566–577.
7. *Овчинникова И.Г.* Синтагматические сбои в русской речи: интерпретация в свете актуальных моделей ментального лексикона // *Вопросы психолингвистики*. 2018. № 2. С. 84–98. <http://doi.org/10.30982/2077-5911-2-84-98>
8. *Залевская А.А.* Слово в лексиконе человека: психолингвистические исследования. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1990.
9. *Crutch S.J., Warrington E.K.* Abstract and concrete concepts have structurally different representational frameworks // *Brain*. 2005. № 128(3). P. 615–627. <http://doi.org/10.1093/brain/awh349>
10. *Crutch S.J., Jackson E.C.* Contrasting graded effects of semantic similarity and association across the concreteness spectrum // *Quarterly Journal of Experimental Psychology*. 2011. № 64(7). P. 1388–1408. <http://doi.org/10.1080/17470218.2010.543285>
11. *Караулов Ю.Н., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф.* Русский ассоциативный словарь. М., 1994.
12. *Solovyev V.D., Vol'skaya Y.A., Andreeva M.I., Zaikin A.A.* Russian dictionary with concreteness/Abstractness indices // *Russian Journal of Linguistics*. 2022. № 26(2). P. 515–549. <http://doi.org/10.22363/2687-0088-29475>

13. *Paivio A.* Mental representations: A dual coding approach. New York: Oxford University Press, 1986.
14. *Schwaneflugel P.J., Akin C., Luh W.-M.* Context availability and the recall of Abstract and concrete words. *Memory & Cognition*. 1992. № 20. P. 96–104. <http://doi.org/10.3758/bf03208259>
15. *Solovyev V.* Concreteness/Abstractness Concept: State of the Art // *Advances in Intelligent Systems and Computing*. 2021. № 1358. P. 275–283. http://doi.org/10.1007/978-3-030-71637-0_33
16. *Kent G.H., Rosanoff A.J.* A Study of Association in Insanity // *Journal of Philosophy, Psychology and Scientific Methods*. 1910. № 7(25). P. 695–696.
17. *Russell W.A., Jenkins J.J.* The complete Minnesota norms for responses to 100 words from the Kent-Rosanoff Word Association Test // *Technical Report*. 1954. № 11.
18. *De Deyne S., Navarro D.J., Perfors A., Brysbaert M., Storms G.* The “Small World of Words” English word association norms for over 12,000 cue words // *Behavior Research Methods*. 2019. № 51(3). P. 987–1006. <http://doi.org/10.3758/s13428-018-1115-7>
19. *Kiss G.R., Armstrong C., Milroy R., Piper J.* An associative thesaurus of English and its computer analysis // *The computer and literary studies*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1972. pp. 153–165.
20. *Леонтьев А.А.* Словарь ассоциативных норм русского языка М: Издательство Московского государственного университета, 1977.
21. *Уфимцева Н.В.* (ред.) Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский. М.: Моск. гос. лингвист. ун-т, 2004.
22. *Черкасова Г.А., Уфимцева Н.В.* Русский региональный ассоциативный словарь-тезаурус ЕВРАС. В 2-х т. М.: Институт Языкознания РАН, 2014.
23. *Тарасов Е.Ф., Дронов В.В., Ощепкова Е.С.* Учебный ассоциативный словарь русского языка. СПб.: Златоуст, 2017.
24. *Borghi A.M., Binkofski F., Castelfranchi C., Cimatti F., Scorolli C., Tummolini L.* The challenge of Abstract concepts // *Psychological Bulletin*. 2017. № 143. P. 263–292. <http://doi.org/10.1037/bul0000089>
25. *Lakoff G.* Mapping the brain’s metaphor circuitry: metaphorical thought in everyday reason // *Frontiers in human neuroscience*. 2014. № 8. P. 1–14. <https://doi.org/10.3389/fnhum.2014.00958>
26. *Boot I., Pecher D.* Representation of categories: Metaphorical use of the container schema // *Experimental psychology*. 2011. № 58(2). P. 162–169. <http://doi.org/10.1027/1618-3169/a000082>
27. *Акай О.М.* Феномен абстрактного существительного // *Вестник Московского государственного университета культуры и искусств*. 2014. № 5(61). С. 269–273.
28. *Myachykov A., Fischer M.H.* A hierarchical view of Abstractness: grounded, embodied, and situated aspects // *Physics of Life Reviews*. 2019. № 29. P. 161–163. <https://doi.org/10.1016/j.plrev.2019.04.005>
29. *Cousins Kathryn A.Q., Ash Sh., Irwin D.J., Grossman M.* Dissociable substrates underlie the production of Abstract and concrete nouns // *Brain and Language*. 2017. № 165. P. 45–54. <http://doi.org/10.1016/j.bandl.2016.11.003>
30. *Pulvermuller F.* How neurons make meaning: Brain mechanisms for embodied and Abstract-symbolic semantics // *Trends in Cognitive Sciences*. 2013. № 17. P. 458–470. <http://doi.org/10.1016/j.tics.2013.06.004>

References

1. Solovyev, V.D., Vol’skaya, Y.A. & Akhtiamov, R.B. (2023). Range of associations to Russian Abstract and concrete nouns. *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, 9(1), 153–173. <http://doi.org/10.18413/2313-8912-2023-9-1-1-0>
2. Chen, S.X., Benet-Martínez, V. & Ng, J.C.K. (2014). Does language affect personality perception? A functional approach to testing the Whorfian hypothesis, *Journal of Personality*, 82(2), 130–143.

3. Lupyán, G., Abdel Rahman, R., Boroditsky, L. & Clark, A. (2020). Effects of language on visual perception. *Trends in Cognitive Sciences*, 24(11), 930–944. <http://doi.org/10.1016/j.tics.2020.08.005>
4. Planchuelo, C., Buades-Sitjar, F., Hinojosa, J.A. & Duñabeitia, J.A. (2022). The nature of word associations in sentence contexts. *Experimental Psychology*, 69(2), 104–110. <http://doi.org/10.1027/1618-3169/a00054>
5. Zalevskaya, A.A. (2015). Mental lexicon: construct, metaphor or myth? *GISAP: Philological Sciences*, 8, 42–44. <http://doi.org/10.18007/gisap:ps.v0i7.919> (In Russ.).
6. Potanina, Yu.D., Podlesskaya, V.I. & Fedorova, O.V. (2016). Verbal working memory and lexicogrammatical signals of speech difficulties: data from the Russian multimodal corpus. In: *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Trudy mezhdunarodnoi konferentsii Dialog-2016* [Computer linguistics and intellectual technologies. Proceedings of the international conference “Dialogue 2016”]. Moscow. (In Russ.).
7. Ovchinnikova, I.G. (2018). Syntagmatic failures in the Russian language: interpretation in the light of current models of the mental lexicon. *Journal of Psycholinguistics*, 2, 84–98. <http://doi.org/10.30982/2077-5911-2-84-98> (In Russ.).
8. Zalevskaya, A.A. (1990). *Slovo v leksikone cheloveka: psiholingvisticheskie issledovaniya* [The word in the human lexicon: psycholinguistic research]. Voronezh: Izd-vo Voronezh. un-ta. (In Russ.).
9. Crutch, S.J. & Warrington, E.K. (2005). Abstract and concrete concepts have structurally different representational frameworks. *Brain*, 128(3), 615–627. <http://doi.org/10.1093/brain/awh349>
10. Crutch, S.J. & Jackson, E.C. (2011). Contrasting graded effects of semantic similarity and association across the concreteness spectrum. *Quarterly Journal of Experimental Psychology*, 64(7), 1388–1408. <http://doi.org/10.1080/17470218.2010.543285>
11. Karaulov, Yu.N., Sorokin, Yu.A. & Tarasov, E.F. (1994). *Russian associative dictionary*. Moscow. (In Russ.).
12. Solovyev, V.D., Volskaya, Y.A., Andreeva, M.I. & Zaikin, A.A. (2022). Russian dictionary with concreteness / Abstractness indices. *Russian Journal of Linguistics*, 26(2), 515–549. <http://doi.org/10.22363/2687-0088-29475>
13. Paivio, A. (1986). *Mental representations: A dual coding approach*. New York: Oxford University Press.
14. Schwanenflugel, P.J., Akin, C. & Luh, W.-M. (1992). Context availability and the recall of Abstract and concrete words. *Memory & Cognition*, 20, 96–104. <http://doi.org/10.3758/bf03208259>
15. Solovyev, V. (2021). Concreteness/Abstractness Concept: State of the Art. *Advances in Intelligent Systems and Computing*, 1358, 275–283. http://doi.org/10.1007/978-3-030-71637-0_33
16. Kent, G.H. & Rosanoff, A.J. (1910). A Study of Association in Insanity. *Journal of Philosophy, Psychology and Scientific Methods*, 7(25), 695–696.
17. Russell, W.A. & Jenkins, J.J. (1954). The complete Minnesota norms for responses to 100 words from the Kent-Rosanoff Word Association Test. *Technical Report*, 11.
18. De Deyne, S., Navarro, D.J., Perfors, A., Brysbaert, M. & Storms, G. (2019). The “Small World of Words” English word association norms for over 12,000 cue words. *Behavior Research Methods*, 51(3), 987–1006. <http://doi.org/10.3758/s13428-018-1115-7>
19. Kiss, G.R., Armstrong, C., Milroy, R. & Piper, J. (1972). An associative thesaurus of English and its computer analysis. In: *The computer and literary studies*. Edinburgh: Edinburgh University Press. pp. —165.
20. Leont'ev, A.A. (1977). *Slovar' assotsiativnykh norm russkogo yazyka* [Dictionary of associative norms of the Russian language]. Moscow: MSU. (In Russ.).
21. Ufimtseva, N.V. (2004). *Slavyanskii assotsiativnyi slovar': russkii, belorusskii, bolgarskii, ukrainskii* [Slavic associative dictionary: Russian, Belarusian, Bulgarian, Ukrainian]. Moscow: Mosk. gos. lingvist. un-t. publ. (In Russ.).

22. Cherkasova, G.A. & Ufimtseva, N.V. (2014). *Russkii regional'nyi assotsiativnyi slovar'-tezaurus EVRAS. V 2-kh t.* [Russian Regional Associative Dictionary-thesaurus EVRAS. In 2 volumes]. Moscow: Institute of Linguistics publ. (In Russ.).
23. Tarasov, E.F., Dronov, V.V. & Oshchepkova, E.S. (2017). *Uchebnyi assotsiativnyi slovar' russkogo yazyka* [Educational associative dictionary of the Russian language]. Saint Petersburg: Zlatoust publ. (In Russ.).
24. Borghi, A.M., Binkofski, F., Castelfranchi, C., Cimatti, F., Scorolli, C. & Tummolini, L. (2017). The challenge of Abstract concepts. *Psychological Bulletin*, 143, 263–292. <http://doi.org/10.1037/bul0000089>
25. Lakoff, G. (2014). Mapping the brain's metaphor circuitry: metaphorical thought in everyday reason. *Frontiers in human neuroscience*, 8, 1–14. <https://doi.org/10.3389/fnhum.2014.00958>
26. Boot, I. & Pecher, D. (2011). Representation of categories: Metaphorical use of the container schema. *Experimental psychology*, 58(2), 162–169.
27. Akaj, O.M. (2014). Abstract noun phenomenon. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*, 5(61), 269–273. (In Russ.).
28. Myachykov, A. & Fischer, M.H. (2019). A hierarchical view of Abstractness: grounded, embodied, and situated aspects. *Physics of Life Reviews*, 29, 161–163. <https://doi.org/10.1016/j.plev.2019.04.005>
29. Cousins Katheryn, A.Q., Ash, Sh., Irwin, D.J. & Grossman, M. (2017). Dissociable substrates underlie the production of Abstract and concrete nouns. *Brain and Language*, 165, 45–54. <http://doi.org/10.1016/j.bandl.2016.11.003>
30. Pulvermüller, F. (2013). How neurons make meaning: Brain mechanisms for embodied and Abstract-symbolic semantics. *Trends in Cognitive Sciences*, 17, 458–470. <http://doi.org/10.1016/j.tics.2013.06.004>

Сведения об авторе:

Вольская Юлия Александровна, кандидат филологических наук, ассистент кафедры прикладной и экспериментальной лингвистики Института филологии и межкультурной коммуникации, Казанский (Приволжский) университета (420008, Российская Федерация, г. Казань, ул. Кремлевская, 18); *сфера научных интересов*: прикладная лингвистика, квантитативная лингвистика, семантика; *e-mail*: kovaleva95julia@mail.ru
ORCID: 0000-0001-8276-5864; SPIN-код: 7085-6726; ScopusID: 57204786678.

Information about the author:

Yuliya A. Volskaya, PhD in Philology, Assistant at the Department of Applied and Experimental Linguistics, Institute of Philology and Intercultural Communication, Kazan (Volga Region) Federal University (18, Kremlevskaya St., Kazan, Russian Federation, 420008); *Research interests*: applied linguistics, quantitative linguistics, psycholinguistics, semantics; *e-mail*: kovaleva95julia@mail.ru
ORCID: 0000-0001-8276-5864; SPIN-code: 7085-6726; ScopusID: 57204786678.

DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-3-802-820

EDN: HXZDAT

УДК 811.161.1'22'42:61

Научная статья / Research article

Семиотика медицинского дискурса

Ю.Н. Эбзеева , Н.М. Дугалич

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

 dugalich-nm@pfur.ru

Аннотация. Медицинский дискурс как институциональный дискурс рассматривается одновременно в нескольких аспектах: жанровая палитра; участники дискурса и их коммуникативные стратегии и речевое поведение; условия общения пациента и врача; способы и материал передачи информации медицинского характера; языковые средства монокодового, поликодового и полимодального текста медицинского дискурса; изобразительные средства поликодового и полимодального текста; функции, реализуемые текстами разных видов. Остается актуальным и само определение границ медицинского дискурса. Объектом анализа являются русскоязычные мемы, демотиваторы, которые мы понимаем как разновидность интернет-мемов, и карикатуры на медицинскую тему, печатные рекламы медицинских препаратов, услуг и мероприятий, медицинские плакаты. Предмет исследования — иконические знаки, знаки-индексы и символы медицины. Новизной предлагаемого исследования стало обращение к данным элементам поликодового текста как системе знаков, которые подлежат декодированию для распознавания авторского замысла, их использование не является обязательным, при этом их качество обобщения позволяет выразить больший объем смыслов, а реципиент текста опирается на них для опознавания принадлежности текста к медицинскому дискурсу. Материалом исследования являются поликодовые (имеющие вербальный и изобразительный ряды) тексты общим объемом 500 примеров, полученных методом сплошной выборки из Интернета. Исследование показало, что семиотическая система должна осознаваться как важный элемент поликодовых текстов медицинского дискурса, поскольку каждый из трех типов знаков отмечен в пяти рассматриваемых жанрах и выполняет в тексте резюмирующую, аттрактивную, организующую, замещающую и комическую функции. Как объект декодирования в поликодовых текстах медицинской тематики нами рассмотрены отдельные примеры употребления прецедентных феноменов. Алгоритм анализа семиотической системы медицинского дискурса может быть использован для анализа семиотической системы других институциональных дискурсов.

Ключевые слова: поликодовый текст, интернет-мем, демотиватор, медицинский плакат, печатная реклама, карикатура, русский язык

Финансирование. Благодарности:

Статья подготовлена в рамках проекта № 050738-0-000 Системы грантовой поддержки научных проектов РУДН.

Заявление о конфликте интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: Вклад авторов равнозначен на всех этапах исследования.

© Эбзеева Ю.Н., Дугалич Н.М., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

История статьи:

Дата поступления: 01.06.2024

Дата приема в печать: 15.06.2024

Для цитирования:

Эбзеева Ю.Н., Дугалич Н.М. Семиотика медицинского дискурса // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 3. С. 802–820. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-3-802-820>

Semiotics of Medical Discourse

Yulia N. Ebzeeva , Natalia M. Dugalich

RUDN University, Moscow, Russian Federation

 dugalich-nm@pfur.ru

Abstract. Medical discourse as an institutional discourse is considered simultaneously in several aspects: genre palette; discourse participants and their communicative strategies and speech behaviour; forms of communication between patient and doctor; methods and material for transmitting medical information; linguistic means of monocode, polycode and multimodal text of medical discourse; visual means of polycode and multimodal tests; functions implemented by texts of different types. The very identification of the boundaries of medical discourse will remain relevant. The objects of analysis are Russian-language memes, demotivators, which we understand as a type of Internet memes, caricatures on a medical topic, printed advertisements for medical drugs, services and events, and medical posters. The subject of the study are iconic signs, index signs and symbols of medicine. The novelty of the proposed study is the appeal to these elements of a polycode text as a system of signs that are subject to decoding to recognize the author's intention; their use is not obligatory, while their quality of generalization allows expressing a larger volume of meanings, and the recipient of the text relies on them to identify the text as belonging to medical discourse. The research material are polycode (with verbal and iconic series) texts with a total volume of 500 examples obtained by continuous sampling from the Internet. The study showed that the semiotic system should be recognized as an important element of polycode texts of medical discourse, since each of the three types of signs is noted in the five genres under consideration and performs summarizing, attractive, organizing, replacing and comic functions in the text. As an object of decoding in polycode texts on medical topics, we examined individual examples of the use of precedent phenomena. The algorithm for analyzing the semiotic system of medical discourse can be used to analyze the semiotic system of other types of institutional discourse.

Keywords: polycode text, Internet meme, demotivator, medical poster, print advertising, caricature, Russian language

Financing. Acknowledgements:

This paper has been supported by the RUDN University Scientific Projects Grant System, project No 050738-0-000.

Conflicts of interest: The authors declare no conflicts of interest.

Authors' contribution: The authors contributed equally to this article.

Article history:

Received: 01.06.2024

Accepted: 15.06.2024

For citation:

Ebzeeva, Yu.N. & Dugalich, N.M. (2024). Semiotics of Medical Discourse. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 15(3), 802–820. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-3-802-820>

Введение

Институциональные дискурсы характеризуются разнообразием жанров как по содержанию, так и по форме. Содержание и инструментарий жанров медицинского дискурса, представленных поликодовыми (печатная реклама, медицинский плакат, мем, демотиватор и карикатура на медицинскую тему) и полимодальными (видеореклама медицинских средств и услуг) текстами обсуждается как объект междисциплинарных, но, прежде всего, лингвистических исследований и рассматривается в таких аспектах, как сама принадлежность к медицинскому дискурсу и возможность выделения в нем субдискурсов и распределения жанров в их границах [1–4]; языковые средства медицинских текстов [5–7]; функции и средства, реализуемые поликодовыми текстами медицинского дискурса [8; 9]; коммуникативные стратегии медицинского дискурса и особенности интернет-коммуникации на медицинские темы [10; 11]. Тем не менее, исследования поликодовых текстов медицинского дискурса в настоящее время носят фрагментарный характер, что объясняет новизну статьи — рассмотрение семиотических характеристик медицинского дискурса на примере пяти жанров, использующих поликодовый текст: медицинской рекламы, медицинского плаката, мема, демотиватора и карикатуры на медицинскую тему.

Материалы и методы исследования

Материалом исследования послужили поликодовые тексты на русском языке, полученные методом сплошной выборки из сети Интернет, общее число 500 (по 100 текстов каждого жанра), принципом отбора которых послужили следующие их характеристики: в тексте обсуждается медицинская проблематика, участниками общения определяются пары врач — врач, врач — медицинская сестра, врач — пациент, пациент — пациент; вербальный компонент поликодового текста включает специальную лексику или лексику обыденного словаря тематической группы ЗДОРОВЬЕ; изобразительный уровень поликодового текста представлен фотографией или рисунком врача, пациента, интерьеров больницы и др., а также включает инструменты и другие медицинские атрибуты. Список данных аспектов характеристики поликодовых медицинских текстов коррелирует с определением медицинского дискурса как институционального, предложенным В.И. Карасиком [12. С. 32]. Методами исследования отобранных поликодовых тестов послужил алгоритм послойного рассмотрения поликодового текста [13], семантический анализ лексических единиц, контекстуальный анализ.

Результаты исследования

Исследование показало, что медицинский дискурс формирует значительное жанровое своеобразие, особенно в спектре поликодовых тестов, что продиктовано высоким статусом здоровья

в системе приоритетов современного человека, возможностью обсуждения проблем здоровья средствами поликодового текста и инструментами интернет-коммуникации.

Исследование поликодового текста любого дискурса предполагает рассмотрение визуального ряда, вербального ряда и их взаимодействия, однако значимым компонентом является семиотическая система, представленная в медицинском дискурсе иконическими (например, изображение врача), индексальными (изображение вируса) и символическими (красный крест) знаками. Каждый из трех типов знаков отмечен для мемов и демотиваторов, медицинских плакатов, реклам и карикатур медицинского дискурса, в поликодовом тексте знаки выполняют информационную, резюмирующую, аттрактивную, организующую, замещающую и комическую функции. Можно говорить о ведущих функциях для каждого рассматриваемого жанра медицинского дискурса. Важной особенностью анализируемых жанров является обсуждение средствами медицинского дискурса острых социальных проблем. Смежными явлениями можно считать эмблематические единицы и прецедентные феномены, которые для понимания смысла нуждаются в декодировании.

Проведенное исследование может быть использовано для анализа семиотической системы других институциональных дискурсов.

Обсуждение

Жанрами медицинского дискурса, которые используют поликодовый текст, являются

- *демотиватор* — «изображение, состоящее из графического компонента в черной рамке и поясняющего его слогана, создающегося по особым правилам. Демотиваторы имеют четкую композицию и содержат три основных элемента: изображение в черной рамке, слоган или лозунг, набранный крупным шрифтом с засечками; пояснительную записку к лозунгу, набранную более мелким шрифтом. Таким образом, собственно языковые элементы и изобразительные (фотография, рисунок, цвет, шрифт) воспринимаются как единое информационное целое [14. С. 149] (см. рис. 1);
- *мем* — феномен интернет-коммуникации, характеризующийся вирусностью, реплицируемостью, эмоциональностью, серийностью, актуальностью и юмористическим характером [15]. На наш взгляд, мем является родовым понятием для демотиватора, поскольку содержательно и по способу появления и распространения мем и демотиватор совпадают, но только демотиватор выдерживает строгую форму картинки в черной рамке с определенными частями, оформленными по стандарту; мем может иметь произвольную форму картинки с текстом (см. рис. 2);

Рис. 1. Демотиваторы медицинского дискурса
Fig. 1. Demotivators of medical discourse

Рис. 2. Мемы медицинского дискурса
Fig. 2. Memes of medical discourse

- *медицинская реклама* (см. рис. 3) — в данный круг текстов мы объединили рекламу безрецептурных медицинских препаратов (см. рис. 3а, 3д, 3ж) и БАДов (см. рис. 3з), рекламу медицинских мероприятий (см. рис. 3в), а также социальную рекламу на медицинские темы (см. рис. 3е), которая как жанр наиболее частотно представлена текстами такой тематики, как «личность (здоровый образ жизни, нормы поведения)» [16. С. 9]. Для медицинской рекламы «наиболее значимой становится реализация аттрактивной (выделить из ряда одинаковых) и информационной (подтвердить правильный выбор и сообщить нужную реципиенту информацию) функций» [17. С. 96];

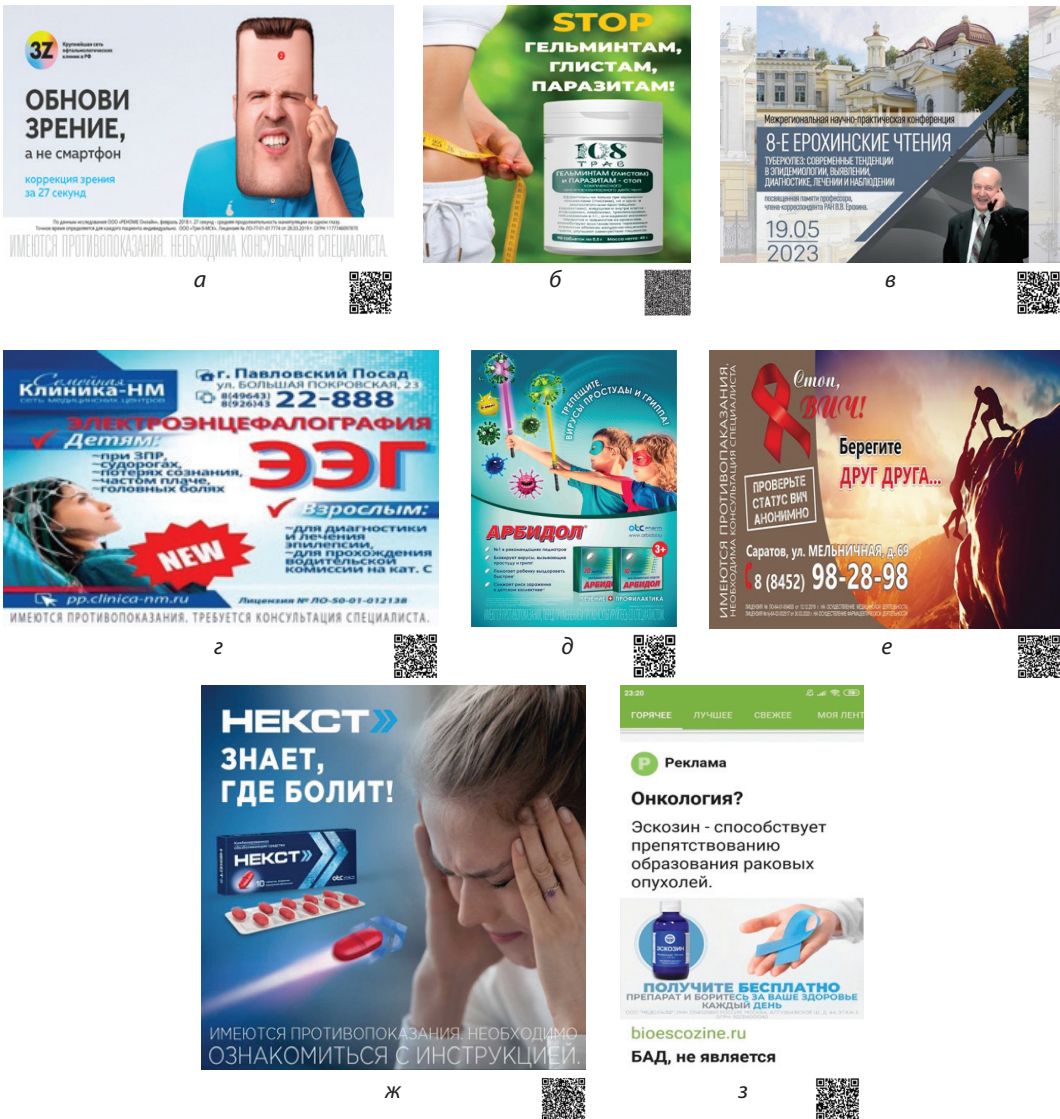

Рис. 3. Реклама медицинского дискурса
Fig. 3. Advertising of medical discourse

- *медицинский плакат* (см. рис. 4) представляет собой поликодовый текст медицинского дискурса, основной целью которого является информирование участника медицинского дискурса о существовании, решении или последствиях какой-либо проблемы медицинского характера [18]; в подборке текстов данного жанра выделяются плакаты, адресованные профессиональной аудитории, пациентам-взрослым и пациентам-детям;
- *карикатура* на медицинскую тему (см. рис 5) — карикатура является сатирическим или юмористическим жанром, реализованным поликодовым текстом, отображающим социальные, общественно-политические или бытовые явления; один из доминирующих жанров интернет-коммуникации [19].

Рис. 4. Медицинские плакаты
Fig. 4. Medical posters

Рис. 5. Карикатуры медицинского дискурса
Fig. 5. Caricatures of medical discourse

Медицинская символика

Символика медицинского дискурса может быть рассмотрена согласно классификации Ч.С. Пирса как объединение знаков трех типов: группы *иколических знаков*, дейктических знаков, имеющих определенное подобие изображаемому объекту, *группы знаков-индексов*, у которых отмечается наличие причинно-следственной связи и общих характеристик с изображаемым объектом, и *группы собственно символов*, у которых нет прямой связи визуального образа с содержанием, но эта связь установлена обществом и может быть известна / или не известна широкому кругу лиц.

К *иконическим знакам* медицинского дискурса мы можем отнести:

- изображение *врача* (человек в белом халате, в белой шапочке, с фонендоскопом, с историей болезни (см. рис. 1а; 4ж);
- изображение *хирурга* (человек в хирургическом цветном костюме и шапочке, который держит в руках скальпель, стоит у операционного стола и над которым висит операционная лампа) (см. рис. 1д; 2е; 5в);
- изображение *медицинской сестры* (женщина в белом халате со шприцем в руках) (см. рис. 2г) и др.

К индексам мы можем отнести общеизвестные и широко распространенные:

- изображения *тонометра* как указание на гипертонию (см. рис. 4в), *напольных весов* — на ожирение (см. рис. 4е) и др.;
- изображения *глаза* (см. рис. 4е) как указание на круг офтальмологических проблем (например в контексте диабета высокий уровень глюкозы приводит к разрушению сосудов сетчатки, что провоцирует развитие ретинопатии, глаукомы и катаракты);
- изображения *шара с радиальными усиками* — вируса (см. рис. 4е), что подтверждено фотографиями, сделанными под микроскопом, изображение *брецеля* как обобщение хлебобулочных и кондитерских изделий в контексте плохого холестерина (см. рис. 4г) и др.

К собственно символам относятся широко распространенные изображения:

- изображения *аптечного шара* (стеклянный сосуд с цветной жидкостью внутри), который появился и широко использовался для обозначения аптеки для людей, которые не умели читать;
- изображения *посоха Асклепия*, который относится к двум наиболее известным символам медицины (наряду с *красным крестом* (см. рис. 1в)). Посох Асклепия представляет собой жезл, обвитый змеей, и символизирует медицину как связь с землей, странствия врача и врачевание.

Относительно недавно появились медицинские символы-ленты, которые ассоциированы по цвету с такими болезнями, как, например, рак груди (розовая лента) (см., например, рис. 4д), ВИЧ / СПИД (красная лента) (см., например, рис. 3е), и др. В символическом употреблении цвета в контексте болезни прослеживается:

- *связь с гендером*: рак груди — преимущественно болезнь женщин — розовая лента, рак простаты — болезнь мужчин — небесно-голубой цвет;
- *связь с больным органом*: меланома — рак кожи с преимущественно черным пигментом пораженного участка кожи — черная лента; лимфогранулематоз — лиловые клетки в микроскопе — лиловая лента;
- *символическое значение, мотивированное содержательным компонентом болезни*, том числе отмечены многоцветными лентами: аутизм — мозаичная лента как символ пазла, который пропущен в металлическом состоянии

больного аутизмом, например, функции общения при сохранении когнитивных способностей и др., синдром Дауна — голубая и желтая лента — желтый как символ солнца (солнечные дети), голубая — неба (чистота помыслов).

Часть заболеваний, например, орфанные заболевания — лента цвета земли, гепатиты и рак печени — нефритовая лента, получили цвет непроявленным в аспекте связи с заболеванием путем. Неустойчивость рассматриваемой системы символов выражается также в том, что один цвет может использоваться для маркировки разных по этиологии и локации заболеваний, например, желтый цвет — символ эндометриоза и одновременно — предотвращения самоубийств и рака почки.

Использование цветов для обозначений болезней коррелирует с распространенностью и тяжестью их протекания: цветовое закрепление имеют наиболее часто встречающиеся группы онкологических заболеваний, а также социально опасные болезни (сахарный диабет, туберкулез, ВИЧ/СПИД).

Таблица 1 / Table 1

Структура распространенности онкологических заболеваний по данным ВОЗ¹ и их символическое обозначение /

Structure of the prevalence of cancer according to WHO data and its symbolic designation

онкологическое заболевание / oncology disease	распространенность (от общего числа новых случаев заболевания раком) / prevalence (from the total number of new cancer cases)	смертность (от общего числа умерших от рака) / mortality (of the total number of deaths from cancer)	цвет символа-ленты / ribbon symbol colour
рак легких / lung cancer	12,4 %	18,7 % (1 место / first place)	белый / white
рак груди / breast cancer	11,6 %	9,3 % (4 место / fourth place)	розовый / pink
колоректальный рак / colorectal cancer	9,6 %	18,7 % (2 место / 2nd place)	темно-синий / dark blue
рак простаты / prostate cancer	7,3 %	8,2 % для мужчин / for men	небесно-голубой / sky blue
рак желудка / stomach cancer	4,9 %	6,8 % (5 место / fifth place)	барвинковый / periwinkle

Часть тяжелых заболеваний имеет также собственные внесистемные символы, например, белая ромашка — символ туберкулеза, возникший в 1911 году по связи лечения туберкулеза с использованием природных антисептических свойств ромашки.

В рассматриваемых поликодовых текстах нами отмечено употребление цветовых символов (см. рис. 3з): небесно-голубая лента заменила уточнение онкологического диагноза в рекламе БАД для поддержания самочувствия пациента в ходе онкологического лечения. Креативное развитие медицинских

символов-изображений по наиболее востребованным направлениям терапии представлено в карикатуре (см. рис. 5e) и меме (см. рис. 2a): за основу взят посох Асклепия, который продолжает использоваться как вертикаль, на которой закрепляется змея, модифицированная согласно определяющим признакам специализации врача: розовая с округлившимся животом с выпирающим пупком (акушер); зеленая (символ юности); маленького размера (педиатр); примотанная бинтом (ортопед) и др. В части рисунков посох становится инструментом: от головы до хвоста (гастроэнтеролог); от хвоста до головы (проктолог). Удвоенная голова выступает символом психиатра; две змеи на посохе — сексопатолога. Данное развитие символического ряда безусловно реализует комическую функцию, однако нарушает принцип организации символа — выражения смысла без вербального компонента, поскольку рассматривать описываемые символы смешно только с подписью, указывающей на специализацию врача.

Знаки разных типов используются в поликодовом тексте медицинского дискурса прежде всего для передачи информации сжатым способом, поскольку позволяют внести или подтвердить в тексте информацию, необходимую реципиенту для погружения в проблематику сообщения. Между единицами разных уровней возникают комплиментарные связи [20], например, на рис. 3d рекламируется средство *арбидол* (принимается при начале вирусного заболевания); кроме надписи «Трепещите, вирусы простуды и гриппа» в текст включены изображения вирусов, которые олицетворены (есть улыбки и глаза, демонстрирующие страх) и разрушаются волшебными мечами детей, принимающих арбидол. В меме (см. рис. 2e) в подписи «В атласе анатомии все сосуды были подписаны, а тут нет» указанием на то, где не подписаны сосуды, служат иконические знаки — изображение хирурга и операционной, таким образом, становится понятно, что тут — это непосредственно в теле человека.

Кинесика поликодовых текстов медицинского дискурса

Кинесика играет важную роль в индексальном ряде визуального компонента; кинесические индексы делятся на жесты врачей и жесты пациентов. Рассмотрим примеры каждого из рассматриваемых жанров.

На уровне **мемов** и **демотиваторов** нами отмечены типичные жесты, характерные не только для врачей: *ручка в руках* ‘веду запись в истории болезни/в листе назначений’ (см. рис. 1a), *руки на коленях* ‘усталость’ (см. рис. 1d), а также специфические жесты врача: *руки с медицинскими* (и не только) инструментами ‘лечение’ (см. рис. 1ж) и др. Данные жесты хорошо считываются реципиентом и в ряде случаев дублируются или расширяются вербальным компонентом: жест — *ручка в руке врача* — дублирует подпись *На языке, на котором пишут врачи, машинисты электричек объявляют остановки* (см. рис. 1a); жест — *сложенные на коленях руки* — резюмирует подпись *Снимок хирурга после проведенной им 23-часовой операции на сердце. Его*

ассистент спит в углу. Операция, кстати, прошла успешно. А когда очнется, то станет благодарить Бога... (см. рис. 1д); жест — *руки в перчатках с инструментами (зеркало стоматолога и дрель)* — продолжает идею, высказанную в подписи *Наркоз — средство защиты врачей от советов пациентов во время операции* (см. рис. 1ж). Данная мысль широко представлена в поликодовых текстах медицинского дискурса, поскольку с одной стороны, существует проблема низкой квалификации врача, с другой стороны — стирается грань профессиональной закрытости врачебной деятельности (пациент, получивший информацию непроверенного качества из Интернета, сам «знает», как себя нужно лечить). Также жесты применяются для указания на место боли, например, *ладонь на пояснице* ‘боль в спине’ (см. рис. 2в) при наличии в вербальном компоненте лексем *болит спина: Доктор, у меня болит спина, когда я просыпаюсь по утрам. Просыпайтесь в обед.* Таким образом, отличие в использовании жестов в демотиваторах и мемах состоит в том, что они выполняют дублирующую или резюмирующую функции.

На уровне **медицинских плакатов** средства визуального ряда позволяют отобразить практически любое движение, однако большая часть отмеченных жестов повторяется. Так, папка в руках в сочетании с взглядом на реципиента / пациента имеет значение ‘внимательно слушаю’ (см. рис. 4а); рука врача на руке пациента ‘все будет хорошо, но нужно полечиться’ (см. рис. 4ж) и др. Нами отмечена частотная практика применения жестов при объяснении и разъяснении сути манипуляций, например, при оказании первой медицинской помощи: *скрещенные ладони одна сверху другой* ‘массаж’ сопровождается подписью *Непрямой массаж сердца* (см. рис. 4з); *ладонь на лбу* ‘фиксация лица’ сопровождается подписью *Искусственное дыхание* (см. рис. 4з); а также объяснении симптомов заболевания: *две руки к голове* ‘головокружение’; *одна рука к голове* ‘головная боль’ (см. рис. 4е) и др. Таким образом, отличие в использовании жестов в медицинских плакатах состоит в том, что они преимущественно дублируют текстовую информацию или разъясняют ее.

На уровне **рекламы** жесты чаще применяются для указания на симптомы, так, *руки, поднятые к голове*, одновременно с закрытыми глазами имеет значение ‘сильная боль’ (см. рис. 3ж); палец, оттягивающий веко, одновременно с прищуренными глазами ‘плохое зрение’ (см. рис. 3а); *открытый живот и руки около него* (в нашем примере живот измеряется сантиметром) ‘абдоминальные боли’ (см. рис. 3б). Также специфическим жестом показывается начало лечения: *протянутая рука с открытой ладонью с цветной лентой* ‘лечение конкретного тяжелого заболевания’ (см. рис. 3з). На наш взгляд, отличие в использовании жестов в рекламе состоит в том, что они преимущественно выполняют аттрактивную функцию, что подтверждает анализ визуального и вербального рядов медицинской рекламы [17].

На уровне **карикатуры** жесты отличаются несколько утрированным характером, но обычно имеют значение ‘указание на место боли’: *зубы* (см. рис.

5б); *печень* (см. рис. 5з); *абдоминальные боли* (см. рис. 5ж) или ‘методы лечения’: *рука вперед с палочкой для осмотра носоглотки* ‘инструментальный осмотр’; *рука вперед с пульверизатором* ‘антисептическая обработка’; *рука с деревянным фонендоскопом к спине* ‘контроль дыхания’. В предлагаемых примерах жест не дублируется лексикой, а вводит в ситуацию карикатуры.

Эмодзи и эмотиконы медицинской тематики

К знакам-индексам медицинского дискурса можно отнести ряд изображений, используемых в интернет-коммуникации (эмодзи) и расположенных в разделе медицина: капля крови, медицинская маска, шприц и т.д. Исследования, проведенные на материале других дискурсов, например, политического, показали, что эмодзи и эмотиконы способны реализовывать несколько функций: «Номинативную — идентифицируя референты, благодаря тому, что связаны с ними физическим сходством; синтаксическую — структурируя пунктуационный и интонационный контур сообщения; когнитивную — передавая дополнительные конвенциональные смыслы, имплицированные толкованием репрезентируемых объектов; коммуникативную — создавая интонационный контур и эмоциональный фон сообщения; воздействующую — задавая вектор прагматической интерпретации сообщения и его эмпатийный потенциал» [21. С. 1178].

В меме (см. рис. 2б) предложены новые эмотиконы на медицинскую тематику, принцип создания которых заключается в придании изображению типичных для болезни или состояния внешних симптомов или атрибутов. Гиперемия (переполнение кровью сосудов или отдельного органа) изображена эмотиконом красного цвета с отсутствием улыбки; цианоз (недостаточность кислорода крови, вызывавшее посинение отдельных участков кожи) — в виде эмотикона фиолетового цвета, гипергидроз (избыточное потоотделение) — добавленной на лоб каплей и т.д. Цвет выбирается не символически, а по реальному изменению окраса кожи / органа. Возможно, употребление эмотиконов подобного типа в профессиональной или непрофессиональной коммуникации реализует замещающую функцию.

Прецедентные феномены поликодового текста медицинского дискурса как символный ряд

Прецедентные феномены частотно употребляются в поликодовых текстах. На уровне медицинского дискурса нами отмечены такие примеры, как

- прецедентный визуальный феномен в сочетании с подписью, указывающей на него (см. рис. 2д): для понимания связи почерка врача и изображения необходимо узнать кадры из фильмов по мотивам романа Дж. Толкина серии «Властелин колец». Можно предположить, что эльфийский почерк в контексте романов и фильмов толкиниады имеет семы ‘принадлежащий высшему существу’, ‘принадлежащий существу

с более острым, чем у человека, слухом’, ‘принадлежащий существу, который живет намного больше, чем человек’, ‘принадлежащий существу, который мудрее, чем человек’;

- прецедентный визуальный феномен в сочетании с характеризующей репликой (см. рис. 5в; 5г; 5з): например, *посадил дед печень* — трансформированная фраза из зачина сказки «Репка», поддержан изображением репы, бабки, Жучки, кошки. Медицинская составляющая проблемы поддерживается сленговым оборотом *посадить печень*, изображением врача с медицинским чемоданчиком и пустых бутылок из-под алкоголя;
- прецедентный визуальный феномен с характеризующей его атрибутикой: изображением смерти в виде *старухи с косой* в карикатуре на тему использования антисептиков (см. рис. 5д);
- прецедентный визуальный феномен без коррелирующего с ним текста (см. рис. 5а и 4б) в аттрактивной и организующей функции: на рис. 4б в центре — *фигура мужчины, это реплика известной работы скульптора Огюста Родена «Мыслитель»*, изображение помещено в центр медицинского плаката и визуально и содержательно разделяет симптомы и осложнения артериальной гипертензии — хронического заболевания, последствия которого ведут к инвалидизации и высоким рискам смерти. Включение данного прецедентного феномена, на наш взгляд, связано с часто наделяемым данному изображению смыслом ‘гармония’.

С символьным рядом данные прецедентные феномены объединяются в связи с необходимостью их декодирования: без понимания прецедентной основы не возникает смех, ожидаемый автором текста.

Эмблематические единицы

В семиотическую систему институционального дискурса также могут быть включены лексические единицы, которые, по В.И. Карасику, получили название «эмблематически маркированные единицы», т.е. профессионализмы и термины, в конкретном тексте имплицитно выражают принадлежность к определенному дискурсу [22]. Включение эмблематически маркированной медицинской лексики позволяет, с одной стороны, отнести текст к медицинскому дискурсу и ввести реципиента в контекст медицинского общения, с другой стороны — создает основу для реализации комической функции (например, сочетание на одной этикетке медицинского препарата надписи *СПИРТ ЭТИЛОВЫЙ* и *Глоток здоровья* (название компании, производящей медицинские препараты (см. рис. 1 б)); название препарата от кашля *АНТИГУСИН* и его изображение, размещенное в демотиваторе (см. рис. 1 г.) сопровождается подписью *Побудь дома* — в данном примере происходит

актуализация квазиморфемы *АНТИ* ‘против’ в сочетании с корнем *-тус-* (от латинского *tussis* ‘кашель’), который омонимичен корню в сленговом глаголе *тусить*.

Частотны примеры, в которых эмблематически маркированная лексика подвергается трансформации для реализации комической функции: *современное пятиборье* <— многоборье; *перетягивание салата* <— каната; *фигурное питание* <— катание; *легкая котлетика* <— атлетика и др. — в данных примерах указание на то, что в контексте коронавирусной изоляции был отмечен резкий подъем заболеваемости ожирением, что связано в том числе с гиподинамией и стрессовым перееданием [23]. Эту тему поднимает демотиватор о *Карантиниаде 2020*, основным средством создания комического становится нутрициологическая и спортивная лексика в трансформированной форме (см. рис. 1е).

Демотиватор с подписью *То, что доктор прописал...* (см. рис. 1з) содержит две частотно употребляющиеся фразеологические единицы: *че-нибудь от головы* ‘любое средство от головной боли’ в просторечной форме и использующийся в качестве именной группы фразеологизм *То, что доктор прописал* ‘именно то, что нужно’. Их сочетание в корреляции с изображением типичной упаковки медицинских препаратов (картонная коробка маленького формата, двухцветная, с изображением графика со стабилизирующей функцией) актуализирует прямое значение единиц фразеологического оборота — ‘доктор [врач] прописал препарат’ и создает игру слов для реализации комической функции.

Заключение

Проведенное исследование показало, что поликодовый текст различных жаров медицинского дискурса характеризуется не только содержанием вербального компонента и его взаимодействия с изобразительным рядом, но и семиотическим кодом.

Ядерная зона семиотической системы медицинского дискурса состоит из иконических знаков, знаков-индексов и символов. Их включение в поликодовый текст медицинского дискурса не случайно, их декодирование позволяет реципиенту воспринять интенцию автора в полном объеме; в их создании участвуют коды цвета и кинесики.

В рассматриваемых жанрах нами были выделены преимущественные функции, которые выполняют иконические знаки, знаки-индексы и символы: в мемах и демотиваторах реализуется преимущественно функция компрессии изобразительных средств, дублирующая и резюмирующая функции; в медицинской рекламе — аттрактивная и функция компрессии смысла; в медицинской карикатуре — разъясняющая и дублирующая функции; в медицинском плакате — организующая, выделительная, информационная и резюмирующая функции.

Периферийная зона семиотической системы медицинского дискурса представлена эмблематическими лексическими единицами и прецедентными феноменами, декодирование которых происходит по универсальной модели, т.е. требует наличия фоновых знаний и комментариев.

Алгоритм анализа семиотической системы медицинского дискурса может быть использован для анализа семиотической системы других институциональных дискурсов.

Библиографический список

1. Шуравина Л.С. Медицинский дискурс как тип институционального дискурса // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 37(328). С. 65–67.
2. Первухина С.В. Лингвопрагматические и функционально-стилистические характеристики рекламно-медицинского субдискурса // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 1(178). С. 51–56. <https://doi.org/10.15393/uchz.art.2019.270>
3. Косицкая Ф.Л., Матюхина М.В. К вопросу о жанровой палитре медицинского дискурса // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2018. № 7(196). С. 43–47. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2018-4-133-137>
4. Курilenko В.Б., Макарова М.А. Педагогическая модель учебно-научного медицинского дискурса // Полилингвильность и транскультурные практики. 2012. № 1. С. 60–67.
5. Раздорская О.В., Цыбина Ю.Ю. Метафора в медицинском профессиональном общении // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. № 8–3(28). С. 341–344. <https://doi.org/26140/bgз3-2019-0803-0085>
6. Мишланова С.Л., Уткина Т.И. Метафора в научно-популярном медицинском дискурсе (семиотический, когнитивно-коммуникативный, прагматический аспекты). Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2008.
7. Mohammed S. Inconsistency of Translating Medical Abbreviations and Acronyms into the Arabic Language // Training, Language and Culture. 2022. № 6(3). P. 67–77. <https://doi.org/10.22363/2521-442X-2022-6-3-67-77>
8. Ахренова Н.А. Особенности репрезентации концепта Covid-19 // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. № 4. С. 108–121.
9. Сараева Е.Е., Детинко Ю.И. Информационный медицинский плакат о профилактике COVID-19 в мультимодальном аспекте: средства воздействия на аудиторию // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2023. № 1(225). С. 49–57. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-1-49-57>
10. Кочеткова Т.В., Барсукова М.И., Ремпель Е.А., Рамазанова А.Я. Медицинский дискурс: специфика профессиональной коммуникации врача // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 3(70). С. 466–469.
11. Иссерс О.С. Диалог с потребителем в эпоху медиатизации: ответы на отзывы о медицинских услугах в условиях Интернет-коммуникации // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2023. № 2. С. 43–54. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2023-2-43-54>
12. Карасик В.И. О типах дискурса. Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. Волгоград, 2000. С. 5–20.
13. Эбзеева Ю.Н., Дугалич Н.М. Методика анализа креолизованного текста политической карикатуры на арабском и французском языках // Вестник Российского университета

- дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2018. № 23(1). С. 127–133. <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2018-23-1-127-133>
14. Бугаева И.В. Демотиваторы как новый жанр в Интернет-коммуникации жанровые признаки, функции, структура, стилистика // *Стиль*. 2011. № 10. С. 147–158.
 15. Гусейнова Л.Д., Дугалич Н.М., Ломакина О.В., Нелюбова Н.Ю., Эбзеева Ю.Н. Отражение социокультурного контекста в русских, французских и азербайджанских интернет-мемах // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2022. Т. 13. № 4. С. 1020–1043. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-4-1020-1043>
 16. Новоспаская Н.В., Хаддад А., Колмыкова Я. Культурно-специфические черты социальной экологической рекламы на арабском и казахском языках // *Филология: научные исследования*. 2023. № 6. С. 9–25. <https://doi.org/10.7256/2454-0749.2023.6.40833>.
 17. Дугалич Н.М. Медицинская реклама как жанр поликодового текста // *Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2024. Т. 166. № 1. С. 93–107. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.1.93-107>
 18. Дугалич Н.М. Конститутивные признаки медицинского плаката // *Российский социально-гуманитарный журнал*. 2023. № 4. <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2023-4-1366>
 19. Новоспаская Н.В., Дугалич Н.М. Терминосистема теории поликодовых текстов // *Русистика*. 2022. Т. 20. № 3. С. 298–311. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-3-298-311>
 20. Пойманова О.В. Семантическое пространство. Анализ семантической структуры видео-вербального текста // *Информационная структура текста: сб. ст. М.: МГЛУ, 1994. № 404. С. 9–16.*
 21. Ларионова М.В., Демкина А.В. Семиотика эмодзи и эмодзи в дискурсивном пространстве испанской политической интернет-коммуникации // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2023. Т. 14. № 4. С. 1178–1200. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-4-1178-1200>
 22. Карасик В.И. Дискурсивные эмблемы как объект семиотического анализа // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2023. Т. 14. № 4. С. 1122–1138. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-4-1122-1138>
 23. Фурсов А.Б., Оспанов О.Б., Фурсов Р.А. Ожирение и COVID-19 — признаки конвергенции двух пандемий. Рекомендации по борьбе с ожирением, основанные на принципах «ROOTS» // *Ожирение и метаболизм*. 2021. № 18(4). С. 456–464. <https://doi.org/10.14341/omet12745>

References

1. Shuravina, L.S. (2013). On Typology of Medical Discourse. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 37(328), 65–67. (In Russ.).
2. Pervukhina, S.V. (2019). Linguistic and Pragmatic, Functional and Stylistic Characteristics of Advertising and Medical Subdiscourse. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*, 1(178), 51–56. <https://doi.org/10.15393/uchz.art.2019.270> (In Russ.).
3. Kositskaya, F.L. & Matyukhina, M.V. (2018). On the Question of the Speech Genre Differentiation of the French Scientific Medical Discourse. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 7(196), 43–47. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2018-4-133-137> (In Russ.).
4. Kurilenko, V.B. & Makarova, M.A. (2012). Pedagogic model of academic medical discourse. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 1, 60–67. (In Russ.).
5. Razdorskaya, O.V. & Tsybina, Yu.Yu. (2019). Metaphor in Medical Professional Communication. *Baltic Humanitarian Journal*, 8–3(28), 341–344. <https://doi.org/26140/bgz3-2019-0803-0085> (In Russ.).

6. Mishlanova, S.L. & Utkina, T.I. (2008). *Metaphor in popular scientific medical discourse (semiotic, cognitive-communicative, pragmatic aspects)*. Perm: Perm State National Research University publ. (In Russ.).
7. Mohammed, S. (2022). Inconsistency of Translating Medical Abbreviations and Acronyms into the Arabic Language. *Training, Language and Culture*, 6(3), 67–77. <https://doi.org/10.22363/2521-442X-2022-6-3-67-77>
8. Akhrenova, N.A. (2021). Representational Peculiarities of the Conceptual Sphere Covid-19. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, 4, 108–121. (In Russ.).
9. Sarayeva, E.E. (2023). Multimodal Specifics of Covid-19 Poster: Impact on the Audience. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 1(225), 49–57. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-1-49-57> (In Russ.).
10. Kochetkova, T.V., Barsukova, M.I., Rempel, E.A. & Ramazanova, A.Ya. (2018). Medical Discourse: Specificity of Professional Communication of a Doctor. *Mir Nauki, Kultury, Obrazovaniya*, 3(70), 466–469. (In Russ.).
11. Issers, O.S. (2023). Dialogue with the Consumer in the Era of Mediatization: Responses to Reviews about Medical Services in the Context of Internet Communication. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*, 2, 43–54. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2023-2-43-54> (In Russ.).
12. Karasik, V.I. (2000). *On types of discourse. Linguistic personality: institutional and personal discourse*. Volgograd. pp. 5–20. (In Russ.).
13. Ebzeeva, Yu.N. & Dugalich, N.M. (2018). Methodology for analyzing creolized text of political cartoon in the Arabic and French languages]. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 23(1), 127–133. <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2018-23-1-127-133> (In Russ.).
14. Bugaeva, I.V. (2011). Demotivators as a new genre in Internet communications: genre signs, functions, structure. *Stil'* 10, 147–158. (In Russ.).
15. Guseynova, L.D., Dugalich, N.M., Lomakina, O.V., Neliubova, N.Y. & Ebzeeva, Yu.N. (2022). The Reflection of the Socio-Cultural Context in Russian, French and Azerbaijani Internet Memes. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13(4), 1020–1043. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-4-1020-1043> (In Russ.).
16. Novospasskaya, N.V., Haddad, A. & Kolmykova, Ya. (2023). The Cultural Aspects of Ecological Non-Commercial Advertisements in Arabic and Kazakh. *Philology: Scientific Researches*, 6, 9–25. <https://doi.org/10.7256/2454-0749.2023.6.40833>. (In Russ.).
17. Dugalich, N.M. (2024). Medical Advertising as a Polycode Text Genre. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta Seriya Gumanitarny Nauki*, 166(1), 93–107. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.1.93-107> (In Russ.).
18. Dugalich, N.M. (2023). Constitutive Characteristics of a Medical Poster. *Russian Social and Humanitarian Journal*, 4. [Electronic resource]. URL: <https://www.evestnik-mgou.ru/jour/article/view/1366/1216> (accessed: 01/10/2024). <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2023-4-1366> (In Russ.).
19. Novospasskaya, N.V. & Dugalich, N.M. (2022). Terminological system of the polycode text theory. *Russian Language Studies*, 20(3), 298–311. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-3-298-311> (In Russ.).
20. Poimanova, O.V. (1994). Semantic space. Analysis of the Semantic Structure of the Video-verbal Text. In: *Information Structure of the Text*, 404. Moscow. pp. 9–16. (In Russ.).
21. Larionova, M.V. & Demkina, A.V. (2023). Semiotics of Emoticons and Emoji in the Discursive Space of Spanish Political Internet Communication. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(4), 1178–1200. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-4-1178-1200> (In Russ.).
22. Karasik, V.I. (2023). Discourse Emblems as the Object of Semiotic Analysis. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(4), 1122–1138. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-4-1122-1138> (In Russ.).

23. Fursov, A.B., Ospanov, O.B. & Fursov, R.A. (2021). Obesity and covid-19 — signs of convergence of two pandemics. Guidelines to fight obesity based on the principles of «ROOTS». *Obesity and Metabolism*, 18(4), 456–464. <https://doi.org/10.14341/omet12745> (In Russ.).

Сведения об авторах:

Эбзеева Юлия Николаевна, доктор социологических наук, доцент, первый проректор — проректор по образовательной деятельности, зав. кафедрой иностранных языков филологического факультета, Российский университет дружбы народов (117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6); *сфера научных интересов*: дискурсология, поликодовый текст, французский язык; социолингвистика, образовательная политика; *e-mail*: ebzeeva-yun@pfur.ru

ORCID: 0000-0002-0043-7590; Scopus Author ID 57194398624; Researcher ID: Q-7276-2016; SPIN-код: 3316-4356; AuthorID: 486267.

Дугалич Наталья Михайловна, кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой иностранных языков медицинского института, доцент кафедры иностранных языков филологического факультета, Российский университет дружбы народов (117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6); *сфера научных интересов*: дискурсология, поликодовый текст, политический дискурс, медицинский дискурс; *e-mail*: dugalich-nm@pfur.ru

ORCID: 0000-0003-1863-2754; Scopus Author ID: 57194526936; Researcher ID: K-8404-2017; SPIN-код: 2458-7744; AuthorID: 613580.

Information about the authors:

Yulia N. Ebzeeva, Ds.Cs. (Sociology), Associate Professor, the First Vice-Rector — Vice-Rector for Education, Head of the Foreign Languages Department, Faculty of Philology, RUDN University (6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation, 117198); *Research interests*: discourse studies, polycode text, French language, sociolinguistics, educational policy; *e-mail*: ebzeeva-yun@pfur.ru

ORCID: 0000-0002-0043-7590; Scopus Author ID 57194398624; Researcher ID: Q-7276-2016; SPIN-code: 3316-4356; AuthorID: 486267.

Natalia M. Dugalich, PhD in Philology, Associate Professor, Head of the Foreign Languages Department, of Medicine, Associate Professor of the Foreign Languages Department, Faculty of Philology, RUDN University (6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation, 117198); *Research interests*: discourse studies, polycode text, political discourse, medical discourse; *e-mail*: dugalich-nm@pfur.ru

ORCID: 0000-0003-1863-2754; Scopus Author ID: 57194526936; Researcher ID: K-8404-2017; SPIN-code: 2458-7744; AuthorID: 613580.

DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-3-821-840

EDN: HXTZLS

UDC 811.111'23:316.722:82-31

Research article / Научная статья

Exploring Cultural Layers: Code-Mixing in Bepsi Sidhwa's "Ice-Candy-Man"

Habibullah Pathan¹ , Urooj F. Alvi² , Oksana I. Aleksandrova³ ,
Nighat Sultana⁴

¹Sohar University, *Sohar, Oman*

²University of Education, *Lahore, Pakistan*

³RUDN University, *Moscow, Russian Federation*

⁴R Lahore Leads University, *Lahore, Pakistan*

 alexandrova-oi@rudn.ru

Abstract. This study delves into the nature and significance of underlying causes of code mixing in Bepsi Sidhwa's novel "Ice-Candy-Man". It reveals a notable prevalence of code mixing in English novel, rather than diminishing native dialects, the author highlights importance of non-native variety of Englishes i.e., Pakistani English. It acknowledges instances where English language may inadequately serve communication needs of the local population. It also involves in mixing of translations into other native languages, serving to supplement vocabulary gaps for conveying ideological concepts not easily expressed in English. Importantly, such borrowings are not intended to denigrate code-mixed English but rather to highlight its role in enriching expression. The objectives of this study are to identify and categorize various types of code-mixing utilized in Sidhwa's "Ice-Candy-Man" and ascertain frequency and context of each category of code-mixing words employed within the narrative to represent cultural and social values. It focuses on the conceptual frameworks established by Kachru (1983) and Modiano's model of English (1999). Speech Act Theory Austin (1963) has been used as fundamental theoretical framework. A total number of code-mixing words is 461, that is 3,8 % of the total amount of words in the novel. They were identified by thematic affiliation, scope of use, and by structural and grammatical characteristics. Each group was assessed in terms of frequency. Mixing words are identified in different categories, including anthroponymes and toponymes; possessive and addressive words, religious and routine words, clothing and food names, verbs and phrases, expressive interjections and invectives, they are used in performative, locutionary, assertive and expressive acts. It concludes that the incorporation of local words serves to emphasize the value of native languages and prompts considerations about the status of English as a lingua franca.

Keywords: native dialects, speech act theory, lingua franca

Financing. Acknowledgements:

This paper has been supported by the RUDN University Scientific Projects Grant System, project No 050738-0-000.

© Pathan H., Alvi U.F., Aleksandrova O.I., Sultana N., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Conflict of interests: The authors declare no conflict of interest.

Authors' contribution:

H. Pathan — the concept of the study, research methodology, U.F. Alvi — collection and processing of material, writing part of the text; N. Sultana — design of the study, collection and processing of material, writing part of the text; O. Aleksandrova — analysis of the data obtained, writing part of the text.

Article history:

Received: 01.06.2024

Accepted: 15.06.2024

For citation:

Pathan, H., Alvi, U.F., Aleksandrova, O.I. & Sultana, N. (2024). Exploring Cultural Layers: Code-Mixing in Bepsi Sidhwa's "Ice-Candy-Man". *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 15(3), 821–840. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-3-821-840>

В поисках культурных слоев: смешение кодов в романе Бапси Сидхвы «Человек-леденец»

Х. Патхан¹ , У.Ф. Алви² , О.И. Александрова³ , Н. Султан⁴

¹Сохарский университет, *Сохар, Оман*

²Университет образования, *Лахор, Пакистан*

³Российский университет дружбы народов, *Москва, Российская Федерация*

⁴Университет Лидса в Лахоре, *Лахор, Пакистан*

 alexandrova-oi@rudn.ru

Аннотация. Исследование посвящено анализу основных причин смешения кодов в романе Бапси Сидхвы «Человек-леденец». В работе продемонстрировано преобладание смешения кодов в англоязычных романах, а не предполагаемая тенденция к сокращению использования национальных диалектов. Авторы подчеркивают значимость национальных вариантов английского языка, в данном случае — пакистанского английского, хотя и признают наличие рисков коммуникативных неудач при его использовании местным населением. Смешение кодов характерно при переводе на другие родные языки, когда возникает необходимость заполнения лексико-семантических лакун и культуроспецифических концептов, которые сложно выразить на английском языке. Важно отметить, что активное использование заимствований при смешении кодов направлено на обогащение и выразительность англоязычного текста, и не представляется нам негативным явлением. Цель данного исследования — определить и классифицировать различные типы смешения кодов, используемые в романе Бапси Сидхвы «Человек-леденец», а также установить частотность и контекст употребления слов каждого типа смешения кодов, используемых в повествовании для репрезентации культурных и социальных ценностей. Основное внимание в работе уделяется концепции вариантов Расширяющегося круга, предложенной Качру (1983), и модели английского языка Модино (1999). В качестве теоретической базы использована теория речевых актов Остина (1863). В словарном массиве смешения кодов были обнаружены 461 (3,8 % от общего количества слов) единицы разных типов, выделенных как по тематической принадлежности, сфере употребления, так и по структурно-грамматическим характеристикам. Каждая группа оценивалась с точки зрения частот-

ности. Слова распределены по нескольким категориям: антропонимы и топонимы; притяжательные конструкции и обращения, религиозная и бытовая лексика, названия одежды и продуктов питания, глаголы и словосочетания, экспрессивные выражения, междометия и инвективы. Выявленные единицы использованы в герформативных, локутивных, ассертивных и экспрессивных речевых актах. Авторы приходят к выводу, что включение культуроспецифической лексики подчеркивает ценность и значимость родных языков, в связи с этим требуется пересмотр статуса и роли английского языка как лингва франка.

Ключевые слова: смешение кодов, родные языки, диалекты, теория речевых актов, лингва франка

Финансирование. Благодарности:

Статья подготовлена в рамках проекта № 050738-0-000 Системы грантовой поддержки научных проектов РУДН.

Заявление о конфликте интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов:

Х. Патан — концепция и методология исследования, У.Ф. Алви — сбор и обработка материала, авторство части текста; Н. Султана — оформление исследования, сбор и обработка материала, авторство части текста; О.И. Александрова — анализ полученных данных, авторство части текста.

История статьи:

Дата поступления: 01.06.2024

Дата приема в печать: 15.06.2024

Для цитирования:

Pathan H., Alvi U.F., Aleksandrova O.I., Sultana N. Exploring Cultural Layers: Code-Mixing in Bepsi Sidhwa’s “Ice-Candy-Man” // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 3. С. 821–840. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-3-821-840>

Introduction

Code-mixing involves ‘languages’ blending or simultaneously using two languages in speech, often when a speaker or writer incorporates words from their native language due to a perceived lack of suitable expressions in the original language. Code-mixing occurs within sentences, it can lead to language hybridization, posing challenges to language maintenance and potentially contributing to language shift and eventual extinction.

The current study carries out a corpus-based code-mixing analysis in Bepsi Sidhwa’s novel “Ice-Candy-Man”. While Pakistani and Indian English literature has been extensively examined, there remains a lack of corpus-based research in this field. Daily interactions of bilingual individuals frequently exhibit instances of code-mixing [1; 2]. This phenomenon is also evident in South Asian novels written in Pakistani English featuring characters and speech groups from Pakistan. Following Pakistan’s independence, many writers produced post-colonial English literature as a response to colonialism, incorporating Urdu terms into

their writings. Urdu, serving as a second language, holds significant esteem, and writers habitually integrate terms from their mother language into their writing when using the second language. Some researchers such as M.A. Malik, T. Azam, H. Pathan, and S. Khatoon [3] suggest that developing the teaching materials and assignments, teachers should consider the special needs of different mother tongue groups. This study emphasizes the importance of language in society and delves into code-mixing's sociolinguistic aspects, examining how linguistic barriers, cultural variables, domains, intrinsic message aspects, physical contexts, and stylistic motivations contribute to code-mixed statements' rationale. Code-mixing enriches readers' understanding of authors and diverse cultures, playing a pivotal role in the evolution of various English dialects, a subject explored in this study, particularly within the post-colonial context.

The study is aimed at identifying and categorizing different types of code-mixing utilized Sidhwa's "Ice-Candy-Man" and determining frequency of each category of code-mixing words representing cultural and social values.

J.F. Hamers and M.H.A. Blanc define code-mixing as the integration of components from one language into another, such as words, phrases, or clauses within the same sentence [4. P. 35]. The extent of code-mixing is subjective and perceived by the speakers of the language, sparking interest among readers and encouraging them to engage with the material. G. Ansre [5] highlighted early facts of code-mixing between English and West African languages in West Africa, emphasizing its role in demonstrating English's impact on local languages. Code-switching and code-mixing have diverse definitions among different authors. V.L. Lanz [6], for instance, uses the term "code mixing" interchangeably with intra-sentential "code switching," while others, like C.W. Pfaff [7], extend the definition of code-mixing to include borrowings. P. Muysken [8. P. 1] broadens the description to include variations in grammatical features. These varying perspectives contribute to a nuanced understanding of code-mixing in linguistic studies.

As for code-mixing in Eastern literary studies, it was investigated in terms of its deliberate use to preserve Eastern culture and challenge linguistic hegemony, see, for example, M. Taliya, A. Irfan, and X. Xing [9] whose research underscores the role of Ahmed Ali's novel "Twilight in Delhi" in reconstituting the English language and advocating for linguistic diversity. Shanza Munir and Zahida Hussain [10] analyze the code switching and code-mixing in Nadeem Aslam's novels and reveal the prevalence of intra-sentential switching and insertion, highlighting the representation of culture and mode of address in South Asian Englishes. The previous studies of Bapsi Sidhwa's "Ice-Candy-Man" focus mostly on discourse analysis and social problems, postcolonial themes and female characters [11–16]. The present work aims to explore how Bapsi Sidhwa contextualizes her message through the utilization of social and cultural expressions, employing the technique of code-mixing.

Theoretical approach of this research is based on the conceptual frameworks established by B. Kachru [17] and M. Modiano's model of English [18], integrated with the Speech Act Theory [19] in order to elucidate the contextual meanings of words in specific circumstances and atmospheres. Code-mixing technique aims to convey genuine expressions occurring situations through communication and serves to portray local cultures and social values.

Research Methodology and Data Analysis

Corpus method was applied in this study as it helps to investigate the categories and frequency [20] of code-mixing words used in "Ice-Candy-Man". Selected novel was downloaded from the internet and converted into word file for analysis. Sketch Engine corpus analysis tool was applied to analyze the data. Data was searched for term code-mixing, where the search term position was single word. Each code-mixing word was explored with its frequency to express local cultures and social values that was depicted by the author of novel.

In the present study word list was used to determine the total numbers and frequency of words, used in code-mixing to express the contextual in the certain circumstances. The code-mixed expressions collectively contribute to the religious and cultural diversity within the corpus. The numbers associated with each code-mixed expression indicate their frequency of occurrence in the corpus. It throws light on the prevalence and importance of these code-mixed terms.

1. The first group of words, that could not be avoided when an authentic picture of any cultural context is depicted, is a group of proper names. The central figure in any novel is usually a human, that is why the most numerous and frequent group of mixing words include lexemes naming people.

Table 1 combines anthroponyms, ethnonyms, kinship terms and naming words. The names appear to be predominantly in native languages, possibly reflecting names from a diverse cultural and regional background. The analysis aligns with the Speech Act Theory, as names contribute to performative acts, expressing cultural identity, affiliations, and interpersonal relationships. They play a vital role in shaping the communicative context and enriching the overall discourse

Possessive nouns presented in Table 2 involve code-mixing by combining English possessive forms with names of different linguistic origins (Arabic and Urdu). So, local native words are introduced into the English language grammatical system, mixing the languages. It proves use of mixing technique in the novel written in English instead of just mechanic borrowings of non-equivalent words. The mixing words found by the corpus manager are presented in Table 2.

The words from Tables 1 and 2 are complemented by a big number of addressing words that include proper names, honorific words, names of professions and positions, kinship terms, casts, religion and social status and so on. These addressing forms are original and do not repeat the words from the first table.

Table 1

Anthroponyms, ethnonyms, kinship terms, naming words

Sr. No	Word. No	Word	Frequency	Sr. No	Word. No	Word	Frequency
1	91	Imam	130	25	2402	Parveen	4
2	92	Adi	130	26	2442	Khatija	4
3	104	Din	113	27	2962	Daulatrams	3
4	124	Singh	93	28	3112	Ramzana	3
5	198	Rana	84	29	3209	Shankar	3
6	147	Masseur	77	30	3308	Baisakhi	3
7	151	Sikh	74	31	3816	Yakoob	3
8	194	Hamida	54	32	4292	Bhagwandas	2
9	222	Papoo	47	33	4593	Guptas	2
10	277	Khan	37	34	4880	Hindustan	2
11	290	Sharbat	36	35	4935	Ahmed	2
12	317	Muccho	33	36	5002	Brahmin	2
13	466	Punjabi	22	37	5451	Faiz	2
14	497	Nehru	21	38	5957	Ranjeet	1
15	551	Gandhi jee	18	39	6085	Bhagwan	1
16	763	Himat	13	40	6245	Ganga	1
17	667	Noni	11	41	6791	Sharmas	1
18	887	Moti	11	42	7315	Himat-ali	1
19	1053	Mumtaz	9	43	7858	Imtiaz	1
20	1109	Tara	9	44	8121	Deepa	1
21	1616	Tota	6	46	8530	Jawaharlal	1
22	1645	Shankars	6	47	8673	Jullunder	1
23	1795	Ravi	6	48	8680	Jumha	1
24	2195	Sethi	5				

Source: Habibullah Pathan, Urooj F. Alvi, Oksana I. Aleksandrova, Nighat Sultana's study.

Table 2

Possessive nouns

Sr. No	Word. No	Word	Frequency	Sr. No	Word. No	Word	Frequency
1	179	Ayah's	62	16	4557	Shankar's	2
2	502	Masseur's	21	17	4766	Baijee's	2
3	575	Singh's	17	18	4956	Bankwalla's	2
4	626	Adi's	16	19	5948	Ramzana-the-butcher's	1
5	649	Hari's	15	20	6422	Gita's	1
6	716	Papoo's	14	21	6513	Sarkar's	1
7	734	Rana's	14	22	6768	Shahjehan's	1
8	942	Chaudhry's	10	23	6925	Sikh's	1
9	1540	Hamida's	6	24	6928	Sikhs'	1
10	1544	Shankars'	6	25	7866	Daulatram's	1
11	2011	Muccho's	6	26	7978	Thug's	1
12	2434	Allah's	5	28	8460	Aunty's	1
13	2912	Sahib's	4	29	8651	Judas's	1
14	3415	Mullah's	3	30	10591	Chidda's	1
15	4198	Daulatrams'	3	31	11928	Raj's	1

Source: Habibullah Pathan, Urooj F. Alvi, Oksana I. Aleksandrova, Nighat Sultana's study.

Table 3

Addressing words

Sr. No	Word. No	Word	Frequency	Sr. No	Word. No	Word	Frequency
1	44	Ayah	364	40	5612	Vazir	2
2	209	Mini	49	41	5502	Jan	2
3	234	Aunti	45	42	5861	Punjabis	2
4	425	Pindo	24	43	5958	Ranjah	1
5	600	Sahib	16	44	6108	Bibi	1
6	651	Jana	15	45	6363	Ghalib	1
7	684	Chaudhry	14	46	6477	Sahibs	1
8	788	Roda bai	12	47	6769	Shah	1
9	938	Baigee	10	48	6915	Hakeem	1
10	1260	Chotay	8	49	6926	sikh-muslim	1
11	1424	Mussulmans	7	50	6934	Boa	1
12	1436	Pathan	7	51	7107	Hawalдар	1
13	1535	Baba	6	52	7195	Heer	1
14	1572	Bankwalla	6	53	7600	Sufjee	1
15	1618	Pakistani	6	54	7690	Dai	1
16	1632	Guru	6	55	8504	Janab	1
17	1973	Ayahs	5	56	8521	Jat	1
18	1983	Sohni	5	57	8552	Jamadar	1
19	2190	Sehra	5	58	8647	Judas	1
20	2312	Mussulman	4	59	8718	Kapadia	1
21	2532	Sarkar	4	60	8778	Khalsa	1
22	2904	Banya	3	61	8851	Sathi	1
23	3024	Janoo	3	62	9621	Maharaja	1
24	3157	Kashmiri	3	63	9626	Mai	1
25	3227	Gurus	3	64	9657	Malijee	1
26	3407	Chacha	3	65	9661	Mamajee	1
27	3540	Pahailwan	3	66	9775	Abba	1
28	4175	Swaraj	2	67	9810	Balmy	1
29	4236	Tongawallah	2	68	9814	Mehta	1
30	4404	Congress-wallahs	2	69	10085	Mota	1
31	4654	singh-jee	2	70	10161	Multani	1
32	4951	Amma	2	71	10180	Murdabad	1
33	4959	Mocha	2	72	10267	Chaprasi	1
34	5067	Musses	2	73	10806	Pahialwan	1
35	5068	Musslas	2	74	11071	Fakirs	1
36	5069	Muslin	2	75	11322	Vazirini	1
37	5073	Sufi	2	76	11763	Pukka-sahib	1
38	5283	Thug	2	77	11922	Zemindari	1
39	5360	Pandit	2	78	11927	Rajput	1

Source: Habibullah Pathan, Urooj F. Alvi, Oksana I. Aleksandrova, Nighat Sultana's study.

Several words in the dataset exhibit code-mixing by combining English words with words from Hindi and Urdu, reflecting cultural and linguistic diversity. The frequencies of addressing words provide an indication of the usage prevalence of each term. The dataset, within the framework of Speech Act Theory, primarily involves assertive and expressive speech acts. The code-mixing serves as an expressive act, contributing to the cultural and linguistic diversity of the names.

The next block of words that are necessary for reflection of local cultures includes toponyms and more generally names of different places.

Table 4

Place names, toponyms

Sr. No	Word. No	Word	Frequency	Sr. No	Word. No	Word	Frequency
1	461	Jail	20	16	4545	Shahdara	2
2	474	Waris	22	17	4797	Balconies	2
3	545	Amritsar	18	18	54060	Pathankot	2
4	668	Mandi	17	19	5504	Peshawar	2
5	835	Kotha	12	20	6847	Guffaws	1
6	936	Mozang	10	21	6872	Gurdwara	1
7	1055	Shalmi	9	22	6892	Sialkot	1
8	1113	Bazaar	9	23	6894	Gymkhana	1
9	1201	Gurdaspur	8	24	6938	Simla-pahari	1
10	2123	Chawk	5	25	8252	Dehra	1
11	2158	Bhatti	5	26	8485	Jails	1
12	2551	Shalimar	4	27	8960	Kot-rahim	1
13	2650	Falettis	4	28	9646	Makipura	1
14	2734	Chungi	4	29	9964	Misri shah	1
15	3473	Darbar	3	30	10007	Mohalla	1

Source: Habibullah Pathan, Urooj F. Alvi, Oksana I. Aleksandrova, Nighat Sultana's study.

The place names appear to be predominantly in one language, possibly reflecting names from various geographical locations. The inclusion of names like *Jail*, *Amritsar*, *Gurdwara*, and others reflects cultural and historical references, providing insights into the cultural diversity and historical significance of the locations. In the context of Speech Act Theory the dataset predominantly involves assertive and locutionary acts, providing information about the existence and frequency of various place names.

2. The second big group of mixing words includes words describing realities. It covers words related to specific practices, daily routine, everyday items, cloths, food etc. One of the striking specific cultural features of the material is religious vocabulary.

Table 5

Religion terms

Sr. No	Word No	Word	Frequency	Sr. No	Word No	Word	Frequency
1	554	Allah	18	16	6458	Saalam	1
2	858	Mullah	11	17	6481	salaam-alekum	1
3	1424	Mussulmans	7	18	6482	Salaams	1
4	1945	Allah-o-Akbar	5	19	6770	Shaitans	1
5	2434	Allah's	4	20	6771	Shaitan	1
6	2465	Koran	4	21	7600	Sufjee	1
7	2861	Badshahi masjid	3	22	7724	Illallah	1
8	3415	Mullah's	3	23	8586	Dervish	1
9	3473	Darbar	3	24	8737	allah-ki	1
10	4413	Kasam	2	25	8802	allah-o	1
11	4232	Toba	2	26	9304	Azan	1
12	5068	Musslas	2	27	10395	Nikah	1
13	5069	Muslim	2	28	11908	Rahman	1
14	5004	Eid	2	29	11909	Rahim	1
15	5631	Kalma	2	30	8737	allah-ki kasam	1
16	5073	Sufi	2				

Source: Habibullah Pathan, Urooj F. Alvi, Oksana I. Aleksandrova, Nighat Sultana's study.

In this context code-mixing enables speakers to convey nuanced meanings related to spirituality, greetings, and landmarks. The hidden meanings are deeply connected to religious sentiments and cultural references, allowing for a more nuanced and culturally rich communication. In the realm of Speech Act Theory, these code-mixed expressions serve various functions, such as expressing greetings, making promises, and discussing cultural or religious topics.

The next group of mixing words covers everyday realities, namely clothing names, names of different food, names of everyday items, words used in everyday life and traditional practices etc. Some semantic groups (clothing, food) are highlighted separately due to their greater number, the others are just mentioned in Table 8. In addition, verbs and phrases were found among mixing words, it illustrates mixing technique not only on lexical but also on grammatical level in one utterance. The following tables present the mixing words identified in the text under study.

Clothing names

Sr. No	Word. No	Name	Frequency	Sr. No	Word. No	Name	Frequency
1	220	sari	48	20	9606	shalwars	2
2	570	lungi	17	21	4969	banyan	2
3	721	dohti	14	22	4972	banyans	2
4	885	shawl	11	23	6511	sari-blouses	1
5	1036	saris	9	24	6778	shalwar-kamize	1
6	1477	lungis	7	25	6802	shawls	1
7	1617	shalwar	6	26	7271	bosky	1
8	1941	burka	5	27	8738	achkan	1
9	2124	pyjamas	5	28	8769	burkas	1
10	2126	khaddar	5	29	8836	dhoti-clad	1
11	2262	dhoties	5	30	8968	kulah	1
12	2399	chuddar	4	31	8972	kurta	1
13	3171	sandals	3	32	8973	kulla	1
14	3332	bosky-silk	3	33	10152	muffler	1
15	3920	sari-clad	2	34	10162	multani-silk	1
16	4062	topi	2	35	10924	pashmina	1
17	4260	garara	2	36	11793	pardah	1
18	4451	sari-blouse	2	37	11820	pyjama	1
19	4555	shalwar-kamizes	2				

Source: Habibullah Pathan, Urooj F. Alvi, Oksana I. Aleksandrova, Nighat Sultana's study.

The dataset reflects a diversity of code-mixed clothing items, with varying frequencies, indicating the prevalence of specific items in the given context. The dataset, within the framework of Speech Act Theory, primarily involves assertive and expressive speech acts. The code-mixing serves as an expressive act, contributing to the cultural and linguistic diversity of the descriptions. The various clothing items and their frequencies provide a comprehensive overview of the garments associated with South Asian cultures.

This table also exhibits examples of code-mixing, where English words are combined with words from South Asian languages, particularly Hindi and Urdu. The words *naswar*, *tobacco-naswar*, *Gurkha*, *Paan* indicate the drug nature people living in the society. The dataset primarily involves assertive and expressive acts. The code-mixing serves as an expressive act, contributing to the cultural and linguistic diversity of the food descriptions. The various food items and their frequencies provide a comprehensive overview of the culinary items associated with South Asian cultures.

The words cover a range of contexts, from cultural and traditional terms to everyday words, objects, expressions, some of which are daily usable or related to specific cultural contexts, providing a diverse set of terms with varying frequencies.

The dataset showcases makes a mix of English and Hindi and Urdu words and involves locutionary acts, where linguistic expressions has been used to convey information about various items. The code-mixing further enhances the linguistic dimension, serves as an expressive act, contributing to the cultural and linguistic diversity of the object descriptions. It is important to say that some of Hindi and Urdu words from this table have equivalents in English (*Murg* — chicken, *Ghoongat* — snail, *Aatish* — fire, *Glee* — throat, *Gulab* — rose etc.). In addition to nouns, adverbs, pronouns, conjunctions, and prepositions are presented (*Tu* — so, *Aab* — now, *Pry* — beyond, *Meri* — mine, *Mujh*, *Mujhe* — me, etc.), this illustrates insertion of material from one language into the structure from the other language [8. P. 3]. No less interesting is the use of verbs and phrases in the text under study, see examples in Tables 7 and 8.

Table 7

Food names, gastronomes

Sr. No	Word. No	Name	Frequency	Sr. No	Word. No	Name	Frequency
1	1183	Chapatties	8	12	6362	Ghadka	1
2	1254	Hookah	8	13	6857	Gulab-jamans	1
3	2097	Chapatti	5	14	7703	Dal	1
4	2154	Paan	5	15	8490	Jalebis	1
5	3115	Raspberry	3	16	8748	Kebab	1
6	3228	Gurkha	3	17	8775	Rutti	1
7	3872	Makhan	2	18	8961	Korma	1
8	3887	Biryani	2	19	9651	Malida	1
9	4634	Halva	2	20	9734	Masala	1
10	5345	Pakorass	2	21	10272	Naswar	1
11	5378	Parathas	2	22	10738	Tobacco-naswar	1

Source: Habibullah Pathan, Urooj F. Alvi, Oksana I. Aleksandrova, Nighat Sultana's study.

Routine words and object names

Sr. No	Word. No	Name	Frequency	Sr. No	Word. No	Name	Frequency
1	723	Tonga	14	38	4978	Eddy	2
2	1048	Charpoy	9	39	4993	Mortar	2
3	1278	Khaki	8	40	5484	Jab when	2
4	1614	Tongas	6	41	5513	Jashan	2
4	1871	Mugs	5	42	5933	Zamana	2
5	1822	Ghoongat	5	43	6430	Blabs	1
6	2470	Koochuck	4	44	6592	Gota	1
7	2541	Kohl	4	45	6853	Gulab	1
8	2838	Zindabad	4	46	6366	Ghar	1
9	2324	Gullies	4	47	6779	Sham	1
10	2704	Attar	4	48	7369	ho-o-o-li	1
11	2819	Punka	4	49	7114	Hawkish	1
12	2324	Gullies	4	50	7108	Hawa	1
13	2991	Charpoy	3	51	7369	table-fan	1
14	3172	Dhurrie	3	52	7804	Tamba	1
15	3256	Siri	3	53	7827	Darwaza	1
16	3393	Baraat	3	54	7404	Holi	1
17	3644	Billa	3	55	7605	Brats	1
18	3768	Pry	3	56	8254	Tu	1
19	3101	Bengal	3	57	8298	Tusi	1
20	3307	Dough	3	58	8862	Aab	1
21	3317	Maroon	3	59	8954	Koi	1
22	4419	Glee	2	60	8459	Bulb	1
23	4658	Sissy	2	61	8583	Jharoo	1
24	4669	Bodhi	2	62	8785	khut-putli	1
25	4677	Loot	2	63	8822	Dhawan	1
26	4746	Doolha	2	64	8858	Dhurries	1
27	3875	Gaudy	2	65	8959	kookadaru	1
28	3994	Gutter	2	66	8969	Kuch	1
29	4109	Cuddly	2	67	9117	Aatish	1
30	4147	hulla-goolla	2	68	9250	Cajoles	1
31	4154	Brat	2	69	9855	Meri mine	1
32	4336	Bihar	2	70	10184	Murg	1
33	4535	Settee	2	71	10396	tabla-drum	1
34	4539	Shabash	2	72	10773	Ankhe	1
35	4480	Whacks	2	73	10153	Mujh	1
36	4605	Baar	2	74	10157	Mujhe	1
37	4611	Guzri	2	75	10820	Paisay	1

Source: Habibullah Pathan, Urooj F. Alvi, Oksana I. Aleksandrova, Nighat Sultana's study.

Table 9

Verbs

Sr. No	Word. No	Name	Frequency	Sr. No	Word. No	Name	Frequency
1	4587	Aye	2	10	7068	Hasi	1
3	4642	Bachao	2	11	7786	Talash	1
4	4762	Bolay	2	12	8282	Dekhna	1
5	5491	Jai	2	13	8287	Dekko	1
6	5548	Israr	2	14	8735	Karmas	1
7	6127	Bhool	1	15	9546	Badmashi	1
8	6431	Bizarre	1	16	9751	Masti	1
9	6971	Siski	1	17	8281	Dekho	1

Source: Habibullah Pathan, Urooj F. Alvi, Oksana I. Aleksandrova, Nighat Sultana's study.

This table represents how Urdu and Hindi verbs are used to create colloquial tone and strong expression in the communication. These verbs cover a range of actions, emotions, and expressions (for example, *aye* — (informally) come, *callow* — behave, *bachao* — save, help, *bolay* — says, *jai* — vin (victory, glory), *israr* is used for insist, reflects determination or emphasis. Verbs with frequency 1 — *bhool*, *hasi*, *talash*, *dekhna*, *dekko*, *karmas*, *badmashi*, *masti*, *dekho* have been used to express the strong contextual meanings according to situation (*dekko* and *dekhna* involve seeing or looking; *hasi* and *masti* are related to laughter and enjoyment. *Badmashi* implies mischief, etc.). The chosen verbs carry emotional nuances, contributing to the tone of the communication.

Table 10

Phrases

Sr. No	Word. No	Word	Frequency
1	7038	hari-alias-himat-ali's	1
2	7039	hari-alias-himat-ali	1
3	7237	henna-decorated	1
4	7405	holi-with-their-blood	1
5	7792	talcum-powdered	1
6	9130	shab-e-intezar	1
7	10573	chi-chi-chiwallal	1

Source: Habibullah Pathan, Urooj F. Alvi, Oksana I. Aleksandrova, Nighat Sultana's study.

The given phrases contribute to express the emotions, identity and reactions, the meanings of these phrases rely on shared cultural knowledge and context. Phrases involving names or identities contribute to personal acts, shaping individual or group representations. The material showcases a diverse range of code-mixed expressions, incorporating cultural, emotional, and identity-related elements. The use of multiple languages and cultural references adds depth and nuance to the communication, making it rich and context dependent.

3. The third group of mixing words is associated with the emotional and expressive stylistic function of language. It includes number of interjections and exclamations as well as invectives.

Table 11

Expressions, interjections and exclamations

Sr. No	Word. No	Word	Frequency	Sr. No	Word. No	Word	Frequency
1	260	Oh	39	23	4163	Hush	2
2	356	Oye	29	24	4195	Teetering	2
3	853	Chi	11	25	4574	Shies	2
4	1277	Ho	8	26	4794	Soo	2
5	1289	Wah	8	27	5266	Oof	2
6	1423	Arrey	7	28	5758	Wha	2
7	1538	Ha	6	29	7320	ah-ha	1
8	1838	Ah	5	30	7375	aha-hurrr	1
9	1888	Na	5	31	7521	aiiii-yo	1
10	2003	Eeriee	5	32	7649	hush-hush	1
11	2177	Um	5	33	8607	a-y-a-h	1
12	2308	Hum	4	34	8996	Whooooo	1
13	2350	Tch	4	35	9118	Aaaaaa	1
14	2362	Tendon	4	36	9213	Yaaaa	1
15	2828	Ya	4	37	9219	Yay	1
16	2840	Shoo	3	38	10476	tch-tch-tch	1
17	2995	Hisses	3	39	10585	oh's	1
18	3026	Jee	3	40	10590	oh-ho	1
19	3334	Hey	3	41	11056	Ummm	1
20	3599	Umm	3	42	11415	pooch-pooch	1
21	3856	slurp-slurp	2	43	11936	Aeeee	1
22	3865	Hay	2				

Source: Habibullah Pathan, Urooj F. Alvi, Oksana I. Aleksandrova, Nighat Sultana's study.

Table 9 consists of interjections and exclamations that carry cultural and emotional connotations. These interjections and their potential hidden meanings, analyzed in the perspective of Speech Act Theory, have different origins. Some of them are quite universal (*Oh, Ah, Ha, Hey*, etc.) the others are rather culturally specific (*Oye* — attention-seeking, calling someone, or expressing surprise; *Chi* — disgust and disapproval, *Wah* — praise or admiration, *Arrey* attention-seeking, surprise, or disbelief, *Eeriee* — surprise, realization, and emphasis, etc.). These interjections play a crucial role in communication by not only expressing emotions but also shaping the overall tone and style of the interaction, they go beyond literal meanings, influencing the social dynamics and emotional atmosphere in a conversation.

Another emotional and highly expressive linguistic means is an invective that is often culturally specific.

Table 12

Invectives

Sr. No	Word. No	Name	Frequency	Sr. No	Word. No	Name	Frequency
1	1184	Goondas	8	13	7011	Haram-khor	1
2	1547	Badmash	6	14	7020	Haramzadas	1
3	2273	Dungarwadi	4	15	7021	Haramzada	1
4	3352	Duffa	3	16	7023	Haramzadi	1
5	3482	Tamasha	3	17	8327	Buckwas	1
6	3624	Jinn	3	18	8366	Ullu-kay-pathay	1
7	4405	Giders	2	19	8367	Uloo	1
8	5330	Choorail	2	20	8698	Jungly	1
9	5410	Buck	2	21	10396	Nimak-haram	1
11	6570	Goonda	1	22	10809	Choorails	1
12	6571	Goondaish	1				

Source: Habibullah Pathan, Urooj F. Alvi, Oksana I. Aleksandrova, Nighat Sultana's study.

Table 10 presents the invectives, swearing, abuse words that are used to describe unruly behavior and colloquial tone of the communication. The words are derived from Arabic, Urdu and its dialects and are used as colloquial expressions to describe aggressive behavior, for example, *goondas* (Urdu) refers to ruffians or hooligans, *badmash* is used to rogue or mischievous action, *dungarwadi* shows regional and cultural specificity to the description of people, *jinn* (Arabic) refers to supernatural beings or spirits and invokes a sense of mystery and the supernatural in people, *choorail* is often used colloquially to refer to a witch or a frightening woman

and carries a derogatory connotation, *haram-khor* describes someone engaging in forbidden or unethical activities, it carries a strong, judgmental tone, often used to express disapproval, etc. It is interesting that some of compound words also demonstrate mixing technique, since one morpheme in their structure is originally Arabic the other is from Urdu (for example, *haram-khor*, *haramzada*, *nimak-haram*).

So, three groups of mixing words with different semantics, grammatical features and pragmatic functions were identified in the research material. The corpus-assisted analysis of the text allowed find some interesting results related to code-mixing and developing Indian and Pakistani English.

Findings and Discussion

The analysis of code-mixing in Bapsi Sidhwa’s novel “Ice-Candy-Man” provides insightful findings, revealing a deliberate and effective use of linguistic strategies to convey cultural, religious, and social nuances. Employing a qualitative method and drawing on conceptual frameworks such as Kachru (1983), Modiano’s model of English (1999), and Speech Act Theory, the study explored various categories of code-mixed words and their frequencies.

The total number of selected non-English mixing words is 461, that is 3,9% of all words in the book analyzed, among them the number of unique mixing words is 391, some of them get grammatical forms in English (possessive, plural forms, compound words). The number of mixing words with the frequency 1–2 is 180, that is 46% of total numbers of words analyzed. This fact indicates a wide variety of mixed vocabulary included in the text. The study identified distinct categories of code-mixing, with varying frequencies. The diversity of code-mixed words reflects the nuanced approach employed by the author to convey different cultural and linguistic elements. The frequencies of each category provide insights into the prominence of certain themes within the narrative. The given chart expresses the use of code-mixing in English language:

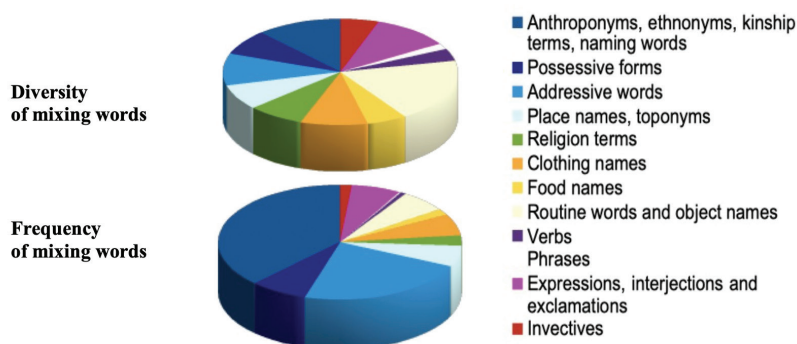

Fig. 1. Diversity and frequency of mixing words

Source: Habibullah Pathan, Urooj F. Alvi, Oksana I. Aleksandrova, Nighat Sultana’s study.

Categorization of words derived by Sketch Engine for corpus analysis should be carried out on the basis of several factors: 1) the presence of equivalence in the second language, 2) belonging to a semantic group, 3) sphere of use, 4) grammatical features, 4) pragmatic and stylistic function.

The analysis of names has revealed a mix of linguistic origins, suggesting a diverse cultural landscape. Possessive nouns were code-mixed to emphasize relationships and cultural identities, these forms illustrate grammatical insertion of native words into English. The analysis of addressing names highlights instances of code-mixing in personal identities. The frequencies of specific names add layers of cultural richness to the narrative, showcasing a deliberate selection of terms. Code-mixing contributes to a diverse linguistic landscape, reflecting the multicultural context. The analysis of place names indicated a predominantly single linguistic or cultural origin, with an absence of clear instances of code-mixing in this category. While historical and cultural references are present, the dataset suggests a more focused approach to maintaining the authenticity of specific locations.

The incorporation of religious terms emphasized the novel's focus on cultural and religious diversity. These instances contributed to a rich portrayal of spirituality and traditions, aligning with the broader cultural context. The dataset reveals a diversity of code-mixed clothing items, with varying frequencies. Terms like *Sari*, *Lungi*, and *Dohti* predictably exhibit high frequencies, emphasizing their cultural significance. Code-mixing is evident in food-related terms, combining English with Hindi and Urdu. High-frequency items like *Chapatties* and *Hookah* reflect their cultural prominence. The dataset provides a comprehensive overview of code-mixed culinary expressions, adding cultural and linguistic richness. Code-mixing in daily usable words contributed to a vibrant and expressive narrative. These terms perform assertive and expressive acts, conveying cultural and emotional nuances in various contexts.

Verbs in the dataset contribute to a colloquial tone, expressing actions, emotions, and emphasis. The chosen verbs carry nuanced meanings, contributing to the overall tone of the communication. Phrases involve names, emotions, and cultural references contribute to personal acts and identity representation. The meanings of phrases are context-dependent, relying on shared cultural knowledge. Use of native phrases “lead to more complete activation of the second grammar” [8. P. 9], making code-mixing more evident. Emotional dynamics is shown by code-mixing with authentic interjections, colloquial words and invectives, adding cultural specificity and emotional intensity to the descriptions.

The analysis indicated effective use of code-mixing in various linguistic contexts. The dataset reflected a conscious effort to convey cultural, emotional, and identity-related nuances, enriching the overall communication. Code-mixing emerged as a powerful linguistic tool, shaping the narrative and fostering a deeper understanding of the cultural and linguistic diversity within the given contexts.

Conclusions

The analysis of code-mixing in Bapsi Sidhwa's novel "Ice-Candy-Man" provided a comprehensive understanding of its deliberate and effective use to convey cultural, religious, and social nuances. The study, employing conceptual frameworks such as Kachru's, Modiano's model of English, and Speech Act Theory, explored various categories of code-mixing and their frequencies. Findings revealed a diverse linguistic landscape within the novel, emphasizing the importance of code-mixed expressions in portraying cultural richness. The incorporation of diverse names, possessive nouns, addressing forms, religious terms, clothing and food items highlighted the novel's emphasis on cultural, social and religious diversity. Routine words, verbs, phrases, conjunctions, expressions, and invectives contributed to a vibrant and expressive narrative, reflecting a conscious effort to convey nuanced meanings. Speech Act Theory underscores the multifunctional role of code-mixing, serving various communicative purposes beyond its linguistic function. Additionally, the study suggested potential impacts on language maintenance and shift, as code-mixing challenges language purity while emphasizing the value of native languages. It provided a robust foundation for exploring the intricate interplay between language, culture, and communication. Consequently, code-mixing in Bapsi Sidhwa's novel is a deliberate and effective linguistic strategy, contributing to a nuanced and culturally resonant narrative. It sheds light on the complex dynamics within post-colonial literature, prompting further exploration of language, culture, and effective communication.

References / Библиографический список

1. Krasina, E.A. & Jabballa, M.X. (2018). Code-Switching: State-of-the Art. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 9(2), 403–415. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2018-9-2-403-415>
2. Zharkynbekova, S.K. & Chernyavskaya, V.E. (2022). Kazakh-Russian Bilingual Practice: Code-Mixing as a Resource in Communicative Interaction. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13(2), 468–482. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-2-468-482> (In Russ.).
Жаркынбекова Ш.К., Чернявская В.Е. Казахско-русская билингвальная практика: смешение кода как ресурс в коммуникативном взаимодействии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. № 13(2). С. 468–482. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-2-468-482>
3. Malik, M.A., Azam, T., Pathan, H., & Khatoon, S. (2022). Influence of mother tongue on English writing: An error-analysis study about Grade 9 students in Pakistan. *3L: Language, Linguistics, Literature* ®. *The Southeast Asian Journal of English Language Studies*, 28(2), 83–94. <https://doi.org/10.17576/3L-2022-2802-06>
4. Hamers, J.F. & Blanc, M.H.A. (1989). *Bilinguality and Bilingualism*. Cambridge: Cambridge University Press.
5. Ansre, G. (1971). The Influence of English on West African Languages. In: *J. Spencer* (Ed.). *The English Language in West Africa*. Ibadan: Ibadan University Press.
6. Lanz, V.L. (2011). El cambio de código español-inglés como creatividad lingüística presentación de la imagen en tweets escritos por tijuanaenses. *Jornadas de Lenguas en Contacto*, 1, 64–73.

7. Pfaff, C.W. (1979). Constraints on language mixing: Intrasentential code-switching and borrowing in Spanish/English. *Language*, 55(2), 291–318.
8. Muysken, P. (2001). *Bilingual Speech. A Typology of Code-Mixing*. Cambridge: Cambridge University Press.
9. Taliya, M., Irfan A., & Xing, X. (2022). Bilingualism in Pakistani Fiction: The Analysis of Twilight in Delhi by Ahmed Ali. *UW Journal of Social Sciences*, 5(1), 237–252.
10. Munir, Sh. & Hussain, Z. (2023). Code switching and code mixing in the selected novels of nadeem aslam. *PalArch's Journal of Archaeology of Egypt. Egyptology*, 20(2), 307–318.
11. Dey, A. (2018). The Female Body as the Site of Male Violence during the Partition of India in Bapsi Sidhwa's "Ice Candy Man". *Complutense Journal of English Studies*, 26, 27–45. <https://doi.org/10.5209/CJES.54661>
12. Rashid, A., Ali, A., & Abbas, S. (2020). Sketching Women: A Corpus-Based Study of Female Protagonist in A Dolls House. *Global Language Review*, V (IV), 34–44. [https://doi.org/10.31703/glr.2020 \(V-IV\).05](https://doi.org/10.31703/glr.2020 (V-IV).05)
13. Ali, A., Rashid, A. & Sultan, A. (2020). Oppression of Women in Pakistani Society: A Corpus-Based Study of Patriarchy in Sidhwa's The Pakistani Bride. *Global Language Review*, V (III), 61–67. [https://doi.org/10.31703/glr.2020 \(V-III\).07](https://doi.org/10.31703/glr.2020 (V-III).07)
14. ur Rehman, Sh. & Karim, A. (2016). Interrogation of gender binaries in Sidhwa's Ice Candy Man from Butlerian perspective. *Gomal University Journal of Research*, 32(1), 87–95.
15. Anwar, B., Kayani, A.I., & Kiyani, A.I. (2022). Representation of Man and Woman in the Selected Novels of Sidhwa and Singh: A Corpus Stylistic Analysis. *Linguistic Forum*, 4(3), 78–89, <http://doi.org/10.53057/linfo/2022.4.2.3>
16. Feng, P.C. (2011). Birth of nations: Representing the partition of India in Bapsi Sidhwa's Cracking India. *Chang Gung Journal of Humanities and Social Sciences*, 4(2), 225–240.
17. Kachru, B. (1985). Standards, codification and sociolinguistic realism: English language in the outer circle. In: R. Quirk & H. Widowson (eds.). *English in the world: Teaching and learning the language and literatures*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 11–36.
18. Modiano, M. (1999). International English in the global village. *English Today*, 15(2), 22–27. <https://doi.org/10.1017/S026607840001083X>
19. Austin, J.L. (1962). *How to do things with words*. Oxford: Oxford University Press.
20. Biber, D. (2011). Corpus linguistics and the study of literature: Back to the future? *Scientific Study of Literature*, 1(1), 15–23.

Information about the authors:

Habibullah Pathan, PhD in Philology, Research Professor, Faculty of Language Studies, Sohar University (Al Jameah Street, Sohar, Al-Batinah, Oman, 3111); *e-mail*: Hpathan@su.edu.om
ORCID: 0000-0003-3425-3594; Scopus Author ID: 57221613434; Researcher ID: AAV-7602-2020.

Urooj F. Alvi, PhD in Philology, Assistant Professor, Department of English, Division of Arts and Social Sciences, the University of Education (Rati Gun Rd, Lower Mall, Data Gunj Buksh Town, Lahore, Punjab, Pakistan, 54000); *e-mail*: Urooj.alvi@ue.edu.pk
ORCID: 0000-0002-8545-0136.

Oksana I. Aleksandrova, PhD in Philology, Associate Professor, Associate Professor of the General and Russian Linguistics Department, Faculty of Philology, RUDN University (6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation, 117198); *e-mail*: alexandrova-oi@rudn.ru
ORCID: 0000-0002-7246-4109; Scopus Author ID: 57200073938; Researcher ID: Q-7339-2016.

Nighat Sultana, Lecturer, Department of English, Lahore Leads University (5, University Phase, Kamahan, Lidher Rd, Lahore, Punjab, Pakistan, 54000); *e-mail*: nighatsultana41@gmail.com
ORCID: 0009-0009-2876-7282.

Сведения об авторах:

Патхан Хабибулла, PhD, профессор-исследователь факультета исследований языка, Сохарский университет (3111, Оман, аль-Батина, г. Сохар, ул. Аль-Джамиа); *e-mail*: Hpathan@su.edu.om

ORCID: 0000-0003-3425-3594; Scopus Author ID: 57221613434; Researcher ID: AAV-7602-2020.

Алви Урудж, PhD, доцент департамента английского языка факультета искусств и социальных наук, Университет образования (54000, Пакистан, Пенджаб, г. Лахор, Дата Гундж Букш Таун, ул. Рати Гун); *e-mail*: Urooj.alvi@ue.edu.pk

ORCID: 0000-0002-8545-0136.

Александрова Оксана Ивановна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры общего и русского языкознания филологического факультета, Российский университет дружбы народов (117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6); *e-mail*: alexandrova-oi@rudn.ru

ORCID: 0000-0002-7246-4109; Scopus Author ID: 57200073938; Researcher ID: Q-7339-2016.

Нигат Султана, преподаватель департамента английского языка, Университет Лидса в Лахоре (54000, Пакистан, Пенджаб, г. Лахор, Лидхер роуд, Камахан, Университетский квартал, д. 5); *e-mail*: nighatsultana41@gmail.com

ORCID: 0009-0009-2876-7282.

DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-3-841-855

EDN: НХКОХQ

УДК [811.161.1:811.581]’367:165

Научная статья / Research article

Выражение, мышление и познание: истоки различий русского и китайского языка

Кэ Чжан , В.Н. Денисенко

Северо-восточный педагогический университет, Чанчунь, Китай

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

 zhangk176@nenu.edu.cn

Аннотация. Сравнительное изучение языков отражает процесс сосуществования общего и частного в языках человечества. Развитие типологического языкознания и контрастивной лингвистики связано с изучением сходств и различий между языками по структурным критериям сравнения. Однако когнитивные операции и формы мышления, характеризующие строение высказываемых мыслей, являются фундаментальными механизмами, управляющими функционированием различных языковых структур. В настоящем исследовании проведен сопоставительный анализ структурных особенностей русских подлежащих и китайских топиковых предложений. Особое внимание уделяется разным формам мышления (рациональному и образному), которые лежат в основе различий языковой структуры двух языков, а также различию в когнитивных процессах (познание аналогий и ассоциаций), формирующих вертикальную и горизонтальную категоризацию, которые вызывают различия в формах мышления. В результате проведенного исследования авторы приходят к выводу о том, что форма мышления определяет форму языковой структуры. Формирование и функционирование различных форм языковой структуры — это операция и отражение разных форм мышления в различных структурах языка. Рациональное и образное мышление и их характеристики соответственно ограничивают и определяют структурные формы русского и китайского языков, которые на уровне предложения проявляются в том, что в русском языке базисной структурой предложений является «подлежащее + сказуемое», в китайском языке — «топик и комментарий».

Ключевые слова: структура предложения, подлежащее + сказуемое, топик и комментарий, рациональное мышление, образное мышление

Заявление о конфликте интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: Вклад авторов равнозначен на всех этапах исследования.

История статьи:

Дата поступления: 01.06.2024

Дата приема в печать: 15.06.2024

© Чжан Кэ, Денисенко В.Н., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования:

Чжан Кэ, Денисенко В.Н. Выражение, мышление и познание: истоки различий русского и китайского языка // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 3. С. 841–855. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-3-841-855>

Expression, Thinking, and Cognition: Origins of Differences between the Russian and Chinese Languages

Ke Zhang , **Vladimir N. Denisenko**

Northeast Normal University, *Changchun, China*

RUDN University, *Moscow, Russian Federation*

 zhangk176@nenu.edu.cn

Abstract. Comparative study of languages reflects the coexistence of the universal and the particular in human languages. The development of both typological linguistics and contrastive linguistics is primarily associated with the study of structural similarities and differences between languages based on structural criteria for comparison. However, cognitive operations and forms of thinking that characterize the structural organization of expressed thoughts are fundamental mechanisms governing the functioning of various languages. In this study, a comparative analysis is presented as of the structural features of Russian subject-predicate sentences and Chinese topic-comment sentences. Special attention is paid to different forms of thinking (rational and figurative) that underlie the differences in language structure between the two languages, as well as various cognitive processes (recognizing analogies and associations) that shape vertical and horizontal categorization, resulting in differences in thought patterns. As a result of the conducted study, the authors conclude that the form of thinking determines the form of language structure. The formation and functioning of different forms of language structure are operations and reflections of different forms of thinking in various language structures. Rational and figurative thinking, with their respective characteristics, limit and define the structural forms of Russian and Chinese languages. At the sentence level, it manifests basic structures both in Russian where the basic sentence structure is “subject-predicate,” while in Chinese it is “topic-comment.”

Keywords: sentence structure, subject-predicate, topic-comment, rational thinking, figurative thinking

Conflicts of interest: The authors declare no conflicts of interest.

Authors’ contribution: The authors contributed equally to this article.

Article history:

Received: 01.06.2024

Accepted: 15.06.2024

For citation:

Zhang, Ke & Denisenko, V.N. (2024). Expression, Thinking, and Cognition: Origins of Differences between the Russian and Chinese Languages. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 15(3), 841–855. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-3-841-855>

Введение.

Особенности структуры русского и китайского языков на примере предложения

Ч. Ли и С. Томпсон (1982) предложили коммуникативно-синтаксический подход к разделению языков по принципу «топиковости» и «подлежащности». Были выделены языки с выдвижением подлежащего, в которых базисной структурой предложений является грамматическое отношение «подлежащее — сказуемое» (subject-prominent vS). К ним принадлежат русский, английский и другие индоевропейские языки в качестве языков флективных с разной степенью аналитизма [1. С. 193–235]. Китайский язык и изолирующие языки Юго-Восточной Азии в целом могут быть отнесены к категории языков с выдвижением топика на основе приоритетного выбора топиковой стратегии, где предложение состоит из характеризуемой и характеризующей части без необходимости согласования. В базисных конструкциях китайского языка представлено отношение «топик и комментарий» (topic-prominent vT) [2. С. 38].

Ши Диншуй уточнил понятие «топик» — топик в форме немаркированной именной группы или ее эквивалента предшествует основной части предложения и связан с ним. Топик является объектом, который был упомянут в предыдущем дискурсе и обсуждается вновь в текущем предложении, а именно добавляет новую информацию в текущий дискурс. Основная часть предложения, связанная с топиком, является комментарием [3. С. 386]. А.В. Скворцов утверждает, что термин «топик и комментарий» предполагают деление предложения на две части: глобальное подлежащее, которому очень часто соответствует топик, и, глобальное сказуемое, которому соответствует комментарий [4. С. 1263].

Развивая идею Ч. Ли и С. Томпсон о том, что наиболее соответствующими категориями для выражения структуры предикативного отношения являются топик и комментарий [5. С. 82], В.А. Курдюмов и К.Э. Коцик заявили, что в отличие от структуры «тема-рема», которая является вспомогательной категорией европейской грамматической системы, структура «топик-комментарий» функционирует на любых уровнях глубины порождения-восприятия, это универсальный код досинтаксических построений [6. С. 90].

Сопоставительный анализ русского как языка с выдвижением подлежащего и китайского как языка с выдвижением топика может представлен в следующих примерах (в Примерах 1 и 3 — группы китайских топиковых предложений; в Примерах 2 и 4 — их русский перевод, выполненный авторами статьи).

Пример 1. 我家有两组套娃,但没有一套是齐全的。每套都缺了一个。画有地标建筑的那套,我妹妹弄丢了一个。画有自然风光的那套,我弄丢了。 Дословно: ‘У меня дома два набора матрешек, но ни один из них не остался полным. В каждом наборе не хватает одной матрешки. Набор с памятниками

архитектуры: моя сестра потеряла одну матрешку. Набор с живописными пейзажами я потеряла’.

Пример 2. *У меня дома два набора матрешек, но ни один из них не остался полным. В каждом наборе не хватает одной матрешки. От набора с памятниками архитектуры моя сестра потеряла одну матрешку. От набора с живописными пейзажами я потеряла одну матрешку.*

Пример 3. *我家原有两组套娃, 如今一套都没剩下。画有地标建筑的那套, 我妹妹弄丢了。画有自然风景的那套, 我弄丢了。*

Пример 4. *У меня дома было два набора матрешек, сейчас ни одного не осталось. Набор с памятниками архитектуры моя сестра потеряла. Набор с живописными пейзажами я потеряла.*

При сравнении подчеркнутых предложений на китайском языке (Примеры 1, 3) и предложений, переведенных на русский (Примеры 2, 4), можно привести следующие различия.

Во-первых, предложения различаются семантическими механизмами на месте пропуска. В Примере 1 «нулевой элемент» [7] (или «пустая» лексическая единица) [8. С. 95] может интерпретироваться как ‘потерянная мной одна матрешка из набора с живописными пейзажами’. Очевидно, что рассогласование между данным нулевым элементом и антецедентом 画有自然风景的那套 ‘Набор с живописными пейзажами’ имеет место на семантическом уровне; В Примере 3 «нулевое» дополнение лицензируется антецедентом 画有自然风景的那套 ‘Набор с живописными пейзажами’ как на семантическом, так и на синтаксическом уровне. Два предложения на китайском языке с «нулевым» элементом в обоих примерах имеют одинаковую синтаксическую структуру, но отличаются семантическим содержанием. По сравнению с этим элемент русского предложения может быть опущен лишь в синтаксических условиях в Примере 4, в то время как аналогичные структуры в Примере 1 не допускают подобного употребления в русском языке. В русском языке интерпретация «нулевого» элемента представляет собой копию «логической формы» [9] антецедента. В Примере 2 элемент «одну матрешку» выступает в качестве дополнения не может быть лицензирован антецедентом в начале предложения ‘От набора с живописными пейзажами’ ни на семантическом, ни на синтаксическом уровне. Следовательно, в китайском языке «нулевой элемент» на месте пропуска может иметь собственную синтаксическую структуру, которая выражает предполагаемое значение.

Во-вторых, предложения различаются моделями синтаксической конструкции. Примеры 1 и 3 на китайском языке является топиковыми предложениям, в то время Примеры 2 и 4 на русском языке — подлежащим. В Примере 3 немаркированной именной группой 画有自然风景的那套 ‘Набор с живописными пейзажами’ является топик, который сам по себе «не обладает независимыми синтаксическими функциями» [3. С. 405]. Русский перевод в Примере 4, как выше изложено, относится к предложениям с «нулевым»

элементом (или с эллиптической структурой), даже может рассматриваться как инверсии в случае постановки дополнения «набор с живописными пейзажами» впереди управляющего слова «потеряла». Теперь рассмотрим предложение в Примере 1, где топикальный элемент 画有自然风景的那套 ‘Набор с живописными пейзажами’ никак не может выступить в роли объектов действия (потерян не целый набор, а одна матрешка в наборе). Между топиком и комментарием 我弄丢了 ‘я потеряла’ отсутствует структурная связь. Такая топиковая конструкция, с точки зрения Ши Динсюя, связывается отношениями «характеризуемое — характеризующее» [3. С. 386]. При переводе этого предложения на русский язык мы заменяем существительное 套 ‘набор’ отпредложным словосочетанием *от набора* и добавляем словосочетание *одну матрешку* на месте пропуска, чтобы сохранять субъектно-предикатную структуру русского языка, согласовывая между собой преддицируемый и преддицирующий компоненты высказывания. По мнению Ши Динсюя, «топик и комментарий» в китайском языке является грамматическим механизмом, используемым для выполнения определенных дискурсивных функций, так, говорящие предпочитают структуру топик-комментарий в связи с тем, что они сначала говорят о главных вещах, а затем их детально описывают [3. С. 387].

Отсюда следует, что структуры русского и китайского языков, в частности, типичных предложений в них как подлежащих и топиковых, существенно различаются синтаксическими и семантическими механизмами. Такие типологические различия обуславливают разницу в логике мышления, лежащей в основе образования двух языков. Эти две модели структуры предложения «систематически отражают два разных типа человеческого мышления — рациональное мышление и образное». Таким образом, и в этом случае мы видим соотношение формы мышления и языковых структурных форм [10. С. 35–44]. Чтобы лучше понять движущие факторы языковых явлений, имеющих черты различия, нам необходимо рассмотреть основу логики языка с точки зрения форм мышления. Так как сравнительное изучение двух языков должно опираться не только на особенности их структурных форм, но и на познавательные операции и формы мышления, присущие их структурным формам, которые являются фундаментальными механизмами, управляющими функционированием различных языковых структур. Это важно для изучения основных характеристик и особенностей структуры языка.

Рациональное и образное мышление предоставляет содержательную основу для языка

Вопрос о познавательном мышлении решается неоднозначно, чаще всего выделяется два общелогических метода познания: аналогия и ассоциация [11. С. 139]. Познание аналогий воплощает процесс анализа и синтеза, в котором мыслящий субъект использует дедуктивные или индуктивные способы. Ядром метода аналогий является логичность, основанная

на рациональном мышлении. Познание ассоциаций — это прием познания, при котором мыслящий субъект использует интуитивное чувство для построения связи между понятиями и представлениями, возникающей в процессе их осознания. Суть данного метода — ассоциативность, основанная на образном мышлении [12. С. 94]. Обе формы мышления сосуществуют в человеческом мышлении, выражении и жизни, взаимодействуя друг с другом, но также и противостоят друг другу. Эти формы мышления образуют логическую основу для нашего сравнительного анализа двух языков.

Чтобы лучше представить разницу в структуре двух языков с точки зрения различий в логике мышления, мы предложим следующие противоположные характеристики мышления в качестве основы для их анализа:

(1) абстрактность и конкретность. Абстрактность является характеристикой рационального мышления, которая заключается в образовании абстрактных понятий и оперировании ими. При абстрактном мышлении человек выходит за рамки привычной системы координат и правил мировосприятия, абстрагируясь от внешней действительности и пытаясь сконцентрироваться исключительно на донесении-восприятии мысли или идеи. В таком виде мышления часто используются образы и символы как общеизвестные, так и такие, которые получают свое значение исходя только из самого мыслительного процесса или дискуссии. Алфавит русского языка составлен по фонетическому принципу — это значит, что каждой букве соответствует тот или иной звук данного языка. Буквенное письмо используется для выражения семантики, выходя за рамки воплощений объектов, а также адаптируется к такому абстрактному мышлению и его продвигает. В отличие от этого пиктографическая письменность китайского языка с момента своего создания была основана на подражании подлинным и конкретным предметам, которые изображаются символическими же иероглифами. Конкретность относится к типичным характеристикам образного мышления [13]. В конкретном понятии мыслится предмет или совокупность предметов как нечто самостоятельно существующее.

套娃 ‘матрешка’ в группах предложений на китайском языке в Примерах 1 и 3 носит образное значение, смысл которого следует понимать не буквально, а через образ, что отличается от словосочетания *набор матрешек* как понятие в Примерах 2 и 4 на русском языке. 套娃 ‘матрешка’ в Примерах 1 и 3 не ограничена абстрактными атрибутами и предстает в виде объектов, которые отражаются в сознании человека при изменении контекста. Приведем пример. В контексте в Примере 1 вещи, называемые *матрешками*, с видом ‘два полных набора матрешек’, когда их впервые купили домой, превратились в *два неполных набора матрешек*. Вопреки этому *набор матрешек* в Примере 2 имеет четкую коннотацию и значение: данный элемент подвержен влиянию абстрактных атрибутов, но не зависит от контекста. Оба набора матрешек, представленных в Примере 1, в частности, *набор с живописными*

пейзажами, остались неполными, в которых хотя бы одна матрешка является потерянной. Это образно отличается от *матрешки* как логического понятия. При таком обстоятельстве становится легче разобраться в описанных далее матрешках (среди них одна потеряна). Согласно этой логике нам нетрудно понять два предложения с «нулевым» элементом, которые имеют одинаковую синтаксическую структуру, но отличаются семантическим содержанием: в Примере 1 потеряна *одна матрешка*, а в Примере 3 потерян *целый набор матрешек*.

Из этого мы можем ясно выяснить первопричину этой двусмысленности: противоречие абстрактности и конкретности мышления. В абстрактном предложении *набор матрешек* ограничиваются полным набором согласно своему коннотации и значению, которые не зависят от контекста. Поэтому мы должны добавить *одну матрешку* в Примере 2, чтобы обеспечить точность смыслового содержания предложения. В образном предложении *набор матрешек* может быть как полным, так и неполным, его конкретное значение зависит от разных контекстов в Примере 1 и Примере 3. Так что в китайских выражениях мы не будем вызывать двусмысленность из-за использования «нулевых элементов».

(2) присутствие и скрытность. Присутствие является основным понятием в философии, хотя в разных философских системах присутствие имеет разные интерпретации. Как правило, мы можем понять, что присутствие — это сущее, понимающее (свое) бытие. Например, И. Кант считает, что присутствие — это «вещь в себе»; по М. Хайдеггеру, присутствие — это «бытие», а Декарт утверждает, что присутствие — это объективность объекта. Рациональное мышление придает большое значение характеристике присутствия и при этом считается, что для познания мира необходимо понять подлинность объектов, которые присутствуют. Этому противоречит скрытность образного мышления. Скрытность мышления обращает внимание на то, что стоит за присутствующими предметами, объединяя отсутствующие и присутствующие в единое целое [14. С. 35–36]. Мы можем легко понять разницу между ними путем сравнения произведений живописи. Русские картины, выполненные маслом, и эскизы являются типичными художественными произведениями, основанными на эстетике присутствия, которые восстанавливают истинный вид пейзажа и персонажей посредством цвета, линий и света. Соответственно, для китайской чернильной живописи одним из характерных свойств является скрытность, которая не позволяет обнаружить первоначальный вид предметов или расположение пейзажа, но может открыть людям глаза на стремление к красоте с помощью образного мышления.

В Примере 1 топик 画有自然风景的那套 ‘Набор с живописными пейзажами’ может быть представлена как образ «неполный набор в случае пропавшей матрешки» в образном мышлении, а следующее высказывание «我

弄丢了 (я потеряла)» является отражением этого образа и выяснением скрытого объекта. Подобные выражения часто встречаются в китайском языке. Элементы 画有地标建筑的那套 ‘набор с памятниками архитектуры’ и 画有自然风景的那套 ‘набор с живописными пейзажами’ в этом примере в то же время содержат образный компонент значения *в случае пропавшей матрешки*, что является конкретным проявлением скрытности. Поэтому комментарий 我弄丢了 ‘я потеряла’ можно рассматривать как сокращенное выражение 我弄丢了一个 ‘я потерял одну матрешку’.

В предложенных примерах на русском языке смысл предложений иной. В Примере 2 уже не скрыто значение ‘потерянная матрешка’, в котором употребляется точное словосочетание *одну матрешку*, что так и характеризует присутствие соответствующих членов грамматических категорий русского языка. В примере 4 *набор с живописными пейзажами* как объект действия расположен впереди, но именно это показывает, что в структуре предложений в данном примере отражено присутствие как характеристика рационального мышления.

Итак, очевидно, что присутствие и скрытность существенно ограничивают формы выражения в русском и китайском языках. С одной стороны, присутствие должно быть отражено в русском выражении при изменении формы, количества и состава слов, тогда как в китайском выражении изменение образного значения единицы часто представляется скрытым образом; с другой стороны, в русском языке большое значение придается целостности грамматического строя. Во избежание повтора существительных в русском языке часто используют местоимения. Такого рода указательные или заместительные отношения в предложениях обусловлены языковым выражением присутствия мышления, тогда как в китайском языке полнота структуры не ценится, а часто встречаются случаи опущения, что в определенной степени объясняет скрытность мышления;

(3) аналитичность и целостность. Подобно абстрактности, аналитичность также является логической основой рационального мышления. Если абстрактность подчеркивает связь между посылками и заключением, дедукцией и индукцией, то аналитичность подчеркивает различие между объектами и их признаками, сходствами и различиями. Этому противоречит целостность образного мышления. Целостность мышления заключается в объеме образа исходного объекта в целом, расширение границ его познания способом сравнения [15. С. 565–568]. Целостность мышления логически соответствует традиционной китайской культуре. Так, представление о единстве человека и природы подразумевают единение человека с определенным локусом обитания в пространственно-временном континууме. Такой взгляд целостности превращает взаимно антагонистические отношения между частью и целым, субъектом и объектом, веществом и духом в единое целое.

В Примерах 1 и 3 отражают целостность мышления. Это связано с тем, что и топик и комментарий в предложениях представляют собой образ, выраженный лексически. Этот образ обладает характеристиками конкретности и целостности. Топик 画有自然风景的那套 ‘набор с живописными пейзажами’ в Примерах 1 и 3 — это образ, который должен создаться в контексте с помощью целостной ассоциации. Механизм целостности дискурса определяет то, что топик 画有自然风景的那套 ‘набор с живописными пейзажами’ в Примере 1 представляет образ ‘неполного набора в случае пропавшей матрешки’, в то время топик 画有自然风景的那套 ‘набор с живописными пейзажами’ в Примере 3 стали образом ‘потерянного целого набора’.

Это подтверждает, что в китайском языке топик определяется механизмами целостности дискурса, а его образ относителен и изменчив. Решающую роль при этом играет не синтаксическая связь между сказуемым и дополнением в компонентах предложения, а способ ассоциации смысла предложения в контексте комплекса взаимосвязанных предложений. Следовательно, элемент 画有自然风景的那套 ‘набор с живописными пейзажами’ в Примере 1 дает образ, подчиненный ограничениям дискурсивного контекста в целом. Он сам не служит в качестве концепта с фиксированным интенционалом и экстенционалом. Между тем механизм целостности дискурса также устраняет пространство двусмысленности, оставленное «нулевыми» элементами в отдельных предложениях. Так что собеседники могут понять разные значения, выраженные одной и той же структурой 我弄丢了 ‘я потеряла’ в разных контекстах дискурса.

В отличие от грамматикализации в русском языке, которая в силу грамматической структурной формы определяет члены предложения, китайская грамматикализация достигается путем преобразования топика на прагматическом и дискурсивном уровне в члены предложения. Это показывает, что образное мышление при помощи целостности действует в интеграции китайских языковых единиц на дискурсивном и грамматическом уровне. В Примерах 2 и 4 лексические единицы имеют конкретные понятия, и определение понятия неизбежно приведет к анализу и обобщению характеристик объекта, что делает выражаемый смысл устойчивым, не подвергаясь влиянию контекста. Поэтому в примерах на русском языке топик на дискурсивном и прагматическом уровне и структуры на синтаксическом уровне одновременно связаны и дифференцированы друг от друга, что подчеркивает аналитичность мышления. Чтобы точнее выразить смысл предложений, они в русском языке должны быть основаны на мышлении аналитичности. В отличие от этого в Примерах 1 и 3 на китайском языке значение 画有自然风景的那套 ‘набор с живописными пейзажами’ определяется контекстом дискурса в целом. Хотя данный элемент сохраняет те же отношения глагол-объект с глаголом 弄丢 ‘потерять’, его интенционал и экстенционал отличаются разными контекстами дискурса в целом. Так что принцип целостности влияет на семантическую

и синтаксическую связь предложения, а особенность целостности предложения является решающим фактором в китайской выразительности.

Таким образом, китайское выражение — это грамматикализация, основанная на логике целостности контекста, тогда как русское выражение — это семантически выражение предложения, основанное на логике аналитичности. Разница между ними хорошо объясняет разницу в связи логической и синтаксической структуры китайских и русских выражений.

Мы можем более четко объяснить различия структуры китайского и русского языков, сравнивая формы мышления, однако если мы не поймем источник возникновения двух форм мышления, не сможем понять суть разницы между двумя языковым выражениями — это когнитивная разница между Востоком и Западом.

Когнитивная основа мышления

Познание человеком себя и окружающего мира начинается с категоризации. Различные категоризации и когнитивные процессы определяют и формируют разные формы мышления. Категоризация — это мыслительная операция, направленная на формирование категорий как понятий, предельно обобщающих и классифицирующих результаты познавательной деятельности человека [16. С. 21]. Например, когда мы видим лосося, форель и т.д., мы думаем об их аналогичных характеристиках и, таким образом, думаем, что акулы также относятся к рыбам. Конечно, это также может заставить нас думать, что все существа в воде — рыбы, и затем установить связь между головастиками и рыбами.

Мы считаем, что этот процесс обобщения аналогичных признаков представляет собой рациональный мыслительный процесс, основанный на вертикальной категоризации однотипных вещей, тогда как процесс мышления связанных признаков представляет собой процесс образного мышления, основанный на горизонтальной категоризации явлений и предметов разных категорий.

Вертикальная категоризация. Логическая основная линия вертикальной категоризации состоит в развитии от прототипа категории к набору абстрактных представлений или атрибутов. «Категоризация — это диалектическое движение познания, развивающееся постепенно и попеременно от индивидуального к общему, а затем от общего к индивидуальному, от конкретного целого к абстрактному анализу и от абстрактного анализа к конкретному целому»¹.

Е.С. Кубрякова отмечает, что понятие категоризации является одним из фундаментальных понятий человеческой деятельности и одним из ключевых понятий когнитивного подхода. «Тесно связанное со всеми когнитивными

¹ 《中国大百科全书》总编委会. 中国大百科全书. 北京: 中国大百科全书出版社, 2009.

способностями человека, оно также связано со всеми компонентами самой когнитивной системы — вниманием и распознаванием объектов, умозаключениями, памятью. Способность классифицировать явления, распределять их по разным классам, разрядам и категориям свидетельствует о том, что человек в процессе восприятия мира судит об идентичности одних объектов другим, об их сходстве или, напротив, различиях. Категоризация — это главный способ придать воспринятому миру упорядоченный характер, систематизировать как-то наблюдаемое и увидеть в нем средство одних явлений в противовес различию других [17. С. 97].

Р. Лангакер описал и проанализировал процесс когнитивного понимания категории дерева у детей. Дети сначала идентифицируют деревья по конкретным прототипам деревьев, таким как дубы, клены и вязы. Конкретные прототипы этих деревьев позволяют детям приобретать уникальные общие черты во внешности. Эта общая черта основана на непосредственных ощущениях. К таким общим признакам относятся стволы, ветви, листья и т. д. Но однажды, когда дети столкнутся с деревьями без широких листьев, такими как сосны, они задумаются о подобных характеристиках сосен исходным прототипам деревьев, а затем расширит понятие дерева и включит сосны в категорию деревьев. Этот процесс просто и ясно показывает, что вертикальная категоризация — это процесс рационального анализа от индивидуального к общему, от конкретного к абстрактному [18. С. 373].

Горизонтальная категоризация. Отличительной особенностью прототипического подхода является признание двух аспектов категоризации: горизонтального и вертикального. Горизонтальный аспект категоризации предполагает, что те или иные объекты обязательно должны быть отнесены к определенным категориям одного и того же уровня обобщения. В то же самое время эти объекты могут быть отнесены к разным по степени обобщенности категориям на разных уровнях категоризации [19. С. 84]

В отличие от вертикальной категоризации горизонтальная категоризация представляет собой процесс использования образа для выражения категорий и расширения категорий с помощью ассоциаций образа различных явлений и предметов. Этот процесс отражает понимание и мышление людей о природе, жизни и окружающем мире, тем самым устанавливая связи между разными вещами.

Связь между вертикальной и горизонтальной категоризацией. Мы придерживаемся материалистического мировоззрения, поэтому мы считаем, что вертикальная и горизонтальная категоризация взаимно антагонистичны, но диалектически едины. Они считаются противоположными друг другу, поскольку между ними действительно существует существенное различие.

Во-первых, механизмы формирования вертикальной и горизонтальной категоризации различны. Вертикальная категоризация принимает в качестве

предпосылки познания категориальные признаки, полученные в результате анализа, образуя тем самым иерархическую систему, соединяющую верх и низ, отражающую признаки сходства вещей. Горизонтальная категоризация принимает в качестве предпосылки познания сравнение образов явлений и предметов. Посредством горизонтальной аналогии создание сети связанных категорий отражает связанные характеристики предметов.

Во-вторых, результаты формирования различны. Вертикальная категоризация принимает в качестве основы рациональное мышление и определяет категория в результате формирования концепции; горизонтальная категоризация принимает в качестве основы образное мышление и определяет категория в результате формирования образа. В предложенных предложениях в Примерах 2 и 4 словосочетание *набор с живописными пейзажами* означает полный набор матрешек, так как оно концептуализировано, на его значение не влияет контекст. В отличие от этого в Примерах 1 и 3 画有自然风景的那套 ‘набор с живописными пейзажами’ обозначает как полный, так и неполной набор матрешек в зависимости от контекста.

Мы должны также признать диалектическое единство между вертикальной и горизонтальной категоризацией. Прежде всего, если явления или предметы не концептуализированы, люди через понимание аналогий обобщают связанные вещи в соответствии с определенными прототипами, а затем по принципу вертикальной категоризации с помощью сравнения и анализа устанавливают определенную концептуальную категорию. При этом люди отвечают на вопрос типа «какие явления или предметы относятся к этой категории». Далее люди будут углублять процесс своего рационального мышления в этой категории, так что ее понятия будут постоянно обогащаться и уточняться. На этом этапе люди отвечают на вопрос типа «каковы явления или предметы этой категории». Можно отметить, что вертикальная категоризация — это концептуализация предметов с характером фиксирования, а горизонтальная категоризация — образизация предметов с характером расширения. Это и есть основной познавательный процесс, позволяющий людям понять мир. Познанию без вертикальной концептуализации недостает научности, а без горизонтальной концептуализации недостает гуманизма. Вертикальная концептуализация характеризует объективность понимания, а горизонтальная концептуализация — субъективность понимания.

Таким образом, можно отметить, что язык определяется мышлением, а мышление определяется познанием. Разница между китайцами и русскими является проявлением разных правил мышления и когнитивных привычек двух народов. Поэтому, чтобы лучше понять различия в языковом выражении как явный феномен, нам необходимо иметь более четкое представление о правилах рационального и образного мышления народов России и Китая, а также об особенностях горизонтальных и вертикальных категоризацией как законов познания, которые влияют на формы мышления.

Библиографический список

1. Ли Ч., Томпсон С. Подлежащее и топик: новая типология языков подлежащего // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XI: Современные синтаксические теории в американской лингвистике. М.: Прогресс, 1982.
2. Курдюмов В.А. Морфологический уровень китайского языка как изолирующего топикового. Сущность и содержание позиции частицы // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2014. № 1(13). С. 37–46.
3. Shi Dingxi. Topic and Topic-Comment Constructions in Mandarin Chinese // *Language*. 2000. № 76(2). P. 383–408.
4. Скворцов А.В. Структурная классификация топиковых предложений на китайском языке различных периодов // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2022. Т. 15. № 4. С. 1260–1267. <https://doi.org/10.30853/phil20220192>
5. Курдюмов В.А. Идея и форма. Основы предикационной концепции языка. М.: Военный университет, 1999.
6. Курдюмов В.А., Коцик К.Э. К вопросу о дифференциации понятий «топик-комментарий» и «тема-рема» // Вестник Российского нового университета. Серия «Человек в современном мире». 2020. № 1. С. 86–93. <https://doi.org/10.25586/RNU.V925X.20.01.P086>
7. Циммерлинг А.В. Нулевые лексемы в синтаксисе: догматика и типология // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований*. 2008. № 2(4). С. 226–244.
8. Курдюмов В.А., Семенова Л.А. Общие концепции метафоры и метафора в китайском языке // Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2022. № 3(47). С. 90–98. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2022.47.3.07>
9. Fiengo R, May R. *Indices and identity*. Cambridge, MA: MIT Press, 1994.
10. Цю Ш. Когнитивный подход к англо-китайскому сравнительному лингвистическому исследованию // *Иностранные языки в Китае*. 2017. № 14. С. 35–44. (На китайском языке). 邱述德. 英汉对比语言学研究的认知途径. *中国外语*. 2017(14). 35–44页.
11. Цай Ш. О статусе и роли языка в человеческом познании // Вестник Пекинского университета (Издание по философии и социальным наукам). 2020. № 57(01). С. 138–149. (На китайском языке). 蔡曙山. 论语言在人类认知中的地位和作用. *北京大学学报 (哲学和社会科学版)*. 2020. 57(01). 138–149页.
12. Цзян Г. Лингвистическая относительность и когнитивная лингвистика: две позиции относительно корреляции между языком и мышлением // *Журнал иностранных языков*. 2024. № 02. С. 92–97. (На китайском языке). 蒋国辉. 语言相对论与认知语言学: 语言—思维相关性的两种立场. *外语学刊*. 2024(02), 92–97页.
13. Цуй Я., Вэй И. От языка к мышлению: анализ механизма координации системного мышления // *Журнал системных наук*. 2024. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kns.cnki.net/kcms/detail/14.1333.N.20240416.1707.002.html>. (дата обращения: 05.04.2014). (На китайском языке). 崔艳英, 魏屹东. 从语言到思维: 系统思维的协调机制探析. *系统科学学报*. 2024. <http://kns.cnki.net/kcms/detail/14.1333.N.20240416.1707.002.html>.
14. Вэнь С., Ю П., Си В. Сдвиг категорий в переводе и его когнитивная интерпретация // *Журнал китайских переводчиков*. 2019. № 40(03). С. 33–43. (На китайском языке). 文旭, 余平, 司卫国. 翻译的范畴转换及其认知阐释. *中国翻译*. 2019. 40(03). 33–43页.
15. Ху П., У Ф. Исследование базы данных межязыковой синонимизации и лексической типологии // *Современная лингвистика*. 2023. № 25(04). С. 562–576. (На китайском языке). 胡平, 吴福祥. 跨语言同词化数据库与词汇类型学研究. *当代语言学*. 2023. 25(04). 562–576页.
16. Абишева К.М. Категоризация и ее основные принципы // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2013. № 2(035). С. 21–30.
17. Кубрякова Е.С. Семантика когнитивного в лингвистике (о принципах, контейнерах и формах их объективации в языке) // *Известия АН. Серия литературы и языка*. 1999. Т. 58. № 5–6. С. 3–99.

18. Langacker R.W. *Foundations of Cognitive Grammar. Theoretical Prerequisites*. Stanford, California: Stanford University Press, 1987.
19. Болдырев Н.Н. *Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии*. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. ун-та, 2000.

References

1. Li, Ch. & Thompson, S. (1982). Subject and topic: a new typology of subject languages In: *New in foreign linguistics*. Iss. XI: Modern syntactic theories in American linguistics. Moscow: Progress. (In Russ.).
2. Kurdyumov, V.A. (2014). The morphological level of the Chinese language as isolating topic-prominent. The essence and content of the particle position. *MCU journal of philology. theory of linguistics. Linguistic education*, 1(13), 37–46. (In Russ.).
3. Shi, Dingxu. (2000). Topic and Topic-Comment Constructions in Mandarin Chinese. *Language*, 76(2), 383–408.
4. Skvortsov, A.V. (2022). Structural Classification of Topic Sentences in Chinese from Different Periods. *Philology. Theory & Practice*, 15(4), 1260–1267. <https://doi.org/10.30853/phil20220192>. (In Russ.).
5. Kurdyumov, V.A. (1999). *Idea and Form. Foundations of the Predicative Concept of Language*. Moscow: Military University. (In Russ.).
6. Kurdyumov, V.A. & Kozyk, K.E. (2020). On the Differentiation of the Concepts «Topic-Comment» and «Theme-Rheme». *Bulletin of the Russian New University. Series "Human in the Modern World"*, 1, 86–93. <https://doi.org/10.25586/RNU.V925X.20.01.P.086>. (In Russ.).
7. Zimmerling, A.V. (2008). Zero Lexemes in Syntax: Dogmatics and Typology. *Acta Linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute of Linguistic Studies*, 2(4), 226–244. (In Russ.).
8. Kurdyumov, V.A. & Semenova, L.A. (2022). General Concepts of Metaphor and Metaphor in Chinese. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 3(47), 90–98. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2022.47.3.07>. (In Russ.).
9. Fiengo, R. & May, R. (1994). *Indices and identity*. Cambridge, MA: MIT Press.
10. Qiu Sh. (2017). Cognitive Approach to English-Chinese Contrastive Linguistics. *Foreign Languages in China*, 14, 35–44. (In Chinese). 邱述德. 英汉对比语言学研究的认知途径. *中国外语*. 2017(14), 35–44页.
11. Cai, Sh. (2020). On Language Status and Language Function in Human Cognition. *Journal of Peking University (Philosophy and Social Sciences)*, 57(01), 138–149. (In Chinese).
12. Jiang, G. (2024). Linguistic Relativity and Cognitive Linguistics: Two Positions on the Language-thinking Correlation. *Foreign Language Research*, 02, 92–97. (In Chinese). 蒋国辉. 语言相对论与认知语言学: 语言—思维相关性的两种立场. *外语学刊*. 2024(02), 92–97页.
13. Cui, Y. & Wei, Y. (2024). From Language to Thought: The Systems Thinking Coordination Mechanism Approach [J/OL]. *JOURNAL OF SYSTEMS SCIENCE*. URL: <http://kns.cnki.net/kcms/detail/14.1333.N.20240416.1707.002.html>. (accessed: 05.04.2014). (In Chinese). 崔艳英, 魏屹东. 从语言到思维: 系统思维的协调机制探析. *系统科学学报*. 2024. <http://kns.cnki.net/kcms/detail/14.1333.N.20240416.1707.002.html>.
14. Wen X. & Yu P. & Si, W. (2019). Category-Based Transformation in Translation and Its Cognitive Interpretation. *Chinese Translators Journal*, 40(03), 33–43. (In Chinese). 文旭, 余平, 司卫国. 翻译的范畴转换及其认知阐释. *中国翻译*. 2019. 40(03), 33–43页.
15. Hu, P. & Wu, F. (2023). Database of Cross-Linguistic Colexifications and the Studies of Lexical Typology. *Contemporary Linguistics*, 25(04), 562–576. (In Chinese). 胡平、吴福祥. 跨语言同词化数据库与词汇类型学研究. *当代语言学*. 2023. 25(04), 562–576页.
16. Abisheva, K.M. (2013). Categorization and Its Main Principles. *Issues of Cognitive Linguistics*, 2(035), 21–30. (In Russ.).

17. Kubryakova, E.S. (1999). The Semantics of the Cognitive in Linguistics (on Principles, Containers, and Forms of Their Objectification in Language). *The Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language*, 58 (5–6), 3–99. (In Russ.).
18. Langacker, R.W. (1987). *Foundations of Cognitive Grammar. Theoretical Prerequisites*. Stanford, California: Stanford University Press.
19. Boldyrev, N.N. (2000). *Cognitive Semantics: A Course of Lectures on English Philology*. Tambov: Tambov State University Publ. (In Russ.).

Сведения об авторах:

Чжан Кэ, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка, Северо-Восточный педагогический университет (Китай, 130024, пр. Цзилинь, г. Чанчунь, ул. Жэньминь, № 5268); *сфера научных интересов*: лексикология, семантика, лингвокультурология; *e-mail*: zhangk176@nenu.edu.cn
ORCID: 0000-0002-7765-2133; ResearcherID: D-7768-2019.

Денисенко Владимир Никифорович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общего и русского языкознания филологического факультета, Российский университет дружбы народов (117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6); *сфера научных интересов*: теория языка, лингвистическая семантика, прагматика и семиотика, сопоставительные исследования языков; *e-mail*: denisenko-vn@rudn.ru
ORCID: 0000-0001-6021-4068; SPIN-код: 4635-8342; Author ID: 310131; Scopus ID: 57193133860; Researcher ID: AAG-9635-2020.

Information about the authors:

Zhang Ke, PhD in Philology, Senior Teacher of the Department of Russian Language, Northeast Normal University (5268, Renmin Street, Changchun, Jilin Province, China, 130024); *Research interests*: lexicology, semantics, linguoculturology; *e-mail*: zhangk176@nenu.edu.cn
ORCID: 0000-0002-7765-2133; ResearcherID: D-7768-2019.

Vladimir N. Denisenko, Dr.Sc. (Philology), Professor, Head of the of the General and Russian Linguistics Department, RUDN University (6, Miklukho-Maklaya Str., Moscow, Russian Federation, 117198); *Research interests*: theory of language, linguistic semantics, pragmatics and semiotics, comparative linguistic studies; *e-mail*: denisenko-vn@rudn.ru
ORCID: 0000-0001-6021-4068; SPIN-code: 4635-8342; Author ID: 310131; Scopus ID: 57193133860; Researcher ID: AAG-9635-2020.

DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-3-856-871

EDN: IJHLY

UDC 81'221:003:629.3.07(569.5)

Research article / Научная статья

A Pragma-Semiotic Analysis of Headlight Flashing Used by Drivers in the Jordanian Context

Jihad M. Hamdan¹, Doaa K. Riziq² ✉

¹The University of Jordan, Amman, Jordan

²Applied Science Private University, Amman, Jordan

✉ d_riziq@asu.edu.jo

Abstract. This study investigates the pragmatic functions of headlight flashing (HF) as a gestural signal used and perceived by the drivers of public cars in Jordan. Data are collected from interviews with 60 male drivers of such cars who are asked to report why they use HF in different contexts and how they perceive it on the basis of their actual use and exposure to this signal. The analysis shows that HF has 11 functions viz., drawing attention, catcalling, warning, asking for help, offering a lift, urging (someone to move), instructing pedestrians or street users to go away, giving priority, greeting, thanking, and placing an order. The study reveals that HF is functional and used frequently by drivers for different purposes in the Jordanian context. The study concludes that HF is employed more for positive functions than negative ones.

Keywords: car, gesture, pragmatics, semiotics

Conflicts of interest: The authors declare no conflicts of interest.

Authors' contribution: The authors contributed equally to this article.

Article history:

Received: 01.06.2024

Accepted: 15.06.2024

For citation:

Hamdan, J.M. & Riziq, D.K. (2024). A Pragma-Semiotic Analysis of Headlight Flashing Used by Drivers in the Jordanian Context. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 15(3), 856–871. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-3-856-871>

© Hamdan J.M., Riziq D.K., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Прагма-семиотический анализ сигналов фарам, используемых водителями Иордании

Джихад М. Хамдан¹, Доаа К. Ризик² ✉

¹Университет Иордании, Амман, Иордания

²Частный университет прикладных наук, Амман, Иордания

✉ d_riziq@asu.edu.jo

Аннотация. Темой исследования стали прагматические функции сигналов фарам (HF) как жестового сигнала, используемого и воспринимаемого водителями личного транспорта в Иордании. Данные собраны из интервью с 60 мужчинами-водителями, которых попросили сообщить, почему они используют HF в разных контекстах и как они воспринимают сигналы фарам в их фактическом использовании, а также описать воздействие этого сигнала на внимание водителей в различных ситуациях. Анализ показывает, что HF имеет 11 функций, а именно: привлечение внимания, свист, предупреждение, просьба о помощи, предложение подвезти, побуждение (кого-либо пересечь), указание пешеходам или участникам дорожного движения уйти, предоставление приоритета, приветствие, благодарность и готовность подвезти. Исследование показывает, что HF является функциональным и часто используется водителями для разных целей в иорданском контексте. Исследователи приходят к выводу о том, что HF используется больше в положительных контекстах, чем в отрицательных.

Ключевые слова: автомобиль, жест, прагматика, семиотика

Заявление о конфликте интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: Вклад авторов равнозначен на всех этапах исследования.

История статьи:

Дата поступления: 01.06.2024

Дата приема в печать: 15.06.2024

Для цитирования:

Hamdan J.M., Riziq D.K. A Pragma-Semiotic Analysis of Headlight Flashing Used by Drivers in the Jordanian Context // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 3. С. 856–871. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-3-856-871>

Introduction

The need to communicate and socialize drives individuals around the world to employ two modes of communication, namely; verbal which refers to spoken words used to deliver the meaning of the message, and non-verbal which includes any behavior other than verbal language such as facial expressions, eye contact, vocal tone, and body language. Non-verbal communication was also called unspoken dialogue. Burgoon, Manusov and Guerrero [1. P. 3] also define it as “all those messages that people exchange beyond (and alongside) the words themselves”. The use of nonverbal communication proves to be significant to support verbal communication, to clarify individuals’ intentions and enhance social interaction. Burgoon, et al. [1] highlight the importance of nonverbal cues stating that these elements including body, face, voice, appearance, touch and physical surroundings, play a role in delivering messages. Further, they posit that nonverbal cues precede

the verbal ones in many situations, which provides useful and relevant information to interlocutors involved in a conversation earlier than the stage of speech production.

The importance of nonverbal communication attracted the attention of several scholars in a few early studies. Hall [2] states that 60 percent of human communication is nonverbal. Mehrabian and Ferris [3] and Mehrabian and Wiener [4] confirm that the nonverbal component has a stronger effect than the verbal component in any conversation; their study reveals that 93 percent of all meaning is derived from nonverbal communication, and that the remaining 7 percent comes from verbal communication. More specifically, Mehrabian and Wiener [4] propose the “55-38-7” rule, which states that effective communication, consists of 55 percent body language, 38 percent voice features and seven percent content of the words a speaker uses. Although the previous two claims have been used extensively in the literature, they have been revised by several studies [5–7]. These studies report that these claims have not been supported by empirical data. Even though, this does not rule out the proposal that nonverbal cues are more effective and persuasive than the verbal ones.

Non-verbal communication has proved to be successful in a variety of domains. Dwyer [8] states that if the verbal element of a message does not present a better match with the nonverbal element, then there is a tendency to trust the nonverbal element. Phutela [9] agrees that non-verbal communication can replace verbal communication in different situations. She suggests that individuals involved in any social interaction tend to rely on non-verbal cues to interpret the true meaning of communication rather than the verbal elements.

In an attempt to examine students’ perceptions of non-verbal communication in classrooms, several studies show that the use of nonverbal elements, like facial expressions, voice features, gestures and eye contact is functional and helps teachers to check student concentration in class; they also check students’ comprehension and encourage their critical thinking [10–13]. Moreover, non-verbal elements can help teachers to elicit vocabulary from the learners and to provide learners with visual cues to corrective feedback. In the same vein, other studies indicate that a teacher who never uses eye contact seems to lack confidence, which gives the students a sense of insecurity [13–15]. In support of this, Cruickshank, Jenkins and Metcalf [16] conclude that nonverbal cues have an influence on teacher’s trustworthiness and credibility regardless of a teacher’s knowledge, experience, education level, or position.

Gestural communication in driving

Gestures have been widely used as signals to convey several messages, thoughts, expressions or emotions. They are used in all situations while talking, presenting, eating, drinking even while driving. In a more specific domain, driving is a social task that involves drivers and other road users who need to communicate in different ways and situations. This type of communication through gestures is very important to drivers. In actuality, it helps them make their intentions clear, express what they want quickly and easily, and explain otherwise offensive behavior [17].

It is important to highlight that most of driver communications through gestures are conducted when they are inside their vehicles, which may create a physical barrier. This would make it difficult for a driver to capture other drivers or road users' verbal forms; therefore, gestures can be quite productive.

Zhuang and Wu [18] collected 11 proposed pedestrian gestures which were judged by Chinese drivers for visibility, clarity and familiarity. The study showed that the gesture left elbow bent with hands level and palm facing left used by pedestrians significantly increased the drivers' slowing down when passing through. The study also suggested that pedestrians should be trained on how to use road-related gestures and drivers should be trained on how to properly interpret and respond to such gestures. Risto, Emmenegger, Vinkhuyzen, Cefkin and Hollan [19] investigated how drivers and other road users interact in natural traffic interactions. To obtain real data validation, multiple cameras recorded this natural interaction between drivers and other road users. The researchers paid attention to the drivers' responses with the presence of traffic control devices such as stoplights and signs, and how they would change their behavior in the presence of other road users. The study showed that several gestures were deliberately used by drivers to communicate with other road users and that there was a common understanding of the meaning between them. In the same direction, Małecki [20] focused on gesture-based interaction and conducted a survey involving 40 people (drivers and non-drivers) in order to collect their opinions and their knowledge about hand gestures. A set of gestures was established and used to develop six scenarios to be employed in this study. Then experiments using hand gestures were conducted involving 13 participants who were tested on their recognition and interaction with the presented hand gestures. Notably, each hand was used separately to present gestures. The results showed that performance of the left hand was slightly better than that of the right hand. The study revealed that there is an interest in gesture-based systems among participants.

Likewise, drivers in Jordan employ a wide range of gestures. Abu Hatab [21] provided an analysis of 100 taxi drivers' gestures in Jordan. The study revealed that age and education of taxi drivers affected the type and frequency of gestures used. Particularly, young drivers tended to gesture more than old drivers, and old drivers with university education gestured more than those with limited school education.

Gestures are not only motions that are expressed by employing body movements, they are also signs made by tools that serve the intended meaning. In this sense, drivers do not only rely on words or hand gestures to convey messages. There are additional visual cues like lights which play a role in conveying messages to all road users even when drivers are inside their vehicles. Several studies confirmed that lighting systems are necessary for safe drive and road users [22; 23].

The previous studies highlight the effectiveness of non-verbal communication forms including gestures. One of the most frequent gestures which are used by drivers is Headlight Flashing (HF), the focus of the study reported here. It is presented in the following section.

HF as a gestural instrument

In the absence of a well-established definition of HF, we suggest that HF is a gestural instrument which car drivers use while on the road to communicate with each other or with pedestrians in which they present a short and rapid alternation between high beams and low beams. HF can also be termed as headlight blinking as it assimilates with the act of eye blinking which shows semi-automatic rapid closing of the eyelid. In Jordan, this light is called ‘lattaḡ’ or ‘dim’, and the act of using it is called ‘taltiḡ’ or ‘dimming’. It has been widely used as a means of facilitating driver-to-driver or driver-to-pedestrian communication. Some drivers prefer using HF instead of blowing a horn because they think it is less noisy. Such drivers do not prefer using the horn when they drive near houses or schools as it might be a source of nuisance. Further, the use of horns is less effective to grab the attention of drivers who play music loudly while on duty. In addition to these points, some drivers’ horns do not work, and this drives them to use HF instead. Few studies are conducted on flashing lights to particularly examine the drivers’ perception and interpretation of this signal.

Kersavage, Skinner, Bullough, Garvey, Donnell and Rea [24] investigated drivers’ behavior in response to flashing lights. Participants were requested to drive a vehicle approaching the work zone in order to identify whether the direction of the taper’s lane was changed either to the right or to the left. The analysis showed that drivers were able to identify the taper from farther away more accurately when the flash pattern was in sequence than when the flash pattern was random; and the presence of a police light bar promoted shorter identification distances.

Chan and Ng [25] and Turner, Wylde, Langham and Morrow [26] reported that road users including drivers interpret flashes with high frequencies i.e., fast repeated flashes, as more «urgent» than slower flash frequencies. More recently, Skinner, LaPlumm and Bullough [27] examined the behavior of drivers toward different flash frequencies (1 Hz and 4 Hz flashing lights). The results revealed that even if drivers are not instructed about the meanings of different flash frequencies, they can interpret flashing lights; they can also make accurate predictions about their meanings.

As is clear, research has tended to focus on light flashing in terms of frequency and predictability of its meaning in some situations. However, to the researchers’ best knowledge, the analysis of HF from pragmatic and semiotic perspectives has not been the focus of any study across languages and cultures including Jordan. This, we believe, makes this topic worthy of investigation.

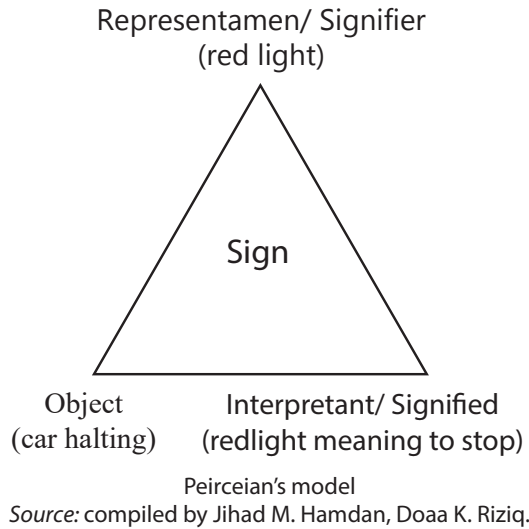
The study proceeds as follows. Section two presents the theoretical framework used to analyze the data of the study. Section three describes the method, and section four presents the findings followed by discussion in section five. Conclusion and recommendations are presented in section six.

Semiotics

Saussure and Peirce are broadly regarded as the co-founders of what is known as semiotics. Saussure (cited in [36; 37]) proposed his dyadic model of a sign, which is represented as the whole that results from the connection between the signifier (i.e., the form that the sign takes) and the signified (i.e., the concept it represents). Peirce [38] highlighted the importance of the active process of interpretation. According to him, meanings are made through the creation and interpretation of signs, which take the form of words, images, sounds, odors, acts or objects. To interpret signs, Peirce (cited in [37]) proposed a dominant triadic model, as presented below:

1. Representamen (signifier): the physical form of the sign;
2. Interpretant (signified): the sense made of the sign;
3. Object: what the sign stands for.

The interaction between the three components of Peirceian's model is denoted by Peirce as a process of semiosis [37]. Peirce [38] provided a straightforward example, relevant to the focus of the study to explain his model. The traffic light that signals stopping consists of a red-light facing traffic at an intersection (the representamen); a car halting (the object) and the idea that a red light indicates that the car must stop (the interpretant) (see the figure).

Peirce's model of a sign.

Method.

Subjects

The subjects of the study make up a convenient sample that consists of 60 male drivers from Amman, the capital of Jordan. They are native speakers of Jordanian Arabic within an age range of 22–50 years and with a minimum of a five-year driving experience. Amman has grown from a small village like city to the largest urban centre in Jordan over the past 75 years, thanks to the

two huge waves of Palestinian refugees after the 1948 and 1967 wars with Israel in addition to internal immigration from villages and small towns. Thus, it includes citizens from different parts of the country. From a socio-economic perspective, Amman's eastern part is less developed than the western one. However, public car drivers tour all suburbs and quarters of the city, and they use their HF signals with pedestrians and other drivers alike. Apparently, these signals are unambiguously perceived by all concerned parties, an indication that they are part and parcel of the pragma-semiotics of the city. Amman is selected to serve as a representative sample of the broader Jordanian context. This diversity, we believe, contributes to the richness of Amman's social fabric and makes it an ideal location for this study.

Data collection

Data were collected through individual interviews with the target drivers carried out in different areas in Amman. Each interview was divided into two parts. The first part was intended to elicit background information about each participant such as name, age and driving experience. The second part was meant to elicit experience-based information on the use of HF. Each participant was asked to respond to a set of five requests prepared by the researchers. The requests were structured as follows:

1. Report instances in which you found it necessary to employ HF when a vehicle was in front of you.
2. Specify situations where you felt compelled to use HF as a car approached from the opposite direction.
3. Highlight scenarios in which you had to resort to HF when a vehicle sought to cross your path.
4. Outline circumstances that prompted you to utilize HF with individuals or passengers.
5. Elaborate on the source or method through which you acquired knowledge about the use of HF.

The contexts took the form of scenarios. Each interview took around ten minutes, and the subjects' responses were audio-recorded for subsequent qualitative analysis.

Data analysis

The scenarios suggested by the 60 subjects were used as a database to identify and label the pragmatic functions of HF. They were analyzed using insights from Peirce's semiotic model. This pragma-semiotic method is carried out to identify the pragmatic functions of HF in different contexts as well as to describe how interlocutors in a context gesturally construct and perceive this sign.

Findings

The analysis of the collected data showed that HF is used to express 11 pragmatic functions that are realized by the use of this signal in different contexts. Below is a presentation of each function followed by its context. A detailed qualitative pragma-semiotic analysis and interpretation is presented utilizing insights from Peirce's triadic model. For space limitation, only one or two examples are provided under each function. For the sake of clarification, the context is provided in English whereas the meaning of HF is presented in Jordanian Arabic followed by transcription and an English gloss. It should be noted that when two drivers are included in a scenario, they are referred to as driver A and driver B, whilst when one driver is included, he is referred to as driver.

Drawing Attention

[Context] A driver wants to quickly pick up a passenger (upon request) who stands on the sidewalk. While approaching him, he flashes repeatedly, which means:

أنا وصلت
ana wšilit
'I arrived'

In this context, the driver employs HF to alert the passenger that he has arrived, so that he could quickly jump in. HF is used here as an alternative option to blowing the horn as the former is considered an effective signal to draw one's attention without making noise. Flashing with high frequencies here can be interpreted as urgent, so it is expected that the addressee responds quickly and get into the car as fast as possible, so the car does not block the roadway or affect the free flow speed.

Using Peirce's terminology, the pragma-semiotic analysis of HF (Drawing Attention) is as follows: the fast repeated HF is the representamen, indicating the driver's intention to communicate with the passenger; the act of picking up the passenger is the object while the interpretant is the understanding that the driver wants to draw the passenger's attention.

Catcalling

[Context] A driver sees a woman walking in the street in the opposite direction. He wants to draw her attention; he flashes his headlight frequently, so the woman can see the light, which means:

شو يا حلوة
ju: ja: hīlwi
'What a beautiful lady!'

Catcalling is a form of street harassment purposefully performed by male strangers to females who are commonly victims of this type of harassment in public areas. In this context, the driver wants to receive attention from the woman. For this purpose, he in this context uses HF. As mentioned by the subjects, the use of this signal in this context to convey the function of catcalling is more effective when it is accompanied with hand gestures and verbal reaction.

The repeated HF in the catcalling function is the representamen, conveying the message of street harassment. The object, a woman being harassed, represents the real-life situation that the catcalling is referencing. The interpretant, the idea that the driver catcalls the woman, is the message that is derived from the representamen-object relationship.

Warning

Example 1

[Context] Driver A notices that there is something that is worth being passed on to drivers on the other side of road, e.g., an accident blocking the road, cameras, speed traps, traffic officer or radars. He flashes his headlight to driver B who is coming from the other side quickly three to five times, which means:

انتبه
ʔintabih
'Watch out!'

In this context, driver A wants to warn driver B that there is a potential problem/threat because of an accident blocking the road, speed traps, police presence or radars. Once driver A uses HF, the message is interpreted as warning, so driver B takes action and starts slowing down and driving carefully.

Example 2

[Context] Driver A drives his car with an open boot in front of driver B. He plays music loudly. Driver B notices this and wants to warn driver A, so he flashes his headlight quickly, which means:

سكّر صندوق سيارتك انتبه
sakkir sandu:g- sajj:rtak
'Close the boot of your car'

In this proposed scenario, driver B wants to warn driver A by using HF as the boot of his car is open. HF proves to be powerful especially in this case when music is on. To convey the message clearly, driver B could also have used hand gestures to reinforce HF.

The pragma-semiotic function of HF (Warning) indicates that the fast repeated HF acts as a representamen; the interpretant, in this case, is the sense of urgency conveyed to driver A, and the object is driver A's immediate response and implementation of precautionary measures to avoid potential danger.

Asking for help

[Context] A driver drives his car, and a passenger next to him looks suspicious. The driver is nervous, so he flashes his headlight repeatedly to the traffic officer parking on the road shoulder to indicate that he is in dire for assistance, which means:

وقفني
waggifni:
'Stop me'

The frequent use of HF in such a context is more effective than honking because this signal is silent, so it does not expose the driver's anxiety and fear; neither, does it alert the suspicious passenger. Simply, it is a way to ask for help from the traffic officer parking, so he might stop the car, which gives the driver a chance to unveil his worries.

In this pragma-semiotic analysis, the fast repeated HF can be seen as the representamen, which effectively conveys a message and prompts the traffic officer's understanding. The intended interpretant is the driver's alerting the traffic officer to take action. The object of this communication is the traffic officer to fully comprehend the urgency of the situation and promptly react to it.

Offering a lift

[Context] A driver looks for passengers to fill empty seats. He flashes his headlight to people standing on the sidewalk, which means:

بدك تركب؟
biddak tirkab
'Do you want a ride?'

As is clear, HF is not only used between drivers, but also with pedestrians walking in the street. In this context, the driver uses HF to ask for more passengers to fill empty seats. Some drivers prefer to use the horn for this purpose; they think that the use of HF is not as powerful as the horn. However, other drivers report that it is more effective than using horns especially when they drive in quiet areas.

The representamen in this scenario is HF, which serves as a clear signal to the pedestrians. The object is the pedestrians recognizing the offer of a lift and accepting it. The interpretant is the driver's intention to offer a lift to the pedestrians by using HF.

Urging someone to move

Example 1

[Context] The traffic light is red. Driver A stops his car in front of driver B who is in great haste and wants to pass the traffic light quickly. As soon as the traffic light turns green, driver B flashes his headlight quickly and repeatedly, which means:

تحرك!
tharrak!
'Go!'

As can be seen in this scenario, HF is used to urge the other driver to move. In particular, driver A was urged to speed up or to move away, so driver B can proceed. The use of this signal reduces the effort of verbal communication and conveys a comprehensible message that drivers can understand. Below is another example.

Example 2

[Context] On a high way, on the left lane driver A drives his car slowly in front of driver B who wants to overpass the car; driver B flashes his headlight quickly three to five times, which means one of the following:

ابعد

?ibʕid

'Clear the way'

Or

روح يمين

ru:h yami:n

'Move to the right'

HF is used in this scenario to ask driver A to move away or to move to the right lane, so that he can overpass. In both contexts, different messages are conveyed for the same function which is urging the other driver to act quickly. The use of this signal is very effective in such contexts because the drivers are inside their vehicles, and their facial expressions are probably not comprehensible and their verbal behavior is not audible.

The fast repeated HF in this context is the representamen that conveys a specific message. The interpretant indicates a sense of impatience on the part of driver B, prompting driver A to accelerate or create distance between them. The object is driver A's reaction or immediate response after receiving this signal.

Instructing pedestrians or street users to go away

[Context] A driver drives his car while some kids are playing football in the street without paying attention to the cars passing the road. He flashes his headlight repeatedly, which means:

ابعدوا!!

?ibiʕdu:

'Go away'

This context also shows another example in which HF is used with pedestrians i.e., kids playing in the street in this example. As presented in the context, HF is employed here to instruct these kids to play away from the road. The repetition of the HF serves an urgent purpose, i.e., to make sure that the kids have got the message and acted accordingly. Blowing horns can also be used for the same function, but this may scare the kids and expose themselves to danger.

In this pragma-semiotic analysis, the fast repeated HF is the representamen. The object is the pedestrians' act of moving away from the road after receiving this signal. The interpretant is the idea that the driver instructs the pedestrians and other street users to stay away from the road for their safety.

Giving priority

[Context] When driver A and driver B approach an intersection, driver A flashes his headlight while driving slowly and ends with a stop which means:

خد الطريق.

χud -itari:g

'It is all yours'

Giving priority is another pragmatic function of HF which is employed here to give priority to driver B to take the way and move.

In this scenario, HF is the representamen to deliver a message. The object in this interaction is prompting driver B to take the way. By signaling that driver A is giving propriety to driver B, the interpretant is established, ensuring that driver B understands that he can proceed on the way.

Greeting

[Context] While driving, driver A sees his friend (i.e., driver B) in the opposite direction. He flashes his headlight repeatedly to make sure he gets his friend's attention and conveys greeting:

مرحبا
marhaba
'Hello'

HF is employed here as a signal of greeting which means in this context 'Hello'. However, in daily interaction, it may suggest specific time related forms of greeting. It can be interpreted as 'Hi', 'Good morning', 'Good evening' and 'Good afternoon'.

The pragma-semiotic analysis shows that the representamen in this scenario is the repeated HF. The object is driver B, the recipient of greeting from driver A. The interpretant is that HF signals a friendly greeting between drivers.

Thanking

[Context] When driver A gives driver B the way, driver B flashes his headlight as a thank you gesture:

شكرا
šukran
'Thank you'

As shown in this scenario, HF conveys a positive and a polite attitude. It shows gratitude to driver A who gives the way to driver B, so his car can pass.

HF is the representamen in this example. The object is driver B receiving a thank you gesture from driver A and feeling acknowledged and appreciated. The interpretant is formed in the mind of driver B, who understands that HF is a gesture of gratitude from driver A.

Placing an order

[Context] A driver pulls up by a street cafe. He flashes his headlight to the service assistance there, which means:

تعال و خذ الطلب .
taša:l w χud ittalab
'Come and take the order'

To save more effort and time, HF is used in this context to avoid complete parking, leaving the car and moving toward the coffee shop to order. Instead, the service assistance comes up and takes the order.

In this scenario, HF serves as the representamen, indicating the act of placing an order. The service assistance receiving HF to take the order is the object. The interpretant is the understanding that HF is a signal for ordering service assistance.

Discussion

Analysis of the data reveals that HF as a gestural signal is pragmatically multifunctional in Jordan as it conveys 11 different pragmatic functions, viz., drawing attention, catcalling, warning, asking for help, offering a lift, urging someone to move, instructing pedestrians or street users to go away, giving priority, greeting, thanking and placing an order. As is clear, Jordanian drivers are aware of HF uses and functions. The study also shows that HF is mainly employed to serve more positive pragmatic functions than negative ones. Drawing attention, warning, asking for help, offering a lift, urging someone to move, instructing pedestrians or street users to go away, giving priority, greeting, thanking and placing an order are all positive functions. In contrast, one negative function was attested, namely, catcalling, which is employed to annoy females while walking in the street.

The analysis of data also reveals that the interpretation of HF varies according to different degrees of frequency. When HF is used repeatedly, i.e., at higher degrees of frequency, it demonstrates an urgent case. This high frequency serves as an intensifier and thus is used when the driver wants to make sure that his HF message has been successfully received. This result supports Chan and Ng [25] and Turner et al. [26]. To illustrate, HF is employed when the situation is urgent with greater frequency to serve the following functions: drawing attention, catcalling, warning, asking for help, urging someone to move and instructing pedestrians or street users to go away. Other functions are conveyed with lower degrees of frequency confirming that the situation is less or not urgent.

The reported results suggest that each context brings the meaning of a sign as a response to the interaction between the interlocutors in a context who shape signs and meanings. This is also consistent with Peirce's [38] interpretation of signs. Precisely, the interpretation of HF takes place through the process of semiosis and thus inferences. The study also points out that Peirce's model provides comprehensive frameworks for understanding the underlying meanings and intentions behind symbolic gestures such as HF.

Interviews show that drivers do not learn about the use of this signal from any source. Apparently, the HF practices have a long history and thus shared by the majority of Jordanian drivers. Actually, the driving experience involves them in a variety of situations which brought about the active use of this signal. In addition, the subjects suggest that almost all drivers tend to understand the

different meanings of HF signal; however, the process of perceiving the message conveyed through this signal is still challenging for some other road users. This may suggest that road users should be instructed about the multiple functions of HF.

Summary and recommendations

The present study has investigated the pragmatic functions of HF in the Jordanian context. Interviews were conducted with 60 male drivers to identify the pragmatic functions of HF. The analysis revealed the following 11 functions of HF: drawing attention, catcalling, warning, asking for help, offering a lift, urging someone to move, instructing pedestrians or street users to go away, giving priority, greeting, thanking and placing an order. This demonstrates that HF is pragmatically functional since it evolves in different contexts of communication.

Future research may address pragma-semiotic analysis of HF in other Arab contexts, e.g., Syrian, Egyptian, Algerian, etc. This may unveil the extent to which sub-Arab cultures influence this form of nonverbal communication [39]. It is also valuable to examine whether private and public cars drivers exhibit differences when using and perceiving HF. Additionally, the study highlights the potential for further exploration of Peirce's model in analyzing other types of symbolic gestures beyond HF. Further research may also examine whether HF is influenced by social variables like age, gender and education.

References

1. Burgoon, J.K., Manusov, V. & Guerrero, L.K. (2021). *Nonverbal communication*. Routledge.
2. Hall, E. (1973). *The silent language*. New York: Anchor/Doubleday.
3. Mehrabian, A. & Ferris, S.R. (1967). Inference of attitudes from nonverbal communication in two channels. *Journal of consulting psychology*, 31(3), 248.
4. Mehrabian, A. & Wiener, M. (1967). Decoding of inconsistent communications. *Journal of personality and social psychology*, 6(1), 109–114.
5. Jakob, N., Roessing, T. & Petersen, T. (2011). The effects of verbal and nonverbal elements in persuasive communication: Findings from two multi-method experiments. *Communications*, 36(2), 245–271.
6. Nagel, F., Maurer, M., & Reinemann, C. (2012). Is there a visual dominance in political communication? How verbal, visual, and vocal communication shape viewers' impressions of political candidates. *Journal of communication*, 62(5), 833–850.
7. Jakob, N., Roessing, T. & Petersen, T. (2016). Effects of verbal and non-verbal elements in communication. *Verbal Communication*, 39–53.
8. Dwyer, J. (2005). *Communication in business: Strategies and skills*. Melbourne: Frenchs Forest, N.S.W.
9. Phutela, D. (2015). The importance of non-verbal communication. *IUP Journal of Soft Skills*, 9(4), 43–49.
10. Snyder, D. (1998). Classroom management for student teachers. *Music Educators Journals*, 84(4), 37–40.
11. Elfatih, M. (2006). *The role of nonverbal communication in beginners' EFL classrooms: Sale junior high schools as a case*. URL: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/ED491813.pdf> (accessed: 19.01.2023).

12. Zeki, C.P. (2009). The importance of non-verbal communication in classroom management. *Procedia-Social and Behavioral Sciences*, 1(1), 1443–1449.
13. Gower, R., Walters, S. & Phillips, D. (1983). *Teaching practice handbook*. London: Heinemann.
14. Rossman, R.L. (1989). *Tips: Discipline in the music classroom*. Reston, VA: MENC.
15. Pollitt, L. (2006). *Classroom management. TESOL Course Articles*. URL: <http://www.tesolcourse.com> (accessed: 19.01.2023).
16. Cruickshank, D.R., Jenkins, D.B. & Metcalf, K.K. (2003). *The act of teaching*. Boston: McGraw-Hill Companies.
17. Björklund, G. (2005). *Driver interaction: informal rules, irritation and aggressive behaviour [dissertation]*. Acta Universitatis Upsaliensis.
18. Zhuang, X. & Wu, C. (2014). Pedestrian gestures increase driver yielding at uncontrolled mid-block road crossings. *Accident Analysis & Prevention*, 70, 235–244.
19. Risto, M., Emmenegger, C., Vinkhuyzen, E., Cefkin, M. & Hollan, J. (2017). Human-vehicle interfaces: the power of vehicle movement gestures in human road user coordination. In: *Proceedings of the Ninth International Driving Symposium on Human Factors in Driver Assessment, Training and Vehicle Design*. pp. 186–192.
20. Małecki, K., Nowosielski, A. & Kowalicki, M. (2020). Gesture-Based User Interface for Vehicle On-Board System: A Questionnaire and Research Approach. *Applied Sciences*, 10(18), 6620.
21. Abu Hatab, W. (2016). Taxi drivers' gestures in Jordan: A sociolinguistic approach. *Mediterranean Journal of Social Sciences*, 7(3), 312–319.
22. Leslie, R.P. & Rodgers, P.A. (1996). *The outdoor lighting pattern book*. New York: McGraw-Hill Professional Publ.
23. Bullough, J.D. (2021). Intelligent vehicle lighting: Impacts on visual perception of drivers varying in age. *Society of Automotive Engineers International Journal of Advances and Current Practices in Mobility*, 3(5), 2627–2632.
24. Kersavage, K., Skinner, N.P., Bullough, J.D., Garvey, P.M., Donnell, E.T. & Rea, M.S. (2019). Driver behavior in response to flashing lights. *Transportation Research Record*, 2673(5), 703–708.
25. Chan, A.H. & Ng, A.W. (2009). Perceptions of implied hazard for visual and auditory alerting signals. *Safety Science*, 47(3), 346–352.
26. Turner, S., Wylde, J., Langham, M. & Morrow, A. (2014). Determining optimum flash patterns for emergency service vehicles: An experimental investigation using high definition film. *Applied ergonomics*, 45(5), 1313–1319.
27. Skinner, N.P., LaPlumm, T.T. & Bullough, J.D. (2021). Warning light flash frequency as a method for visual communication to drivers. *Transportation Research Record*, 1–6.
28. Farghal, M. (1995). The pragmatics of 'inšallah in Jordanian Arabic. *Multilingua*, 14(3), 253–270.
29. Al-Khalidy, H. (2017). The discourse analysis and pragmatic meanings of ta:liṣ in Jordanian spoken Arabic. *International Journal of English Linguistics*, 7(4), 22–27.
30. Al-Khawaldeh, A. (2018). Uses of the discourse marker wallahi in Jordanian spoken Arabic: A pragma-discourse perspective. *International Journal of Humanities and Social Science*, 8(6), 114–123.
31. Hamdan, J. & Abu Rumman, R. (2020). The Pragmatic functions of Yahummalali in Jordanian spoken Arabic. *Jordan Journal of Modern Languages and Literatures*, 12(3), 327–345.
32. Hamdan, H. (2021). The pragmatic functions of Facebook*¹ Likes on status updates: Evidence from User Perceptions. *Jordan Journal of Modern Languages and Literatures*, 13(3), 665–679.

¹ Here and further, the * sign marks social networks that are part of the Meta Corporation, whose activities have been recognized as extremist and banned in the territory of the Russian Federation since March 2022.

33. Hamdan, H. (2022). The communicative functions of emojis: Evidence from Jordanian Arabic-Speaking Facebookers. *Psycholinguistics*, 31(1), 141–172.
34. Hamdan, J. & Hammouri, D. (2022). The pragmatic functions of Yalla in Jordanian spoken Arabic. *Psycholinguistics*, 31(2), 137–160.
35. Hamdan, J., Hamdan, H., Hamdan, W. & Alkhadra, W. (2023). The pragmatic functions of wa in Jordanian Arabic: A corpus-based study. *Psycholinguistics*, 34(2) 132–155.
36. Eco, U. (1976). *A Theory of Semiotics*. Bloomington, IN: Indiana University Press/London: Macmillan.
37. Chandler, D. (2002). *Semiotics: the basics*. London: Routledge.
38. Peirce, C. (1931–1958). *Collected Writings* (8 Vols.). Charles Hartshorne, Paul Weiss & Arthur W Burks (eds.). Cambridge, MA: Harvard University Press.
39. Al-Khazaali, M.A.R., Muzhir, H.D. & Jarullah, H.R.H. (2021). Influence of socio-cultural aspects on the production of main speech acts in Mohammed Mahdi Al-Jawahiri's Poem 'O Sir! Inspire me. *International Journal of Arabic-English Studies (IJAES)*, 21(1), 29–44.

Information about the authors:

Jihad M. Hamdan, PhD in Philology, Professor of Linguistics and Translation at the University of Jordan (Queen Rania St, Amman, Jordan, 111110). He is the President of the Association of Professors of English and Translation at Arab Universities; he is the Editor-in-Chief of International Journal of Arabic-English Studies; *Research interests*: Psycholinguistics, Language Acquisition, Lexicography, Pragmatics and Translation; *e-mail*: j.hamdan@ju.edu.jo Scopus ID: 10142472400; Research ID: H-3570-2016.

Doaa K. Riziq, has master's degree in Applied Linguistics and Teaching English as a Foreign Language, BA degree in Applied English, assistant professor of Linguistics at Applied Science Private University, Jordan (21, Al Arab st., Amman, Jordan, 11937); *Research interests*: Psycholinguistics, Cognitive Semantics, Pragmatics, Contrastive Linguistics and Intercultural Communication; *e-mail*: d_riziq@asu.edu.jo Scopus ID: 58097383800; Research ID: JFK-0898-2023.

Сведения об авторах:

Хамдан Джихад М., доктор филологических наук, профессор лингвистики и перевода, Университет Иордании (111110, Иордания, г. Амман ул. Королевы Рании); президент ассоциации преподавателей английского и письменного перевода в арабских университетах; главный редактор международного журнала арабо-английских исследований; *сфера научных интересов*: психолингвистика, обучения иностранным языкам, лексикография, прагматика и перевод; *e-mail*: j.hamdan@ju.edu.jo Scopus ID: 10142472400; Research ID: H-3570-2016.

Ризик Доаа К., магистр прикладной лингвистики и английского языка как иностранного, бакалавр лингвистики, доцент, Частный университет прикладных наук Иордании (11937, Иордания, г. Амман, ул. Аль-Араб, 21); *сфера научных интересов*: психолингвистика, когнитивная семантика, прагматика, контрастивное сопоставление и межкультурная коммуникация; *e-mail*: d_riziq@asu.edu.jo Scopus ID: 58097383800; Research ID: JFK-0898-2023.

**ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СЕМАНТИКА,
ГРАММАТИКА И СТИЛИСТИКА**
FUNCTIONAL SEMANTICS, GRAMMAR AND STYLISTICS

DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-3-872-894

EDN: IICRRK

UDC 811.161.1'42:371.671.11

Research article / Научная статья

**Towards a Taxonomy of Textbooks as a Genre:
the Case of Russian Textbooks**

Marina I. Solnyshkina¹ , Gulnoza N. Shoeva¹ , Ksenia O. Kosova²

¹Kazan (Volga Region) Federal University, *Kazan, Russian Federation*

²RUDN University, *Moscow, Russian Federation*

 mesoln@yandex.ru

Abstract. The project is presented in the paper initially is launched to design a functional recognition or classification model of a modern Russian school textbook as a genre. In this study we test and confirm the hypothesis that detection of domain (subject area) and complexity level of a textbook can be reduced to a limited number of quantitative linguistic parameters provided with accurately identified and verified value ranges. We outlined our approach to genre analysis as multi-dimensional, compiled a corpus of over 1 mln. tokens, measured values of 15 linguistic parameters in 19 textbooks of two different subject areas and complexity levels, revealed 7 complexity predictors, 7 subject area predictors, and one — frequency — a metaparameter able to discriminate textbooks of History and Social Studies from texts of other genres. Our findings highlight the significance of the following parameters for textbooks across the selected subject areas: incidence of nouns, verb tenses (present, past and future), local and global argument overlap, type-token ratio. Complexity classification model is ascertained to be a function of sentence length, word length, incidence of nouns in genitive case and verbs, Abstractness score, verb/noun ratio, and adjective/noun ratio. The outcomes of this analysis will be used to interpret quantitative linguistic descriptions and classify texts.

Keywords: text profiling, multi-dimensional analysis, rulingva, parametrisation indices, classification models

Financing. Acknowledgements:

The research was supported by the RSF grant 24-28-01355 “Genre-discourse characteristics of the text as a function of lexical range”. This paper has been supported by the RUDN University Scientific Projects Grant System, project No 050738-0-000.

This paper has been supported by the Kazan Federal University Strategic Academic Leadership Program (PRIORITY-2030).

© Solnyshkina M.I., Shoeva G.N., Kosova K.O., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Conflicts of interest: The authors declare no conflicts of interest.

Authors' contribution: The authors contributed equally to this article.

Article history:

Received: 01.06.2024

Accepted: 15.06.2024

For citation:

Solnyshkina, M.I., Shoeva, G.N. & Kosova, K.O. (2024). Towards a Taxonomy of Textbooks as a Genre: the Case of Russian Textbooks. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 15(3), 872–894. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-3-872-894>

На пути к систематике учебников как жанра: на примере российских учебников

М.И. Солнышкина¹ , Г.Н. Шоева¹ , К.О. Косова²

¹Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Российская Федерация

²Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

 mesoln@yandex.ru

Аннотация. Проект, представленный в статье, первоначально ставил цель разработки функциональной модели распознавания или классификации современного российского школьного учебника как жанра. В этом исследовании мы проверяем и подтверждаем гипотезу о том, что определение предметной области и уровня сложности учебника может быть сведено к ограниченному числу количественных лингвистических параметров, имеющих точно заданные и проверенные диапазоны значений. Мы охарактеризовали наш подход к жанровому анализу как многомерный, собрав корпус из более чем 1 млн текстов. Лексемы, измерявшие значения 15 лингвистических параметров в 19 учебниках двух разных предметных областей и уровней сложности, выявили 7 предикторов сложности, 7 предикторов предметной области и один частотный — метапараметр, способный отличать учебники истории и обществознания от текстов других жанров. Наши результаты подчеркивают важность следующих параметров для учебников по выбранным предметным областям: частота встречаемости существительных, времена глаголов (настоящее, прошедшее и будущее), совпадение локальных и глобальных аргументов, соотношение типов лексем. Установлено, что модель классификации сложности зависит от длины предложения, длины слова, частоты встречаемости существительных в родительном падеже и глаголов, показателя абстрактности, соотношения глаголов и существительных, а также соотношения прилагательных и существительных нарицательных. Результаты этого анализа будут использованы для интерпретации количественных лингвистических описаний и классификации текстов.

Ключевые слова: профилирование текста, многомерный анализ, ru lingua, индексы параметризации, классификационные модели

Финансирование. Благодарности:

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ 24-28-01355 «Жанрово-дискурсивные характеристики текста в зависимости от лексического диапазона». Статья подготовлена в рамках проекта № 050738-0-000 Системы грантовой поддержки научных проектов РУДН. Работа выполнена за счет средств Программы стратегического академического лидерства Казанского (Приволжского) федерального университета (ПРИОРИТЕТ-2030).

Заявление о конфликте интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: Вклад авторов равнозначен на всех этапах исследования.

История статьи:

Дата поступления: 01.06.2024

Дата приема в печать: 15.06.2024

Для цитирования:

Solnyshkina M.I., Shoeva G.N., Kosova K.O. Towards a Taxonomy of Textbooks as a Genre: the Case of Russian Textbooks // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 3. С. 872–894. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-3-872-894>

Introduction

In various fields of research, including information retrieval, corpus and computational linguistics, the demand for automatic classification of large amounts of texts and text taxonomies is recognized as increasing. Algorithms, aimed at designing classification text models, involve numerous procedures such as revealing relations between elements or structures of a text, attributing texts or groups of texts to specific ranges of variables and, finally, linguistic profiling [1].

The text model itself is nowadays viewed as an Abstract category able to (1) reproduce “relevant”, i.e. essential for a particular research, properties of the original text and (2) function as an analogue of the original. Functional recognition or classification models do not only correlate form and meaning but identify whether a text belongs to a certain category. Provided with a certain ‘input’, i.e. a segment of a text or a whole text, a researcher ‘applies the model’ conducting a comprehensive comparative and contrastive analysis for a set of linguistic parameters with the aim to identify idiosyncrasies and similarities of a text with a model. Based on the statistical analysis of the latter ‘the input text’ is recognized as a member of the class or an outcast [1]. The concept of a recognition or classification model also lies beyond the multi-dimensional method developed by D. Biber [2] who postulated his aim as identifying “clusters of co-occurring linguistic features and describing linguistic variation” [3]. Fostered by corpus linguistics and statistics, these methods enable to determine genre or discourse specific parameters, compare and contrast groups of texts with respect to different language dimensions [4; 5].

Classical genre classification models group texts based on systematic similarities including lexical, semantic, syntactic or discourse parameters. For example, B. Paltridge, in his seminal paper on genre analysis and identification of its textual boundaries emphasized the importance of semantic and syntactic features that play a key role in determining text genre [5]. D. Biber, on the other hand, while aiming at a text/register classification, applied multi-feature/multi-dimension (MF/MD) method and focused mostly on morphological parameters [2].

The past decade has witnessed a surge of interest in genre classification research based on multi-dimensional algorithm: it turned into a well-studied and developed area with applications in numerous fields [1; 4; 6; 7]. In the modern paradigm, linguists’ interest in designing classification models and their application increased

immensely due to the growing need of data processing automation in numerous areas including security and forensics, authorship profiling, NLP, intelligence, marketing etc. Nevertheless, Russian in this matter remains an under-resourced language with limited datasets at linguists' disposal and validated classification models to refer to [8–10].

In a broader perspective, our objective is to contribute to classification models of Russian textbooks as a genre, i.e. identify, validate, and accumulate textbook typological parameters. Sharing W. Raible's viewpoint on text genres as major constructs "of the communicative economy of a society" which have their pragmatic settings, we regard a textbook to be a genre that comes "in series, with one text being the model for another, not without typical (and inescapable) changes during diachrony" [6]. Based on the above, we *hypothesize* that textbooks of one historical period, but different (1) subject areas and (2) grades or complexity levels though bearing certain differences in values of lexical and syntactic parameters, constitute one genre, and as such demonstrate similarities on numerous language levels¹. The

¹ Corpus Materials. Textbooks Arsent'ev, N.M., Danilov, A.A., Levandovskij, A.A. & Tokareva, A.Ja. (2016). *Istorija Rossii. 9 klass. Uchebnik dlja obshheobrazovatel'nyh organizacij. V 2 ch.* Moscow: Prosveshchenie. (In Russ.). Bogolyubov, L.N. (2010). *Obshhestvoznanie. 8 klass: ucheb. dlja obshheobrazovat. uchrezhdenij*, in Bogolyubov, L.N. & Gorodetskaya, N.I. (eds.). Moscow: Prosveshchenie. (In Russ.). Bogolyubov, L.N. & Ivanova, L.F. (2013). *Obshchestvoznanie. 5 klass : ucheb. dlya obshcheobrazovat. uchrezhdenii s pril. na elektron. Nositele.* Moscow: Prosveshchenie. (In Russ.). Bogoljubov, L.N., Matveev, A.I. & Zhil'cova, E.I. (2014). *Obshhestvoznanie 9 klass: ucheb, dlja obshheobrazovat. organizacij*, Bogoljubova, L.N. (Ed.). Moscow: Prosveshchenie. (In Russ.). Danilov, A.A. & Kosulina, L.G. (2015). *Istorija Rossii, XIX vek. 8 klass: ucheb. dlja obshheobrazovat. Organizacij.* Moscow: Prosveshchenie. (In Russ.). Danilov, D.D., Sizova, E.V., Turchina, M.E. (2015). *Obshchestvoznanie. 5 kl.: ucheb. dlya organizatsii, osushchestvlyayushchikh obrazovatel'nyu deyatel'nost'.* Moscow: Balass. (In Russ.). Judovskaja, A.Ja., Baranov, P.A. & Vanjushkina, L.M. (2023). *Istorija. Vseobshhaja istorija. Istorija Novogo vremeni. XVIII vek. 8-j klass. Uchebnik*, Iskenderov, A.A. (Ed.). Moscow: Prosveshchenie. (In Russ.). Judovskaja, A. Ja. & Baranov, P.A. (2019). *Vseobshhaja istorija. Istorija Novogo vremeni. 9 klass. Uchebnik*, Iskenderov, A.A. (Ed.). Moscow: Prosveshchenie. (In Russ.). Kravchenko, A.I. (2012). *Obshchestvoznanie: uchebnik dlya 5 klassa obshheobrazovatel'nykh uchrezh denii.* Moscow: Russkoe slovo. (In Russ.). Kravchenko, A.I. (2010). *Obshhestvoznanie: Uchebnik dlja 8 klassa obshheobrazovatel'nyh uchrezhdenij.* Moscow: Russkoe slovo. (In Russ.). Kotova, O.A. & Liskova, T.E. (2019). *Obshhestvoznanie. 8 klass. Uchebnik.* Moscow: Prosveshchenie. (In Russ.). Lyashenko, L.M., Volobuev, O.V. & Simonova, E.V. (2016). *Istorija Rossii: XIX — nachalo XX v. 9 kl. Uchebnik.* Moscow: Drofa. (In Russ.). Nikitin, A.F. & Nikitina, T.I. (2014). *Obshhestvoznanie. 8 klass. Uchebnik.* Moscow: Drofa. (In Russ.). Nikitin, A.F. & Nikitina, T.I. (2014). *Obshhestvoznanie. 9 klass. Uchebnik.* Moscow: Drofa. (In Russ.). Nikitin, A.F. & Nikitina, T.I. (2013). *Obshchestvoznanie. 5 kl.: ucheb. dlya obshcheobrazovat. Uchrezhdenii.* Moscow: Drofa. (In Russ.). Nikishin, V.O. & Strelkov, A.V. (2023). *Vseobshchaya istoriya. Istoriya drevnego mira 5 klass. Uchebnik. Obnovlennyyi. FGOS.* Moscow: Russkoe slovo. (In Russ.). Saplina, E.V., Nemirovskii, A.A., Solomatina, E.I. & Tyrin, S.V. (2021). *Vseobshchaya istoriya. Istoriya Drevnego mira. 5 klass.* Moscow: Drofa. (In Russ.). Vigasin, A., Goder, G.I. & Svetsitskaya, I.S. (2020). *Vseobshchaya istoriya. Istoriya Drevnego mira. 5 klass: ucheb. dlya obshcheobrazovat organizatsii.* Moscow: Prosveshchenie. (In Russ.).

latter is caused by the ability of academic discourses of different domains to interpret the world in particular ways, each drawing on different lexical, grammatical and rhetorical resources to create specialized knowledge [7].

In our previous study we solely focused on identifying differences which distinguish textbooks of different subjects [8–10] or literary texts and textbooks [11], to the neglect of similarities of a textbook as a genre. The present study *aims* at identifying a range of descriptive parameters ample to define a textbook as a genre with the following research questions posed for investigation:

1. What are the value ranges of linguistic parameters specific for modern Russian textbooks of History and Social Studies?
2. What is a set of domain-attributed text parameters for school textbooks of History and Social Studies?
3. What is a set of grade or complexity-attributed text parameters for school textbooks of Grades 5, 8 and 9?
4. What is a set of parameters common for school textbooks of different grades and subject areas?

Literature Review

Constructing a genre model of a textbook involves operating with the notions of a genre, text type, text, and a textbook, therefore we start with the distinction between text genres and text types. From these preliminaries we can further derive the notion of a recognition model of a textbook. As the genre under study, i.e. a textbook, employs a communicative event, in which language plays both a significant and an indispensable role, we restrict ourselves to focusing on language not pragmatic parameters, which may be crucial, for example, in communicative settings of a football match, visiting a photo gallery, figure skating training, etc.

J. Swales formulates a definition of a *text genre* based on its communicative purpose, arguing that “the principal criterial feature that turns a collection of communicative events into a genre is some shared set of communicative purposes” [12]. Applying this concept, we refer to *genres* as “classes of communicative events” [12], taxonomy of which is based on “intents of communicators” [9]. *Text types*, on the other hand, being identified by their structure and the way information is presented (i.e. descriptive, explanatory, narrative, etc.), are similar in their linguistic characteristics, regardless of their situational or register features [13].

Textbooks tend to accumulate different text types comprising descriptive, explanatory and narrative parts [1]. Engineering textbooks, for example, may contain instructions which deliver procedural information [14], while textbooks on Humanities are constituted predominantly of argumentative and narrative elements [9]. Confirming the idea of certain linguistic eclecticism in academic texts [15], emphasizes that all of them, including research genres, differ in their themes and communicative settings, and as such they facilitate text types convergence within the same genre.

Based on the concept that texts are “socially meaningful traces of a communicative event” [16], the modern research paradigm defines *textbooks* as secondary texts adapted for academic purposes. In proper educational settings they serve to make scientific ideas more comprehensible for learners thus realizing their informative function [17]. The latter predetermines that before becoming a textbook, a scientific text undergoes numerous procedures of simplification and clarification of complex concepts [18] as it is designed to be a means for systematic studies of a subject, and as such is expected to be structured and accumulate information, arguments, explanations, examples and exercises to develop and practice students’ skills [18].

The generic character of a *functional genre model of a textbook* implies that it comprises numerous parameters and filters texts based on at least two classification criteria: (1) subject area and (2) complexity level. It is obvious that textbooks of different domains and grades embody a certain amount of idiosyncrasies, on the one hand, but, on the other, all representatives of the genre resemble each other in certain essential respects. While idiosyncrasies jeopardize a text’s membership in the genre group, its common features with other texts of the same genre indicate its belonging.

Materials, methods, analysis

In this study we employ an integrated approach comprising automated linguistic analysis as well as statistical methods for data processing and interpretation.

The *research design* comprised three stages:

(a) *Data collection*:

We employed two collections of textbooks on Social Studies and History: 8 textbooks for Grade 5 with the total size of 317,318 tokens compiled for the current study and 11 textbooks for grades 8 and 9 with the total size of 716,882 tokens, which were also used in our previous study [11]. Thus, the total size of the corpus exceeds 1 mln tokens.

To ensure representativeness and complexity balance of the selected texts, we compiled each of the two subcorpora with about the same number of textbooks on the grade levels selected (see Table 1). However, as textbooks on History are typically much longer, the corpus is highly skewed to History.

Table 1

Size of Textbooks Corpus

Subject area	Grade 5 (textbooks)	Subcorpus (tokens)	Grades 8–9 (textbooks)	Subcorpus (tokens)	Corpus size
History textbooks	4	226529	5	138463	644672
				279680	
Social Studies textbooks	4	90789	6	180549	389528
				118190	
Total		317318		716882	1034200

Source: compiled by Marina I. Solnyshkina, Gulnoza N. Shoeva, Ksenia O. Kosova.

All the selected textbooks belong to the “Ministry List”, i.e. Federal Register of the textbooks recommended for use in all state schools of the Russian Federation, and as such they are viewed a priori as high quality texts approved by psycho-pedagogical examination committee (fpu.edu.ru/).

b) Text parameters measurement:

We started this stage with parsing the textbooks into documents of about 1000 tokens, keeping all sentences whole and not compromising their integrity. Segmentation was finalized with deleting the final passage of the textbook which contained fewer than 1000 tokens and thus resulted in a slight decrease of the Corpus (see Table 1). Later, all texts were annotated and processed using RuLingva, a text analyzer developed for Russian academic texts.

At the moment RuLingva offers 49 indices for Russian text parametrization including quantitative descriptive, morphological, lexical, and discourse (cohesion) indices ascribing corresponding values to each text parameter and parameterization categories to each word in the document.

To confirm the theoretical assumptions about the variability of textbooks of different disciplines, we processed the texts on numerous morphological, lexical and syntactic parameters following the research design developed in [11].

Based on our previous research, of the 49 parameters available for extraction in RuLingva [8; 10; 11], we limited the list for analyses to the following 15: Average number of words per sentence, Average number of syllables per word, incidence of Nouns, Genitive case (Noun), incidence of Verbs, Present tense (Verb), Future tense (Verb), Past tense (Verb) (Norm), Frequency (by Sharoff), Abstractness score, Type-Token Ratio (average), Local argument overlap, Global argument overlap, Verb/Noun ratio, Adjective/Noun ratio. As the previous research indicates, these parameters play crucial roles in defining text complexity and genre specific characteristics.

Below we provide brief descriptions of these parameters to introduce readers into the system of measured by RuLingva indices.

- *Average number of words per sentence* is related to text readability or syntactic complexity: longer sentences suggest more elaborate and formal texts, such as academic or literary works. Shorter sentences are common in journalistic or children’s literature, prioritizing clarity and brevity [19].
- *Average number of syllables per word* is also used as an index or variable to predict certain text characteristics. By analysing word length researchers identify important cross-genre patterns, predict texts structure, which, in turn, affects text readability and complexity [20].
- *Nouns* incidence in a text provides insights into its informational density and the nature of its content. Texts with a high incidence of nouns tend to be more descriptive and information-heavy, e.g. academic texts and technical documents.

- *Genitive case* of nouns which typically marks possession (e.g., ‘he book’s cover’), is also indicative of descriptive, detail-oriented language. Exploring variability of genitive constructions, C. Lyons (1986) emphasizes their role in numerous syntactic and semantic relationships [21]. By highlighting possessive and descriptive nuances, which are particularly important in genres requiring precision and detail, *genitive case* constructions are also known to contribute to annotating genres.
- *Verb incidence* is an important parameter in determining syntactic structure and content of a text, adding to identification of genre-specific features and (dis) similarities between genres. The ratio of verbs to other parts of speech varies from genre to genre, affecting the overall style and text sentiment [22; 23].
- *Verb tenses* (Present, Future and Past) reflect time frames, purposes and functions of different genres enabling a more accurate text interpretation. D. Biber et al. (1999) in their seminal work on corpus linguistics point out that the use of different verb tenses helps create a sense of time and place in a text, which is essential for its genre identification [24].
- Cumulative text *frequency* refers to the sum of all the tokens frequencies in a text and is viewed useful in comparing complexities of two or more texts. RuLingva assesses cumulative text ‘*frequency*’ based on Lyashevskaya and Sharoff’s “Frequency Dictionary of Russian» which provides a comprehensive list of the most frequent words in Russian [25].
- Text *Abstractness score* reflects its cognitive or informative complexity. More Abstract texts require readers to use complex cognitive strategies to build mental models and interpret content. The latter is due to readers’ ability to integrate different levels of information, which makes the reading process more complex [26].
- *Type-token ratio* or *TTR* is widely used to measure lexical ‘richness’, ‘diversity’ or ‘variety’ of a text and revealed to be higher in discourses offering a broad range of unique concepts and events [27; 28]. TTR is proved to be sensitive to text length: shorter texts tend to have higher TTRs, while in longer texts, due to numerous repetition of functional words, TTR is lower. TTR is one of the reasons researchers are expected to parse texts under study into 1000 tokens as the modern paradigm requires [29].
- *Local argument overlap* measures repetition of nouns and pronouns in adjacent sentences while *Global argument overlap* is a metric of all repeated nouns and pronouns in a text indicating cohesion and thematic focus. High *argument overlap* implies a tightly focused subject matter, while low metrics of argument are typical of narrative texts, where the story progresses with varying agents [20–32].
- *Verb/noun ratio* is indicative of a text’s dynamism. Characterizing this parameter, Biber (1988) and Conrad (2000) highlight its utility

in distinguishing narrative against descriptive text types as high ratio suggests action-oriented content typical of narratives and procedural texts, while a lower ratio is indicative of a descriptive or expository style, common in academic and scientific writing [1; 19].

- *Adjective/Noun ratio* aids to genre classification by processing ‘emotive and descriptive quality of sentences’ [21]. Research shows that adjectives’ frequency and context vary considerably across academic disciplines. Some adjectives are particularly dominant in specific areas of academic texts, suggesting differences in style and vocabulary across academic disciplines [33].

c) *Comparative ↔ contrastive analysis*.

On this stage of research we addressed the research questions with the view to identify

(1) a set of domain-attributed text parameters for school textbooks of History and Social Studies;

(2) a set of complexity predictors or grade-attributed text parameters for school textbooks of Grades 5, 8 and 9;

(3) a set of parameters common for school textbooks of different grades and subject areas.

Using STATISTICA software, we processed RuLingva output data identifying typical ranges of core parameters values (Table 2) and assessed statistically significant (dis) similarities between the subcorpora indices (Table 3).

We also implemented a cross-sectional comparison and juxtapositioned A. History textbooks vs Social Studies textbooks and B. Grade 5 textbooks vs Grade 8–9 textbooks. We focused on the role of each parameter across subject areas discourses and grade levels. To identify the relationship between each pair of values, we employed Mann-Whitney correlation analysis. Table 3 below shows correlations of the parameters separately in grade levels and subject areas investigated.

Results

We derived several statistical measures to comprehensively analyse linguistic features of the textbooks across the selected grades and domains with the aim to identify value ranges of parameters specific for modern Russian textbooks of History and Social Studies.

Description and analysis of these measures is provided in the following order: Mean sentence length, Mean word length (In syllables), Nouns, Genitive case (Noun), Verbs, Present tense (Verb), Future tense (Verb), Past tense (Verb), Frequency (by Sharoff), Abstract index, TTR, Local argument overlap, Global argument overlap, Verb/Noun ratio, Adjective/Noun ratio (Table 2).

Table 2

The range of linguistic parameters values

Parameter	Social Studies, Grade 5 (N* = 88)	Social Studies, Grades 8–9 (N = 298)	History, Grade 5 (N = 226)	History, Grades 8–9 (N = 1089)
Mean sentence length	11.29±1.97	14.98±2.18	10.06±1.00	14.89±1.66
Mean word length (In syllables)	2.45±0.18	2.77±0.17	2.46±0.12	2.61±0.10
Nouns	350.92±40.76	397.50±32.94	412.65±36.62	410.14±32.83
Genitive case (Noun)	95.85±27.82	140.74±30.89	149.34±23.53	145.98±21.24
Verbs	158.23±25.88	125.14±16.86	124.50±20.99	130.61±17.89
Present tense (Verb)	62.53±15.57	64.92±12.77	22.77±11.73	15.10±9.68
Future tense (Verb)	4.78±3.51	3.21±2.64	2.00±2.20	1.24±2.12
Past tense (Verb)	48.17±25.76	33.13±12.41	101.85±21.83	96.6±17.33
Frequency (by Sharoff)	397.54±144.84	265.51±58.59	235.99±66.37	203.28±34.20
Abstract index	2.66±0.10	2.78±0.10	2.61±0.10	2.77±0.08
TTR	0.48±0.03	0.48±0.04	0.51±0.03	0.53±0.03
Local argument overlap	0.53±0.16	0.80±0.28	0.30±0.12	0.36±0.17
Global argument overlap	0.19±0.07	0.29±0.10	0.11±0.05	0.16±0.07
Nominative ratio (Verb/ Noun)	0.47±0.13	0.32±0.07	0.36±0.07	0.32±0.06
Descriptive ratio (Adjective/Noun)	0.31±0.06	0.37±0.05	0.30±0.05	0.40±0.06

N* — number of 1000 tokens fragments processed.

Source: compiled by Marina I. Solnyshkina, Gulnoza N. Shoeva, Ksenia O. Kosova.

Value ranges of text core indices

Below we offer boxplots visualizing the value range of each selected parameter and briefly describe text core indices. The dotted boxes represent the most typical values of the selected indices.

Mean sentence length

Fig. 1. visualizes the range and growth of sentence length in Social Studies and History textbooks from Grade 5 to Grades 8–9. The dotted line indicates the typical core of indices from minimum 9 words in History 5 to maximum of over 16 words in Social studies 8–9, on average

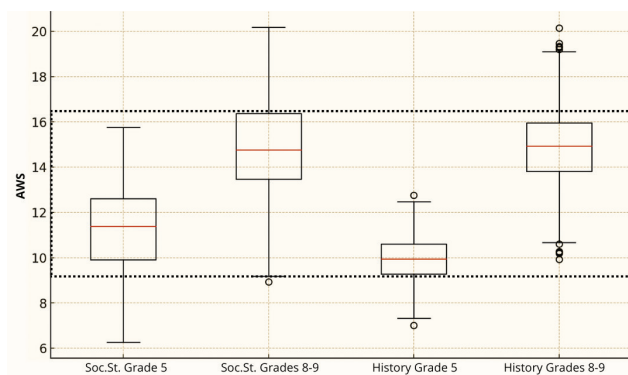

Fig. 1. Range of sentence length

Source: compiled by Marina I. Solnyshkina, Gulnoza N. Shoeva, Ksenia O. Kosova.

Mean word length (In syllables)

The average number of syllables per word is an indicator of vocabulary complexity, as words with more syllables are usually more complex and require a higher level of language skills [21]. Fig. 2 shows that in contrast to Grade 5 texts, high school texts contain longer words, thus reflecting their complex and specialized nature. History texts contain proper names of historical personalities, cities, states, locations, while specificity of Social Studies texts is reinforced by presence of terms which are longer than average common words. Such outliers are not anomalies in academic texts, they rather reflect specificity of the educational materials addressed to high school students.

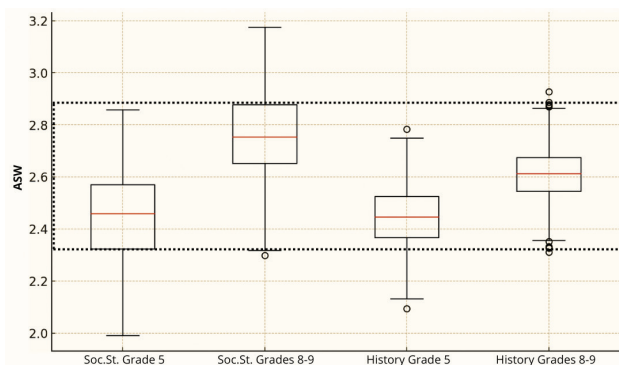

Fig. 2. Range of word length

Source: compiled by Marina I. Solnyshkina, Gulnoza N. Shoeva, Ksenia O. Kosova.

Nouns

Fig. 3. shows that the average number of nouns varies by grade level and subject. The average number of nouns in Grade 5 Social Studies textbooks is approximately 350 per 1000 tokens. Textbooks for this age group contain a relatively small number of nouns, which corresponds to the more simplified structure of the text intended for younger students. And in texts for Grade 8–9 learners, the average number of nouns increases to about 398. The higher average and wide range of meanings indicate the presence of more specialized vocabulary and complex grammatical structures. The average number of nouns in History textbooks for Grade 5 is about 413. This shows that even on Grade 5 level, history texts contain a significant number of nouns. The presence of top outliers in the graph (>500 words <330), especially in Grades 8–9 History texts, indicates high volatility of the parameter in the selected texts and, consequently, need for further investigation and development of available data

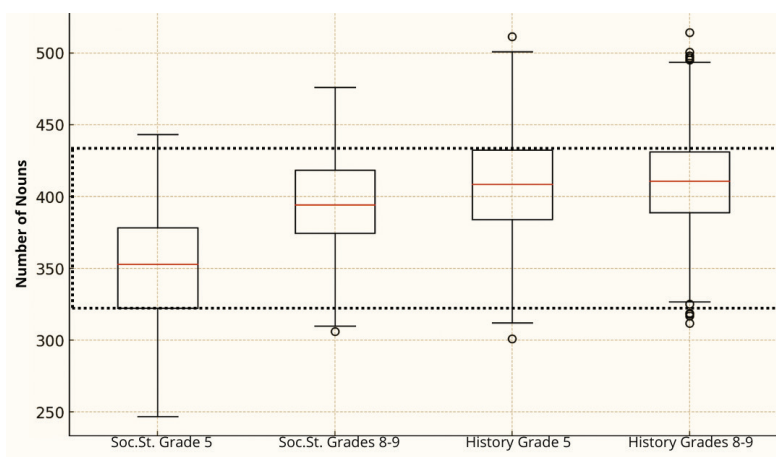

Fig. 3. Incidence of nouns

Source: compiled by Marina I. Solnyshkina, Gulnoza N. Shoeva, Ksenia O. Kosova.

Genitive case (Noun)

Genitive case of nouns typically denotes and signifies belonging, a part of a whole, or clarification and is used in grammatical constructions Noun + Noun^{gen}. Its incidence is a validated morphological complexity predictor [12] and its growth may indicate readers' difficulties in comprehension. History textbooks for both grades and Social Studies textbooks for Grades 8–9 demonstrate nearly identical, rather high, values of genitive case incidences: 149 and 142 per 1000 tokens respectively.

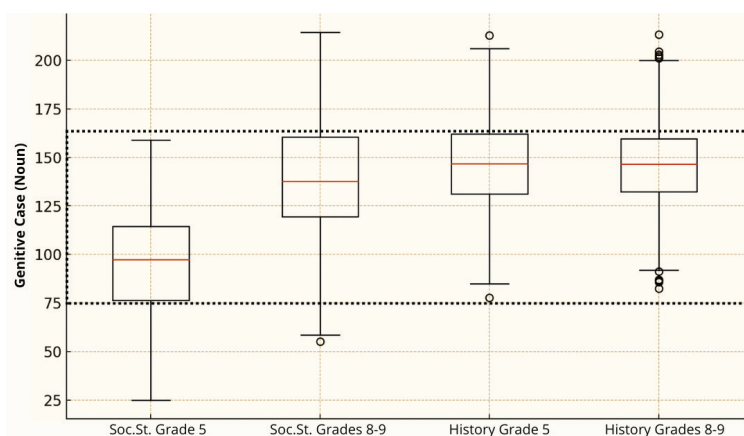

Fig. 4. Incidence of genitive case (nouns)

Source: compiled by Marina I. Solnyshkina, Gulnoza N. Shoeva, Ksenia O. Kosova.

Verbs

The graph below compares the incidence of verbs in Social Studies and History texts. The average number of verbs in Grade 5 Social Studies textbooks is approximately 158, but in Grades 8–9 textbooks the average number of verbs drops to 125 indicating that the texts lose narrativity, acquire descriptiveness and analyticism. The latter is likely to be related to changes in incidence of nouns and adjectives. History textbooks for younger students have relatively stable verb incidence index, which favors a more dynamic and narrative style of presenting historical events and facts. In Grade 8–9, the average number of verbs slightly increases to 130. Outliers on the graph, especially in History Grades 8–9, may be caused by topics or quotations from other discourses where the number of verbs fluctuates. For example, some chapters may comprise more narrative or dynamic elements thus resulting in increased verb use.

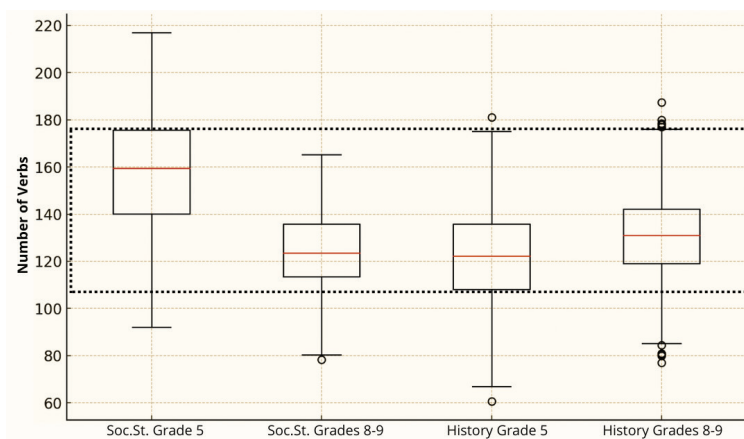

Fig. 5. Incidence of verbs

Source: compiled Marina I. Solnyshkina, Gulnoza N. Shoeva, Ksenia O. Kosova.

Frequency (by Sharoff)

Research shows that lexical frequency in textbooks decreases from junior to senior grades, reflecting changes in academic styles. Senior grade textbooks place more emphasis on specialized and academic vocabulary with lower frequency indices [9].

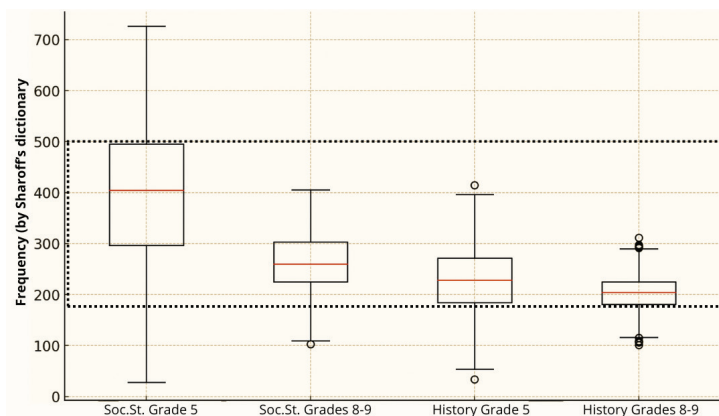

Fig. 6. Frequency

Source: compiled by Marina I. Solnyshkina, Gulnoza N. Shoeva, Ksenia O. Kosova.

Abstract index

Abstractness is a validated complexity predictor with a tendency to increase across grades in instructional texts [8; 11]. The current study (Fig. 7) confirmed the previous research results [8; 11]: texts of both subjects indicate a noticeable growth of the parameter value across grades. We also observe that Abstractness indices in both Social Studies and History demonstrate relatively small standard deviation, indicating homogeneous use of Abstract concepts. Another significant finding is that Abstractness in History 5 is lower than in Social Studies 5.

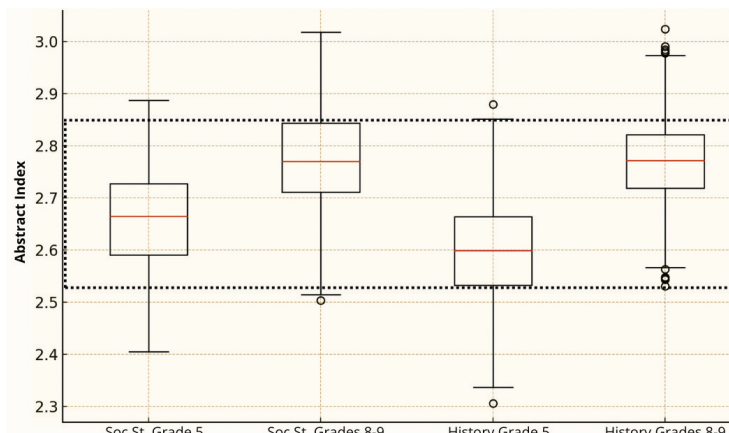

Fig. 7. Abstractness

Source: compiled by Marina I. Solnyshkina, Gulnoza N. Shoeva, Ksenia O. Kosova.

Type Token ratio (TTR)

History books TTR increases gradually across grades from 5 to 8–9, reflecting more diverse vocabulary in high school where students are expected to be exposed to more Abstract notions. TTR in Social Studies textbooks of both levels is 0.48, which is impressively lower than in History, i.e. 0.52 and 0.54 respectively, with the range of values being slightly wider in Grade 8–9.

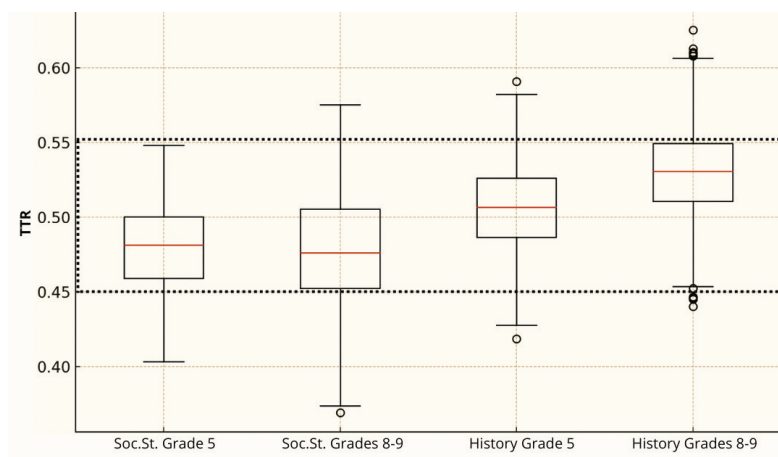

Fig. 8. Type Token Ratio

Source: compiled by Marina I. Solnyshkina, Gulnoza N. Shoeva, Ksenia O. Kosova.

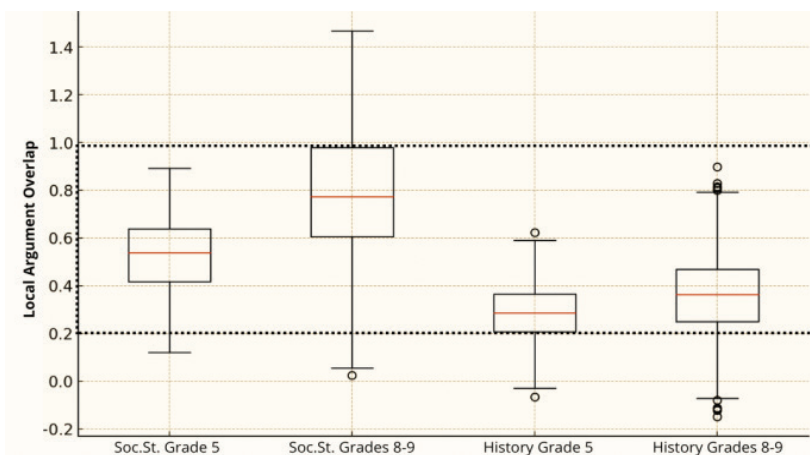
Local / Global argument overlap

The average of Local argument overlap in Grade 5 Social Studies is 0.53 with a range from 0.2 to 1.0. This indicates a moderate degree of argument, i.e. key nominal, elements repetition, which is intended to help readers comprehend information. Noteworthy, that the average level of local argument overlap in Grades 8–9 Social Studies is much higher at 0.80, with a range of values from 0.2 to 1.4. The latter reflects the so called ‘complexity trade-off’, when a higher level of one complexity predictor, i.e. cohesion, due to the repetition of nominal elements, simplifies the text. It is viewed as a kind of balance to increased cognitive complexity, realized in longer sentences, higher Abstractness or TTR in higher grades.

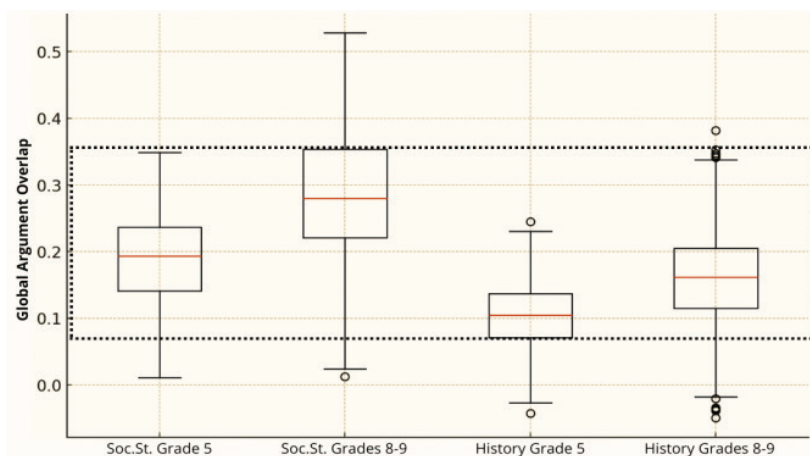
Another interesting observation is that both Local and Global argument overlaps in History textbooks are of lower values compared to Social Studies textbooks, which is another marker of Social Studies textbooks writers’ efforts to assist text comprehension by inclusion of more repetitions.

Nominative ratio (Verb/Noun)

The ratio decreases from Grade 5 to Grade 8–9 in both subjects which is predictable in academic texts, as higher values indicate higher frequency of verbs compared to nouns and vice versa.

a

b

Fig. 9. a) Local argument overlap; b) Global argument overlap
Source: compiled by Marina I. Solnyshkina, Gulnoza N. Shoeva, Ksenia O. Kosova.

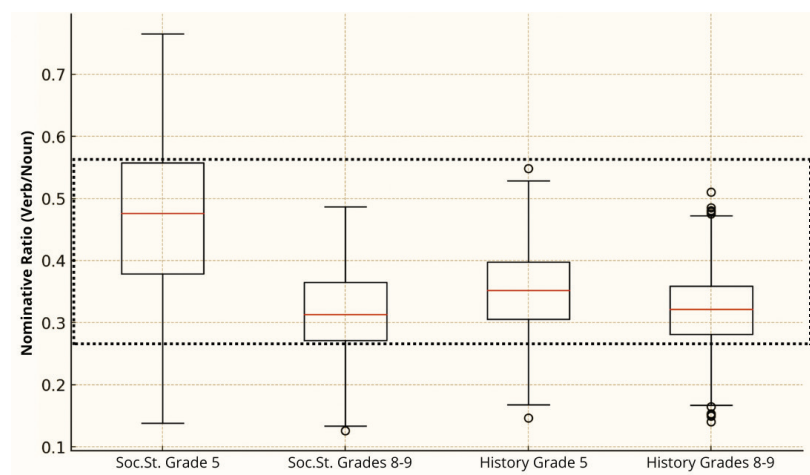

Fig. 10. Verb/Noun ratio
Source: compiled by Marina I. Solnyshkina, Gulnoza N. Shoeva, Ksenia O. Kosova.

Descriptive ratio (Adjective/Noun)

As for the Descriptive ratio, it tends to grow across grades alongside with cognitive development of students and text complexity in texts of both subjects.

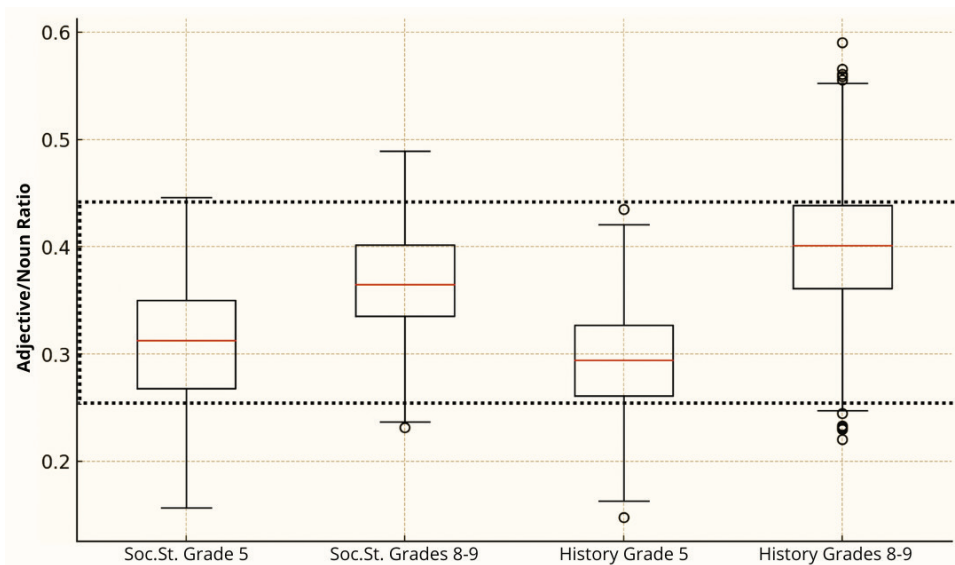

Fig. 11. Adjective/Noun ratio

Source: compiled by Marina I. Solnyshkina, Gulnoza N. Shoeva, Ksenia O. Kosova.

Verb tenses

Dynamics of verb tenses has subject peculiarities: unexpected higher narrativity in Social Studies Grade 5 is obvious in all three Figures, where the ratio of verbs in all tenses is higher in Grade 5 books than in Grades 8–9. We also observe anticipated lower levels of present and future tenses in History textbooks and their skewness to past tenses.

Thus, our experimental data, presented in 4.1, indicate that defining value ranges of the core textbook parameters are although feasible but rather challenging. The possible reasons to the above is a simple fact that a textbook categorization or assigning it to a category, involves at least two classification principles, i.e. complexity (or a grade level) and a subject area. A textbook is always denoted in these two parameters, i.e. domain and the year of schooling, e.g., Geography 5 or Mathematics 3. Due to the above, the most practical decision for textbook classification model is to comprise two steps. The first, i.e. application of the subject inherent parameters, must be followed by the (non) attribution of the text to a particular subject area and the second presupposes application of the complexity/grade-inherent parameters followed by the (non) attribution of the text to the complexity (grade) level.

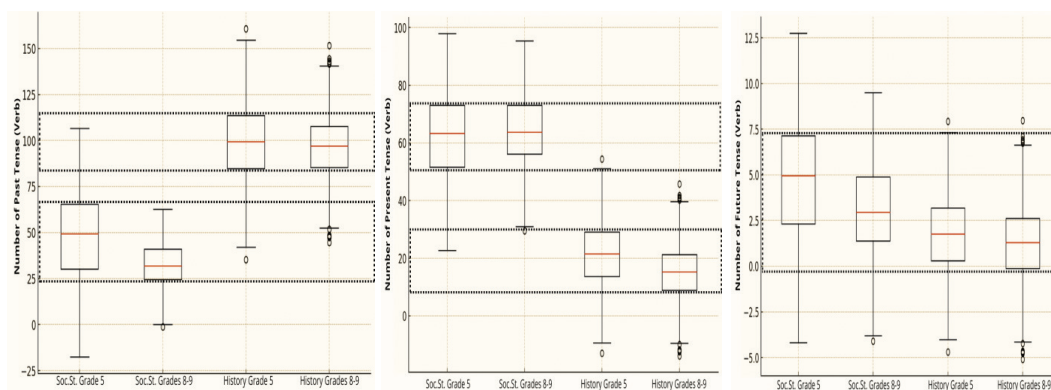

Fig. 12. Verb tenses

Source: compiled Marina I. Solnyshkina, Gulnoza N. Shoeva, Ksenia O. Kosova.

Domain- and Grade-attributed parameters

For the objective specified above, in the following part of the article we identify two sets of text parameters:

- 1) domain-attributed parameters for school textbooks of History and Social Studies only. They are supposed to be similar or common for different complexity levels and as such do not or poorly discriminate texts of different grades. Their main function is to “attribute” a text as a member of History/Social Studies subject area or not;
- 2) grade-attributed text parameters for school textbooks of Grades 5, 8 and 9, which are common for different subject areas and as such demonstrate similar tendencies in texts of the same complexity level. In our research they do not discriminate texts of History and Social Studies, but as complexity predictors may categorize grade level of a text only.

Applying Mann — Whitney U statistical technique, we computed a cross-sectional comparison between textbooks of the same discourse, i.e. Humanities, but different subject areas: History and Social Studies, on the one hand, and textbooks of different complexity levels, i.e. Grade 5 and Grades 8–9, on the other (Table 3).

The list of domain-attributed classification parameters comprises the following: Average number of words per sentence, Average number of syllables per word, Genitive case (Noun), incidence of Verbs, Abstractness score, Local argument overlap, Global argument overlap, (Table 3). The rest with only one exception, i.e. Frequency, are grade-attributed text parameters including incidence of Nouns, Present tense (Verb), Future tense (Verb), Past tense (Verb) (Norm), Type-Token Ratio (average), Verb/Noun ratio, Adjective/Noun ratio.

Frequency constitutes a separate parameter discriminating neither complexity nor subject areas in textbooks, and as such demonstrates a narrow range of quantitative diversity characteristic of a metaparameter able to potentially differentiate textbooks from texts of other genres.

Domain- and grade-attributed textbook parameters

Variable	Complexity (Grade level)				Subject area			
	Grade 8–9	Grade 5	p-value, Mann-Whitney U	p-value	Social Studies	History	p-value, Mann-Whitney U	p-value
Average number of words per sentence	14.59	10.53	0.50	< .01*	13.21	12.52	39.50	0.68
Average number of syllables per word	2.70	2.45	4.00	< .01*	2.65	2.54	24.00	0.09
Nouns	405.29	383.81	29.00	0.23	382.24	411.80	19.00	< .01*
Genitive case (Noun)	144.08	110.80	9.00	< .01*	124.18	136.61	30.00	0.23
Verbs	127.78	153.58	0.00	< .01*	138.93	138.33	38.00	0.59
Present tense (Verb)	37.77	41.99	38.00	0.65	57.91	19.15	9.00	< .01*
Future tense (Verb)	42.92	41.99	44.00	0.96	63.57	19.15	0.00	< .01*
Past tense (Verb)	60.28	75.95	28.00	0.20	39.46	97.35	1.00	< .01*
Frequency (by Sharoff)	3545.63	3383.70	24.00	0.10	3439.13	3520.02	36.00	0.48
Abstractness score	2.75	2.62	0.00	< .01*	2.71	2.68	39.00	0.65
Local argument overlap	0.58	0.40	29.00	0.23	0.67	0.32	2.50	< .01*
Global argument overlap	0.11	0.08	24.50	0.11	0.12	0.07	11.00	< .01*
Type-Token Ratio	0.51	0.50	29.50	0.24	0.49	0.53	5.50	< .01*
Verb/Noun ratio	0.32	0.41	8.50	< .01*	0.37	0.34	36.00	0.48
Adjective/Noun ratio	0.38	0.31	0.00	< .01*	0.34	0.35	35.50	0.46

* $p < .05$ — statistically significant differences.

Source: compiled by Marina I. Solnyshkina, Gulnoza N. Shoeva, Ksenia O. Kosova.

Our experiments indicate that textbook classification decisions can be made with reasonable accuracy on the basis of 15 parameters. Sentence length, word length, incidence of genitive case, incidence of verbs, Abstractness score, verb/noun ratio, and adjective/noun ratio as complexity predictors classify textbooks of different grade levels but not subject domains. Incidence of nouns, verb tenses (present, past and future), local and global argument overlap as well as type-token ratio discriminate textbooks of different subject areas but not complexity (grade) level. ‘Frequency’ behaves differently from all other parameters correlating neither with complexity nor subject area differences between groups of texts and establishing itself as a metaparameter able to discriminate between genres.

Discussion and conclusion

The study of genre profiling as an important area of computer and corpus linguistics based on predominantly quantitative analysis aims at revealing relations between elements of a text and designing a functional recognition model of a genre. Thus, the primary focus of the current research is a multi-dimensional profile of a modern Russian school textbook. Similar to our previous contrastive study of adventure stories and textbooks we identified a list of genre inherent quantitative lexical and grammatical features, in this paper we contrast textbooks of different disciplines and grades with the objective to define typical features of a modern Russian textbook as a genre.

Cross-sectional comparison was conducted between (1) textbooks of the same discourse, i.e. Humanities, but different subject areas: History and Social Studies and (2) textbooks of different complexity levels, i.e. Grade 5 and Grades 8–9.

By using a set of 15 linguistic parameters automatically extracted with RuLingva we singled out and statistically verified three distributional patterns: (1) textbooks of History and Social Studies are similar to one another in sentence length, word length, incidence of genitive case, incidence of verbs, Abstractness score, verb/noun ratio, and adjective/noun ratio; (2) parameters similar in texts of different complexity levels include incidence of nouns, verb tenses (present, past and future), local and global argument overlap as well as type-token ratio; (3) Frequency, discriminating neither complexity nor subject areas in textbooks, demonstrates a narrow range of quantitative diversity characteristic of a metaparameter able to differentiate textbooks with texts of other genres.

Prospects of the study are in synthesizing textbook classification model implementing the identified ranges of parameters, patterns and distinctions that characterize textbooks as a genre. We also plan to verify our assumption that frequency index may serve as a good classifier between genres in our future contrastive studies of textbooks and political, folklore and fiction texts.

References / Библиографический список

1. Kessler, B., Nunberg, G. & Schuetze, H. (1997). *Automatic Detection of Text Genre*.
2. Biber, D. (1988). *Variation across Speech and Writing*. Cambridge: Cambridge University Press.
3. Biber, D. & Conrad, S. (2013). Introduction: Multi-dimensional analysis and the study of register variation. In: S. Conrad & D. Biber (Eds.) *Variation in English: Multidimensional studies*. Routledge. pp. 3–12.
4. Biber, D. & Gray, B. (2016). *Grammatical Complexity in Academic English: Linguistic Change in Writing*. Cambridge: Cambridge University Press.
5. Paltridge, B. (1994). Genre Analysis and the Identification of Textual Boundaries. *Applied Linguistics*, 15, 288–299.
6. Raible, W. (2019). Variation in Language: How to Characterise Types of Texts and Communication Strategies between Orality and Scriptuality. Answers given by Koch / Oesterreicher and by Biber. *International Journal of Language and Linguistics*, 6(2). <https://doi.org/10.30845/ijll.v6n2p19>

7. Hyland, K. (2004). *Disciplinary Discourses: Social Interactions in Academic Writing*. Michigan: University of Michigan Press.
8. Kupriyanov, R.V., Solnyshkina, M.I. & Lekhnitskaya, P.A. (2023). Parametric Taxonomy of Educational Texts. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 22(6), 80–94. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.6.6> (In Russ.).
Куприянов Р.В., Солнышкина М.И., Лехницкая П.А. Параметрическая таксономия учебных текстов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2023. Т. 22. № 6. С. 80–94. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.6.6>
9. Gatiyatullina, G., Solnyshkina, M., Solovyev, V., Danilov, A., Martynova, E. & Yarmakeev, I. (2020). Computing Russian Morphological distribution patterns using RusAC Online Server Proceedings. *International Conference on Developments in eSystems Engineering, DeSE 9450753*. pp. 393–398. <https://doi.org/10.1109/DeSE51703.2020.9450753>
10. Paraschiv, A., Dascalu, M. & Solnyshkina, M.I. (2023). Classification of Russian textbooks by grade level and topic using ReaderBench. Research Result. *Theoretical and Applied Linguistics*, 9(1), 50–63. <https://doi.org/110.18413/2313-8912-2023-9-1-0-4>
11. Solnyshkina, M.I., Kupriyanov, R.V. & Shoeva, G.N. (2024). Linguistic profiling of text genres: adventure stories vs. textbooks. Research Result. *Theoretical and Applied Linguistics*, 10(1), 15–132. <https://doi.org/10.18413/2313-8912-2024-10-1-0-7>
12. Swales, J.M. (1990). *Genre Analysis English in Academic and Research Settings*. Cambridge: Cambridge University Press.
13. Lüdeling, A. & Kytö, M. (2009). *Corpus Linguistics. An International Handbook* (HSK 29.1 und 29.2). Berlin, New York: Mouton de Gruyter. <https://doi.org/10.1515/zrs-2012-0019>
14. Biber, D. & Conrad, S. (2019). *Register, Genre, and Style*. Cambridge: Cambridge University Press.
15. Alekseeva, L.M., Annushkin, V.I. & Bazhenova, E.A. (2003). *Stilisticheskii entsiklopedicheskii slovar' russkogo yazyka*. Moscow: Nauka: Flinta. (In Russ.).
Алексеева Л.М., Аннушкин В.И., Баженова Е.А. Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М.: Наука: Флинта, 2003.
16. Kuznetsova, J. (2015). *Linguistic profiles: going from form to meaning via statistics*. New York: Mouton de Gruyter. <https://doi.org/10.1515/9783110361858>
17. Yakhibbaeva, L.M. (2008). Uchebnyi tekst kak osobyi vid vtorichnogo teksta i sostavlyayushchaya uchebnogo diskursa. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*, 13(4), 1029–1031.
18. Vedyakova, N.A. (2016). Uchebnyi tekst — nauchnyi tekst? *Lingua mobilis*, 1(54), 19–26.
19. Plavén-Sigray, P. & Matheson, G.J., Schiffler, B.Ch. & Thompson, W.H. (2017). *Research: The readability of scientific texts is decreasing over time eLife*. URL: <https://elifesciences.org/articles/27725#cite-this-article> (accessed: 12.01.2024). <https://doi.org/10.7554/eLife.27725>
20. Ember, M. & Ember, C. (1999). Cross-Language Predictors of Consonant-Vowel Syllables. *American Anthropologist*, 101(4), 730–742.
21. Lyons, C. (1986). The syntax of English genitive constructions. *Journal of Linguistics*, 22(1), 123–143. <https://doi.org/10.1017/S0022226700010586>
22. Tang, J. (2024). Variation in metadiscourse verb patterns in English academic papers from intra- and interdisciplinary analysis. *Applied Mathematics and Nonlinear Sciences*, 9(1).
23. Hodošček, B. (2011). Word Class Ratios and Genres in Written Japanese: Revisiting the Modifier Verb Ratio. *Acta Linguistica Asiatica*, 1(2).
24. Biber, D., Conrad, S. & Reppen, R. (1999). *Corpus Linguistics: Investigating Language Structure and Use*. Cambridge: Cambridge University Press.
25. Sharoff, S., Umanskaya, E. & Wilson, J. (2013). *A Frequency Dictionary of Russian: Core vocabulary for learners*. Routledge.
26. Van Dijk, T.A. (1988). *News as Discourse*. Lawrence Erlbaum Associates, Inc.

27. Read, J. (2000). *Assessing vocabulary*. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511732942>
28. Treffers-Daller, J., Parslow, P. & Williams Sh. (2018). Back to Basics: How Measures of Lexical Diversity Can Help Discriminate between CEFR Levels. *Applied Linguistics*, 39(3), 302–327. <https://doi.org/10.1093/applin/amw009>
29. Yang, J.S., Rosvold, C. & Bernstein, R.N. (2022). Measurement of Lexical Diversity in Children’s Spoken Language: Computational and Conceptual Considerations. *Front. Psychol*, 13, 905789. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.905789>
30. Foltz, P.W., Kintsch, W. & Landauer, T.K. (1998). The Measurement of Textual Coherence with Latent Semantic Analysis. *Discourse Processes*, 25 (2–3), 285–307. <https://doi.org/10.1080/01638539809545029>
31. McNamara, D.S., Louwse, M.M., McCarthy, P.M. & Graesser, A.C. (2010). Coh-Metrix: Capturing linguistic features of cohesion. *Discourse Processes*, 47, 292–330.
32. Crossley, S.A. & McNamara, D.S. (2011). Text cohesion and judgments of essay quality: Models of quality and coherence. *Cognition and Instruction*, 29(6), 569–589.
33. Marza, L.E. (2011). A comprehensive corpus-based study of the use of evaluative adjectives in promotional hotel websites. *Odisea*, 12, 97–123.

Information about the authors:

Marina I. Solnyshkina, Ds.Dc. (Philology), Head and Chief Researcher, Text Analytics Research Laboratory, Professor of the Department of Theory and Practice of Teaching Foreign Languages, Institute of Philology and Intercultural Communication, Kazan Federal University (18, Kremlevskaya str., Kazan, Russian Federation, 420008); *Research interests*: applied linguistics, quantitative linguistics, psycholinguistics, semantics; *e-mail*: mesoln@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-1885-3039; Scopus Author ID: 56429529500; ResearcherID: E-3863-2015; SPIN-code: 6480-1830; AuthorID: 440177.

Gulnoza N. Shoeva, PhD student of the Department of Theory and Practice of Teaching Foreign Languages, Text Analytics Research Laboratory, Institute of Philology and Intercultural Communication, Kazan Federal University (18, Kremlevskaya str., Kazan, Russian Federation, 420008); *Research interests*: applied linguistics, quantitative linguistics, psycholinguistics, semantics; *e-mail*: gnshoeva@yandex.ru
ORCID: 0009-0005-0438-0404.

Ksenia O. Kosova, PhD student of the Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, RUDN University (6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation, 117198); *Research interests*: applied linguistics, quantitative linguistics, psycholinguistics, semantics; *e-mail*: kosova-ko@rudn.ru
ORCID: 0009-0007-5606-9604; SPIN-code: 2675-2106; AuthorID: 1200147.

Сведения об авторах:

Солнышкина Марина Ивановна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории и практики преподавания иностранных языков, руководитель НИЛ «Текстовая аналитика», Институт филологии и межкультурной коммуникации, Казанский (Приволжский) федеральный университет (420008, Российская Федерация, г. Казань, ул. Кремлевская, 18); *сфера научных интересов*: прикладная лингвистика, квантитативная лингвистика, семантика; *e-mail*: mesoln@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-1885-3039; Scopus Author ID: 56429529500; ResearcherID: E-3863-2015; SPIN-код: 6480-1830; AuthorID: 440177.

Шоева Гулноза Нармахмадовна, аспирант кафедры теории и практики преподавания иностранных языков, младший научный сотрудник, НИЛ «Текстовая аналитика», Институт филологии и межкультурной коммуникации, Казанский (Приволжский) федеральный университет (420008, Российская Федерация, г. Казань, ул. Кремлевская, 18); *сфера научных интересов*: прикладная лингвистика, квантитативная лингвистика, семантика; *e-mail*: gnshoeva@yandex.ru
ORCID: 0009-0005-0438-0404.

Косова Ксения Олеговна, аспирант кафедры иностранных языков филологического факультета, Российский университет дружбы народов (117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Макляя, д. 6); *сфера научных интересов*: прикладная лингвистика, квантитативная лингвистика, семантика; *e-mail*: kosova-ko@rudn.ru
ORCID: 0009-0007-5606-9604; SPIN-код: 2675-2106; AuthorID: 1200147.

DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-3-895-913

EDN: INPGUH

УДК [811.512.122:811.161.1]34

Научная статья / Research article

Сингармоническая фоностилика в сопоставлении с несингармонической на материале казахского и русского языков

Маханбет Джусупов , Нуржамал Сапарова

Узбекский государственный университет мировых языков, Ташкент, Республика Узбекистан

 mah.dzhusupov@mail.ru

Аннотация. Фоностилика как научная дисциплина берет свое начало от работ Н.С. Трубецкого. В тюркских языках фоностилика является сингармонической. Слова тюркских языков маркируются одним из четырех типов сингармонизма — сингармолингвотвердый, сингармолингвомягкий, сингармолингволабиотвердый, сингармолингволабиомягкий. Статья посвящена изучению актуальной проблемы в области фоностилистики на материале лексики сингармонического и акцентного языков. Сингармонизм — универсальное просодическое свойство тюркских языков, фоноварианты являются сингармоническими: при чередовании фонем в сингармофоновариантах на месте сингармотвердой фонемы функционирует другая сингармотвердая фонема, на месте сингармомягкой фонемы — другая сингармомягкая фонема. Сингармонизм охватывает сегментную и суперсегментную фоностилистику тюркских языков. Сингармоническая фоностилика казахского языка — сингармолингвальная, т.к. лабиальный сингармонизм не проявляется за исключением нескольких слов, в которых присутствие лабиосингармонизма носит дискуссионный характер. Фоноварианты казахского языка на просодическом (сингармоническом) уровне характеризуются следующей дифференциацией: на стилистически равнозначные сингармофоноварианты; на стилистически не равнозначные сингармофоноварианты; на сингармофоноварианты, звучание которых оформляется в зависимости от типа сингармонизма орфографически по-разному, но в статусе нормативного написания. В этом случае сингармофоноварианты одного слова могут писаться по-разному. В основе полизначности в проявлении звуковой стилистики лежит типологическое разнообразие разносистемных языков. Так, в русском языке просодической доминантой слова является словесное ударение, разноместность и подвижность которого способствует порождению суперсегментной фоностилистики языковой единицы. Изменение в произношении слова типа сингармонизма способствует порождению его сингармофоноварианта. Эта разносистемность является основой разнотипного проявления как сегментной, так и суперсегментной фоностилистики в этих языках. В процессе ведения научных изысканий были использованы такие методы научного исследования, как сравнительный, сопоставительный, противопоставление минимальных пар, семантико-стилистический. Результаты сопоставительного исследования имеют теоретическое и практическое значение.

Ключевые слова: сегментная и суперсегментная, сингармонизм, акцент, фоновариант, сингармофоновариант

© Джусупов М., Сапарова Н., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Заявление о конфликте интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: Вклад авторов равнозначен на всех этапах исследования.

История статьи:

Дата поступления: 01.06.2024

Дата приема в печать: 15.06.2024

Для цитирования:

Джусупов М., Сапарова Н. Сингармоническая фоностистика в сопоставлении с несингармонической на материале казахского и русского языков // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 3. С. 895–913. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-3-895-913>

Synharmonic Phonostylistics in Comparison with Non-Synharmonic one: on the material of the Kazakh and Russian Languages

Mahanbet Dzhusupov , Nurjamal Saparova

Uzbek State World Languages University, *Tashkent, Republic of Uzbekistan*

 mah.dzhusupov@mail.ru

Abstract. As a scientific discipline phono stylistics originates from the scientific studies by N.S. Trubetsky. In the Turkic languages, phono stylistics is synharmonic. The words of the Turkic languages are marked with one of the four types of synharmonism — synharmolingvohard, synharmolingvosoft, synharmolingvolabiohard, siyharmolingvolabiosoft. Synharmonism is a universal prosodic property of the Turkic languages, it permeates the entire word, both monosyllabic and polysyllabic, therefore, phono variations are synharmonic: when alternating phonemes in synharmonic phono variants, another synharmonious phoneme functions in the place of synharmohard phoneme, and another synharmosoft phoneme functions in the place of synharmosoft phoneme. Synharmonism covers both segmental and supersegmental phono stylistics of the Turkic languages. The synharmonic phono stylistics of the Kazakh language is synharmolingual, since labial synharmonism is not manifested in it, with the exception of several words in which the presence of labial synharmonism is debatable. The article is devoted to the study of relevant issues in the field of phono stylistics on the basis of vocabulary of synharmonic and accent languages. The phono variations of the Kazakh language at the prosodic (synharmonic) level are characterized by the following differentiation: into stylistically equivalent singharmonic phono variants; into stylistically not equivalent synharmonic phono variants; into synharmonic phono variants, the sound of which, depending on type of synharmonism, is spelled differently, but in status of normative spelling. In this case synharmonic phono variants of one word can be spelled differently. The polysemy in the manifestation of sound stylistics is based on the typological diversity of languages possessing different systems. Thus, in Russian, the prosodic dominant of a word is verbal stress, heterogeneity and mobility of which contributes to generation of supersegmental phono stylistics of language unit. A change in pronunciation of a word of synharmonic type contributes to the generation of its synharmonic phono variant. This diversity of systems is the basis for heterogeneous manifestation of both segmental and super-segmental phono stylistics in these languages. In course of conducting scientific study, such methods of scientific research as comparative, contrastive, opposition of minimal pairs, semantic-stylistic were used. The results of contrastive study are of theoretical and practical importance.

Keywords: segmental, super-segmental, synharmonism, accent, phono variant, synharmonic phono variant

Conflicts of interest: The authors declare no conflicts of interest.

Authors' contribution: The authors contributed equally to this article.

Article history:

Received: 01.06.2024

Accepted: 15.06.2024

For citation:

Dzhusupov, M. & Saparova, N. (2024). Synharmonic Phonostylistics in Comparison with Non-Synharmonic one: on the material of the Kazakh and Russian Languages. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 15(3), 895–913. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-3-895-913>

Введение

Статическое и динамическое состояние языковых единиц — это два вида их существования: в состоянии нефункционирования и в состоянии функционирования, то есть в речи. Язык и речь в совокупности обеспечивают реализацию общения, сообщения, воздействия. Языковые единицы, как сегментные, так и суперсегментные, функционируют в процессе речи и в зависимости от смены позиции подвергаются воздействиям синтагматических и парадигматических особенностей как под влиянием других языковых единиц, так и под влиянием разных форм одной и той же языковой единицы.

Одним из результатов смены позиции языковой единицы, смены условий сочетаемости с другими языковыми единицами, смены места или типа просодической маркированности (словесное ударение, сингармонизм) являются фоноварианты слов, которые изучаются в системе дисциплины звуковая стилистика (фоностилистика — в акцентных языках, сингармофоностилистика (термин введен нами. — М.Д.) — в сингармонических языках).

В зависимости от особенностей сегментных и суперсегментных (просодических) единиц языка и в целом языка проявление и функционирование фоностилистических показателей имеет свои особенности, которые характеризуют типологическую картину языкоречи. Это обстоятельство в каждой семье языков и в каждом отдельном языке порождает и формирует «звуковую стилистику», характерную им всем и ему одному.

В зависимости от характера не только сегментных единиц, но и их просодических свойств фоностилистику следует исследовать, выдвинув во главу угла разный внутренний мир языкоречи, что проявляется в его внешнем мире, который похож и с внешним миром другого языка, но не является таким же. Целью исследования является анализ и описание фоностилистики русского и казахского языков с выдвиганием на передний план как сегментных (фонемы и сингармофонемы), так и просодических доминант (словесного ударения и сингармонизма), которые являются одним из главных истоков порождения фоновариантов языковой единицы. В связи с этими задачами работы являются

монолингвальный и лингвоконтрастивный анализ и описание фоностилистики сопоставляемых языков, результаты которых позволят выявить сходства и различия в способах порождения фоностилистических вариантов слов, что имеет значение как для теории языка, так и для сравнительного языкознания, лингводидактики и лингвометодики, чем и объясняется актуальность исследуемой научной проблемы.

Фоностилизация разнотипных языков имеет свои особенности [1–6], но исходит из главного — из сочетания фонетики, фонологии и стилистики, инвариантности и вариативности языковых единиц, что порождает ее разновидности [см.: 7. С. 570–572; 8. С. 401–403; 9. С. 492–495].

Языковая норма и формирование стилей произношения взаимосвязаны с процессом порождения фоновариантов слов. Разное произношение одной языковой единицы с изменением состава фонем или с изменением ее просодических особенностей, или с первым и со вторым в совокупности, находится внутри языковой нормы или в области отклонения от нормы, или в области допустимого. Это, с одной стороны, стиль (стили). Но, с другой стороны, это индивидуальный стиль или стиль определенной социальной группы людей. Фоноварианты (или сингармофоноварианты) слов могут быть как в области нормы, так и в области допустимого, охватывая при этом функциональные стили и их подстили (одни в большей степени, другие в меньшей степени).

В работе фоностилистические варианты слов понимаются в аспекте полицентрического научного взгляда, а не моноцентрического, т.е. иное произношение не рассматривается как обязательное нарушение нормы, поэтому оно может быть и допустимым наряду с языковой нормой.

Итак, мы рассматриваем фоноварианты фоностилистики и сингармофоностилистики в оппозиции норма/допустимое, или норма/другая норма. Другая норма или допустимое для определенной части общества в зависимости от сферы социальной деятельности может показаться и нарушением нормы. Норма/другая норма, норма/допустимое, норма/нарушение нормы убедительно представлены в системе фоностилистики, когда фоноварианты (или сингармофоноварианты) языковых единиц на основе разного звучания порождают и формируют класс (совокупность) своих разновидностей стилистически разномаркированных или — мономаркированных.

На разное произношение языковой единицы, способствующей порождению фоностилистики, оказывают влияние много факторов:

1. Стремление к удобству произношения, что основывается на принципе экономии языковых средств.
2. Закон аналогии, т.е. уподобление одной формы языкового выражения другой.
3. Темп речи, который может быть быстрым, медленным, с четким или нечетким произношением звуков, слов, в результате которых появляются фоноварианты слов у одного и того же говорящего или у разных говорящих.

4. Нейтрализация словесного ударения (смена места ударения в слове в русском языке).
5. Изменение типа сингармонизма в произношении слова в казахском и в других тюркских языках.
6. Отступление от нормативного произношения в художественных и эстетических целях.
7. Отступление от нормативного произношения в стилистических целях.
8. Влияние письменной формы языка на устную.

Эти факторы, способствующие порождению вариантов произношения как в фонетико-фонологическом, так и в смысловом и стилистическом аспектах, в отдельности и в совокупности одинаково проявляют свои функции как на материале сингармонического (казахского), так и на материале несингармонического (русского — акцентного) языков, порождая фоноварианты и сингармофоноварианты слов, то есть класс (совокупность) произносительных вариантов лексемы, которые, имея одно значение, могут быть стилистически равнозначными или неравнозначными.

Членимые и нечленимые единицы языка (просодические доминанты слова: казахский, русский)

Дифференциация языковых средств на сегментные (линейные) и суперсегментные (нелинейные, просодические) имеет большое значение как в теоретических, так и в практических целях. Сегментные и суперсегментные языковые средства свои потенциальные возможности раскрывают в речи, когда сегментные (значимые) языкоречевые единицы с наложенными (наслоенными) на них суперсегментными свойствами находятся в состоянии динамики, т.е. в процессе использования их человеком в речепроизводстве. Позиционные и сочетаемостные разнообразия языковых единиц порождают, формируют их инварианты, вариации и варианты, которые рождаются и функционируют как в качественном, так и в количественном отношении, демонстрируя теоретически (потенциально) возможные и фактически встречающиеся факты языкоречи меньших языковых единиц в составе больших языковых единиц (фонем в составе слова, слова в составе словосочетания, словосочетания в составе предложения). По этой же возрастающей спирали сегментных единиц функционируют и просодические свойства языкоречи: отдельный дифференциальный признак фонемы в составе фонемы (так как он изолированно от фонемы в целом не произносится, не членится), акцент (словесное ударение), сингармонизм, тон в составе слова, интонация в составе словосочетания, предложения.

Сегментные языкоречевые единицы всегда можно вычленивать из потока речи и изолированно произнести звук, слово, словосочетание, предложение. Например, в предложении

1. Рус. яз.: *Мама пришла с работы рано.*

Из этого предложения мы вычленим и можем изолированно произнести каждый звук ([м], [а] и т.д.), каждое слово (*мама, пришла* и т.д.), каждое словосочетание (*мама пришла, пришла с работы, пришла рано...*). Во всех этих языкоречевых сегментных единицах присутствуют просодически неделимые (нечленимые) единицы: дифференциальный признак фонемы, акцент в слове, повествовательная интонация в словосочетаниях, в предложении. Дифференциальный признак фонемы, акцент слова, повествовательную интонацию предложения невозможно произнести изолированно, в отрыве от сегментных единиц: губно-губной дифференциальный признак невозможно изолированно произнести от фонемы /м/, словесное ударение на первом слоге слова *мама* невозможно изолированно произнести от слова *мама*, повествовательную интонацию невозможно изолированно произнести от предложения *Мама пришла с работы рано.*

2. Это же предложение на казахском языке: *Апам жұмыстан ерте келді.*

Из этого предложения на казахском языке вычленим и изолированно произносим каждый звук ([а], [н] и т.д.), каждое слово (*апам, жұмыстан* и т.д.), каждое словосочетание (*апам келді, жұмыстан келді, ерте келді...*). Так же, как и в предложении на русском языке, в каждой сегментной языкоречевой единице в составе казахского предложения функционируют нечленимые (просодические) единицы: дифференциальный признак в фонеме, сингармонизм в слове (а не акцент), повествовательная интонация в каждом словосочетании и в предложении. В казахском языке в целом и в слове, и в предложении в частности, так же как в русском языке, невозможно изолированно, в отрыве от сегментных единиц произнести дифференциальный признак фонемы /а/ или /н/, сингармонизм слова (*апам, жұмыстан*), интонацию словосочетания, предложения: их «носители» сегментные единицы.

Такое же положение дел в вопросе членимости сегментных языковых единиц и нечленимости (невозможности изолированного произношения) суперсегментных единиц в современном узбекском языке и в других тюркских языках. Итак, сегментные и суперсегментные единицы в языках характеризуются общими свойствами, функциями при наличии национально-специфических свойств. В слове русского языка просодической доминантой является словесное ударение — разноместное, подвижное, выполняет смыслоразличительную, форморазличительную функции, является фактором порождения редукции гласных, находящихся в слабой позиции слова, и т.д. В казахском языке словесное ударение фиксированное (неразноместное, неподвижное), падает на последний слог слова, поэтому не выполняет смыслоразличительную, форморазличительную функции, не является фактором порождения редукции гласных в составе казахского слова.

При всей этой большой разнице в функциях словесного ударения русского и казахского (и всех других тюркских) языков есть одно общее: и русское, и казахское, и узбекское, ... словесное ударение выполняет функцию порождения логического ударения в составе предложения: говорящий выделяет голосом, тоном, тембром ударный слог слова и этим логически выделяет в речи нужное слово.

Рус.яз.: *Ма́ма пришла с работы рано. Мама пришла с рабо́ты рано.*

Каз.яз.: *Апа́м жұмыстан ерте келді. Апам жұмыста́н ерте келді.* и т.д.

Логическое ударение, созданное на основе словесного ударения, порождает и смысловое выдвигание в предложении, в высказывании, в тексте [10; 11]. То есть: а) *Мама* пришла с работы, а не сестра, не тетя, не бабушка; б) *Пришла с работы*, а не с прогулки, не с концерта.

В связи с такой неполиаспектностью функции словесного ударения в казахском языке просодической доминантой казахского слова (и слова других тюркских языков) является сингармонизм, который в зависимости от участия языка и губ подразделяется на четыре типа: сингармолингвотвердый, сингармолингвомягкий, сингармолингволабиотвердый, сингармолингволабиомягкий [12; 13].

Сингармонизм сопровождает все слово, какой бы длины оно ни было [13]: а) *қамсыздандырылмағандықтарыңыздан...* (от того, что вы не подготавливались): в этом слове 12 слогов. Это лингвотвердый сингармонизм, потому что все слоги и слово маркируются лингвотвердым сингармонизмом.

б) *келмегендіктеріңізден* (от того, что вы не пришли): в этом слове 8 слогов. Это лингвомягкий сингармонизм, потому что все слоги и слово маркируются лингвомягким сингармонизмом.

в) *болу* ‘быть’: лингволабиотвердый сингармонизм. В этом слове 2 слога. Все слово маркируется лингволабиотвердым сингармонизмом.

г) *бөлу* ‘делить’: лингволабиомягкий сингармонизм. В этом слове 2 слога. Все слово маркируется лингволабиомягким сингармонизмом.

Сингармонизм вместе с сегментной единицей (фонемой или сингармофонемой) выполняет смыслоразличительную функцию: *сыз* — *сіз* ‘затхлость, вы’): лингвотвердый и лингвомягкий сингармонизм; *сол* — *сөл* ‘тот, сок’): лингволабиотвердый и лингволабиомягкий сингармонизм. В этих парных сингармословах значения слов изменяют не только сегментные единицы — сингармофонемы, но и различные типы сингармонизма. В них сингармофонемы произносятся, маркируясь одним сингармотипом, в составе сингармослова: одни слова — сингармотвердо (*сыз, сол*), другие слова — сингармомягко (*сіз, сөл*). Такие слова образуют минимальные сингармопары по противоположным типам сингармонизма ‘сингармотвердые, сингармомягкие):

ал — *эл* ‘возьми; сила мощь’;
сал — *сэл* ‘вложи; чуть-чуть’;
сол — *сөл* ‘тот; сок’;
соз — *сөз* ‘тяни; слово’;
ур — *үр* ‘бей; лай’;
сур — *сүр* ‘серый; подвинь, сдвинь’;
сыз — *сіз* ‘затхлость; вы’;
тыс — *тіс* ‘внешняя сторона дома, снаружи; зуб’;

Сингармонизм в казахском слове, как и словесное ударение в русском слове, выполняет и фоностилистическую функцию: порождает сингармофоноварианты, т.е. просодическую (суперсегментную) фоностилистику, которая накладывается на сегментную фоностилистику: они функционируют в единстве в составе сингармофоноварианта.

Звуковая стилистика Н.С. Трубецкого: сегментная и суперсегментная фоностистика

Фоностистика — новое научное направление, возникшее на стыке звукового строя языка и стилистики, представляющее собой один из разделов стилистики ресурсов, который изучает закономерности использования в речи звуковых и ритмико-интонационных средств. Основы фоностистики, или *звуковой стилистики*, как научной дисциплины были заложены в работе Н.С. Трубецкого «Основы фонологии» [14].

В человеческой речи участвует говорящий и слушающий. Каждый акт речи состоит из трех аспектов (или составляющих): выражение говорящего (экспрессия); обращение к слушателю (апелляция); сообщение о предмете речи (экспликация). Н.С. Трубецкой на основе этих содержательных аспектов звучащей речи дифференцирует ее на составные части в зависимости от того, какое акустическое, эмоционально-экспрессивное, смысловое впечатление получает слушающий от особенности тона, степени и разновидности эмоционально-экспрессивных, функционально-стилевых оттенков в речи того, кто говорит. Объясняется это тем, что в каждом языке присутствует расхождение в произношении одних и тех же языковых единиц представителями разных социальных слоев населения, говорящих на одном и том же языке: горожан и крестьян; ученых и артистов; рабочих и домохозяек; носителей разных диалектов; журналистов и людей сферы искусства, спорта и т.д. Дифференцированное произношение наблюдается и внутри одной социальной деятельности индивида и общества (вариативность книжного произношения; вариативность разговорно-бытового произношения; отчетливо четкое (внятное) или небрежное произношение). Углубляя и расширяя эту сторону звучащей речи (фонетико-фонологически и стилистически), Н.С. Трубецкой добавляет, что «... существуют особые признаки, отличающие слащаво-ханжеское и заискивающее произношение, ... эффективно-наивный

щебет известного рода дам и т.п.» [15. С. 28]. Из этих трех аспектов фонологического-стилистически звучащей речи (экспликативное, экспрессивное, апеллятивное), Н.С. Трубецкой, последние две выделяет как дисциплину (научное направление) — звуковая стилистика.

В научной литературе на сегодняшний день встречаются такие названия фоностилистики, как «звуковая стилистика», «произносительная стилистика», «фонетическая стилистика», «стилистическая фонетика» [14], «фонетика функциональных стилей» [7], «фоностилистика» [1–4; 6; 15]. Исследования по фоностиликтике ведутся на уровне слова и словосочетания, предложения, фразы, абзаца; в последние годы ознаменовались обращением к цельному звучащему тексту как к объекту фоностиликтических исследований. В зависимости от объекта исследования фонетической стилистики, в качестве которого могут выступать звуки или просодия, выделяют сегментную и суперсегментную (или просодическую) фоностиликтику.

Сегментная фоностиликтика изучает стилистические возможности сегментных звуковых единиц (фонем). Под сегментными (линейными) единицами понимают звуки языка, последовательное расположение и сочетание которых образует непрерывную цепь звуков в речевом потоке [21. С. 555–557]. Это происходит на основе общих и специфических правил фонотактики в языках мира в целом и в каждом языке в отдельности [3; 5]. Предметом исследования фонетической стилистики на сегментном уровне является изменение фонемного состава слова. Фоноварианты слов, имея одно и то же лексическое значение, могут быть стилистически равнозначными или неравнозначными. Во втором случае изменяется стилистическая окраска слова. Например:

Рус.яз: *выстрогать* — *выстругать*; *гадючник* — *гадюшник*; *этакий* — *эдакий*; *голос* — *глас*; *золотая* — *златая*.

Каз.яз: *қазір* — *кәзір* ‘сейчас’; *алла* — *аллах* ‘бог, всевышний’; *найзагай* — *найжагай* ‘молния’; *дәуір* — *дәурен* ‘эпоха, время’; *қарбыз* — *дарбыз* ‘арбуз’; *мақта* — *махта* — *нақта* — *пахта* ‘хлопок’. Последнее слово имеет 4 фоноварианта и все они сингармонингвотвердые. Нормативным сингармонвариантом является сингармонвариант — *мақта*.

Фоностиликтическими маркерами звучащей речи наряду с сегментными единицами языка выступают и единицы суперсегментного уровня. В круг проблем суперсегментного уровня фоностиликтики входят исследования стилистических свойств колебаний в постановке словесного ударения, интонационной структуры языков (компонентов интонации типа тембр, темп, ритм, мелодика и др.), изменения сингармонизации звуков и слов в сингармонических языках.

Сегментная и просодическая фоностиликтики в разносистемных языках имеют свои особенности, которые исходят от позиционных, комбинаторных свойств фонем (сингармофонем), а также от характера просодической доминанты слова (акцент, сингармонизм, тон и др.).

Так, большим стилистическим потенциалом обладают колебания в постановке словесного ударения в языках, в которых словесное ударение является просодической доминантой слова. Например, в современном русском литературном языке суперсегментная фоностилика на уровне слова во многом зависит от специфики словесного ударения, т.е. его разноместности, подвижности, что приводит к несколько разным вариантам его произношения, что отражено в орфоэпическом словаре [16]: *повтори́м* (нормативное) — *повто́рим* (допустимое); *позвони́м* (нормативное) — *позво́ним* (допустимое). Слово *шумы* (мн. ч. от *шум*) в профессиональной речи употребляется с ударением на последнем слоге: *шумы́*. В речи моряков слово *рапорт* произносится с ударением на втором слоге: *рапо́рт*. В речи медиков встречается произношение слова *шприцы* с ударением на корне: *шпри́цы*. В речи музыкантов слово *полифония* произносится с ударением на слоге -фо: *полифо́ния*.

Сегментные и суперсегментные фоностилистические процессы и при изменении, и при неизменении стилистической окраски языковой единицы реализуются в известных стилистических окрасках.

Нейтральный — нейтральный.

Рус.язык:

Желчь — жёлчь, созывать — сзывать, индустрия — индустри́я.

Каз.язык:

Қазір — кәзір ‘сейчас’, найзагай — найжагай ‘молния’, рахмет — рақмет ‘спасибо’.

Нейтральный — книжный.

Рус.язык:

Голос — глас, золотой — златая (трад.-поэт.), поэт — пиит (устар.-поэт).

Каз.язык:

Әкім — хәкім ‘руководитель района, области, т.е. аким’, дүние — дүния (устар.-книжн.) ‘мир, вселенная’.

Нейтральный — устаревший.

Рус.язык:

Ярмо — ярем, полночь — полношь, отнять — отъять.

Каз.язык:

Дәуір — дәурен ‘эпоха’, дүние — дүния ‘мир, вселенная’.

Книжный — нейтральный.

Рус.язык:

Поэт [по́эт] — поэт [пЛи́эт], новелла [новэ́ллъ] — новелла [нЛв’э лль].

Каз.язык:

Жаһан — жақан ‘мир, вселенная’, ханым — қаным ‘госпожа’.

Нейтральный — разговорный.

Рус.язык:

Сейчас [с’ич’ а́с] — сейчас [ш’а́с], сшить [ш:ы́т’] — сшить [сшы́т’].

Каз.язык:

Тақа — тага ‘подкова’, сарбаз — сарбас ‘воин, солдат’, қонжық — гонжық ‘медвежонок’.

В рамках стилистических окрасок изменения фонем, словесного ударения и сингармонизма, порождающих фоноварианты в русском и казахском языках, имеют свои особенности, которые и похожи, и не похожи, так как просодические доминанты слова в них разные. При этом они, выполняя фоностилистические функции, и качественно, и количественно реализуются в соответствии с национальной языкоречевой спецификой, которая приводит к разному в одинаковом и к одинаковому в разном.

Разновидности сингармонизма и сингармофоновариантов в казахском языке

В языках, в которых словесное ударение не выступает просодической доминантой слова (например, в тюркских языках), ударение не представляет собой яркое фоностилистическое средство. Следовательно, фоностилистическая система таких языков обладает другими просодическими средствами выражения стилистической окраски языковых единиц. Так, в качестве просодического фоностилистического средства в современном узбекском литературном языке мог бы выступать наряду с интонацией и сингармонизм. Однако сингармонизм в узбекском языке (в отличие от других тюркских языков) нарушен, поэтому он не является универсальным фоностилистическим средством, как в казахском или киргизском языках. Например, в казахском языке все виды аффиксации являются сингармоническими, т.е. к сингармотвердому корню присоединяются только сингармотвердые суффиксы и окончания, а к сингармомягкому корню – только сингармомягкие.

Сингармотвердый корень и сингармотвердый аффикс:

бала+лар ‘ребенок, дети’;

дала+лар ‘степь, степи’;

Сингармомягкий корень и сингармомягкий аффикс:

көше+лер ‘улица, улицы’;

кеме+лер ‘корабль, корабли’;

В узбекском языке и к твердому, и к мягкому корню слова, как правило, присоединяются только мягкие суффиксы и окончания:

Сингармотвердый корень и сингармомягкий аффикс:

бола+лар ‘ребенок, дети’;

дала+лар ‘степь, степи’;

тоғ+лар ‘гора, горы’;

Сингармомягкий корень и сингармомягкий аффикс:

кўча+лар ‘улица, улицы’;

ит+лар ‘собака, собаки’.

В узбекском литературном языке алфавит, орфография и орфоэпия не сингармонические, так как в основе его лежат несингармонические

(карлуко-чигелийские, т.е. иранизованные, по Е.Д. Поливанову) диалекты [19], а не, например, кыпчакские диалекты, в которых сингармонизм сохранен и функционирует. Поэтому для передачи, присоединяющегося сингармонящего аффикса и к сингармотвердому, и к сингармонящему корню слова узбекского языка, мы в фонетической транскрипции используем графический знак <э>, который обозначает сингармонящую сингармофону /ə/, лингвопарно-противоположную сингармотвердой сингармофоне /a/ в казахском, киргизском, каракалпакском, азербайджанском и других тюркских языках. В фонетической транскрипции русского языка аналогичное звуковое явление, например, в составе фонемы /a/, передается знаком [ä]. В зависимости от позиции гласной фонемы /a/ в составе слова (перед мягким согласным, между мягкими согласными, после мягкого согласного) знак мягкости над гласной в фонетической транскрипции меняет свое месторасположение. Таким образом, в современном узбекском литературном языке словесное ударение, а также сингармонизм (в силу своей непоследовательности) не являются универсальным фоностилистическим средством на просодическом уровне.

В казахском языке, как выше было сказано, просодическая фоностилистика проявляется на основе свойств закона сингармонизма в четырех разновидностях (12; 13). Например:

- 1) сингармолингвотвердый: *сал* ‘вложи’; *қыр* ‘три’;
- 2) сингармолингвомягкий: *сәл* ‘чуть-чуть’; *кір* ‘войди, зайди’;
- 3) сингармолингволабиотвердый: *сол* ‘тот’; *ұр* ‘бей’;
- 4) сингармолингволабиомягкий: *сәл* ‘сок’; *ұр* ‘лай’.

Фоностилистика на основе сингармонизма порождает в казахском языке следующие типы фоновариантов:

- а) на звуковом уровне с равнозначной стилистической окраской: *жан* (сингармолингвотвердый, нормативный), *жән* (сингармолингвомягкий, допустимый). Такой тип просодической фоностилистики не имеет отношения к орфографии, т.е. пишется всегда *жан*;
- б) на звуковом и фонемографическом уровне с равнозначной стилистической окраской, но с разным графическим оформлением в зависимости от типа сингармонизма — сингармотвердый, сингармомягкий:

Саламатсыз ба? ‘здравствуйте, живы-здоровы?’. Это и слово, и вопросительное предложение. Это сингармолингвотвердый фоновариант. Произносится и орфографически оформляется сингармолингвотвердо.

Сәлеметсіз бе? ‘здравствуйте, живы-здоровы?’. Это и слово, и вопросительное предложение. Это сингармолингвомягкий фоновариант. Произносится сингармолингвомягко. Пишется также сингармолингвомягко.

Эти сингармофоноварианты, равнозначные по значению и стилистической окраске, не только произносятся с разным сингармозвучанием, но орфографически оформляются по-разному в соответствии с сингармотвердым или сингармомягким произношением;

в) на звуковом уровне (по звучанию) разные и по стилистической окраске разные сингармофонварианты:

- *жаңа* ‘новый’ — сингармолингвотвердый фонвариант, по стилистической окраске нормативный;
- *жана* ‘новый’ — сингармолингвотвердый фонвариант, по стилистической окраске разговорный. Такое произношение в орфографии не отражается. Орфографическая норма совпадает с нормативной стилистической окраской сингармофонварианта, т.е. пишется *жаңа*.

Таким образом, в тюркских языках в целом и в казахском языке в частности суперсегментная фоностилистика серьезно отличается от суперсегментной фоностилистики русского языка. Объясняется это тем, что в этих языках разные просодические доминанты слова: в русском языке — словесное ударение, в казахском языке и в других тюркских языках — сингармонизм, который характеризуется четырьмя разновидностями в зависимости от участия языка или языка и губ в звуко- и словопроизводстве:

- лингвальный сингармонизм (сингармолингвотвердый, сингармолингвомягкий);
- лабиальный сингармонизм (сингармолингволабиотвердый, сингармолингволабиомягкий);

Итак, сингармонизм, как видим, подразделяется на четыре типа (а не на шесть и не на восемь), так как лабиальный сингармонизм изолированно от лингвального сингармонизма не функционирует. В словах с лабиальным сингармонизмом *қол* — *көл* ‘рука, озеро’, *сұр* — *сүр* ‘серый, подвиль’ обязательно присутствует и лингвальный сингармонизм.

Такие слова являются лингволабиосингармоническими, подразделяясь на сингармолингволабиотвердые и сингармолингволабиомягкие. Эти особенности сингармонизма тюркских языков (в данной работе показаны на примере казахского языка) функционируют в процессе порождения сингармофонвариантов слов, которые реально присутствуют в тюркских языках, демонстрируя как их сегментную (сингармофонема, сингармослово), так и суперсегментную, стилистическую, а также орфографическую специфику.

Лабиальный сингармонизм накладывается на лингвальный сингармонизм, сопровождает его. Они в таких словах выполняют двуединую функцию — сингармофоностилистическую. Но в некоторых тюркских языках, в том числе и в казахском, лабиальный сингармонизм ослаб, функционирует на уровне односложного слова, а также в нескольких двухсложных словах, в которых проявление лабиального сингармонизма дискуссионное. Такие сингармофонварианты слова маркируются разговорной стилистической окраской. На письме лабиальность второго слога не отражается. Например.: *көріп* ‘увидев’, можно произнести [көріп] и [көрүп]. Первое нормативное как по произношению, так и по написанию, второе — ненормативное. Итак, лабиальный сингармонизм в казахском языке не распространяется на все

многосложное слово. Несколько двусложных слов, в которых лабиосингармонизм переходит на второй слог, но не являясь жесткой закономерностью, свидетельствует о практическом отсутствии его в современном казахском языке. Эти несколько двусложных слов являются исключениями, тогда как, например, в родственном киргизском языке лабиальный сингармонизм является доминантой слова вместе с лингвальным сингармонизмом и реализуется в нормативной орфоэпии и орфографии. Но ведущим является лингвальный сингармонизм, та как он в слове и без лабиального сингармонизма функционирует, а лабиальный сингармонизм в отрыве от лингвального сингармонизма самостоятельно не функционирует. Итак, в казахском языке доминирует лингвальный сингармонизм над лабиальным, что отражается и на процессе порождения просодических (сингармонических) сингармофоновариантов слов и в результате этого процесса [2; 19].

За фоновариантом (или сингармофоновариантом) закреплены определенные когнитивные признаки, т.е. каждый произносительный вариант репрезентирует общие и разные (ему присущие) когнитивные признаки, объективирующие языковую единицу как совокупность (класс) фоновариантов. Это значит, что фоностилистика выражается не только разными лексемами, словосочетаниями, но и их вариациями и вариантами. Таким образом, можно заключить, что вариативность языковых единиц в речи (в данном случае фоноварианты) способствует формированию и вариативности в моделировании языковой единицы [3], что репрезентируется и на лингвокультурологическом уровне, так как психообразы слова и его фоноварианты, сформированные в сознании индивида и социума, в зависимости от национальных особенностей, уровня образования, рода занятий, приводят к различному проявлению их в культуре речи. Так, казахоязычный индивид сингармонизирует и сегментную, и суперсегментную фоностилистику и все сингармоварианты, входящие в них, а русскоязычный индивид не сингармонизирует, так как в русском языке просодическая специфика слова проявляется в словесном ударении — в его размещении, в подвижности, смысловозначительности, форморазличительности, логикоакцентности.

Фоностилистика — это результат гармонии — дисгармонии в разнообразной акустической позиции, которая способствует созданию двоемирия. «Основной акустической оппозицией в репрезентации двоемирия выступает гармония — дисгармония звуков...» [17. С. 149]. В сингармонической и несингармонической (акцентной) фоностилистике казахского и русского языков наблюдается эта гармония — дисгармония не только сегментных единиц (фонем), но и суперсегментных (сингармонизм, ударение), которые появляются в результате смены позиции и оппозиции в слове, что способствует созданию целого двоемирия, внутри которого функционируют по два национально-специфических двоемирия: в казахском языке мир лингвотвердой сингармофоностилистики и мир лингвомягкой сингармофоностилистики,

что в совокупности формирует в целом сингармоническую фоностилистику, которая универсально вбирает в себя как сегментную, так и суперсегментную фоностилистику; в русском языке — мир сегментной фоностилистики и мир акцентной (просодической) фоностилистики. Но, в отличие от казахского языка, в русском языке акцентная фоностистика частично (неуниверсально) влияет на сегментную фоностилистику. В этом случае фоноварианты слов появляются в результате смены места словесного ударения (позиции), что порождает редукцию гласных (т.е. сегментных единиц) в безударном положении в составе слова: в этом случае фонема реализуется не в инварианте, а в вариации или в варианте.

Фоностистика, являясь дисциплиной, охватывающей и звуковой строй, и лексику, и стилистику, сегментные и суперсегментные аспекты языка и речи, имеет большое теоретическое и практическое значение. Ее исследование полиаспектное. Это охватывает как теорию языка, сопоставительную лингвистику [4; 18], так и лингводидактику и методику обучения родному и неродному языку [3]. И теоретические, и практические аспекты фоностилистики в зависимости от типа языка исследуются и презентуются в аудитории с учетом особенностей сегментных единиц (фонема или сингармофонема,..) и их просодических свойств (словесное ударение русского языка, сингармонизм тюркских языков, тон или тональность китайского языка и т.д.), соотношения фонемы и буквы (и наоборот) в сознании индивида и социумам в условиях смены типа графики с кириллицы на латиницу в тюркоязычных республиках СНГ [19], что будет способствовать получению объективных результатов научного поиска как в лингвотеоретических, так и в лингвометодических целях. Поэтому для современной лингвистики актуально не только ее теоретический аспект, но и прикладной [20. С. 199], что имеет непосредственное отношение и к фоностилистике разносистемных языков, типологическое разнообразие которых просматривается в разном внешнем проявлении их внутреннего мира.

Заключение

Фоностистика (звуковая стилистика), как сегментная, так и просодическая (суперсегментная), ведет свое начало от научных изысканий Н.С. Трубецкого. Проявление фоностилистики в разносистемных языках, имея общие свойства, характеризуется серьезной спецификой, что зависит от особенностей сегментных и суперсегментных единиц в разносистемных языках. Такой национально языкоречевой особенностью является, например, словесное ударение в русском языке и сингармонизм в тюркских языках, что самобытно отражается и на специфике рождения и функционирования как сегментной, так и суперсегментной (просодической) фоностилистики в этих языках (акцентная фоностистика; сингармоническая фоностистика — сингармофоностистика).

В основе полизначимости в проявлении звуковой стилистики лежит типологическое разнообразие разносистемных языков, когда наблюдается разное в одинаковом (сингармонизм и акцент в слове казахского и русского языков) и одинаковое в разном (функции порождения фоностилистики сингармонизмом и акцентом в казахском и русском языках). Основы просодической фоностилистики в этих языках разные, поэтому звуковая стилистика, характеризуясь общим (универсальным), маркируется и специфическим, свойственным каждому отдельному языку (казахскому, русскому и т.д.) и типу (типологии) языковой группы, семьи (например, тюркские), внутри которой также могут быть явления сходного (одинакового) и несходного (неодинакового), например, сингармоническая фоностилизация казахского языка и ее отсутствие (или редкое непоследовательное проявление) в родственном узбекском литературном языке. В тюркских языках (за исключением узбекского литературного языка) звуковая и просодическая системы — сингармонические, а это значит, что позиционные и непозиционные чередования звуков также являются сингармоническими, то есть и сегментная фоностилизация казахского языка является сингармонической, как и просодическая, потому что в сингармолингвотвердом слове на месте сингармолингвотвердого звука в слове в процессе порождения сингармофоновариантов произносится другой, но обязательно сингармолингвотвердый звук, а на месте сингармолингвомягкого звука — обязательно сингармолингвомягкий звук.

Таким образом, если в русском языке фоностилизация на уровне фоновариантов слова четко дифференцируется на сегментную (смена звука в слове) и просодическую (смена места ударения в слове), то в казахском языке деление на сегментную и просодическую стилистику, на наш взгляд, условное, так как все слово (и односложное, и многосложное) и при смене звука, и при смене типа сингармонизма пронизывается соответствующим типам звуковой гармонии — сингармонизмом, поэтому все фоноварианты казахского слова, как сегментные, так и суперсегментные, являются сингармофоновариантами (сингармоническими фоновариантами).

Сингармонизм — это обязательное полнословное явление, маркирование, охватывающее, подчиняющее себе в целом и своему типу в частности всю лексику тюркского происхождения, в отличие от словесного ударения русского языка разноместного и подвижного, но падающего на один слог слова: все слоги слова не бывают ударными, тогда как все слоги тюркского (казахского) слова — сингармонические. Сингармонизм — цемент тюркских слов и тюркских языков, поэтому и сегментная, и просодическая фоностилизация обязательно сингармонические. Сегментную фоностилизацию казахского и других тюркских языков, на наш взгляд, можно маркировать и термином «сингармосегментная фоностилизация», а суперсегментную (просодическую) фоностилизацию — термином сингармопросодическая (или в целом сингармосуперсегментная) фоностилизация.

Маркированность фоновариантов одного слова той или иной стилистической окраской, в сравнении с другими фоновариантами этой же или другой лексемы, не всегда определяется однозначно. Объясняется это, прежде всего, поликонцептуальным пониманием специалистами формирования класса (количество и содержание) словарных стилистических помет. Это касается как русского, так и казахского и других языков, в словарях которых насчитывается от 12 до 36 словарных стилистических помет, когда одно и то же слово, один и тот же фоновариант или сингармофоновариант слова маркируется в них разной стилистической окраской. Этот аспект фоностилистики, представленный в словарях, нуждается в доработках, в совершенствовании.

Библиографический список

1. Нурахметов Е.Н. Проблемы суперсегментной фоностилистики (на материале французского языка): автореф. дис. ... д. филол. наук. М., 1997.
2. Джусупов М., Сапарова К.О. Тюркская фоностилистика (на материале узбекского языка). Астана: Сарыарка, 2011.
3. Джусупов М, Маркунас А, Сапарова К.О. Современный русский язык. Фоностилистика. Познань: Университет им. Адама Мицкевича, 2006.
4. Сапарова К.О. Фоностилистика русского и узбекского языков. Ташкент: Узбекистон, 2006.
5. Исаева Ж.А. Қазіргі қазақ тіліндегі сегментті бірліктердің фоностилистикасы (сөз құрамындағы дыбыстардың өзгерісі негізінде): автореф.дис.... д.филол.наук. Алматы, 2000.
6. Прохвятилова О.А. Фоностилистика: стилистический анализ звучащей речи. Волгоград, 1996.
7. Вецикова И.А. Фонетика функциональных стилей // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожинной. М.: Флинта, Наука, 2003. С. 570–572.
8. Данилевская Н.В. Стилиевые функции речевых разновидностей // Стилистический энциклопедический словарь. М.: Флинта, Наука, 2003. С. 401–403.
9. Степанов Ю.С. Стилль // Большой энциклопедический словарь. Языкознание. М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. С. 494–495.
10. Джусупов Н.М. Когнитивная стилистика: теория и практика стратегии выдвижения в художественном тексте. Ташкент: VneshInvestProm, 2019.
11. Джусупов Н.М. Когнитивные структуры сквозь призму выдвижения устойчивых образов в англоязычном художественном тексте // Фразеология в языковой картине мира: когнитивно-прагматические регистры: сборник научных трудов по итогам 4-й Международ. науч. конф. по когнитивной фразеологии. Белгород: Эпицентр, 2019. С. 33–35.
12. Жунисбек А. Сингармология или неизвестный сингармонизм. Алматы: Абзал-Ай, 2018.
13. Байтурсынов А. Тіл тағылымы (Қазақ тілі мен оқу — ағартуға қатысты еңбектер). Алматы: Ана тілі, 1992.
14. Трубецкой Н.С. Основы фонологии. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1960.
15. Векишин Г.В. К фоностиликтике порождения текста (Стихотворения А.С. Пушкина) // Филологические науки. 2005. № 6. С. 22–31.
16. Коленчук М.Л., Касаткин Л.Л., Касаткина Р.Ф. Большой орфоэпический словарь русского языка. М.: АСТ Пресс Школа, 2018.
17. Темиргази́на З.К., Жақупова Г.К. Гармония и дисгармония: акустическая оппозиция в ранней лирике Александра Блока // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 1. С. 137–152. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-1-137-152>

18. Баймухаметова К.И., Галеева Т.И., Казиахмедова С.Х., Янова Е.А. Фоностилистические языковые средства как способ звуковой организации английского и русского художественного текста // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2019. № 3. С. 447–460. <https://doi.org/10.35634/2412-9534-2019-29-3-447-46>
19. Джусупов М. Переход с кириллицы на латиницу и проблема лингвографической интерференции в русской речи тюркофона // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русистика. 2022. Т. 20. № 3. С. 312–329. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-3-312-329>
20. Чилингарян К.П. Корпусная лингвистика: теория VS методология // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 1. С. 196–218. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-1-196-218>

References

1. Nurahmetov, E.N. (1997). *Problems of suprasegmental phonostylistics (based on the material of the French language)* [dissertation]. Moscow. (In Russ.).
2. Dzhusupov, M. & Saparova, K.O. (2011). *Turkic phonostylistics (based on the material of the Uzbek language)*. Astana: Saryarqa. (In Russ.).
3. Dzhusupov M., Markunas, A. & Saparova, K.O. (2006). *Modern Russian language. Phonostylistics*. Poznań: Uniwersytet im Adama Mickiewicza w Poznaniu. (In Russ.).
4. Saparova, K.O. (2006). *Phonostylistics of Russian and Uzbek languages*. Tashkent: Uzbekiston. (In Russ.).
5. Isaeva, Zh.A. (2000). *Phonostylistics of segmented units in the modern Kazakh language (based on changes in sounds in the composition of words)* [dissertation]. Almaty. (In Kazakh).
6. Prohvatilova, O.A. (1996). *Phonostylistics: stylistic analysis of sounding speech*. Volgograd. (In Russ.).
7. Veshchikova, I.A. (2003). Phonetics of functional styles. In: *Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language*, M.N. Kozhina (Ed.). Moscow: Flinta, Nauka. pp. 570–572. (In Russ.).
8. Danilevskaya, N.V. (2003). Stylistic functions of speech varieties. In: *Stylistic encyclopedic dictionary*. Moscow: Flinta, Nauka. pp. 401–403. (In Russ.).
9. Stepanov, Yu.S. (2000). Style. In: *Big encyclopedic dictionary. Linguistics*. Moscow: Bol'shaya Rossijskaya enciklopediya publ. pp. 494–495. (In Russ.).
10. Dzhusupov, N.M. (2019). *Cognitive Stylistics: Theory and practice of the promotion strategy in a literary text*. Tashkent: VneshInvestProm. (In Russ.).
11. Dzhusupov, N.M. (2019). Cognitive structures through the prism of advancing stable images in an English-language literary text. In: *Phraseology in the linguistic picture of the world: cognitive-pragmatic registers: proceedings of the 4th International Scientific Conference on Cognitive Phraseology*. Belgorod: Epicenter LLC. pp. 33–35. (In Russ.).
12. Zhunisbek, A. (2018). *Synharmology or unknown synharmonism*. Almaty: Abzal-Aj. (In Russ.).
13. Bajtursynov, A. (1992). *Language training (works related to the Kazakh language and education)*. Almaty: Ana tili. (In Kazakh).
14. Trubeckoy, N.S. (1960). *Fundamentals of phonology*. Moscow: Foreign Languages Publ. (Soviet Union). (In Russ.).
15. Vekshin, G.V. (2005). To the phonostylistics of the generation of the text (Poems by A.S. Pushkin). *Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education*, 6, 22–31. (In Russ.).
16. Kolenchuk, M.L., Kasatkin, L.L. & Kasatkina, R.F. (2018). *A large orthoepical dictionary of the Russian language*. Moscow: AST Press Shkola. (In Russ.).
17. Temirgazina, Z.K. & Zhakupova, G.K. (2021). Harmony and Disharmony: Acoustic Opposition in the early lyrics of Alexander Blok. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13(4), 137–152. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-1-137-152> (In Russ.).

18. Baimukhametova, K.I., Galeeva, T.I., Kaziakhmedova, S.Kh. & Yanova, E.A. (2019). Phonostylistic linguistic means as a means of sound organization of English and Russian literary text. *Bulletin of Udmurt University. Series History and Philology*, 3, 447–460. <https://doi.org/10.35634/2412-9534-2019-29-3-447-460> (In Russ.).
19. Dzhusupov, M. (2022). The transition from Cyrillic to Latin and the problem of linguographic interference in the Russian speech of the Turkophone. *Russian Language Studies*, 20(3), 312–329. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-3-312-329> (In Russ.).
20. Chilingaryan, K.P. (2021). Corpus Linguistics: VS methodology. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(1), 196–218. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-1-196-218> (In Russ.).

Сведения об авторах:

Джусупов Маханбет, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры современного русского языка, Узбекский государственный университет мировых языков (100170, Узбекистан, г. Ташкент, ул. Кичик халка йули, Г9а, 21А); *сфера научных интересов*: русистика, тюркология, сопоставительная лингвистика, фонология, стилистика, лингводидактика; *e-mail*: mah.dzhusupov@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2934-2333; SPIN-код: 4302-8351; Scopus AuthorID: 57208146546.

Сапарова Нуржамал Бегайдаровна, кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры современного русского языка, Узбекский государственный университет мировых языков (100170, Узбекистан, г. Ташкент, ул. Кичик халка йули, Г9а, 21А); *сфера научных интересов*: русистика, сопоставительная лингвистика, лингводидактика, методика преподавания русского языка, паремиология, стилистика; *e-mail*: saparovanurjamal1974@mail.ru

Information about the authors:

Mahanbet Dzhusupov, Dr.Sc. In Philology (Advanced Doctorate), Professor, Professor of the Department of the Modern Russian language, Uzbek State University of World Languages (21a, G9a, Kichik halka yuli str., Tashkent, Republic of Uzbekistan, 100138); *Research interests*: Russian studies, turkology, comparative linguistics, phonology, stylistics, linguodidactics; *e-mail*: mah.dzhusupov@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2934-2333; SPIN-code: 4302-8351; Scopus AuthorID: 57208146546.

Nurzhamal B. Saparova, PhD in Pedagogical Sciences, Senior Lecturer of the Department of the Modern Russian language, Uzbek State University of World Languages (21a, G9a, Kichik halka yuli str., Tashkent, Republic of Uzbekistan, 100138); *Research interests*: Russian studies, comparative linguistics, linguodidactics, methods of teaching the Russian language, paremiology, stylistics; *e-mail*: saparovanurjamal1974@mail.ru

DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-3-914-934

EDN: IEYFNK

УДК 811.134.2'373.21(85)

Научная статья / Research article

Языковые параметры национальной идентичности перуанцев через призму топонимии Перу

О.С. Чеснокова , И.А. Мартыненко

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

 chesnokova_os@pfur.ru

Аннотация. Топонимическая система Перу позволяет установить языковые параметры национальной идентичности перуанцев. В статье раскрываются мотивационные признаки перуанских топонимов как единиц, маркирующих геофизические, исторические, миграционные, лингвокультурные особенности перуанского этнического сообщества. Выводятся статистические данные о генезисе топонимаций Перу, интерпретируется их соотношение в свете национальной идентичности перуанцев, устанавливаются особенности имятворчества, лингвокреативности, маркеры топонимической идентичности. Установлено, что Перу отличается от других стран южноамериканского континента малым процентом испанских географических имен *per se*. В тоже время выведенные наиболее продуктивные лексико-семантические категории испаноязычной топонимической номенклатуры, среди которых агитопонимы, коммеморативные, дескриптивные топонимы, топонимы-мигранты и др., позволяют рассматривать топонимию Перу как органичную часть испаноязычной геолингвистической системы. Осмысливаются соответствующие причины, характеризуются условия, благоприятствующие появлению геонимаций в регионе. В частности, делается вывод о том, что перуанские топонимические перифразы вступают в отношения межвариантной омонимии с топонимическими перифразами других испаноязычных лингвокультур. Будучи цельным топонимическим конструктом, топонимикон Перу выявляет универсальные топонимические закономерности, такие, как топонимы-мигранты, топонимы-близнецы, двойники топонимов. Испано-индейские гибридные именованья, по оценкам авторов, составляют самый большой пласт в топонимическом корпусе страны. Исследование показало, что в результате сохранности автохтонного топонимического наследия, культурного и языкового синтеза топонимикон Перу приобрел самобытные свойства, образующие перуанский топонимический код и органичную часть языковых параметров национальной идентичности перуанцев.

Ключевые слова: идентичность, перуанцы, топоним, автохтонный, испаноязычный, гибрид, геолингвистическая система

© Чеснокова О.С., Мартыненко И.А., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Финансирование. Благодарности:

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00702 «Языковые параметры национальной идентичности: латиноамериканский текст», Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы [<https://rscf.ru/project/24-18-00702/?ysclid=lxgb79u9cp246491389>]

Заявление о конфликте интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: Вклад авторов равнозначен на всех этапах исследования.

История статьи:

Дата поступления: 11.05.2024

Дата приема в печать: 20.06.2024

Для цитирования:

Чеснокова О.С., Мартыненко И.А. Языковые параметры национальной идентичности перуанцев через призму топонимии Перу // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 3. С. 914–934. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-3-914-934>

Linguistic Parameters of the National Identity of Peruvians through the Prism of Toponymy of Peru

Olga S. Chesnokova , Irina A. Martynenko

RUDN University, Moscow, Russian Federation

chesnokova_os@pfur.ru

Abstract. The motivational features of Peruvian place names as units marking the geophysical, historical, migration, and linguistic-cultural features of the Peruvian ethnic community are revealed. The article interprets the material of the toponymic system of Peru to establish the linguistic parameters of the national identity of the Peruvians. Statistical data on the genesis of toponyms in Peru is derived, their percentage is calculated in the light of the national identity of the Peruvians, the features of geonaming, linguistic creativity, and markers of toponymic identity are established. Peru differs from other countries of the South American continent in the small percentage of Spanish place names *per se*. Meanwhile, the derived most productive lexical and semantic categories of Hispanic toponymic nomenclature, including hagiotoponyms, commemorative, descriptive toponyms, migrant toponyms, etc., allow us to consider the toponymy of Peru as an organic part of Hispanic geolinguistic system. The corresponding reasons are comprehended and the conditions favorable to the emergence of geonominations in the region are characterized. In particular, it is concluded that Peruvian toponymic periphrases enter into a relationship of interviant homonymy with toponymic periphrases of other Spanish linguistic cultures. Being an integral toponymic construct, the toponymicon of Peru reveals universal toponymic patterns, such as, for example, migrant toponyms or transfer place names that already exist at a far distance from them. And Spanish-Indian hybrid or blended place names, according to the authors' calculations, constitute the largest layer in the country's toponymic corpus. The article shows that as a result of the preservation of the autochthonous toponymic heritage, cultural and linguistic synthesis, the toponymic of Peru acquired original properties that form the Peruvian toponymic code and an organic part of the linguistic parameters of the national identity of the Peruvians.

Keywords: identity, Peruvians, toponym, autochthonous, Hispanic, hybrid, geolinguistic system

Financing. Acknowledgements:

The research was supported by the Russian Science Foundation (project No. 24-18-00702, Linguistic features of national identity: Latin American text. RUDN University) URL: <https://rscf.ru/project/24-18-00702/>

Conflicts of interest: The authors declare no conflicts of interest.

Authors' contribution: The authors contributed equally to this article.

Article history:

Received: 11.05.2024

Accepted: 20.06.2024

For citation:

Chesnokova, O.S. & Martynenko, I.A. (2024). Linguistic Parameters of the National Identity of Peruvians through the Prism of Toponymy of Peru. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 15(3), 914–934. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-3-914-934>

Введение

Республика Перу — третье по площади государство Южной Америки, территория которого характеризуется разнообразием природных зон: побережье (*costa*), горные районы (*sierra*), джунгли (*selva*). Современные перуанцы являются носителями синтетической культуры, вобравшей достижения автохтонных Андских цивилизаций, результаты европейских миграций, культурный и языковой синтез. Одни из предков современных перуанцев — инки — оставили самобытные философско-религиозные концепции, выработали неповторимые техники литья, окраски тканей, строительства в сейсмически опасных Андах, создали узелковое письмо кипу. Топонимикон Перу представляет уникальную гетерогенную систему географических названий, отражающую геофизические, исторические, миграционные, лингвокультурные особенности страны и, по гипотезе авторов, национальную идентичность перуанцев. Цель статьи — установить языковые параметры национальной идентичности перуанцев на материале топонимического корпуса страны, вывести топонимические закономерности и маркеры идентичности.

Материалы и методы исследования

С помощью систем GeoNames¹ и GoogleMaps² выявлено и анализируется более 23 000 географических единиц Перу. Посредством сплошной выборки осуществлялся подбор примеров для анализа и для выведения ономастических закономерностей. Статистическим методом проводился подсчет топонимов по признаку их происхождения и гибридизации. Компаративным методом устанавливались группы автохтонных, испаноязычных топонимов

¹ Электронная база данных GeoNames. Режим доступа: <http://geonames.org> (дата обращения: 26.04.2024).

² Приложение GoogleMaps. Режим доступа: <https://www.google.ru/maps/> (дата обращения: 26.04.2024).

и топонимов-гибридов. Функционально-семантический, интерпретационный, лингвокультурологический анализ, культурологическое комментирование, сопоставительный анализ позволили систематизировать полученные топонимические данные и представить их в свете национальной идентичности перуанцев.

Языковая ситуация Перу

По Г.В. Степанову, ассимиляция испанского языка в Латинской Америке шла двумя основными путями: через утверждение испанского языка как ведущего для коммуникации и через равнозначное функционирование испанского языка и автохтонного языка или языков в рамках одного социума [1]. В этом смысле испанизация Перу относится ко второму типу, поскольку с прихода испанцев для Перу характерно многоязычие. Симптоматично, что в Перу литература на автохтонных языках и на испанском языке развивались параллельно [2. Р. 19], а перуанской литературе присущ культурный синкретизм и дуализм [3. С. 22].

В настоящее время наибольшая концентрация испаноязычных монолингвов представлена на побережье-коста, в то время как носители языков кечуа и аймара проживают в высокогорьях. Официальные языки Перу — испанский (около 20 млн говорящих) и кечуа (около 3 821 000 говорящих на 33 различных диалектах). В Перу активны и другие индейские языки, главный из которых аймара (350 320 говорящих в районе озера Титикака)³.

Языковая ситуация в Перу представляет сложную функциональную систему [4–15]. Многоязычие и сохранность автохтонных языков составляют, на наш взгляд, главную черту языковой ситуации и языковой политики Перу и входят как органичная часть в языковые параметры идентичности перуанцев.

С обретения независимости от Испании в 1821 г. административное деление Перу периодически менялось. На сегодняшний день страна разделена на 24 департамента, конституционную провинцию, 195 провинций и 1 845 округов⁴ [19]. В административном отношении кроме департаментов, провинций и округов страна разделена на регионы, хотя ни один регион официально не зарегистрирован. В Перу регионами часто неофициально называют любой из 24 департаментов и конституционную провинцию Кальяо, поскольку там есть собственное региональное правительство⁵.

Изучение топонимии Перу обычно осуществляется с точки зрения структурных и этимологических точек зрения [16–19], но также развиваются

³ Global Sourcebook for International Data Management. Режим доступа: <https://www.grcdi.nl/gsb/peru.html> (дата обращения: 01.06.2024).

⁴ Instituto Nacional de Estadística e Informática. Режим доступа: https://www.inei.gob.pe/media/MenuRecursivo/publicaciones_digitales/Est/Lib1157/libro.pdf (дата обращения: 25.06.2021).

⁵ Guía de Departamentos y Regiones del Perú. Режим доступа: <http://www.intertournet.com.ar/web11/pe/provincias/default.htm> (дата обращения: 23.06.2021).

лингвопрагматические и эстетические аспекты: [20; 21]. В. Гомес полагает, что изучение ономастики представляет чрезвычайно важный вид деятельности для познания исторической, географической и, по сути, лингвистической реальности Перу; однако это не столь распространенная задача. Урбанистический процесс вызвал и в настоящее время вызывает утрату культурного наследия предков, такого, как коренная топонимия [30. Р. 95]. С исторической точки зрения, примечательны языковые контакты, вследствие которых перуанский топонимикон приобрел свои уникальные черты. С. Савала указывает, что языки Европы, перенесенные в Америку, как и все колониальные культуры, с одной стороны, консервативны или архаичны в отношении эволюции метрополии; а с другой — отличаются смелостью и новаторством в принятии топонимии коренных народов и названий экзотических продуктов, и вообще в столкновении с обстоятельствами заморской окружающей среды [22. С. 521].

Полилингвальность топонимии Перу

Исследование нашего материала и его количественная обработка показывают, что топонимикон Перу, как и топонимические системы других испаноамериканских стран, является подтверждением, что топонимический корпус стран Латинской Америки состоит, главным образом, из испаноязычных, автохтонных топонимов и топонимов-гибридов [23. С. 57; 24]. На Рис. 1 показано выведенное нами процентное соотношение перечисленных трех групп применительно к Перу.

Рис. 1. Гетерогенный состав топонимического корпуса Перу

Источник: составлено О.С. Чесноковой, И.А. Мартыненко.

Fig. 1. Variability of the toponymic corpus of Peru

Source: compiled by O.S. Chesnokova, I.A. Martynenko

Мы констатируем расхождение полученных нами данных с результатами количественного анализа, произведенного в 1983 г. видным отечественным ономастологом И.П. Литвин, по которым доля испаноязычных геоимен в Перу составляет 30 %, индейских — 56 %, гибридов — 11,9 % [25].

Автохтонная топонимия

Топонимикон Перу изобилует номинациями из индейских языков. Это обусловлено историческими факторами. Важнейшие из них — проживавшие на территории Перу до прихода испанцев многочисленные этнические группы: кечуа, аймара, чавин, наска, паракас, мочика, чиму, тиунако, уари, тау-антисуйу и др., и факт, что завоевание территории испанцами в 1531–1538 гг. было одним из последних.

Общепризнано индейское происхождение названия столицы страны, города *Лима* (*Lima*). Город был основан испанцами в 1535 году на берегу реки Римак и был назван *Ciudad de los Reyes*, что в настоящее время является топонимической перифразой Лимы [18. С. 111]. Однако укоренилось название по одноименному гидрониму *Rimak* (кечуа ‘говорящий’, ‘тот, кто говорит’⁶), фонетически перешедшего в *Lima*. Наименование известного во всем мире озера *Titicaca*, крупнейшего резервуара пресной воды в Южной Америке, изначально относилось к острову и так же имеет происхождение из кечуа: *titi* ‘свинец’ и *caca* ‘камень, гора’⁷. Яркими примерами автохтонных географических имен Перу служат ойконимы *Chiclayo*, *Huancayo*, *Yunguyo*, *Yauri*, *Tinyahuarco*, *Chimbote*, *Tacna*, *Pachacamac*, *Ucayali*, оронимы *Huascarán*, *Allincapec*, *Apacheta Limani*, *Pisco*, *Vinicunca*, лимноним *Wiñaymarka* и др.

Примечательно, что автохтонные элементы представлены как монолингвально, так и в виде сочетания из нескольких языков. Ю.Н. Подымова справедливо выделяет в топонимическом корпусе Перу не только единицы из языка кечуа (*Cuzco*, *Cajamarca*, *Ancash*), аймара (*Umachiri*, *Llalli*), но и гибриды схемы «кечуа+аймара» (*Antauta*, *Macari*) [17. С. 423]. Мотивация автохтонных топонимов показывает многочисленные признаки, дополняющие тематику индихенизмов в испанском языке Перу, включающей имена флоры, фауны региона, продуктов питания, сельского хозяйства, одежды, фольклора, религии [26. Р. 591], обозначениями частей тела, рельефа. Например, ойконим *Umacollo* означает на кечуа ‘голова высокой равнины’ [27. Р. 489]. Написание автохтонных топонимов может варьировать. Так, находящийся в Арекипе топоним Пампаколька (результат стяжения кечуанских компонентов *patpa* ‘равнина’ [28. Р. 143] и *qullqa* ‘хранилище’ имеет графические варианты *Patpacolca*, *Patpaqullqa*.

Испаноязычные топонимы

Перу отличается от других стран южноамериканского континента малым процентом испанских географических имен *per se*. По нашим подсчетам, на долю чисто испаноязычных топонимов приходится лишь 14%

⁶ Никонов В.А. Краткий топонимический словарь. М.: Мысль, 1966. С. 235.

⁷ Сапо W. Estudio geográfico, histórico, y sociológico del Lago Titicaca. Argentina: Ediciones Moreno, 1952. Р. 14–15.

номинаций. Это самая малочисленная группа топонимов по сравнению с автохтонными географическими именами и гибридами (см. Рис. 1). Сравним с установленными ранее данными о количестве испаноязычных топонимов в Уругвае: 60 %, в Чили — 50 %, в Парагвае — 58 %, в Аргентине — 73 %, в Венесуэле — 67 % [29; 30].

После основания в 1519 году г. Панамы, первого испанского пункта на Тихом океане, до испанцев дошли слухи о Перу — богатом государстве на юге. Узнав о «великой империи Биру» (Перу), на открытие и завоевание территории, расположенной дальше на юге, высоко в Андах, в 1525 г. отправился конкистадор Франсиско Писарро. Именно ему принадлежат лавры европейских первопроходцев в Перу [31. С. 153–154]. Города *Puerto Pizarro*, *Pizarro Machay*, *Cruz de Pizarro*, *Cruce Pizarro*, небольшая бухта *Boca de Pizarro* образуют антропотопонимы в его честь.

Агиотопонимы

Религиозные топонимические аллюзии на карте Перу связаны с традицией испанских конкистадоров называть географические объекты в честь католического святого или по актуальному на день открытия церковному празднику. Христианизация населения иезуитами в вице-королевстве Перу началась после 1544 г. и шла медленно и трудно [32; 33]. Топонимическим наследием испанских первопроходцев и религиозных деятелей в Перу являются географические имена с элементами *San*, *Santo/a* (исп. ‘святой’/ ‘святая’). Среди характерных примеров — ойконимы *San Marcos*, *Santa María*, *Santa Ana*, *San Pablo*, *San Antonio de Putina*, *San Juan*, *San Vicente de Cañete*, *San Isidro*, *San Francisco de Borja*, *San Ramón*, *Provincia de San Miguel*, *Provincia de San Ignacio*, оронимы *Cerro Santa Rosa*, *Cerro San Antonio Grande*, гидронимы *San Miguel*, *Santiago*, *Quebrada San Antonio*, *San Juan*, инсулонимы *Isla Santa*, *Isla San Lorenzo*, *Isla San Gallán*, *Isla Santa Rosa*, *Isla San Pedro* и др. Наименования аэропортов с компонентом *Santo* говорят о привлекательности этой модели наименования и для современных властей Перу: *San Nicolás* (г. Амасонас), *Santa María* (г. Лима), *San Juan* (г. Маркона).

Антропонимы также обладают способностью образовывать агиотопонимы. В Перу отправной точкой для подобных мотиваций послужило, например, имя священника Эрнандо Луке (неизвест.—1532), сыгравшего большую роль в открытии и освоении перуанских земель. Луке родился в Ольвере, но вырос в г. Луке, Испания [34. Р. 47]. Его фамилия происходит от наименования его родного города — *Luque*. Луке выступал в качестве агента финансового спонсора завоевательного похода, судьи Гаспара де Эспинозы, в совместной экспедиции Франсиско Писарро и Диего де Альмагро в Перу в 1526 году [35. Р. 256]. Имя священника Эрнандо де Луке увековечено в наименовании горы *Cerro Luque Orjo* и города *Chaca Luque*.

Антропотопонимы

Среди антропотопонимов Перу мы не обнаружили номинации по именам европейских первооселенцев или землевладельцев. Эта группа в Перу характеризуется, в основном, названием топообъектов по именам президентов страны и выдающихся деятелей науки и искусства. Приведем несколько характерных примеров.

Provincia de La Mar — в честь Хосе де Ла Мар (1778–1830), президента первого Управляющего совета (1822) и президента Перу (1827–1829).

Аэропорт *Manuel Prado* (г. Масамари) носит имя Мануэля Карлоса Прадо и Угартече (1889–1967), банкира, дважды исполнявшего обязанности Президента Перу (1939–1945 и 1956–1962).

Аэропорт *Jorge Chávez* в г. Кальяо назван в честь Хорхе Антонио Чавеса (1887–1910) — перуанского летчика, первым в мире перелетевшего на самолете через Альпы.

Наименование провинции *San Román* на первый взгляд наводит на версию о религиозном происхождении топонима. Однако это название дано по фамилии Мигеля де Сан Роман-и-Меса (1802–1863), президента Республики Перу (1862–1863).

Провинция *Jorge Basadre* прославляет перуанского историографа Хорхе Альфредо Басадре Громанн (1903–1980). Он также был критиком, литературоведом и политиком, занимавшим важные государственные должности в сфере образования и культуры, дважды став министром образования. Громанн Басарде является автором книги «История Республики Перу», считающейся наиболее актуальным трудом перуанской историографии двадцатого века, работы, которую он переиздавал и многократно расширял с 1939 г., пока в 1968 г. она не достигла 16 томов. Работа над ней продолжается до сих пор, уже после его смерти.

В условиях начавшегося в 1927 г. нового подъема левого движения в 1928 г. под руководством Х.К. Марьятеги была основана Перуанская коммунистическая партия (ПКП), до 1930 г. называвшаяся Социалистической партией. В честь Марьятеги названы города *Mariátegui, José Carlos Mariátegui* (4 дублета).

Военные топонимы

В национальных топонимиконах имеются топонимические единицы, апеллирующие к событиям войн или упоминающие военных деятелей. С.В. Постников предлагает термин «милитаронимные ойконимы» для обозначения названий населенных пунктов, происходящих от имен военачальников, выдающихся военных деятелей (в т. ч. от имен военных деятелей — собственников поселений); от имен мифологических, деических, тотемных, фетишных покровителей войн и воинов; от событий военной истории [36. С. 117]. Вслед за другими исследователями мы обозначим подобные топоединицы термином «военные топонимы». Ввиду того, что перуанскую землю на протяжении веков

сотрясали внутренние и межгосударственные войны⁸, данная терминология актуальна для этого ареала. Так, например, к военным топонимам Перу можно отнести номинации с компонентами *Mariscal* (*mariscal* исп. ‘маршал’), *General* (*general* исп. ‘генерал;’) и другими обозначениями воинских званий. Как правило, это характерно для наименований провинций:

Mariscal Ramón Castilla — одна из семи провинций перуанского региона Лорето. Рамон Кастилья и Маркесадо (1797–1867) трижды занимал пост президента Перу;

Provincia de Mariscal Nieto — провинция, названная в честь Доминго Ньето и Маркеса (1803–1844), перуанского военного и политического деятеля, Великого Маршала Перу, главой государства с 3 сентября 1843 по 17 февраля 1844;

Provincia de Mariscal Cáceres своим названием обязана великому перуанскому военному и государственному деятелю, герою Тихоокеанской войны 1879 г. Андресу Авелино Касересу;

Provincia de General Sánchez Cerro — в честь Луиса Мигеля Санчеса Серро (1889–1933), перуанского военного и политического деятеля, президента Перу (1931–1933).

Также ввиду компонента-звания, к военным топонимам Перу можно отнести названия аэропортов *Teniente General Gerardo Pérez Pinedo* (г. Аталайя), *Capitán David Abenzur Rengifo* (г. Пукальпа), *Coronel Alfredo Mendivil Duarte* (г. Айякучо) и др.

Однако не все военные топонимы Перу раскрывают свою принадлежность к этой группе за счет указанного признака. Некоторые единицы требуют более тщательного мотивационного анализа. Так, название провинции *Provincia de Espinar* — дань уважения подполковнику Ладислао Эспинару Каррере, герою Тихоокеанской войны. *Provincia de Leoncio Prado* названа в честь Леонсио Прадо Гутьерреса (1853–1883), перуанского солдата, участвовавшего в различных военных действиях против Испании, включая войны на Кубе и на Филиппинах в 1870-е гг., войну на островах Чинча (1865–1866) и Тихоокеанскую войну (1879–1883), погиб в последней.

В честь финансиста А. Легия, совершившего переворот и установившего режим личной диктатуры (1919–1930), названы города *Puerto Leguía*, *Balneario Leguía*, *Augusto B. Leguía*.

Provincia de Víctor Farjado была создана 14 ноября 1910 г. во время второго президентского срока Аугусто Б. Легии. Это название новой провинции было дано в честь полковника Виктора Фахардо, героя войны между Перу и Чили. Он погиб в битве при Альто-де-ла-Альянса 26 мая 1880 г.

⁸ Война за независимость (1811–1826); Первая Тихоокеанская война (Война на островах Чинча) (1865–1866); Вторая Тихоокеанская война (1879–1883); Перуано-колумбийская война (1932–1933); Перуано-эквадорская война (1941) и др.

Наименование *Provincia de Melgar* свидетельствует о Доне Мариано Мельгара и Вальдивьесо (1791–1815), перуанском революционере и поэте, погибшем в битве при Умачири во время службы военным аудитором.

К военным топонимам мы относим также геоимена по датам сражений. Одним из таких является название г. *Ocho de Octubre*, аллюзия которого — день Битвы при Ангамосе, 8 октября, что является в Перу государственным праздником. Битва произошла во время Второй Тихоокеанской войны между Перу и Чили.

Отражение в топонимии Перу ценностей патриотического движения

В 1820 г. в Перу высадился десант из 4,5 тыс. повстанцев во главе с генералом Х.Ф. Сан-Мартинем, прибывшим из Чили. Он взял Лиму и, провозгласив 28 июля 1821 независимость Перу, возглавил первое правительство страны⁹.

Хосе Франсиско де Сан-Мартин-и-Маторрас (1778–1850) — один из выдающихся руководителей Войны за независимость испанских колоний в Латинской Америке 1810–1826 гг., национальный герой Аргентины. Вскоре после провозглашения независимости в Лиме вспыхнуло восстание против Сан-Мартина, а сам он был вынужден отказаться от власти и вернулся в Чили. В июне 1823 испанцы вернули себе контроль над Перу. Х.Ф. Сан-Мартин стал протагонистом множества географических имен страны: регион, провинция, города *San Martín*, *Puerto San Martín*, *San Martín Chico*, *San Martín de Taurur*, *San Martín de Huarhua*, *Alto San Martín*, гора *Cerro San Martín* и др. В память о 28 июля 1821 на карте Перу запечатлены 6 ойконимов *Veintiocho de Julio* и озеро *Laguna Veintiocho de Julio*.

Провинция *Mariscal Luzuriaga* была создана 12 января 1956 г. в честь перуанского и аргентинского генерала Торрибио де Лузуриага, участвовавшего в войне за независимость Аргентины и Перу.

Провинция *Sánchez Carrión* называлась *Huamachuco* во время борьбы за независимость. Но в 1976 г. ее переименовали в честь Хосе Фаустино Санчеса Карриона (1787–1825) и в честь двухсотлетия со дня его рождения.

Симон Боливар (*Simón José Antonio de la Santísima Trinidad Bolívar de la Concepción y Ponte Palacios y Blanco*) — один из выдающихся деятелей американского освобождения от Испанской империи, национальный герой Боливии, Колумбии, Эквадора, Панамы, Перу и Венесуэлы [36. Р. 138]. В Перу мы обнаружили 15 ойконимов с антропонимом *Bolívar*: столичные парк *Plaza Bolívar*, мост *Puente Bolívar*, отель *Gran Hotel Bolívar* также названы в честь этой исторической фигуры.

Provincia de Sucre названа в честь Антонио Хосе Франсиско де Сукре и Алькала (1795–1830), военного и политического деятеля, генерала,

⁹ Веб-сайт информационного агентства Рустим. Режим доступа: <https://rus.team/events/hose-de-san-martin-provozglasil-nezavisimost-peru> (дата обращения: 23.06.2021).

ближайшего соратника Симона Боливара, великого Маршала Перу, президента Боливии (1826–1828).

9 декабря 1824 г. — день битвы при Аякучо, решающего сражения в войне за независимость Перу, в ходе которого произошел разгром армий испанских колонизаторов. Два города *Nueve de Diciembre*, одноименный парк в Лиме служат топонимическим напоминанием об этом.

К топонимическим аллюзиям на события, связанные с борьбой за независимость страны, также относятся ойконимы *La Libertad*, *Provincia de la Unión*, *Provincia de la Convención*, инсулоним *Isla Independencia* и др.

Зоотопонимы и фитотопонимы

Характерной чертой перуанской испаноязычной зоотопонимии является ее воплощение, главным образом, в инсулонимах: *Isla Caleta de Lobos*, *Isla Erizo*, *Isla Grita Lobos*, *Isla Tortuga*, *Isla La Leona*, *Isla Lobera*, *Isla Hormigas de Afuera Norte*, *Isla Hormigas de Afuera Sur*, *Isla Pata de Cabra*, *Isla Foca*, *Isla de La Culebra*, *Isla Las Almejas*. Тем не менее, зоонимы присутствуют и в других топонимических классах страны: гидронимах *Río Tigre*, *Boca Tigre*, пелагонимах *Laguna León Cocha*, *Laguna Toro Bravo* и др. Мы не обнаружили большого количества фитотопонимов на карте Перу, однако установили, что единицы этой группы присутствуют в большинстве местных топонимических классов: г. *El Olivo*, острова *Isla Cornejo*, *Isla Las Viñas*, *Isla Lleta*, гора *Cerro Mate*, озеро *Laguna Limón* и др.

Топонимические перифразы

Средства испанского языка составляют основу такого важного для осмысления национальной идентичности в сфере топонимии явления, как лингвокреативность в создании топонимических перифраз. Перуанские топонимические перифразы типа *Ciudad de la eterna primavera* ‘город вечной весны’ применительно к г. Трухильо, стабильно имеют опорными компонентами испанские лексемы *ciudad* ‘город’, *tierra* ‘земля’, *capital* ‘столица’, *sede* ‘центр, штаб-квартира’, *cuna* ‘колыбель’, *joya* ‘драгоценность, сокровище’, *perla* ‘жемчужина’ [19; 21]. При этом перуанские топонимические перифразы вступают в отношения межвариантной омонимии с топонимическими перифразами других испаноязычных лингвокультур, что свидетельствует об объединяющем испаноязычном коде для лингвокреативности современных носителей плюрицентричного испанского языка.

Топонимы-гибриды

Топонимы-гибриды — это сложные топонимы, разные части которых образованы разноязычными словами [38. С. 21]. По мнению Т. Фекете, «в узком смысле подлинно гибридными можно считать только те топонимы, которые возникли не в результате заимствования формантов из другого

языка и их использования для создания новых имен в принимающем языке, а те, которые (скорее всего) придуманы и приняты билингвальным сообществом за счет использования специфики и общих моделей обоих языков без участия каких-либо заимствований» [39. Р. 17] (перевод наш). Не соглашаясь с Т. Фекете, мы полагаем, что гибридным можно считать любое би- или мультилингвальное географическое название вне зависимости от обстоятельств его происхождения. По И.П. Литвин, гибридная топонимия Латинской Америки делится на две основные группы: 1) названия, возникшие из контактов испанского языка / португальского языка с языками аборигенного населения, и 2) названия, возникшие из контактов испанского / португальского языка с другими европейскими языками. Между этими группами имеется существенная разница. Они возникли и сформировались в разные эпохи, в разных исторических условиях [40. С. 42].

Проанализируем перуанские топонимы, которым соответствует определение *indohispano* [41]. Испано-индейские гибридные именованья, по нашим подсчетам, составляют самый большой пласт в топонимическом корпусе Перу. Опорными испаноязычными топоформантами в перуанских гибридных географических именах как правило, служат испанские административные и географические термины *provincia* исп. ‘провинция’ (*Provincia de Manú, Provincia de Ucayali, Provincia de Ica, Provincia de Tacna* и др.), *cerro* исп. ‘гора’ (*Cerro Pariamachay, Cerro Yancca, Cerro Yaiculle, Cerro Tomaromani, Cerro Tirane* и др.), *nevado* исп. ‘гора’ (*Nevado Coropuna, Nevado Toroyoc, Nevado Ticaco, Nevado Sapojahuana, Nevado Sacsarayouc* и др.), *región* исп. ‘регион’ (*Región de Huánuco, Región de Apurímac* и др.), *laguna* исп. ‘озеро’ (*Laguna Ucumarini, Laguna Suytucchocha, Laguna Pocchaya, Laguna Pacucha, Laguna Conococha* и др.).

Однако на карте Перу также присутствуют гибридные имена, образованные по другим моделям.

- Составные топонимы, представляющие собой атрибутивные синтагмы, где определяемое — индейское название, определение — испанское прилагательное (например, *Chincha Alta, Bagua Grande* и др.). По этой же синтаксической модели построены топонимы, где определяемым является испанский элемент, а определением — индейский (такими именами изобилует перуанская оронимия: *Volcán Tutupaca, Cordillera Puagjanca, Volcán Ticsani, Volcán Yucamane, Cerro Paria, Gran Chimu, Cordillera Huayhuash, Nevado Auzangate* и др.).
- Атрибутивные синтагмы, где определение выражено генитивной конструкцией. Сюда входят два семантических типа топонимов: названия, где определяемым служит имя католического святого, определением — индейский топоним (*Santiago de Surco, San Pedro de Lloc, San Juan de Marcona, Santiago de Cao, Santa Rosa de Yavarí, San Jerónimo de Tunan* и др.). Сюда же относятся составные топонимы, где как определяемым,

так и определением могут быть и испанские, и индейские элементы (*Pueblo Viejo Altos de Pacayura, Salinas de Vichayito, Región de Apurímac, Cerro Morro de Sama, Lomas de Lachay* и др.).

Сложные топонимы-лексические гибриды, образованные слиянием двух разноязычных лексических единиц — автохтонной и испанской (*Antamina, Chimbote, Saurarequeña* и др.). Орфография этой категории топонимов неустойчива: они встречаются то в слитном, то в раздельном написании, что дает повод иногда рассматривать их как составные: *Mirapampa* и *Mira Pampa, Vaca Huasi* и *Pampahuasi*.

Обсуждение результатов

Мысль классика российской ономастики А.В. Суперанской о том, что «если на данной территории живут люди, говорящие на разных языках, или происходили изменения национального состава населения, в ее топонимии непременно войдут названия, созданные на языках всех этих народов» [42. С. 30], актуальна применительно к Перу. Топонимикон Перу представляет разнородную по составу систему географических названий, отражающую объективные природные, исторические, лингвокультурные особенности страны, и образует идентичность современных перуанцев. Будучи цельным топонимическим конструктом, топонимикон Перу выявляет универсальные закономерности, такие, как, например, топонимы-мигранты, топонимы-близнецы и двойники топонимов, уже существующих на далеком расстоянии от них [43. С. 35]. **Топонимы-мигранты** Перу, как и в других странах Латинской Америки, дублируют геономинации Испании и других испаноязычных стран: ойконимы *Valencia, Buenos Aires, Trujillo, Provincia de Jaén, Jauja, Rioja*, лимноним *Lago Valencia*, инсулонимы *Isla Ferrol Norte, Isla Ferrol Centro, Isla Ferrol Sur, Isla Zaragoza* и др., что показывает, что топонимия Перу — органичная часть испаноязычной геолингвистической системы существующих сегодня в различных регионах мира гетерогенных по составу испаноязычных топонимов, объединенных кодом *Hispanidad* [29].

Среди других ономастических доминант, позволяющих рассматривать топонимический корпус Перу в рамках единой испаноязычной геолингвистической системы, укажем **нумеративные топонимы**, которые, однако, в Перу имеют собственные маркеры. Наш материал показал, что числа от 1 до 10 узуальны примерно в равной степени: *Dos de Mayo, Dos Cruces, Dos Aguas, Dos Cerritos, Tres de Mayo, Tres Unidos, Cerro Tres Hermanos, Cerro Segundo, Tres de Octubre, Isla Dos Hermanas, Los Cuatro Callejones, Pampa Cuatro, Isla Mata Cuatro, Punto Cuatro, El Cuatro, Cinco Cerros, Cinco Cruces, Cerro Cinco Platos, Cinco Piedras, Seis de Agosto, Cerro Seis Amigos, El Seis, Campo Seis* и др.

Как и в других испаноязычных топонимиконах, в Перу многочисленны **дескриптивные топонимы**, понятные всем носителям плюрицентричного испанского языка в рамках испаноязычной геолингвистической

системы: это оронимы *Cerro Blanco*, *Cerro Negro*, *Cerro Nevado*, *Cerro Joma*, *Cerro Buena Vista*, *Cerro Peña Blanca*, *Cerro Morado*, *Cerro Barroso*, *Nevado Cochas*, *Nevado Huerta Pata*, ойконимы *Laguna*, *Floresta*, *Bello Horizonte*, *La Rivera*, *Monte Verde*, *La Montaña*, лимнонимы *Laguna Lagunillas*, *Laguna Negra*, *Laguna Seca*, *Laguna Azul*, инсулонимы *Isla Blanca*, *Isla El Bajo*, *Isla Redonda*, *Isla Grande*, *Isla Farallón*, гидронимы *Monzón*, *Quebrada Seca*, урбаноним *Cordillera Azul* (национальный парк) и др. Как видно из примеров, большинство из них представляет собой двучленную атрибутивную синтагму, образованную по модели «существительное+прилагательное» или «прилагательное+существительное». По своей структуре такие единицы бывают как односоставные, так и двусоставные; морфологически они могут отличаться как присутствием, так и отсутствием артикля; в семантическом аспекте обозначать цвет, геофизический признак объекта, локацию, характеристику объекта с эстетической точки зрения и т. д. **Топонимы, рисующие картины быта**, представлены во всех национальных испаноязычных топонимиконах [29], ойконимы *Gran Pajonal*, *La Peca*, *La Rinconada*, *Chincheros*, *El Dorado*, оронимы *Cerro Fundición*, *Cerro Mojona*, *Cerro Caja Real*, *Cerro La Horqueta*, *Cerro Pinta*, *Cerro Bayo Grande*, *Cerro Almacén*, *Gallinazos*, лимнонимы *Laguna Cocho*, *Laguna Rincón*, гидронимы *Morona*, инсулонимы *Isla La Campana*, *Isla Pan de Azúcar*, *Isla Hornillos*, *Isla Pescadores*, *Isla Zárate* и др. характеризуют в данном контексте Перу. Отметим и **эмоционально окрашенные** единицы: города *Porvenir*, *Propiedad*, *Saña*, горы *Cerro Corazón*, *Nevado Diablo Mudo*, острова *Isla Sin Provecho*, *Isla Infiernillo*, *Isla Las Animas*, *Isla del Amor* и др. Признаки, лежащие в основе экспрессивных топонимов Перу, придают им как позитивную, так и негативную окраску.

Одновременно с указанными доминантами топонимов Перу, входящих в языковые параметры национальной идентичности перуанцев, мы обнаружили явления лексико-грамматического порядка, которые, на наш взгляд, отражая варьирование испанского языка, одновременно оказываются маркерами национальной идентичности перуанцев в топонимии. Так, для оронимии Перу характерно употребление лексемы *nevado* не в качестве субстантивированного причастия с общеиспанским значением ‘заснеженный’, а в качестве существительного в значении «гора»¹⁰. Примечательно, что данная языковая единица может выступать компонентом как в испаноязычном двусоставном топониме: *Nevado Carnicero*, *Nevado Esquina*, *Nevado Verónica*, *Nevado Toro*, *Nevado Barroso*, *Nevado La Fila*, *Nevado Ventanilla* и др., так и в испано-индейском гибриде: *Nevado Auzangate*, *Nevado Coropuna*, *Nevado Siula Grande*, *Nevado Yantauri* и др.

¹⁰ Diccionario de americanismos. Lima: R.A.E (Real Academia Española), 2010. P. 1501; Большой испанско-русский словарь: Латинская Америка. М.: Инфра-М, 2011. С. 541.

Примечательно также активное употребление форманта *cocha* в лимнонимах Перу вне зависимости от того, является ли он вкраплением в испаноязычное наименование (*Laguna Islacocha*, *Laguna Caballococha*, *Laguna Matacocha*, *Laguna Azulcocha* и др.) или в испано-индейский гибрид (*Laguna Suytuccocha*, *Laguna Charhuacocha*, *Iscaycocha*, *Laguna Achicocha* и др.). Мы считаем, что присутствие данного форманта обусловлено семантически: *cocha* — индихенизм со значением ‘небольшое озеро, пруд’¹¹. Следует отметить и наличие в номенклатуре Перу оронимов с тем же элементом, хотя по численности многократно уступающих лимнонимам: *Cerro Montecocha*, *Cerro Judío Cocha*, *Cerro Quellococha*, *Cerro Cocha Loma*, *Cerro Tunan Cocha*, *Cerro Cocha Orjo* и др.

Инсулонимы Перу характеризуются частым указанием на стороны света, главным образом, на север, центр и юг, что, возможно, отражает космогонические представления предков современных перуанцев, закрепленные в их коллективной памяти: *Isla Tres Marias Norte*, *Isla Tres Marias Centro*, *Isla Tres Marias Sur*; *Isla Chicha Norte*, *Isla Chicha Centro*, *Isla Chicha Sur*; *Isla Chao Norte*, *Isla Chao Centro*, *Isla Chao Sur*; *Isla Ballestas Norte*, *Isla Ballestas Centro*, *Isla Ballestas Sur*; *Isla Ferrol Norte*, *Isla Ferrol Centro*, *Isla Ferrol Sur*. Некоторые указывают только на север и юг: *Isla Ventanilla Norte*, *Isla Ventanilla Sur*; *Isla Mentiroso Norte*, *Isla Mentiroso Sur*; *Isla Guañape Norte*, *Isla Guañape Sur*; *Isla Macabí Norte*, *Isla Macabí Sur*.

Примечательны топонимические единицы с повторяющимися элементами: горы *Nevado Sara Sara*, *Nevado Cercacerca*, *Nevado Puye Puye*, *Cerro Jello Jello*, *Cerro Paco Paco*, *Cerro Cella Cella*, провинция *Paucar Del Sara Sara*, город *Cocha Cocha* и др. Из приведенных примеров можно увидеть, что редупликациями подвержены многие классы топонимов, чаще всего, гибридные. Учитывая, что удвоение прилагательного — характерная черта грамматики кечуа [44. С. 29], редупликацию в топонимах можно рассматривать как результат автохтонного влияния на топонимы и проявление индейского компонента в национальной идентичности перуанцев, зафиксированного в топонимиконе.

Принадлежность топонимикона Перу единой испаноязычной геолингвистической системе подтверждают и факты псевдоиспанской мотивации отдельных геоединиц¹². Наряду с испаноязычными номинациями с прозрачной языковой принадлежностью в Перу есть топонимические единицы, которые мы предлагаем расценивать как *единицы псевдо-испанского происхождения*. Название города *Huaraz* созвучно исп. *huaraca* ‘праща’, однако оно происходит от лексемы из языка кечуа *Waraq* ‘восход солнца’. Коренные

¹¹ Большой испанско-русский словарь: Латинская Америка. М.: Инфра-М, 2011. С. 246.

¹² Псевдоиспанская мотивация была разработана на материале испаноязычной топонимии США [55. С. 87].

жители этой местности поклонялись богу *Waraq coyllur* ‘утренняя звезда’ или планета Венера, т.к. именно это небесное тело можно увидеть здесь на восходе солнца.

Таким образом, многоязычие, государственная поддержка автохтонных языков составляют, на наш взгляд, главную черту языковой ситуации Перу. Языковые параметры национальной идентичности перуанцев через призму топонимии изосемичны доминантам мировоззрения и мировосприятия перуанцев в целом. Подобно тому, как, по мнению известного британского антрополога Льюиса Спенса, в Перу, как «ни в одной стране мира нет такой связи между очертаниями рельефа и событиями в жизни людей, живущих на ее территории» [45. С. 249–250], относительно малый процент испаноязычных топонимов говорит о значимости индейского культурного кода в идентичности перуанцев: именно в Перу запечатлен самый мощный в Южной Америке пласт автохтонной топонимии, что является одним из маркеров национальной идентичности перуанцев. Им же выступает механизм редупликации компонентов перуанских топонимов под влиянием кечуа.

Заключение

Прозрачность мотивации испаноязычных топонимов дает возможность проследить процесс возникновения геоимен, их мотивацию, т. е. социальные, психологические, лингвопрагматические закономерности процесса номинации и формирования национальной идентичности в топонимии. Выведенные наиболее продуктивные лексико-семантические категории испаноязычной топонимической номенклатуры Перу, среди которых агитопонимы, коммеморативные, дескриптивные топонимы, топонимы-мигранты и др., позволяют рассматривать топонимию Перу как органичную часть испаноязычной геолингвистической системы. С критико-топонимической точки зрения характерна тенденция к именованию на испанском языке и переименованию топонимических единиц Перу с автохтонных на испаноязычные имена, что в свою очередь иллюстрирует интеграцию испанского языкового кода в перуанскую топонимическую систему, свидетельствуя о высоком ассоциативном потенциале испанского языка при выборе топонимов для современной топонимической номенклатуры в лингвокультурах мира испанского языка.

Языковые параметры национальной идентичности перуанцев в топонимии изосемичны распространению испанского языка на территории Перу, варьированию плюрицентричного испанского языка, о чем, в частности, свидетельствуют лексемы *nevado*, *cocha*, расцененные как топонимические маркеры идентичности. Незначительное количество испаноязычных топонимов *per se*, сохранность автохтонных топонимов свидетельствуют о значимости индейского компонента в менталитете и языковых параметрах национальной

идентичности перуанцев. Ценности патриотического движения в многочисленных коммеморативных топонимах также образуют топонимические маркеры национальной идентичности.

В результате сохранности автохтонного топонимического наследия, имятворческой деятельности испанских конкистадоров, культурного и языкового синтеза топонимикон Перу приобрел самобытные свойства под влиянием автохтонных языков, прежде всего, кечуа и аймара, что, наряду с гибридизацией, испаноязычными топонимами, коммеморативными топонимами, отражающими патриотические ценности, образует перуанский топонимический код.

Библиографический список

1. Степанов Г.В. Испанский язык в странах Латинской Америки. М.: URSS, 2022.
2. Delgado W. Historia de la literatura republicana. Lima, 1984.
3. Морено В.Р. Стилистические доминанты в индихенистской прозе Х.М. Аргедаса как объект лингвистического исследования: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2016.
4. Чавес Уаман М.М. Лексические особенности современной разговорной речи Перу // Актуальные проблемы современной испанистики: сборник. М., 2003. С. 134–151.
5. de Granda G. Una forma deferencial en el español peruano: Su Merced // Lexis. 2004. XXVIII. № 1–2. P. 447–459.
6. Чавес Уаман М.М. Современная разговорная речь Перу: лингвистический аспект и межкультурная специфика: автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 2006.
7. Portilla D.L. Léxico peruano, español de Lima. Lima: Universidad de San Martín de Porres, 2008.
8. Álvarez V.J. Diccionario de peruanismos: el habla castellana del Perú. Lima: Universidad Alas Peruanas, 2009.
9. Шевченко А.В. Особенности перуанского национального варианта испанского языка // Полилингвильность и транскультурные практики. 2009. № 2. С. 86–90.
10. Quilter J., Zender M., Spalding K., Jordán R., Mora C., Castañeda Murga J. Traces of a Lost Language and Number System Discovered on the North Coast of Peru // American Anthropologist. 2010. Vol. 112. № 3. P. 357–369. <https://doi.org/10.1111/j.1548-1433.2010.01245.x>
11. Топоркова Ю.А. Лексико-семантические особенности современного испанского языка Перу // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 10 (76–2). С. 160–162.
12. Гринина Е., Романова Г. «Посеяв ветер, пожнешь бурю». Языковая политика и судьбы испанского языка (Каталония, Перу, Филиппины) // Международные процессы. 2019. № 17 (3(58)). С. 66–79. <https://doi.org/10.17994/IT.2019.17.3.58.5>
13. Романова Г.С., Гринина Е.А. Мировидение андских регионов Перу и его отражение в фольклоре // Риторика. Лингвистика. 2019. № 14. С. 185–198.
14. Контрерас О., Шейфель Н.А. Языковая ситуация в современном Перу // Вестник современных исследований. 2019. № 4.1(31). С. 39–43.
15. Рогулина Е.Э. К вопросу о современной языковой ситуации в Перу // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек в современном мире. 2020. № 1. С. 114–119. <https://doi.org/10.25586/RNU.V925.X.20.01.P.114>
16. Comesa Chuquipul M., La Torre Ruiz F. Recuperación de material toponímico del Perú, legado del Dr. Javier Pulgar Vidal // Investigaciones sociales. 2014. № 18(33). P. 105–114. <https://doi.org/10.15381/is.v18i33.10986>

17. Подымова Ю.Н. Топонимы Перу в зеркале полиэтнического региона // Русский язык и ономастика в поликультурном образовательном пространстве юга России и северного Кавказа: проблемы и перспективы. Сб. матер. XI Международной научной конференции. Майкоп: Магарин О.Г., 2017. С. 421–424.
18. Радович М. Перуанские катойконимы: вариативность, морфология и продуктивность суффиксов // III Фирсовские чтения. Лингвистика в XXI веке: междисциплинарные парадигмы. Матер. докладов и сообщений Международной научно-практической конференции. М.: РУДН, 2017. С. 304–307.
19. Радович М., Чеснокова О.С. Лингвокультурологический анализ топонимических перифраз Перу // Филологические науки в МГИМО. 2020. № 2(22). С. 110–115. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2020-2-22-110-115>
20. Gómez W., Lavado Rojas B., Zárate Aliaga E. La toponimia peruana. Revalorización educativa, social y económica // Universidad y Sociedad. Revista Científica de la Universidad de Cienfuegos. 2020. № 12(3). P. 90–96.
21. Chesnokova O.S., Radović M., Akhrenov A.V. The role of toponymic periphrasis in developing professional competence in learning Spanish // Training, Language and Culture. 2020. № 4(1). P. 66–74. <https://doi.org/10.22363/2521-442X-2020-4-1-66-74>
22. Zavala S. El mundo americano en la época colonial. México: Porrúa, 1967.
23. Чеснокова О.С. Географические названия Колумбии // Латинская Америка. 2010. № 10. С. 54–60.
24. Chesnokova O. Toponimia latinoamericana: un enfoque semiótico // Forma y Función. 2011. № 24(2). P. 11–24.
25. Литвин И.П. Топонимия Латинской Америки (опыт синхронного лингвистического анализа): дис. ... канд. филол. наук. М., 1983.
26. Adelaar W., Muysken P.C. The languages of the Andes. Cambridge: Cambridge univ. press, 2004.
27. Carpio Miños J. Diccionario de arequipeñismos. Arequipa, Cuzzi y Cia S.A., 2012.
28. Cerrón Palomino R. Arte, y vocabulario en la lengua general del Perú. Lima: Instituto Riva Agüero, 2014.
29. Мартыненко И.А. Испаноязычная топонимия мира как геолингвистическая система: дисс.. д. филол. н. М., 2023.
30. Martynenko I. Hispanic toponymy of Chile: linguocultural and linguopragmatic approach // Linha D'Água. 2023. № 36(1). P. 160–182. <https://doi.org/10.11606/issn.2236-4242.v36i1p160-182>
31. Магидович И.П., Магидович В.И. Очерки по истории географических открытий : в 4 томах. Т. 2. М.: Просвещение, 1983.
32. Ракуц Н.В. Иезуиты и индейцы в вице-королевстве Перу // Латинская Америка. 2012. № 2. С. 54–71.
33. Ракуц Н.В. Иезуитские миссии (редукции) испанской Южной Америки в контексте проблемы симбиоза культур // Этнографическое обозрение. 2013. № 3. С. 102–116.
34. Leon P. The Discovery and Conquest of Peru. Chronicles of the New World Encounter. A. Cook, N. Cook (Transl.). Durham: Duke University Press, 1998.
35. Prescott W.H. The History of the Conquest of Peru. Vol. I. Philadelphia: J.B. Lippincott Company, 1874.
36. Постников С.В., Немчинов А.В. Милитаронимные ойконимы: сущность и связи с военным подязыком // Международный электронный научный журнал. 2020. № 2(73). С. 117–128.
37. Bermúdez Torres E.A., Chesnokova O.S. Antroponimia venezolana como parte del espacio culturoológico e histórico de Venezuela / Ежегодник научно-образовательного центра латиноамериканских исследований Российского университета дружбы народов / отв. ред. Н.С. Кирабаев. М.: РУДН, 2015. С. 137–153.
38. Мурзаев Э.М. Очерки топонимики. М.: Мысль, 1974.

39. Fekete T. *Historical Code-Mixing in English Place-Names*. Cambridge: Cambridge Scholar Publishing, 2022.
40. Литвин И.П. Гибридная топонимия Латинской Америки и некоторые особенности ее передачи по-русски / Топонимика и историческая география. М.: Московский филиал географического общества СССР, 1976. С. 42–49.
41. Beké L. Place Naming and Toponymic Silencing in the Sierras of Northern Nuevo México// *Journal of the Southwest*. 2022. № 64(3). P. 495–528. <https://doi.org/10.1353/jsw.2022.0007>
42. Супранская А.В. Что такое топонимика? М.: Наука, 1985.
43. Басик С.Н. *Общая топонимика*. Минск: БГУ, 2006.
44. Натаров А.Н. *Грамматика языка кечуа*. М., 2013.
45. Спенс Л. *Мифы инков и майя*. М.: Центрполиграф, 2005.

References

1. Stepanov, G.V. (2022). *Spanish in Latin America*. Moscow: URSS. (In Russ.).
2. Delgado, W. (1984). *Historia de la literatura republicana*. Lima.
3. Moreno, V.R. (2016). *Stylistic dominants in the Indian prose of H.M. Arguedas as an object of linguistic research* [dissertation]. St. Petersburg. (In Russ.).
4. Chavez Uaman, M.M. (2003). Lexical features of modern colloquial speech in Peru. In: *Current problems of modern Spanish studies: collection*. Moscow. pp. 134–151. (In Russ.).
5. de Granda, G. (2004). Una forma deferencial en el español peruano: Su Merced. *Lexis*, XXVIII, 1–2, 447–459.
6. Chavez Uaman, M.M. (2006). *Modern colloquial speech of Peru: linguistic aspect and intercultural specificity* [dissertation]. Moscow. (In Russ.).
7. Portilla, D.L. (2008). *Lexico peruano, español de Lima*. Lima: Universidad de San Martín de Porres.
8. Álvarez, V.J. (2009). *Diccionario de peruanismos: el habla castellana del Perú*. Lima: Universidad Alas Peruanas.
9. Shevchenko, A.V. (2009). Features of the Peruvian national version of the Spanish language. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 2, 124–131. (In Russ.).
10. Quilter, J., Zender, M., Spalding, K., Jordán, R., Mora, C. & Castañeda Murga, J. (2010). Traces of a Lost Language and Number System Discovered on the North Coast of Peru. *American Anthropologist*, 112(3), 357–369. <https://doi.org/10.1111/j.1548-1433.2010.01245.x>
11. Toporkova, Yu.A. (2017). Lexico-semantic features of the modern Spanish language of Peru // *Philological Sciences. Theory & practice*, 10 (76(2)), 160–162. (In Russ.).
12. Grinina, E. & Romanova, G. (2019). “When you sow the wind, you reap the storm.” Language policy and the fate of the Spanish language (Catalonia, Peru, Philippines). *International processes*, 17 (3(58)), 66–79. <https://doi.org/10.25586/RNU.V925.X.20.01.P.114> (In Russ.).
13. Romanova, G.S. & Grinina, E.A. (2019). Worldview of the Andean regions of Peru and its reflection in folklore. *Rhetoric. Linguistics*, 14, 185–198. (In Russ.).
14. Contreras, O. & Sheifel, N.A. (2019). Language situation in modern Peru. *Bulletin of modern research*, 4.1(31), 39–43. (In Russ.).
15. Rogulina, E.E. (2020). On the issue of the modern language situation in Peru // *Bulletin of the Russian New University. Series: Man in the Modern World*, 1, 114–119. <https://doi.org/10.25586/RNU.V925.X.20.01.P.114> (In Russ.).
16. Comeca Chuquipul, M. & La Torre Ruiz, F. (2014). Recuperación de material toponímico del Perú, legado del Dr. Javier Pulgar Vidal. *Investigaciones sociales*, 18(33), 105–114. <https://doi.org/10.15381/is.v18i33.10986>
17. Podymova, Yu.N. (2017). Toponyms of Peru in the mirror of a multiethnic region In: *Russian language and onomastics in the multicultural educational space of the south of Russia and the northern Caucasus: problems and prospects: Proceedings of the XI International Scientific Conference*. Maykop: Magarin O.G.. pp. 421–424. (In Russ.).

18. Radović, M. (2017). Peruvian toponyms: variability, morphology and productivity of suffixes. In: *III-d Firsova readings. Linguistics in the 21st century: interdisciplinary paradigms. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference*. Moscow: RUDN, pp. 304–307. (In Russ.).
19. Radović, M. & Chesnokova, O.S. (2020). Linguistic and cultural analysis of toponymic periphrases of Peru. *Philological Sciences at MGIMO*, 2(22), 110–115. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2020-2-22-110-115> (In Russ.).
20. Gómez, W., Lavado Rojas, B. & Zárate Aliaga, E. (2020). La toponimia peruana. Revalorización educativa, social y económica. *Universidad y Sociedad. Revista Científica de la Universidad de Cienfuegos*, 12(3), 90–96.
21. Chesnokova, O.S. Radović, M. & Akhrenov, A.V. (2020). The role of toponymic periphrasis in developing professional competence in learning Spanish. *Training, Language and Culture*, 4(1), 66–74. <https://doi.org/10.22363/2521-442X-2020-4-1-66-74>
22. Zavala, S. (1967). *El mundo americano en la época colonial*. Mexico: Porrúa.
23. Chesnokova, O.S. (2010). Geographical names of Colombia. *Latin America*, 10, 54–60. (In Russ.).
24. Chesnokova, O. (2011). Toponimia latinoamericana: un enfoque semiótico. *Forma y Función*, 24(2), 11–24.
25. Litvin, I.P. (1983). *Toponymy of Latin America (experience of synchronous linguistic analysis)* [dissertation]. Moscow. (In Russ.).
26. Adelaar, W. & Muysken, P.C. (2004). *The languages of the Andes*. Cambridge: Cambridge univ. press.
27. Carpio Muñoz, J. (2012). *Diccionario de arequipeñismos*. Arequipa, Cuzzi y Cia S.A.
28. Cerrón Palomino, R. (2014). *Arte, y vocabulario en la lengua general del Perú*. Lima: Instituto Riva Agüero.
29. Martynenko, I.A. (2023). *Hispanic toponymy of the world as a geolinguistic system* [dissertation]. Moscow. (In Russ.).
30. Martynenko, I. (2023). Hispanic toponymy of Chile: linguocultural and linguopragmatic approach. *Linha D'Água*, 36(1), 160–182. <https://doi.org/10.11606/issn.2236-4242.v36i1p160-18>
31. Magidovich, I.P. & Magidovich, V.I. (1983). *Essays on the history of geographical discoveries*. In 4 vols. Vol. 2. Moscow: Prosvyashchenie. (In Russ.).
32. Rakuts, N.V. (2012). Jesuits and Indians in the Viceroyalty of Peru. *Latin America*, 2, 54–71. (In Russ.).
33. Rakuts, N.V. (2013). Jesuit missions (reductions) of Spanish South America in the context of the problem of symbiosis of cultures. *Ethnographic Review*, 3, 102–116. (In Russ.).
34. Leon, P. (1998). *The Discovery and Conquest of Peru. Chronicles of the New World Encounter*, A. Cook and N. Cook (Transl.). Durham: Duke University Press.
35. Prescott, W.H. (1874). *The History of the Conquest of Peru*. Vol. I. Philadelphia: J.B. Lippincott Company.
36. Postnikov, S.V. & Nemchinov, A.V. (2020). Militaronymous oikonyms: essence and connections with the military sublanguage. *International electronic scientific journal*, 2(73), 117–128.
37. Bermúdez Torres, E.A. & Chesnokova, O.S. (2015). Anthroponimia venezolana como parte del espacio cultural e histórico de Venezuela. In: *Yearbook of the Scientific and Educational Center for Latin American Studies of the Peoples' Friendship University of Russia*. Moscow: RUDN University. pp. 137–153. (In Russ.).
38. Murzaev, E.M. (1974). *Essays on toponymy*. Moscow: Mysl. (In Russ.).
39. Fekete, T. (2022). *Historical Code-Mixing in English Place-Names*. Cambridge: Cambridge Scholar Publ.
40. Litvin, I.P. (1976). Hybrid toponymy of Latin America and some features of its transmission into Russian. In: *Toponymy and historical geography*. Moscow: Moscow branch of the Geographical Society of the USSR. pp. 42–49. (In Russ.).

41. Beké, L. (2022). Place Naming and Toponymic Silencing in the Sierras of Northern Nuevo México. *Journal of the Southwest*, 64(3), 495–528. <https://doi.org/10.1353/jsw.2022.000>
42. Superanskaya, A.V. (1985). *What is toponymy?* Moscow: Nauka. (In Russ.).
43. Basik, S.N. (2006). *General toponymy*. Minsk. (In Russ.).
44. Natarov, A.N. (2013). *Grammar of the Quechua language*. Moscow. (In Russ.).
45. Spence, L. (2005). *Myths of the Incas and Mayans*. Moscow: Tsentrpoligraf. (In Russ.).

Сведения об авторах:

Чеснокова Ольга Станиславовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков филологического факультета, Российский университет дружбы народов (117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6); *научные интересы*: вариативность испанского языка (лексика, семантика, фразеология), межкультурная коммуникация, переводоведение, семиотика художественного текста, ономастика; *e-mail*: chesnokova_os@pfur.ru
ORCID: 0000-0001-7025-4098; PIN-code: 6485-4278; ResearcherID: A-4860-2017; AuthorID: 57204947728.

Мартыненко Ирина Анатольевна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник кафедры иностранных языков филологического факультета, Российский университет дружбы народов (117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6); *научные интересы*: топонимика, лингвопрагматика, лингводидактика, вариативность испанского и английского языков; юрислингвистика; *e-mail*: irineta@rambler.ru
ORCID: 0000-0002-9798-3378; SPIN-code: 4270-4217; ResearcherID: AAK-6228-2021; AuthorID: 57214894791.

Information about the authors:

Olga S. Chesnokova, Dr.Sc. (Philology), Professor, Professor of the Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, RUDN University (6, Miklouho-Maklaya St., Moscow, Russian Federation, 117198); *Research interests*: variability of the Spanish language (vocabulary, semantics, phraseology), intercultural communication, translation studies, semiotics of literary text, onomastics; *e-mail*: chesnokova_os@pfur.ru
ORCID: 0000-0001-7025-4098; SPIN-code: 6485-4278; ResearcherID: A-4860-2017; AuthorID: 57204947728.

Irina A. Martynenko, Dr.Sc. (Philology), Leading Researcher of the Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, RUDN University (6, Miklouho-Maklaya St., Moscow, Russian Federation, 117198); *Research interests*: toponymy, linguopragmatics, linguodidactics, variability of Spanish and English languages; legal English; *e-mail*: irineta@rambler.ru
ORCID: 0000-0002-9798-3378; SPIN-code: 4270-4217; ResearcherID: AAK-6228-2021; AuthorID: 57214894791.

DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-3-935-946

EDN: IEBTYF

УДК 811.161.3'366.58

Научная статья / Research article

Особенности грамматического (видового) значения глагольных фразеологизмов белорусского языка

В.В. Маршевская Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, Гродно,
Республика Беларусь✉ tina-2010@bk.ru

Аннотация. Сложность семантической структуры глагольных фразеологизмов, выделения грамматического значения, определения степени влияния контекста на актуализацию реального значения отдельных морфем в структуре опорного, глагольного компонента фразеологических единиц позволяет считать исследование их частных видовых значений актуальным и дискуссионным. Цель исследования — выявить и проанализировать частные видовые значения глагольных фразеологизмов современного белорусского языка. Объектом исследования стали однозначные глагольные фразеологизмы современного белорусского языка, соотносящиеся с разными моделями простого или сложного словосочетания, опорный компонент которых застыл в форме только совершенного или только несовершенного вида. Предметом исследования являются частные видовые значения указанных фразеологизмов. Основным методом, использовавшимся в исследовании, описательный, применялись также метод словарных дефиниций, метод компонентного и контекстуального анализа. В результате исследования удалось установить, что среди частных грамматических значений глагольных фразеологизмов, стержневой компонент которых имеет форму только совершенного вида, преобладают конкретно-фактическое и потенциальное значения действия. Контекстное окружение глагольного фразеологизма (модальные глаголы, краткие прилагательные с модальным значением, предикативы *можно*, *нужно*, *невозможно*), а также (при отсутствии формальных показателей) возможность замены употребленной формы глагольного фразеологизма предикативом в сочетании с его инфинитивной формой свидетельствуют о преобладании потенциального значения по сравнению с конкретно-фактическим. Глагольными фразеологизмами, опорный компонент которых имеет форму только несовершенного вида, в большинстве случаев дается качественная характеристика субъекта. Этим можно объяснить преимущество фразеологизмов с потенциально-качественным и постоянно-непрерывным значениями действия. Полученные результаты могут быть использованы в теории и практике фразеологии славянских языков.

Ключевые слова: категориальное значение действия, категория вида, совершенный вид, несовершенный вид, частные видовые значения

© Маршевская В.В., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Заявление о конфликте интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Дата поступления: 01.06.2024

Дата приема: в печать: 15.06.2024

Для цитирования:

Маршевская В.В. Особенности грамматического (видового) значения глагольных фразеологизмов белорусского языка // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 3. С. 935–946. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-3-935-946>

Features of the Grammatical (Aspectual) Meaning of Verbal Phraseological Units

Valiantsina V. Marsheuskaya

Yanka Kupala State University of Grodno, *Grodno, Republic of Belarus*,

✉ tina-2010@bk.ru

Abstract. The complexity of the semantic structure of verbal phraseological units, the allocation of grammatical meaning, determining the degree of influence of context on the actualization of the real meaning of individual morphemes in the structure of the basic, verbal component of phraseological units allows consider the study of their particular specific meanings relevant and debatable. The purpose of this study is to identify and analyze the specific specific meanings of verbal phraseological units of the modern Belarusian language. The object of the study is the unambiguous verbal phraseological units of the modern Belarusian language, correlating with different models of simple or complex phrases, the supporting component of which is frozen in the form of only a perfect or only an imperfect form. The subject of the study is the specific meanings of these phraseological units. The main method used in the study was descriptive, the method of dictionary definitions, the method of component and contextual analysis was also used. As a result of the study, it was possible to establish that among the particular grammatical meanings of verbal phraseological units, the core component of which has the form of only a perfect form, the specific actual and potential meanings (possibility or impossibility) of action prevail. The contextual environment of the verbal phraseology (modal verbs, predicative adjectives with modal meaning, predicatives are possible, necessary, impossible), as well as (in the absence of formal indicators) the possibility of replacing the used form of the verbal phraseology with a predicative in combination with its infinitive form indicate the predominance of potential meaning in comparison with the concrete actual one. Verbal phraseological units, the supporting component of which has only an imperfect form, in most cases give a qualitative characteristic of the subject. This may explain the advantage of phraseological units with potentially qualitative and permanently continuous meanings of action. The results obtained can be used in the theory and practice of phraseology of Slavic languages.

Keywords: the categorical meaning of action, grammatical aspectuality, perfective aspect, imperfective aspect, particular species values

Conflicts of interest: The author declares no conflicts of interest.

Article history:

Received: 01.06.2024

Accepted: 15.06.2024

For citation:

Marsheuskaya, V.V. (2024). Features of the Grammatical (Aspectual) Meaning of Verbal Phraseological Units. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 15(3), 935–946. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-3-935-946>

Введение

Одна из основных задач фразеологии, как и лингвистики в целом, — разработка своей теории, которая будет соответствовать ее основным научным принципам, а для этого лингвисты тщательно изучают и описывают весь фразеологический материал. Как известно, изучению и описанию всегда предшествует классификация. В белорусском языкознании существуют разнообразные классификации фразеологического состава, наиболее известные из которых этимологическая, семантическая, семантико-грамматическая, стилистическая, структурная, идеографическая: Ф.М. Янковский [1], А.С. Аксамитов [2], И.Я. Лепешев [3], Н.А. Данилович [4–5], О.А. Лещинская [6] и др. «Семантическая классификация-важнейшая во фразеологии, так как на ее основе систематизируется весь фразеологический материал, объединяются во фразеологический состав языковые единицы с целостным значением и оставляются за пределами фразеологии устойчивые словосочетания, лишённые семантической целостности» [7. С. 51].

Количество макрокомпонентов структуры фразеологического значения лингвистами также определяется по-разному, тем не менее, большинством фразеологов в структуре фразеологического значения выделяются денотативный, сигнификативный, коннотативный и этнокультурный макрокомпоненты. Денотативный макрокомпонент выделяется на основе сигнификативного и соотносит фразеологическую единицу с объектами действительности. Сигнификативный макрокомпонент выражает обобщенно-понятийное содержание, создавая образность значения. Коннотативный макрокомпонент охватывает экспрессивно-стилистические, образно-экспрессивные, эмоциональные и оценочные возможности фразеологизма. Этнокультурный макрокомпонент связан с особенностями отражения во фразеологизмах национальной культуры. В последнее десятилетие в белорусской фразеологии отмечается активный процесс исследования этнокультурного макрокомпонента структуры фразеологического значения [8–10].

Фразеологическое значение неразрывно связано с грамматическим значением. Грамматический макрокомпонент структуры фразеологического значения содержит информацию о грамматических признаках фразеологизма (род, число, падеж, время, вид, наклонение, лицо и т.д.). В то время как структура и семантика фразеологических единиц белорусского языка получила широкое описание, морфология фразеологизмов находится в стадии начала изучения. Исследователи отмечают, что грамматические значения вторичны, они сопутствуют, подчиняются индивидуальному фразеологическому значению.

Цель настоящего исследования — выявить и проанализировать частные видовые значения глагольных фразеологизмов современного белорусского языка. *Объектом* исследования стали однозначные глагольные фразеологизмы современного белорусского языка, соотносящиеся с разными моделями простого или сложного словосочетания, опорный компонент которых (глагол) застыл в форме только совершенного или только несовершенного вида. *Предметом* исследования являются частные видовые значения указанных фразеологизмов. Языковым источником послужили контексты, зафиксированные в наиболее полном толковом словаре фразеологизмов профессора И.Я. Лепешева¹, а также тексты художественной и публицистической литературы начала XXI века (авторская картотека составляла на момент исследования свыше 30 000 контекстов, что позволило уточнить частотность отобранных фразеологизмов и подтвердить данные словаря об их опорном компоненте).

Теоретическая база исследования и обзор литературы

В нашем исследовании мы придерживаемся принятой в белорусском языкознании грамматической классификации фразеологизмов по соотносительности их с частями речи и руководствуемся традиционным пониманием в белорусском языке фразеологической единицы: фразеологизм — это «устойчивая, воспроизводимая, не менее чем двухкомпонентная языковая единица, сочетающаяся со словами свободного употребления и имеющая целостное значение, не равное сумме значений ее компонентов (если их рассматривать на уровне слов)» [7. С. 5], в объем фразеологического материала включаем только фразеологические сращения и единства. Термин «глагольные фразеологизмы» мы применяем (вслед за И.Я. Лепешевым) к фразеологизмам, обозначающим наиболее обобщенное действие (процесс) и выражающим его в категориях вида, времени, наклонения, а также рода (в формах прошедшего времени и сослагательного наклонения). «Категориальное значение почти всех глагольных фразеологизмов определяется семантическим, морфологическим и синтаксическим критериями. Так, фразеологизм *даваць у хамут* принадлежит к глагольным потому, что, во-первых, он обозначает действие, передающееся глагольным словосочетанием ‘решительно не соглашаться, упрячиться’, во-вторых, грамматическим центром фразеологизма является глагольный компонент, выступающий носителем форм вида (*даваць у хамут* — *даць у хамут*), времени (*даю, даваў, дам* и др.), лица (*даю, даеш, дае* и т. д.), наклонения (*давай, даў бы* и др.), числа (*дам, дадзім* и т. д.), рода (*даў, дала, даў бы* и др.), в-третьих, это выражение выполняет синтаксическую функцию сказуемого» [7. С. 118].

¹ *Лепешаў І.Я.* Слоўнік фразеалагізмаў : у 2 т. Мінск: Беларус. Энцыкл. імя П. Броўкі, 2008.

Категориальное значение входит в смысловую структуру фразеологизма, является составной частью фразеологического значения.

Категория вида глагола в белорусском языке широко описана во многих учебных и научных работах, а исследований, посвященных вопросам грамматического значения фразеологических единиц, в белорусском языкознании не много [4; 7; 11–13], а глагольные фразеологизмы белорусского языка не были объектом отдельного исследования в семантико-грамматическом аспекте.

Более полно грамматическое значение фразеологизмов описано в работах русских фразеологов (В.П. Жукова [14–15], Ф.И. Никоновой [16], В.А. Лебединской [17], А.М. Чепасовой [18–19] и др.). «Глагол и процессуальный фразеологизм для выражения процессуальности пользуются одним и тем же набором морфологических категорий, однако морфологические категории процессуальных фразеологизмов имеют свою специфику, отличаются от морфологических категорий глаголов. Обусловлена эта специфика тем, что синтез грамматических значений с лексическими и фразеологическими дает разные качественные и количественные результаты в функционировании как форм, так и значений морфологических категорий» [17. С. 49]. Роль морфологических категорий в выражении процессуальности различна. «Вид является специфической морфологической категорией процессуальных единиц, которая, в отличие от других категорий, таких как лицо, время, наклонение, охватывает все типы форм процессуальных единиц — личные, инфинитивные, причастные, деепричастные. Ни одна процессуальная единица не стоит вне категории вида» [20. С. 125]. По мнению В.А. Лебединской, «общее видовое значение самым непосредственным образом включено в индивидуальное фразеологическое значение, слитно с ним, трудно выделимо из него» [17. С. 63].

В научной литературе относительно статуса вида высказывались и высказываются разные точки зрения, вплоть до противоположных: от признания видовых пар формами одного глагола (А.Н. Тихонов, М.Ю. Черткова, М.А. Шелякин и др.) к утверждению, что категория вида относится к словообразованию (И.Г. Милославский). Промежуточное положение занимали А.В. Бондарко [21] и его сторонники. Споры сводятся, в основном, к статусу категории вида, наличию «чистовидовых приставок», к вопросу критериев определения видовой пары глаголов. Среди последних по времени исследований реализации аспектуальности на фразеологическом уровне можно назвать работу [22].

Сложность семантической структуры глагольных фразеологизмов, выделения грамматического значения, определения степени влияния контекста на актуализацию реального значения отдельных морфем в структуре опорного компонента (глагола) фразеологических единиц позволяет считать исследование их частных видовых значений *актуальным и дискуссионным*.

Методология исследования

Основной метод, использовавшийся в исследовании, — описательный; применялись также метод словарных дефиниций, метод компонентного и контекстуального анализа. В результате анализа контекстов, зафиксированных в двухтомном толковом словаре фразеологизмов И.Я. Лепешева (Минск, 2008), а также контекстов из авторской картотеки методом сплошной выборки нами было отобрано 2 322 наиболее употребительные однозначные глагольные фразеологические единицы, соотносимые своими индивидуальными значениями с субкатегорией деятельности (617 единиц), субкатегорией отношения (772 единицы) и субкатегорией состояния (766 единиц). Из них 527 единиц имели опорный глагольный компонент только несовершенного вида, 293 единицы — только совершенного вида. Формы протекания действия, выраженного отобранными единицами, уточнялись нами, дифференцировались, абстрагируясь от индивидуальных фразеологических значений, соотносимых с субкатегориями деятельности, отношения, состояния. Отдельное исследование проводилось среди глагольных фразеологизмов промежуточного, гибридного характера, субкатегориальное значение которых могло меняться в зависимости от левой и правой внешней сочетаемости (167 единиц двухсубъектной и двухобъектной внешней направленности), а также среди глагольных фразеологизмов с коррелятивными видовыми формами. К общему количеству выявленных глагольных фразеологизмов можно добавить около 200 единиц, имеющих нетипичную для них структуру: в своем компонентном составе не содержащих компонента-глагола, который являлся бы носителем категорий вида, времени, лица, числа. Многие из них застыли в структурных моделях словосочетаний (предлога с существительным в косвенном падеже — *у кусты* ‘уклоняться от непосредственного участия в чем-либо, от ответственности за что-либо’; сочетания частиц *не (ні, ані)* с существительным — *ні мурмур* ‘абсолютно ничего не говорить, не рассказывать кому-либо’; сочетаний существительных тавтологического характера или связанных внутренней рифмой — *лахи пад пахі* ‘схватить с собой свои одежды’). Принадлежность таких единиц к разряду глагольных определяется преимущественно с помощью семантического и синтаксического критериев (более подробно это описано в [23]).

Результаты исследования и обсуждения

Проведенный анализ показал, что среди однозначных глагольных фразеологизмов, опорный компонент которых (глагол) застыл в форме совершенного вида, из частных видовых значений форм совершенного вида встречаются конкретно-фактическое и потенциальное значения действия.

Конкретно-фактическое значение действия проявляется в контекстах, описывающих конкретный единичный факт: *заараць носам (што, у што)*

‘упасть лицом вниз куда-либо (от удара или споткнувшись)’, *злавіць лісу* ‘неосторожно прожечь одежду при огне’ и др. Глагольный компонент таких единиц преимущественно используется в форме прошедшего времени: (1) *Увечары стол адышоў, падаравалі нявесту, пагулялі — і павязлі Вусцінку. Камароўскія хлопцы зайца каля Міхасёвых закінулі* (=перегородили дорогу молодоженам на свадьбе с надеждой получить выкуп). *Дзве пляшкі далі ім пярэкуп* (СФ-1. С. 575).

Потенциальное значение действия выявляется, когда речь идет о возможности, способности, готовности, необходимости и других модальных оттенках потенциальности, которые не относятся к какому-то конкретному моменту времени, а воспринимаются как нечто обычное, что может проявиться в любой момент [21]. В контекстном окружении фразеологизмов часто присутствуют формальные показатели модальных оттенков (модальные глаголы, краткие прилагательные с модальным значением), например: (2) *Я стратэз, мілая Ірынка. Мяне тут спрабавалі абкласці чырвонымі сцяжкамі* (= (хотели) создать крайне неблагоприятные условия для жизнедеятельности), *ды я воўк біты. Таму рашыў абхітрыць усіх, і вас у тым ліку* (СФ-1. С. 43). (3) *Ёсць адзін там, Антось Драчык, дык гатоў жыўцом мяне з’есці* (= (готов) замучить, погубить нападками, гонением) (СФ-1. С. 496). Потенциальная возможность (невозможность) осуществления факта-действия (процесса) может проявляться в контексте с помощью замены употребленной формы фразеологизма сочетаниями слов *можа* (не *можа*), *магчыма* (не*магчыма*) с его инфинитивной формой (или смысловым соответствием): (4) *Аляксей Пятровіч, як і кожны раз, усё спакойна расстаўляў на сваіх месцах: — Яшчэ не наш час, дарагі. Зрабі фільм, зрабі такі фільм, каб мы ім скруцілі рогі* (= (могли) скрутить рога = могли усмирить, обуздать, заставить подчиниться) *Клёнскаму* (СФ-2. С. 403).

Особо пристального внимания требовали фразеологизмы, в структуре глагольного компонента которых присутствует приставка (*за-*, *па-*, *а-*) или суффикс *-ну-*. Некоторые из них (приставок) не утратили полностью своего лексического значения и вносят смысловые изменения в индивидуальное значение фразеологизма: придают значение начинательности процесса — *зайграць у дудку* (*чыю, каго*) ‘начать действовать в чьих-либо интересах’, *пайсці рукой* ‘начать хорошо вестись, расти, плодиться’; усилительности (указывают на степень особой активности, интенсивности) — *адурьць галаву* (*каму*) ‘устрашающе надоесть чем-либо (речью, просьбой и др.)’; ограничительности (характеризуют действие, ограниченное во времени и в полноте своего проявления) — *пагуляць у маўчанку* ‘уклониться на некоторое время от разговора’; результативности (достижения результата, завершенности становления) — *павылятаць з гнязда* (*якога, чыйго*) ‘покинуть родной дом, становясь самостоятельными в жизни’. Отдельные единицы выражают значение длительности, многократности действия (процесса) — *намазольць язык* ‘длительное время

проговорить впустую’, *надаваць гарбузоў* ‘много раз отказать сватающемуся’) или однократности (мгновенности) действия — *глынуць сліну* ‘с завистью глянуть на что-либо соблазнительное, но недоступное’. Такие фразеологизмы считаются фразеологическими дериватами и входят в группы единиц какого-либо способа действия.

В контекстном окружении фразеологизма встречались неглагольные лексические показатели характера протекания действия, например, в последующих (нами сокращенных) контекстах значение усилительности, нарастания интенсивности подкрепляется частицами *аж*, *колькі* и др. (...*настырная, колькі мне крыві папсавала, ...аж той, бядак, у зямлю носам зарыўся*), значение ограничительности — словами *колькі часу*, *трохі*, *крыху*, *дзянёчак* (...*хоць дзянёчак яшчэ пакруці баранку, ...колькі часу зубы паскаліш, ...трэба хоць крыху папсаваць ёй нервы*), значение многократности — словами *не раз*, *з паўсотні* и др. (...*не раз глынеш сліну*), ...*гарбузоў з паўсотні надавала*), значение мгновенности подкрепляется сочетанием *тут жа* (...*тут жа ва ўсіх выдавецтвах сталі на вушы*). Более подробно характер частных видовых значений фразеологизмов только совершенного вида описан нами в [24].

Среди однозначных фразеологизмов, глагольный компонент которых реализуется только в форме несовершенного вида, встречаются следующие частные видовые значения действия:

- а) конкретно-процессное значение действия — проявляется в выражениях, которыми характеризуется действие, происходящее один раз в определенный промежуток времени в процессе его осуществления, развертывания. Это может быть речь субъекта-лица — *глытаць словы* ‘говорить неразборчиво, нечетко’; перемещение — *рваць кіпці* ‘стремительно убежать’;
- б) ограниченно-кратное значение действия — выражается с помощью контекстного окружения (количественно-именных сочетаний — обстоятельств времени): (5) *Два тыдні [я] мясіла гразь* [= ходила по топкой дороге] *на ўскраінах горада* (СФ-2. С. 61). Некоторые глагольные фразеологизмы этой группы без обстоятельств в своем контекстном окружении приобретают подчеркнуто-длительный оттенок конкретно-процессного значения действия (сравним следующие контексты): (6) *Тыя тры дні [Рыгор], калі валаводзіў валаводы са страхой, на два разы хадзіў у сталюўку, наядаўся так, каб трэці раз не хацелася*. (7) [Мароз:] *Сцёпка! Чаго валаводы валаводзіш?* (= долго и медленно делаешь — подчеркнуто-длительный оттенок) *Табе што, нямашака чаго рабіць!* (СФ-1. С. 169);
- в) неограниченно-кратное (повторяющееся) значение действия — реализуется в контекстах фразеологизмами *скланяцца на ўсе лады* ‘часто и обычно с осуждением упоминаться’, *круціць катрынку* ‘надоедливо говорить одно и то же’, *есці поедам* ‘беспрестанно упрекать, укорять, унижать’: (8) *Поп і пападдзя, станаваы, земскі, доктар і іх жонкі скланяліся на ўсе лады* (СФ-2. С. 401). Неограниченный ряд повторений

характеризуется также фразеологизмами *не сходзіць з вуснаў (чыіх, каго)* ‘постоянно произноситься’, *жваць жвачку* ‘говорить нудно и бестолково об одном и том же’;

- г) постоянно-непрерывное значение действия (процесса) — проявляется в тех фразеологизмах, которыми характеризуется действие, осуществляемое не в какой-то конкретный отрезок времени, а постоянно, «монократно», т. е. не повторяется, не прерывается, полностью заполняет собою тот промежуток времени, который оно охватывает. Такое значение проявляется чаще всего в единицах, которыми характеризуются манера поведения или состояние субъекта в социуме — *трымаць руку на пульсе* (чаго) ‘быть в курсе событий, следя за их развитием’, *смуродзіць свет* ‘жить без цели, без определенного дела, без пользы для других; чинить людям неприятности’, *біцца як рыба аб лёд* ‘без результата стараться, искать выход из беды’, *трымацца на адлегласці* (ад каго, з кім) ‘не вступать в близкие отношения, связи с кем-либо’, *біць тылылы* ‘бездельничать, заниматься пустыми делами’, *як сыр у масле купацца* ‘жить вольготно, в полном достатке’, *іграць першую скрыпку* (у чым) ‘занимать главное положение в чем-либо’;
- д) потенциально-качественное значение действия — выражается в тех единицах, которыми характеризуется действие, не локализованное во времени. Чаще всего встречается у тех единиц, которыми отображается способность субъекта к действию, наличие умения его осуществлять (*ведаць толк* (у кім, у чым) ‘очень хорошо разбираться в ком-либо, чем-либо’). Более подробно характер частных видовых значений фразеологизмов только несовершенного вида описан нами в [25].

Заключение

Анализ частных видовых значений глагольных фразеологизмов современного белорусского языка подтверждает мнение А.М. Чепасовой о том, что теория частных видовых значений, разработанная аспектологами для глаголов в свободном употреблении, лишь частично может быть применима к процессуальным фразеологизмам. Из четырех частных значений совершенного вида у глагольных фразеологизмов белорусского языка встречаются преимущественно потенциальное и изредка конкретно-фактическое значения, а из частных видовых форм несовершенного вида — потенциально-качественное и постоянно-непрерывное значения действия (тогда как по наблюдениям аспектологов среди глаголов абсолютно несовершенного вида (на лексическом уровне) получают предпочтение конкретно-процессное и неограниченно-кратное значения действия). Преимущество глагольных фразеологизмов с потенциально-качественным и постоянно-непрерывным значениями действия, на наш взгляд, можно объяснить тем, что в большинстве случаев исследуемых контекстов с помощью фразеологизмов отражается качественная характеристика субъекта.

Сокращения

- СФ-1 — *Лепешаў І.Я.* Слоўнік фразеалагізмаў. У 2 т. Мінск: БелЭн імя П. Броўкі, 2008. Т. 1. А—Л. 672 с.
СФ-2 — *Лепешаў І.Я.* Слоўнік фразеалагізмаў. У 2 т. Мінск: БелЭн імя П. Броўкі, 2008. Т. 2. М—Я. 704 с.

Библиографический список

1. *Янкоўскі Ф.М.* Беларуская фразеалогія. Мінск: Народная асвета, 1981.
2. *Аксамітаў А.С.* Беларуская фразеалогія. Мінск: Вышэйшая школа, 1978.
3. *Лепешаў І.Я.* Праблемы фразеалагічнай стылістыкі і фразеалагічнай нормы. Мінск: Навука і тэхніка, 1984.
4. *Даніловіч М.А.* Граматычная характарыстыка фразеалагізмаў. Мінск: Навука і тэхніка, 1991.
5. *Даніловіч М.А.* Беларуская дыялектная фразеалогія і яе лексічная аснова. Гродна: ГрДУ, 2003.
6. *Ляшчынская В.А.* Базавыя канцэпты фразеалагічнай карціны свету беларусаў. Мінск: РІВШ, 2015.
7. *Лепешаў І.Я.* Фразеалогія сучаснай беларускай мовы. Мінск: Вышэйшая школа, 1998.
8. *Ляшчынская В.А.* Ідыяматыка беларускай мовы ў лінгвакультуралагічным асвятленні. Мінск: РІВШ, 2019.
9. *Буцько А.С.* Фразеасемантычнае поле «адносіны паміж людзьмі» ў беларускай і французскай мовах: аўтарэф. дыс. ... канд. філал. навук. Мінск, 2020.
10. *Ляшчынская В.А.* Два фрагменты фразеалагічнай карціны свету беларусаў. Мінск: РІВШ, 2020.
11. *Якшук Л.М.* Назоўнікавыя фразеалагізмы ў сучаснай беларускай літаратурнай мове. Гродна: ГрДУ, 2008.
12. *Лепешаў І.Я.* Катэгорыя трывання ў дзеяслоўных фразеалагізмах // Беларуская лінгвістыка. 2010. Вып. 64. С. 17–25.
13. *Маршэўская В.В.* Семантычная і граматычная характарыстыка фразеалагізмаў са структурай сказа. Гродна: ЮрСаПрынт, 2019.
14. *Жуков В.П.* О знаковости компонентов фразеологизмов // Вопросы языкознания. 1975. № 6. 36–45.
15. *Жуков В.П., Жуков А.В.* Морфологическая характеристика фразеологизмов русского языка. Ленинград: Б. и., 1980.
16. *Никоновите Ф.И.* Категория вида фразеологических единиц: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ленинград, 1979.
17. *Лебединская В.А.* Процессуальные фразеологизмы современного русского языка. Челябинск: ЧГПИ, 1987.
18. *Чепасова А.М.* Семантико-грамматические классы русских фразеологизмов. Челябинск: ЧГПУ, 2006.
19. *Чепасова А.М.* Избранные труды. Т. 2. Фразеология в контексте современных лингвистических исследований. Челябинск: ЮУрГГПУ, 2016.
20. *Казарчук И.Г.* Особенности видовой корреляции процессуальных фразеологизмов с семантикой отношения // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2015. № 1. С. 125–128.
21. *Бондарко А.В.* Види время русского глагола (значение и употребление). М.: Просвещение, 1971.
22. *Титаренко Е.Я., Балацкая Ю.Ю.* Аспектуальность и вариативность глагольных фразеологизмов в русском языке и речи // Научный диалог. 2022. Т. 11. № 3. С. 152–170.
23. *Маршэўская В.В.* Сінтаксічнае функцыянаванне дзеяслоўных фразеалагізмаў з нетыповай структурай // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. 2021. Т. 66. № 4. С. 443–449.

24. Маршэўская В.В. Семантычныя групы дзеяслоўных фразеалагізмаў закончанага трывання // Беларуская мова і літаратура. 2021. № 8. С. 50–55.
25. Маршэўская В.В. Семантычныя групы дзеяслоўных фразеалагізмаў незакончанага трывання // Роднае слова. 2021. № 10. С. 40–42.

References

1. Yankouski, Ph.M. (1981). *Belarusian phraseology*. Minsk: Narodnaya asveta. (In Belarus.).
2. Aksamitau, A.S. (1978). *Belarusian phraseology*. Minsk: Vysheishaya shkola. (In Belarus.).
3. Lepeshau, I.Ya. (1984). *Problems of phraseological stylistics and phraseological norms*. Minsk: Navuka i tekhnika. (In Belarus.).
4. Danilovich, M.A. (1991). *Grammatical characteristics of phraseological units*. Minsk: Navuka i tekhnika. (In Belarus.).
5. Danilovich, M.A. (2003). *Belarusian dialect phraseology and its lexical basis*. Grodno. (In Belarus.).
6. Liashchynskaya, V.A. (2015). *Basic concepts of the phraseological picture of the world of Belarusians*. Minsk. (In Belarus.).
7. Lepeshau, I.Ya. (1998). *Phraseology of the modern Belarusian language*. Minsk. (In Belarus.).
8. Liashchynskaya, V.A. (2019). *Idiomatics of the Belarusian language in linguistic and cultural coverage*. Minsk. (In Belarus.).
9. Butko, A.S. (2020). *Phraseosemantic field «relations between people» in the Belarusian and French languages* [dissertation]. Minsk. (In Belarus.).
10. Liashchynskaya, V.A. (2020). *Two fragments of the phraseological picture of the world of Belarusians*. Minsk: NIHE. (In Belarus.).
11. Yakshuk, L.M. (2006). *Noun phraseological units in the modern Belorussian literary language*: Grodno: GrSU. (In Belarus.).
12. Lepeshau, I.Ya. (2010). Category of the type of verbal phraseological units. *Belarusian linguistics*, 64, 17–25. (In Belarus.).
13. Marsheuskaya, V.V. (2019). *Semantic and grammatical characteristics of phraseological units with sentence structure*. Grodno: JurSaPrint. (In Belarus.).
14. Zhukov, V.P. (1975). On the sign character of phraseological units. *Questions of linguistics*, 6, 36–45. (In Russ.).
15. Zhukov, V.P. & Zhukov, A.V. (1980). *Morphological characteristics of phraseological units of the Russian language*. Leningrad. (In Russ.).
16. Nikonovaite, F.I. (1979). *Category of the type of phraseological units* [dissertation]. Leningrad. (In Russ.).
17. Lebedinskaya, V.A. (1987). *Procedural phraseological units of the modern Russian language*. Chelyabinsk. (In Russ.).
18. Chepasova, A.M. (2006). *Semantic and grammatical classes of Russian phraseological units*. Chelyabinsk: CSPU. (In Russ.).
19. Chepasova, A.M. (2016). *Selected works. Vol. 2. Phraseology in the context of modern linguistic research*. Chelyabinsk: CSPU. (In Russ.).
20. Kazarchuk, I.G. (2015). Features of the species correlation of procedural phraseological units with the semantics of the relationship. *Vestnik of Kostroma state university*, 1, 125–128. (In Russ.).
21. Bondarko, A.V. (1971). *Type and tense of the Russian verb (meaning and usage)*. Moscow: Prosveshchenie. (In Russ.).
22. Titarenko, E.Ya. & Balatskaya, Yu.Yu. (2022). Aspectuality and variability of verbal phraseological units in the Russian language and speech. *Scientific dialogue*, 11(3), 152–170. (In Russ.).
23. Marsheuskaya, V.V. (2021) Syntactic functioning of verbal phraseological units with atypical structure. *Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 66(4), 443–449. (In Belarus.).

24. Marsheuskaya, V.V. (2021). Semantic groups of verb phraseological units of perfect type. *Belarusian language and literature*, 8, 50–55. (In Belarus.).
25. Marsheuskaya, V.V. (2021). Semantic groups of verbal phraseological units of imperfect type. *A native word*, 10, 40–42. (In Belarus.).

Сведения об авторе:

Маршевская Валентина Васильевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры белорусской филологии филологического факультета, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы (230023, Республика Беларусь, г. Гродно, ул. Э. Ожешко, 22); *научные интересы*: фразеология, терминология, синтаксис; *e-mail*: tina-2010@bk.ru

ORCID: 0009-0006-4621-4620; SPIN-код: 7073-4875; AuthorID: 885855.

Information about the author:

Valiantsina V. Marsheuskaya, PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Belarussian Language of Faculty of Philology, Yanka Kupala State University of Grodno (22, Ozheshko str., Grodno, Republic of Belarus, 230023); *Research interests*: phraseology, terminology, syntax; *e-mail*: tina-2010@bk.ru

ORCID: 0009-0006-4621-4620; SPIN-code: 7073-4875; AuthorID: 885855.

DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-3-947-962

EDN: IDLFZM

УДК 811.111'255.2:821.161.1-31

Научная статья / Research article

Репрезентация фотизмов в английских переводах романов В. Набокова «Дар» и «Камера обскура»

Л.В. Кривошлыкова¹ , Л.В. Лебедев² ¹ Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация² Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
Москва, Российская Федерация lvk1404@mail.ru

Аннотация. В настоящее время остается актуальным исследование феномена синестезии в дискурсе художественного текста. Объектом исследования становятся романы «Дар» и «Камера Обскура» автора-синестета В. Набокова, а также их переводы на английский язык. Исследование феномена синестезии и его проявления в художественных текстах позволит описать структуру образного восприятия автора-синестета Владимира Набокова и выявить структурные лингвистические и переводческие особенности текстов его произведений. Материалами исследования стали тексты романов «Дар» и «Камера Обскура» на русском и английском языке. Результаты исследования заключаются в описании и структурировании влияния синестетического восприятия автора на структурную организацию художественного текста, а также на формирование литературных образов. Помимо этого, использование синестетических образов значительно усложняет работу переводчика художественных текстов, в связи с особенностями комплексного восприятия образов автора.

Ключевые слова: синестезия, эквивалентный перевод, адекватный перевод, аллюзия, билингвизм

Заявление о конфликте интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов:

Кривошлыкова Л.В. — концепция и дизайн исследования, сбор и обработка материалов, анализ полученных данных, написание текста; Лебедев Л.В. — сбор и обработка материалов, анализ полученных данных, написание текста и правка.

История статьи:

Дата поступления: 01.06.2024

Дата приема в печать: 15.06.2024

Для цитирования:

Кривошлыкова Л.В., Лебедев Л.В. Репрезентация фотизмов в английских переводах романов В. Набокова «Дар» и «Камера обскура» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 3. С. 947–962. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-3-947-962>

© Кривошлыкова Л.В., Лебедев Л.В., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Representation of Photisms in the English Translations of V. Nabokov's Novels "The Gift" and "Laughter in the Dark"

Liudmila V. Krivoshlykova¹ , Leonid V. Lebedev²

¹RUDN University, Moscow, Russian Federation

²Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation

 lvk1404@mail.ru

Abstract. The study of the phenomenon of synesthesia in the discourse of artistic texts are relevant today. The novels "The Gift" and "Camera Obscura" by the synesthetic author V. Nabokov, as well as their translations into English, serve as the objects of research. The study of the phenomenon of synesthesia and its manifestations in artistic texts will allow describe the structure of the author-synesthete Vladimir Nabokov's figurative perception and identify the structural linguistic and translational features of his works. The materials for the study were the texts of the novels "The Gift" and "Camera Obscura" in Russian and English. The results of the study consist of describing and structuring the influence of the author's synesthetic perception on the structural organization of the literary text, as well as on the formation of literary characters. In addition, the use of synesthetic images significantly complicates the work of translating literary texts due to the peculiarities of the author's complex perception of images.

Keywords: synesthesia, equivalent translation, adequate translation, allusion, bilingualism

Authors' contribution:

Krivoshlykova L.V. — concept and design of the study, collection and processing of materials, analysis of the obtained data, writing of the text; Lebedev L.V. — collection and processing of materials, analysis of the obtained data, writing of the text and editing.

Conflicts of interest: The authors declare no conflicts of interest.

Authors' contribution: The authors contributed equally to this article.

Article history:

Received: 01.06.2024

Accepted: 15.06.2024

For citation:

Krivoshlykova, L.V. & Lebedev, L.V. (2024). Representation of Photisms in the English Translations of V. Nabokov's Novels "The Gift" and "Laughter in the Dark". *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 15(3), 947–962. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-3-947-962>

Введение

Феномен синестезии представляет собой психонейрологическое явление, при котором фактор возбуждения одной системы (когнитивной или сенсорной) влечет за собой ответный отклик другой (т.е. полноценный ответ двух или более систем). Термин «синестезия» чаще употребляется в исследованиях по психологии и нейрофизиологии, однако также может быть наблюдаемым феноменом в ряде других дисциплин: языкознании и литературоведении. Примером исследования феномена синестезии становится изучение текстов авторов-синестетов, одним из которых является В. Набоков, который

описывает свои ощущения от восприятия звуков и их физической оболочки следующим способом: «Сверх всего этого я наделен в редкой мере цветным слухом. Не знаю, впрочем, правильно ли говорить о “слухе”, цветное ощущение создается, по-моему, самым актом голосового воспроизведения буквы, пока воображаю ее зрительный узор»¹. Исследователи творческого наследия В. Набокова часто отмечают необычные метафорические формы, характерные для идиостиля автора (А.А. Бугаева, А.Д. Бартонь, М.Ю. Мухин, Ю.В. Чернова, А.Е. Шевченко), выраженные посредством смешения систем восприятия: зрительного и вкусового, звукового и зрительного компонентов, а также особые преверсии в выражении цветового компонента (В.С. Андреев, И.Н. Лукьяненко, И.И. Краснянский, Л.В. Павлова), также связанные с синестезическими переживаниями автора.

В связи с этим неординарной задачей становится перевод художественных текстов В. Набокова. При жизни автора ряд переводов собственных произведений производился им самостоятельно, в связи с невозможностью передать чувственную составляющую произведения, не ощущая его так, как чувствовал его автор-синестет. Так, Г.А. Барабтарло отмечает, что каждое произведение В. Набокова может стать трудом жизни для переводчика или его величайшим разочарованием, и подчеркивает, что переводить произведения В. Набокова, не будучи близко знакомым с его жизнью, окружением и не понимая масштабов его личности, представляется фактически невозможным [1. С. 16].

Согласно мнению исследователей, в творчестве В. Набокова удивительным образом сочетаются синкретические феномены, образующие неразрывную связь между всеми компонентами творчества автора как результата его синестезического восприятия и синтетические явления в виде сочетания разнообразных (порой несочетаемых) компонентов в масштабе целостных текстов и отдельных художественных образов, которые образуют в совокупности неповторимый идиостиль автора. В связи с этим важной задачей исследователей творческого наследия В. Набокова становится компонентный анализ его художественных произведений как в диакроническом, целостном аспекте, так и посредством анализа синхронии, т.е. отдельного периода в творчестве автора или изучения его конкретных произведений.

Материалом для исследования послужили русские и английские тексты романов В. Набокова «Дар» / “The Gift” и «Камера обскура» / “Laughter in the Dark”. В роли переводчиков выступили сын В. Набокова Дмитрий, британский переводчик Майкл Скаммэл, а также сам Владимир Набоков. Цель работы — используя сопоставительный метод и метод семантического анализа, выявить средства выражения синестезии В. Набокова в тексте оригинала

¹ Набоков В. Другие берега. М.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. С. 30.

и перевода, который был выполнен под строгим наблюдением и контролем автора, что не позволяет сомневаться в эквивалентности, адекватности, следовательно, и в полноценности перевода.

Основные критерии переводческого процесса

Поскольку обеспечить полное и абсолютное совпадение между текстами оригинала и перевода не представляется возможным, в науке о переводе появились понятия «адекватность» и «эквивалентность». Известно, что Р. Якобсон (1959) одним из первых предложил термин «эквивалент», и на этой основе Л.Л. Нелюбин определяет эквивалентность как отношения между исходным и конечным текстами (текстом оригинала и текстом перевода. — Л.К., Л.Л.), которые позволяют решить аналогичные коммуникативные задачи в различных культурах [2. С. 254]. По Л.С. Бархударову, для перевода эквивалентность всего переводимого текста является более существенной, чем эквивалентность значений отдельных слов или предложений [3. С. 15]. Полная эквивалентность наблюдается крайне редко, в тех случаях, когда переводчик имеет дело с «относительно несложными коммуникативными условиями», если диапазон функциональных характеристик текста сравнительно узок [4. С. 95].

Адекватным переводом В.Н. Комиссаров называет «хороший» перевод, который оправдывает надежды и ожидания участников коммуникации или тех, кто непосредственно оценивает качество перевода. Адекватный перевод позволяет решать прагматические задачи, стоящие перед переводчиком, без нарушения норм, «соблюдая жанрово-стилистические требования к текстам данного типа и соответствуя общественно-признанной конвенциональной норме перевода» [5. С. 233]. Иными словами, адекватность и эквивалентность взаимодействуют на уровне текста, но не его отдельных составляющих. Так, А.Д. Швейцер подчеркивает оценочно-нормативный характер эквивалентности и адекватности перевода, при этом эквивалентность направлена на результат перевода и на соответствие определенным параметрам оригинала, а адекватность связана со стратегиями перевода, которые отвечают за коммуникативную ситуацию [4. С. 95].

Понятия точного и полноценного перевода получают свое обоснование через эквивалентность и адекватность и являются условными профессиональными характеристиками в сфере переводческой деятельности. Точный перевод может считаться адекватным, если его целью является передача фактических сведений об окружающей действительности, т.е. точность опирается на денотативные, реже — референциальные характеристики наименования объекта или идеи, таким образом затрагивая лексические единицы текста. При этом на первый план выходит не адекватность, а эквивалентность таких единиц в тексте. В частности, В.Н. Комиссаров подчеркивает, что точность — это главная характеристика эквивалентного перевода. Полноценным перевод может считаться только тогда, когда он обеспечивает «исчерпывающую

точность в передаче смыслового содержания подлинника и полноценное функционально-стилистическое соответствие ему» [6. С. 114]. В итоге становится очевидным цело-частное соотношение этих характеристик перевода: адекватность — это текстовое понятие, которое включает и эквивалентность, и точность, а полноценность коррелирует с адекватностью прежде всего с точки зрения переводческого процесса и относится к тексту перевода.

О переводе романа В. Набокова «Дар»

Статьи и лекции В. Набокова, посвященные вопросам точности перевода текста художественного произведения, по сути, его адекватности и эквивалентности тексту оригинала, являются частью творческого наследия автора-билингва и абсолютно актуальны в настоящее время. Например, в лекции «Искусство перевода» В. Набоков особое внимание уделяет качествам, которыми «должен быть наделен переводчик, чтобы воссоздать идеальный текст шедевра иностранной литературы»². К таким качествам В. Набоков относит глубокое знание как ИЯ, так и ПЯ, достаточное, чтобы «чувствовать смыслы, а не довольствоваться поверхностными значениями»; соблюдение полной эквивалентности перевода; соблюдение авторского стиля и слога в тексте, без изменения его в угоду требованиям читателя; наличие литературного таланта у переводчика, эквивалентного таланту переводимого им автора³.

На наш взгляд, целесообразно сказать несколько слов о тех, кому автор доверил работу над переводом «Дара», т.к. В. Набоков, будучи билингом, очень требовательно и трепетно относился к переводам своих произведений на другие языки. В 1938 г. в одном из писем своему литературному агенту Альграссии де Джаннели, которая представляла интересы писателя в Нью-Йорке, В. Набоков пишет об «интересе, который может представлять «Дар» для иностранного (американского) читателя», и особо подчеркивает, что «знает, как перевести книгу таким образом, чтобы избежать излишних пояснений»⁴.

Первую главу романа переводил его сын — Дмитрий Набоков, так как В. Набоков высоко ценил работу сына как переводчика. Так, журналист Джон Колмен приводит слова Набокова, который одобрительно отзывается о своем сыне как о переводчике, у которого «получился великолепный» перевод романа «Приглашение на казнь» [7. С. 161]. В 1971 г. американская писательница Гортензия Калишер напишет, что в Америке с «завидным постоянством

² Набоков В. Лекции по русской литературе // Искусство перевода. СПб.: Азбука-классика, 2010. С. 432–443.

³ Набоков В. «Свою душу я Вам не раскрою ...» Из эпистолярного наследия Владимира Набокова. Пер. Александра Ливерганта. Коммент. Николая Мельникова // Иностранная литература. 40 лет без Набокова. 2017. Вып. 6. С. 14–130.

⁴ Набоков В. «Свою душу я Вам не раскрою ...» Из эпистолярного наследия Владимира Набокова. Пер. Александра Ливерганта. Коммент. Николая Мельникова // Иностранная литература. 40 лет без Набокова. 2017. Вып. 6. С. 18.

публикуются ранние „русские“ романы, переведенные сыном и отредактированные отеческой рукой»⁵ [8. С. 201]. Дмитрий выполнил перевод только первой главы романа, потому что продолжить работу над переводом ему не позволили «требования его собственной профессии»⁶.

Работу над переводом «Дара» продолжил молодой переводчик и литературовед Майкл Скаммел, который начал изучать русский язык в армии, в Объединенной службе иностранных языков (Joint Services School for Languages), где его учителями были «белые русские» ('white Russians'), то есть те, кто в той или иной степени повторили судьбу самого В. Набокова. Они научили будущего военного переводчика любить и понимать русскую литературу, благодаря им он отказался от карьеры в армии и продолжил изучение русского языка и литературы в Университете Ноттингема, где «подлинной страстью» его профессора курса советской литературе был Серебряный век и модернисты⁷. Эти факты из биографии М. Скаммела станут решающими для В. Набокова и его жены Веры Слоним при выборе переводчика последнего русского романа, поскольку в предисловии к английскому изданию романа «Дар» Набоков отмечал, что «участие стольких русских муз (А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, русская литература и поэзия — прим. наше — авторы) в оркестровке романа делает его перевод особенно затруднительным» Автор подчеркивает, что в последствии лично «проредактировал перевод всех пяти глав»⁸.

Синестезия автора-билингва В. Набокова

Человек-синестет не только слышит звуки, но и видит их, не только осязает предмет, но и чувствует его вкус. Все виды синестезии различаются, прежде всего, по характеру возникающих дополнительных ощущений: зрительные, или фотизмы; слуховые, или фонизмы и т.д. В семье Набоковых синестетами были мать писателя Елена Ивановна Набокова-Рукавишникова, он сам, его жена Вера и сын Дмитрий. Важно подчеркнуть, что Дмитрий, как и отец, тоже обладал так называемым «цветным слухом», но его цвета отличались оттенком или яркостью от фотизмов родителей. Например, буква *М* русского алфавита для Владимира Набокова была розовой, для Веры — синей, а для Дмитрия — розово-сиреневой, «так комбинация розового и синего дали цвет сирени. Слово гены рисовали акварелью» [9. С. 126].

⁵ Набоков В. Дар. Предисловие к английскому изданию "The Gift". Пер. Веры Набоковой и Геннадия Барабгарло. Режим доступа: <http://lib.ru/NABOKOW/dar.txt>. (дата обращения: 01.12.2023).

⁶ Набоков В. Дар. Предисловие к английскому изданию "The Gift". Пер. Веры Набоковой и Геннадия Барабгарло. Режим доступа: <http://lib.ru/NABOKOW/dar.txt>. (дата обращения: 01.12.2023).

⁷ Режим доступа: <https://nashagazeta.ch/news/12043> (дата обращения: 20.03.2024).

⁸ Набоков В. Дар. Предисловие к английскому изданию "The Gift". Пер. Веры Набоковой и Геннадия Барабгарло. Режим доступа: <http://lib.ru/NABOKOW/dar.txt>. (дата обращения: 01.12.2023).

Впервые В. Набоков составил перечень цветных букв, который получил название «Как я себе представляю звуки алфавита», в 1918 г. [10. С. 148]. В автобиографических мемуарах «Другие берега» / “Conclusive Evidence” он подробно описал синестетические ощущения, галлюцинации (hallucinations) и фотизмы (photisms), которые в современной науке называется графемно-цветовой синестезией, или фонопсией:

Исповедь синэстета назовут претенциозной те, кто защищен от таких просачиваний и смещений чувств более плотными перегородками, чем защищен я.

The confession of a synesthet must sound tedious and pretentious to those who are protected from such leakings and drafts by more solid walls than mine are.

В предисловии к роману «Дар» Набоков настаивает, что он «не Фёдор Годунов-Чердынцев и никогда им не был»⁹, хотя при этом наделяет героя своим «цветным слухом» / ‘audition colorée’. Сравним описание несколько букв «цветного» алфавита главного героя, которые упоминаются в романе, с буквами В. Набокова, автора-билингва и синэстета, которые обсуждаются в мемуарах «Другие берега» / “Conclusive Evidence” (табл. 1).¹⁰

Таблица 1 / Table 1

Сравнение значений буквенно-цветовых символов В. Набокова и героя его произведения / Comparison of the values of colored letter symbols by V. Nabokov and the protagonist of his work

Буква русская/английская	«Другие берега»	“Conclusive Evidence”	«Дар»	“The Gift”
А/А	черно-бурая группа, густое без галльского глянца	the tint of weathered wood	от лаково-черных до занозисто-серых (на тех четырех языках которыми владею)	from lacquered-black to splintery-black (of the four languages which I speak)
М/М	розово-фланелевое	a fold of pink flannel	розово-фланелевое	pink flannel
С/С	влажно-голубое	is not the light blue of c but a curious mother-of-pearl	сияющее, светлые сапфиры	radiant, luminous sapphires
Ч/ [ch]	клизирное	---	гуттаперчивое, смесь сиены жженой и сепии	burnt-sienna and sepia, gutta-percha
Ы/ [ugh]	---	---	грязная вата, которую изымали из оконных рам	insulating cotton wool which was removed with the storm windows, so grubby and dull

Источник: составлен Л.В. Кривошлыковой, Л.В. Лебедевым / Source: compiled by Liudmila V. Krivoshlykova, Leonid V. Lebedev.

⁹ Набоков В. Дар. Предисловие к английскому изданию “The Gift”. Пер. Веры Набоковой и Геннадия Барабтарло. Режим доступа: <http://lib.ru/NAVOKOW/dar.txt>. (дата обращения: 01.12.2023).

¹⁰ Отсутствие соответствий объясняется отсутствием подобия букв или, наоборот, их фонологическим единством, например для русского языка, фонемы И/Ы.

И в мемуарах, и в романе рассуждение о синестезии заканчивается описанием драгоценностей матери, в первом случае самого мемуариста Владимира Набокова, во втором — главного героя Федора Годунова-Чердынцева, сравните:

«Другие берега» / “Conclusive Evidence”

... эти струящиеся диадемы и ожерелья не уступали для меня <...> иллюминациям, когда в ватной тишине зимней ночи гигантские монограммы и венцы, составленные из цветных лампочек — сапфирных, изумрудных, рубиновых, — глухо горели...

... those flashing tiaras and chokers and rings seemed to me <...> the illumination in the city <...> in the stillness of a frosty night, giant monograms, crowns, and other armorial designs, made of colored bulbs — sapphire, emerald, ruby — glowed...

«Дар» / “The Gift”

... переливала свои совершенно небесные драгоценности из бездны на ладонь <...>, и если отодвинуть в боковом окне фонаря штору, можно было видеть <...> в синей черноте ночи изумительно неподвижные, грозно-алмазные вензеля, цветные венцы ...

... allowed her perfectly celestial treasures to flow out of her abyss into her palm <...> and if one turned the curtains slightly on the side window, one could see <...> in the blue-blackness of the night, the motionless magic of an imperial illumination, the ominous blaze of diamond monograms, colored bulbs in coronal designs.

Несмотря на расхождение в деталях, эмоциональное и визуальное сходство очевидно: драгоценности *струятся* и *переливаются*, ассоциируются у ребенка с цветными лампами городской иллюминации, которая была особенно красочной в Петербурге на Английской набережной в рождественские и пасхальные дни, а также в дни тезоименитства членов императорской семьи [10. С. 151]. Украшения матери — это не материальные сокровища, не «груды драгоценностей» / “a mass of jewelry”, а способ «занять» сына, пробудить его фантазию, ведь Елена Ивановна «всячески потакала ненасытному зрению» сына / “did everything to encourage the general sensitiveness to visual stimulation”.

**Фотизмы в английском переводе романов В. Набокова
«Дар» и «Камера Обскура»**

Известно, что не только В. Набоков, но в значительной степени и его жена Вера очень требовательно, критически относилась к переводам русскоязычных романов («Камера обскура», «Защита Лужина» и др.) на иностранные языки. Когда Майкл Скаммелл только приступил к переводу «Дара», в одном из писем Вера предупредила его, что автор «хочет, чтобы переводчик как можно точнее следовал оригиналу», что он «всегда сохраняет за собой право производить в законченном переводе любые изменения» [11. С. 274–285]. Очевидно, что преобладают сложные, многогранные ощущения. Наша задача проследить, какие приемы позволяют передать всю гамму синестетических ощущений при переводе с русского языка на английский (табл. 2).

Таблица 2 / Table 2

**Примеры передачи синестетических ощущений
в романе В. Набокова «Дар» в оригинальном и переводном тексте /
Examples of Conveying Synesthetic Sensations in V. Nabokov's Original Novel
"The Gift" and its English Version**

Зрительные и вкусовые ощущения	
...цвет дома, например, сразу отзывающийся во рту неприятным овсяным вкусом, а то и халвой...	...the color of the building, for instance, that immediately provoked an unpleasant taste in the mouth, a smack of oatmeal, or even halvah...
...среди подушек — всё неаппетитных, заспанных цветов...	...among cushions of various hue—all of them unappetizing and blurry...
Зрительные и тактильные ощущения (текстура)	
небо было простоквашей	curds-and-whey sky
...среди синеватых слоев комнатных сумерек...	... among bluish layers of indoor twilight...
фиолетовая ржавчина анютиных глазок	the violet rust of pansies
Помост, облитый блеском	a sparkle-splashed platform
...радужное, с приматом пурпура и перистообразным поворотом, пятно масла: попугай асфальта.	...a rainbow of oil, with the purple predominant and a plumelike twist. asphalt's parakeet. <i>длиннохвостый попугай. конкретизация</i>
Звук и материал	
стеклянно-резиновая помощь врачей	glass-and-rubber help of doctors
Запах и цвет	
черно пахнет листьями	black smell of leaves
Цвет и звук	
каждый его стих переливается арлекином	each of his poems iridesces with harlequin colors
басисто-багряные георгины	bass-toned, dark crimson dahlias
Звук и текстура	
с клейким шорохом	a gluey sound
свежая нежная тишина (звук и ощущения)	...rural stillness would collect again, cool and tender...
чистый, круглодонный звон стакана	clean, round-bottomed ring of a tumbler
Сложные, многокомпонентные ощущения	
чистый, круглодонный звон стакана (цвет, форма, материал)	clean, round-bottomed ring of a tumbler
окошки из малиновокисельной бумаги (цвет, материал, вкус)	windows of the color of raspberry jelly
небо было простоквашей (цвет, текстура, вкус)	curds-and-whey sky
могильно-роскошный сад	funerally luxuriant garden
с воспоминаниями, просвечивающими сквозь жизнь	memories shining through life
нога чудом вошла (в новый ботинок), но, войдя, совершенно ослепла...	miraculously the foot fitted inside, but having done so, went completely blind
книжонки с лающими обложками	cheap books with lurid covers
багровый пар стыда	crimson mist of shame

Источник: составлен Л.В. Кривошлыковой, Л.В. Лебедевым / Source: compiled by Liudmila V. Krivoshlykova, Leonid V. Lebedev.

Обратимся к анализу отдельных примеров:

1. *чистый, круглодонный звон стакана / clean, round-bottomed ring of a tumbler*: очевидно использование приема конкретизации, поскольку *tumbler* — это 'высокий стакан или бокал', но в данном случае форма предмета — *круглый*

и материал — *стекло* или *хрусталь* важнее: именно они в бóльшей степени влияют на звук, издаваемый от соприкосновения с предметом;

2. *стеклянно-резиновая помощь врачей/ glass-and-rubber help of doctors*: очевидно, что появление доктора в доме ассоциируется у ребенка с необходимостью проведения определенных манипуляций с использованием медицинского инвентаря — термометра, склянок с микстурой, фонендоскопа и т.д., изготовленного из стекла и резины.

Синестезия автора-билингва особенно выразительно проявляется в описаниях пейзажей и персонажей романа. Синестезия помогает не только визуализировать то, что видит «глаз акварелиста» и «прирожденного пейзажиста» В. Набокова, но и передать чувственную, эмоциональную сторону произведения. Например, *небо было простоквашей / curds-and-whey sky*. Данный пример позволяет не только передать визуальную структуру неба (кучевые облака), но и те ощущения, которые переживал автор и его литературный герой при взгляде на небо (сравнение неба со съедобным и приятным объектом).

Не всегда используется пословный / или буквальный перевод. Так, в сочетании *книжонки с лающими обложками / cheap books with lurid covers*, отрицательная коннотация, заложенная в слове *книжонки* (в словаре помета *уничжительное*), в переводе компенсируется определением *cheap*. *Лающие обложки* обозначает сочетание зрительного восприятия объекта с неприятным звуковым ощущением. В английском варианте сохраняется отрицательная эмоциональная окраска, так как прилагательное *lurid* имеет ряд значений: ‘страшный’, ‘пугающий’, даже ‘сенсационный’. Именно *сенсационный*, т.е. ‘вызывающий обсуждение и осуждение’, оказалось наиболее подходящим эквивалентом.

В следующем примере передается не только гамма чувств, но и комплекс синестетических ощущений, вызванных летним закатом. Зрительное восприятие природного явления описывается целым рядом сложных сочетаний: свет + температура (*горячий*), тактильные ощущения + цвет (*бархатная полоска*), физическое состояние субстанции + цвет (*живая чернота, умирающая красота*), сравните:

Если на аллее, под ногами, колебались кольца горячего света, то вдалеке непременно протягивалась поперек толстая бархатная полоса, за ней опять — оранжевое решето, а уже дальше, в самой глубине, густела живая чернота, которая при передаче удовлетворяла глаз акварелиста лишь покуда краски были еще мокры, так что приходилось накладывать слой за слоем, чтобы удержать красоту — тут же умирающую.

If circles of warm light palpitated under foot in the avenue, then a thick velvet stripe was sure to stretch across in the distance, behind it again came that tawny sieve, while further, at the bottom, there deepened a rich blackness that, transferred to paper, would satisfy the water colorist only as long as the paint remained wet, so that he would have to put on layer after layer to retain its beauty — which would immediately fade.

Рассмотрим еще один пример, который заслуживает отдельного внимания, поскольку в предисловии к англоязычному изданию романа Владимир Набоков пишет, что сам «отвечает» за перевод поэзии в романе *I am responsible for the versions of various poems and bits of poems*.

Она была в коротком летнем платье ночного цвета — цвета фонарей, теней, стволов, лоснящейся панели: бледнее рук, темней лица. Посвящено Георгию Чулкову.

Her summer dress was short, of night's own color, the color of the streetlights and the shadows, of tree trunks and of shining pavement — paler than her bare arms and darker than her face. This kind of blank verse Blok dedicated to Georgi Chulkov.

Аналогичные компоненты можно также наблюдать в более поздних работах В. Набокова, таких как «Камера Обскура» (табл. 3).

Также, как и в романе «Дар» в образах романа «Камера Обскура» преобладают сложные, многогранные элементы, которые находят разное представление в переводном тексте. Так, рассмотрим подробнее пример:

Ольга Вальдгейм, полногрудая певица с абрикосовыми волосами сладкозвучно и забавно...

Olga Waldheim, a white-armed, full-bosomed singer, with waved hair the color of orange marmalade

Русскоязычный вариант *полногрудая* был переведен с лексемы *full-bosomed*, что позволило подчеркнуть коннотацию формы. Помимо этого, в англоязычном варианте был добавлен колоратив *white-armed*, что позволило также добавить цвет и тактильный образ в описание персонажа. Описание цвета волос в русскоязычном варианте описывается как *абрикосовый*, тогда как в английском варианте используется колоратив *color of orange marmalade*, что сохраняет как коннотацию цвета, так и вкусовой и обонятельный образ.

В качестве другого примера рассмотрим:

Толстый автомобиль, развозящий молоко, шелестит шинами, словно по шелку. В слуховом окошке на скате черепичной крыши отблеск солнца. Воздух еще не привык к звонкам и гудкам и принимает, и носит эти звуки как нечто новое, ломкое, дорогое. В палисадниках цветет сирень; белые бабочки, несмотря на утренний холодок, летают там и сям, будто в деревенском саду.

An electric milk van on fat tires rolling creamily. The sun dazzling in an attic window on the slope of a green-tiled roof. The young fresh air itself was not yet used to the hooting of the distant traffic; it gently took up the sounds and bore them along like something fragile and precious. In the front gardens the Persian lilac was in bloom. Despite the early coolness white butterflies were already fluttering about as though in a rustic garden....

Примеры передачи синестетических ощущений в романе В. Набокова «Дар» / «Laughter in the Dark» в оригинальном и переводном тексте / Examples of Conveying Synesthetic Sensations in V. Nabokov's Original Novel "Camera obscura" and its English Version "Laughter in the dark"

Зрительные и вкусовые ощущения	
Через улицу горела красными лампочками вывеска маленького кинематографа, обливая сладким малиновым отблеском снег.	He strolled about aimlessly and came to a small cinema the lights of which shed a scarlet sheen over the snow.
Кречмар вышел и вступил в малиновую лужу — снег таял, ночь была сырая, с теплым ветром.	Albinus stepped into a blood-red puddle; the snow was melting, the night was damp, with the fast colors of street lights all running and dissolving.
Зрительные и тактильные ощущения (текстура)	
Мать, еще довольно молодая, но рыхлая женщина, холодного и грубого нрава, с ладонью, всегда полной потенциальных оплеух	Her mother was still youngish, but rather battered too — a coarse callous woman whose red palm was a perfect cornucopia of blows.
Она покупала переливчатое, прямо-таки журчащее платье, которое сияло и лилось в витрине баснословного магазина.	She bought an iridescent, almost murmuring a dress that shone and shimmered in the window of a fabulous store.
Она взяла в кулак шелковое ухо собаки и, не поднимая глаз, ответила:	She pulled up the animal's soft silky ears so as to make their tips meet over the gentle head (inside they resembled dark pink blotting paper, much used) and answered without looking up
Она, не вставая, принялась вылезать из рукавов макинтоша, нагнув голову, наклоня плечи то вправо, то влево, и на Кречмара веяло фиалковым жаром, пока он помогал ей освободиться от пальто и глядел, как ходят ее лопатки, как собираются и расходятся складки смугловатой кожи на позвонках.	Without bothering to stand up she began to wriggle out of the sleeves, inclining her pretty neck and thrusting forward first the right and then the left shoulder. As Albinus helped her, he caught a hot whiff of violets and saw her shoulder blades move, and the sallow skin between them ripple and smooth out again.
Звук и материал	
Ведь он был наблюдателен, — он заметил, например, кошку, которая выскочила из палисадника, девочку в красном платье, для которой придержал дверь, пучок звуков, доносившихся из швейцарской, где играло радио.	He was very observant, he thought: he had, for instance, noticed a cat which sprang as he passed, and slithered between the bars of the garden railings, a schoolgirl in red for whom he had held open the door, broadcast laughter and song from the porter's lodge where the wireless was turned on as usual.
Цвет и звук	
Мужчина в оранжевом халате стоял у самой воды и протирал очки. Откуда ни возьмись прилетел большой, разноцветный, как арлекин, мяч, прыгнул с легким звоном, и Магда, мгновенно вытанувшись, поймала его и встала, и бросила его кому-то.	Each of his poems iridesces with harlequin colors
Звук и текстура	
Кречмар заметил озаренное сбоку лицо той, которая наводила свет, и, пока он за ней шел, смутно различал ее фигуру, походку, чуя шелестящий ветерок.	Albinus saw the girl's inclined face and then, as he walked behind her, he dimly distinguished her very slight figure and the even swiftness of her dispassionate movements.
Толстый автомобиль, развозящий молоко, шелестит шинами, словно по шелку. В слуховом окошке на скате черепичной крыши отблеск солнца. Воздух еще не привлек к звонкам и гудкам и принимает, и носит эти звуки как нечто новое, ломкое, дорогое. В палисадниках цветет сирень; белые бабочки, несмотря на утренний холодок, летают там и сям, будто в деревенском саду.	... Sparrows bustling about in the ivy. An electric milk van on fat tires rolling creamily. The sun dazzling in an attic window on the slope of a green-tiled roof. The young fresh air itself was not yet used to the hooting of the distant traffic; it gently took up the sounds and bore them along like something fragile and precious. In the front gardens the Persian lilac was in bloom. Despite the early coolness white butterflies were already fluttering about as though in a rustic garden....
Сложные, многокомпонентные ощущения	
Откиннутые со лба волосы отливали каштановым блеском, раковина маленького уха мерцала песчинками (цвет, размер, материал)	Her wet dark hair was thrown back from her round forehead and grains of sand glittered in her little ears
Магда, как змея, высвобождалась из темной чешуи купального костюма и ходила по комнате в одних туфлях на высоких каблуках (цвет, материал, текстура)	Margot, snake-like, shuffled off her black skin, and, with nothing on but high-heeled slippers
На щеке дрожала чудесная грушевидная слеза (материал, форма, вкус)	A large tear trembled on the side of her nose: he had never before seen tears of that size and brilliance
Ольга Вальдгейм, полногрудая певица с абрикосовыми волосами (цвет, запах, вкус)	Olga Waldheim, a white-armed, full-bosomed singer, with waved hair the color of orange marmalade

Источник: составлен Л.В. Кривошлыкковой, Л.В. Лебедевым / Source: compiled by Liudmila V. Krivoshlykova, Leonid V. Lebedev.

Комплексное, многогранное ощущение передается посредством использования колоративов, метафор, передающих тактильные ощущения, звуки и форму. Так, *толстый автомобиль* превратился в *van on fat tires* при помощи приема контекстуального переноса: сохранение эпитета *толстый / fat*, при его перенесении на другой объект. Выражение *шелестит шинами, словно по шелку* претерпело комплексную замену в формате художественного / вольного перевода *rolling creamily*. Лексема *воздух* приобрела дополнительную метафорическую окраску благодаря эпитету *young air*, тогда как *нечто новое, ломкое, дорогое* утратило один из используемых эпитетов *something fragile and precious*, и претерпело замену лексемы *ломкое* на *fragile*, что добавляет дополнительные коннотации личностного аккуратного отношения.

Таким образом, можно утверждать тот факт, что синестетическое восприятие автора значительным образом влияет на структуру и организацию текста, а также на формирование литературных образов автора и в целом на проявления его идиостиля. Наличие синестетических компонентов в тексте, помимо особенностей литературного выражения, также представляет собой особую сложность для переводчиков текста, так как, по мнению В. Набокова, переводчик во время работы с текстом должен сродниться с автором и «стать его устами» для переложения художественного текста средствами другого языка. При этом В. Набоков, как автор-билингв, утверждает, что каждый язык обладает собственным неповторимым звучанием и сочетанием смыслов, что делает перевод «сложнейшей игрой оттенков и чувств, новой мелодией, неуловимо-своеобразной картиной».

Синестетические образы В. Набокова в его собственных переводах, а также в переводах его близких (жены В. Набоковой и сына Д. Набокова) обладают уникальной метафоричностью и структурой, которая зачастую достигается посредством использования синтетических литературных форм.

Заключение

Перевод художественных текстов представляется одной из важных сфер жизни писателя-билингва и синестета В. Набокова. Так, автор очень трепетно относится как к переводу собственных текстов, так и к переложению произведений иных авторов на иностранный язык. Доказательством этому могут быть его собственные «Комментарий к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин» и лекции «Искусство перевода», где автор подробно описывает такие качества переводчика, как следование стилю автора; образованность и глубокое знание обоих языков (ИЯ и ПЯ); стремление передать чувственное и образное содержание текста и наличие таланта переводчика, эквивалентного таланту автора произведения.

Сам В. Набоков нередко выступал переводчиком собственных произведений, в нашем случае речь идет о романе «Камера обскура» / “*Laughter in the Dark*”. При этом автор-билингв был синестетом, что позволяло ему с особым талантом передавать художественные образы как посредством русского, так и английского языков. Синестезия автора проявляется в смешении систем восприятия при описании художественных образов: так, в его красочных метафорах могут встречаться смешанные звуко-визуальные, визуально-текстурные, и визуально-вкусовые формы.

В связи с этим возникают значительные трудности по передаче данных синестетических элементов средствами ПЯ. Зачастую В. Набоков был недоволен работой переводчиков и время от времени самостоятельно писал переводы собственных произведений. Однако переводы своего сына Д. Набокова, считал достаточно талантливыми и признавал их художественную ценность. Главным качеством переводчика при работе над текстом В. Набоков считал умение проникнуть в мир автора и точно передать все ощущения при работе над текстом. Так, перевод, выполненный Д. Набоковым и М. Скаммелом, демонстрирует, как переводчики следует методу (Владимира) Набокова-переводчика, который подчеркивал, что владение экстралингвистической информацией, знаниями о народах, языках и исторических аллюзиях позволяет переводчику передать авторский стиль и метод оригинала.

Анализ примеров из романа «Дар» / “*The Gift*” показал, что перевод, выполненный Дмитрием Набоковым и Майклом Скаммелом на высочайшем профессиональном уровне, отвечал всем требованиям автора. Переводчикам удалось передать всю гамму синестетических ощущений автора-билингва, овладеть способностью к мимикрии и действовать так, словно они сами обладают гениальностью, эрудицией и талантом В. Набокова. Ведь именно такие профессиональные качества переводчика, помимо одаренности и образованности, В. Набоков считал самыми важными.

Библиографический список

1. *Barabtarlo G.* Aerial View. Essays on Nabokov’s Art and Metaphysics. New York: Peter Lang, 1993.
2. *Нелюбин Л.Л.* Толковый переводоведческий словарь. М.: Флинта: Наука, 2003.
3. *Бархударов Л.С.* Язык и перевод: Вопросы частной и общей теории перевода. М.: ЛЕНАНД, 2017.
4. *Швейцер А.Д.* Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. М.: URSS, 2023.
5. *Комиссаров В.Н.* Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Альянс, 2019.
6. *Федоров А.В.* Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). СПб.: филологический факультет СПбГУ; М.: ФИЛОЛОГИЯ ТРИ, 2002.
7. *Колмен Дж.* Набоков. Пер. с английского Николая Мельникова // Иностранная литература. 40 лет без Набокова. 2017. № 6. С. 159–163.

8. Калишер Г. Трюки молодого волшебника. Пер. с английского Валерии Бернацкой // Иностранная литература. 40 лет без Набокова. 2017. № 6. С. 201–206.
9. Мельников Н. Набоков о Набокове и прочем: Интервью, рецензии, эссе. М.: Независимая Газета, 2002.
10. Долинин А.А. Комментарий к роману Владимира Набокова «Дар». М.: Новое издательство, 2019.
11. Скаммелл М. Переводя Набокова, или сотрудничество по переписке. Пер. с английского Сергея Ильина // Иностранная литература. 2000. № 7. С. 274–285.

References

1. Barabtarlo, G. (1993). *Aerial View. Essays on Nabokov's Art and Metaphysics*. New York: Peter Lang.
2. Nelyubin, L.L. (2003). *Explanatory Translation dictionary*. Moscow: Flinta: Nauka. (In Russ.).
3. Barkhudarov, L.S. (2017). *Language and translation: Issues of private and general theory of translation*. Moscow: LENAND. (In Russ.).
4. Shveitser, A.D. (2023). *Translation theory: Status, problems, aspects*. Moscow: URSS. (In Russ.).
5. Komissarov, V.N. (2019). *Translation theory (linguistic aspects)*. Moscow: Al'yans. (In Russ.).
6. Fedorov, A.V. (2002). *Fundamentals of the general theory of translation (linguistic problems)*. Saint Petersburg: Filologicheskii fakul'tet SPbGU; Moscow: FILOLOGIYA TRI. (In Russ.).
7. Coleman, J. (2017). Nabokov. Transl. from English by Nikolai Melnikov. *Journal of Foreign Literature. 40 years without Nabokov*, 6, 159–163. (In Russ.).
8. Calisher, H. (2017). Tricks of a young wizard. Transl. from English by Valeria Bernatskaya. *Journal of Foreign Literature. 40 years without Nabokov*, 6, 201–206. (In Russ.).
9. Mel'nikov, N. (2002). *Nabokov on Nabokov and others: Interviews, reviews, essays*. Moscow: Nezavisimaya Gazeta. (In Russ.).
10. Dolinin, A.A. (2019). *Commentary on Vladimir Nabokov's novel "The Gift"*. Moscow: Novoe izdatel'stvo. (In Russ.).
11. Scammell, M. (2000). Translating Nabokov, or cooperation by correspondence. Translated from English by Sergey Ilyin. *Journal of Foreign Literature*, 7, 274–285. (In Russ.).

Сведения об авторах:

Кривошлыкова Людмила Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков филологического факультета, Российский университет дружбы народов (117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6); *сфера научных интересов*: теория, практика и лингводидактика перевода, межкультурной коммуникации; типология; *e-mail*: lvk1404@mail.ru
ORCID: 0000-0002-0465-2423; SPIN-код: 7736-6462.

Лебедев Леонид Владимирович, старший преподаватель кафедры английского языка, Институт общественных наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (119571, Российская Федерация, г. Москва, пр-кт Вернадского, 82/1); аспирант кафедры иностранных языков филологического факультета, Российский университет дружбы народов (117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6); *сфера научных интересов*: теория, практика и лингводидактика перевода, межкультурной коммуникации, лингвокультурологии, когнитивной лингвистики; *e-mail*: leoneedlebedev@gmail.com
ORCID: 0000-0001-6746-2750; SPIN-код: 3927-1188.

Information about the authors:

Liudmila V. Krivoshlykova, Ph.D. in Philology, Associate Professor of Foreign Languages Department, Faculty of Philology, RUDN University (6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation, 117198); *Research interests*: theory, practice and linguistics of translation, intercultural communication, typology; *e-mail*: lvk1404@mail.ru
ORCID: 0000-0002-0465-2423; SPIN-code: 7736-462.

Leonid V. Lebedev, Senior Lecturer, Department of English, Institute of Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (82/1, Prospekt Vernadskogo Str., Moscow, Russian Federation, 119571); PhD Student, Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, RUDN University (6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation, 117198); *Research interests*: theory, practice and linguistics of translation, intercultural communication, linguistics, cognitive linguistics; *e-mail*: leoneedlebedev@gmail.com
ORCID: 0000-0001-6746-2750; SPIN-code: 3927-1188.

DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-3-963-973

EDN: HZXGYE

UDC [811.161.1:811.111]’27:659.1

Research article / Научная статья

Language Game in Advertising and Its Impact on Consumers

Anna E. Bazanova , M.A. Hamid Musa

RUDN University, Moscow, Russian Federation

 baza89265851150@yandex.ru

Abstract. The concept and phenomenon of a language game, its main functions, types and application in commercial advertising is a way to attract the attention of consumers and promote a product. Examples of phonetic, morphological and syntactic wordplay in the texts of English-language commercial advertising are analyzed. The purpose of the article is to analyze the techniques of a language game and identify their functional features at various levels in an English-language advertising text. In this article, the following methods were used: descriptive-analytical method, interpretation method, search method. When choosing a material for analysis, the method of continuous sampling was used. As the material of the research, we used English-language advertisements in various resources, such as from magazines and newspapers and videos, in which a language game was revealed. Thus, the language game implemented in advertising texts is an important phenomenon, since it contributes to the maximum impact on the consumer, since the recipient, thanks to his techniques and functions, draws attention to this advertisement. In addition, an advertisement in which a language game as present is an indicator of a high level of the consumer’s language competence.

Keywords: marketing, commercial advertising, attracting attention, recipient

Conflicts of interest: The authors declare no conflicts of interest.

Authors’ contribution: The authors contributed equally to this article.

Article history:

Received: 01.06.2024

Accepted: 15.06.2024

For citation:

Bazanova, A.E. & Hamid, Musa M.A. (2024). Language Game in Advertising and Its Impact on Consumers. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 15 (3), 963–973. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-3-963-973>

© Bazanova A.E., Hamid Musa M.A., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Языковая игра в рекламе и ее влияние на потребителей

А.Е. Базанова , М.А. Хамид Муса

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

 baza89265851150@yandex.ru

Аннотация. Понятие и феномен языковой игры, ее основные функции, виды и применение в коммерческой рекламе — это способ привлечения внимания потребителей и продвижения товара. Анализируются примеры фонетической, морфологической и синтаксической игры слов в текстах англоязычной коммерческой рекламы. Цель статьи — проанализировать приемы языковой игры и выявить их функциональные особенности на различных уровнях в англоязычном рекламном тексте. В данной статье применялись следующие методы: описательно-аналитический метод, интерпретационный метод, поисковый метод. При выборе материала для анализа использовался метод сплошной выборки. В качестве материала исследования послужили англоязычные рекламы в разных ресурсах: из журналов, газет, рекламных роликов, в которых выявлена языковая игра. Таким образом, языковая игра, реализуемая в рекламных текстах, является важным явлением, так как она способствует максимальному воздействию на потребителя, поскольку реципиент, благодаря её приёмам и функциям, обращает на данную рекламу внимание. Реклама, в которой присутствует языковая игра, является показателем высокого уровня владения языковой компетентностью потребителя.

Ключевые слова: маркетинг, коммерческая реклама, аттрактивная функция, реципиент

Заявление о конфликте интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: Вклад авторов равнозначен на всех этапах исследования.

История статьи:

Дата поступления: 01.06.2024

Дата приема: в печать: 15.06.2024

Для цитирования:

Bazanova A.E., Hamid Musa M.A. Language Game in Advertising and Its Impact on Consumers // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 3. С. 963–973. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-3-963-973>

Introduction

In the modern world, almost any business cannot be competitive without advertising. That is why many companies have entire headquarters and even departments working for company's marketing. One of their main tasks is to create and distribute an effective advertising campaign for a particular organization. In this case, effective advertising can lead to the creation of demand for the promoted product, to maintaining and increasing existing demand, to changing the consumer's negative attitude towards the product to a positive one, to promoting the product, avoiding fluctuations in demand that depend on the season, or cause a decrease in demand when the product is harmful to human health (cigarettes, alcohol, etc.), or when supply greatly exceeds demand. In the end, marketers study the market, analyze it and make a forecast for the future. If a decrease in demand is predicted, marketers begin to take measures to maintain and stimulate it with

the help of advertising [1. P. 1291]. The main goal of any marketer is to attract attention and maximize the company's profit. One of the best ways to achieve this goal is to create an incomparable, memorable and attention-grabbing text written on a photo or picture or voiced over a video.

The purpose of this article is to show how the phenomenon of “language games” can be an effective tool for creating interesting and remarkable advertising materials.

The above goal has defined a number of tasks:

1. To define the phenomenon of “language games”;
2. To show the functions, types and use of language games in advertising as a way to attract consumers' attention.

The authors used scientific descriptions (methods of continuous sampling, generalization, interpretation, classification and systematization of material) and a comparative method. Several methods were used on various advertising slogans widely presented in the media.

Marketing specialists use the term “language games”, which is a violation of language norms and cliches, in order, to attract attention and increase the expressiveness of the text in advertising and commercials. The ultimate goals of language games in advertising can be to attract the attention of the consumer, to provide the consumer with pleasure from humorous messages, to compress the meaning of the text, and also censorship [2. P. 3]. The term “language game” was first used by L. Wittgenstein, who associated this phenomenon with the use of language in the relevant sphere of communication, the ability to use language tools taking into account the function they implement (communicative, expressive, appellative, etc.) and understanding the role of the speaker as a participant in the communicative act in achieving the goal of communication. In general, language games should be understood as a conscious violation of linguistic norms, rules of speech communication, as well as the distortion of speech clichés in order to give the message greater expressive power.

Types of language play in advertising

A large number of linguistic means are used in advertising texts, which help to achieve the desired result more effectively. In addition, one of the important requirements for advertising texts is to use as much information as possible, but at the same time there should be as few words as possible so that the text is easily digestible by the recipient. At the moment, advertising products are released in huge quantities in different forms, the most common of which are: video, film and photographs. This has led to the audience ignoring advertising signals.

Thus, advertising can be considered appropriate only if it attracts attention, is understandable to everyone and is easy to remember. To achieve this goal, the means can be very different: from relaxing the rules of spelling to ambiguity of phrases in advertising texts.

The use of several types of language play in advertising from a linguistic point of view: (phonetic, morphological, syntactic, pragmatic and stylistic games). Each of them is effective, but only in different situations, under different conditions [3. P. 274–275]. Much depends on the chosen advertising audience. The text with a language game should contain such terms and phrases that are understandable and accessible to a consumer, the text should be presented in such a way as not to cause discomfort and misunderstanding, but with an ambiguous meaning, to make humorous messages.

The phonetic aspect of a language game is the use of one or two sounds in words. It is accessible to everyone, so it is applicable in almost all conditions. This technique is closely related to graphics, since frequent writing of the same letters or syllables leads to visual memorization [4. P. 151]. For example: *Ritz Crackers: Nothing fitz like a Ritz*. The campaign “Nothing fits like a Ritz” was designed to remind today’s “forgetful moms” how the Ritz fits their lifestyle. To communicate that the unique taste of Ritz is perfect for any meal, we used our most mouth-watering symbol, Ritz Crackers, combined with the brand’s signature red and yellow colors. The result was a very simple campaign idea that exceeded all objectives, leading to increased awareness and usage, franchise penetration, and claim distribution. Ritz sales also increased significantly, delivering the highest profit margin and advertising effectiveness across the entire Nabisco portfolio [5. P. 2].

Laugh attack? Don’t hold back (we make bladder leaks like no big deal) — (Always pads advertising). This example illustrates the phenomenon of assonance, namely the repetition of the final consonants “**ck**”. You can also see the attack here — the reverse rhyme. Thus, thanks to such means as assonance and rhyme, the advertising text attracts the attention of the target audience, because the slogan with the help of these means immediately catches the eye and is remembered for a long time. Here we can highlight the expressive function, since with the help of this rhyme the advertisement influences the addressee, focusing on a socially significant situation and thereby encouraging the purchase of this product.

Advertisement of Metropolitan Home hotels: “*Mode for your abode*” uses the rhyme “*Mode — abode*”. The advertiser seeks to show that the hotels will offer the best living conditions and a certain mode will be chosen in accordance with the preferences of consumers. This advertisement performs a generalizing function, since it conveys general information about the living conditions in the hotel environment. One of the best ways to promote a brand is to create an advertisement that rhymes with the brand name, the rhyme immediately distinguishes the advertisement from the rest, since it focuses on the brand name. Rhyme is often used in advertising, because it is easier for a person to remember the rhyme of the advertised text.

In advertising text, metaphor is used quite often, since it creates an evaluative image in connection with the implementation of the aesthetic function and emotional impact. This is a hidden comparison of two objects or concepts based on a certain similarity between them, real or imaginary: “*Tchibo. Awaken the Senses*” (Tchibo

coffee), “*Engineered then move the human spirit*” (Mercedes-Benz car). The Coca-Cola slogan “*Live on the colorful side of life*” also uses a metaphor that sets the buyer in a positive mood, helping consumers to get a boost of energy. This type of advertising determines and regulates the mood of consumers, increasing the communicative effect of advertising. Volkswagen Jetta: *JETTAime*. In car advertising in France, the model name is used instead of “*Jet’aime*”, which means (I love you). The substitution of the name creates complete consonance with the phrase, thereby causing audience approval and ease of memorization.

1. *The city is in your hands* — Advertisement by Ford in 2015

Fig. 1. The city is in your hands — Advertisement by Ford in 2015

Source: <https://in.pinterest.com/pin/pin-de-pablo-alcaine-en-plagios-publicitarios--521573200580497805/>

1. Syntactically, this advertisement is formed by a declarative positive sentence consisting of a subject and a predicate. (The city) is the subject, a noun phrase. The predicate is formed from head, which is a copulative verb, and another noun phrase as a predicative complement (In your hands).
2. Semantically, the claim in the advertisement is the most intriguing: not only is it significant in defining why there is a key in the shape of a city skyline, but it also gives the hidden meaning to the advertisement. By saying, “The city is in your hands,” the advertisement is saying that if you buy this car, you will feel confident and powerful.
3. Pragmatically, when you buy this Ford Fusion, you get a city. The Ford Fusion is urban, modern, powerful, full of possibilities, and it is all yours. You have this key; you hold it in your hand. The city is now yours. With this key, with this car “The city is in your hands”.
4. From a semiotic point of view, with the keys, customers can feel that the whole city is in their hands. Not only does the combination of squares, circles and triangles that create the silhouette of the city skyline as the image cut from the blade of the key convey the image of driving through the center of a large metropolis, evoking all the feelings that the reader can associate with this

journey. It also plays on the idea of the “key to the city” known in popular culture. The copy also complements this image of the city skyline because it tells the reader that the city is in their hands.

The graphic aspect of a language game is focused on the visual perception of the text. Most often, fonts are used, where the highlighted part of the word or sentence is the name of the company, product or service. Word transformation in advertising text was also used, that is, replacing one word with another, similar visually, in writing, but different in meaning. For example, *TECH IT EASY* — in the text of the sign of a store selling equipment and high-tech goods, despite the replacement of the component, there is an obvious allusion to the very popular stable expression “TAKE IT EASY”. Given the compound meaning of the phrase “progenitor”, the new name can be understood approximately as follows: “Relax with our technique” [6. P. 168].

2. *Cake Away is a cake shop founded in Didsbury, Manchester, in 2017*

1. Syntactically, *cake away* is a compound noun, which is used in this slogan as a pun by combining two words together (Cake + Away), derived from the word (take away).
2. Semantically, the pun in the text of this sign is built on the replacement of a recognizable component of the word structure (“take away” — 1. Fast food to take away, 2. A store or restaurant where food is sold. to be eaten elsewhere). In addition, the words “Cake cake” and “Away” are minimal pairs that differ only in one phonological element, such as bakery, cake and take, and have different meanings. They are used to demonstrate that the two phones are two separate phonemes in the language. The compound noun here hides this message (“Cake Away — Take a cake with you”).
3. The pragmatic aspect of this advertisement shows that all the products sold in the store are as tasty and affordable as McDonald’s in fast food, and you can eat them in convenience. So, there is a hint of a well-known lexical unit (Takeaway), and the sign looks very attractive, telling us that in this cafe or shop you can buy cakes, ice cream with fruits, milkshakes to go.

3. *Once A PAWN A Time — A pawn shop in Los Angeles, California, which offered a six-day delay in payments in 2017*

1. In terms of syntax, this slogan is formed by a pun based on the blurring of the word boundaries of the famous stable expression “Once upon a time” (this famous phrase stands at the beginning of many English fairy tales).
2. Semantically, the sentence in this slogan (Once a PAWN a Time) — a play on words of the same name — gives additional meaning to the sign. The name is not in the most pleasant places, where you need to leave something valuable as collateral and get a “fairy tale”, with faith in a happy ending, optimistic sound (it’s not terrible if one day you use a pledge): “Once / once / there was a pledge”.

3. From a pragmatic point of view, pawn shop advertising gives us important information about the nature of the store and the pawn of its services (Pawn [pɔ:n] — pawn).
4. Semiotics here refers to the services offered by the pawn shop and the attitude of the target audience, the pawn shop slogan encourages customers to receive their services (Fig. 2).

Fig. 2. Examples of Language play
Source: photo by Mohamed Alsadig Hamid Musa.

Language play and language games allow you define spelling, namely, the violation of spelling rules. Such advertising is striking, and therefore remembered last. An example is one of the Sneakers ads (*OH DEER — IT'S HARD TO SPEL — WHEN YOUR HUNGRY*). These types of advertising are very effective on banners, labels and flyers, but their decoding is possible only for an audience with additional cultural knowledge.

With the help of texts, you can “play” with consumers by replacing morphemes in words or excluding them from words. For example, the slogan of LG had the slogan “Digitally Yours”, which was translated as “Yours digitally” from (Fully yours) “completely yours”, which means “sincerely yours”.

4. Nespresso. *What else do you need?*
(advertisement for coffee)

In the above example, the language game is lexically expressed through hyperbolic functions. Manufacturers position their product as unique, self-sufficient, this can be understood from the phrase (*What else do you need?*). On the one hand, this slogan is addressed to competitors, namely, that only this product is the best on the market, other products are incomparable with Nespresso. But, on the other hand, the product itself has everything you need, excellent taste, ingredients, etc., so the need for any other product is excluded. In this example, we can highlight the

slandorous function, since this question “What else do you need?” discards any thoughts about other products, presenting them as less significant.

The syntactic aspect of the language game is the use of phrases with double meaning. As an example, consider the slogan of the House in the Village enterprise: “*It’s good to have a house in the village.*” The phrase is ambiguous; on the one hand, they mean that it is good to have the products of this company, and on the other — to own a house in the village. Maybelline cosmetics ad: “*Maybe She’s Born with It, Maybe It’s Maybelline,*” or KitKat ad: “*Have a break, have a KitKat!*”

TAKE CONTROL LOSE CONTROL. INTRODUCING AUDACIOUS MASCARA. Every layer Multiplies. Amplifies. Mesmerizes (advertisement for mascara). In the given advertising slogan, the language game is built using the same technique as in the previous one, on the opposite — “TAKE-” and “LOSE”. In the case of “TAKE”, this means that by using this mascara, you will take control of your appearance and your inner state, and the meaning of the word “LOSE” is interpreted as a key that allows you to use this product. for relaxation, the mascara independently controls the situation. Whether you cry or laugh — it does not matter, the mascara will suffer. In this example, the comic function is highlighted, since with a cursory perception, mutually exclusive positions are established “TAKE—LOSE”. In addition to the comic, the compression function is also distinguished by the versatility of the meaning, which is “packed” into a fairly compact form [6. P. 172]. Parallel constructions: a technique that is not very common in a sentence. A necessary condition for parallel construction is an identical or similar syntactic structure in two or more sentences or parts of a sentence, for example: *How refreshing! How Heineken!* (Heineken beer); *Take Toshiba, Take the World — Take Toshiba* (Toshiba); *Stop wishing. Start living* (Meltin ‘Pot jeans); *Looks ugly. Tastes great* (Stella Artois); *Don’t dream it* (Jaguar cars).

Wordplay can be manifested by replacing or adding words to well-known sayings, phrases, proverbs or expressions. It is important that the original is easy to guess when reading. For example, the MasterCard slogan: “*There are some things money can’t buy. For everything else, there’s MasterCard*”. The high prevalence of MasterCard bank cards is emphasized, which means that you can pay with them almost anywhere and at any time. Or an advertisement for a remedy for poisoning, as in the IKEA bathtub advertisement: “*Start with a clean face*” [5; 7–14]. The global economy is experiencing rapid dynamic movements and changes that are becoming more and more obvious every day, and in light of the influence of human thinking and culture on these changes, there are many desires and various ways and means of achieving them and satisfying needs. After all, advertising has become a visual, sound or readable means that affects feelings and ideas, attracts attention and causes a desire to buy. And just as the latter works to win the consumer, to direct him and to ensure his loyalty to the advertiser’s goods, we also find that it constitutes the first line of defense against competing

goods by its contribution to the institution having gained an appropriate market share and then by maintaining and increasing that share. Here advertising does not work alone but within the framework of an integrated sales system. Marketing and Management.

In view of the growing interest in advertising activity in recent times and the diversity of its methods, techniques and means, and the fluctuations in the number of advertisements we see, read and hear, between success and failure, and also because of the important role that the latter plays in increasing the market share of the institution and works to ensure that the latter remains steadfast in the face of the various problems it faces.

Conclusions

Advertising is a social phenomenon, the transfer of information through the addressee and the addressee. The term “advertising text” follows from the concept of advertising, which is interpreted as an oral or written text, the purpose of which is to convey information to the recipient. Advertising is one of the means of stimulating demand. In very rare cases, this may be the only way to change demand over a certain period of time, and this fact indicates the difficulty of assessing the effectiveness of advertising. Advertising efforts are often accompanied by a change in the price of a product or distribution channels or other advertising efforts. Advertising is also accompanied by the appearance of competitors’ advertising. In such texts, the comic function prevails, thanks to which advertisers try to attract potential consumers. It is also worth adding that the advertising test has a number of features, such as the presence of a title, brevity and conciseness, and to achieve an effective result and attract people’s attention, graphic elements such as fonts and colors are often used in texts.

Language play has many functions. The main functions of language play are comic, linguistic, evaluative and manipulative. It should be noted that these functions do not exclude, but complement each other; one advertising text can perform several functions of language play at once. It follows that language play is multifunctional and is one of the strongest mechanisms for creating a unique and effective advertising text, since its functions play a major role in increasing expressiveness and emotionality.

References

1. Fuertes-Olivera, P.A., Velasco-Sacristán, M., Arribas-Baño, A. & Samaniego-Fernández, E. (2001). Persuasion and advertising English: Metadiscourse in slogans and headlines. *Journal of Pragmatics*, 33 (8), 1291–1307.
2. Kohtev, N.N. (1997). *Advertising: the art of words. Recommendations for copywriters of advertising texts*. Moscow: Published by MSU. (In Russ.).
3. Matveeva, T.V. (2003). *Educational dictionary: Russian language, language culture, stylistics, rhetoric*. Moscow: Flint. (In Russ.).

4. Imshinetsky, I.Y. (2002). *Creatiev in advertising*. Moscow: RIP-kholding. (In Russ.).
5. Amiri, L.P. (2013). Means of visual actualization as a graphosemantic variant of language play in creolized texts of advertising communication. *The Journal Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 13 (2), 30–36. (In Russ.).
6. Dobrosklonskaya, T.G. (2005). *Issues of Media Text Studies (experience of modern English media studies)*. Moscow: Editorial URSS. (In Russ.).
7. Knorre, K. (2002). *Outdoor advertising*. Moscow: Berator-Press. (In Russ.).
8. Rudnev, V.V. (2002). In company with fat man. *Otechestvennye zapiski*, 2, 157–165. (In Russ.).
9. Safonova, E.V. (2013). Forms, means and ways of creation of comic in literature. *Molodoi uchenyi*, 5 (52), 474–478. (In Russ.).
10. Serdobintsev, E.N. (2010). *Structure and language of advertising texts*. Moscow: Flinta, Nauka. (In Russ.).
11. Tyurina, S.U. (2009). On concepts of advertising discourse and advertising text. *Vestnik IGEU*, V, 75–77. (In Russ.).
12. Selezneva, L.V., Severskaya, O.I. & Sahakyan, L.N. (2021). Image characteristics of the Russian language in the aspect of “soft power” politics. *Russian Language Studies*, 19 (3), 271–284. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2021-19-3-271-284> (In Russ.).
13. Novospasskaya, N.V. & Zou, H. (2021). The Formation of Polycode Text Theory. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12 (2), P. 501–513. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-2-501-513>
14. Dugalich, N.M. & Ebzeeva, Yu.N. (2024). French medical memes: Themes, language, functions. *Training, Language and Culture*, 8 (2), 20–30. <https://doi.org/10.22363/2521-442X-2024-8-2-20-30>

Библиографический список

1. *Fuertes-Olivera P.A., Velasco-Sacristán M., Arribas-Baño A., Samaniego-Fernández, E.* Persuasion and advertising English: Metadiscourse in slogans and headlines // *Journal of Pragmatics*. 2001. № 33 (8). P. 1291–1307.
2. *Кохтев Н.Н.* Реклама: искусство слова. Рекомендации для составителей рекламных текстов. М.: Изд-во МГУ, 1997.
3. *Матвеева Т.В.* Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика. М.: Флинта, 2003.
4. *Имишинецкая И.Я.* Креатив в рекламе. М.: РИП-холдинг, 2002.
5. *Амири Л.П.* Средства визуальной актуализации как графосемантическая разновидность языковой игры в креолизованных текстах рекламной коммуникации // *Известия Саратовского университета. Нов.сер. Сер. Филология. Журналистика*. 2013. Т. 13. № 2. С. 30–36.
6. *Добросклонская Т.Г.* Вопросы изучения медиатекстов (опыт исследования современной английской медиаречи). М.: Едиториал УРСС, 2005.
7. *Кнорре К.* Наружная реклама. М.: Бератор-Пресс, 2002.
8. *Руднев В.В.* В компании с толстяком // *Отечественные записки*. 2002. № 2. С. 157–165.
9. *Сафонова Е.В.* Формы, средства и приемы создания комического в литературе // *Молодой ученый*. 2013. № 5 (52). С. 474–478.
10. *Сердобинцева Е.Н.* Структура и язык рекламных текстов. М.: Флинта, Наука, 2010.
11. *Тюрина С.Ю.* О понятиях рекламный дискурс и рекламный текст // *Вестник ИГЭУ*. 2009. № 1. С. 75–77.
12. *Селезнева Л.В., Северская О.И., Саакян Л.Н.* Имиджевые характеристики русского языка в аспекте политики «мягкой силы» // *Русистика*. 2021. Т. 19. № 3. С. 271–284. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2021-19-3-271-284>
13. *Novospasskaya N.V., Zou H.* The Formation of Polycode Text Theory // *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*. 2021. Vol. 12. № 2. P. 501–513. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-2-501-513>

14. Dugalich N.M., Ebzeeva Yu.N. French medical memes: Themes, language, functions // Training, Language and Culture. 2024. № 8 (2). P. 20–30. <https://doi.org/10.22363/2521-442X-2024-8-2-20-30>

Information about the authors:

Anna Ev. Bazanova, PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Theory and History of Journalism, Faculty of Philology, RUDN University (6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation, 117198); *Research interests*: journalism, literature communication, PR, advertising; *e-mail*: baza89265851150@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-5560-5953; Researcher ID: Z-1336-2019; SPIN-code: 9236-8295; AuthorID: 613335.

Mohamed Alsadig Hamid Musa, Assistant lecturer at the Department of Foreign Languages of the Faculty of Humanities and Social Sciences and PhD student of the Department of Theory and History of Journalism, Faculty of Philology, RUDN University (6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation, 117198); *Research interests*: rhetoric and intercultural communication, advertising, business English, media text and linguistics; *e-mail*: khamid_musa_ma@rudn.ru
ORCID: 0000-0003-0298-558X; Researcher ID ABA-3768-2020.

Сведения об авторах:

Базанова Анна Евгеньевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и истории журналистики филологического факультета, Российский университет дружбы народов (117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6); *сфера научных интересов*: журналистика, литературоведение, PR, реклама; *e-mail*: baza89265851150@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-5560-5953; Researcher ID: Z-1336-2019; SPIN-код: 9236-8295; AuthorID: 613335.

Мохамед Альсади́г Хамид Муса, ассистент кафедры иностранных языков факультета гуманитарных и социальных наук и аспирант кафедры теории и истории журналистики филологического факультета, Российский университет дружбы народов (117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6); *сфера научных интересов*: риторика и межкультурная коммуникация, реклама, деловой английский язык, медиатекст и лингвистика; *e-mail*: khamid_musa_ma@rudn.ru
ORCID: 0000-0003-0298-558X; Researcher ID: ABA-3768-2020.

DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-3-974-999

EDN: KIFMQP

УДК 811.161.1'374

Научная статья / Research article

Парадигматические отношения метаязыка металингвистики

С.В. Лесников

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Институт лингвистических исследований Российской академии наук,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

«Альманах „ГОВОР“», Санкт-Петербург, Российская Федерация

✉ serg@lsw.ru

Аннотация. Парадигматические отношения металингвистики оказываются одним из многих проявлений системных качеств словесного инвентаря естественного языка. В свою очередь для описания естественного языка («язык объект») используют метаязык — язык «второго» уровня, при этом понятие «метаязык» существенно объемнее, чем просто понятие «терминология (=терминосистема)». Метаязык лингвистики представляет собой не изначально заданную (предшествующую научному исследованию) систему, а является завершающим этапом лингвистического явления, в основе которого лежат системные отношения между лексическими единицами (в том числе и между терминами), эксплицитно отражающих принцип единства выражения и содержания. В данной статье рассматриваются элементы терминосистемы лингвистики, прежде всего парадигматические отношения — это отношения ассоциативные, основанные на частичном сходстве между лексическими единицами одного типа по какому-то признаку при одновременном различии по каким-либо другим признакам.

Ключевые слова: алгоритм, база данных, гипертекст, гизаурус, глоссарий, дефиниция, тезаурус

Финансирование. Благодарности:

Настоящее исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ по проекту № 11-07-00733 (2011–2013) «Гипертекстовый информационно-поисковый тезаурус «Метаязык науки» (структура; математическое, лингвистическое и программное обеспечения; разделы лингвистика, математика, экономика)» (научный руководитель С.В. Лесников) и проекту РФФИ № 20-112-00215 «Метаязык лингвистики» (научный руководитель С.В. Лесников), а также по проекту РФФИ № 19-012-00494 «Лексико-семантическая неология в русском языке начала XXI века».

Заявление о конфликте интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Лесников С.В., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

История статьи:

Дата поступления: 01.06.2024

Дата приема в печать: 15.06.2024

Для цитирования:

Лесников С.В. Парадигматические отношения метаязыка металингвистики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 3. С. 974–999. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-3-974-999>

Paradigmatic Relations of the Metalanguage of Metalinguistics

Sergey V. Lesnikov

A.I. Herzen Russian State Pedagogical University, *Saint Petersburg, Russian Federation*
Institute of Linguistic Research of the Russian Academy of Sciences, *Saint Petersburg,*
Russian Federation

✉ serg@lsw.ru

Abstract. The paradigmatic relations of metalinguistics turn out to be one of the few manifestations of the systemic qualities of the verbal inventory of the natural language. In turn, to describe a natural language (“object language”), a metalanguage is used — the language of the “second” level, while the concept of “metalanguage” is much more voluminous than just the concept of “terminology (=terminosystem)”. This article examines the elements of the linguistics terminological system, first of all, paradigmatic relations are associative relations based on partial similarity between lexical units of the same type by some attribute, while at the same time distinguishing by some other attributes. The metalanguage of linguistics is not an initially defined (preceding scientific research) system, but is the final stage of a linguistic phenomenon, which is based on systemic relations between lexical units (including between terms), explicitly reflecting the principle of unity of expression and content.

Keywords: algorithm, database, hypertext, gizaaurus, glossary, definition, thesaurus

Financing. Acknowledgements

This research was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research under project № 11-07-00733 (2011–2013) “Hypertext information retrieval thesaurus “Metalanguage of science” (structure; mathematical, linguistic and software; sections linguistics, mathematics, economics)” (scientific head Sergey Lesnikov) and the RFBR project № 20-112-00215 “Metalanguage of linguistics” (scientific supervisor Sergey Lesnikov), as well as the RFBR project № 19-012-00494 “Lexico-semantic neology in the Russian language at the beginning of the 21st century”.

Conflicts of interest: The author declares no conflicts of interest.

Article history:

Received: 01.06.2024

Accepted: 15.06.2024

For citation:

Lesnikov, S.V. (2024). Paradigmatic. Relations of the Metalanguage of Metalinguistics. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 15 (3), 974–999. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-3-974-999>

Введение

Попытки создать типологию лингвистических терминов [1] и по тем или иным критериям осуществить классификацию терминологических словарей предпринимались неоднократно отечественными лингвистами: П.М. Алиева (2011); О.С. Ахманова (1957, 1976); Э.М. Ханкешиева и др. (2010); А.Н. Баранов и др. (1990, 2003); Р.Е. Березникова (1976); В.П. Берков и Л.Ю. Буянова (2003); Н.В. Васильева (1990, 2003); А.С. Герд (1981); В.Г. Гак (1986); Б.Н. Головин (1976, 1987); В.А. Гречко (1976); С.В. Гринев (1993); В.П. Даниленко (1977, 1996); П.Н. Денисов (1974); М.А. Джасим (2007); В.У. Дресслер (1990); Т.В. Жеребило, В.В. Дубичинский (1993, 2003); В.П. Ицкович (1964); Л.А. Кананадзе (1965); Ю.Н. Караулов (1975, 1981); А.Е. Карнович (1977); А.И. Киселевский (1979); В.А. Козырев и В.Д. Черняк (2000); Н.З. Котелова (1976); В.М. Лейчик (1989, 1994); С.В. Лесников (2002); А.М. Моисеев (1970); С.Е. Никитина (1987); М.А. Парижева (2005); А.И. Полторацкий (1977); Ю.А. Сафьян (1978); Ю.В. Сложеникина (2016); Н.А. Слюсарева (1979); Ф.П. Сороколетов (1962); А.В. Суперанская (1976); В.Д. Табанакова и Е.Н. Толикина (1976); А.М. Цывин и В.Д. Черняк и др. (1995, 1996, 1998) и мн. др.

Системные отношения в языке

«СИСТЕМА — 1) совокупность элементов, связанных устойчивыми отношениями между собой и образующих внутренне организованное единое целое; 2) совокупность форм, образующих данную грамматическую категорию; 3) в противоположность норме Система — глубинный уровень языкового механизма, определяющий потенциальные возможности образования и функционирования лексических единиц. Создателем теории системного описания языка является Ф. де Соссюр. Система — в философском смысле — объективное единство закономерно связанных между собой элементов, предметов, явлений, а также знаний о природе и обществе [2]. Система, по П.К. Анохину, — комплекс избирательно вовлеченных элементов, взаимодействующих достижению заданного полезного результата, который принимается основным системообразующим фактором. Система характеризуется: 1) закономерными отношениями между элементами; 2) целостностью как результатом этого взаимодействия; 3) автономностью поведения; 4) несуммарностью (неаддитивностью) свойств системы по отношению к свойствам составляющих ее элементов. В языке нет несистемных явлений. Отмечаемые исследователями «асистемные факты» оказываются включенными в отношения с единицами языка на том или другом основании. Язык — открытая система, в связи с чем создается впечатление асистемности и алогичности. Строгость системной организации языка на разных его уровнях различна» [3. С. 679].

«Системные отношения в лексике — регулярные связи между словами и фразеологическими единицами языка. В качестве системных лексических

объединений могут быть выделены: тематические группы слов; синонимические ряды; антонимические пары; лексико-семантические группы слов; лексические поля. Важнейшие системные лексические связи: связь семантической производности; парадигматические связи; синтагматические связи; гиперо-гипонимическая связь; лексико-грамматические связи. Лексика — это системно организованный языковой уровень [4. С. 285].

Общепризнано, что вокабулы (слова, словоформы, лексические единицы /ЛЕ/) находятся в системных отношениях: 1) парадигматические (объединяющие единицы языка в группы, разряды, категории: система согласных, система склонения; антонимия, омонимия, паронимия, синонимия; гиперо-гипонимическая и тематические парадигмы); 2) синтагматические (объединяющие единицы языка в их одновременной последовательности: словосочетание, предложение); 3) ассоциативные (возникающие на основе совпадения во времени представлений, то есть образов явлений действительности: ассоциации по смежности, сходству, контрасту); 4) иерархические (отношения между неоднородными элементами: общее и частное, род и вид); 5) эпидигматические (внутренние отношения, полисемия).

Системная организация языка признана как особое, уникальное явление действительности. В. Гумбольдт признавал системную организацию языка. Системность языка отмечали Ф.И. Буслаев, А.А. Потебня, И.А. Бодуэн де Куртенэ, Ф. де Соссюр и др.

Системность лексики проявляется в том, что слова вступают друг с другом в разнонаправленные отношения формального (экстралингвистического) и содержательного планов (интерлингвистического). Тому способствует сама природа *речевого знака*, представляющего собой неразрывное единство означающего, то есть *языковой формы* (обычно акустической и иконической природы) и означаемого — языкового содержания или предмета мысли, представляющего человеческому сознанию в сенсомоторном восприятии (как природная вещь, качество, мера, состояние вещей) или как некое умозрительное построение (логическое понятие, философская категория, абстрактное качество вне какой бы то ни было вещественной оболочки).

Содержательная (семантическая) сторона словесного знака более отчетливо просматривается в множествах, или *микроструктурах*, представленных, например, лексико-семантическими вариантами /ЛСВ/, лексико-семантическими группами /ЛСГ/ и лексико-семантическими рядами /ЛСР/, а также предметными классами /ПК/, базирующимися на разного рода иерархических, квалификативных и количественных отношениях между входящими в них лексическими единицами /ЛЕ/ — точнее: между конкретными и абстрактными предметами (сущими вещами, их качествами и отношениями между ними).

Необходимо осознавать, что сами по себе научные термины, будучи лишь одним из проявлений словесных знаков, не являются ни конкретными,

ни абстрактными. Этими качествами обладают исключительно стоящее за тем или иным термином понятие, чье означающее строго очерчено его дефиницией. Именно в этом отношении термины любой науки более конвенциональны¹ и тяготеют к однозначности, тогда как привычные для большинства говорящих социальные термины (особенно обиходно-бытовая лексика) по преимуществу традиционны и более произвольны, то есть они могут быть подвержены самым непредсказуемым переосмыслениям, что и происходит, особенно во время социальных потрясений, ведущим к смене культурно-исторической традиции.

Моделирование гипертекстового информационно-поискового тезауруса /ИПТ/ метаязыка лингвистики, направленное, в частности, на выявление системных отношений лингвистической терминосистемы, во многом опирается на положение Ф. де Соссюра, полагавшего, что в каждом данном состоянии все покоится на отношениях [5. С. 123]. Оно во многом предопределило как соссюрговскую трихотию *речевое мышление — язык — речь* [6. С. 70–80], так и уточнение концепции языкового знака, то есть замену первоначального отношения между *понятием* и *акустическим образом* на пару *означающее* и *означаемое* [7. С. 61–69], что в большей мере согласуется с положением де Соссюра о произвольности языкового знака — отсутствие какой-либо связи между формой и значением слова. Нетрудно заметить, что такого рода связь как бы молчаливо подразумевается, когда речь идет о терминах. Подобное допущение ошибочно хотя бы потому, что термины представляют лишь одно из подмножеств или допустимых лексико-семантических группировок, отличающихся лишь областью своего функционирования и относительной ригидностью означаемого (его принципиальной продуманностью, моментом интенциональности при определении означаемого).

Как известно, Ф. де Соссюр выделял два типа отношений: синтагматические и ассоциативные, утверждая: «с одной стороны, слова в речи, образуя цепь, вступают между собой в отношения, основанные на линейном характере языка, исключающем возможность произнесения двух элементов сразу... С другой стороны, вне процесса речи слова, имеющие между собой что-либо общее, ассоциируются в памяти так, что из них образуются

¹ Более того, авторство многих терминов обычно известно специалистам, представляющим определенную область науки, не говоря о терминах, восходящих к именам исследователей, открывших какое-либо явление, закономерность, то или иное качество, характерное для объекта их наблюдений и умозаключений. В лингвистической терминологии такого рода формы, восходящие к антропонимам, тоже представлены. Социальные термины в большей мере тяготеют к анонимности, хотя и среди них немало апеллятивов, восходящих к именам собственным. Это обусловлено прежде всего техническим и научным прогрессом Нового времени (после Галилея), предопределившим и формирование современной научной терминологии, связанной с рефлексией о языке науки.

группы, внутри которых обнаруживаются весьма разнообразные отношения» [5. С. 123]. Позднее Л. Ельмслев предложил назвать ассоциативные отношения парадигматическими, основанными на векторной зависимости терминов друг от друга, выделив три вида этих зависимостей: двусторонняя зависимость (интердепенденция), односторонняя зависимость (детерминация) и свободная зависимость (констелляция) [8. С. 148–155]. К первому типу относятся гиперо-гипонимические отношения, ко второму — эквивалентные, а к третьему — ассоциативные отношения по признаку когипонимии². «Парадигматические отношения — это отношения ассоциативные, основанные на частичном сходстве и конкуренции составляющих П [арадигматику] единиц. Это очень широкий тип отношений, под который могут быть подведены более частные классы единиц, выявленные в лингвистике...» [9. С. 293].

Парадигматические отношения словарных единиц оказываются одним из немногих проявлений системных качеств словесного инвентаря естественных языков. Их выявление отчасти затруднено из-за п-мерности лексиконов современных языков культуры, которые стали более доступными для обследования лишь с появлением компьютерных программ и созданием соответствующих массивов информации. На наш взгляд, компьютерный анализ лингвистической терминологии может оказаться показательным именно в силу относительной продуманности этого подмножества слов в процессе становления и уточнения научного инструментария лингвистов, каковым и является метаязык лингвистики. Описывающий наш мир словарь системен хотя бы потому, что системен этот внешний мир.

Для описания лингвистической терминологии и выявления специфических для нее системных качеств, с одной стороны, остаются актуальными не только наблюдения теоретиков языка, особенно когда речь идет о составителях разнотипных словарей лингвистических терминов. Необходимо учесть и те наблюдения над языком, которые осуществлены в рамках логико-философских размышлений о его природе, которые связаны с теорией познания — с т.н. лингвистической философией и лингвистической эпистемологией. Это требует, разумеется, выявления соответствующей терминологии, которая должна быть соотнесена со сходными или однотипными терминами и концепциями самих лингвистов. Если на этом уровне — логико-философском — существенны наблюдения над родо-видовыми отношениями в лексике, а также разнообразные пересечения между различными предметными классами, наряду с анализом номенклатурных множеств и подмножеств (названий растений, животных, птиц, рыб. и т.п.), то на сугубо языковом уровне наиболее актуальными

² ЛЭС: Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энцикл., 1990. С. 366.

для изучения представляются отношения антонимии, гиперонимии, гипонимии, омонимии, полисемии и синонимии.

В процессе разработки концепции гизауруса (гипертекстового тезауруса) и оценки соответствующих программных возможностей рассматривалась задача систематизации и классификации (таксономизации) лингвистических понятий и явлений, дефиниций, определений, толкований лексических единиц.

Систематизация может иметь различные логические основания. С одной стороны, это формальные приемы, облегчающие пользование словарем (например, расположение материала в алфавитном, количественном, тематическом, хронологическом порядке, некоторые композиционные особенности словарных статей и т. д.), с другой — «различные виды и типы описаний, обусловленные различными связями и отношениями лексики в ее живом употреблении, которые должны раскрыть читателю особенности языковых явлений и облегчить овладение тонкостями терминологии» [10. С. 8]. Причем важно, чтобы в процессе рассуждений о наблюдаемых языковых явлениях и их весомости в лексиконе языка не происходила подспудная «подмена тезиса», то есть не подменялось бы основание сравнения явлений по своему происхождению, как правило, разнородных. Иначе говоря, выявление и экспликация системных отношений на лексико-семантическом уровне языка ни в малейшей степени не отменяет положения о произвольности лингвистического знака. Парадокс в том, что приписываемые языку категории и отношения суть лишь отражение описываемой словесными знаками структуры мира. Сигнал всегда соответствует характеристикам своего источника, а не воспринимающего его «наблюдателя».

Систематизация проявляется и осознается через репрезентацию парадигматических связей, в частности, через указания семантически соотносительных слов — синонимов, антонимов; указания на словопроизводные и семантические связи в определениях, родо-видовые отношения, полевые структуры, предметные классы, опирающиеся на различные основания, которые могут друг с другом и пересекаться, и противопоставляться [11. С. 110–111]. Имплицитно указания на семантические пересечения, соположения и противопоставления в предметных классах, как и на контрастивные различия и метафорические сближения в парадигматических рядах специализированной лексики метаязыка лингвистики содержатся во всех толкованиях значений терминов. Эксплицитно информацию о парадигматических связях теоретически можно расширять и упорядочивать, не выходя за пределы словаря лингвистических терминов [12. С. 246–247]. Однако практически понимание любого текста (а словарь лингвистических терминов лишь особого рода текст) воспринимается только в силу «начитанности» (фоновых знаний и личного опыта) читателя. Применительно к словарю лингвистических терминов возникает вопрос о его адресате.

Поскольку задуманный гизаурус такого рода лексикографических сводов³ оказывается не просто конкордансом заглавных форм, но своего рода «гипертекстом», позволяющим не только оценить авторские дефиниции, но и проследить все их толкования и переосмысления⁴, напрашивается допущение, что гизаурус может заинтересовать исследователей истории отечественного языкознания⁵. Не говоря о том, что работа с материалами гизауруса способна отчасти возродить уровень терминологической этики, которая заметно деградировала, несомненно, он станет очень удобным подспорьем для подготовки вузовских курсов лекций и специальных семинаров по общей лингвистике и частным лингвистическим дисциплинам. И, разумеется, поисковая программа гизауруса лингвистических терминов представляет практический интерес для создания в конечном итоге гизауруса русского языка, что является далеко не тривиальной задачей, учитывая, что речь идет о составлении и систематизации нескольких миллионов словарных статей⁶. В разговоре с академиком Ю.Н. Карауловым в 1995 году мы сошлись на том, что в русском языке не менее пяти с половиной миллионов слов и терминов. Ср. в настоящее время в русском Викисловаре уже имеется свыше одного миллиона трехсот тысяч словарных статей почти на трех миллионах страниц (<https://ru.wiktionary.org/wiki/Служебная:Статистика>), а в Википедии свыше двух миллионов словарных статей (<https://ru.wikipedia.org/wiki/Служебная:Статистика>).

³ Не говоря о том, что в гизаурусе метаязыка лингвистики частично расписаны и собственно «теоретические» публикации, от статей в ведущем журнале «Вопросы языкознания» до монографий ведущих советских и русских ученых.

⁴ Хотя не редки и буквальные заимствования словарных дефиниций (в силу их тривиальности и общепризнанности) без ссылки на первоисточник предлагаемого толкования термина.

⁵ По существу, речь идет о возможности проследить становление и эволюцию отечественной лингвистической мысли, наряду с адаптацией иноязычных, преимущественно европейских концепций и терминологии, начиная от М.В. Ломоносова и вплоть до наших дней. Не подменяя такое исследовательское направление, как лингвистическая историография, реализация проекта гизауруса может предоставить обширную и достоверную информацию для уточнения и дополнения истории лингвистических учений.

⁶ Понятно, что гизаурус русского языка может быть создан только коллективными усилиями ведущих академических институтов и высших учебных заведений России. Его исходная база — прежде всего академические словари современного русского языка (начиная с пушкинской эпохи). Однако их данные не могут быть сведены механически: они требуют существенного пересмотра и обобщения на новом лексикографическом уровне. (Национальный словарный фонд. «Подробнее о работе над созданием Национального словарного фонда и об архитектуре будущей платформы рассказала руководитель проекта Мария Каленчук. Она отметила, что ученым ИРЯ РАН уже удалось полностью оцифровать и вычитать 33 многотомных словаря русского языка разных авторов и временных периодов: от современных толковых словарей до словаря русского народного говора. Всего предполагается создание пяти разных модулей, переходя на которые любой пользователь сможет проследить историю изменения норм употребления слова и его значения в разные временные периоды» (Каленчук М. <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/81204/?lang=ru>), <http://duma.gov.ru/news/59156/>).

Еще в 1983 г. Дж. Солтон и М. МакГилл [13. С. 420] отмечали невозможность в обозримой перспективе использования в информационном поиске неформализованного естественного языка. Соотнесение смысла запроса и документа требует экстралингвистических знаний и, прежде всего, знаний внутри и вокруг той предметной области, в которой осуществляется поиск. Современная когнитивная психология акцентирует внимание на особую значимость классификации как средства познания: «Общепризнано, что материя состоит из элементов, существующих независимо от непосредственного их наблюдения человеком. Однако то, как эти элементы классифицируются, оказывает огромное влияние на то, как ученые воспринимают физический мир» [14. С. 39]. Нельзя все же во имя поисков «философского языка» абсолютизировать классификацию как таковую в отрыве от целеполагания и практических установок крайне разнообразной человеческой деятельности⁷.

Информационно-поисковые тезаурусы и, соответственно, гизаурус предоставляют пользователю структурированные фрагменты знания через экспликацию парадигматических отношений между ЛЕ и, соответственно, между обозначаемыми ими понятиями [15. С. 62–63]. Система любого языка, независимо от типа, сводится к его словарю и грамматике, что констатировали и Ф. де Соссюр, и Л.В. Щерба. Отношения между словарными единицами, помимо их лексического значения и грамматических маркеров, широко представленных в языках флективного типа, какими являются почти все индоевропейские языки, зависит также от топики высказывания (порядка слов в предложении). Помимо того, в эти отношения вклинивается также дейктическая лексика (упрощенно, указательные местоимения) и квантитативы (числительные и оценочные формы вроде *много, мало, средне, штук, человек, душ, персон, дворов, домов, рабочих, мешков, коробок, вагонов* и пр.).

Не последнюю роль играет также модус высказывания. Подразумевается, напр., речь, погруженная в некую реальную ситуацию, что упрощает ее адекватное понимание, так как предмет мысли говорящего очевиден его адресату. Иной характер речи предполагает, допустим, обсуждение какого-либо события, состоявшегося в прошлом, или же предстоящего, когда предмет речи отсутствует и требует экспликации и каких-то уточнений. Особого рода модус высказывания предполагает общение в условиях экстремальных ситуаций, когда решающим становится понимание с «полуслова». Но речь артиста на сцене отрепетирована заранее, чаще всего в соответствии с замыслом режиссера. Понятно, что разные навыки изложения своей мысли навязывает устное или письменное общение. Тем более специфично суждение

⁷ Можно лишь отослать к рассказу «Аналитический язык Джона Уилкинса» Х.Л. Борхеса из книги «Новые расследования» (“*Otras inquisiciones*”, 1952), остроумно обыгранному У. Эко в книге «Поиски совершенного языка в европейской культуре» (ит. изд. 1993, рус. пер.: СПб., 2007: 214): «Борхес, — заключает Эко, — приходит к выводу, что любая классификация мира будет произвольной и спорной».

на уровне метаязыка, которое в конечном счете осуществляется посредством тех же слов и грамматических правил, обуславливающих и каждодневное общение — обиходно-бытовое, профессиональное, артистическое и т.п.

И понятно также, что выявляемые лингвистами парадигматические и синтагматические отношения характеризуют словарь и грамматику данного языка не в качестве более или менее полного инвентаря лексических единиц и свода грамматических правил или стилистических предписаний, но лишь в меру того как соответствующие связи между ними проявляются в речи (и в тексте), обслуживающей все мыслимые виды человеческой деятельности в самых непредсказуемых ее ситуациях и модусах. Системные связи между языковыми элементами различных уровней, и особенно на лексико-семантическом уровне, обеспечивают необходимую мобильность речемыслительной деятельности. Системность языка оказывается своего рода мнемоническим принципом, структурирующим формируемые пожизненно навыки и опыт речемыслительной деятельности *человека говорящего* (Homo symbolicus Э. Кассирера).

Таким образом, навыки продумывания любого рода высказываний порождаются и закрепляются в повседневных речевых актах. Но только при обращении к вопросам: «что такое язык?», «как мы говорим?» и «как мы понимаем говорение другого?» — возникает рефлексия над языком, которая в истории человеческой культуры прослеживается, начиная с достаточно протяженного «момента» появления древнейших письменностей. Современная же научная рефлексия зарождается примерно во времена Галилея (2-я половина XVI в. — 1-я половина XVII в.). А научное языкознание привычно увязывается с зарождением сравнительно-исторического метода в процессе установления исторического родства между индоевропейскими языками. С этого времени (1-я половина XIX в.) собственно лингвистическая терминология начинает накапливаться, обновляться и специализироваться в зависимости от научных традиций и исследовательских направлений с такой интенсивностью, что в настоящее время одни лингвисты далеко не всегда могут понять других. Не случайно именно во второй половине XX в. возникает новый тип словарей лингвистических терминов, имеющих в виду не только современное состояние наук о языке, но и историю лингвистических идей и термины, не столько актуальные, сколько имеющие культурно-историческое значение.

Парадигматику языка можно определить как «совокупность и систему допускаемых структурой языка вариантов его единиц и категорий — вариантов, из числа которых автор речи на каждом шаге развертывания речи делает выбор лишь одного» [16. С. 218]. Синтагматика языка определяется как «совокупность и система опирающихся на структурные значения языковых единиц, их сочетательные возможности и их реализации в процессе речи» [16. С. 218]. В теории и практике информационного поиска под парадигматическими отношениями понимаются отношения между словами — множеством

означающих, соответствующих более обширному множеству означаемых, от которых они неотделимы и в отрыве от которых не имеют никакого смысла, коль скоро всякое слово опирается «на существование объективных связей между означаемыми»⁸ [17].

Б. Виккери отмечает, что лингвистика распознает, по крайней мере, несколько видов парадигматических отношений: 1) синонимия — между лексемами, представляющими одну и ту же семему и имеющими сходные ассоциативные ряды; 2) квази-синонимия — между лексемами с большой долей общего семантического компонента, но не совпадающими полностью по объему понятий; 3) дополняемость — между лексемами, семантические компоненты которых взаимно дополняют друг друга; 4) антонимия — между лексемами с противоположным значением; 5) гипонимия, если значение одной лексемы включено в значение другой (объем понятия одной лексемы полностью входит в объем понятия другой лексемы) [18. С. 151].

В лексикографии парадигматические отношения, в частности, антонимия, омонимия, полисемия и синонимия терминов, рассматриваются в работах многих лингвистов [19–22; 23. С. 42–43]. Традиционно термин, в соответствии со своими основными функциями (номинативной и дефинитивной), должен быть строгим и точным обозначением специального понятия. Именно поэтому термин обычно характеризуется через противопоставление обычному слову и через набор отрицательных признаков. Так, в ЛЭС ему приспаны «тенденция к моносемантичности в пределах своего терминологического поля», «отсутствие экспрессии», «стилистическая нейтральность»⁹. Отмечается также, что, переходя из естественного языка в терминологию, слова теряют свои былые системные связи: омонимия, синонимия, антонимия у терминов существенно ограничены.

Основными критериями для разграничения омонимии и полисемии являются следующие: 1) полисемия имеет общую сему, а омонимия не имеет; 2) омонимия характеризуется расхождением словообразовательных рядов; 3) омонимии свойственна разная сочетаемость; 4) омонимия характеризуется отсутствием синонимических отношений.

Представляется справедливым утверждение: «Если в общей лексике последовательно представлены такие явления, как полисемия, омонимия,

⁸ Далее Мартинович добавляет: «...то есть между внутренними, семантическими сторонами слов», — это справедливо только при условии, что подразумеваются «мысли изречаемые», а не перечни *словарных слов*. Проблематичность лингвистической теории заключается в постоянном преобразовании явлений, характерных для потока живой речи, в застывшие массивы текстов и словарных фолиантов. Теоретик языка обязан считаться с этими «агрегатными» состояниями одного и того же объекта своих размышлений, чему, в конечном итоге, и служит сосюрвовское разграничение *языка и речи*.

⁹ ЛЭС: Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энцикл., 1990. С. 508.

синонимия, антонимия, то в специальной лексике они имеют свои особенности и ограничения» [24. С. 162]. «Так, в качестве желаемых требований для терминов выделяют однозначность, то есть одно слово — один смысл, что означает отсутствие у термина полисемантических отношений, омонимов, синонимов. На практике дело обстоит иначе. Термин не может избавиться от материальной языковой формы, где все эти отношения неизбежно присутствуют; тем не менее, терминологи производят отбор синонимов, спецификацию омонимов, разделение полисемии для достижения тех требований, которые предъявляются к терминам.

Номены и онимы, характеризующиеся ослабленной связью с понятиями, не могут иметь полисемию, синонимию, антонимию. Семасиологические отношения для них заменяются номинативными, понятийные связи — денотативными, антонимические отношения превращаются в отношения перечисления внутри именного ряда» [22. С. 55].

Тем не менее, в терминологии явно прослеживается так называемая асимметрия (отступление от регулярности, единообразия). По этому поводу В.Г. Гак отмечает, что нередко в грамматических теориях недоучитывается асимметричный характер многих звеньев языковой системы [25. С. 25]. Лингвисты стремятся построить более «симметричную» идеальную схему, из-за чего некоторые явления в языке объединяются и классифицируются произвольно. Говоря о типах грамматической асимметрии по отношению к терминологии, можно выделить асимметрию системы, которая проявляется «в неодинаковой развитости звеньев языковой системы там, где можно было бы ожидать подобия» [там же: 25], а также асимметрию структуры, которая, в свою очередь, проявляется «в расхождении означающего и означаемого» [там же]. Асимметрия структуры в парадигматическом плане и приводит к появлению таких семантических отношений между терминами, как полисемия, омонимия, синонимия.

Можно лишь заключить (сколь бы исчерпывающе не были бы описаны и регламентированы терминологические системы, в частности лингвистическая), что любого рода деятельность, особенно научная, плодотворна до тех пор, пока человек разумный вправе действовать не в соответствии с некими предписаниями, но пользуясь теми преимуществами, которые предоставляет ему речевое мышление, по отношению к которому любой научный текст и любого уровня метаязыки представляют лишь частный случай или жанровые разновидности речевой деятельности. Искомый со времен Лейбница и даже ранее «совершенный язык» (он же «философский») обречен оставаться утопическим идеалом.

Если вновь обратиться к словарям лингвистических терминов и к задаче создания на их основе единой базы данных, речь идет о таком информационном массиве, который позволит выявить многие забытые, а порой и неизвестные моменты живой мысли, стоящей за историей лингвистических

учений. Преобразование текста словарей в действенный информационный фонд с многоаспектной и эффективной поисковой системой — задача далеко не тривиальная.

Своеобразие толковых терминологических словарей предопределяет модель словарной статьи, структуру лексикона в целом. Словарная статья в гизаурусе данного типа состоит из двух частей: первая (семантическая) представляет собой собственно дефиницию, «метаязыковую надстройку», в которой представлено наиболее абстрагированное и сжатое толкование, дающее первоначальное представление об определяемом. Семантическая часть может состоять из определяемого, дефинитивной связки и определяющего члена. Дефинитивная связка соотносит определяемое с общим классом понятий, а определяющий член выделяет понятие из общего класса. Вторая часть словарной экспликации является конкретизирующей, в ней представлено объектное описание. Семантическая и денотативная части микроструктуры текста, поясняющего заглавную форму (лингвистический термин), составляют единую характеристику этого определяемого.

Главная задача «Лексикона терминосистемы металингвистики» (гизауруса метаязыка лингвистики) — эксплицировать системность в данном случае выявленной лингвистической терминологии, а через нее и специфику соответствующей предметной области. В проектируемом гизаурусе названная задача может решаться через предъявление микро- и макроструктуры лексико-семантического поля, лексико-фразеологического гнезда и парадигматических связей, образуемых заглавным термином, а также всех его дериватов и терминов (вокабул), которые противопоставлены рассматриваемому, являются его частичными синонимами или гиперонимами и гипонимами. Каждая словарная «статья» включает также лексикографические, грамматические и стилистические пометы, специальные графические средства, дополнительные комментарии и пояснения. Все это позволяет репрезентировать базовую терминологию метаязыка лингвистики как систему номинаций, используемую для описания языковых реалий (ср. [26. С. 245–252]).

Вопрос о семантических отношениях слов, составляющих ту или иную терминологию, является традиционным для исследователей. В.П. Даниленко считает, что наиболее дискуссионным по-прежнему остается вопрос, допустимы ли применительно к терминологии полисемия, омонимия, синонимия. Спорность вопроса состоит в том, что термин обладает однозначным соотношением означающего и означаемого. Подобная однозначность должна препятствовать появлению полисемии, омонимии или синонимии. Однако в действительности термин подвержен тем же лексико-семантическим процессам, которым подвержена и общеупотребительная лексика [27. С. 65]. Отличие же заключается в том, что эти процессы, по мнению В.П. Даниленко, не затрагивают характерных лексико-семантических признаков терминологии

[там же]. Они протекают в тех пределах, которые не нарушают семантической определенности термина.

Изложенное мнение разделяют и другие исследователи [22. С. 55; 28. С. 42–43], считая, что если в общей лексике последовательно представлены такие явления, как полисемия, омонимия, синонимия, то в специальной лексике они имеют свои особенности и ограничения. Так, если в качестве desiderata к термину выдвигается требование однозначности (одно слово = один смысл), то тем самым уже отсекается возможность объединения под одним термином, например, разнотипных синонимов, антонимов, омонимов, или же рассматривать как проявление сходных процессов синонимии и полисемии. Решать, что и как должен обозначать употребляемый термин, решает только автор, его употребляющий для определенной цели. Но это его обязывает и к тому, чтобы свое авторское употребление конкретного термина соответствующим образом эксплицировать. Такого рода экспликация является объектом внимания лексикографов, составляющих словари лингвистических терминов или теоретиков, размышляющих над особенностями говорения и понимания на данном языке о конкретных явлениях.

На практике термин не может избавиться от материальной языковой формы, где все рассматриваемые отношения неизбежно присутствуют. В противном случае научный текст рискует превратиться в тайнопись, доступную исключительно посвященным. Добавим к тому же, что метаязык не есть нечто противопоставленное естественному языку (русскому, английскому, немецкому, арабскому и др.). Он отличается от соответствующей нормативной формы языка исключительно уровнем продуманности научного текста и соответствующей специальной терминологией.

Принимая во внимание, что метаязык лингвистики развивается в недрах и по законам естественного человеческого языка [29. С. 320]¹⁰, необходимо осознавать, что в процессе анализа терминосистемы лингвистики (ее метаязыка) немаловажны следующие моменты: (1) окказиональное переосмысление, расширение и/или сужение значения термина и/или его значений в научных текстах и под воздействием экстралингвистических и психолингвистических факторов, в том числе подразумеваются амбисемия терминов, их ретерминологизация и детерминологизация с возникновением полисемии; (2) наличие, образование и развитие в лингвистической терминосистеме парадигм (антонимических, омонимических, паронимических, синонимичных, терминологических), существование терминологических микрополей с тем или иным ядерным термином, соответствующих семантических групп и словообразовательных гнезд с производными от «заглавного термина», как

¹⁰ Так как, несмотря на кажущуюся «вторичность», что заложено и в определении: «метаязык — это язык "второго порядка", по отношению к которому язык выступает как "язык-объект"», метаязык лингвистики (в нашем случае) строится в основном на базе тех же лексических единиц, что и «язык-объект», т.е. является консубстанциональным с «языком-объектом».

и составных терминов с его участием; (3) порядок следования компонентов термина; возможно следующие варианты: (а) стандартное (типовое, обычное), (б) свободное, (в) фиксированное (за каждым компонентом закреплено определенное место).

Т.В. Жеребило, например, выделяет следующие типы семантических отношений в лексико-семантической системе языка: 1) *равнозначность* (синонимия); 2) *противоположность* (антонимия), формирующая такие группировки, как антонимические пары; 3) *соположенность* — тип отношений, формирующих *семантическое поле* (совокупность слов, относящихся к одной предметно-понятийной области) [30. С. 298].

В.Н. Прохорова утверждает, что поскольку материальной основой терминов являются слова и словосочетания естественного языка, относящиеся обычно к основному словарному запасу, лексический, семантический и функциональный критерии применимы и к терминам [31. С. 5–6].

В историческом аспекте дополнительно различаются уровни терминосистемы, под которыми А.А. Немыка понимает «совокупность терминоединиц на каждом этапе развития макросистемы, отличающемся от других временем становления и теоретическим подходом к проблеме классификации, то есть хронологическим и концептуальным показателями» [32. С. 45]. Во французской лингвистической эпистемологии разновременные состояния наук о языке (соответственно и их терминосистемы) определяются в качестве различных научных парадигм¹¹. В отечественной лингвистической традиции исторически выделяются, напр. в статье А.А. Немыки, следующие научные парадигмы и лингвистические школы: (1) *логическая* (М.В. Ломоносов, К.С. Аксаков, И.И. Давыдов, Н.Г. Курганов); (2) *логико-грамматическая* (А.А. Барсов, А.Х. Востоков, Н.И. Греч); (3) *логико-семантическая* (В.Г. Адмони, Н.Д. Арутюнова, В.В. Виноградов, В.Г. Гак, Е.В. Падучева, О.К. Селиверстова, Ю.С. Степанов, И.П. Сусов); (4) *грамматическая* (В.А. Белошапкова, В.В. Виноградов, С.Д. Кацнельсон, Н.Я. Марр, И.И. Мещанинов, Н.Ю. Шведова); (5) *формально-грамматическая* (А.М. Пешковский, Ф.Ф. Фортунатов); (6) *психолингвистическая* (А.А. Леонтьев, В.М. Павлов); (7) *коммуникативная* (Г.А. Золотова, К.Г. Крушельницкая, О.А. Крылова, В.З. Панфилов, И.П. Распопов); (8) *морфолого-функционально-стилистическая* (А.В. Бондарко, Е.А. Земская, М.А. Слюсарева); (9) *психологическая* (А.А. Потебня); (10) *историческая* (М.Н. Петерсон); (11) *историко-психологическая* (А.А. Шахматов) и современные уровни: структурно-семантический, коммуникативно-семантический, коммуникативно-прагматический, эмоционально-экспрессивный, а также генеративизм, когнитивизм и др. (см.: 34. С. 42–43]).

¹¹ О французской лингвистической терминологии и смене научных парадигм, см. [33].

Для иллюстрации рассмотрения в словарях, энциклопедиях и справочниках лингвистических терминов приведем фрагмент Генерального словаря (в квадратных скобках указаны источники, в которых имеется или соответствующая словарная статья, или в тексте источника содержательно рассматривается соответствующий термин или терминологизм):

- #ПАРАДИГМА АВТОРСКОГО ПОВЕСТВОВАНИЯ= [САТ 2003 КАРПОВ]
#ПАРАДИГМА АКМЕОЛОГИЧЕСКАЯ= [ЛЕСНИКОВ]
#ПАРАДИГМА АКЦЕНТНАЯ= [ЛЕСНИКОВ]
#ПАРАДИГМА АНАЛИТИЧЕСКАЯ= [САТ 2003 КАРПОВ]
#ПАРАДИГМА АНДРОГОГИЧЕСКАЯ= [ЛЕСНИКОВ]
#ПАРАДИГМА АНТОНИМИЧЕСКАЯ= [ТПЛСС 2011 ЖЕРЕБИЛО], [СЛТП-2016 ЖЕРЕБИЛО], [СЛТ 2010 ЖЕРЕБИЛО], [ЛЕСНИКОВ], [ИТЛ-2012 ЖЕРЕБИЛО]
#ПАРАДИГМА В НАУКЕ= [СЛТП-2016 ЖЕРЕБИЛО], [ОПФНС 2007 БРЯНИК]
#ПАРАДИГМА В ЯЗЫКОЗНАНИИ= [ОТВЯСЛТ-2014 ДЮМОН]
#ПАРАДИГМА ВАРИАНТНАЯ= [ЛЕСНИКОВ], [ГТСС 2011 НЕМЧЕНКО], [ГТРЯ-2012 ЛЕСНИКОВ]
#ПАРАДИГМА ВНУТРИСПОСОБОВАЯ= [ССЛКПП-ПУ 2003 ГУГУНАВА]
#ПАРАДИГМА ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ= [РГ-2 1980 ШВЕДОВА], [ГТРЯ-2012 ЛЕСНИКОВ]
#ПАРАДИГМА ГЕНЕТИЧЕСКАЯ= [ТПЛСС 2011 ЖЕРЕБИЛО], [СЛТП-2016 ЖЕРЕБИЛО], [СЛТ 2010 ЖЕРЕБИЛО], [ЛЕСНИКОВ]
#ПАРАДИГМА ГЕОГРАФИЧЕСКОГО НАЗВАНИЯ= [СТДНЗ 2012 ВАСИЛЬЕВ]
#ПАРАДИГМА ГИПЕРО-ГИПОНИМИЧЕСКАЯ= [ТПЛСС 2011 ЖЕРЕБИЛО], [СЛТП-2016 ЖЕРЕБИЛО], [СЛТ 2010 ЖЕРЕБИЛО], [ЛЕСНИКОВ], [ИТЛ-2012 ЖЕРЕБИЛО]
#ПАРАДИГМА ГЛАГОЛА= [ЭССЛТП 2008 ТИХОНОВ], [ТПЛМСС-2015 ЖЕРЕБИЛО], [СЛТП-2016 ЖЕРЕБИЛО], [СЛТ 2010 ЖЕРЕБИЛО], [РГ-1 1980 ШВЕДОВА], [ЛЕСНИКОВ], [ИТЛ-2012 ЖЕРЕБИЛО], [ГТРЯ-2012 ЛЕСНИКОВ]
#ПАРАДИГМА ГРАММАТИЧЕСКАЯ= [МССМТМ-2016 ГОГОЛИНА], [МСОТСМ-2017 ГОГОЛИНА], [ЛЕСНИКОВ], [ГТСС 2011 НЕМЧЕНКО], [ГТРЯ-2012 ЛЕСНИКОВ]
#ПАРАДИГМА ГРАММАТИЧЕСКИХ ФОРМ СЛОВА= [ВЯПУ 2008 НЕМЧЕНКО]
#ПАРАДИГМА ГРАММАТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ= [СЛТП-2016 ЖЕРЕБИЛО], [СЛТ-2005 ЖЕРЕБИЛО], [СЛТ 2010 ЖЕРЕБИЛО], [ОСЛТ 2009 КУЛИКОВА], [ЛЕСНИКОВ], [ЛАМИОЯ-2001 ЖЕРЕБИЛО], [ИТЛ-2012 ЖЕРЕБИЛО]
#ПАРАДИГМА ГУМАНИТАРНАЯ= [МОУПГ-2017 КУТЫРЕВА]
#ПАРАДИГМА ДЕЕПРИЧАСТИЯ= [ТПЛМСС-2015 ЖЕРЕБИЛО], [СЛТП-2016 ЖЕРЕБИЛО], [СЛТ 2010 ЖЕРЕБИЛО], [ЛЕСНИКОВ], [ИТЛ-2012 ЖЕРЕБИЛО]
#ПАРАДИГМА ДЕРИВАЦИОННАЯ= [СКМТПЯУ 1967 АНДРЕЕВ]
#ПАРАДИГМА ДЕФЕКТНАЯ= [ЛЕСНИКОВ], [ГТСС 2011 НЕМЧЕНКО], [ГТРЯ-2012 ЛЕСНИКОВ]
#ПАРАДИГМА ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНАЯ= [МОУПГ-2017 КУТЫРЕВА]
#ПАРАДИГМА ЗВУКОВ= [ЭССЛТП 2008 ТИХОНОВ], [ЛЕСНИКОВ]
#ПАРАДИГМА ЗНАНИЯ= [ЛЕСНИКОВ]
#ПАРАДИГМА И СИНТАГМА= [ЭСЮФ 1984 ПАНОВ]
#ПАРАДИГМА ИЗБЫТОЧНАЯ В МОРФОЛОГИИ= [СЛТП-2016 ЖЕРЕБИЛО], [СЛТ 2010 ЖЕРЕБИЛО], [ЛЕСНИКОВ], [ИТЛ-2012 ЖЕРЕБИЛО]
#ПАРАДИГМА ИЗБЫТОЧНАЯ= [УСЛТ 2005 БРУСЕНСКАЯ], [ТПЛМСС-2015 ЖЕРЕБИЛО], [СРЯМТПОГ-2019 ЦОЙ], [ЛЕСНИКОВ]
#ПАРАДИГМА ИЗОБИЛЮЮЩАЯ= [ТЯВКГ-2006 ФЕДОРИНОВ], [ЛЕСНИКОВ], [ВЯГ 2005 ФЕДОРИНОВ]
#ПАРАДИГМА ИМЕНИ= [СРТО ЛЕСНИКОВ], [СРТО 2019 ЛЕСНИКОВ], [СРОТ 1978 ПОДОЛЬСКАЯ]
#ПАРАДИГМА ИННОВАЦИОННАЯ= [ЛЕСНИКОВ]
#ПАРАДИГМА ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ= [СОНИГГ-2020 АФОНИН]
#ПАРАДИГМА КВАДРАТИЧНАЯ= [СКМТПЯУ 1967 АНДРЕЕВ]
#ПАРАДИГМА КОМПЛЕКСНАЯ= [ЛЕСНИКОВ], [ГТСС 2011 НЕМЧЕНКО], [ГТРЯ-2012 ЛЕСНИКОВ]
#ПАРАДИГМА КОМПОЗИТНАЯ= [СКМТПЯУ 1967 АНДРЕЕВ]
#ПАРАДИГМА КОНТРОЛЯ= [КСИАРТСКТ-ПУРЯ 2004 ЗЕМЛЯНОВА], [АПГТКЛ-2020 ЛЕСНИКОВ]
#ПАРАДИГМА КУЛЬТУРНАЯ= [СТМК 2013 ЖУКОВА], [ЛЕСНИКОВ], [АПГТКЛ-2020 ЛЕСНИКОВ]
#ПАРАДИГМА ЛЕКСЕМ= [СРЛЯТМ-2014 ДЕМИДОВА], [ЛЕСНИКОВ]
#ПАРАДИГМА ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ= [УСЛТП 2002 КАРПОВ]
#ПАРАДИГМА ЛЕКСИКО-СТИЛИСТИЧЕСКАЯ= [ТПЛСС 2011 ЖЕРЕБИЛО], [СЛТП-2016 ЖЕРЕБИЛО], [СЛТ 2010 ЖЕРЕБИЛО], [ЛЕСНИКОВ], [ИТЛ-2012 ЖЕРЕБИЛО]
#ПАРАДИГМА ЛЕКСИЧЕСКАЯ= [ШСЛТ 2012 НИКОЛИНА], [РЯКРПС 2012 ЧЕРНЯК], [ЛЕСНИКОВ]
#ПАРАДИГМА ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ= [ЛЕСНИКОВ], [ИТЯКГ 1993 СЕПИР]
#ПАРАДИГМА ЛИЧНАЯ= [ЛЕСНИКОВ]
#ПАРАДИГМА МЕСТОИМЕНИЯ= [ТПЛМСС-2015 ЖЕРЕБИЛО], [СЛТП-2016 ЖЕРЕБИЛО], [СЛТ 2010 ЖЕРЕБИЛО], [ЛЕСНИКОВ], [ИТЛ-2012 ЖЕРЕБИЛО]
#ПАРАДИГМА МОДАЛЬНО-ВРЕМЕННАЯ= [ЛЕСНИКОВ]
#ПАРАДИГМА МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ= [ШСЛТ 2012 НИКОЛИНА], [ТПЛМСС-2015 ЖЕРЕБИЛО], [СЛТП-2016 ЖЕРЕБИЛО], [СЛТ 2010 ЖЕРЕБИЛО], [ЛЕСНИКОВ], [ИТЛ-2012 ЖЕРЕБИЛО], [ГТСС 2011 НЕМЧЕНКО], [ГТРЯ-2012 ЛЕСНИКОВ], [ВЯПУ 2008 НЕМЧЕНКО]
#ПАРАДИГМА МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ ВРЕМЕНИ= [МСРЛАС-2021 ПАНОВА]
#ПАРАДИГМА МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ ЗАЛОГА ГЛАГОЛА= [МСРЛАС-2021 ПАНОВА]
#ПАРАДИГМА МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ ЛИЦА ГЛАГОЛА= [МСРЛАС-2021 ПАНОВА]
#ПАРАДИГМА МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ НАКЛОНЕНИЯ ГЛАГОЛА= [МСРЛАС-2021 ПАНОВА]

- #ПАРАДИГМА МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ ПАДЕЖА СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО= [СРЯ 2003], [МСРЛЯС-2021 ПАНОВА]
- #ПАРАДИГМА МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ СРАВНЕНИЯ НАРЕЧИЙ= [МСРЛЯС-2021 ПАНОВА]
- #ПАРАДИГМА МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ СРАВНЕНИЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ= [МСРЛЯС-2021 ПАНОВА]
- #ПАРАДИГМА МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ СРАВНЕНИЯ СЛОВ СОСТОЯНИЯ= [МСРЛЯС-2021 ПАНОВА]
- #ПАРАДИГМА МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ СТЕПЕНЕЙ СРАВНЕНИЯ НАРЕЧИЙ= [СРЯ 2003]
- #ПАРАДИГМА МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ СТЕПЕНИ СРАВНЕНИЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ= [СРЯ 2003]
- #ПАРАДИГМА МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ СТЕПЕНИ СРАВНЕНИЯ СЛОВ СОСТОЯНИЯ= [СРЯ 2003]
- #ПАРАДИГМА МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ ЧИСЛА СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО= [СРЯ 2003], [МСРЛЯС-2021 ПАНОВА]
- #ПАРАДИГМА МОРФОЭЛЕМЕНТНАЯ= [СКМТПЯУ 1967 АНДРЕЕВ]
- #ПАРАДИГМА НАРЕЧИЯ= [ТПЛМСС-2015 ЖЕРЕБИЛО], [СЛТП-2016 ЖЕРЕБИЛО], [СЛТ 2010 ЖЕРЕБИЛО], [ЛЕСНИКОВ], [ИТЛ-2012 ЖЕРЕБИЛО]
- #ПАРАДИГМА НАУЧНАЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ= [НЯОПКСПТ-2014 ЕВТЕЕВ]
- #ПАРАДИГМА НАУЧНАЯ= [СОНИГТ-2020 АФОНИН], [МТВКИЯЛКС-2016 ВОРОЖБИТОВА], [МОУПГ-2017 КУТЫРЕВА], [ЛЕСНИКОВ], [ЛЕСНИКОВ], [КССЦ 2002 ШАЙМИЕВ], [ИМЯОТП-2006 РАБДИЛЬ]
- #ПАРАДИГМА НЕОБИХЕВИОРИСТСКАЯ= [ЛРРЯ-ПЛ 2009 КУРЕНОВА]
- ...
- #ПАРАДИГМА= [ЯССО-ПУ 1971 СОЛНЦЕВ], [ЯРЯ 1998 АКСЕНОВА], [ЯРК 2006 ЦЕЙТЛИН], [ЯКПУ 1968 БЛУМФИЛД], [ЯИПТ-2020 МАГАЙ], [ЭССЛТП 2008 ТИХОНОВ], [ЭСРРР 2002 ИЛЬИНСКИЙ], [ЭОЛ-ПУ 1977 КАСЕВИЧ], [ШСЛТ 2012 НИКОЛИНА], [ЧЛТ-СЛТ 2004 ДАНИЛОВА], [ФРУСЛТ 1989 НАЗАРЯН], [ФРТС 2007 ГОРТЕ], [ФПТСП 2004 КИЧЕВА], [ФПИКК-СВТП 2005 ГОЛИКОВА], [ФНСОТ 2004 ЛЕБЕДЕВ], [ФНС 2005 МИКЕШИНА], [УСЯТ-2014 АЛЕКСЕЕВА], [УСЯТ-2014 АЛЕКСЕЕВА], [УСРГТ 1998 МАКСИМОВ], [УСРЯКР-2014 МАТВЕЕВА], [ТЯПУ 1977 СОССЮР], [ТЯОЯСМ-2007 СОРОКИНА], [ТЯВКГ-2006 ФЕДОРИНОВ], [ТЯАГ-2021 ГРИНЕВ-ГРИНЕВИЧ], [ТСМТИЯ-2017 ЖАРКОВА], [ТРЯСОПОЗ-2023], [ТРЯ-2019 ИРЛЫК], [ТПС 2006 НЕЛЮБИН], [ТОФНЯ 2000 СЕРГЕЕВА], [ТДОСОТП-2015], [ТГРЯКСЛТ-2002 РЕПИНА], [СШЛТ 2012 БОГАТЫРЕВА], [СТТЯ-2014 КУЧЕРЯВЕНКО], [СТПРЯ-ТЛ 2002 ЛИЗУНОВА], [СТМК 2013 ЖУКОВА], [ССТ 2012 ШУШАРИНА], [ССС-2012 РОМАНОВА], [ССЛЭТП 2011 СУЩЕНКО], [ССЛТ 1995 ЭМИРОВА], [ССЛТ 1979 ЕДЛИЧКА], [ССЛТ 1975 РОЗЕНТАЛЬ], [ССЛКПП-ПУ 2003 ГУГУНАВА], [СС 2010 МАРТИН], [СРЯТМ 2011 МОЛДОВАНОВА], [СРЯСОП 1999 СЕРГЕЕВ], [СРЯСОП 1999 СЕЛЕЗНЕВА], [СРЯСОП 1999 СЕЛЕЗНЕВА], [СРЯМТПОГ-2019 ЦОЙ], [СРЯМСГ-2013 САДЧЕНКО], [СРЯ 2003], [СРСОТ 2002], [СРЛТ 2004 АБРЕГОВ], [СПРЯСЛТ-2008 РОЗЕНТАЛЬ], [СПРЗРЯКСЛТ-2023 НОРМАН], [СОНИГТ-2020 АФОНИН], [СОГДГ-2010 КУЗЬМЕНКОВА], [СМТ-2012 ДОМБРОВСКАЯ], [СМК-КГ 2006 ФИЛАТОВА], [СЛТЧЯ-2012 ХАЛИДОВ], [СЛТСРЯ 2011 АЛИЕВА], [СЛТП-2016 ЖЕРЕБИЛО], [СЛТМ-2011 ШУШАРИНА], [СЛТ-2017 ДЮЖИКОВА], [СЛТ-2012 ДЮЖИКОВА], [СЛТ-2008 ЮГАЙ], [СЛТ-2005 ЖЕРЕБИЛО], [СЛТ 2010 ЖЕРЕБИЛО], [СЛТ 2010], [СЛТ 1990 СТЕЦКО], [СЛТ 1969 АХМАНОВА], [СЛТ 1966 АХМАНОВА], [СЛТ 1960 МАРУЗО], [СЛ-2018], [СЛ 1997 ИВИН], [СКГ-2003 АЛЕКСАНДРОВ], [СГКТС-2000 СКРИПНИК], [СГКТС-2000 СКРИПНИК], [СБТМЛ 2013 ЛЕСНИКОВ], [СБТМЛ 2013 ЛЕСНИКОВ], [СБТМЛ 2012 ЛЕСНИКОВ], [СБДТЯ 2010 ЛЕСНИКОВ], [САЯССТ-2014 ЛЕВИЦКИЙ], [САТ 2003 КАРПОВ], [САЛТ 1964 ХЭМП], [РЯЭ-2020 МОЛДОВАН], [РЯЭ 1997 КАРАУЛОВ], [РЯЭ 1997 КАРАУЛОВ], [РЯЭ 1979 ФИЛИН], [РЯШСС 2002 СТАРИЧЕНКО], [РЯШЛС-2021 БОГДАНОВ], [РЯММСПУ-2010 МУСАТОВ], [РЯКРСРС-2014 ФИЛАТОВА], [РЯКРС-2017 ШТРЕКЕР], [РЯКРС-2007 ФИЛАТОВА], [РЯКРРКРС-2013 СУВОВА], [РЯКРГ-2020], [РЯККЯ 2010 ШТОЛЬ], [РЯЗОКТС-2016 НОРМАН], [РЯГ-2015 ШУКЛИНА], [РТКПД-2013 БЕЛЫХ], [РСТ-2014 КУЗНЕЦОВ], [РССТС 3 2003 ШВЕДОВА], [РС 2009 ХАЗАГЕРОВ], [РС 2002 АЛЕКСАНДРОВ], [РГ-2014 ХАНДАРХАЕВА], [РГ-2014 КОСТРОМИНА], [РГ-2004 БОЧКОВ], [ПТСП-2007 ПАНФЕРОВА], [ПТННИРСТ-2016 ГРИГОРЬЕВА], [ПСУРА-СЛТ 2007 ДЖАСИМ], [ПСЛТ 2010 МАТВЕЕВА], [ПРЯ-СТ 1991 ЧИЖОВА], [ПОС 1999 ВИШНЯКОВА], [ПОЛКЛГ-2014 ЧУПРЯКОВА], [ПКОЯОТ-2021 БЕЗМЕНОВА], [ПДКГ-2017 ПОПОВА], [ОЯХПУ КОСОВСКИЙ], [ОЯТЯГ-2014 ИВАНЯН], [ОЯТ-2021 ЮРКИНА], [ОЯ-ПТУ 1979 БЕРЕЗИН], [ОЯПСМ-2019 СОРОКИНА], [ОЯГ-2016 ФЕДОРИНОВ], [ОТСССТ-2005 ЛЕВИЦКИЙ], [ОТКГ-2015 ГОНОШИЛИНА], [ОТКГ 2001 ШАРКОВ], [ОСЛТ 2009 КУЛИКОВА], [ОППОС 2003 СИМОНЕНКО], [ОПМТ 1985 НЕМЧЕНКО], [ОПЛТ 1994 НЕМЧЕНКО], [ООРЯГ-2018 АРАЕВА], [ОИЮГ-2017 АНТОНОВА], [ОИСРЛТ2 2003 БУЛАХОВ], [ОИСРЛТ], [ОДНРКСРТ-2024 ГУСЕЙНОВА], [НСМТИП 2009 АЗИМОВ], [НРСЛИ 2006 ИЕВЛЕВА], [НРНСЛТ 1993 2 БАРАНОВ], [МСТСТМОЯ-1996 МИНЬЯР-БЕЛОРУЧЕВ], [МСРЯКСТ-2007 СУЮНОВА], [МСРЛЯС-2021 ПАНОВА], [МСРЛЯКТС-2014 КОРНЕЕВА], [МСОП-2013 НОВИКОВ], [МСНШГЭСЛТ-2014 КОЗИНЕЦ], [МОУПГ-2017 КУТЫРЕВА], [ММПИ-2005 ВОЛКОВ], [МКЛГ-2018 ДРОЗДОВ], [МКИ-Г 2011], [МКИ-Г 2011], [МИФС-2013 ЖЕРЕБИЛО], [ЛЭС 1990 ЯРЦЕВА], [ЛЭС 1990 ЯРЦЕВА], [ЛЭСКОТ-2018 ФЕДЮКОВСКИЙ], [ЛТСКТС 2007 ВАРПАХОВИЧ], [ЛТС 2003 АПРЕСЯН], [ЛТ-2019], [ЛСТ-2007 ФЕДЮКОВСКИЙ], [ЛССМПГ-2012 ВАСИЛЕНКО], [ЛРСЯСЛТ-2022 САМОТИК], [ЛРСЯ-2012 САМОТИК], [ЛСПТОС-2019 ШЕЛОВ], [ЛПУ 1985 МАМУДЯН], [ЛОИ-СЛТ 2009 ЛЕСНИКОВ], [ЛОА-2011 ПЕРЕРВА], [ЛЕСНИКОВ], [ЛЕСНИКОВ], [ЛАМИОЯ-2001 ЖЕРЕБИЛО], [КЭСС-2009 ШАРКОВ], [КСОЛП 2008 СИНЮК], [КСЛТ-2005 НАБИЕВА], [КСЛТ 2012], [КСЛТ 2008 ШИМАНОВСКАЯ], [КСЛТ 1995 ВАСИЛЬЕВА], [КСИАРТСКТ-ПУРЯ 2004 ЗЕМЛЯНОВА], [КРДОГ-2006 ЛЕГОЧКИНА], [КРДЛГ-2008 ЛЕГОЧКИНА], [КОТКГ-2014 ШАРКОВ], [КМКГ-2021 ГРИГОРЬЕВ], [КЛС 1976 НЕЧАЕВ], [ИТЯКГ 1993 СЕПИР], [ИТЛ-2012 ЖЕРЕБИЛО], [ИСЯСТ-2018 ПИТЕРСОН], [ИСЛПАСЛ 2009 АПРЕСЯН], [ИРПС-Г 2008 МАКСИМОВ], [ИПТЯ 2007 СМИРЕНСКИЙ], [ИКЛГ-2007 ДУЛАТОВА], [ИДС-2010 ШАШЕНКОВА], [ИДС 2004 ШАШЕНКОВА], [ЗПРЛТЛЯ-СЛТ 2007 СУЛТАНМУРАДОВА], [ЖРХЛГ-2015 КУСАИНОВА], [ДТДЯ-СЛТ 2008 КУРБАНОВА], [ДООТС 2002 ВОЛОДИНА], [ДКГ-2013 НАУМЕНКО], [ГТСС 2011

- НЕМЧЕНКО], [ГТРЯ-2012 ЛЕСНИКОВ], [ГТКЛ512-2020 ЛЕСНИКОВ], [ГСПГО-2015 РОМАНОВ], [ГОЯСТ-2003], [ГОТК 2010 ГУРУШКИН], [ГМНЛ-2018 МИХЕЕВА], [ГМНЛ-2018 МИХЕЕВА], [ГДКРДО-2021], [ГГ-2018 ВОДЯНИКОВА], [ВЯУСЛТ 2008 ГРЯЗНОВА], [ВЯТУ 1977 ГОЛОВИН], [ВЯТС-2015 ВЕНДИНА], [ВЯТМ-А-Я СТРУГОВА], [ВЯТ-2015 ГОЛИКОВА], [ВЯСС-2016 ЖЕРЕБИЛО], [ВЯСС-1999 ЖЕРЕБИЛО], [ВЯСМ-2019 БОЛЬШОВА], [ВЯПУ-2011 КАСЕВИЧ], [ВЯПУ 2008 НЕМЧЕНКО], [ВЯ-ПУ 1987 МАСЛОВ], [ВЯ-ПУ 1987 МАСЛОВ], [ВЯПУ 1987 КОДУХОВ], [ВЯПУ 1967 РЕФОРМАТСКИЙ], [ВЯКСЛТ 2016 ДАНИЛЕНКО], [ВЯКСЛТ 2010 ДАНИЛЕНКО], [ВЯГ-2017 ЛЕВОНЮК], [ВЯ-Г 2012 ЕМЕЦ], [ВЯГ 2005 ФЕДОРИНОВ], [ВТЯОЯПГЛТ-2020 ГОСТЕВА], [ВТМКГ-2014 САДОХИН], [ВТМК 2005 САДОХИН], [ВТЛПУ 1978 ЛАЙОНЗ], [ВССРР 2007 МОСКВИН], [ВСЛС 2003 АЛЕКСАНДРОВ], [ВОЧЯПУ-2009 ЗЕЛЕНЕЦКИЙ], [ВНЯПУ 2003 БУДАГОВ], [ВЛПУ 2005 ШАЙКЕВИЧ], [ВКЛПАСЛПОП-2006 ВОЛКОВА], [ВИКИ 2013], [ВГФСМТМ-2012 ШИРОГЛАЗОВА], [БТМЛ-2021 ЛЕСНИКОВ], [БСЛТ-2003 СТОЛЯРОВА], [БСГТРЯ-2024 ЛЕСНИКОВ], [БЛС 2008 СТАРИЧЕНОК], [АТТС-2020 РУСОВА], [АРЛС 2003 БАРАНОВ], [АПСЛПБЛ 2011 ЧУРИЛИНА], [АПГТКЛ-2020 ЛЕСНИКОВ], [АОРРТ-2013 КИПЯТКОВА]
- #ПАРАДИГМАЛЬНАЯ ВЕТВЬ= [ФПТСП 2004 КИЧЕВА]
#ПАРАДИГМАЛЬНАЯ СМЕНА= [ФПТСП 2004 КИЧЕВА]
#ПАРАДИГМАЛЬНОЕ МЫШЛЕНИЕ= [ФПТСП 2004 КИЧЕВА]
#ПАРАДИГМАЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ= [ЛЕСНИКОВ], [КССЦ 2002 ШАЙМИЕВ]
#ПАРАДИГМАЛЬНЫЙ КРИЗИС= [ФПТСП 2004 КИЧЕВА]
#ПАРАДИГМАЛЬНЫЙ ЭТАП= [АПСЛПБЛ 2011 ЧУРИЛИНА]
#ПАРАДИГМА-СЕМЕМА= [ЛЕСНИКОВ]
#ПАРАДИГМАСЕМЕМА= [СБДТЯ 2010 ЛЕСНИКОВ], [МТЭРЯС 2003 ТИРАСПОЛЬСКИЙ], [ЛОИ-СЛТ 2009 ЛЕСНИКОВ]
...
#ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ИПЯ= [ЛОИ 1999 ГЕНДИНА]
#ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ЛЕКСИКЕ= [СРЯТМ 2011 МОЛДОВАНОВА], [СЛТ-2017 ДЮЖИКОВА], [СЛТ-2012 ДЮЖИКОВА], [ЛЕСНИКОВ], [ВЯТС-2015 ВЕНДИНА]
#ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ЕДИНИЦ ЯЗЫКА= [ЛЕСНИКОВ], [ВЯ-Г 2013]
#ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ= [ЛЕСНИКОВ]
#ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ЕДИНИЦАМИ ЯЗЫКА= [ВЯПУ 2008 НЕМЧЕНКО]
#ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ЯЗЫКОВЫМИ ЕДИНИЦАМИ= [ВЯТС-2015 ДОВГАЛЬ]
#ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ТЕРМИНОВ= [ИССТТ 2000 ГРИНЕВ]
- #ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ= [ЯССО-ПУ 1971 СОЛНЦЕВ], [ЭОЛ-ПУ 1977 КАСЕВИЧ], [ЧЛТ-СЛТ 2004 ДАНИЛОВА], [ФРУСЛТ 1989 НАЗАРЯН], [ФПТСП 2004 КИЧЕВА], [УСЛТП 2002 КАРПОВ], [ТЯВОЯТС-2006 ФРАНЧУК], [ТОФНЯ 2000 СЕРГЕЕВА], [СТЯ-2013 КУЧЕРЯВЕНКО], [СТПРЯ-ТЛ 2002 ЛИЗУНОВА], [СТПИ-1997 СОСНИНА], [ССТ 2012 ШУШАРИНА], [ССЛПМУТ 1977 РЕВЗИН], [СРЯСОТ-2012 КАВДАНГАЛИЕВА], [СРЯСОП 1999 СЕЛЕЗНЕВА], [СРЯСОП 1999 СЕЛЕЗНЕВА], [СПУ 2005 КРОНГАУЗ], [СЛТСРЯ 2011 АЛИЕВА], [СЛТМ-2011 ШУШАРИНА], [САЯССТ-2014 ЛЕВИЦКИЙ], [РЯЭ 1997 КАРАУЛОВ], [РЯСОТ-2014 ПОЛУХИНА], [РЯОЯ-2018 ХРИСТОЛЮБОВА], [ОЯС 2010 ЖАРМАКИН], [ОЯПСМ-2019 СОРОКИНА], [ОТСССТ-2005 ЛЕВИЦКИЙ], [ОСЛТ 2009 КУЛИКОВА], [ОПЛТ 1994 НЕМЧЕНКО], [ООРЯГ-2018 АРАЕВА], [ОЛГ 2010 КРЕТОВ], [ИНРРСЛТ 1993 2 БАРАНОВ], [МРСТПДИ-МТ 2004 ГОЛИЦЫНА], [МРСТПДИ-МТ 2004 ГОЛИЦЫНА], [МКИ-Г 2011], [ЛЭС 1990 ЯРЦЕВА], [ЛТСКТС 2007 ВАРПАХОВИЧ], [ЛСРЯСЛТ-2022 САМОТИК], [ЛСРЯУТ-2016 НЕТЯГО], [ЛСРЯ-2012 САМОТИК], [ЛЕСНИКОВ], [ИРПС-Г 2008 МАКСИМОВ], [ИАС 2002 БЛЮМЕНАУ], [ГТЯ-2024], [ГТСС 2011 НЕМЧЕНКО], [ГТРЯ-2012 ЛЕСНИКОВ], [ВЯУСЛТ 2008 ГРЯЗНОВА], [ВЯТМ-А-Я СТРУГОВА], [ВЯТ-2015 ГОЛИКОВА], [ВЯПУ-2011 КАСЕВИЧ], [ВЯПУ 1967 РЕФОРМАТСКИЙ], [ВЯКСЛТ 2016 ДАНИЛЕНКО], [ВЯКСЛТ 2010 ДАНИЛЕНКО], [ВЯБТ-2014 КРЫЛОВА], [ВТЛПУ 1978 ЛАЙОНЗ], [ВОЧЯПУ-2009 ЗЕЛЕНЕЦКИЙ], [БСЛТ-2003 СТОЛЯРОВА], [АРЛС 2003 БАРАНОВ], [СПУ 2005 КРОНГАУЗ]
#ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ= [ИССТТ 2000 ГРИНЕВ]
#ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЕ ПОЛЯ= [РЯЭ 1997 КАРАУЛОВ]
#ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЕ РЕЛЯТИВЕМЫ= [СБДТЯ 2010 ЛЕСНИКОВ], [МТЭРЯС 2003 ТИРАСПОЛЬСКИЙ], [ЛОИ-СЛТ 2009 ЛЕСНИКОВ], [ЛЕСНИКОВ]
...
#ПАРАДИГМАТИЧНОСТЬ ТЕРМИНА= [ИССТТ 2000 ГРИНЕВ]
#ПАРАДИГМАТИЧНОСТЬ ТЕРМИНОЛОГИИ= [ИССТТ 2000 ГРИНЕВ]
#ПАРАДИГМАТИЧНОСТЬ ТЕРМИНОСИСТЕМЫ= [ИССТТ 2000 ГРИНЕВ]
#ПАРАДИГМАТИЧНОСТЬ= [ТГРЯКСЛТ-2002 РЕПИНА]
#ПАРАДИГМОСЕМЫ= [ОЛГ 2010 КРЕТОВ]
#ПАРАДИГМО-ФОНЕМА= [ЛЭС 1990 ЯРЦЕВА]
#ПАРАДИГМО-ФОНЕМЫ= [ОФ-ПУ 2001 КОДЗАСОВ]
#ПАРАДИГМЫ АСПЕКТУАЛЬНЫЕ= [ЛЕСНИКОВ]
#ПАРАДИГМЫ ЛИНГВОФИЛОСОФСКИЕ= [ЛЕСНИКОВ]
#ПАРАДИГМЫ ОБРАЗОВ= [ЛЕСНИКОВ]
#ПАРАДИГМЫ= [ЛЕСНИКОВ], [ГМНЛ-2018 МИХЕЕВА]
#ПАРАДИГМЫ-СПЕЦИФИКАТОРЫ= [ГМНЛ-2018 МИХЕЕВА]

Собственно сам список источников (их свыше 1500) в данной статье не приводим, т.к. он слишком объемнен, а поэтому см. расшифровку аббревиатур и основные данные об использованных источниках по ссылке <https://lsw.ru/2024/2024LesnikovSW-PEECTP.pdf> (<https://doi.org/10.48612/govor/tgxx-txpx-191e>).

Считаем целесообразным также ознакомиться с алфавитно-пермутационным указателем (АПУ), фрагмент которого приводим здесь:

#парадигма= [яссо-пу 1971 солнцев], [яря 1998 аксёнова], [ярк 2006 цейтлин], [якпу 1968 блумфилд], [яипт-2020 магай], [эсслтп 2008 тихонов], [эсргр 2002 ильинский], [эол-пу 1977 касевич], [шслт 2012 николина], [члт-слт 2004 данилова], [фруслт 1989 назарян], [фртс 2007 горте], [флптс 2004 кичева], [фпикк-свтп 2005 голикова], [фнсот 2004 лебедев], [фнс 2005 микешина], [усят-2014 алексеева], [усят-2014 алексеева], [уссргт 1998 максимов], [усрякр-2014 матвеева], [тяпу 1977 сосюр], [гтяоэм-2007 сорокина], [тявкг-2006 федоринов], [гтяг-2021 гринев-гриневич], [тсмтия-2017 жаркова], [грясопоз-2023], [гря-2019 ирлык], [тпс 2006 нелюбин], [гофня 2000 сергеева], [тдосотп-2015], [грякслт-2002 репина], [сшлт 2012 богатырева], [сття-2014 кучерявенко], [стпрят-тл 2002 лизунова], [стмк 2013 жукова], [сст 2012 шушарина], [ссс-2012 романова], [сслэтп 2011 сущенко], [сслт 1995 эмирова], [сслт 1979 едличка], [сслт 1975 розенталь], [сслкпп-пу 2003 гугунава], [сс 2010 мартин], [срятм 2011 молдованова], [срясоп 1999 сергеев], [срясоп 1999 селезнева], [срясоп 1999 селезнева], [срямплог-2019 цой], [срямсг-2013 садченко], [сря 2003], [срсот 2002], [срлт 2004 абрегов], [спряслт-2008 розенталь], [спрзрякслт-2023 норман], [сонигт-2020 афонин], [согдг-2010 кузьменкова], [сmt-2012 домбровская], [смкк 2006 филадова], [слтчя-2012 халидов], [слтсря 2011 алиева], [слтп-2016 жеребило], [слтм-2011 шушарина], [слт-2017 дюжикова], [слт-2012 дюжикова], [слт-2008 югай], [слт-2005 жеребило], [слт 2010 жеребило], [слт 2010], [слт 1990 стецко], [слт 1969 ахманова], [слт 1966 ахманова], [слт 1960 марузо], [сл-2018], [сл 1997 ивин], [скг-2003 александров], [сгктс-2000 скрипник], [сгктс-2000 скрипник], [сбтмл 2013 лесников], [сбтмл 2013 лесников], [сбтмл 2012 лесников], [сбдтя 2010 лесников], [саясст-2014 левицкий], [сат 2003 карпов], [салт 1964 хэмп], [ряэ-2020 молдован], [ряэ 1997 караулов], [ряэ 1997 караулов], [ряэ 1979 филин], [ряшсс 2002 стариченок], [ряшлс-2021 богданов], [ряммспу-2010 мусатов], [рякрср-2014 филадова], [рякрс-2017 штрекер], [рякрс-2007 филадова], [рякрркрс-2013 суворова], [рякрг-2020], [рякля 2010 штоль], [рязоктс-2016 норман], [ряг-2015 цуклина], [рткпд-2013 белых], [рст-2014 кузнецов], [рсстс 3 2003 шведова], [рс 2009 хазагеров], [рс 2002 александров], [рг-2014 хандархаева], [рг-2014 костромина], [рг-2004 бочков], [лтсп-2007 панферова], [птннрст-2016 григорьева], [псура-слт 2007 джасим], [пслт 2010 матвеева], [пря-ст 1991 чижова], [пос 1999 вишнякова], [полкпг-2014 чупрякова], [пкояот-2021 безменова], [пдкг-2017 попова], [ояхпу косовский], [оаятг-2014 иванян], [оаят-2021 юркина], [оая-пту 1979 березин], [оаяпсм-2019 сорокина], [оаяг-2016 федоринов], [отссст-2005 левицкий], [откг-2015 гоношилина], [откг 2001 шарков], [ослт 2009 куликова], [оппсop 2003 симоненко], [опмт 1985 немченко], [оплт 1994 немченко], [ооряг-2018 араева], [ооюг-2017 антонова], [оисрлт2 2003 булахов], [оисрлт], [однркрст-2024 гусейнова], [нсмтип 2009 азимов],

[нрсли 2006 иевлева], [нррнслт 1993 2 баранов], [мстстмоя-1996 миньяр-белоручев], [мсррякт-2007 суюнова], [мсрряс-2021 панова], [мсрряктс-2014 корнеева], [мсоп-2013 новиков], [мсншгэслт-2014 козинец], [моупг-2017 кутырева], [ммпн-2005 волков], [мклг-2018 дроздов], [мки-г 2011], [мки-г 2011], [мифс-2013 жеребило], [лэс 1990 ярцева], [лэс 1990 ярцева], [лэксот-2018 федюковский], [лтсктс 2007 варпахович], [лтс 2003 апресян], [лт-2019], [лст-2007 федюковский], [лссмпг-2012 василенко], [лсрряслт-2022 самотик], [лсря-2012 самотик], [лсптос-2019 шелов], [лпу 1985 мамудян], [лои-слт 2009 лесников], [лоа-2011 перерва], [лесников], [лесников], [ламия-2001 жеребило], [кэсс-2009 шарков], [ксолп 2008 синюк], [кслт-2005 набиева], [кслт 2012], [кслт 2008 шимановская], [кслт 1995 васильева], [ксияртскт-пура 2004 землянова], [крдог-2006 легочкина], [крдлг-2008 легочкина], [коткг-2014 шарков], [кмкг-2021 григорьев], [ксл 1976 нечаев], [итякг 1993 сепир], [итл-2012 жеребило], [исяст-2018 питерсон], [ислппасл 2009 апресян], [ирпс-г 2008 максимов], [иптя 2007 смиренский], [иклг-2007 дулатова], [идс-2010 шашенкова], [идс 2004 шашенкова], [зпрлтя-слт 2007 султанмурадова], [жрхлг-2015 кусаинова], [дтдя-слт 2008 курбанова], [доотст 2002 володина], [джк-2013 науменко], [гтсс 2011 немченко], [гтя-2012 лесников], [гткл512-2020 лесников], [гспго-2015 романов], [гояст-2003], [готк 2010 гурушкин], [гмл-2018 михеева], [гмл-2018 михеева], [гдкрдо-2021], [гг-2018 водяникова], [в्याуслт 2008 грязнова], [вяту 1977 головин], [вятс-2015 вендина], [вятм-а-я стругова], [вят-2015 голикова], [вясс-2016 жеребило], [вясс-1999 жеребило], [вясм-2019 большева], [вяпу-2011 касевич], [вяпу 2008 немченко], [вя-пу 1987 маслов], [вя-пу 1987 маслов], [вяпу 1987 кодухов], [вяпу 1967 реформатский], [вякслт 2016 даниленко], [вякслт 2010 даниленко], [вяг-2017 левонюк], [вя-г 2012 емец], [вяг 2005 федоринов], [втяояпглт-2020 гостева], [втмкг-2014 садохин], [втмк 2005 садохин], [втлпу 1978 лайонз], [вссрр 2007 москвин], [всл 2003 александров], [вочяпу-2009 зеленецкий], [вняпу 2003 будагов], [вляпу 2005 шайкевич], [вкпсплп-2006 волкова], [вики 2013], [вгфсmt-2012 широкоглазова], [бтмл-2021 лесников], [бслт-2003 столярова], [бсгтя-2024 лесников], [блс 2008 стариченок], [аттс-2020 русова], [арлс 2003 баранов], [апслпбл 2011 чурилина], [апгткл-2020 лесников], [аоррт-2013 кипяткова]
#акмеологическая парадигма= [лесников]
#акцентная парадигма= [яипт-2020 магай], [оисрлт1 2002 булахов], [оисрлт], [мпуа-1986], [лэс 1990 ярцева], [кслт 1995 васильева], [иптя 2007 смиренский], [вики 2013], [вики 2013], [вики 2013]
#акцентная система парадигматическая= [оф-пу 2001 кодзасов]
#анализ слова парадигматический= [тплсс 2011 жеребило], [тплсс 2011 жеребило], [слтп-2016 жеребило], [слт 2010 жеребило], [сбтмл 2013 лесников], [мифс-2013 жеребило], [лесников], [итл-2012 жеребило]

- #андрогиогическая парадигма= [лесников]
 #антонимическая парадигма= [сбтмл 2013 лесников], [оплт 1994 немченко], [лесников]
 #антропоцентрическая парадигма= [оят-2021 юркина], [ояс 2010 жармакин], [лтс-2012 кенжебалина], [гмнл-2018 михеева]
 #аусбау-парадигма= [сбдтя 2010 лесников], [лесников], [вики 2013]
 #аффикс парадигматический= [оплт 1985 немченко]
 #баритонированная акцентная парадигма= [оисрлт1 2002 булахов], [оисрлт], [лесников]
 #баритоническая парадигма= [слт 1969 ахманова], [слт 1966 ахманова]
 #валентностная парадигма= [свкакг-ст 1974 сильницкий]
 #вариантная парадигма= [рг-1 1980 шведова], [рг-1 1980 шведова], [гтря-2012 лесников]
 #вероятность парадигматическая= [скмптяу 1967 андреев]
 #видовая парадигма полная= [гтсс 2011 немченко], [гтря-2012 лесников]
 #видовая парадигма= [гтсс 2011 немченко], [гтря-2012 лесников]
 #гиперо-гипонимическая парадигма= [полклг-2014 чупрякова]
 #глагольная парадигма= [члт-слт 2004 данилова], [гтсс 2011 немченко], [гтря-2012 лесников]
 #гносеологическая парадигма терминов= [исстт 2000 гринев]
 #грамматическая парадигма= [члт-слт 2004 данилова], [стп-2002 войлова], [рг-2 1980 шведова], [омост 2006 меркулова], [гтсс 2011 немченко], [гтря-2012 лесников]
 #деривационная парадигма предложения= [лесников]
 #деривационная парадигма= [скмптяу 1967 андреев], [рзяэ 1997 караулов]
 #дефектная парадигма= [тпл 1978 никитина], [лэс 1990 ярцева]
 #дискурс-анализ как парадигма в изучении языкового общения= [слтп-2016 жеребило]
 #дискурс-парадигма= [мтвкьялкс-2016 ворожбитова]
 #дифференциатор как парадигматическая система= [тлсосф-пу 1995 черкасов]
 #закон гармонического соответствия текстовой синтагматики и парадигматики= [эробк-2014 сковородников], [лесников]
 #значение парадигматическое= [сряпу-1982 новиков]
 #идеально правильная парадигма= [осфдр 2009 цейтлин]
 #идеографическая парадигматика= [яипт-2020 магай]
 #избыточная парадигма= [топмг-2015 петрова], [блс 2008 стариченок]
 #именная парадигма= [члт-слт 2004 данилова]
 #информационно-технологическая парадигма= [ксиартскт-пурия 2004 землянова], [апгткл-2020 лесников]
 #исследование языка на синтагматической и парадигматической осях= [нлскпу 1975 нарциссова]
 #историко-генетическая парадигма терминов= [исстт 2000 гринев]
 #квадратичная парадигма= [скмптяу 1967 андреев]
 #классическая парадигма коммуникации= [кэсс-2009 шарков], [кэсс-2009 шарков]
 #классическая парадигма= [ксиартскт-пурия 2004 землянова], [апгткл-2020 лесников]
 #классы слов парадигматические= [слт 1969 ахманова], [слт 1966 ахманова], [птсл 1997 селиверстов]
 #когнитивная парадигма= [стпря-тл 2002 лизунова], [арлс 2003 баранов]
 #когнитивно-дискурсивная парадигма= [слтсря 2011 алиева]
 #колонная акцентная парадигма= [лэс 1990 ярцева]
 #колумиальная барионированная парадигма= [лэс 1990 ярцева]
 #коммуникативная парадигма предложения= [эсслтп 2008 тихонов], [ссссря 2007 ломов], [рсап-2004 ломов], [рг-2 1980 шведова], [рг-2 1980 шведова], [мссмтм-2016 гоголина], [мсотсм-2017 гоголина], [гтря-2012 лесников]
 #коммуникативная парадигма= [спу 2005 кронгауз], [рзяэ 1997 караулов], [спу 2005 кронгауз]
 #коммуникативно-когнитивная парадигма= [гсттит 2011 дидигова], [гпмиатсс 2011 жеребило], [гтмиатсс-2015 жеребило], [слтп-2016 жеребило], [слт 2010 жеребило], [лесников], [итл-2012 жеребило]
 #композиционная парадигма= [скмптяу 1967 андреев]
 #конкретная парадигма= [ряммспу-2010 мусатов]
 #культурная парадигма= [стмк 2013 жукова], [апгткл-2020 лесников]
 #культуротворческая парадигма= [сслэтп 2011 сущенко]
 #лексико-парадигматические отношения= [рзяэ 1997 караулов]
 #лексико-парадигматические релятивемы= [сбдтя 2010 лесников], [мтэряс 2003 тираспольский], [лои-слт 2009 лесников], [лесников]
 #лексико-семантическая парадигма= [услтп 2002 карпов], [рзяэ 1997 караулов], [оплт 1994 немченко], [лэс 1990 ярцева], [лесников], [блс 2008 стариченок]
 #лексико-семантическая парадигматика= [оя-пту 1979 березин]
 #лексическая парадигма= [услтп 2002 карпов], [срясоп 1999 селезнева], [сбдтя 2010 лесников], [оплт 1994 немченко], [лэс 1990 ярцева], [лои-слт 2009 лесников], [лесников], [вклпаслпоп-2006 волкова]
 #лексическая парадигматика= [слтп-2016 жеребило], [слт-2005 жеребило], [слт 2010 жеребило], [ослт 2009 куликова], [лэс 1990 ярцева], [лсрятт-2004 лисенкова], [лесников], [ламиоя-2001 жеребило], [итл-2012 жеребило]
 #лингвистическая парадигма= [гмнл-2018 михеева], [гмнл-2018 михеева]
 #лингвокультурная парадигма= [упл-2013 ляпичева], [упл-2013 ляпичева], [лесников], [гмнл-2018 михеева]
 #лингвориторическая парадигма= [яипт-2020 магай], [мтвкьялкс-2016 ворожбитова], [лесников]
 #лингво-философская парадигма= [слтсря 2011 алиева]
 #малокомпонентная мотивационная парадигма= [рм стм 2004 блинова]
 #малочастотная мотивационная парадигма= [рм стм 2004 блинова]
 #межкультурная коммуникация и синергетическая парадигма= [смкпп-2016 зинченко], [смк 2010 зинченко], [апгткл-2020 лесников]

- #многокомпонентная мотивационная парадигма= [рм стм 2004 блинова]
- #модальная парадигма= [спу 2005 кронгауз], [слтсря 2011 алиева], [спу 2005 кронгауз]
- #модально-временная парадигма предложения= [лесников], [гтсс 2011 немченко], [гтря-2012 лесников]
- #модально-временная парадигма= [оисрлт5 2005 булахов], [оисрлт]
- #модально-коммуникативная парадигма= [спу 2005 кронгауз], [спу 2005 кронгауз]
- #модель морфологии словесно-парадигматическая= [тпомсс-2011 жеребило], [слтп-2016 жеребило], [слт 2010 жеребило], [мифс-2013 жеребило], [лесников], [итл-2012 жеребило]
- #морфема парадигматическая= [опмт 1985 немченко], [лесников]
- #морфологическая парадигма слова= [срлямичрг-2018 закирова], [мсрлясс-2010 уваров], [ксср 1991 касаткин], [кслт2-2014 дубровская]
- #морфологическая парадигма= [члт-слт 2004 данилова], [срлясоп 1999 сергеев], [срлямг-2021 сусеева], [срлямг-2018 сусеева], [мсрляс-2021 панова], [лэс 1990 ярцева], [лесников], [гтсс 2011 немченко], [гтря-2012 лесников], [вклпслпоп-2006 волкова], [вклпслпоп-2006 волкова], [бслт-2003 столярова], [апслсл-2018 коновалова]
- #морфологическая парадигматика= [лэс 1990 ярцева], [лесников], [гтсс 2011 немченко], [гтря-2012 лесников]
- #морфоэлементная парадигма= [скмпляу 1967 андреев]
- #мотивационная парадигма малокомпонентная= [рм стм 2004 блинова]
- #мотивационная парадигма малочастотная= [рм стм 2004 блинова]
- #мотивационная парадигма многокомпонентная= [рм стм 2004 блинова]
- #мотивационная парадигма частотная= [рм стм 2004 блинова]
- #мотивационная парадигма= [рм стм 2004 блинова]
- #мультипарадигмальный подход= [фнс 2005 микешина]
- #научная парадигма= [ярк 2006 цейтлин], [яипт-2020 магай], [сття-2014 кучерявенко], [сбдтя 2010 лесников], [лесников], [иптя 2007 смиренский], [илуст-2016 нестерчук], [апслпбл 2011 чурилина], [апгткл-2020 лесников]
- #недостаточная парадигма= [слт 1969 ахманова], [слт 1966 ахманова]
- #неориторическая парадигма= [яипт-2020 магай]
- #непарадигмальная лингвистическая теория= [гмнл-2018 михеева]
- #непарадигматическая форма= [сслт 1979 едличка]
- #неполная парадигма= [топмг-2015 петрова], [срлямсг-2013 садченко], [слтчя-2012 халидов], [рляммспу-2010 мусатов], [мсрлясс-2010 уваров], [блс 2008 стариченок]
- #новая парадигма в лингвистике= [кстст 2009 болотнова]
- #новая парадигма разнообразия= [ксиартскт-пуря 2004 землянова], [апгткл-2020 лесников]
- #номинативная парадигма= [слтсря 2011 алиева]
- #образовательная парадигма нового времени= [глассфд-сссс 2006 паршина]
- #образовательная парадигма= [тсмтия-2017 жаркова], [моупг-2017 кутырева]
- #общенаучная методологическая парадигма= [аттс-2020 русова]
- #окситонированная парадигма= [лэс 1990 ярцева]
- ...
- #парадигматический= [эсслтп 2008 тихонов], [ттпл 1978 никитина], [гтрякслт-2002 репина], [стпря-тл 2002 лизунова], [слт 1969 ахманова], [слт 1966 ахманова], [оисрлт2 2003 булахов], [оисрлт], [нрсли 2006 иевлева], [нррнслт 1993 2 баранов], [лт-2019], [лесников], [арлс 2003 баранов]
- #парадигматическое вытеснение= [лэс 1990 ярцева]
- #парадигматическое гнездо= [гпс 2006 нелюбин]
- #парадигматическое значение лексической единицы= [полклг-2014 чупрякова]
- #парадигматическое и синтаксическое изучение морфологии и синтаксиса= [оя-пту 1979 березин]
- #парадигматическое измерение= [лэс 1990 ярцева]
- #парадигматическое множество= [салт 1964 хэмп]
- #парадигматическое направление= [лэс 1990 ярцева]
- #парадигматическое отношение= [оя-пту 1979 березин], [осззскт-2002 барулин], [лсптос-2019 шелов], [лесников], [апгткл-2020 лесников]
- #парадигматическое преодоление неконгруэнтности= [скмпляу 1967 андреев]
- #парадигматическое расположение= [слт 1969 ахманова], [слт 1969 ахманова], [слт 1966 ахманова], [слт 1966 ахманова]
- #парадигматическое редактирование терминов= [исстт 2000 гринев]
- #парадигматическое слово= [сслт 1979 едличка]
- #парадигматичность термина= [исстт 2000 гринев]
- #парадигматичность терминологии= [исстт 2000 гринев]
- #парадигматичность терминосистемы= [исстт 2000 гринев]
- #парадигматичность= [гтрякслт-2002 репина]
- #педагогическая парадигма= [тморял 2008 атарщикова]
- #перформативная парадигма= [влпг-2012 котовская]
- #перцептивная парадигма= [ашкплу 2000 скребцова]
- #план парадигматический= [слт 1969 ахманова], [слт 1966 ахманова]
- #план языка парадигматический= [кслст-1966 мартынов]
- #подвижная акцентная парадигма= [лэс 1990 ярцева], [игряэс-2020 крыско]
- #подпарадигма= [скмпляу 1967 андреев], [лт-2019], [гтсс 2011 немченко], [гтря-2012 лесников], [блс 2008 стариченок]
- #полипарадигмальная теория= [апслпбл 2011 чурилина]
- #полная парадигма= [ттпл 1978 никитина], [топмг-2015 петрова], [срлямсг-2013 садченко], [слтчя-2012 халидов], [рляммспу-2010 мусатов], [рг-1 1980 шведова], [гтря-2012 лесников], [блс 2008 стариченок]
- #полупарадигма= [кслт 1995 васильева], [блс 2008 стариченок]
- #порождение парадигматическое= [кслст-1966 мартынов]
- #приемы парадигм и парадигматическая методика= [слтп-2016 жеребило], [слт-2005 жеребило], [слт 2010

- жеребило], [мифс-2013 жеребило], [ламиоя-2001 жеребило], [итл-2012 жеребило]
 #приёмы парадигм и парадигматическая методика= [лесников]
 #проективно-эстетическая парадигма= [фптсп 2004 кичева]
 #простая парадигма= [салт 1964 хэмп]
 #различия парадигматические= [ээдкпмд-2020 лесников], [рдтип 1994 каде], [мтрдлэ-2020], [лесников]
 #расположение парадигматическое= [слт 1969 ахманова], [слт 1966 ахманова], [лесников]
 #сверхпарадигма= [яссо-пу 1971 солнцев], [вяпу 2008 немченко]
 #связь между текстами синтагматическая и парадигматическая= [лесников], [кссц 2002 шаймиев]
 #связь парадигматическая= [тлсософ-пу 1995 черкасов]
 #сдвиг от синтагматических к парадигматическим ассоциациям= [арлс 2003 баранов]
 #сильные парадигматические отношения= [лои 1999 гендина]
 #синергетическая парадигма= [смкпп-2016 зинченко], [смк 2010 зинченко], [апгткл-2020 лесников]
 #синонимическая парадигма= [бслт-2003 столярова]
 #синтаксическая парадигма= [ряэ 1997 караулов], [лэс 1990 ярцева], [вклпаслпоп-2006 волкова]
 #синтаксическая парадигматика= [лэс 1990 ярцева]
 #система локально-парадигматическая= [тлсософ-пу 1995 черкасов]
 #система парадигматическая= [тлсософ-пу 1995 черкасов]
 #слабые парадигматические отношения= [лои 1999 гендина]
 #слов парадигматические классы= [слт 1969 ахманова], [слт 1966 ахманова]
 #словарь парадигматический= [лесников]
 #слово и парадигма= [арлс 2003 баранов]
 #словоизменяемая парадигма слова= [лсптос-2019 шелов]
 #словоизменяемая парадигма= [ярк 2006 цейтлин], [эсслтп 2008 тихонов], [члт-слт 2004 данилова], [ттпл 1978 никитина], [скмтпю 1967 андреев], [сбдтя 2010 лесников], [лэс 1990 ярцева], [лсптос-2019 шелов], [лесников], [апгткл-2020 лесников]
 #словообразовательная парадигма с взаимной мотивацией= [опстксс 1985 немченко], [лесников]
 #словообразовательная парадигма= [яря 1998 аксёнова], [ярк 2006 цейтлин], [эсслтп 2008 тихонов], [шслт 2012 николина], [члт-слт 2004 данилова], [услтп 2002 карпов], [тпмссс-2015 жеребило], [сусрсст-2020 роженцова], [сусрсг-2014 роженцова], [срястм-2021 новоселова], [срясоп 1999 селезнева], [срямссот-2009 филиппова], [срямсг-2013 садченко], [срямсг-2008 егорова], [срлясг-2012 бебриш], [срлт 2004 абрегов], [слтп-2016 жеребило], [слт 2010 жеребило], [скр 2016 нестерова], [скмтпю 1967 андреев], [сбдтя 2010 лесников], [ряммспу-2010 мусатов], [оя-пту 1979 березин], [опстксс 1985 немченко], [мс-тм 2012 миронова], [мссрятс-2016 вепрева], [мсг-2016], [лэс 1990 ярцева], [лои-слт 2009 лесников], [лесников], [кмсрряют 2011 евсеева], [итл-2012 жеребило], [вятс-2015 довгал], [вяпу 2008 немченко], [вклпаслпоп-2006 волкова], [бслт-2003 столярова], [апгткл-2020 лесников]
 #словообразовательная парадигматика= [лэс 1990 ярцева]
 #словообразовательно-семантическая парадигма= [лэс 1990 ярцева]
 #сложная парадигма= [салт 1964 хэмп]
 #смысловая текстовая межсловная парадигма= [кстст 2009 болотнова]
 #стилистика парадигматическая= [уссрякр-1992 жеребило], [тпмссс-2015 жеребило], [слтп-2016 жеребило], [слт 2010 жеребило], [лесников], [итл-2012 жеребило]
 #стилистика парадигматика= [офлтпр-слт 2005 парижева]
 #стилистика парадигма= [устря-2022 бурцев], [срятм 2010 зуева]
 #стилистика парадигматика= [сэсря 2007 кожаина], [сэсря 2006 кожаина], [офлтпр-слт 2005 парижева]
 #структурное значение парадигматическое= [сряпу-1982 новиков]
 #субстантивная парадигматика= [яипт-2020 магай], [иптя 2007 смиренский]
 #суженная парадигма= [ттпл 1978 никитина]
 #схема парадигматического анализа фразеологической единицы= [тплсс 2011 жеребило], [слтп-2016 жеребило], [слт 2010 жеребило], [мифс-2013 жеребило], [лесников], [итл-2012 жеребило]
 #тенденция к семантико-парадигматической регулярности= [исстт 2000 гринев]
 #типология парадигма= [ряммспу-2010 мусатов]
 #торговая парадигма= [ксияртскт-пуря 2004 землянова], [апгткл-2020 лесников]
 #фонема в парадигматике= [тлсософ-пу 1995 черкасов]
 #фонологическая парадигма= [срлятм-2014 демидова]
 #фонологическая парадигматика= [усят-2014 алексеева], [усят-2014 алексеева], [ряэ 1997 караулов], [лэс 1990 ярцева]
 #формально-семантическая парадигма= [ослт 2009 куликова]
 #формообразовательная парадигма слова= [лсптос-2019 шелов]
 #формообразовательная парадигма= [лсптос-2019 шелов]
 #фразеологическая парадигма антонимическая= [тплсс 2011 жеребило], [слтп-2016 жеребило], [слт 2010 жеребило], [лесников], [итл-2012 жеребило]
 #фразеопарадигма фе-словосочетания= [тплсс 2011 жеребило], [слтп-2016 жеребило], [слт 2010 жеребило], [лесников], [итл-2012 жеребило]
 #фразеопарадигма фе-словоформы= [тплсс 2011 жеребило], [слтп-2016 жеребило], [слт 2010 жеребило], [лесников], [итл-2012 жеребило]
 #фразеопарадигма= [тплсс 2011 жеребило], [слтп-2016 жеребило], [слт 2010 жеребило], [лесников], [итл-2012 жеребило]
 #частная парадигма= [срямсг-2013 садченко], [ряммспу-2010 мусатов], [рг-1 1980 шведова], [мсряссст-2010 уваров], [гтра-2012 лесников], [блс 2008 стариченок]
 #эквивалентность парадигматическая= [япнуэстт2-2015 шаповалов], [лесников]

АПУ был создан на основе собственноручно сделанной автором этой статьи базы лексикографических данных в рамках проектов РФФИ № 11-07-00733 (2011–2013) «Гипертекстовый информационно-поисковый тезаурус «Метаязык науки» (структура; математическое, лингвистическое и программное обеспечения; разделы лингвистика, математика, экономика)» (научный руководитель С.В. Лесников), № 20-112-00215 «Метаязык лингвистики» (научный руководитель С.В. Лесников) и № 19-012-00494 «Лексико-семантическая неология в русском языке начала XXI века» (программы на объектно-ориентированном, высокого уровня, динамическом, интерактивном, мультипарадигмальном, портируемом языке-интерпретаторе программирования Python).

Заключение

Приведённая схема остаётся весьма дискуссионной и достаточно субъективной. Представленный автором список известных лингвистов далеко не исчерпывает всех, чей вклад в отечественное языкознание заслуживает внимания. Проблема в том, как подобного рода «истории» могут учитываться в гизаурусе лингвистической терминологии и как при этом представлять персоналии, без упоминания которых история различных наук о языке и адекватное описание их терминологии будут неполноценными.

Библиографический список

1. *Гвишиани Н.Б.* К вопросу метаязыка языкознания // Вопросы языкознания. 1983. № 2. С. 64–72.
2. *Гухман М.М.* Понятие системы в синхронии и диахронии // Вопросы языкознания. 1962. № 4. С. 25–35.
3. Метаязык лингвистики. Том 2. Лексикон терминосистемы. СПб.: Нестор-история, 2021.
4. Школьный лингвистический словарь: термины, понятия, проектные задания под ред. С.И. Богданова, С.В. Друговейко-Должанской, Е.И. Казаковой и др. М.: Просвещение, 2021.
5. *Соссюр Ф. де.* Заметки по общей лингвистике. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999.
6. *Сухачев Н.Л.* История языка в трудах Гастона Париса и Фердинанда де Соссюра. СПб.: Нестор-История, 2016.
7. *Сухачев Н.Л.* Значение и смысл слова. Лекции о лингвистическом знаке. СПб.: Нестор-История, 2019.
8. *Ельмслев Л.* Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике. М., 1960. Вып. 1. С. 264–389.
9. *Матвеева Е.Е.* Лингвокультурологические особенности формирования лингвистической терминологии. Фонетика: дисс. ... к. филол. н. М., 2012.
10. *Евгеньева А.П.* Определения в толковых словарях // Проблема толкования слов в филологических словарях. Рига, 1963. С. 8–17.
11. *Герд А.С.* Терминологический словарь среди других типов словарей // Современная русская лексикография. Л., 1981. С. 106–112.
12. *Шурыгин Н.А.* Семасиологический и лексикографический аспекты таксономизации лингвистических терминов и терминопонятий: дисс. ... д. филол. н. Тюмень, 2005.
13. *Salton G., McGill M.* Introduction to Modern Information Retrieval. U.S.A.: McGrawHill Book Company, 1983.

14. Солсо Р. Когнитивная психология. СПб.: Питер, 2002.
15. Жмайло С.В. Исследование и разработка теории и методики построения тезаурусов для информационного поиска в полнотекстовых БД (на примере тезауруса по безопасности инженерных систем): дис. к.т.н. М.: ВИНТИ, 2005.
16. Березин Ф.М., Головин Б.Н. Общее языкознание. М.: Просвещение, 1979.
17. Мартинович Г.А. Типы вербальных связей и отношений в ассоциативном поле // Вопросы психологии. 1990. №2. С. 143–146.
18. Vickery B.C., Vickery A. Information Science in Theory and Practice. U.S.: Butterworths, 2000.
19. Даниленко В.П. Русская терминология. Опыт лингвистического описания. М.: Наука, 1977.
20. Гринев С.В. Введение в терминоведение. М., 1993.
21. Куликова И.С., Салмина Д.В. Введение в металингвистику (системный, лексикографический и коммуникативно-прагматический аспекты лингвистической терминологии). СПб.: САГА, 2002.
22. Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В. Общая терминология: Вопросы теории. М.: Едиториал УРСС, 2003.
23. Коришунова С.О. Тезаурусное моделирование терминологии синтаксиса: дис. ... к. филол. н. Иркутск, 2009.
24. Маркина Т.В. Формирование и функционирование системы терминов методики преподавания РЯ как иностранного: дис. ... д. филол. н. М., 1999.
25. Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. М.: Высшая школа, 1986.
26. Шурыгин Н.А. Семасиологический и лексикографический аспекты таксономизации лингвистических терминов и терминопонятий: дис. ... д. филол. н. Тюмень, 2005.
27. Даниленко В.П. Русская терминология. Опыт лингвистического описания. М.: Наука, 1977.
28. Коришунова С.О. Тезаурусное моделирование терминологии синтаксиса: дис. ... д. филол. н. Иркутск: ИГЛУ, 2009.
29. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов и понятий. Назрань: Пилигрим, 2016.
30. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Назрань: Пилигрим, 2005.
31. Прохорова В.Н. Русская терминология (лексико-семантическое образование). М., 1996.
32. Немыка А.А. Направления саморазвития терминосистемы рус. синтаксиса // Гуманитарные науки на границе тысячелетий. Краснодар, 1997. С. 43–54.
33. Иванова Е.П. Очерки по истории французского языкознания XX века. Лингвистическая историография и эпистемология языкознания. СПбГУ. 2001.
34. Немыка А.А. Метаязык лингвистики: научное и художественное представление: дис. ... д. филол. н. Орёл, 2017.

References

1. Gvishiani, N.B. (1983). On the issue of the metalanguage of linguistics. *Voprosy yazykoznaniiya*, 2, 64–72. (In Russ.).
2. Gukhman, M.M. (1962). The concept of a system in synchrony and diachrony. *Voprosy yazykoznaniiya*, 4, 25–35. (In Russ.).
3. The metalanguage of linguistics. (2021). Vol. 2. *Lexicon of the terminology system*. Saint Petersburg: Nestor-istoriya. (In Russ.).
4. School linguistic dictionary: terms, concepts, project assignments (2021). S.I. Bogdanov, S.V. Drugoveyko-Dolzanskaya, E.I. Kazakova et al. (eds.). Moscow: Prosveshchenie. (In Russ.).
5. Saussure, F. de. (1999). *Notes on General Linguistics*. Ekaterinburg: Ural University Press. (In Russ.).
6. Sukhachev, N.L. (2016). *History of Language in the Works of Gaston Paris and Ferdinand de Saussure*. Saint Petersburg: Nestor-History. (In Russ.).

7. Sukhachev, N.L. (2019). *Meaning and Sense of the Word. Lectures on the Linguistic Sign*. Saint Petersburg: Nestor-History. (In Russ.).
8. Elmslev, L. (1960). Prolegomena to the Theory of Language. In: *New in Linguistics*. Moscow. Iss. 1. pp. 264–389.
9. Matveeva, E.E. (2012). *Lingvocultural Features of the Formation of Linguistic Terminology. Phonetics* [dissertation]. Moscow. (In Russ.).
10. Evgenyeva, A.P. (1963). Definitions in explanatory dictionaries. In: *The problem of interpretation of words in philological dictionaries*. Riga. pp. 8–17. (In Russ.).
11. Gerd, A.S. (1981). Terminological dictionary among other types of dictionaries. In: *Modern Russian lexicography*. Leningrad. pp. 106–112. (In Russ.).
12. Shurygin, N.A. (2005). *Semasiological and lexicographical aspects of taxonomization of linguistic terms and term concepts* [dissertation]. Tyumen. (In Russ.).
13. Salton, G. & McGill, M. (1983). *Introduction to Modern Information Retrieval*. U.S.A.: McGrawHill Book Company.
14. Solso, R. (2022). *Cognitive psychology*. Saint Petersburg: Piter. (In Russ.).
15. Zhmailo, S.V. (2005). *Research and development of the theory and methodology for constructing thesauri for information retrieval in full-text databases (using the thesaurus on safety of engineering systems as an example)* [dissertation]. Moscow: VINITI publ. (In Russ.).
16. Berezin, F.M. & Golovin, B.N. (1979). *General linguistics*. Moscow: Prosveshchenie. (In Russ.).
17. Martinovich, G.A. (1990). Types of verbal connections and relations in the associative field. *Voprosy Psichologii*, 2, 143–146. (In Russ.).
18. Vickery, V.S. & Vickery, A. (2000). *Information Science in Theory and Practice*. U.S.: Butterworths.
19. Danilenko, V.P. (1993). *Russian terminology. Experience of linguistic description*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
20. Grinev, S.V. (1993). *Introduction to Terminology*. Moscow. (In Russ.).
21. Kulikova, I.S. & Salmina, D.V. (2002). *Introduction to Metalinguistics (Systemic, Lexicographical and Communicative-Pragmatic Aspects of Linguistic Terminology)*. St. Petersburg: SAGA. (In Russ.).
22. Superanskaya, A.V., Podolskaya, N.V. & Vasilyeva, N.V. (2003). *General Terminology: Theoretical Issues*. Moscow: Editorial URSS. (In Russ.).
23. Korshunova, S.O. (2009). *Thesaurus Modeling of Syntax Terminology*. Irkutsk. (In Russ.).
24. Markina, T.V. (1999). *Formation and Functioning of the System of Terms of the Methodology of Teaching Russian Language as a Foreign Language* [dissertation]. Moscow. (In Russ.).
25. Gak, V.G. (1986). *Theoretical grammar of the French language*. Moscow: Vysshaya shkola. (In Russ.).
26. Shurygin, N.A. (2005). *Semasiological and lexicographical aspects of taxonomization of linguistic terms and term concepts* [dissertation]. Tyumen. (In Russ.).
27. Danilenko, V.P. (1977). *Russian terminology. Experience of linguistic description*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
28. Korshunova, S.O. (2009). *Thesaurus modeling of syntax terminology* [dissertation]. Irkutsk: ISLU. (In Russ.).
29. Zherebilo, T.V. (2016). *Dictionary of linguistic terms and concepts*. Nazran: Pilgrim. (In Russ.).
30. Zherebilo, T.V. (2005). *Dictionary of linguistic terms*. Nazran: Pilgrim. (In Russ.).
31. Prokhorova, V.N. (1996). *Russian terminology (lexical and semantic formation)*. Moscow. (In Russ.).
32. Nemyka, A.A. (1997). Directions of self-development of the terminology system of Russian syntax. In: *Humanities at the turn of the millennium*. Krasnodar. pp. 43–54. (In Russ.).

33. Ivanova, E.P. (2001). *Essays on the history of French linguistics of the twentieth century. Linguistic historiography and epistemology of linguistics*. Saint Petersburg: St. Petersburg State University publ. (In Russ.).
34. Nemyka, A.A. (2017). *Metalanguage of linguistics: scientific and artistic presentation [dissertation]*. Orel. (In Russ.).

Сведения об авторе:

Лесников Сергей Владимирович, кандидат филологических наук, доцент кафедры математического моделирования и кибернетики, главный редактор «Альманаха „ГОВОР“» (г. Санкт-Петербург. ЭЛ № ФС 77–77945. ISSN 2713–2013); Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (191186, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, д. 48); Институт лингвистических исследований Российской академии наук (199053, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Тучков переулок, д. 9); *сфера научных интересов*: лексикография, математическое, лингвистическое и программное обеспечение; неология; *e-mail*: serg@lsw.ru
ORCID: 0000-0001-5816-0996; Scopus Author ID: 6505589235; ResearcherID: ADM-2999-2022.

Information about the author:

Sergey V. Lesnikov, PhD in Philology, Associate Professor, A.I. Herzen Russian State Pedagogical University (48, Moika Embankment, Saint Petersburg, Russian Federation, 191186); Institute of Linguistic Research of the Russian Academy of Sciences (9, Tuchkov pereulok, St. Petersburg, Russian Federation, 199053); *Research interests*: lexicography, mathematical, linguistic and software support; neology; *e-mail*: serg@lsw.ru
ORCID: 0000-0001-5816-0996; Scopus Author ID: 6505589235; ResearcherID: ADM-2999-2022.

DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-3-1000-1020

EDN: KHZVXP

УДК 811.161.1'234-053.5

Научная статья / Research article

Расстройства развития школьных навыков и фонологический дефицит: вопросы коморбидности

О.А. Величенкова

Московский городской педагогический университет, Москва, Российская Федерация

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Российская Федерация

velichenkova@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются сложившиеся в России подходы к пониманию расстройств развития школьных навыков, их трансформация в последние десятилетия, дискуссионные вопросы, связанные с использованием терминов «дисграфия», «дизорфография», «дислексия». Показана недостаточная разработанность проблемы коморбидности расстройств развития школьных навыков в российской науке. Значимость ее изучения объясняется с позиций практических решений в области оказания помощи неуспевающим школьникам и важности для понимания когнитивных механизмов расстройств обучения. Обсуждаются результаты исследования коморбидности нарушений письма (дисграфии и дизорфографии) и чтения у учащихся 2–4 классов с трудностями в обучении. Приведены данные изучения письменных работ, чтения, фонологических навыков 95 школьников, родители которых обратились с жалобами на трудности в обучении. Исследование проводилось онлайн. Сделаны выводы об асимметрии нарушения навыков письма и чтения у школьников с трудностями в обучении: нарушения письма обнаруживаются чаще и являются более стойкими. Изолированные нарушения чтения практически не встречаются, тогда как нарушения только письма обнаруживаются достаточно часто. Характер коморбидности нарушений письма и чтения меняется от 2 к 4 классу: от сочетанных нарушений письма и чтения к изолированным нарушениям письма. Показаны возрастная динамика проблем в усвоении графики и орфографии, прогрессивный характер дизорфографии и относительная стабильность количества дисграфических ошибок. Приведены показатели выполнения фонологических проб (независимых от обучения) неуспевающими школьниками, не позволяющие говорить об улучшении данных навыков с возрастом. Обнаружена значимая связь навыков фонологической обработки с овладением чтением и графикой, а также связь технических параметров чтения с количеством дисграфических ошибок. Показаны отсутствие или весьма слабая связь фонемного распознавания и орфографических ошибок. Сделан вывод относительно генетической близости, но не тождественности патогенетических факторов, обуславливающих возникновение проблем в овладении чтением, графикой и орфографией.

© Величенкова О.А., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: дислексия, дисграфия, дизорфография, трудности обучения, фонематическое восприятие, графика, орфография

Финансирование. Благодарности:

Работа выполнена за счет средств субсидии, выделенной в рамках государственной поддержки Казанского (Приволжского) федерального университета в целях повышения его конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров.

Заявление о конфликте интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Дата поступления: 01.06.2024

Дата приема в печать: 15.06.2024

Для цитирования:

Величенкова О.А. Расстройства развития школьных навыков и фонологический дефицит: вопросы коморбидности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 3. С. 1000–1020. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-3-1000-1020>

Specific Developmental Disorders of School Skills and Phonological Deficit: the Problems of Comorbidity

Olga A. Velichenkova

Moscow City Pedagogical University, *Moscow, Russian Federation*

Kazan Federal University, *Kazan, Moscow, Russian Federation*

✉ velichenkova@mail.ru

Abstract. The author examines approaches to understanding specific developmental disorders of school skills formulated in Russia, their transformation in the recent decades as well as controversial points concerning the use of the terms ‘dysgraphia’, ‘dysorthography’, ‘dyslexia’. The scientific work highlights the fact that the comorbid problem of school skills developmental disorders has not been sufficiently elaborated in Russia. Practical solutions in terms of assisting underachieving school students as well as thorough understanding of the cognitive mechanisms of learning disorders account for the significance of its study. The article discusses the results of the research into comorbidity of writing disorders (dysgraphia and dysorthographia) and reading disorders in 2–4 grade students with learning disabilities. It provides the data from the study of written works, reading as well as phonological skills of 95 schoolchildren whose parents complained about learning difficulties. The study was carried out online. The article concludes that there is an asymmetry between writing skill disorders and reading skill disorders in school children with learning disabilities: writing disorders are more persistent and more frequently detected. Separate disorders of reading are practically non-existent whereas disorders of writing abilities are rather common. The nature of writing and reading disorders comorbidity changes from grades 2 to 4: from combined writing and reading disorders to separate writing only disorders. The article presents the age dynamics of graphics and spelling skill acquisition problems as well as a progressive nature of dysorthographia and relative stability of the quantity of dysgraphic mistakes. The provided findings of phonological awareness literacy screening tests (independent from training) of underachieving school students do not support improvement of these skills with age. A significant correlation between phonological processing skills and reading and graphics acquisition has been discovered in addition to a connection between fluency aspects of reading and the quantity of dysgraphic errors. The article proves an absence or a rather weak connection between

phonemic recognition and spelling mistakes. A conclusion has been drawn in terms of pathogenic factors resulting in issues with mastering reading, graphics and spelling being genetically close though not identical.

Keywords: dyslexia, dysgraphia, dysorthographia, learning difficulties, phonemic perception, graphics, orthography

Financing. Acknowledgements:

The work was carried out using funds from the Strategic Academic Leadership Program of Kazan (Volga Region) Federal University.

Conflicts of interest: The author declares no conflicts of interest.

Article history:

Received: 01.06.2024

Accepted: 15.06.2024

For citation:

Velichenkova, O.A. (2024). Specific Developmental Disorders of School Skills and Phonological Deficit: the Problems of Comorbidity. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 15 (3), 1000–1020. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-3-1000-1020>

Введение. Постановка проблемы

Изучение коморбидности нарушений овладения письмом и чтением у младших школьников является актуальной проблемой с нескольких точек зрения, начиная с системных практических решений относительно преодоления школьной неуспешности и заканчивая пониманием нейропсихологических и нейролингвистических механизмов дислексии, дисграфии и дизорфографии.

Однако их обсуждение требует предварительного анализа терминов, используемых в специальной литературе для обозначения нарушений письма и чтения у детей. Наиболее прочно и давно «закрепившимися» можно считать термины «дислексия» и «дисграфия» [1–4]. В России их применяют для обозначения разных нарушений чтения и письма соответственно. В зарубежной литературе «дислексия» — более употребительный «зонтичный» термин, которым обозначают нарушения знаковой деятельности вообще, поскольку (по крайней мере, для английского языка) письменное кодирование и декодирование звучащей речи — процессы, симметричные по сложности [5]. Английская орфография базируется на немотивированных написаниях, фонема часто передается сочетанием букв, которые необходимо запомнить, поэтому одинаково сложно прочитать и написать слово. Русская графическая система фонетически прозрачна и морфологически сложна. Даже начинающий читатель, освоив относительно небольшой набор возможных с точки зрения графики звуко-буквенных соответствий, легко находит слово, фонетически близкое к прочитанному орфографическому варианту. А вот выбор буквы для обозначения фонемы в слабой позиции в русском языке сложен и базируется на знании правил, использующих теоретические сведения в области

морфологии, и языковых способностях индивида (его словарном запасе, грамматических навыках) [2; 6]. Поэтому использование двух отдельных терминов для обозначения нарушений письма и чтения на русском языке имеет лингвистическое основание.

Чаще отечественные исследователи сосредоточены на нарушениях письма у школьников. Дислексии посвящено меньшее число работ [3; 4].

Дисграфия (от греч. «графо» — пишу) — термин, который с 40-х годов XX века активно применяется по отношению к нарушениям письма вообще). Р.Е. Левина, одна из центральных для российской логопедии исследователей, описывая в 1939 году ошибки в письме у «детей-аграфиков», еще недостаточно точно интерпретирует их, связывая с нарушениями фонемного распознавания ошибки в слабых фонетических позициях [7]. В более поздних работах орфографические ошибки рассматриваются отдельно, есть очень интересные и глубокие размышления о роли языковых обобщений (в том числе имплицитных) в овладении правописанием [8]. Однако для Р.Е. Левиной и для большинства авторов вплоть до 90-х годов термины «нарушения письма» и «дисграфия» — синонимы.

Не всегда при этом дисграфией называют самостоятельное, первичное расстройство. Для педагогики в меньшей степени, для психологии и медицинских наук в большей степени характерно использование термина «дисграфия» как названия симптома. Если речь идет о пациентах с нарушением высших психических функций в результате локальных поражений мозга во взрослом возрасте, то такое употребление термина вполне оправданно. Но в работах Р.И. Лалаевой [4] мы читаем о дислексии и дисграфии у детей с анализаторными и ментальными нарушениями. По отношению к расстройствам развития требуется более избирательное использование термина. Так, А.Н. Корнев [2] предлагает использовать западный подход к трактовке, отраженный в том числе и в Международной классификации болезней (МКБ-10). Дислексия и дисграфия — суть первичные (специфические) нарушения чтения и письма у детей без какой-либо другой нозологии. К неспецифическим относятся нарушения письма и чтения, которые имеют вторичный характер [2].

В последние 30 лет в логопедии появилось много работ, посвященных дизорфографии — специфическому расстройству письма, при котором есть стойкие проблемы в усвоении правописания [9–11]. Выделение этого нарушения уже не позволяет рассматривать дисграфию в столь широком контексте, как раньше. Также неверным нам кажется считать дисграфию патологией, а дизорфографию временными трудностями и, соответственно, исключать работу над правописанием из сферы внимания коррекционных педагогов. Многочисленными исследованиями показаны стойкость дизорфографии и сходство патогенеза расстройств письма, который, несомненно, нуждается в дальнейшем изучении.

Представляется правильным разграничивать дисграфию и дизорфографию именно с точки зрения неусвоения различных разделов русского языка — графики и орфографии. Дети делают ошибки разного типа, требующие разного коррекционного воздействия и содержания учебного материала. Уточним лишь, что дифференциация орфографических и дисграфических (графических) ошибок не может строиться на принципах русской орфографии. Весьма распространенная точка зрения о том, что при дисграфии есть трудности овладения фонетическим принципом письма [2], не совсем корректна. Правила, основанные на фонетическом принципе, регулируют только те написания, в которых под влиянием произношения нарушается морфологический принцип правописания: разЫскал, безЫдейный. Под дисграфией следует понимать неспособность реализовать правила графики: ошибки в сильной позиции и такие написания в слабой позиции, которые недопустимы в русском языке (например, «зайац» вместо «заяц»). Они могут искажать звучание слова, но могут и представлять собой «фонетическое письмо». Общее для всех ошибок этого типа — нарушение требований графики.

Что на современном этапе с учетом понимания нарушений письма и чтения в отечественной науке может дать изучение их коморбидности?

Во-первых, сама система психолого-педагогической поддержки детей с трудностями в обучении должна строиться на превалентности расстройств развития школьных навыков в детской популяции. Для формирования кадровых, финансовых, организационных ресурсов помощи необходимо располагать актуальными сведениями относительно не только частоты встречаемости нарушений, но и их коморбидности, возрастной динамики [12]. Например, данные об асимметрии расстройств развития письма и чтения на русском языке могут быть использованы для оптимального решения скрининговых задач. Они могут помочь экономно и эффективно выстроить сам алгоритм скрининга. Так, выявление менее частотных и более тяжелых нарушений должно проводиться в первую очередь, т.к. они с большей вероятностью потребуют длительного коррекционного воздействия и будут закономерно сочетаться с более частотными нарушениями. Именно на них может быть сфокусирован первый этап диагностики.

Сведения о сочетании дислексии, дисграфии, дизорфографии в разных возрастах могут обеспечить педагогическую поддержку детей на протяжении всего обучения, а не только в младших классах. Стойкость некоторых нарушений обусловлена не столько нейробиологическими особенностями детей, сколько особенностями языка. Письмо по правилу гораздо сложнее фонетического письма, а «фонетическая прозрачность» русского сопровождается его морфологической сложностью [5]. Дизорфография ожидаемо будет преодолеваться дольше.

Отсюда вторая важная, теперь лингвистическая, предпосылка изучения коморбидности дислексии, дисграфии, дизорфографии: это поможет понять,

как учить письму и чтению детей, в том числе и детей с расстройствами школьных навыков. В литературе подчеркивается влияние многих социальных факторов на снижение успеваемости, в том числе и трансформаций в системе образования (от смены стиля преподавания до внедрения новых учебников) [13]. Недостижение ожидаемых результатов обучения может быть связано с изменением подачи материала. Стремление к лингвистической точности приводит к усложнению формулировок, увеличению времени для их осознания. Всех ли детей следует учить в парадигме восхождения от абстрактного к конкретному? Как пишет Ф. Бродель, «лингвистика потрясла грамматику... Она навязала ей усложненный и зачастую непонятный язык, который к тому же оказался абсолютно бесполезным» [14. С. 26–27]. Кажется, эта тенденция характерна не только для российского образования. Мы много говорим о функциональной безграмотности, однако она представляет собой результат разрыва между теорией и практикой в школьном обучении. При этом концепция «легкого языка» («plain-language») для людей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) пока широко не обсуждается в России, в отличие от других стран [15; 16]. Если мы хотим научить читать, понимать, писать без ошибок всех детей, мы должны знать, скольким из них и в какой момент требуется адаптация учебных текстов для достижения наилучших результатов. Исследование частоты нарушений покажет, насколько эффективна система обучения.

Изучая коморбидность расстройств развития школьных навыков сквозь призму социальных факторов, можно думать также о вкладе семьи в филологическое образование ребенка. Читать учит не школа. Следует констатировать тот факт, что в стране последние 30 лет фактически доминирует домашнее дошкольное обучение грамоте. Родители, по сути «наивные методисты», обучают грамоте, как могут, чаще звуковым синтетическим методом, недостатки которого очевидны. Но так или иначе читательский стаж до школы имеют 95 % первоклассников [13], а вот писать их, как правило, не учили. Возникает разрыв между процессами декодирования и кодирования письменного текста, которого раньше не наблюдалось. Как это влияет на сочетаемость дислексии и дисграфии в возрастном диапазоне от 1 к 4 классу? Сглаживается ли влияние нерациональной системы обучения?

В-третьих, анализ коморбидности актуален с позиции исследования патогенеза школьных трудностей [17–20]. Почему дети с сохранным интеллектом при регулярном обучении не могут научиться только писать, только читать или/и писать, и читать? Сочетание каких когнитивных дефицитов приводит к дисграфии и/или дислексии? Письмо и чтение базируются на сходных, но не тождественных психологических механизмах. Тогда какие именно паттерны нарушений являются более типичными, а какие редкими? Сходны ли с точки патогенеза трудности в овладении различными разделами русского языка (графикой и орфографией), и как они сочетаются с нарушениями

чтения? Например, важно рассмотрение связи фонологического дефицита, наиболее часто описываемого в качестве патогенетической модели, с разными вариантами нарушений письма и чтения [3; 21; 22].

Таким образом, актуальность изучения коморбидности нарушений письма и чтения у детей и малое количество данных относительно их распространенности и сочетания с различными когнитивными дефицитами определяют проблему исследования.

Цель исследования — изучить степень выраженности и характер нарушений письма и чтения у младших школьников с трудностями в обучении, а также проанализировать связь этих нарушений с фонологическими навыками учащихся.

Организация исследования

Исследование проводилось на базе Онлайн-центра помощи детям с трудностями в обучении Ассоциации родителей детей с дислексией. Родители (законные представители) школьников обращались в Центр за консультацией и обследованием в 2020–2023 гг. Предоставление информации относительно особенностей предшествующего развития являлось желательным, но не обязательным условием онлайн-консультирования, поэтому единственным критерием формирования выборки был запрос родителей в связи с трудностями в обучении у детей. Оценка интеллектуальных показателей и других сторон психического развития не проводилась. В связи с этим оценить специфичность (первичный характер) проблем в усвоении письма и чтения в некоторых случаях не представлялось возможным.

Были проанализированы данные логопедического онлайн-обследования 95 детей: 32 второклассников (20 мальчиков и 12 девочек), 30 третьеклассников (16 мальчиков и 14 девочек) и 33 учеников четвертого класса (16 мальчиков и 17 девочек). Специально отбор по гендерному признаку не производился. В данной выборке соотношение мальчиков и девочек 1,08:1. Однако в целом обращения за помощью родителей мальчиков фиксируются чаще. Так, за 2020–2023 гг. на сайте Центра 4293 обращений от родителей мальчиков и 2489 — от родителей девочек (соотношение 1,7:1).

Логопедическое обследование включало оценку всех сторон речевого развития детей: фонологических, лексических и грамматических компетенций. В данной статье анализируются результаты выполнения школьниками двух проб, оценивающих фонологические навыки, не зависящие от обучения, а также особенности письма и чтения детей.

В **задачи** исследования входило:

1. Исследование письма под диктовку и чтения вслух у учащихся с трудностями в обучении.
2. Анализ сочетаемости нарушений технических параметров чтения и трудностей усвоения графики и орфографии у учеников данной выборки.

3. Изучение результатов выполнения фонологических проб школьниками с трудностями в обучении.
4. Выявление связи фонологического дефицита со степенью выраженности и характером нарушений письма и чтения у школьников.

Методы исследования

Анализ письма под диктовку проводился с использованием стимульного материала О.Б. Иншаковой, Т.В. Ахутиной [23], диктант для 2 класса «На далеком лесном озере...» (50 слов); для 3 класса — «Коротка летняя ночь» (67 слов), для 4 класса — «Кусты и травыгибаются от воды» (79 слов). Текст (соответственно возрасту ребенка) родители диктовали самостоятельно. В последующем проводился анализ предоставленных фотоматериалов. Подсчитывалось общее количество ошибок в работе; ошибки, связанные с неусвоением графики; орфографические ошибки.

Анализ чтения проводился онлайн с использованием текста «Как я ловил раков» из методики А.Н. Корнева [2]. Текст демонстрировался в полноэкранный режим на мониторе компьютера (шрифт Arial, 18 пт, полуторный интервал, 2 слайда), велась аудиозапись.

Исследование фонологических навыков включало две онлайн-пробы: повторение серии слогов с оппозиционными согласными и повторение псевдослов. Проба на повторение серии слогов традиционно используется в российской логопедии для оценки фонематического восприятия, однако ее содержательная валидность трактуется неоднозначно: по всей вероятности, проба может оценивать как распознавание фонем, так и артикуляционное программирование. Предъявлялись 8 серий слогов с оппозиционными звуками и 4 серии слогов-дистракторов (отмечены): **ло-по-ло**, ва-ва-фа, та-тя-та, па-па-ба, са-за-са, **хо-со-хо**, шу-шу-су, **ми-ви-ми**, ко-го-го, чу-цу-чу, **ни-пи-ни**, то-то-до, щу-сю-щу.

Повторение псевдослов является менее используемой в России методикой [18; 22; 24] и, согласно литературным данным, чаще применяется как способ изучения фонологической рабочей памяти [25–29]. Десемантизированные стимулы (псевдослова) предъявлялись для повторения по одному (ударение показано): бутОсна, падмОфу, казОжну, вмушОга, малЯмка, саласЯк, ралОлта, цанчАс, тичимАрь. Велась аудиозапись.

Подробно результаты выполнения слухоречевых проб описаны ранее для аналогичной выборки [19; 20].

Результаты исследования

Среднее (m) количество ошибок в диктанте у изученной группы детей — 13,6, стандартное отклонение (SD) — 8,93, минимум — 0, максимум — 48. Для мальчиков: $m = 15$, $SD = 9,30$, $\min = 2$, $\max = 48$. Для девочек: $m = 11,9$, $SD = 8,24$, $\min = 0$, $\max = 38$. Заметно, что мальчики допускают в целом больше

ошибок, чем девочки (различия достигают статистической значимости: критерий Манна — Уитни, $p = 0,032$).

По данным о среднем количестве дисграфических и орфографических ошибок у учеников разного возраста и пола (табл. 1) видно, что количество дисграфических ошибок максимально во 2 классе, количество орфографических ошибок — в 4 классе. Однако статистически значимы только различия по количеству орфографических ошибок между учениками 4 класса и более младшими детьми (критерий Манна — Уитни, $p < 0,001$), между второклассниками и третьеклассниками по данным ошибкам различий нет. Мальчики и девочки различаются скорее по количеству допущенных дисграфических ошибок ($p = 0,029$).

Таблица 1 / Table 1

**Количество ошибок разного типа при письме под диктовку
у младших школьников с трудностями в обучении /
The number of mistakes of different origin made by elementary school children
with learning disabilities during dictation**

Класс / Grade	Дисграфические ошибки / Dysgraphic errors				Орфографические ошибки / Spelling errors			
	m	SD	min	max	m	SD	min	max
2	7,41	6,49	0	29	5,88	4,29	1	22
3	5,83	6,20	0	29	5,23	3,06	0	12
4	6,03	6,19	0	26	10,3	5,72	2	23
Вся выборка / All sample	6,37	6,27	0	29	7,21	5,03	0	23
Все мальчики / All boys	7,63	6,77	0	29	7,35	4,88	1	22
Все девочки / All girls	4,84	5,29	0	29	7,05	5,26	0	23

Источник: исследования О.В. Величенковой / Source: compiled by Olga A. Velichenkova.

Возрастная динамика трудностей в овладении графикой и орфографией хорошо видна на рис. 1.

Перейдем к описанию частоты нарушения навыка письма в исследованной выборке. В качестве порогового значения степени выраженности расстройства возьмем школьный критерий: «неудовлетворительно» выставляется за письменную работу, в которой 5 и более ошибок любого типа. На рис. 2 показано, сколько детей данной выборки попадали в категорию не успевающих по русскому языку. На рис. 3 и 4 — процент школьников, имеющих проблемы в освоении графики и орфографии.

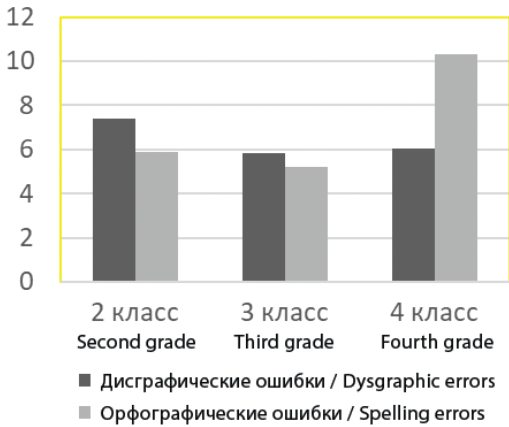

Рис. 1. Среднее количество дисграфических и орфографических ошибок у учащихся 2–4 классов с трудностями в обучении
 Источник: исследование О.А. Величенковой.

Fig. 1. The average number of dysgraphic and spelling mistakes made by 2–4 grade school children with learning disabilities
 Source: compiled by Olga A. Velichenkova.

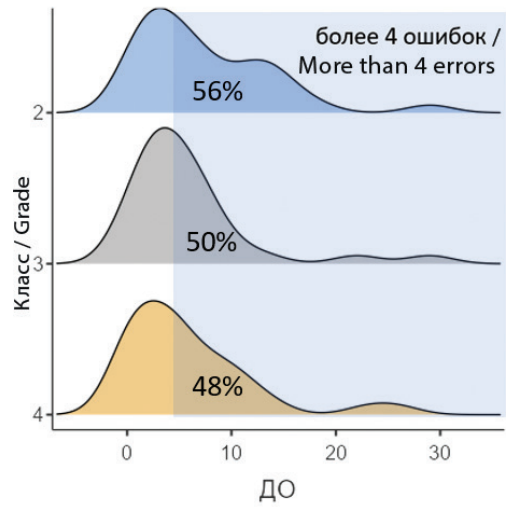

Рис. 3. Доля учеников 2–4 класса с трудностями в обучении, не освоивших графику
 Источник: исследование О.А. Величенковой.

Fig. 3. Percentage of 2–4 grade school children with learning disabilities who failed to master graphics
 Source: compiled by Olga A. Velichenkova.

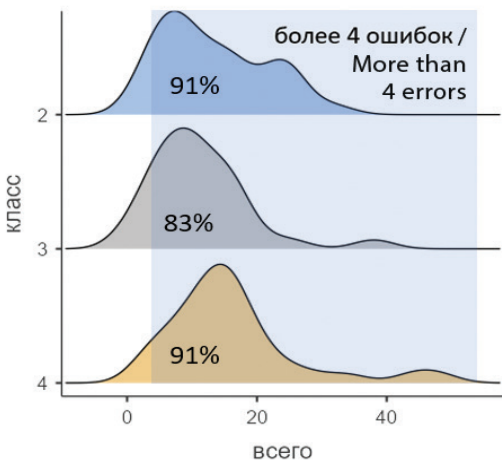

Рис. 2. Доля учеников 2–4 класса с трудностями в обучении, не успевающих по русскому языку
 Источник: исследование О.А. Величенковой.

Fig. 2. The percentage of 2–4 grade school children with learning disabilities in studying Russian
 Source: compiled by Olga A. Velichenkova.

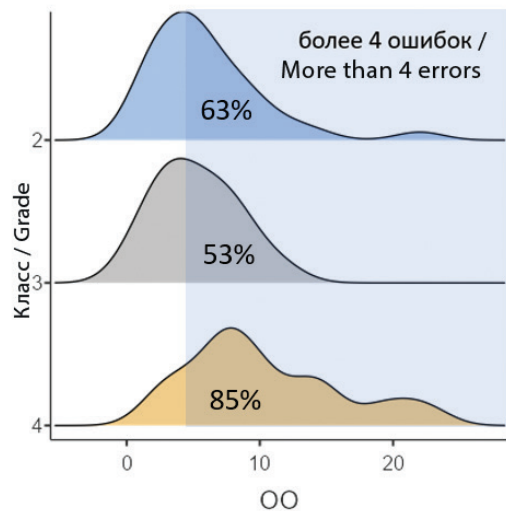

Рис. 4. Доля учеников 2–4 класса с трудностями в обучении, не освоивших орфографию
 Источник: исследование О.А. Величенковой.

Fig. 4. Percentage of 2–4 grade school children with learning disabilities who failed to master spelling
 Source: compiled by Olga A. Velichenkova.

Анализ коморбидности расстройств овладения разными разделами русского языка, а также корреляция количества орфографических и дисграфических ошибок представлены на рис. 5. У 12 % школьников навык письма соответствовал программным требованиям. 7 % детей имели незначительные трудности в овладении письмом и не допускали более 5 ошибок какого-либо одного типа, однако по совокупности в диктante ошибок было более 5. У 14 % наблюдалась дисграфия, у 29 % — дизорфография, у 38 % детей — сочетание этих расстройств. Можно констатировать, что освоение графики и орфографии связано самым тесным образом. Чаще всего проблемы с этими разделами программы по русскому языку сочетаются, реже наблюдается дизорфография, еще реже — только дисграфия. Корреляция дисграфических и орфографических ошибок в данной выборке школьников значима (Spearman's rho **0,239**, $p=0,020$).

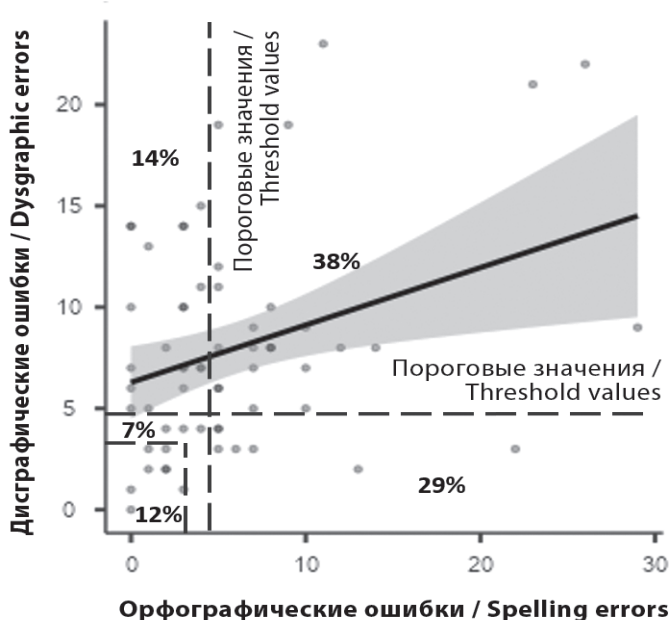

Рис. 5. Корреляция дисграфических и орфографических ошибок у учеников 2–4 класса с трудностями в обучении, % школьников с преобладанием ошибок определенного типа
 Источник: исследование О.А. Величенковой.

Fig. 5. Correlation of dysgraphia and spelling mistakes in 2–4 grade school children with learning disabilities, % with prevailing mistakes of a certain kind.
 Source: compiled by Olga A. Velichenkova.

Рассмотрим результаты исследования чтения учащихся. В данном случае мы анализировали технические параметры чтения (скорость и корректность). Они представлены в таблице 2.

Таблице 2 / Table 2

Технические параметры чтения у учеников 2–4 класса с трудностями в обучении
Technical aspects of reading of 2–4 grade school children with learning disabilities

Класс / Grade	Скорость чтения / Reading speed				Количество ошибок / Number of errors			
	m	SD	min	max	m	SD	min	max
2	41,2	17,0	15	80	6,09	3,85	0	20
3	52,9	17,8	20	100	5,87	3,80	0	15
4	71,8	21,8	16	104	4,56	3,88	0	20
Вся выборка / All sample	55,5	22,8	15	104	5,50	3,86	0	20
Все мальчики / All boys	54,4	21,4	15	97	4,65	3,23	0	15
Все девочки / All girls	56,9	24,6	20	104	6,51	4,32	0	20

Источник: исследования О.В. Величенковой / Source: compiled by Olga A. Velichenkova.

Скорость чтения увеличивается с возрастом, различия между всеми классами достигают высокого уровня статистической значимости ($p < 0.001$), кроме 2 и 3 класса — здесь различия не столь значимы ($p = 0,012$). Количество ошибок существенно не меняется от класса к классу. И в целом их немного (показатель дан для всего текста из 228 слов). Не приводя качественного анализа ошибок, отметим только, что наиболее типичными ошибками в чтении являлись угадывания.

На рис. 6 представлены данные о доле учеников каждого класса, не достигших пороговых для нормы значений по скорости чтения. За пороги были приняты усредненные данные по результатам безвыборочных исследований разных авторов [2; 3]. В данном случае опираться на программные требования по скорости чтения сложно, т.к. они не являются диагностически значимыми, а представляют собой скорее нормативы. Кроме того, они публиковались достаточно давно, в период, когда наличие читательского стажа до начала школьного обучения не было типичным явлением.

Видно, что если сравнивать с пороговыми значениями в целом по популяции, то проблемы с беглостью чтения постепенно становятся менее частотными в данной группе школьников. Заметим также, что основной «рывок» средней скорости чтения отмечается при переходе от 3 к 4 классу. Общее отставание по беглости чтения от среднепопуляционных показателей в нашей выборке можно оценить приблизительно в год. Сравним с данными М.Н. Русецкой [3]: средняя скорость чтения в 1 классе — 45 слов в минуту, во 2 классе — 67 сл./мин., в 3 классе — 87 сл./мин., в 4 классе — 101 сл./мин. Это отставание сохраняется и к концу начального обучения.

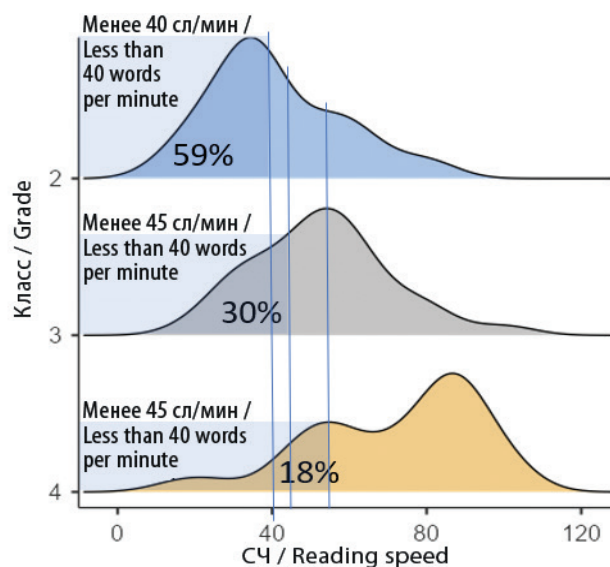

Рис. 6. Доля учеников 2–4 класса с трудностями в обучении, показывающих низкую скорость чтения
 Источник: исследование О.А. Величенковой.

Fig. 6. Percentage of 2–4 grade school children with learning disabilities and low reading fluency
 Source: compiled by Olga A. Velichenkova.

Коморбидность расстройств чтения и письма представлена в таблице 3. Легко увидеть, что от второго к четвертому классу уменьшается число детей с сочетанными нарушениями письма и чтения и возрастает число школьников с нарушениями только письма. Изолированные же нарушения чтения — весьма редкое явление во всех возрастных группах. В целом для младших школьников более характерны нарушения письма, чем сочетанные нарушения письма и чтения. Существенных различий между мальчиками и девочками по коморбидности нарушений письма и чтения не обнаруживается.

Таблица 3 / Table 3

Сочетаемость расстройств развития школьных навыков у детей
A combination of developmental disorders of school skills in children

Класс / Grade	Нарушение письма и чтения / Impaired writing and reading	Нарушение письма / Impaired writing	Нарушение чтения / Impaired reading	Нет нарушений школьных навыков / No impairment of school skills
2	59%	31%	0	9%
3	23%	60%	7%	10%
4	18%	73%	0	9%
Вся выборка / All sample	35%	53%	2%	9%
Все мальчики / All boys	41%	53%	0	6%
Все девочки / All girls	30%	50%	5%	14%

Источник: исследования О.В. Величенковой / Source: compiled by Olga A. Velichenkova.

Перейдем к сопоставлению результатов выполнения школьниками фонологических проб с показателями письма и чтения: среднее количество ошибок в задании на повторение серии слогов и псевдослов по классам и по выборке в целом (табл. 4). Значимых различий по полу и возрасту нет.

Таблица 4 / Table 4

Количество ошибок в фонологических пробах у школьников с трудностями в обучении
The number of mistakes in phonological screening tests in school children with learning disabilities

Класс / Grade	Серии слогов / Series of syllables				Псевдослова / Pseudo-words			
	m	SD	min	max	m	SD	min	max
2	2,97	2,18	0	9	2,09	1,49	0	6
3	3,10	2,63	0	10	2,43	1,94	0	6
4	3,21	2,57	0	9	1,58	1,47	0	7
Вся выборка / All sample	3,12	2,44	0	10	2,02	1,76	0	7
Все мальчики / All boys	3,40	2,51	0	10	2,13	1,70	0	6
Все девочки / All girls	2,77	2,33	0	8	1,88	1,83	0	7

Источник: исследования О.В. Величенковой / Source: compiled by Olga A. Velichenkova.

Коэффициенты корреляции фонологических проб с количеством ошибок двух типов и скоростью и корректностью чтения — в таблице 5.

Таблица 5 / Table 5

Связь результатов выполнения фонологических проб с письмом и чтением у детей с трудностями в обучении
The correlation of phonological tests results with writing and reading results in children with learning disabilities

Spearman's rho, p-value	Слоги / Syllables	Псевдослова / Pseudowords	Дисграфические ошибки / Dysgraphic errors	Орфографические ошибки / Spelling errors	Скорость чтения / Reading speed
Псевдослова / Pseudowords	0,468***, p<.001				
Дисграфические ошибки / Dysgraphic errors	0,412***, p<.001	0,266*, p=0.009			
Орфографические ошибки / Spelling errors	0,238*, p=0.020	0,103, p=0.318	0,239*, p=0.020		
Скорость чтения / Reading speed	-0,217*, p=0.035	-0,309**, p=0.002	-0,366**, p<.001	0,035, p=0.738	
Ошибки чтения / Reading errors	0,245*, p=0.017	0,276**, p=0.007	0,259*, p=0.012	-0,038, p=0.713	-0,551***, p<.001

Источник: исследования О.В. Величенковой / Source: compiled by Olga A. Velichenkova.

Полученные данные показывают, что между техническими параметрами чтения, уровнем овладения графикой и успешностью выполнения фонологических проб есть тесная связь, орфографические же ошибки слабо коррелируют лишь с повторением серий слогов, пробой, которая зависит не только от фонологической обработки, но и от состояния функций программирования движений и действий. Обратим также внимание на наличие корреляций между чтением и дисграфическими ошибками и отсутствие таковых между чтением и орфографическими ошибками.

Обсуждение результатов построим в логике задач исследования.

1. Анализ диктантов показал, что нарушения письма обнаруживаются у большинства школьников (от 83 до 91 % в разных классах), родители которых жалуются на трудности в обучении. В целом не более 7 % детей показывают достаточный уровень освоения программы по русскому языку. У девочек выраженность трудностей в овладении графикой несколько меньше, чем у мальчиков.

Хотя исследование возрастной динамики ошибок в письме проводилось срезным методом, можно отметить наличие определенной тенденции к уменьшению количества дисграфических и значимое увеличение количества орфографических ошибок от 2 к 4 классу. Вероятно, это связано с постепенным закреплением относительно простого материала в области графики. На начальном этапе дети постоянно проводят звуковой анализ, подкрепляют звуковую работу списыванием слов, и таким образом фонемно-графемные связи все же формируются, хотя и несколько дольше ожидаемого программой срока. А вот правописание требует актуализации более сложных языковых процессов, связанных не только с фонологической обработкой, но и с развитием лексических и грамматических компетенций, с высоким уровнем языковой рефлексии. Теоретический и практический материал по правописанию постоянно усложняется, и основная симптоматика нарушений письма смещается в плоскость дизорфографии.

Именно генетической общностью и в то же время разной сложностью языковых процессов, обеспечивающих усвоение русской графики и орфографии, можно объяснить факт высокой коморбидности и асимметричности расстройств: изолированно дисграфия обнаруживается крайне редко — не более 14 % выборки, чаще она сочетается с дизорфографией (38 % детей) или наблюдается только дизорфография (29 %).

Возрастная динамика технических параметров чтения у обследованных школьников весьма отчетливая. Достаточно быстро уменьшается количество детей, имеющих нарушения чтения: с 59 % во 2 классе до 18 % в 4 классе. Скорость чтения является наиболее удобным способом оценки его техники, на ошибки в диагностике опираться гораздо сложнее: их немного, и количество достаточно стабильно при малой качественной вариативности.

2. Анализ сочетаемости нарушений технических параметров чтения и письма у учеников данной выборки показал наличие асимметрии расстройств этих навыков для русского языка. Нарушения письма без нарушений чтения встречаются более чем в половине случаев. Больше трети детей имеют сочетанные нарушения чтения и письма. Лишь 2 % выборки показывают только расстройства чтения. О том, что кодирование звучащей речи в русском сложнее декодирования, имеются указания в литературе [5], однако в этом исследовании асимметрия показана весьма отчетливо. Гендерные различия отсутствуют.

Обратим внимание также на то, что ученики второго класса отличаются по коморбидности нарушений письма и чтения от других возрастных групп. Они пока не справляются и с чтением, не только с письмом. К 3 классу картина меняется, и преобладающими становятся изолированные нарушения письма.

3. Что касается фонологических проб, то их сопоставление с результатами безвыборочного исследования еще предстоит сделать, однако видно, что от возраста и пола успешность их выполнения у учеников с трудностями в обучении мало зависит. Нельзя сказать, что описанные пробы позволяют увидеть улучшение фонологических навыков. Однако связь их результатов с учебными достижениями есть.

4. Сопоставим связь фонологической обработки с количеством ошибок в письме и техническими параметрами чтения. Важно, что орфографические ошибки слабо коррелируют с успешностью выполнения фонологических проб или вообще не зависят от нее. С другой стороны, с повторением серии слогов и псевдослов более тесно связаны результаты освоения графики и техника чтения. Это вполне логично, т.к. фонологическая обработка (распознавание фонем, звуковой анализ, фонологическая рабочая память) — основа формирования базовых операций кодирования и декодирования звучащей речи. Фонетическое письмо и собственно чтение в русском языке проще письма по правилу, требующего, помимо принятия фонемных решений, еще лексических, морфологических, морфемных компетенций. Механизм нарушения применения правила может быть совсем не связан с фонемным различием. Создается ощущение некой противопоставленности: с одной стороны, тесная связь между графикой, техникой чтения и фонологической обработкой, с другой стороны — овладение орфографией. При этом нельзя сказать, что улучшение фонологической обработки — причина преодоления трудностей в чтении и освоении графики, т.к. дети не начинают лучше повторять слоги и псевдослова. Скорее можно предполагать наличие каких-то компенсаторных стратегий, которыми они начинают пользоваться. Эти когнитивные стратегии позволяют опираться не на фонологическую обработку, а на что-то другое. Для письма по правилу, по всей видимости, школьники еще не успевают выработать такие стратегии к 4 классу.

Выводы

Более ожидаемыми и стойкими трудностями в обучении у младших школьников являются проблемы в освоении письма: их демонстрируют от 83 до 91 % обследованных детей. Нарушения технической стороны чтения обнаруживаются реже и быстрее преодолеваются: к 4 классу они сохраняются лишь у 18 % выборки. Этот результат подтверждает имеющиеся в литературе указания на асимметричность процессов фонемного кодирования и декодирования в русском языке: писать по-русски тяжелее, чем читать. Кроме того, он объясняет большее внимание российских исследователей и практиков к дисграфии, чем к дислексии.

Сопоставление характера трудностей в письме показывает, что чаще наблюдается либо сочетание проблем с графикой и орфографией, либо только нарушение правописания. Изолированные трудности усвоения графики — явление редкое, требующее отдельного изучения. При этом нельзя сказать, что к 4 классу есть улучшение навыков однозначного фонемно-графемного кодирования, динамика весьма незначительная. А вот количество орфографических возрастет резко. Дети, не успев освоить графику, испытывают нарастающие сложности с письмом по правилу. Это требует определенных выводов относительно содержания коррекционных программ. Они должны направляться на пропедевтику орфографического навыка на самых ранних этапах. Дизорфография — основная проблема детей, обучающихся писать по-русски. Без комплексной (лингвистической, логопедической, психологической) поддержки она не может быть преодолена.

Анализ коморбидности нарушений письма и чтения позволяет увидеть, что самыми редкими являются изолированные нарушения чтения (не более 2 % детей с трудностями в обучении). Изолированные нарушения письма встречаются гораздо чаще, еще более частыми являются сочетанные нарушения письма и чтения. Однако возрастные отличия здесь существенные. В целом во 2 классе детям трудно и читать, и писать, в 4 классе — только писать.

Изучение связи между состоянием фонологических навыков и письмом и чтением детей с трудностями в обучении показывает наличие значимой корреляции между техническими параметрами чтения, уровнем овладения графикой и результатами фонологических проб. Данный результат говорит в пользу фонологической модели патогенеза дислексии и дисграфии. Однако он не подтверждает эту модель для дизорфографии. По полученным данным, орфографические ошибки не зависят от состояния фонемной обработки или зависят весьма слабо. Видимо, для того чтобы научиться писать по правилу, более ценны другие языковые (или познавательные) компетенции. Для русского языка более перспективной может быть концепция языкового дефицита, учитывающего

закономерную связь и в то же время гетерохронию формирования различных компонентов языковой системы. С практической точки зрения работу над развитием фонологических навыков нельзя считать условием профилактики дизорфографии, т.е. коррекция дисграфии, основной упор в которой закономерно делается на развитии звукового анализа и фонемного распознавания, вряд ли может рассматриваться как профилактика дизорфографии.

Библиографический список

1. Токарева О.А. Расстройства письма у разных групп аномальных детей и принципы в работе по их устранению // Патология речи: Ученые записки МГПИ им. В.И. Ленина. Т. 406. М.: МГПИ, 1971. С. 63–98.
2. Корнев А.Н. Нарушения чтения и письма у детей. СПб.: Речь, 2003 (ГПП Печ. Двор).
3. Русецкая М.Н. Нарушения чтения у младших школьников: анализ речевых и зрительных причин: монография. СПб.: Каро, 2007.
4. Лалаева Р.И. Нарушения чтения и пути их коррекции у младших школьников: учебное пособие. СПб.: КАРО, 2019.
5. Григоренко Е.Л., Эллиотт Дж.Дж. Чтение о чтении. Воронеж: Аист, 2012.
6. Цейтлин С.Н., Богомазов Г.М. Возрастная фонология (двухуровневая фонологическая система и ее роль в формировании чувства языка и грамотности учащихся 1–6 классов) // Вопросы языкознания. 2006. № 5. С. 146–148.
7. Левина Р.Е., Правдина О.В. О борьбе с неуспеваемостью детей алексиков и аграфиков // Советская педагогика. 1939. № 2. С. 89–95.
8. Левина Р.Е. Нарушения речи и письма у детей: Избранные труды / Ред. сост. Г.В. Чиркина, П.Б. Шошин. М.: АРКТИ, 2005.
9. Комарова В.В., Милостивенко Л.Г., Сумченко Г.М. Соотношение дисграфических и дизорфографических ошибок у младших школьников с нарушениями речи // Патология речи. СПб.: Образование, 1992. pp. 98–102.
10. Прищепова И.В. Система логопедического воздействия по предупреждению и преодолению дизорфографии у обучающихся с общим недоразвитием речи: монография. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2021.
11. Азова О.И. Логопедия. Дизорфография: учебное пособие. М.: ИНФРА-М, 2021.
12. Grigorenko E.L., Compton D.L., Fuchs L.S., Wagner R.K., Willcutt E.G., Fletcher J.M. Understanding, Educating, and Supporting Children with Specific Learning Disabilities: 50 Years of Science and Practice // American Psychologist. Advance online publication. 2019. Режим доступа: <http://dx.doi.org/10.1037/amp0000452> (дата обращения: 23.01.2024).
13. Сильченкова Л.С. Теория и история отечественной методики обучения грамоте и букваристики. М.: Московский городской педагогический университет, 2017.
14. Бродель Ф. Грамматика цивилизаций; Гос. лит. музей. М.: Весь Мир, 2014.
15. Петрова М.В. «Лёгкий язык»: языковая политика инклюзивности по обеспечению безбарьерной коммуникации в Германии // Экстрабилити как феномен инклюзивной культуры: формирование инклюзивной культуры в организациях: Материалы II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Екатеринбург, 12–13 декабря 2019 года. Екатеринбург: Ажур, 2020. С. 217–222.
16. Осокина С.А. Концепция «легкого языка» и перспективы ее развития в лингвистике // Филология и человек. 2022. № 2. С. 115–133. [https://doi.org/10.14258/filichel\(2022\)2-08](https://doi.org/10.14258/filichel(2022)2-08)
17. Ахутина Т.В. Нейропсихологический анализ ошибок на письме / Нарушения письма и чтения у детей: изучение и коррекция. Научная монография. Под общ. ред. О.А. Величенковой. М., 2018. С. 76–95.

18. Дорощева С.В., Решетникова В.А., Зырянов А.С., Горанская Д.Н., Гордеева Е., Серебрякова М., Ахутина Т., Драгой О.В. Батарей тестов для выявления особенностей фонологической обработки у русскоязычных детей: данные нормы и группы детей с дислексией // В кн.: Восьмая международная конференция по когнитивной науке: тезисы докладов. М.: Институт психологии РАН, 2018. С. 331–333.
19. Величенкова О.А., Белоусова К.В., Хакимуллина Р.Р. Возрастные показатели фонологической рабочей памяти младших школьников с трудностями в обучении (по данным онлайн-диагностики) // Вестник МГПУ. Серия: Педагогика и психология. 2022. Т. 16. № 3. С. 195–214. <https://doi.org/10.25688/2076-9121.2022.16.3.11>
20. Величенкова О.А., Гусева В.Г. Выполнение слухоречевых проб школьниками с трудностями в обучении // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Т. 164. № 1–2. С. 28–40. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2022.1-2.28-40>
21. Иншакова О.Б. Мультидисциплинарный анализ становления фонематического навыка письма у младших школьников: [монография]. М.: В. Секачев, 2013.
22. Dorofeeva S., Iskra E., Goranskaya D., Gordeyeva E., Serebryakova M., Zyryanov A., Dragoy O., Akhutina T.V. Cognitive Requirements of the Phonological Tests Affect Their Ability to Discriminate Children With and Without Developmental Dyslexia // *Journal of Speech, Language, and Hearing Research*. 2022. Vol. 65. № 10. P. 3809–3826. https://doi.org/10.1044/2022_JSLHR-21-00687
23. Нейропсихологическая диагностика, обследование письма и чтения младших школьников / под ред. Т.В. Ахутиной, О.Б. Иншаковой. М.: Сфера: В. Секачев, 2008.
24. Руль (Елисеева) Н., Горобец Е., Резвина И. Повторение псевдослов русскоговорящими детьми: материалы для нейролингвистического опросника // *Филология и культура = Philology and culture*. 2018. № 2 (52). С. 121–127.
25. Gathercole S.E. Is nonword repetition a test of phonological memory or long-term knowledge? It all depends on the nonwords // *Memory & Cognition*. 1995. № 23 (1). P. 83–94. <https://doi.org/10.3758/bf03210559>
26. Eliseeva N., Marini A. Phonological working memory and inhibition control in language impaired (LI) children // *Experimental Psycholinguistics Conference*. 2017. (Menorca. June 28–30).
27. Fawcett A., Nicolson R. *The Dyslexia Screening Test: Junior (DST-J)*. San Antonio: Harcourt Assessment, 2004.
28. Dollaghan C.A., Biber M.E., Campbell T.F. Lexical influences on nonword repetition // *Applied Psycho-linguistics*. 1995. № 16 (2). P. 211–222. <https://doi.org/10.1017/S0142716400007098>
29. Estes K.G., Evans J.L., Else-Quest N.M. Differences in the nonword repetition performance of children with and without specific language impairment: A meta-analysis // *Journal of Speech, Language, and Hearing Research*. 2007. № 50 (1). P. 177–195. [https://doi.org/10.1044/1092-4388\(2007/015\)](https://doi.org/10.1044/1092-4388(2007/015))

References

1. Tokareva, O.A. (1971). Writing disorders in different groups of abnormal children and principles of therapy. In: *Pathology of speech: Scientific notes of MGPI*. Vol. 406. Moscow: MGPI. pp. 63–98. (In Russ.).
2. Kornev, A.N. (2003). *Disorders of reading and writing in children*. Saint Petersburg: Rech. (In Russ.).
3. Rusetskaya, M.N. (2007). Reading disorders in primary school students: analysis of speech and visual causes: [Monograph]. Saint Petersburg: Karo. (In Russ.).
4. Lalaeva, R.I. (2019). *Reading disorders and ways to correct them in primary school students*. Saint Petersburg: Karo. (In Russ.).
5. Grigorenko, E.L. & Elliott, J.J. (2012). *Reading about reading*. Voronezh: Stork. (In Russ.).

6. Tseitlin, S.N. & Bogomazov, G.M. (2006). Age phonology (the two-level phonological system and its role in creating linguistic feeling and literacy in pupils of 1–6 forms). *Voprosy Jazykoznanija*, 5, 146–148. (In Russ.).
7. Levina, R.E. & Pravdina, O.V. (1939). On the fight against the academic failure of children of alexics and agrafiks. *Soviet pedagogy*, 2, 89–95. (In Russ.).
8. Levina, R.E. (2005). Speech and writing disorders in children. In: *Selected works*, G.V. Chirkina, P.B. Shoshin (eds.). Moscow: ARKTI. (In Russ.).
9. Komarova, V.V., Milostivenko, L.G. & Sumchenko, G.M. (1992). The ratio of dysgraphic and dysorhographic errors in primary school students with speech disorders. In: *Pathology of speech*. Saint Petersburg: Obrazovanie. pp. 98–102. (In Russ.).
10. Prishchepova, I.V. (2021). *System of speech therapy for the prevention and overcoming of dysorhography in students with speech and language disorders*: monograph. Saint Petersburg: A.I. Herzen State Pedagogical University Publ. (In Russ.).
11. Azova, O.I. (2021). *Speech therapy. Dysorhography*. Moscow: INFRA-M. (In Russ.).
12. Grigorenko, E.L., Compton, D.L., Fuchs, L.S., Wagner, R.K., Willcutt, E.G. & Fletcher, J.M. (2019). Understanding, Educating, and Supporting Children with Specific Learning Disabilities: 50 Years of Science and Practice. *American Psychologist. Advance online publication*. URL: <http://dx.doi.org/10.1037/amp0000452> (accessed: 23.01.2024).
13. Silchenkova, L.S. (2017). *Theory and history of the national methodology of literacy and letteristics*. Moscow: Moscow City Pedagogical University Publ. (In Russ.).
14. Braudel, F. (2014). *Grammar of civilizations; State Lit. The museum*. Moscow: The Whole World. (In Russ.).
15. Petrova, M.V. (2020). “Easy language”: the language policy of inclusivity to ensure barrier-free communication in Germany. In: *Extrability as a phenomenon of inclusive culture: the formation of an inclusive culture in organizations: Proceedings of the II All-Russian Scientific and Practical Conference with International participation, Yekaterinburg, December 12–13, 2019*. Yekaterinburg: Azhur. pp. 217–222. (In Russ.).
16. Osokina, S.A. (2022). The Concept of “Easy Language” and its Perspectives in Linguistics. *Philology & Human*, 2, 115–133. [https://doi.org/10.14258/filichel\(2022\)2-08](https://doi.org/10.14258/filichel(2022)2-08) (In Russ.).
17. Akhutina, T.V. (2018). Neuropsychological analysis of errors in writing. In: *Disorders of writing and reading in children: study and overcoming. Scientific monograph*, O.A. Velichenkova (Ed.). Moscow. pp. 76–95. (In Russ.).
18. Dorofeeva, S.V., Reshetnikova, V.A., Zyryanov, A.S., Goranskaya, D.N., Gordeeva, E., Serebryakova, M., Akhutina, T. & Dragoi, O.V. (2018). Battery of tests to identify the features of phonological processing in Russian-speaking children: indicators of typically developing children and groups of children with dyslexia. In: *The Eighth International Conference on cognitive Science: Abstracts of reports*. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences Publ. pp. 331–333. (In Russ.).
19. Velichenkova, O.A., Belousova, K.V. & Khakimullina, R.R. (2022). Age-related indicators of phonological working memory of younger schoolchildren with learning difficulties (according to online diagnostics). *MCU Journal of Pedagogy and Psychology*, 16 (3), 195–214. <https://doi.org/10.25688/2076-9121.2022.16.3.11> (In Russ.).
20. Velichenkova, O.A. & Guseva, V.G. (2022). Performance in auditory and speech tests among schoolchildren with learning disabilities. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 164 (1–2), 28–40. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2022.1-2.28-40> (In Russ.).
21. Inshakova, O.B. (2013). *Multidisciplinary analysis of the development of phonemic writing skills in primary school students*: monograph. Moscow: V. Sekachev. (In Russ.).
22. Dorofeeva, S., Iskra, E., Goranskaya, D., Gordeyeva, E., Serebryakova, M., Zyryanov, A., Dragoi, O. & Akhutina, T. (2022). Cognitive Requirements of the Phonological Tests Affect Their Ability to Discriminate Children with and Without Developmental Dyslexia. *Journal of Speech, Language, and Hearing Research*, 65 (10), 3809–3826. https://doi.org/10.1044/2022_JSLHR-21-00687

23. Neuropsychological diagnostics, examination of writing and reading of younger schoolchildren (2008). T.V. Akhutina, O.B. Inshakova (eds.). Moscow: Sphere: V. Sekachev. (In Russ.).
24. Rul (Eliseeva), N., Gorobets, E. & Rezina, I. (2018). Non-word repetition by russian-speaking children: Materials for a neurolinguistic questionnaire. *Philology and culture*, 2 (52), 121–127. (In Russ.).
25. Gathercole, S.E. (1995). Is nonword repetition a test of phonological memory or long-term knowledge? It all depends on the nonwords. *Memory & Cognition*, 23 (1), 83–94. <https://doi.org/10.3758/bf03210559>
26. Eliseeva, N. & Marini, A. (2017). Phonological working memory and inhibition control in language impaired (LI) children. In: *Experimental Psycholinguistics Conference Proceedings* (Menorca, June 28–30). Menorca.
27. Fawcett, A. & Nicolson, R. (2004). *The Dyslexia Screening Test: Junior (DST-J)*. San Antonio: Harcourt Assessment.
28. Dollaghan, C.A., Biber, M.E. & Campbell, T.F. (1995). Lexical influences on nonword repetition. *Applied Psycho-linguistics*, 16 (2), 211–222. <https://doi.org/10.1017/S0142716400007098>
29. Estes, K.G., Evans, J.L. & Else-Quest, N.M. (2007). Differences in the nonword repetition performance of children with and without specific language impairment: A meta-analysis. *Journal of Speech, Language, and Hearing Research*, 50 (1), 177–195. [https://doi.org/10.1044/1092-4388\(2007\)015](https://doi.org/10.1044/1092-4388(2007)015)

Сведения об авторе:

Величенкова Ольга Александровна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры логопедии Института специального образования и психологии, Московский городской педагогический университет (4129226, Российская Федерация, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, 4); старший научный сотрудник НИЛ «Нейрокогнитивные исследования», Казанский (Приволжский) федеральный университет; (420008, Российская Федерация, г. Казань, ул. Кремлёвская, 18); *сфера научных интересов*: логопедия, специальная психология, нейропсихология, психолингвистика; *e-mail*: velichenkova@mail.ru
ORCID: 0000-0002-7366-9050; SPIN-код: 4651-5510.

Information about the author:

Olga A. Velichenkova, PhD in Pedagogy, Associate professor at the Department of speech Therapy of the Institute of Special Education and Psychology of the Moscow City Pedagogical University (2-j Sel'skohozyajstvennyj, 4, Moscow, 4129226, Russian Federation); Senior Researcher, Neurocognitive Research Laboratory, Kazan (Volga Region) Federal University; (18, Kremlevskaya St., Kazan, Russian Federation, 420008); *Research interests*: speech therapy, special psychology, neuropsychology, psycholinguistics; *e-mail*: velichenkova@mail.ru
ORCID: 0000-0002-7366-9050; SPIN-code: 4651-5510.

DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-3-1021-1039

EDN: KFYAXU

УДК 811.134.2'22'373.612.2'42:32

Научная статья / Research article

Семиотика визуальной метафоры в мексиканском электоральном дискурсе: на примере президентской избирательной кампании 2024 г.

М.В. Ларионова , С.К. Мосина

Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Российская Федерация
 [larionova.m@list.ru](mailto:larioнова.m@list.ru)

Аннотация. Актуальность исследования объясняется необходимостью рассмотреть особенности функционирования механизмов дискурсивного смыслообразования и эффективного воздействия на получателей информации с учетом новых лингвосемиотических возможностей современной политической коммуникации, которая реализуется как в реальной, так и в виртуальной цифровой среде, где возрастающую роль обретают мультимедийные технологии, позволяющие кодировать дискурсивные сообщения, используя семиотически поликодовый формат, комбинирующий вербальный способ представления информации с иконическим, цветовым, графическим, метатекстовым и иными форматами. Цель исследования — доказать, что семиотические параметры визуальной метафоры как поликодового знака, функционирующего в дискурсивной среде в рамках прагматической ситуации «Выборы», детерминируют его интерпретативно-смысловой потенциал и при взаимодействии с другими знаковыми кодами приводят к возникновению новых смыслов и интерпретаций. Материалом для изучения визуальных метафор выбраны официальные логотипы, используемые в ходе избирательной кампании 2024 г. в Мексике. Методика исследования, позволяющая обеспечить системное изучение семиотики визуальных метафор, опирается на междисциплинарную и полипарадигмальную модель дискурсологии и имплицитно интегральный подход, сочетающий общенаучные методы анализа и синтеза, сравнения и аналогии с методом социолингвистической интерпретации, семантическим, интерпретативным, лингвокогнитивным и дискурс-анализом. Установлено, что лингвосемиотическая парадигма мексиканского электорального дискурса интегрирует языковые и невербальные семиотические коды для выражения смыслов, концептуализации и категоризации действительности. С помощью различных знаковых кодов метафора-логотип конденсирует смысловое содержание и в качестве когнитивной модели, основанной на аналогии, выступает средством смыслообразования, моделирующим восприятие мира в интересах адресанта. Использование многозначных иконических знаков-образов, понятных широкой аудитории избирателей, транслирует коннотативные, идеологические и социальные смыслы. Таким образом, визуальная метафора как способ логического осмысления и вербализации реальности функционирует в качестве значимого компонента когнитивного пространства электорального дискурса.

© Ларионова М.В., Мосина С.К., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: цветосимволика, иконический знак, поликодовость, декодирование

Заявление о конфликте интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: Вклад авторов равнозначен на всех этапах исследования.

История статьи:

Дата поступления: 01.06.2024

Дата приема в печать: 15.06.2024

Для цитирования:

Ларионова М.В., Мосина С.К. Семиотика визуальной метафоры в мексиканском электро-ральном дискурсе: на примере президентской избирательной кампании 2024 г. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 3. С. 1021–1039. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-3-1021-1039>

Semiotics of Visual Metaphor in Mexican Electoral Discourse: Case-Study of the 2024 Presidential Election Campaign

Marina V. Larionova , **Sofia K. Mosina**

Moscow State Institute of International Relations (University), *Moscow, Russian Federation*

 larionova.m@list.ru

Abstract. The relevance of the study is explained by the need to consider the functioning of the mechanisms of discursive sensemaking and an impact on the recipients of information, taking into account the new linguosemiotic opportunities which modern political communication provides and which are manifested not only in the real life, but also in the virtual digital environment. The multimedia technologies are gaining an increasing role, allowing to encode discursive messages, using semiotically polycode format, combining the traditional verbal way of presenting information along with iconic, color, graphic, metatext and other formats. The aim of the study is to prove that semiotic parameters of visual metaphor as a polycode sign functioning in the discursive environment within the framework of the pragmatic situation “Elections”, determine its interpretative and semantic potential and interacting with other sign codes result in new meanings and interpretations. The materials for the study of visual metaphors are the official logos used during the 2024 election campaign in Mexico. The research methodology, which allows for a systematic study of visual metaphors semiotics, is based on the interdisciplinary and polyparadigmatic model of discourse studies and implies an integral approach that combines the general scientific methods of analysis and synthesis, comparison and analogy with the method of sociolinguistic interpretation, semantic, interpretive, linguocognitive and discourse analysis. It has been found out that the linguosemiotic paradigm of Mexican electoral discourse integrates verbal and non-verbal semiotic codes to express meanings, conceptualize and categorize reality. By using of various semiotic codes, the metaphor-logo condenses the semantic content and, as a cognitive model based on analogy, acts as a means of sensemaking, modelling the perception of the world in the interests of the addresser. The use of polysemantic iconic signs-images, understandable to a wide audience of voters, translates connotative, ideological and social meanings. Thus, a visual metaphor as a way of logical comprehension and verbalization of reality functions as a significant component of the cognitive space within electoral discourse.

Keywords: color symbolism, iconic sign, polycode, decoding

Conflicts of interest: The authors declare no conflicts of interest.

Authors' contribution: The authors contributed equally to this article.

Article history:

Received: 01.06.2024

Accepted: 15.06.2024

For citation:

Larionova, M.V. & Mosina, S.K. (2024). Semiotics of Visual Metaphor in Mexican Electoral Discourse: Case-Study of the 2024 Presidential Election Campaign. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 15(3), 1021–1039. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-3-1021-1039>

Введение

Электоральный дискурс представляет собой сложное коммуникативное пространство, обладающее собственными когнитивными и лингвосомиотическими кодами, которое объективируется в информационной среде в прагматическом контексте «Выборы», служащем для него событийной рамкой. *Структура* электорального дискурса помимо участников речевой деятельности — дискурсивных коммуникантов — адресанта и адресата, вовлеченных в избирательные процессы и предлагающих собственную систему значений и интерпретаций социальных фактов, интегрирует в качестве ключевых компонентов экстралингвистические обстоятельства — реальные события политики как социальной практики, сопровождающие коммуникативную ситуацию. *Семиотика* электорального дискурса конституируется через поликодовые знаковые системы, вербальные, иконические, графические и др., которые, концептуализируя и означивая политическую действительность, формируют функционально-смысловую семиотическую модель дискурса и выполняют задачу превентивной актуализации смыслов в политической коммуникации в интересах акторов, предлагающих собственную систему значений и интерпретаций социальных фактов. Знаковые коды выступают в роли инструмента, позволяющего обрабатывать и репрезентировать информацию, которая соотносит события, знания и речевые действия, фиксировать происходящее и транслировать интенциональность и оценочность дискурса. *Когнитивное пространство* электорального дискурса формируют социально значимые темы, концепции, идеи и понятия, которые вербализируются в дискурсивной деятельности политических акторов, участвующих в избирательных кампаниях. *Прагматика* электоральной коммуникации подчинена задаче оказания эффективного воздействия на сознание и поведение потенциальных избирателей, от убеждений и действий которых зависит электоральный успех политического кандидата.

Изучение современной электоральной коммуникации представляет интерес в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы с точки зрения семиотики и прагмалингвистики. Несмотря на значительное число исследований в российской (А.В. Демкина, М.В. Ларионова [1], Э.В. Будаев [2], М.С. Вершинин [3], Ю.В. Клюев [4], О.Л. Михалева [5], В.Е. Чернявская [6], А.П. Чудинов [7],

Е.И. Шейгал [8] и др.) и зарубежной (Т.А. ван Дейк [9], М. Фаррелли [10], К. Харт [11], П.А. Чилтон [12], Н. Фэйрклаф и И. Фэйрклаф [13] и др.) дискурсологии более широкого понятия «политический дискурс», электоральный дискурс изучен в российской и зарубежной науке в меньшей степени (исследованиями занимаются С.Ю. Павлина [14], М.В. Ларионова [15], П. Чейни [16], В.Л. Бенуа [17]). *Актуальность* научного анализа электоральной коммуникации объясняется необходимостью рассмотреть особенности функционирования явных и скрытых механизмов дискурсивного смыслообразования и эффективного воздействия на получателей информации с учетом новых лингвосемиотических возможностей современной политической коммуникации, которая реализуется не только в реальной, но и в виртуальной цифровой среде. *Научная новизна* исследования состоит в интегральном изучении семиотической и прагмакогнитивной парадигмы визуальных метафор, дискурсивная синергетика которых генерирует новые смыслы при соотнесении нескольких образов, репрезентированных иконическими знаками, и актуализирует системные свойства дискурса как инструмента концептуализации и категоризации действительности при осуществлении речевых, интеллектуальных и социальных действий.

В рамках изучения электорального дискурса в современных условиях «медиатизации политики» [18. С. 87], которая осуществляется в информационно-коммуникативном пространстве и воплощается в политическом и электоральном дискурсе, всевозрастающую роль обретают мультимедийные технологии, позволяющие кодировать дискурсивные сообщения, используя семиотически поликодовый формат, комбинирующий традиционный вербальный способ представления информации с иконическим, цветовым, метатекстовым и иными форматами. Эвристика иконических семиотических кодов, и визуальной метафоры в частности, непосредственно связана с их наглядностью, которая обуславливает синтез рационального и образного мышления [19], что наделяет иконические знаки уникальными свойствами с точки зрения лингвопрагматики и семиотики. Так, с одной стороны, визуальная метафора — иконический знак, который имплицитно свойства представляемого объекта, и соответственно, актуализирует в сознании реципиента определенные образы, рождающие смыслы и интерпретации, обеспечивающие информативную множественность при передаче и восприятии информации. С другой стороны, визуальная метафора обладает суггестивностью, под которой понимается воспринимаемое адресантом без критической оценки намеренно осуществляемое внушение, в целях установления доверия реципиента к адресанту [18. С. 53]. Суггестия, апеллирующая к эмоциональному, а не рациональному началу при обработке информации, наряду с манипуляцией, реализуется как способ дискурсивного воздействия на сознание и чувства аудитории-реципиента и является частью когнитивно-коммуникативной стратегии прагматически эффективной коммуникации [20].

Визуальные метафоры — относительно новый предмет изучения в современной лингвистике и дискуртологии. Данной теме посвящены работы Н.Л. Чулкиной, В.В. Макашовой [21], Е.М. Исаковой, Н.Ф. Крюковой [22], Л.С. Большаковой [23], О.В. Поповой [19]). Однако в отечественной и зарубежной науке отсутствуют системные исследования семиотики визуальной метафоры в контексте электорального дискурса. Статья призвана заполнить исследовательскую лауну и доказать состоятельность следующей *научной гипотезы*: семиотические параметры визуальной метафоры как поликодового знака, функционирующего в дискурсивной среде в рамках прагматической ситуации «Выборы», детерминируют его интерпретативно-смысловый потенциал и при взаимодействии с другими знаковыми кодами приводят к возникновению новых смыслов и новых интерпретаций. *Когнитивный механизм* визуальной метафоры, основанный на аналогии, позволяет адресанту конкурировать за присвоение функции смыслонаделения и транслировать те смыслы, которые необходимы для регулирования мировоззрения и социального поведения адресата. *Прагматический потенциал* визуальной метафоры объективируется как способ дискурсивного воздействия адресанта на концептуальную картину мира аудитории-реципиента путем интегрирования суггестивных и манипулятивных стратегий для привлечения на свою сторону максимально возможного числа избирателей.

Материалы и методы исследования

Материалом для изучения визуальных метафор, функционирующих в электоральном дискурсе, выбраны официальные логотипы, которые используют кандидаты на пост президента Мексики в ходе избирательной кампании 2024 г. *Методика* исследования, позволяющая обеспечить системное изучение семиотики визуальных метафор, опирается на междисциплинарную и полипарадигмальную модель дискуртологии и имплицитно интегральный подход, сочетающий общенаучные методы анализа и синтеза, сравнения и аналогии с методом социолингвистической интерпретации, а также семантическим, интерпретативным, лингвокогнитивным и дискурс-анализом, дающими возможность интерпретировать значение визуальных метафор в контексте электорального дискурса и раскрыть их когнитивный и прагматический потенциал.

Результаты исследования

Визуальные метафоры: семиотика смыслообразования

Цифровая среда как поле реализации политики в информационном обществе значительно расширила традиционный формат коммуникации и ведения политической деятельности благодаря новым технологическим возможностям для взаимодействия между властью и обществом. Неограниченный доступ к информации в интернет-среде, семиотическая

поликодовость, мультимедийность, гипертекстуальность, интерактивность создают возможность для гражданского общества напрямую участвовать в диалоге с политическими элитами и превращают дискурсивную деятельность в эффективный способ вербализации, интерпретации и трансформации действительности.

Лингвосемиотическая парадигма мексиканского электорального дискурса интегрирует языковые и невербальные семиотические коды для выражения смыслов, концептуализации и категоризации действительности. Поликодовая подача информации, наряду с текстовой, включает в себя звуковой, иконический, цветовой, графический, имиджевый контент, метатекстовые знаки, гиперссылки, паравербальные компоненты, реперзентирующие эмоции, и другие форматы. Примером служат электоральные эмблемы партий, которые функционируют как визуальная метафора, генерируя с помощью иконических кодов, превалирующих над вербальным, по мнению Н.Д. Арутюновой, «образ, приобретающий символическую (ключевую) значимость» [24. С. 22].

Различные семиотические системы, которые используются для создания электоральных логотипов/эмблем политических партий и движений, участвующих в выборах, обладают разной степенью смысловой и интерпретативной нагрузки. Их когнитивное взаимодействие с другими иконическими знаками в рамках единого дискурсивного сообщения приводит к возникновению новых значений, имплицированных многоплановостью семиотического знака, связанной с его дискурсивной семантикой и условиями коммуникации, и обеспечивает смысловую множественность при передаче и восприятии информации. Визуальная метафора, сочетающая чувственное и понятийное начала, имплицитно образность, эмотивность, оценочность, которые функционируют как синергетические категории дискурса [25. С. 71], способные порождать, передавать и репрезентировать дополнительные значения в смысловом пространстве дискурса, обеспечивая его эволюцию.

Использование визуальных кодов в электоральном дискурсе концептуально мотивировано функциональной нагрузкой и задачами, которые они выполняют в качестве обязательного элемента ведения электоральной кампании. Рассмотрим эмблемы основных политических акторов-участников президентских и парламентских выборов, состоявшихся в Мексике в июле 2024 г. и ставших самыми масштабными в стране: кроме главы государства, на выборах определялся состав федерального конгресса, избирались губернаторы девяти штатов, муниципальные депутаты, состав муниципальных администраций — в общей сложности около 20 тысяч политиков. На пост президента претендовали три основных кандидата: К. Шейнбаум от блока «МОРЕНА», С. Гальвес от блока «Сила и сердце за Мексику», А. Майнес от «Гражданского движения».

Так, эмблема блока, от которого выступает кандидат С. Гальвес, помимо текстового слогана *Fuerza y Corazón por México*, повторяющего название политического объединения, состоит из четырехцветного круга, в центр которого стилизовано вписано название страны, украшенное символом сердца (рис. 1):

Рис. 1. Логотип блока «Сила и сердце за Мексику» (*Fuerza y Corazón por México*)

Источник: Национальный институт выборов в Мексике. Режим доступа: <https://repositoriodocumental.ine.mx/xmlui/bitstream/handle/123456789/161905/CGor202312-15-rp-20-2-a2.pdf> (дата обращения: 09.07.2024).

Fig. 1. Logo of *Fuerza y Corazón por México*

Source: Mexican National institute of elections. URL: <https://repositoriodocumental.ine.mx/xmlui/bitstream/handle/123456789/161905/CGor202312-15-rp-20-2-a2.pdf> (accessed: 09.07.2024).

Эмблема электорального блока семиотически представляет собой визуальную метафору, в которой каждый ее компонент и их синтез транслируют особые смыслы и интенциональные установки, сквозь призму которых адресант концептуализирует и моделируется реальность в электоральном пространстве, стремясь привлечь как можно больше голосов избирателей. Политическая *метафора «круга»* репрезентирует видение электората как сообщества единомышленников, сопричастных к идеям, целям и действиям политического актора. Выбор *цветовой гаммы* коннотативно передает символичные смыслы, имплицитующие национальные культурные коды, которые понятны избирателям: красный цвет означает в мексиканской геральдике храбрость, синий — величие, желтый — справедливость, пурпурный — достоинство¹. Цветосимволика в эмблеме блока содержит посыл «смело выступаем за справедливость и достоинство великой страны». Идея имплицитна и может быть декодирована в такой формулировке не всеми избирателями. Тем не менее, выбранные цветообозначения актуализируют необходимые ассоциации в сознании реципиента, позволяя достичь коммуникативной задачи адресанта по крайней мере частично.

Кандидат на пост президента Мексики — А. Майнес, представляющий партию *Movimiento ciudadano* ‘Гражданское движение’, строит электоральную кампанию, используя оранжевый цвет — официальный цвет партии, который семиотически представлен не только визуально, но и вербально,

¹ Геральдическая энциклопедия «Флагшток». Режим доступа: <https://f-gl.ru/> (дата обращения: 09.07.2024).

в слогане *La naranja es vida* ‘Оранжевый (досл. апельсин) — это жизнь’. Так, на официальном сайте «Гражданского движения» (рис. 2) содержится объяснение выбора данного цвета как символа партии: оранжевый — цвет будущего, свежести, нового². Согласно исследованиям [26], семантически оранжевый цвет ассоциируется с современными и молодыми партиями, что отражает реальную ситуацию в Мексике: А. Майнес — самый молодой из кандидатов, ему 38 лет (обеим его соперницам 61 год), он единственный в истории кандидат на пост президента Мексики, не достигший сорокалетнего возраста³:

Рис. 2. Логотип «Гражданского движения»

Источник: Официальный сайт Movimiento Ciudadano. Режим доступа: <https://movimientociudadano.mx/editoriales/la-naranja-es-vida> (дата обращения: 13.08.2024).

Fig. 2. Logo of Movimiento Ciudadano

Source: Movimiento Ciudadano official website. URL: <https://movimientociudadano.mx/editoriales/la-naranja-es-vida> (accessed: 13.08.2024).

В испанском языке название цвета «оранжевый/апельсиновый» образовано от существительного «апельсин»: *naranja* — *color de naranja* — *color naranja*. Лексема *naranja* ‘апельсин’ семиотически и синтаксически, через артикль женского рода, имплицирована в семантический контекст логотипа партии, и, обладая богатым смысловорождающим потенциалом, метафорически, через символные ассоциации с фруктом правильной круглой формы, транслирует идею единения, общности, защищенности, заботы, прагматически востребованную в электоральном дискурсе.

Клаудия Шейнбаум, кандидат на пост президента, представляющая альянс *Sigamos Haciendo Historia* ‘Давайте продолжать делать историю’, — и одержавшая победу в 2024 г, выбрала в качестве электоральной эмблемы (рис. 3) для своей кампании собственный контурный портрет в профиль, выполненный *color guinda* ‘в вишнёвом цвете’ — цвете правящей партии *Movimiento de Regeneración Nacional (MORENA)* ‘Движение национального возрождения’, сокращенно MORENA, которую она представляет. Эмблему сопровождает хештег *#EsClaudia* ‘#ЭтоКлаудия’.

² Movimiento Ciudadano. Режим доступа: <https://movimientociudadano.mx/editoriales/la-naranja-es-vida> (дата обращения: 09.07.2024).

³ Castillo Jiménez E. Jorge Álvarez Máynez: “No quiero ser el Samuel García dos”. *El País*, 14.01.2024. Режим доступа: <https://elpais.com/mexico/2024-01-14/jorge-alvarez-maynez-no-quiero-ser-el-samuel-garcia-dos.html>. (дата обращения: 09.07.2024).

Рис. 3. Эмблема Клаудии Шейнбаум на президентских выборах 2024 г.
Источник: Ensinaloa. Режим доступа: <https://ensinaloa.mx/local/apoyan-sheinbaum-sinaloa-coleccion-de-ilustraciones/> (дата обращения: 09.08.2024).

Fig. 3. Claudia Sheinbaum's logo at the presidential elections in 2024
Source: Ensinaloa. URL: <https://ensinaloa.mx/local/apoyan-sheinbaum-sinaloa-coleccion-de-ilustraciones/> (accessed: 09.08.2024).

Сокращенное название правящей партии *MORENA* (лексема *moreno/a* означает 'смуглый, темноволосый') в мексиканском национально-культурном пространстве имплицитно имеет сильную метафорическую связь с нерукотворным образом *La Virgen de Guadalupe* 'Богородицы Гваделупской', святой покровительницы Мексики и наиболее почитаемой святыней во всей Латинской Америке, где Пресвятая Дева изображена смуглой. Образ Богородицы Гваделупской, вербализированный в мексиканском дискурсе как *La Morenita* 'Смугляночка', стал национальным символом и наряду с глубокими цивилизационными и религиозными смыслами имплицитно несет социальные и политические коннотативные значения, ассоциированные с концептами *ВЕРА, НЕЗАВИСИМОСТЬ, СВОБОДА, РОДИНА*⁴. Выбранный вишневый цвет представляет собой вариацию красного, являющегося одним из цветов национального флага, что, по мнению мексиканских политиков, метафорически ассоциирует в сознании граждан партию *MORENA* и страну как единое целое.

Еще одним семиотическим приемом создания визуальной метафоры является использование иконических изображений, репрезентирующих тот или иной референт. Они различаются по степени семиотической достоверности: реалистическое изображение объекта наиболее точно передает иконка-образ, выполняющая, благодаря физическому сходству с референтом, номинативную функцию. В этом случае форма как информация о денотате берет на себя роль значения. *Иконка-схема*, дающая более обобщенное представление о денотате, и *иконка-символ*, визуально наиболее абстрактная, реализуют когнитивную функцию, передавая дополнительные конвенциональные смыслы, которые имплицитно толкуются при интерпретации репрезентируемых объектов.

⁴Hernández Torres T.A. Virgen de Guadalupe: ¿de dónde nace el nombre de la 'Morenita' de México? El Tiempo. Режим доступа: <https://www.eltiempo.com/cultura/gente/virgen-de-guadalupe-donde-nace-el-nombre-de-la-morenita-de-mexico-835364> (дата обращения: 07.08.2024).

Семантическая нагрузка иконических знаков в электоральной дискурсивной среде актуализируются благодаря поддерживающему сообщению прагматическому контексту.

Так, А. Майнес, кандидат от Гражданского движения, в своей избирательной кампании использует сразу несколько иконических символов для создания электоральной эмблемы как визуальной метафоры (рис. 4):

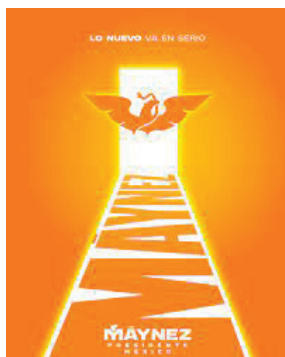

Рис. 4. Эмблема Альвареса Майнеса на президентских выборах 2024 г.

Источник: Официальный сайт Movimiento Ciudadano. Режим доступа: <https://movimientociudadano.mx/integrantes/jorge-alvarez-maynez> (дата обращения: 09.07.2024).

Fig. 4. Logo of Alvarez Maynez at the 2024 presidential elections

Source: Movimiento Ciudadano official website. URL: <https://movimientociudadano.mx/integrantes/jorge-alvarez-maynez> (accessed: 09.07.2024).

Дорога, ведущая в озаренное светом будущее, выложена буквами фамилии кандидата *Máynez*, ее венчает изображение орла, метафоры сопровождаются слоганом *Lo nuevo va en serio* ‘Новое действительно приходит’, графически представленного разными типографическими шрифтами, где семантически главное слово *Lo nuevo* ‘новое’ выделено жирным начертанием. Визуальная метафора рождает в сознании реципиента яркий образ: Майнес приведет страну к позитивным переменам, Майнес — свет в конце тоннеля. Дорога, движение вперед, свет — эти образы коннотативно ассоциированы с положительными признаками и призваны способствовать аттракции кандидата. Глубокую метафорическую нагрузку в мексиканском национально-культурном пространстве несет символ орла: орел изображен на флаге и гербе страны, это священная птица, которая с доиспанских времен была частью автохтонной мифологии Мексики и имеет глубокое культурное значение для всех ее граждан. Использование национального символа страны как логотипа Гражданского движения и его электоральной эмблемы является удачным дискурсивным приемом, так как орел в мексиканском культурном коде олицетворяет солнце, свет, стойкость, превосходство над другими, свободу, силу, храбрость, транслируя эти символичные смыслы широкой

аудитории избирателей для того, чтобы гарантировать поддержку своего кандидата. Изображение орла, пожирающего змею, символизирует в мексиканской мифологии победу солнца над его врагами, позволяя передать смысл, который не нуждается в вербальной репрезентации и оказывает сильный воздействующий эффект.

В электоральную эмблему блока *Fuerza y Corazón por México* 'Сила и сердце за Мексику' (Рис. 1) интегрированы пиктограммы «сердечко» и «крестик», образы которых обладают значительной культурно-семантической емкостью, мультиплицируя несколько скрытых смыслов. Встроенная иконка сердечка эмпатийно транслирует идею любви, которая конвенционально сопряжена с этой пиктограммой, и дискурсивно сокращает дистанцию между политиками и электоратом. Иконическое изображения крестика, интерпретируемое как испанская буква X, содержится в названии страны *México*, а также отсылает к первой букве имени кандидата на пост президента страны от блока Сила и сердце за Мексику — Сочитль Гальвес (в испанском языке имя «*Sochitl*» пишется через букву «X» — *Xochitl*), метафорически объединяя концепты *México* — *Xochitl* 'Мексика — Сочитль'. Дополнительная метафорическая коннотация символа «крестик» в электоральном дискурсе когнитивно ассоциируется с крестиком как символом-отметкой в поддержку кандидата в избирательном бюллетене.

Слоганом избирательной кампании кандидата Сочитль Гальвес стал девиз *Mexico sin miedo* 'Мексика без страха'. Иконка «крестик» как невербальная метафора в электоральном экстралингвистическом контексте также служит наглядной иллюстрацией вычеркивания страха из жизни мексиканцев. Таким образом, выбор многозначного символа для электоральной кампании, который включает в себя совокупность разнообразных заложенных в нем смыслов, создает возможность транслировать добавочные значения, которые не выражены вербально, но интегрированы в концептуальное пространство партийного дискурса.

Таким образом, в условиях жесткой конкуренции между акторами за дискурсивное и политическое доминирование использование в электоральном дискурсе визуальных метафор как семиотически поликодовых сообщений актуализирует когнитивные механизмы, создающие особую систему кодирования и интерпретации информации. Семиотическая полифония смыслов, множественность символьных ассоциаций цветовых и иконических образов, передающих дополнительные конвенциональные смыслы, невыраженные вербально и имплицированные толкованием репрезентируемых объектов, способствуют формированию общественного мнения и поведения электоральной аудитории в соответствии с интенциональной установкой адресанта, стремящегося получить политическую власть.

Визуальные метафоры: прагматика дискурсивного воздействия

Дискурсивная роль визуальных метафор, конфигурирующих смысловое пространство электорального дискурса, состоит в том, чтобы задавать прагматический вектор интерпретации сообщения, выполняя тем самым воздействующую функцию. При кодировании информации адресантом и ее декодировании адресатом с помощью визуальных метафор, включающих в себя различные иконические коды (цветовой, графический, пиктограммы-символы, фотоизображения и др.), используется когнитивный механизм узнавания иконического изображения и обозначаемого им референта благодаря пресуппозициям и знаниям о его отличительных свойствах, а также метод интерпретации, направленный на выявление понятийного содержания, метафорических и символических смыслов, которые транслируют иконические образы.

С. Холл, представитель Бирмингемской школы дискурс-анализа, утверждает, что знание о мире носит дискурсивный характер, так как информация о реальности всегда семиотически опосредована вербальными и иными, невербальными знаковыми системами, ее транслирующими. Это приводит к проблеме асимметрии при кодировании/декодировании сообщения. Адресант, трансформирующий события в дискурс, неизбежно искажает информацию, создавая субъективную реальность, отвечающую его интересам, а второй раз информация деформируется адресатом, который интерпретирует смысловое многообразие на основе собственных смысловых кодов, часто не совпадающих с кодами адресанта.

Субъективность и интенциональность адресанта дискурсивного сообщения-метафоры, преследующего собственные коммуникативные цели и задачи, и субъективность адресата-интерпретатора при «расшифровке» визуальной метафоры могут приводить к герменевтическому смысловому соответствию, то есть к адекватности понимания заложенных смыслов, или же, наоборот, к коммуникативной «осечке» (*misfire*, термин Дж. Остина [27. С. 27]), снижающей эффективность дискурса, препятствующей достижению интенций адресанта или наносящий существенный вред выбранной им дискурсивной электоральной стратегии.

Примером дискурсивной эффективности и герменевтической гармонии выступают визуальные метафоры кандидата К. Шейнбаум, которая выстраивает электоральный дискурс, апеллируя к теме феминизма, намеренно подчеркивая факт того, что является женщиной-кандидатом на пост президента впервые в истории страны. Электоральная метафора женщины создает образ, ассоциируемый с Родиной, семьей, любовью, заботой. Серия визуальных эмблем-метафор, предложенных командой К. Шейнбаум, актуализирует в сознании аудитории-реципиента именно эти положительные концепты (рис. 5):

Рис. 5. Эмблема К. Шейнбаум применительно к муниципалитетам Мексики (слева направо: Бадирагуато, Росарио, Сальвадор Альвараво)

Источник: Ensinaloa. Режим доступа: <https://ensinaloa.mx/local/apoyan-sheinbaum-sinaloa-coleccion-de-ilustraciones/> (дата обращения: 09.08.2024).

Fig. 5. C. Sheinbaum's logo regarding Mexico's municipalities (from left to right: Badiraguato, Rosario, Salvador Alvarado)

Source: Ensinaloa. URL: <https://ensinaloa.mx/local/apoyan-sheinbaum-sinaloa-coleccion-de-ilustraciones/> (accessed: 09.08.2024).

Электоральный логотип, рассчитанный на общенациональную политическую кампанию, хотя и не воспроизводит портретного сходства с кандидатом, обладает эффектом узнаваемости и закрепляет образ кандидата, которая известна электорату своей неизменной прической. Логотип-метафора сохраняет общую когнитивную и изобразительную стилистику, но трансформируется, благодаря интегрированию в контурах профиля кандидата фотоизображения знаковой достопримечательности какого-либо мексиканского штата/муниципалитета, вербального дублирования его названия на эмблеме и изменению цвета фона. На логотипе сохраняется хештег *#EsClaudia* ‘#ЭтоКлаудия’, и реципиент легко считывает заложенную дискурсивную информацию: «Штат/муниципалитет (название) — это Клаудия». Подобную визуальную метафору можно трактовать как синекдоху, когда кандидат, по замыслу политтехнологов команды Шейнбаум, когнитивно ассоциируется с целым регионом и метафорически со всей страной. Взаимодействие вербального и невербальных семиотических кодов расширяет репрезентативные возможности каждого из них и актуализирует синергетику дискурса: общее содержание поликодового дискурсивного сообщения всегда выходит за семантические рамки простой совокупности смыслов составляющих его компонентов.

Удачный образ-метафора эмпатийно позволил К. Шейнбаум найти точки соприкосновения с широкой аудиторией электората, так как любой избиратель ассоциативно соотносит себя со своей Родиной. Выбранная кандидатом К. Шейнбаум визуальная метафора способствовала привлечению максимально возможного числа сторонников и привела ее электоральной победе 2 июля 2024 г. Примечательно, что на следующий день после проведения выборов, когда были оглашены предварительные результаты, Эво Моралес, бывший президент Боливии, прокомментировал победу мексиканки Клаудии

Шейнбаум словами *Claudia es America Latina* ‘Клаудия — это Латинская Америка’⁵. Подобный прием генерализации на основе метафоры в политическом нарративе используется для создания атмосферы сопричастности, для акцентирования латиноамериканского цивилизационного единства и для демонстрации поддержки между властью и обществом.

Манифестацией идеи С. Холла, который отмечает, что результат декодирования дискурсивного сообщения может существенно отличаться от того, как оно было закодировано [28. С. 55], служит тактика кандидата С. Гальвес, неудачно использовавшей жест в виде скрещенных пальцев в ходе публичных выступлений, а также на баннерах и фотоизображениях с символикой своего политического блока (рис. 6):

Рис. 6. Сочитль Гальвес и ее жест в виде скрещенных пальцев

Источник: Национальный институт выборов Мексики. Режим доступа: <https://centralelectoral.ine.mx/debates-2024/xochitl-galvez/> (дата обращения: 13.08.2024).

Fig. 6. Xochitl Gálvez and her gesture of crossed fingers

Source: Mexican National institute of elections. URL: <https://centralelectoral.ine.mx/debates-2024/xochitl-galvez/> (accessed: 13.08.2024).

Жестикуляция в электоральном дискурсе является инструментом дополнительного суггестивного воздействия на реципиента. Жест «скрещённые пальцы» акцентирует внимание на символе «крест, крестик», который, как мы отмечаем выше, интегрирован в электоральную дискурсивную кампанию кандидата С. Гальвес как отсылка к первой букве ее имени, как ассоциативная связь с необходимой отметкой на бюллетене, а также с совокупностью основных метафорических символических смыслов, присутствующих в культурном коде мексиканцев⁶. Однако метафорические

⁵ Paredes A., Uribe U. Elecciones México 2024: En vivo la contienda presidencial entre Claudia Sheinbaum, Xóchitl Gálvez y Álvarez Máynez. El Universal, 02.06.2024. Режим доступа: <https://www.eluniversal.com.mx/elecciones/elecciones-mexico-2024-en-vivo-la-contienda-presidencial-entre-claudia-sheinbaum-xochitl-galvez-y-alvarez-maynez/> (дата обращения: 09.07.2024).

⁶ Verificación: Además de Xóchitl Gálvez al cruzar los dedos simboliza la letra X, dice su campana. Reuters, 06.03.2024. Режим доступа: <https://www.reuters.com/fact-check/espanol/QJKPYENS2FM65GCMOGSGH2CBHU-2024-03-06/> (дата обращения: 09.07.2024).

значения концепта *КРЕСТ* допускают и прагматически менее адекватные для электорального контекста трактовки: перепутье, на котором находится страна, переломный момент в ее истории и пр. Политтехнологи также не учли, что у некоторых избирателей подобный жест вызвал негативную ассоциацию с Бафометом, скрещенные пальцы и ноги которого — символика сатанизма. Безусловно, подобная интерпретация у мексиканцев, 77,8 % которых католики⁷, деструктивно сказалась на формировании образа кандидата, несмотря на опровержения данной теории, последовавшие от команды С. Гальвес. Последствия некорректной трактовки визуального семиотического кода как части общей дискурсивной семантики сообщения повлекли за собой политически негативные прагматические действия: часть электората отказалась голосовать за кандидата С. Гальвес. В этом случае наблюдается явная коммуникативная осечка, вызванная разночтениями и несоответствиями закодированного и декодированного сообщений.

Таким образом, невербальные иконические семиотические коды, участвующие в создании визуальных метафор как дискурсивных сообщений, формируют особое коммуникативно-прагматическое семантическое поле в электоральном дискурсе. Использование визуальных метафор, обладающих семантической емкостью, образностью, наглядностью, упрощающей восприятие, и запоминаемостью, может служить цели привлечения электората и созданию позитивного образа кандидата, а при нарушении алгоритмов кодирования и декодирования приводить к несовпадениям ожидаемого и действительного коммуникативного эффекта, влекущим негативные прагматические последствия.

Заключение

Медиатизация политического пространства непосредственным образом влияет на электоральный дискурс, в котором возрастает роль невербальной коммуникации, использования иконических знаков и визуальных метафор. Электоральная борьба в Мексике в 2024 г. продемонстрировала новую для национальных избирательных кампаний практику: все политические партии и движения, а также репрезентирующие их кандидаты, вели борьбу за власть, используя эмблему-логотип в качестве поликодового компонента электоральной стратегии. Семиотически электоральная эмблема, обязательный элемент, сопровождающий любое публичное выступление кандидата, представляет собой визуальную метафору. С помощью различных знаковых кодов, вербальных, иконических, цветовых, графических и др. метафора-логотип

⁷ Посольство Российской Федерации в Мексиканских Соединенных Штатах. Режим доступа: <https://mexico.mid.ru/ru/russia-mexico/meksika/kultura-meksiki/religiya> (дата обращения: 09.07.2024).

конденсирует смысловое содержание и в качестве когнитивной модели, основанной на аналогии, выступает средством смыслообразования, моделирующим восприятие мира в интересах адресанта.

Семиотика визуальной метафоры как поликодового дискурсивного знака, интегрированного в электоральную коммуникацию, раскрывает прагмакогнитивные механизмы, которые способствуют формированию суждений и поведения социальной аудитории в условиях плюрализма мнений политических акторов, жестко конкурирующих за власть. Использование многозначных иконических знаков-образов, интуитивно понятных широкой аудитории избирателей, цветосимволики, графики, нередко в сочетании с вербальным кодом, транслирует коннотативные, идеологические и социальные смыслы, адекватная интерпретация которых невозможна без учета их экстралингвистической маркированности в электоральном контексте. Визуальная метафора как способ логического осмысления и вербализации реальности функционирует в качестве значимого компонента синергетической структуры смыслового пространства электорального дискурса.

Семиотическая когезия вербальной и невербальной составляющих визуальной метафоры актуализирует механизмы функционально-смысловой семиотики электорального дискурса, порождая ассоциации и символичные коннотации, которые посредством образности, многозначности и дополнительных смыслов, содержащихся в иконическом знаке, оказывают целенаправленное суггестивное воздействие на восприятие мира адресатом и регулируют его социальное поведение в интересах адресанта. В этом заключается особая манипулятивная сила метафоры, которая определяет вектор интерпретации действительности, моделируя на основе аналогии восприятие мира в прагматическом электоральном контексте. Использование визуальных метафор делает электоральный дискурс эмотивным, что позволяет адресанту более эффективно реализовать коммуникативную задачу — привлечь на свою сторону максимально возможное число избирателей. Тем не менее, не все визуальные метафоры декодируются аудиторией-адресатом в соответствии с заложенными в них смыслами, что приводит к коммуникативным неудачам и не позволяет достичь запланированного адресантом коммуникативно-прагматического результата.

Таким образом, поликодовая визуальная метафора как часть электоральной дискурсивной стратегии способствует оптимальной реализации коммуникативных намерений адресанта и онтологически функционирует как эффективный дискурсивный способ воздействия на концептуальную картину мира избирателей, которым пользуется адресант-политик, стремящийся присвоить функцию смыслонаделения с целью формирования понятийного пространства электорального дискурса, соответствующего его политическим интересам.

Библиографический список

1. Ларионова М.В., Демкина А.В. Хештег как лингвокогнитивная единица испанского политического дискурса // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 3. С. 774–788. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-3-774-788>
2. Будаев Э.В. Критический анализ политического дискурса: основные направления современных зарубежных исследований // Политическая лингвистика. 2016. № 6(60). С. 12–17.
3. Вершинин М.С. Политическая коммуникация в информационном обществе. СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2001.
4. Ключев Ю.В. Политический дискурс в массовой коммуникации: анализ публичного политического взаимодействия. СПб.: Изд-во С.-Петерб. Ун-та, 2010.
5. Михалева О.Л. Политический дискурс: Специфика манипулятивного воздействия. М.: ЛИБРОКОМ, 2009.
6. Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия: учебное пособие. М.: Директ-Медиа, 2014.
7. Чудинов А.П. Политическая лингвистика. М.: Флинта, Наука, 2006.
8. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2004.
9. Dijk T.A. van. Discourse and manipulation. London: SAGE Publ., 2006.
10. Farrelly M. Discourse and Democracy. Critical Analysis of the Language of Government. London: Routledge, 2015.
11. Hart C. Discourse, Grammar and Ideology. Functional and Cognitive Perspectives. London: Bloomsbury Academic, 2014.
12. Chilton P.A. Analysing political discourse: theory and practice. London: Routledge; Taylor & Francis, 2004.
13. Fairclough I., Fairclough N. Political Discourse Analysis. A Method for Advanced Students. London: Routledge, 2012.
14. Павлина С.Ю. Реализация персуазивной стратегии в американском электоральном дискурсе сквозь призму перевода // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2021. № 2(42). С. 66–74. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2021.42.2.07>
15. Ларионова М.В. Лингвосомиотика электорального дискурса (на материале избирательных кампаний в Испании в 2023 году) // Political Linguistics. 2024. № 3. С. 21–32.
16. Chaney P. Electoral discourse and formative structural narratives of welfare divergence in multi-level systems: homelessness policy in UK elections 1970–2011 // Journal of International and Comparative Social Policy. 2013. № 29(1). С. 28–47.
17. Benoit W.L. Topic of presidential campaign discourse and election outcome // Western Journal of Communication. 2003. № 67(1), 97–112.
18. Засурский И.И. Массмедиа второй республики. М.: Изд-во Московского университета, 1999.
19. Попова О.В. Метафора как когнитивное средство создания визуальной образности // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2017. № 7(256). С. 194–198.
20. Чернявская В.Е., Молодыхенко Е.Н. Речевое воздействие в политическом, рекламном и интернет-дискурсе. М.: ЛЕНАНД, 2017.
21. Чулкина Н.Л., Макашова В.В. Визуальные метафоры в педагогическом дискурсе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 1. С. 211–231. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-1-211-231>
22. Исакова Е.М., Крюкова Н.Ф. Визуальная метафора и способы её идентификации // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2021. № 4(71). 95–100. <https://doi.org/10.26456/vtfilol/2021.4.095>
23. Большакова Л.С. Когнитивный механизм создания визуальной метафоры (на материале англоязычных музыкальных видеоклипов) // Современные проблемы науки и образования. 2008. № 2.

24. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс. Теория метафоры. М., 1990.
25. Словицова Е.Л., Ельцова М.Н. Синергетические категории дискурса (на материале рекламного дискурса) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2012. № 2(18). С. 67–83
26. Roa-Castellanos R.A. La política de colores: ¿Partidos naranja? Universidad del Rosario. Режим доступа: <https://urosario.edu.co/revista-nova-et-vetera/columnistas/la-politica-de-colores-partidos-naranja> (дата обращения: 09.07.2024).
27. Austin J.L. How to do things with words. Oxford, 1962.
28. Hall S. Encoding, decoding in the television discourse. Culture, Media, Language. London: Hutchinson, 1980.

References

1. Larionova, M.V. & Demkina, A.V. (2021). Hashtag as a Linguocognitive Unit of Spanish Political Discourse. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(3), 774–788. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-3-774-788> (In Russ.).
2. Budaev, E.V. (2016). Critical analysis of political discourse: main trends of contemporary foreign research. *Political linguistics*, 6(60), 12–17. (In Russ.).
3. Vershinin, M.S. (2001). *Political communication in information society*. Saint Petersburg: Mikhailov V.A. Publ. (In Russ.).
4. Klyuev, Yu.V. (2010). *Political discourse in mass communication: analysis of public political interaction*. St.Petersburg: SPBU Publ. (In Russ.).
5. Mikhaleva, O.L. (2009). *Political discourse: Specificity of manipulative influence*. Moscow: Library House. (In Russ.).
6. Chernyavskaya, V.E. (2014). *The discourse of power and the power of discourse: problems of speech influence*. Moscow: Flint-Media. (In Russ.).
7. Chudinov, A.P. (2006). *Political linguistics*. Moscow: Flinta, Nauka. (In Russ.).
8. Sheigal, E.I. (2004). *Semiotics of political discourse*. Moscow: Gnosis. (In Russ.).
9. Dijk, T.A. van. (2006). *Discourse and manipulation*. London: SAGE Publ.
10. Farrelly, M. (2015). *Discourse and Democracy. Critical Analysis of the Language of Government*. London: Routledge.
11. Hart, C. (2014). *Discourse, Grammar and Ideology. Functional and Cognitive Perspectives*. London: Bloomsbury Academic.
12. Chilton, P.A. (2004). *Analysing political discourse: theory and practice*. London: Routledge; Taylor & Francis.
13. Fairclough, I. & Fairclough, N. (2012). *Political Discourse Analysis. A Method for Advanced Students*. London: Routledge.
14. Pavlina S.Yu. (2021). Translation Perspective on Persuasive Strategy Implementation in American Pre-Electoral Discourse. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 2(42), 66–74. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2021.42.2.07> (In Russ.).
15. Larionova, M.V. (2024). Linguosemiotics of Electoral Discourse (A Study of the Election Campaigns in Spain, 2023). *Political Linguistics*, 3(105), 21–32. (In Russ.).
16. Chaney, P. (2013). Electoral discourse and formative structural narratives of welfare divergence in multi-level systems: homelessness policy in UK elections 1970–2011. *Journal of International and Comparative Social Policy*, 29(1), 28–47.
17. Benoit, W.L. (2003). Topic of presidential campaign discourse and election outcome. *Western Journal of Communication*, 67(1), 97–112.
18. Zasursky, I.I. (1999). *Mass media of the second republic*. Moscow: MSU Publ. (In Russ.).
19. Popova, O.V. (2017). Metaphor as a cognitive tool for creating visual imagery. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 7(256), 194–198. (In Russ.).
20. Chernyavskaya, V.E. (2017). *Speech influence in political, advertising and Internet discourse*. Moscow: Lenand. (In Russ.).

21. Chulkina, N.L. & Makashova, V.V. (2024). Visual Metaphors in Pedagogical Discourse. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 15(1), 211–231. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-1-211-231> (In Russ.).
22. Isakova, E.M. & Kryukova, N.F. (2021). Visual metaphor and ways of its identification. *Vestnik TvGU Series: Philology*, 4(71), 95–100. <https://doi.org/10.26456/vtfilol/2021.4.095> (In Russ.).
23. Bolshakova, L.S. (2008). Cognitive mechanism of creating visual metaphors in English musical video clips. *Modern Problems of Science and Education*, 2. (In Russ.).
24. Arutyunova, N.D. (1990). Metaphor and discourse. *Theory of metaphor*. Moscow. (In Russ.).
25. Slovikova, E.L. & Eltsova, M.N. (2012). Synergetic categories of discourse (advertising discourse data). *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*, 2(18), 67–83. (In Russ.).
26. Roa-Castellanos, R.A. (2018). La política de colores: ¿Partidos naranja? *Universidad del Rosario*. URL: <https://urosario.edu.co/revista-nova-et-vetera/columnistas/la-politica-de-colores-partidos-naranja> (accessed: 09.07.2024).
27. Austin, J.L. (1962). *How to do things with words*. Oxford.
28. Hall, S. (1980). *Encoding, decoding in the television discourse. Culture, Media, Language*. London: Hutchinson.

Сведения об авторах:

Ларионова Марина Владимировна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры испанского языка, Московский государственный институт международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации — Университет МГИМО МИД России (119454, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76); *сфера научных интересов*: испанский медийный и политический дискурс; *e-mail*: larionova.m@list.ru

ORCID: 0000-0001-6466-7363; Scopus Author ID: 57207834882; SPIN-код: 5303-1160; Author ID: 365254; Researcher ID: E-3214-2016.

Мосина София Константиновна, аспирант, преподаватель кафедры испанского языка, Московский государственный институт международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации — Университет МГИМО МИД России (119454, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76); *сфера научных интересов*: политический дискурс; *e-mail*: sophiemosina@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-0569-9717; SPIN-код: 4201-8787; Author ID: 927655.

Information about the authors:

Marina V. Larionova, Dr. Sc. (Philology), Prof., Department of Spanish Language, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation — MGIMO University (76, Vernadsky ave., Moscow, Russian Federation, 119454); *Research interests*: Spanish media and political discourse; *e-mail*: larionova.m@list.ru

ORCID: 0000-0001-6466-7363; Scopus Author ID: 57207834882; SPIN-code: 5303-1160; Author ID: 365254; Researcher ID: E-3214-2016.

Sofia K. Mosina, PhD Student, lecturer at the Department of Spanish Language, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation — MGIMO University (76, Vernadsky ave., Moscow, Russian Federation, 119454); *Research interests*: political discourse; *e-mail*: sophiemosina@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-0569-9717; SPIN-code: 4201-8787; Author ID: 927655.